МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.В. Жилякова

ЖУРНАЛИСТИКА ГОРОДА ТОМСКА (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА): СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Издательство Томского университета
2011

УДК 070(571.16)
ББК 76.12
Ж 72

Научные редакторы – д-р филол. наук *Л.П. Громова*
д-р ист. наук *Н.М. Дмитриенко*

Рецензенты:
д-р ист. наук *Г.С. Криницкая*
д-р филол. наук *О.И. Лепилкина*

Жилякова Н.В.
Ж72 Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 446 с.

ISBN 978-5-7511-2044-3

Впервые подробно рассматриваются вопросы возникновения и развития официальных и частных периодических изданий Томска, характеризуется авторский состав органов печати, выясняется роль областнической идеологии как фактора самоопределения сибирской печати. Журналистика Томска исследуется в контексте развития общероссийской и сибирской периодики XVIII – начала XX века.

Для историков, журналистов, краеведов, студентов и преподавателей гуманитарных специальностей, а также для тех, кто интересуется историей Томска и томской журналистики.

УДК 070(571.16)
ББК 76.12

ISBN 978-5-7511-2044-3

© Н.В. Жилякова, 2011
© Томский государственный университет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 4
ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИБИРСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (XVIII – НАЧАЛО XX в.) 9
ГЛАВА 2. ОФИЦИАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ТОМСКА 35
Условия возникновения и развития периодической печати в городе Томске 35
«Томские губернские ведомости»: первенец томской периодики 38
Ведомственные и специальные газеты и журналы Томска в конце XIX – начале XX века 99
ГЛАВА 3. ТОМСКИЕ ЧАСТНЫЕ ГАЗЕТЫ 128
Первое частное издание Томска «Сибирская газета» 128
Издание второй частной томской газеты «Сибирский вестник» 161
Полемика в печати по вопросам «сибирефильства» 193
Неосуществленные издания Томска 215
Становление массовой газеты: «Томский справочный листок» – «Томский листок» – «Сибирская жизнь» 231
Новые томские газеты начала XX века 278
ГЛАВА 4. ТОМСК ЖУРНАЛЬНЫЙ 318
ГЛАВА 5. СОБЫТИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ В ОСВЕЩЕНИИ ТОМСКОЙ ПРЕССЫ 357
Особенности освещения революционных событий 1905 года 357
«Толстовские дни» в томской прессе 1910 года 386
ПОСЛЕСЛОВИЕ 426
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 431
ПРИЛОЖЕНИЕ. Периодические издания Томска (1857–1916 гг.) 442

ПРЕДИСЛОВИЕ

Появление современных исследований, посвященных развитию местной журналистики в разных регионах России, связано с актуализацией вопросов «локальной истории», осознанием в обществе ценности региональных и местных изданий наряду с общероссийскими. Система периодической печати дореволюционной России включала в себя провинциальную периодику как необходимую часть, однако местная печать оставалась на периферии исследовательских интересов, ее заслоняли яркие представители столичной журналистики, универсальные и специализированные газеты и журналы. Журналистика российских регионов была «фоном», на котором разворачивалась история ведущих органов периодики, происходила их борьба с цензурой, освещались судьбоносные события российской истории.

Однако для российской провинции, для каждого региона собственные органы периодики были уникальными, их история не менее интересна и драматична, чем у общероссийских изданий, а материал, публикуемый на страницах местной прессы, отражал процессы формирования регионального самосознания, рост гражданских запросов читателей, становился летописью отдельных губернских и уездных центров, городов и сел.

В этом отношении интересно проследить формирование и развитие газетно-журнальной периодики сибирского города Томска, центра одной из самых крупных российских губерний. Являясь частью «большой» общерусской журналистики, сибирская печать формировалась под влиянием местных особенностей и в то же время развивалась в русле российской периодики.

Хронологически данное исследование очерчено двумя событиями. Одно – местного значения, это начало издания в Тобольске первого сибирского журнала «Иртыш, превращающий в Ипрокрену» в 1789 году. Второе – общероссийского масштаба: Революция 1917 года, изменившая государственный строй России, уклад ее жизни и, соответственно, «лицо» российской – сибирской – томской прессы. С 1857 по 1916 год включительно журналистика Томской губернии развивалась посту-

пательно и эволюционно, с течением времени приобретая черты системности, заполняя разнообразные «ниши» газетного и журнального рынка. Это позволяет говорить о дореволюционном периоде развития томской журналистики как едином процессе, обладающем своей логикой и дробящемся внутри на более мелкие этапы.

Нужно отметить, что журналистика Томска не была обойдена вниманием исследователей и журналистов. В газетных и журнальных статьях о сибирской и томской прессе не раз писали такие именитые авторы, как Н.М. Ядринцев, П.М. Головачев, Ф.В. Волховский, Г.Н. Потанин и др. О роли провинциальной газеты в формировании общественного мнения, об особенностях местных органов часто размышляли журналисты томской «Сибирской газеты»: за неполные 8 лет издания в ней было опубликовано 11 передовых статей под характерными заголовками «Провинциальная печать», «О задачах печати», «Задачи сибирской официальной печати», «Как создается репутация провинциальной печати»[1] и другими. С 1890-х гг. к изучению сибирской журналистики обратились столичные исследователи-библиографы, в частности В.И. Межов и Н.М. Лисовский[2].

Первым по времени обобщающим исследованием томской журналистики стала работа В.М. Крутовского «Периодическая печать в Томске»[3]. Автор рассматривал вопросы возникновения сибирской журналистики, историю первых газет Сибири («Амур», «Сибирь»), но главным образом он останавливался на зарождении и развитии томской газетной и журнальной прессы. К числу обобщающих работ, охватывающих значительный период развития томской журналистики, относится также книга А.В. Адрианова[4].

Как правило, авторы книг и статей о томской прессе были либо непосредственными участниками описываемых изданий, либо хорошо знакомы с теми публицистами, чью деятельность они анализировали. Не случайно их работы полны живыми наблюдениями, деталями, позволяющими воссоздать атмосферу газетно-журнальной полемики в

---

[1] См.: *Сибирская* газета. Томск. 1881. № 2; 1884. № 11; 1886. № 3; 1887. № 16; и др.

[2] *Межов В.И.* Сибирская библиография. СПБ., 1891–1892. Т. 3; *Лисовский Н.М.* Русская периодическая печать 1703–1900 (Библиография и графические таблицы). СПБ., 1895–1915. Вып. 1– 3.

[3] *Крутовский В.* Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск: Сибирское товарищество печатного дела, 1912. С. 279–293.

[4] *Адрианов А.В.* Периодическая печать в Сибири. С указателем изданий в 1918 году. Томск, 1919.

Томске, понять расстановку приоритетов, выяснить симпатии и антипатии авторов.

С установлением в Сибири власти Советов (с завершением Гражданской войны) изменился и круг авторов, писавших о сибирской журналистике, и характер и тематика их выступлений. В статьях Ф.Г. Виноградова, Б.З. Шумяцкого, М.К. Азадовского раскрывалась роль политических ссыльных в культурной жизни Сибири, в развитии томской и сибирской журналистики; рассматривалось возникновение рабочей и нелегальной печати[1]. В изданной на рубеже 1920–1930-х гг. «Сибирской советской энциклопедии» появились первые работы об отдельных газетах, о журналистах, о литературных альманахах, журналах, включавших анализ томских органов периодики[2].

Интерес к изучению и освещению периодики возобновился после долгого перерыва (с конца 1950-х гг.[3]). Дореволюционная томская печать изучалась в рамках исследования истории Сибири: так, в третьем томе академического издания «История Сибири» (Л., 1968) были помещены материалы Ф.А. Кудрявцева о периодической печати. Периодическая печать Томска исследовалась Л.П. Рощевской и Р.Г. Круссером, избравшими предметом изучения народническую ссылку в Сибири[4]. В двухтомнике «Очерки русской литературы Сибири» (Новосибирск, 1982), подготовленном Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР, достойное место занял Томск как центр развития литературы, журналистики и литературной критики в Сибирском регионе. Авторы «Очерков…» – В.Г. Одиноков, Л.П. Якимова, Е.А. Куклина, Б.А. Чмыхало, А.С. Янушкевич, Ф.З. Канунова – продолжали разраба-

---

[1] *Виноградов Ф.Г.* Рабочая печать в Сибири (исторический очерк) // Из прошлого Сибири. Омск, 1927; *Шумяцкий Б.В.* В сибирском подполье. Очерки 1903–1908. М.; Л., 1926. X и XII; *Шумяцкий Б.* Работа Верхнеудинской организации РСДРП в 1906 // 1905 год в Прибайкалье. Верхнеудинск, 1925; *Азадовский М.* Обзор библиографии Сибири. Томск, 1920; *Азадовский М.К.* Рукописные журналы в Восточной Сибири в первой половине XIX века. [Б.м., Б.г.]. С.275–286.

[2] См. напр.: *Газеты* // Сибирская советская энциклопедия: В 4 т. Новосибирск: Сиб. краевое из-во, 1929. Т. 1. Стб. 591–666; *Адрианов* Александр Васильевич // Там же. Стб. 28–29; *Горные* и золотопромышленные известия // Там же. Стб. 695; *Альманахи* литературные // Там же. Стб. 91–92; и др.

[3] См.: *Беляев Л.Н.* Библиография периодических изданий России 1901–1916. Л., 1958–1961. Т. 1–3.

[4] См. напр.: *Рощевская Л.П.* Ф.В. Волховский – сотрудник «Сибирской газеты» // Вопросы истории и теории литературы: Научные труды Тюменского гос. ун-та. Тюмень, 1975. № 14. С. 84–95; *Она же.* Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л., 1983. 177 с.; *Круссер Р.Г.* Политическая ссылка и «Сибирская газета» (1881–1888) // Сибирские огни. Новосибирск, 1969. № 3. С. 142–151; *Он же.* Негласный редактор «Сибирской газеты» // Огни Кузбасса. Кемерово, 1978. № 3. С. 72–79.

тывать тему литературной критики Сибири в ряде сборников, изданных в 1980-х годах. Часть материалов этих сборников была посвящена томской литературе и журналистике.

Вышли первые специальные исследования, посвященные журналистике Сибири – работы Л.Л. Ермолинского, Л.С. Любимова, С.И. Гольдфарба[1]. В этих исследованиях томская журналистика изучается как значительная часть общей системы сибирской периодики, анализируется содержательная часть томских газет, общественно-политическая позиция изданий. Для исследования томской журналистики особенно важным было издание томов «Литературного нследства Сибири», посвященных литературному и публицистическому наследию Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина[2].

Среди изданий, посвященных культуре, литературе, журналистике Сибири, особое место занимает сборник «Русская книга в дореволюционной Сибири. Читательские интересы сибиряков» (Новосибирск, 1990). В нем проясняются вопросы распространения литературы и периодики – общерусской, сибирской, томской – в разных слоях населения Сибири.

Для нового постсоветского периода российской истории характерен все возрастающий интерес к изучению общественной жизни, к истории периодики как важной составляющей общественного развития в XIX – начале XX века[3]. О влиянии сибирской периодической печати на жизнь населения, административное управление пишут Г.А. Казарина, Н.Н. Морозова, Н.П. Матханова, М.В. Шиловский, В.В. Воробьев, А.Г. Козлов, Ю.Л. Мандрика. Вопросам развития томской периодики, деятельности томских журналистов XIX – начала XX века посвящены отдельные работы Ф.З. Кануновой, Э.М. Жиляковой, Н.А. Амельянчик, Н.Е. Разумовой, Н.М. Дмитриенко, Е.Н. Косых и др.

Стали издаваться крупные специальные работы, раскрывающие проблемы становления и развития сибирской журналистики. В 2002 г. вышла монография С.И. Гольдфарба, в которой он обращается к изуче-

---

[1] *Ермолинский Л.Л.* Сибирские газеты 70–80-х годов XIX века. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985**.** 136 с.; *Любимов Л.С.* История сибирской печати. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. 78 с.; *Гольдфарб* С.И. Д.А. Клеменц – революционер, ученый, публицист. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 172 с.

[2] Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. книжное изд-во, 1979–1986. Т. 4–7.

[3] См. напр.: *Периодическая* печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.): Указатель газет и журналов / Сост. И.Г. Мосина, Е.Н. Косых; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 96 с.

нию газетной периодики Сибири XIX – начала XX в.[1] В ней продемонстрирован современный подход к разработке «сибирики» – пересмотр классификации газет с точки зрения характера их собственности, корректировка принятых оценок некоторых сибирских изданий.

Следует отметить подготовку и издание Л.Л.Любимовым хрестоматии «История сибирской печати XVIII – начала XX вв.», в которую вошли 120 текстов дореволюционных сибирских публицистов[2], а также бурную исследовательскую и издательскую деятельность, развернутую в Тюмени Ю.Л. Мандрикой: в своем издательстве он выпустил несколько томов материалов «Тобольских губернских ведомостей», сборник «Российская провинциальная частная газета[3].

В 2007 г. в Томском государственном университете состоялась конференция, посвященная 150-летию периодической печати в Сибири, по материалам которой вышел сборник статей[4]. Авторы этого сборника – О.А. Харусь, В.В. Швецов, П.П. Румянцев, А.Н. Жеравина и др. – осветили ряд вопросов истории журналистики, доказали, что томские газеты и журналы предоставляют богатейший материал для исследований практически по всем областям и сферам человеческой жизни.

Однако, несмотря на давний интерес к проблеме и немалые успехи в ее освещении, необходимо отметить, что обобщающего труда по истории томской журналистики до сих пор нет. Настоящее издание призвано восполнить пробел, обобщить имеющиеся сведения по истории дореволюционной томской журналистики, по подлиникам газет и журналов выявить основные тенденции ее развития, взаимосвязь с сибирской и «большой» русской журналистикой XIX – начала XX века.

Автор благодарит за неоценимую помощь в работе над книгой профессора Томского государственного университета Э.М. Жилякову и благословляет судьбу за тех «трех китов», на которых держится ее мир: семью, редакцию газеты «Alma Mater» и Томский государственный университет.

---

[1] *Гольдфарб С.И.* Газетное дело в Сибири: Первая половина XIX – нач. XX в. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. 312 с.

[2] *История* сибирской печати XVIII – начала XX в. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2004. Т. 1–5.

[3] *Российская* провинциальная частная газета / Сост. Л.Е. Кройчик; под ред. Л.Е. Кройчик и Ю.Л. Мандрики. Тюмень: Мандр и Ка, 2004. 432 с.

[4] *150 лет* периодической печати в Сибири: Материалы региональной научной конференции, посвященной 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.) Томск: ТМЛ-Пресс, 2007. 294 с.

ГЛАВА 1

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИБИРСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (XVIII – НАЧАЛО XX в.)

Российская дореволюционная журналистика прошла долгий путь – от рукописной газеты «Вестовые письма» и первых печатных петровских «Ведомостей» до миллионных тиражей «Русского слова» и многоликой партийной печати в период Революции 1917 года. Особенностями русской журналистики была ее тесная связь с литературным процессом, стремление к энциклопедичности и просветительству, что выразилось на типологическом уровне в становлении и господстве на протяжении всего XIX века «толстого» журнала. Многочисленные цензурные запреты привели к широко употребляемому в изданиях «эзоповскому языку», который легко «расшифровывал» русский читатель.

Спецификой российской периодической печати была также ее «многослойность», обусловленная громадностью российской территории. Газеты и журналы выходили на всем пространстве страны – от Польши и Кавказа до Дальнего Востока. Однако мощная централизация российской жизни привела к тому, что ведущими изданиями были только столичные органы печати, являющиеся главными поставщиками информации по всей России. Периодическая печать провинции зародилась позже (первым провинциальным частным изданием стал журнал «Уединенный пошехонец», он выходил в Ярославле в течение 1786 года), развивалась более медленными темпами и привлекала меньшее внимание исследователей, чем столичная журналистика.

Журналистика Сибири, являющаяся частью системы периодической печати России, на протяжении XVIII–XIX вв. формировалась с учетом региональной специфики, проходя этапы развития, сопоставимые с общероссийскими. Для того чтобы выделить эти этапы, необходимо обратиться к периодизации российской дореволюционной журналистики.

Принятая в советской исследовательской литературе периодизация российской истории с опорой на сформулированные В.И. Лениным этапы «освободительного движения» в России в последние 10–15 лет вызывает обоснованную критику. Так, автор многочисленных учебников и учебных пособий, профессор МГУ Б.И. Есин призывает современных ученых «отказаться от деления прошлого по идеолого-политическому принципу, перестать жестко увязывать историю развития печати с историей революционного, освободительного движения, которую предложил В.И. Ленин, а еще раньше наметил Н.П. Огарев (см. статью “Надгробное слово”)»[1]. Б.И. Есин предлагает свой взгляд на периодизацию истории русской журналистики. Он рассматривает эту проблему на двух уровнях: макро- и микропериодизации. Первый макропериод (1702–1917 гг.) характеризуется Есиным как «один общий (эволюционный) период. Журналистика развивается в неизменных параметрах самодержавия и наличия частной собственности»[2].

Что же касается микропериодизация, то Б.И. Есин обращает внимание на то, что «каждый из… периодов может быть разбит на несколько отрезков, "подпериодов". Здесь важен выбор основания, принцип деления: это будут исторические события, идеология, характер освободительного движения, развитие экономики или собственно закономерностей развития самой журналистики (видов, типов, СМИ). <…> Выбор зависит от цели, задачи исследователя, вузовского преподавателя»[3]. Исследователь отмечает также, что «сейчас господствует наиболее простая и надежная хронологическая периодизация по десятилетиям. Ее стоит сохранить в том или ином виде. Но лучше совместить два принципа, два основания: хронологический и типологический»[4].

В итоге Б.И. Есин предлагает такое типо-хронологическое деление, согласно которому определен начальный период русской журналистики – XVIII век. При этом в первой половине XVIII века зародилась государственная правительственная печать, во второй половине – частная журналистика. Следующий период (XIX в.) – дореформенная журналистика и пореформенная журналистика. Внутри этого периода, до 1830-х гг., происходило формирование системы печати как сочетания журнала и газеты («Вестник Европы», «Сын Отечества», «Север-

[1] *Есин Б.И.* Основные этапы 300-летней истории русской журналистики // Есин Б.И. Очерки: О настоящем и прошлом отечественной журналистики. М.: МедиаМир, 2007. С. 15.

[2] *Там же*. С. 22.

[3] *Там же.* С. 23.

[4] *Там же.*

ная почта», «Северная пчела»), преимущественно частных изданий, энциклопедического журнала.

В 1830–1860-х гг. появился «толстый» ежемесячный журнал, общественно-литературный и общественно-политический, сложились первые свободные издания в эмиграции. С 1860-х до конца 1880-х гг. газета формируется как второй основной вид периодической печати, складываются основные типы газет.

Последний отрезок микропериодизации, предложенный Б.И. Есиным, это конец 1890-х гг. – 1910-е гг., когда происходило формирование журналистики по интересам и разной периодичности, появление открытой партийной журналистики, первых издательских концернов[1].

Говоря о сибирской журналистике, необходимо отметить ее специфику, которую во многом обусловило особое положение Сибири в составе России, и прежде всего то, что Сибирь издавна служила местом ссылки. Более того, по мнению современных авторов, «история ссылки и каторги в Сибири начинается едва ли не с ее присоединения к России»[2]: Разбойный приказ, который занимался ссылкой за Урал беглых крестьян, участников народных выступлений и уголовных преступников, был учрежден в Тобольске еще в 1586 году. Согласно «Соборному уложению» 1649 года, которое узаконило ссылку, были определены и ее основные места – прибрежные зоны Лены и Якутск, малозаселенные районы Восточной Сибири, позже ссыльные стали размещаться и в Западной Сибири.

Для российского правительства ссылка была, во-первых, мерой наказания, во-вторых, «одной из форм земледельческой колонизации Сибири» и, в-третьих, «источником получения рабочей силы для казенных заводов и рудников». В итоге Сибирь воспринималась царским правительством как пустынный и неразвитый край, из которого можно было черпать природные богатства, а взамен ссылать сюда уголовных и политических ссыльных.

Образ Сибири как места ссылки прочно вошел в литературу и устную мифологию уже в начале XIX века: «переход через Уральские горы вольными и невольными путешественниками окрашивался сильными эмоциями, как вступление не просто в новое неведомое географическое пространство, но в другую жизнь. Ссылка в Сибирь многими

---

[1] См.: *Есин Б.И.* Указ. соч. С. 15–23.

[2] *Сибирь* в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 271.

воспринималась равносильной смерти»[1]. Но наряду с представлением о Сибири как о крае холода и мрака, безысходных страданий, стране, населенной уголовными ссыльными, в народном сознании существовал образ Сибири, свободной от крепостничества, с богатой природой и вольными землями. Эта двойственность восприятия Сибири не изжита и сейчас, в начале XXI века.

Если относительно уголовной ссылки у исследователей есть разные мнения, то относительно политической расхождений практически нет: большинство признает сугубо положительное влияние политических ссыльных на сибирское общество, поскольку среди них «было много людей образованных, оставивших значительный след в культурном развитии края. Трудно переоценить их вклад в научное изучение Сибири, роль в ознакомлении образованных кругов России и Европы с историей и современным состоянием восточных окраин страны. Уже одно общение с такими ссыльными содействовало расширению кругозора сибиряка, формированию его общественных и культурных запросов и вкусов»[2].

Особенность Сибири в составе России определялась и слабой заселенностью, и недостаточностью хозяйственного освоения сибирских земель. И, возможно, как самое главное, тем, что «сибирский регион – это не только историко-географическая или политико-административная реальность, но и ментальная конструкция, с трудно определимыми и динамичными границами»[3].

Относительно места и времени возникновения периодической печати в Сибири споров практически не возникает: 1790 год, город Тобольск.

Имевший статус крупнейшего административного, культурного и экономического центра Западной Сибири, Тобольск в конце XVIII века представлял собой классическое «областное культурное гнездо»[4]. Тобольск был центром наместничества, в котором проживало 80 процентов сибирского населения, в городе действовали банковская контора, сибирский почтамт, 4 учебных заведения, в том числе Главное народное училище с большой библиотекой. Местные чиновники, офицеры военного гарнизона, учителя и некоторые ссыльные проявляли живой интерес к литературе, к новинкам русской и зарубежной журналисти-

---

[1] *Сибирь* в составе… С. 24.
[2] *Там же.* С. 284.
[3] *Там же.* С. 13.
[4] *Пиксанов Н.К.* Областные культурные гнезда. М.; Л.: Госуд. изд-во, 1928.

ки[1]. Именно в Тобольске были составлены первые сибирские летописи, историк и топограф С.У. Ремезов создал первый в России географический атлас Сибири, а К.Л. Черепанов собрал крупнейшую частную библиотеку. Благодаря указу Екатерины II о «вольных типографиях» тобольскому купцу Василию Корнильеву удалось приобрести печатный станок, и в 1789 году он открыл первую в Сибири типографию. В этой типографии, кроме книг, издавался первый сибирский журнал – «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», а также сборники – «Журнал исторический, выбранный из разных книг» (1790) и «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателя».

Если проводить параллели с возникновением российской журналистики в начале XVIII века, то обнаруживаются любопытные несовпадения в роде и типе изданий, ознаменовавших начало развития периодики. В центре страны журналистика началась «свыше», по приказу Петра I, повелевшего издавать «Ведомости о делах московского государства». Первым российским изданием была газета, имевшая официальный характер. В Сибири журналистика началась в частном порядке, и первым изданием стали журналы. Целью их было просвещение сибирского читателя и его эстетическое воспитание: знакомство с переводной и отечественной исторической, философской, художественной литературой, демонстрация образцов поэтического творчества местных сибирских поэтов, привлечение к сотрудничеству образованной публики, заинтересованной в публикации собственных сочинений.

Уже на первом этапе развития сибирской журналистики ярко проявилась такая ее особенность, как тесная связь со ссылкой. Несмотря на то что официальным издателем журнала выступило Главное народное училище Тобольска, большую роль в организации этого издания сыграл Панкратий Платонович Сумароков, который попал в Сибирь как ссыльный. Образованный, опытный в издательском деле, литературно одаренный и обладающий организаторскими способностями, племянник знаменитого русского поэта А.П. Сумарокова стал одним из важнейших «двигателей» сибирской периодики. Основными сотрудниками «Иртыша…» были учителя и ученики Тобольского народного училища – Т. Воскресенский, И. Лафинов, И. Трунин и др., а также прокурор Тобольского наместничества И.И. Бахтин, сержант гвардии

[1] См.: *Любимов Л.С.* История сибирской печати… С. 4.

Бауэр, учитель Бельшев из Иркутска и другие представители зарождающейся сибирской интеллигенции.

Тираж «Иртыша, превращающегося в Ипокрену» составлял 300 экземпляров, но на деле подписчиков было гораздо меньше, около 186 человек. В журнале главное место занимали литературные произведения: оды, эпиграммы, басни, стансы, сказки, притчи, переводы. Местный материал был представлен в основном текстами публичных выступлений: «Речь, говоренная при открытом испытании учителем Васильем Прутковским 1789 года декабря 29»[1], «Речь, говоренная при открытии Тобольского главного народного училища учителем высших классов Тимофеем Воскресенским 1789 года июля 3 дня»[2] и т.д. Исследователи также отмечают преобладание переводных материалов – с французского, немецкого, латинского языков – и «прогрессивную тенденцию тобольских журналов», которая «выражалась в осуждении социальной несправедливости, злоупотребления властью со стороны крепостников, невежества, ябедничества и др.»; «она пронизывает всю тематику сатирических произведений сибирских журналистов»[3].

Сибирский историк П.А. Словцов отзывался о первых сибирских журналах довольно резко: «Вместо того чтобы заняться сообщением современных в Сибири происшествий, изложением местных исторических отрывков или описаний торговли, хлебопашества и вообще хозяйственного быта, издатели пустились обезьянничать в словесности и поэзии пошлой»[4]. В начале XX века с критическим настроем Словцова оказался солидарен и автор материалов по истории Сибири и сибирской журналистики П.М. Головачев, который считал, что возникновение тобольских журналов в конце XVIII века «объясняется не органической потребностью в печатном слове, а случайными совпадениями нескольких благоприятных обстоятельств»[5].

Необходимо, однако, попытаться «реабилитировать» создателей первых сибирских журналов.

Уже на этапе своего возникновения сибирская журналистика оказалась в ситуации «диахронности» развития. Эту особенность российской провинции применительно к литературному процессу красноярский исследователь К.В. Анисимов объяснил следующим образом:

---

[1] *Иртыш*, превращающийся в Ипокрену. 1789. Декабрь.

[2] *Иртыш*, превращающийся в Ипокрену. 1789. Сентябрь.

[3] *Любимов Л.С.* История сибирской печати. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. С. 10.

[4] *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. М., 1838. Кн.1. С. 576–577.

[5] *Головачев П.М.* Прошлое и настоящее сибирской печати // Восточное обозрение. Иркутск, 1903. 3 янв.

«концепт “провинции” и “провинциальности” (встречающийся, кстати, далеко не в каждой стране) порождается исторически сложившейся сверхцентрализованностью Российского государства. <…> В результате возникает ситуация, когда друг другу противостоят не два равноправных полюса, но единственный центр и “задавленная” им окраина. Диалог между неравными полюсами обычно приводит к тому, что противостоящие стороны оказываются на разных временных стадиях развития: с центром связываются понятия “современности”, “моды”, “новизны”; с провинцией – “косности” и “архаики”. Культура провинции, следовательно, оказывается в условиях очень противоречивого диахронического развития. С одной стороны, у нее есть собственная, присущая любому историческому процессу, стадиальность, с другой стороны, перед ней постоянно присутствует “раздражающий” коррелят ввиду, как правило, опережающего стадиального развития центра»[1].

Действительно, с одной стороны, сибирская журналистика возникла в ситуации естественного расцвета «областного культурного гнезда» – Тобольска – и в этом смысле явилась для Сибири логическим и новаторским событием. С другой – она появилась «на фоне» достижений «большой» русской журналистики (и литературы) и сразу оказалась «вторичной», «провинциальной», «отстающей» почти на век от общероссийских журналов. Отсюда и претензии П.А. Словцова по поводу «обезьянничания», т.е. подражательности сибирских авторов по отношению к общероссийским.

Но сибирская журналистика появилась в Тобольске «не на пустом месте», ей предшествовала литературная традиция – прежде всего летописная. Историки отмечают, что «большое место в сибирской литературе занимают летописи, в большинстве своем представляющие творчество самих сибиряков»: сибирская летописная традиция «уходит своими корнями в начало XVII в., к “Написанию, како приидоша в Сибирь”, составленному, очевидно, непосредственными участниками похода Ермака»[2]. В 1636 году первым сибирским писателем, подъячим из Тобольска Саввой Есиповым была составлена Есиповская летопись. Авторство же Строгановской летописи, прославившей деяния купцов-солепромышленников по освоению Приуралья и Сибири, пока не установлено.

---

[1] *Анисимов К.В.* Круг идей и эволюция сибирской прозы начала XX века: автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 1998. С. 12.

[2] *История* Сибири: Учебное пособие / Ред. З.Я. Бояршинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 250.

Среди русского населения в Сибири широко распространялась церковная литература, были хорошо известны исторические повести (о Мамаевом побоище, о взятии Царьграда турками) и исторические песни: о Ермаке, о взятии Казани, о Степане Разине. Кроме того, «русское население принесло в Сибирь былины, песни и предания; сохраняя старые, главным образом северо-русские, традиции, приобретали местные черты»[1].

Поэтому вполне логично, что журналы в Сибири (как и в центре России) наполнялись прежде всего литературным материалом: образованное население было заинтересовано в знакомстве с творчеством как европейских, так и русских, и местных литераторов. С другой стороны, первые сибирские журналы развивались в русле общероссийской тенденции к сатирическому наполнению периодических изданий. По свидетельству томских историков, сатирическая литература издавна была распространена в Сибири. За чтение рукописи «о титуле султана турецкого», сатиры XVII века, сибирский иеромонах Вассиан был наказан ста ударами плетьми. Известно также, что якутскому купцу Ф.В. Макарову принадлежал рукописный сборник русской сатиры XVII – XVIII веков – повести о Ерше Ершовиче, о Шемякином суде, о куре и лисице, «Гимн бороде» М.В. Ломоносова и повесть сибирского происхождения «Гистория о купце». В середине XVIII века были написаны сатирические стихи «Эпиграммы о городе Красноярске» и «Стихи о плеши» (сатира на красноярского полицмейстера), получившие широкое распространение среди жителей Красноярска)[2].

У местного общества была потребность и необходимость выразить себя в поэтическом и публицистическом слове, что и удалось сделать в первых сибирских журналах. Несмотря на то что тираж журналов не распространялся среди читателей так, как задумывалось издателями, прекратились они не из-за отсутствия подписчиков, а в связи с реалиями российской действительности – закрытием «вольных типографий» указом Екатерины II от 16 сентября 1796 года. Тобольское «культурное гнездо» стало терять свое значение, а в сибирской журналистике наступил длительный перерыв, «глухие годы», как назвала их исследователь Е.А. Куклина, «когда десятилетиями не выходили ни газеты, ни журналы»[3]. Однако литературная мысль, «разбуженная» первыми

---

[1] *История* Сибири... С. 251.

[2] См.: *Там же*.

[3] *Куклина Е.А.* Летопись сибирской периодики 1857–1916 гг. // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 214.

сибирскими журналами, требовала собственной трибуны. Выход был найден в сотрудничестве с российскими издателями, которые были заинтересованы в сибирской тематике.

Главным «пристанищем» сибирских авторов в 1810–1850-х годах становятся казанские периодические издания: «Казанские известия» (1811–1820), «Заволжский муравей» (1831–1834), «Прибавления к «Казанским губернским ведомостям» (с 1843 г.), «Казанский вестник» (1820–1832) и «Прибавление к «Казанскому вестнику» (1821–1834), а также «Ученые записки Казанского университета» (1834–1860).

Казань не случайно оказалась центром притяжения сибирских литераторов и публицистов. Во-первых, Императорский Казанский университет (один из старейших в России, основанный в 1804 году) в течение многих лет являлся самым восточным высшим учебным заведением России, в Казанском университете учились многие сибиряки, а сибирские гимназии и училища входили в учебный округ, центром которого была Казань.

Основными авторами материалов, присылаемых в редакции казанских изданий, были преподаватели сибирских учебных заведений: учитель Киренского уездного училища П.К. Бейтон, и.д. директора училищ Тобольской губернии В. Воскресенский, учитель Иркутского уездного училища Н. Щукин, старший учитель Тобольской гимназии Е. Лебедев, директор училищ Иркутской губернии П.А. Словцов, директор училищ Томской губернии Я. Мензиховский, и многие другие. Кроме них, писали о Сибири штаб-лекарь Я. Яроцкий; губернский землемер А.И. Лосев; полковник Г. Маслов; профессора Казанского университета Э.А. Эверсман, Г. Городчанинов, А.В. Попов; бурятский исследователь Д. Банзаров и другие авторы.

Как указывает Л.С. Любимов, первое место по количеству опубликованных в казанских изданиях корреспонденций занимал Иркутск (включая и Иркутскую губернию) – 41, второе принадлежало Забайкалью и Бурятии – 23, затем следовали Якутия и Камчатка – 18. Из Тобольска и Ирбита поступило по 11 корреспонденций, из Енисейской губернии – 6, из Томска – 5, из других городов Сибири (Курган, Омск, Тара, Ишим, Ялуторовск, Барнаул) – по одной корреспонденции[1].

[1] См.: *Любимов Л.С.* История сибирской печати… С. 19.

Тематика материалов была преимущественно краеведческой: сибиряки присылали описания сибирских губерний и городов[1], местных достопримечательностей[2], а также сообщения о событиях, которые происходили в то время в Сибири. Так, в «Казанских известиях» достаточно много было опубликовано материалов об открытии новых уездных училищ: в Киренске (1814. № 40), Ишиме (1817. № 103), Таре и Кургане (1817. № 102), Тюмени (1818. № 2), Ялуторовске (1820. № 1), Ирбите (1820. № 97), а также о публичных испытаниях учеников разных училищ. Общественная жизнь в Сибири в начале XIX века не отличалась особой активностью, но достаточно важные события происходили и здесь: например, в ряде сибирских городов были проведены «торжества по случаю побед, одержанных над Наполеоном», и по случаю взятия Парижа, и об этом можно было узнать из газеты «Казанские известия» (1813. № 10; 1814. № 41, 42, 48); случались и природные катаклизмы, о которых сибиряки хотели поведать своим читателям: землетрясения в Иркутске (Казанские известия. 1814. № 41; 1815. № 13), наводнение в Нерчинске (Казанские известия. 1812. № 48). Проводились ярмарки, и отчеты о них также помещались в казанской прессе[3].

Сибирских литературных материалов в казанских изданиях было помещено немного (несколько стихотворений), и здесь можно проследить определенную преемственность в жанровом отношении, которая связывает тобольские журналы конца XVIII века и стихотворные произведения сибиряков в казанских изданиях. Так, в «Казанских известиях» (1817. № 98) была помещена «Ода, сочиненная и читанная при торжественном собрании Императорского Казанского университета июля 5-го дня 1817 года и.о. профессора Григорием Городчанином», которая по общему настрою и тематике перекликается с одами в журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Это и упоминавшаяся «Ода, сочиненная и говоренная при открытом испытании Тобольского

---

[1] *Нечто* о пространстве Тобольской губернии // Казанские известия. 1813. № 6; *Словцов П.А.* Несколько слов о городе Нерчинске // Казанские известия. 1816. № 72; *Маслов Г.* Якутская область // Заволжский муравей. 1834. № 1. С. 32–38; Историческое известие о городе Ирбите // Прибавление к «Казанскому вестнику». 1832. № 3. С. 28–31; № 8. С. 62, и др.

[2] *Миллер И.Е.* Известие об одной достопримечательной пещере в Сибири // Казанские известия. 1816. № 22; *Лосев А.И.* О море Байкал // Казанские известия. 1817. № 97; *Словцов П.А.* О Забайкальских достопамятностях, в ответ на вопрос: какие есть городища в Иркутской губернии // Казанский вестник. 1821. Май. С. 3–12, и мн. др.

[3] *Очерк* торгового движения на Ирбитской ярмарке в 1831 году // Заволжский муравей. 1832. № 1. С. 58–59; *О количестве* товаров, привезенных для продажи на Ирбитскую ярмарку в 1831 году // Прибавление к Казанскому вестнику. 1832. № 1. С. 3–6; № 2. С. 11–14.

главного народного училища, 4-го класса учеником Иваном Трунинным, декабря 29-го дня 1789 года»; и более известная «Ода Иртышу, превращающемуся в Ипокрену», того же Ивана Трунина (1790. Январь. С. 37–40) и др.

Так, профессор Городчанин писал:

«В одежду светлу облекися
Ликуй и радуйся, Казань,
Наук плодами насладяся…»[1].

В то же время в «Оде Иртышу, превращающемуся в Ипокрену», И. Трунина провозглашалось:

«Цвети, Сибирь, и украшайся
Наук начальным сим плодом»[2].

Возвышенный тон, повелительное наклонение, акцент на первостепенной значимости «плодов наук», которыми можно как «украшаться», так и «наслаждаться», сближают эти два произведения, разделенные временем и пространством, и позволяют говорить об их типологическом сходстве.

Можно говорить и о преемственности авторского состава: например, автор многочисленных материалов в казанских изданий П.А. Словцов, в начале XIX века бывший инспектором сибирских училищ, печатался ранее в тобольской «Библиотеке...». И хотя многочисленность и активность иркутских авторов уже подтверждала факт угасания тобольского «культурного гнезда» и постепенный расцвет нового культурного центра – Иркутска, тем не менее нельзя согласиться с мнением П.М. Головачева о том, что существование тобольских журналов конца XVIII века было случайным. Напротив, факты подтверждают преемственность и развитие журналистского дела в Сибири, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, связанные с отсутствием собственно сибирского органа периодики.

Формирование сибирского краеведения в первой половине XIX века отражало «растущий интерес читающей публики к Сибири и удовлетворяло эту потребность»[3]. В русской литературе в это время наступила эпоха романтизма, и «требование местного колорита, обращение взора к регионам, в том числе и к Сибири – за всем этим открывается

---

[1] Цит. по: *Манассеин В.С.* Сибирь в казанской периодической печати первой половины XIX столетия: Библиографический указатель. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1927. С. 25.

[2] *Трунин И.* Ода Иртышу, превращающемуся в Ипокрену // Иртыш, превращающийся в Ипокрену. Тобольск, 1790. Январь. С. 38.

[3] *Очерки* русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 195.

целая философия и эстетика национального развития искусства»[1]. Эту потребность чутко уловил просветитель и энтузиаст Г.И. Спасский, который в Петербурге в 1820-х годах основал специализированные журналы, посвященные Сибири: «Сибирский вестник» (1818–1824) и «Азиатский вестник» (1825–1827).

В объявлениях о подписке на «Сибирский вестник» перечислялись основные отделы журнала с описанием их содержания:

«1. История, география и статистика. Разные сочинения, отрывки и сведения, составляющие предмет сих наук в отношении к Сибири и вообще к Азиатским странам, как-то: Китаю, Японии, Татарии, Тибету, Индостану, Персии и проч.

2. Путешествия. Ученые и любопытные путешествия по означенным странам полные и отрывки из путешествий.

3. Этнография, или народоописание. Известия о народах, обитающих в Сибири и в странах с нею сопредельных.

4. Биография. Жизнеописания разных лиц, чем-либо отличившихся в Сибири и в странах с нею сопредельных...

5. Смесь. Сие отделение назначается для всяких сведений, которые, по каким-либо причинам, не могут входить ни в одно из предыдущих отделений, но которые нужны сколько для необходимого в периодических изданиях разнообразия, столько же для пользы и удовольствия читателей, как-то: статьи ученого содержания; известия о новых учреждениях, открытиях, происшествия и проч.».

Практически каждый материал, публикуемый в «Сибирском вестнике» (а затем в «Азиатском вестнике»), был снабжен комментарием от издателя, Григория Спасского, который объяснял читателям обстоятельства получения этого материала, его значение, дополнительные сведения и так далее. Из этих комментариев, в частности, становится известно, что материалы в журнал присылались и из Сибири. Так, к материалу «Краткие замечания о ламутах, тунгусах и юкагирах» давалось следующее примечание: «Сии замечания извлечены из Записок доктора Северной экспедиции Кмбеа, находившегося в Нижнеколымске с 1821 года. Издатель получил оные от И.А. Гарижского из Иркутска»[2], к «Грамоте о первоначальном горном производстве в Сибири» прибавлялось: «Издатель обязан за доставление сей грамоты, любопытной и

[1] *Янушкевич А.С.* Особенности сибирской краеведческой критики 1810–1830-х гг. // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 23.

[2] Сибирский вестник. СПБ., 1823. Ч. III.

важной для российской горной истории, Е<го> П<ревосходительству> г-ну Томскому гражданскому губернатору и начальнику Колыванских заводов П.К. Фролову»[1] и т.д.

Журнал носил научно-познавательный характер, литературные отделы в нем отсутствовали, хотя периодически можно было встретить критические материалы (в форме отзывов на рецензии, опубликованные в других журналах). Исследователи подчеркивают, что «журналы восполняли важный для сибирской литературы пробел – открывали новые материалы истории и быта Сибири, утверждали Сибирь как регион со своей историей и культурой»[2].

Ссылка в Сибирь участников восстания 14 декабря 1825 года в Петербурге активизировала краеведческие изыскания, придав им более широкий масштаб. Декабристы в Сибири – отдельная и активно исследуемая тема. В отношении взаимодействия декабристов с сибирской журналистикой исследователи акцентируют внимание в том числе и на том, что рукописные издания были своеобразным связующим звеном между декабристами и сибирским обществом, литераторами Забайкалья и Восточной Сибири», они были популярны среди читающей части населения, их обсуждали в кружках любителей литературы Иркутска, Читы, Кяхты, Нерчинска[3].

Рукописная журналистика в Сибири закономерно возникла в начале XIX века, в условиях невозможности организовать собственное печатное издание, поскольку участие в российской журналистике не могло все же заменить сибирякам «живого печатного слова в родном крае»[4]. Л.С. Любимов отмечает, что «столичные издания, постоянно испытывая тяжелый пресс цензурных ограничений, не могли зачастую публиковать острые разоблачительные материалы», и к тому же, «несомненно, что многие факты местной жизни казались столичным издателям незначительными, не требующими публичной огласки». Из-за расстояний страдала оперативность, «многие политические новости, внутренние конфликты теряли всякую значимость к тому времени, когда информация о них появлялась в столичной печати»[5].

---

[1] *Сибирский* вестник. СПБ., 1822. Ч. X.

[2] *Янушкевич А.С.* Особенности сибирской краеведческой критики 1810–1830-х гг. // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 24.

[3] *Пликова А.Н.* Влияние декабристов на создание рукописных журналов в Восточной Сибири // Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 206.

[4] *Любимов Л.С.* История сибирской печати… С. 27.

[5] *Там же.*

Рукописная журналистика существовала в разных вариантах: это «дневник» Ангарова-Ушаковского под названием «Обыденник» (1860), рукописные журналы – «Кяхтинский литературный цветник» (1829–1836), иркутские «Домашний собеседник» (1830–1834), «Козуля», «Заушаковский вестник», «Мещанин» (1850–1860), а также ученические журналы «Вечера досуга» и «Звездочка» (1840), «Либералист» (1860–1863); рукописные газеты – «Кяхтинская стрекоза» (1829–1833), верхнеудинская литературная газета «Метляк» (1839–1840); сатирические иллюстрированные листки – «Минусинский раскрыватель» (1820-е), «Шаман, или Сойотская иллюстрация» (1863, с. Каратуз Минусинского округа Енисейской губернии). Кроме того, ряд изданий остался нереализованным: «Ангарский вестник» (1827, Иркутск), сатирический журнал «Пушка» (задуманный как продолжение «Шамана», 1860-е) и др.[1]

Таким образом, «глухие годы» сибирской журналистики (конец XVIII века – 1857 год) не означали, что процесс развития публицистической и литературной мысли в это время полностью остановился. Напротив, сибиряки находили обходные пути для публикации произведений местных авторов: воспользовавшись интересом российской аудитории к Сибири, отсылали материалы в казанские издания, в специализированные журналы Г. Спасского «Сибирский вестник» и «Азиатский вестник», публиковались в «Московском телеграфе» Полевого, несколько позднее – в «Отечественных записках» А. Краевского. Кроме того, в самой Сибири журналистика развивалась в нелегальной, рукописной, форме, что давало выход критическим настроениям сибиряков. Именно поэтому этот период (конец XVIII века – 1857 год) исследователи считают вторым полноценным этапом развития сибирской печати.

Третий этап – появление первых сибирских газет «Губернские ведомости» – относится уже ко второй половине XIX века. Количество образованных сибиряков в это время постоянно возрастало, так как система образования в Сибири на протяжении XIX века заметно изменилась. Если в начале столетия в регионе действовали только начальные школы и две первые гимназии (в Тобольске и Иркутске), то постепенно к ним присоединились разнообразные средние школы, а в 1888 году начал работать Императорский Томский университет – первое высшее учебное заведение в Сибири. Однако, несмотря на определенные до-

[1] *Подробнее* о рукописных изданиях первой половины XIX в. см.: *Любимов Л.С.* История сибирской печати…С. 27–32.

стижения, число грамотных в Сибири было значительно ниже, чем в Европейской России. Об этом свидетельствуют данные первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. В Европейской России на каждую тысячу человек приходилось 229 грамотных, на Северном Кавказе – 150, в Западной Сибири – 108[1].

Увеличение сибирской читательской аудитории в середине XIX века было обусловлено также серьезными социально-экономическими и социокультурными изменениями в России, и прежде всего – проведением буржуазных реформ 1860–1870-х годов. Современные историки напрямую связывают подготовку и проведение реформ с возникновением «влиятельной талантливой российской прессы», расширением программ уже издававшихся газет и журналов, учреждением новых органов печати[2]. Очень важным было то, что 16 января 1858 года были изданы правила, которые разрешили газетную и журнальную полемику по вопросу об отмене крепостного права и по другим проблемам внутрироссийской жизни. Расширению гласности способствовала цензурная реформа, начатая в 1862 г. и завершившаяся 6 апреля 1865 года, когда был подписан закон о послаблении цензуры (правда, только в столичных изданиях).

Первые сибирские газеты – «Губернские ведомости» – появились практически одновременно в 1857 году в четырех губернских городах: в Тобольске (27 апреля), Иркутске (16 мая), Красноярске (2 июля) и Томске (15 августа). Сама идея издания «Губернских ведомостей» была не нова: проект подобного издания возник еще в 1830 году, когда было решено издавать газеты в Астраханской, Казанской, Киевской, Нижегородской, Слободско-Украинской и Ярославской губерниях[3]. В них разрешалось печатать постановления и предписания, казенные объявления, различные известия и частные объявления. С 1838 года было решено издавать «Губернские ведомости» в других губерниях и областях России по несколько расширенной программе: разрешалось печатать материалы о чрезвычайных происшествиях, о состоянии фабрик и заводов, об учебных заведениях, а также исторические сведения

---

[1] См. подробнее: *Ликвидация* неграмотности и малограмотности // Сибирская советская энциклопедия: В 4 т. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. Т. 3. Стб. 145.

[2] См.: *Власть* и реформы: от самодержавия к советской России / Отв. ред. Б.В. Ананьич. СПБ.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. С. 314–315.

[3] См.: *Русская* периодическая печать (1702–1894): Справочник / Под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черепахова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. С. 255.

о губернии. Структура «Губернских ведомостей» была одинакова как в губерниях Европейской России, так и в Сибири: она включала две части – официальную и неофициальную. Часть официальная составлялась чиновниками и представляла собой своеобразный «дайджест» текущих указов, постановлений, циркуляров и другой официальной информации. Редактором «Губернских ведомостей» обычно назначался один из губернских чиновников, за подписью которого официальная часть и выходила. Вся газета в целом находилась под наблюдением губернатора, вплоть до 1917 года.

Издание же неофициальной части в Сибири первоначально шло с большим трудом. Исследователи сибирской журналистики отмечают: «Газеты не могли сразу ни найти свое лицо, ни определить своего читателя. Положение осложнялось и тем, что инициатива издания газет исходила от “верхов”, их существование началось с приказа, но ни авторов, ни читателей еще не было. Постепенно содержание газет обогащалось, что было связано с возрастанием их просветительной роли: они печатают научно-популярные статьи, наполненные историческими, этнографическими, географическими, юридическими, экономическими, статистическими, естественнонаучными сведениями, посвященные изучению Сибири, ее производительных сил»[1].

Неофициальные отделы «Губернских ведомостей» стали центром консолидации литературных и журналистских сил Сибири, в них сотрудничали учителя, миссионеры, поэты и писатели, краеведы, исследователи, а также ссыльные. По сути, они стали базой для развития частной журналистики в Сибири. Как писал сибирский журналист и исследователь А.В. Адрианов, «вот в этих-то «Ведомостях», в их «неофициальном» отделе стала впервые нарождаться в Сибири периодическая печать, отражающая местную жизнь, впервые стали выступать местные силы, горевшие любовью к стране»[2].

Необходимо заметить, что судьба неофициальной части «Губернских ведомостей» сложилась по-разному в разных сибирских городах. Наиболее невыразительной и неинтересной, по мнению исследователей, была неофициальная часть «Енисейских губернских ведомостей»; лучше выглядели в первые годы «Тобольские губернские ведомости», в которых публиковались сведения о различных происшествиях, о по-

[1] *Матханова Н.П.* «Губернские ведомости» в Сибири, их авторы и читатели (50–60-е годы XIX в.) // Вторые Макушинские чтения (23–24 мая 1991 г., г. Томск). Томск, 1991. С. 88.

[2] *Адрианов А.В.* Периодическая печать в Сибири. Томск, 1919. С. 2.

жарах, наводнениях, эпидемиях, а также статьи краеведа Н.А. Абрамова, результаты статистических обследований и географические заметки М. Смоленского, различные путевые очерки, помещались корреспонденции из других городов Западной Сибири и перепечатки из центральных газет[1].

Наиболее яркими в 1860-х годах были неофициальные отделы «Иркутских губернских ведомостей» и «Томских губернских ведомостей». Более того, «Иркутские губернские ведомости» исследователи с полным основанием относят к числу лучших провинциальных газет России конца 1850-х и начала 1860-х годов. Прежде всего, необычным в истории этой газеты было приглашение на пост редактора политического ссыльного Н.А. Спешнева, попавшего в Сибирь по делу петрашевцев (в то время он работал также смотрителем губернской типографии). Кроме Спешнева, с газетой сотрудничали М.В. Загоскин (стал редактором неофициальной части после отъезда из Иркутска Спешнева в 1859 году), историк С.С. Шашков, литератор Н.С. Щукин, публицист В.И. Вагин, политические ссыльные М.В. Буташевич-Петрашевский, Ф.Н. Львов, декабрист В.Ф. Раевский и др. Коллектив «Иркутских губернских ведомостей» был сильнейшим во всей Сибири, и неудивительно поэтому, что издание, которое на первых порах пользовалось поддержкой генерал-губернатора Муравьева, приобрело облик, необычный для провинциальной газеты того времени[2].

Кроме краеведческих материалов, в «Иркутских губернских ведомостях» публиковались разоблачительные корреспонденции, очерки о положении крестьян, о жизни местного туземного населения, о проблемах в сфере образования, о сибирской промышленности и т.д. Под нажимом со стороны властей «Иркутские губернские ведомости» были вынуждены снизить публицистический накал, а в 1860 году некоторые журналисты вышли из состава редакции и основали первую частную газету в Сибири – «Амур». «Иркутские губернские ведомости» после этого утратили общественное значение, и только официальная часть продолжала регулярно выходить, выполняя свои функции информатора местных властей и чиновничества о циркулярах, распоряжениях, извлечениях и других официальных событиях.

Таким образом, третьим этапом развития сибирской журналистики стало основание в Сибири «Губернских ведомостей» и сотрудничество местной интеллигенции с неофициальным отделом этих газет,

---

[1] См.: *Любимов Л.С.* История сибирской печати... С. 35.
[2] См.: *Там же.* С. 40.

которые стали своеобразной «точкой роста» частной сибирской журналистики. Сибиряки, отдавая дань краеведческой тематике, ставили в своих материалах общественно-политические вопросы, задумывались о судьбах Сибири в целом, выясняли особенности ее развития. Нельзя не отметить и роль государственной власти в становлении сибирской печати: с одной стороны, правительство не способствовало развитию частной периодики, о чем свидетельствуют многие нереализованные замыслы сибиряков, с другой – создавало условия для становления периодики официальной, примером которой могут служить «Губернские ведомости».

Итак, в 1860-х годах в Сибири сложились условия для зарождения регулярной периодической печати, а затем и становления системы периодики в крупных губернских центрах. Базовым элементом, ядром этой системы стали «Губернские ведомости», появившиеся благодаря правительственному распоряжению. Наряду с официальной в 1860-х годах в Сибири возникла и начала развиваться частная журналистика. Крупным центром общественной и культурной жизни в то время стал Иркутск. Еще в 1827 году была сделана попытка основать независимую газету под названием «Ангарский вестник» (но разрешение на ее издание не было получено от Николая I). Как удалось установить Л.С. Любимову, планы издания независимой частной газеты в Иркутске разрабатывались в литературно-политическом кружке доктора Н.А. Белоголового с конца 1850-х годов, когда начиналась деятельность «Иркутских губернских ведомостей». После длительных дискуссий планы получили реальное воплощение: они встретили поддержку генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева, а также иркутских купцов А.А. Белоголового, Н.И. Пиленкова, С.С. Попова, которые обещали финансировать издание [1].

В 1860-м году в Иркутске появилась частная газета, выходившая до апреля 1862 г. Официальным редактором-издателем газеты «Амур» стал М.В. Загоскин, в редакцию вошли многие участники неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей», в том числе политические ссыльные М.В. Буташевич-Петрашевский, Ф.Н. Львов, М.П. Шестунов и др. В программу газеты входили «обзор местных общественных вопросов, касающихся благосостояния и благоустройства Восточной Сибири, и особенно Амурского края; общие распоряжения правительства, относящиеся к Восточной Сибири, и разные

[1] См.: *Любимов Л.С.* История сибирской печати... С. 44.

официальные известия; известия из России, заимствованные из газет, журналов и частных корреспонденций; известия из разных частей Сибири; обзор иностранной политики, в особенности известия из Китая, Японии, Америки, с Восточного океана и Индии; ученые и беллетристические статьи, преимущественно о Восточной Сибири; фельетон; новости наук, искусств и ремесел; разбор интересных книг; хроника общественной жизни и т.д.»[1].

Программа первой сибирской частной газеты свидетельствует о широте интересов редакции, которая стремилась развернуть перед своим читателем возможно более полную панораму общественной и культурной жизни Сибири, России и зарубежья. Необходимо отметить, что, за отсутствием в Сибири журналов, газеты обладали типологическими признаками и газет, и журналов: как правило, они выходили раз в неделю и не могли давать свежую, оперативную информацию, поэтому лидирующими жанрами в изданиях являлись не информационные, а аналитические. Особенно это касалось обзоров печати, подборок информации сибирской, российской и мировой прессы за неделю.

Газета «Амур» стала центром притяжения сибирской пишущей интеллигенции, представители которой присылали свои корреспонденции, преимущественно обличительного характера. География их (материалы поступали из Нерчинска, Якутска, Благовещенска, Кяхты, Енисейска, Читы, Тобольска, Томска, Ачинска и других городов Сибири и Дальнего Востока) свидетельствовала о формировании сибирского читателя и сибирского корреспондента. Тираж «Амура» был еще невысок, около 700 экземпляров, однако можно с полным правом говорить об общественном резонансе, который вызвала первая сибирская газета. Так, Л.С. Любимов указывает, что благодаря обличительным материалам этого издания было уволено немало исправников и других чиновников[2]. Успех первой в Сибири частной газеты стал примером для других изданий.

Вскоре после появления «Амура» стал издаваться «Кяхтинский листок», который выходил еженедельно с мая по сентябрь 1862 года, тираж его составил 300 экземпляров. «Покровителем» этой газеты стал кяхтинский градоначальник Деспот-Зенович, редактором-издателем – учитель Троицкосавского уездного училища П.С. Андруцкий. С газетой сотрудничали декабрист М.А. Бестужев, чиновник В.И. Мерцалов (в 1880-х годах – томский губернатор, при содействии которого в Том-

[1] *Любимов Л.С.* История сибирской печать... С. 45.
[2] *Там же.* С. 51.

ске появилась первая частная «Сибирская газета»), Д.И. Стахеев. Свои материалы присылали Н. Щукин из Иркутска, М. Зензинов из Нерчинска. Тематика «Кяхтинского листка» также была заявлена достаточно обширной: она включала в себя правительственные и административные распоряжения, обозрение местной жизни, статьи о кяхтинской торговле и промышленности, статистические сведения, материалы об экономическом и политическом положении в Китае, происшествия, информацию о погоде.

«Разоблачительное» направление, которого придерживался «Кяхтинский листок», естественным образом навлекало на газету неудовольствие властей: нарекания вызывали материалы В.И. Мерцалова, а главным образом публикация путевого дневника декабриста М.А. Бестужева. Однако газета была закрыта не властями, а в связи с неожиданной смертью ее редактора П.С. Андруцкого.

В итоге в 1862 году Восточная Сибирь одновременно лишилась двух «первенцев» частной сибирской печати. Их недолгая, но яркая история свидетельствует о формировании определенных традиций независимой сибирской журналистики, возникающей параллельно с официальными «Губернскими ведомостями»: это просветительская и одновременно «обличительная» направленность изданий, широкий охват явлений общественной жизни не только сибирской, но и российской и зарубежной, опора на постепенно складывающийся круг местных корреспондентов. Обращает на себя внимание и связь между сибирскими изданиями, проявляющаяся как во взаимном «рецензировании», так и в пересекающемся авторском составе.

В первых частных изданиях продолжалась и связь сибирской журналистики с политической ссылкой. Участие декабристов, петрашевцев в сибирских частных газетах свидетельствовало не только о том, что вокруг этих изданий группировались все местные литературные силы, а высокообразованные, интеллигентные представители политической ссылки считались ценнейшими сотрудниками сибирской журналистики, но и о принципиальной оппозиционности первых сибирских изданий.

Пробудившаяся в обществе потребность в собственных печатных органах привела к попытке основания новых частных изданий: в Иркутске Н. Щукин пытался получить разрешение на издание журнала «Сибиряк». Были поданы заявки на общественно-литературный еженедельник «Ангара», газету «Сибирские очерки», в Приамурье был задуман выход журнала «Друг Маньчжур». Но все эти проекты не были

поддержаны Главным управлением по делам печати Министерства внутренних дел.

Через два года после закрытия первых частных сибирских газет, в 1864 году, Б.А. Милютину – бывшему редактору газеты «Амур» – удалось получить разрешение и наладить выпуск еженедельника «Сибирский вестник» (выходил с приложением «Из-за Урала»). Программа этой газеты также была заявлена чрезвычайно широко: передовые статьи, корреспонденции, хроника происшествий, местные известия, хроника торговли и промышленности, хроника просвещения, этнографический, юридический, полемический отделы, беллетристика, дорожные заметки, материалы о деятельности административных и ученых обществ и т.д. Газета выходила до 1868 года; в ней принимали участие Н. Щукин, М. Зензинов, С. Шашков, М. Загоскин, В. Вагин, П. Кропоткин, Н. Ядринцев (его перу принадлежит некролог Ч. Валиханова).

Направление «Сибирского вестника» во многом определял его редактор, Б.А. Милютин, который «трезво представлял все сложности положения независимого органа печати», обеспечивал «возможность выступать представителям разных партий и течений», в первые годы «выступал с резкими нападками на закон о печати и подвергал критике местные издания консервативного направления». Однако он «допустил недостойные шовинистическо-монархические выпады против ссыльных поляков, поднявших восстание на Кругобайкальском тракте в 1866 году»[1]. В последние годы «Сибирский вестник» потерял былое общественное значение, стал выходить нерегулярно, с ним постепенно перестали сотрудничать лучшие публицисты и корреспонденты, а значит, стало падать количество подписчиков.

Четвертым этапом развития сибирской журналистики, таким образом, можно считать 1860-е годы, когда издавались первые частные независимые газеты «Амур», «Кяхтинский листок», «Сибирский вестник», был разработан ряд газетных и журнальных проектов, не поддержанных Главным управлением по делам печати. В это время началось первоначальное сегментирование рынка периодической печати в Сибири: свою нишу прочно заняли издания официальные («Губернские ведомости»), однако местная общественность уже не могла удовлетвориться одним только неофициальным отделом ведомостей; сибирская интеллигенция, объединившись вокруг этих отделов, так-

[1] *Любимов Л.С.* История сибирской печати…. С. 54–56.

же почувствовала необходимость в собственной трибуне. Несмотря на недолговечность первых частных газетных проектов, их сложные взаимоотношения с цензурой и местными властями, само их появление свидетельствовало о начавшемся развитии частной инициативы в деле издания газет на территории Сибири.

Поскольку местные сибирские издания не могли прочно встать на ноги, – их основание и существование были осложнены целым рядом препятствий, как внешних (позиция Главного управления по делам печати, отношение власти в целом), так и внутренних (малочисленность читательской аудитории и авторского состава, трудности с финансированием), – сибирские публицисты постоянно сотрудничали со столичными и другими провинциальными изданиями. На помощь сибирякам вновь пришла Казань, где в 1872–1874 годах выходила «Камско-Волжская газета». В газете существовали такие отделы, как «Местный», «Внутренние известия», «Торговый отдел», в 1872 году выходило также «Политическое обозрение». Публикации Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, (находившихся в ссылке по «Делу о сибирских сепаратистах») и других сибиряков в «Камско-Волжской газете» поднимали вопросы, которые позже стали центральными в областнической сибирской прессе: об «абсентеизме» молодежи, о необходимости открытия университета в Сибири, о негативном влиянии ссылки на развитие региона и т.д.

В 1873 году в Иркутске была основана газета «Сибирь», которая стала первым «долгоиграющим» издательским проектом сибиряков: она выходила до 1887 года, имела около 1200 подписчиков. О возникновении этой газеты известно следующее: в начале 1870-х годов инженер П.И. Клиндер получил разрешение на издание в Иркутске газеты под названием «Сибирь». Программа газеты была урезана властями, которые не разрешили отдел писем и корреспонденций, разделы «Новости», «Приключения», «Юмористические рассказы», разрешалось лишь печатать «Известия местные». «Сибирь» начала выходить с 4 января 1873 года как двухнедельное издание[1]. Оно не было успешным, и в 1875 году «Сибирь» была выкуплена местными интеллигентами во главе с В.И. Вагиным и М.В. Загоскиным. Газета приобрела демократический характер, кроме того, в ней можно было отчетливо разглядеть и областническую тенденцию в решении многих сибирских вопросов (о политической и уголовной ссылке, положении сибирского крестьянина и «инородца», о развитии просвещения в Сибири и т.д.).

[1] *Любимов Л.С.* История сибирской печати. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. С. 57.

В 1880-х годах центр общественной жизни Сибири постепенно стал перемещаться в город Томск. И не случайно первой крупной частной газетой Западной Сибири стала «Сибирская газета», издававшаяся в Томске в 1881–1888 годах[1]. В 1882 году к иркутской «Сибири» и томской «Сибирской газете» присоединилась газета Н.М. Ядринцева «Восточное обозрение», выходившая в Санкт-Петербурге, а с 1888 года – в Иркутске. Эти три издания составили своеобразный «триумвират», объединенный общими областническими идеями и взглядами на развитие Сибири.

Типологически «Сибирская газета», «Сибирь» и «Восточное обозрение» относились, по классификации Г.Н. Потанина, к типу «идейной» областной газеты, отличавшейся от справочного издания: «Областная газета издается обыкновенно каким-нибудь местным патриотом по большей части себе в убыток, редактируется обыкновенно самим издателем; дело ведется не для спекуляции, а в видах развития умственной жизни края. <…> Областная газета стремится быть органом интеллигенции края, а не печатной справкой торговых контор, она представляет собой общественное явление»[2]. Этой концепции придерживался Л.Л. Ермолинский. Он отмечал, что «Сибирь», «Сибирская газета» и «Восточное обозрение» выходили в одинаковом формате (немногим больше современного формата А4), практически все имели «стандартный набор» рубрик – «Телеграммы», «Русское обозрение», «Сибирское обозрение», «Корреспонденции», печатали библиографии, фельетоны, стихотворения. Объединяла их и общность задач: информирование сибирского читателя о событиях, происходящих в Сибири, России и за рубежом, вовлечение его в обсуждение местных и общероссийских проблем, просвещение и эстетическое воспитание, формирование и развитие регионального самосознания[3]. Несмотря на явное сходство, каждая из сибирских газет обладала своей яркой индивидуальностью, имела собственное «лицо».

«Сибирь» и «Сибирская газета» были межобластными изданиями, они работали в широком географическом диапазоне Западной и Восточной Сибири и справедливо претендовали на роль выразителей ин-

---

[1] Первым же частным периодическим изданием в Западной Сибири был «Сибирский листок объявлений», который выходил в Тюмени в 1879 году. См.: *Мандрика Ю.* Провинциальная частная печать: спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень: РИЦ ТГАКИ, 2007. С. 4.

[2] *Потанин Г.Н.* От Новочеркасска до Казани // Первый шаг. Казань, 1876. С. 316–317.

[3] См.: *Ермолинский Л.Л.* Сибирские газеты 70–80-х годов XIX века. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. С. 105.

тересов и нужд всей азиатской части России. «Восточное обозрение» Н.М. Ядринцева, в свою очередь, занимало позицию общесибирского органа, который, выходя в столице, может «предстательствовать» за интересы Сибири за высшем уровне. Благодаря «Восточному обозрению» сибирские газеты смогли обходить цензуру путем публикации в нем отдельных материалов. Об этом писал томский губернатор И.И. Красовский: «Вредное влияние местных изданий «устранить даже самыми строгими цензурными мерами не представляется никакой возможности, ибо все, что не одобряется к печатанию в “Сибири” и “Сибирской газете”, пересылается немедленно редакциями этих газет в “Восточное обозрение”, где и появляется беспрепятственно и притом с оговоркой, что данное известие или статья “не могли быть напечатаны в местной газете, нещадно угнетаемой цензурой”»[1].

Газеты перепечатывали новости «участников триумвирата», комментировали отдельные материалы или вступали в их обсуждение, при этом далеко не всегда соглашаясь друг с другом. Тем не менее в истории сибирской печати это пример самого тесного взаимодействия изданий, так радикально разделенных географически (Санкт-Петербург, столица – Томск, Западная Сибирь – Иркутск, Восточная Сибирь) и настолько близких по своему характеру, общему направлению. Читательская аудитория изданий составляла около 1200 подписчиков у «Сибири» и «Сибирской газеты» и около 700 – у «Восточного обозрения».

В конце 1880-х годов картина периодической частной печати в Сибири изменилась: издание «Сибири» было прекращено в 1887 году, «Сибирская газета» закрыта «за вредное направление» в 1888 году, «Восточное обозрение» в том же 1888 году было переведено в Иркутск. Начатый изданием в Томске в 1885 году «Сибирский вестник» вызывал резкую критику со стороны оппозиционно настроенных издателей и журналистов. Особенности, свойственные периоду 1870–1880-х годов, позволяют выделить его в отдельный, очень важный этап развития периодической печати в Сибири. Его характеризует появление союза печатных изданий Сибири, объединенного общей областнической идеей, вместе работавшего над постановкой и решением вопросов сибирской жизни, выступавшего против изданий централистских позиций.

1890-е годы можно охарактеризовать как период активизации газетно-журнального дела в Сибири. Собственные частные газеты, пока еще немногочисленные, появились во многих городах региона,

[1] Цит. по: *Ермолинский Л.Л.* Сибирская печать и царская цензура (1875–1886) // Журналистика в Сибири. Т. 52. Серия журналистики. Вып. 1. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1967. С. 42.

география их расширилась далеко за пределы первых «культурных гнезд». Так, в Красноярске начиная с 1889 г. выходил еженедельник, сначала под названием «Справочный листок Енисейской губернии», затем – «Енисейский справочный листок», «Енисейский листок», преобразованный в 1894 г. в «Енисей» – газету с литературным отделом[1]. В Омске издавались газеты «Степной листок» (1893) и «Степной край» (1893–1905), в Чите – «Жизнь на Восточной окраине» (1895–1897). Кроме того, в Тобольске выходил «Сибирский листок» (1891–1916), а в Томске с 1894 года началось издание «Томского справочного листка», который путем сложных трансформаций через три года превратился в газету «Сибирская жизнь», крупнейшую сибирскую газету начала XX века.

Газетное дело в Сибири развивалось не только в отношении количества изданий, но и их качества. Стала более разнообразной типологическая картина сибирской периодики: теперь газеты выходили не только еженедельно (как в 1860–1880-х годах), но и три раза в неделю, появились и ежедневные газеты; наряду с «идейными» большими газетами выходили «листки», в том числе и коммерческой направленности. Значительно выросла сеть корреспондентов, газеты стали выходить большими тиражами, что свидетельствовало о проникновении печатного слова в новые аудиторные слои.

Существенные перемены в социально-экономическом и общественно-политическом развитии Сибири, наметившиеся в конце 1890-х годов и получившие наиболее яркое проявление в 1900-х годах, особенно в период Русско-японской войны 1904–1905 годов и Первой русской революции 1905–1907 годов, оказали сильнейшее влияние на сибирскую периодическую печать. Число новых изданий увеличивалось скачкообразно: если в 1904 году в Сибири выходило 15 газет и 16 журналов, то в 1906 – 84 газеты и 31 журнал, а в 1907 – 83 органа печати[2]. В Западной Сибири во время Первой русской революции были основаны такие газеты, как «Степь» (1905–1906, Омск), «Сибирские известия» (1905, Томск), «Барнаульские известия» (1906, Барнаул), «Курганский вестник» (1906, Курган), «Народная летопись» (1906, Новониколаевск), «Родной голос» (1906, Тобольск), «Сибирский голос» (1906–1907, Тюмень), «Крестьянская газета» (1906–1908, Ялуторовск).

---

[1] См.: *Куклина Е.А.* Летопись сибирской периодики 1857–1916 гг. // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 218.

[2] См.: *Шиловский М.В.* Факторы, влиявшие на общественно-политическую жизнь западно-сибирских городов второй половины XIX – начала XX в. // Города Сибири XVII – начала XX вв. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2001. С. 119.

Семь новых газет было основано в 1906 году в Омске, шесть – в Томске; в Иркутске выходило десять газет, в Красноярске – девять. Хотя многие из новых изданий оказались недолговечными, однако они свидетельствовали и о возросшем интересе публики к местной периодике, и о том, что в обществе появились собственные литературные силы, группировавшиеся вокруг изданий разных направлений.

Кроме того, в период Первой русской революции в Сибири произошел кратковременный расцвет сатирической журналистики. В 1906 году в Томске выходили сатирические журналы «Бич», «Бубенцы», «Ерш», «Красный смех», «Рабочий-юморист»; в Иркутске – «Жало», «Овод», «Паут»; в Краснояске – «Фонарь», затем – «Куманек» (1908), «Хи-ха-ха!» (1910–1911), «Оглобля» (1912). Сибиряки отреагировали на политическую «вольность» точно так же, как и жители Европейской России: смехом в частных сатирических журналах.

Десятилетие, предшествовавшее Революции 1917 года, было наполнено важнейшими для Сибири и всей страны событиями, начиная от мощного потока крестьянских переселений из-за Урала, спадов и подъемов экономического развития, включая политическое самоопределение населения, первые общероссийские выборы и формирование нового законодательного органа – Государственной думы, и завершая вступлением России в Первую мировую войну. Сибирская журналистика последнего предреволюционного десятилетия переживала наиболее плодотворное время, когда периодическая печать смогла начать свое формирование как система. Периодика этого времени представлена разными формами: газетной, журнальной, альманашной; разными видами и типами. В качестве издателей выступают частные лица и общественные организации, политические партии и российское правительство. Издаются газеты разных политических направлений, для узких аудиторий – студенчества, театралов, крестьян; развивается журнальная журналистика.

Таким образом, сибирская журналистика прошла долгий и трудный путь, объективно обусловленный положением Сибирского региона в России, малочисленностью читательской аудитории, недостаточностью собственных литературных сил, слабостью материально-технического обеспечения. Однако к 1917 году сибирская печать преодолела главные трудности и типологически развивалась по тому же пути, что и «большая» русская журналистика. Это обстоятельство было основополагающим и для становления и развития томской журналистики.

ГЛАВА 2
ОФИЦИАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ТОМСКА

Условия возникновения и развития периодической печати в городе Томске

Сибирский город Томск, расположенный на правом берегу реки Томи, был основан в 1604 году в ходе русской колонизации Сибири. В продолжение XVII – XVIII веков Томск превратился из военного укрепления в административный и торговый центр обширной территории. С начала XIX века город все более сосредотачивал в себе управление на только громадной Томской губернией, но и хозяйством и культурой значительной части Западной Сибири и Северного Казахстана. На протяжении всего XIX века Томск занимал лидирующее положение в Сибири по объему торговли, формировался как транспортный узел, как город растущей промышленности.

Исследователи особо отмечали высокую концентрацию в Томске полиграфических предприятий – типографий, литографий, переплетных заведений. Первая типография Томского губернского управления открылась в Томске еще в 1819 году; первая частная типография Михайлова и Макушина начала работу с 1886 года, а к началу XX века в городе действовало около десятка более или менее крупных типографий и литографий, работавших на широкий сибирский рынок[1].

К концу XIX века Томск несомненно был также крупным культурно-просветительским центром: по количеству всех начальных, средних и специальных учебных заведений и численности учащихся в них он занимал первое место в Сибири. Идея просвещения, по меткому выражению исследовательницы истории Томска, во второй половине XIX века «становилась стержнем всей культурной и общественной жизни города»[2].

---

[1] Томск: история города от основания до наших дней / Отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 97–98.

[2] *Дмитриенко Н.М.* Сибирский город в XIX – первой трети XX века. Локально-историческое исследование на материалах Томска: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2000. С. 37.

Большую роль сыграл в этом сибирский просветитель, предприниматель и меценат Петр Иванович Макушин (1844–1926). Он был сыном сельского священника, выпускником Пермской семинарии и студентом Петербургской духовной академии. По собственному желанию он, не окончив курса, приехал на Алтай, в село Улалу, где организовал миссионерское училище, первую школу для девочек-туземок. В 1868 году Макушин переехал в Томск, занял должность смотрителя духовного училища, однако в 1873 году подал в отставку и занялся частным предпринимательством.

Первым успешным проектом П.И. Макушина стало основание первой частной публичной библиотеки в Томске, затем в 1873 году вместе с купцом В.В. Михайловым он открыл первый в Сибири книжный магазин. В 1876 году в Томске появилась их же типография, а в 1881 году П.И. Макушин получил разрешение на издание первой частной «Сибирской газеты».

Из многочисленных просветительских начинаний П.И. Макушина следует отметить также открытие им небольших библиотек в томских селах в начале XX века, внесение 100 тысяч рублей на создание Народного университета, или Дома науки имени П.И. Макушина, крупное пожертвование на постройку зданий Сибирских высших женских курсов и др. Общественная деятельность П.И. Макушина была отмечена присвоением ему в 1910 г. звания почетного гражданина г. Томска, а в 1919 году – почетного гражданина Сибири.

Активизации общественной и культурной жизни Томска способствовало учреждение и открытие первого сибирского вуза – Императорского Томского университета. Прибытие первых профессоров и студентов университета сразу выделило Томск среди остальных сибирских городов: изменилась внутренняя жизнь города, складывалась его новая роль в развитии всего зауральского региона. Уже в конце 1880-х годов Томск единодушно именовали «Сибирскими Афинами», городом мудрости и ученой книжности[1]. Члены университетского сообщества участвовали в организации различных обществ (в 1889 году возникло первое научное общество – Томское общество естествоиспытателей и врачей), в художественной и музыкальной жизни города, сотрудничали в газетах и журналах Томска. В 1900 году открылся второй вуз – Томский технологический институт, в 1910-м – Сибирские высшие женские курсы, первый и единственный во всей дорево-

[1] *Томск*: история города от основания до наших дней / Отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 120.

люционной Сибири женский вуз[1]. Все это привело к тому, что Томск стал, по выражению Г.Н. Потанина, «умственной столицей Сибири».

Сам Г.Н. Потанин, виднейший исследователь Северной и Центральной Монголии, крупный общественный деятель, поселился в Томске в 1902 году и жил здесь до самой кончины в 1920 году. Личность Потанина, лидера сибирского областничества и человека с харизмой, необыкновенна, как и его судьба. Не имея формально даже высшего образования (он учился около двух лет в качестве вольнослушателя в Петербургском университете), Г.Н. Потанин широко известен своими исследованиями в области географии, биологии, фольклористики, этнографии, археографии, социальной истории. Он стоял у истоков локально-исторических, городоведческих, религиоведческих штудий в Сибири, был в числе основоположников музейного дела Сибирского региона[2]. За свои научные труды он был награжден высшей наградой Императорского Русского географического общества – Константиновской золотой медалью.

В Томске Г.Н. Потанин сотрудничал с газетой «Сибирская жизнь», в 1904 году редактировал иллюстрированное приложение к этой газете, участвовал в деятельности различных обществ, организовывал «сибирские вечера», выставки художников, вел интенсивную общественную и научно-исследовательскую работу.

Если Потанин был символом областнического движения, то настоящей томской легендой стал старец Федор Кузьмич, скончавшийся и погребенный в 1858 году, и после смерти многими признававшийся как ушедший от мирской суеты император Александр I. Так Томск «притягивал» к себе людей удивительных, нестандартных, что, в свою очередь, способствовало разнообразию духовной и культурной жизни.

Неудивительно, что Томск был лидером в развитии журналистики всей Западной Сибири. Так, по данным на 1913 год, в Томске издавалось 6 газет и 10 журналов. В то же время в Барнауле было 3 газеты и 1 журнал, в Новониколаевске – 3 газеты, в Бийске – только одна газета. В 1914 году появилась собственная газета в г. Каинске[3].

---

[1] *Дмитриенко Н.М.* Сибирский город в XIX – первой трети XX века. Локально-историческое исследование на материалах Томска: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Томск, 2000. С. 36.

[2] См.: *Дмитриенко Н.М.* О неотложных задачах изучения, сохранения и использования научного наследия Г.Н. Потанина // Вестник Томского государственного университета. История. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. № 2(14). С. 37.

[3] *ГАТО.* Ф.3. Оп. 12. Д. 1426. Л. 1–15 (подсчет автора).

В 1917 году, по подсчетам историков, в Сибири выходило 206 периодических изданий, из них в Томске печаталось 20 газет и 18 журналов, в Тобольске – 13 изданий, в Тюмени – 7, в Новониколаевске – 9, в Барнауле и Бийске – по 6.

Приведенные данные доказывают значительное преимущество Томска перед городами Томской губернии в плане издания периодики; сопоставимыми по уровню развития журналистики с Томском были Иркутск, Тюмень, Тобольск.

Благодаря особенностям своего развития, журналистика Томска может рассматриваться как своеобразная модель сибирской периодики, поскольку здесь были представлены практически все уровни системы СМИ – но в относительно небольшом масштабе. В дореволюционном Томске выходили официальные и частные, ежедневные и еженедельные газеты, в том числе вечерние, развлекательные, коммерческие, однодневные и т.д. Издания выходили на русском и на татарском языках. Кроме того, томская журналистика обладала собственной специфической чертой, связанной с формированием идеологии областничества, и это придавало газетам и журналам Томска неповторимость и оригинальность.

«Томские губернские ведомости»: первенец томской периодики

Первое печатное периодическое издание Томска носило официальный характер. Это была газета «Томские губернские ведомости», выходившая в 1857–1917 годах. Газета выходила регулярно в течение 60 лет, раз в неделю, в год по 51–52 выпуска. Тираж в первые годы составлял 500 экземпляров, в 1910-х годах – более 800 экз. Газета была относительно дешевой, цена за годовое издание «на простой бумаге» составляла на рубеже 1850–1860-х годов 3 рубля серебром.

В отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ сохранились рукописные оригиналы первых номеров «Томских губернских ведомостей», подписанные в печать и затем опубликованные. Интересно, что рукописный вариант – это, по сути, нарисованный макет будущих газетных полос: вверху заголовок крупными буквами, ниже посередине полосы идет вертикальная черта, делящая лист формата А4 на части, и в каждой из них от руки написан текст – так, как затем его набирали в Томской губернской типографии,

Как и «Губернские ведомости» по всей России, газета состояла из двух частей, официальной и неофициальной. В официальной части публиковались правительственные постановления, циркуляры, объявления – как общероссийские, так и местного масштаба и значения. Публицистика в этой части отсутствовала, так как задача официального раздела была четко определена – информирование губернской администрации и заинтересованных лиц о новых законах, указах, назначениях и прочих официальных событиях и документах. Отличительными чертами официальной части «Томских губернских ведомостей» можно назвать стабильность, анонимность, информативность.

Если история официального отдела «Томских губернских ведомостей» не изобилует событиями (по сути, их было только два: основание газеты и ее прекращение), то «неофициальная часть» пережила несколько значимых периодов на протяжении своего существования.

Первоначально неофициальная часть заполнялась описательным краеведческим, этнографическим, географическим, историческим материалом. Так, в номере от 20 сентября 1857 года было помещено сообщение «о необыкновенных происшествиях в губернии» – о наводнении и «градобитии». В № 5–6 (1858 год) были опубликованы «Очерки г. Томска», в № 6 (1858) – «Томская старина»; в № 7 (1858) – «Окрестности г. Томска», «Томские инородцы» (автор – Заангарский Сибиряк), «Открытие золотых приисков в Томской губернии» (О.П.), «Остятское конопе» (Из статистического описания землемера Арканова). Авторы описывали особенности жизни в Томске, особенно подчеркивая «большое неудобство» томской жизни – грязь: «здесь нет мостовых», «улицы хотя и посыпаются хрящем, галькой и песком, но при дождливом лете, в особенности осенью, они совершенно наполняются грязью»[1]. Жители Томска характеризировались следующим образом: «в отношении религиозном, усердны в вере, исполнительны в правилах религии, богобоязненны и благотворительны к святым, Божиим церквам. Конечно, господствующая характеристическая черта простого народа есть склонность к праздности, разгулью и роскоши. Для приобретения легкого нередко прибегается к обманам, маловажному вдовству и мошенничеству, а женщины падают в разврат. Да где этого нет!». Автор объяснял пороки томичей тем, что «мало истинной образованности: в обыкновенном быту воспитание сыновей ограничивается обучением какому-либо ремеслу и приучением к торговле, конечно мелочной, а

[1] *Томские* губернские ведомости. 1858. № 6.

дочерей и рукоделью, и самому ограниченному хозяйству, после чего они почти обыкновенно поступают в обширный класс торговок». Описав деятельность Благородного собрания, театральную жизнь Томска и т.д., автор сделал вывод о том, что «жизнь в Томске вообще спокойна и даже приятна, только надобно уметь жить»[1].

В 1858 году в газете был опубликован целый цикл материалов, подписанных псевдонимом «Заангарский Сибиряк», о местных жителях Сибири: «Томские инородцы»[2], «Каинские инородцы»[3], «Кузнецкие инородцы»[4]. Так, описывая «томских инородцев» – татар и бухарцев, – автор старался по возможности полно охарактеризовать представителей местных народностей, от их нрава («кротки, миролюбивы и покорны властям») и внешности («по обычаю, носят бороду, но она у них почти всегда редковолосая») до праздников, свадебных обрядов, быта, одежды, положения женщин и т.д. Эта «схема» применялась и в материалах о других народностях.

Логично было бы предположить, что «Томские губернские ведомости», появившись в период подготовки и реализации крестьянской реформы, будут уделять много внимания этому вопросу. В исследованиях можно найти утверждения, что «в период проведения реформ эти газеты сыграли положительную роль, знакомя читателей с распоряжениями местной власти и став на некоторое время народным чтением»[5]. Однако в действительности крестьянская реформа практически не была отражена на страницах сибирской губернской печати: изучение годовой подшивки «Томских губернских ведомостей» за 1861 год обнаружило лишь две небольшие заметки о крестьянской реформе, и обе – в официальной части. В одной из них сообщалось: «Полученные при предложении г. исправляющего должность томского гражданского губернатора от 15 апреля за № 1889 экземпляры Высочайшего Манифеста и прочие законоположения о даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их были распубликованы по городам и округам Томской губернии: а) по г. Томску 16, по Колывани 17, Мариинску 18, Каинску 19, Бийску 20, Кузнецку 24 апреля, в г. Барнауле. По получению того Манифеста г. Горным начальником Алтайских заводов отдельно, 31 марта; б) по

[1] *Томские* губернские ведомости. 1858. № 6.
[2] *Там же*. 1858. № 7.
[3] *Там же*. 1858. № 9.
[4] *Там же*. 1858. № 9.
[5] *История* русской журналистики XVIII – XIX веков / Под ред. Л.П. Громовой. СПб., 2003. С. 480.

округам экземпляры Манифеста разосланы с нарочными в то же время, как были получены в городах»[1].

Другая заметка «О пожаловании золотой медали», помещенная в разделе «Объявления», гласила: «Государь Император, по докладу министра финансов, 10 июня пожаловал главному начальнику Алтайских заводов и Томскому гражданскому губернатору золотую медаль, установленную за труды по освобождению крестьян от крепостной зависимости»[2].

Отсутствие публикаций по крестьянскому вопросу в неофициальном отделе «Томских губернских ведомостей» было связано с несколькими обстоятельствами. С одной стороны, для Сибири, где, по сути, не было крепостничества, отмена крепостного права была не так актуальна, как для европейской части России. С другой стороны, круг авторов, пишущих для неофициальной части «Ведомостей», был еще очень узок, и уровень их публицистического мастерства нельзя назвать высоким. На этом, самом раннем этапе развития региональной печати первых корреспондентов больше интересовали краеведческие, этнографические вопросы, чем проблемы государственной политики, которые обсуждались на самом высоком уровне, в ведущих общероссийских изданиях («Современнике», «Отечественных записках», «Русском вестнике» и других). Наконец, и сибирская цензура, еще только «нащупывавшая» границы дозволенного и запрещенного, вряд ли пропустила бы на страницы губернского органа печати материал, посвященный столь непростому вопросу.

Наряду с освещением местных событий («Происшествия в Томской губернии», отчеты разнообразных учреждений) авторы неофициального отдела довольно часто обращались к историческим документам, характеризующим «старину», – это материалы Я. Андреева «Сибирская старина»[3], «Кое-что о сибирской старине»[4]; описывали окрестности Томска[5] и другие сибирские поселения[6]. Эти публикации расширяли кругозор сибиряков, знакомили их с окружающим миром, воспитывали любовь к родному краю.

---

[1] *Томские* губернские ведомости. 1861. № 19.

[2] *Там же.* 1861. № 33.

[3] *Там же.* 1858. № 9–10.

[4] *Там же.* 1858. № 10–11.

[5] *Андреев Я.* Чертово озеро // Томские губернские ведомости. 1858. № 11.

[6] *О.П.* Село Ныробское // Томские губернские ведомости. 1858, № 14; *О.П.* Статистическое описание Нарымского края // Там же. 1858. № 16; *Юрченко А.* Об иероглифах на реке Томи // Там же. 1858. № 18; *Описание* Бухтарминского края // Там же. 1858. № 24.

Газета стремилась не только дать читателю материал для чтения, но и помочь в быту. Практическая направленность отразилась в публикации «общеполезных сведений»: «Средство оплодотворять деревья»[1], перепечатанное из «Северной пчелы» за 1849 год сообщение «Для уничтожения мозолей»[2], перепечатанные из «Ведомостей Санкт-Петербургской полиции» материалы «Мастика для краски и полировки полов»[3], «Простое средство от жабы»[4], «Верное и скорое средство от жабы»[5].

В неофициальном отделе «Томских губернских ведомостей» первоначально не было постоянных рубрик, но со временем в нем появились регулярные разделы, которые вели определенные авторы. Так, «Современные заметки» автора «Н.В.» были опубликованы в № 34, 36, 38, 39 за 1858 год. В 1858–1863 годах регулярно, из номера в номер, публиковались «Метеорологические наблюдения», «Объявления», в 1860 году появился раздел «О происшествиях в Томской губернии», то есть постепенно материал неофициального отдела структурировался, приобретал привычные читателю газетные формы.

Прямой разговор с читателями начала газета в материале Заангарского Сибиряка[6] под названием «Статейка для немногих»[7]. Автор указал в ней на сложное и неоднозначное отношение части сибирского общества к местному изданию: «От нашей газеты, от наших губернских ведомостей пожалуй что многие, но вернее всего немногие будут требовать бог знает чего, будут смотреть свысока на помещаемые статьи, судить и рядить вкривь и вкось». Но «газета не должна этого пугаться», считал автор, это явление временное, ведь она «еще младенец», «дайте время, дайте срок…», к тому же находится в особых условиях – «многого и обещать нельзя, здесь не столица, а губернский город – провинция!». На содержание издания влияет и ее специфический формат: «самое название губернских ведомостей представляет ограниченную раму, чрез которую не может перескакивать всякий вид беллетристики, дозволяемой литературным и политическим газетам».

---

[1] *Томские* губернские ведомости. 1858. № 11.

[2] *Там же*.

[3] *Там же.* 1858. № 12.

[4] *Там же.* 1858. № 13.

[5] *Там же.* 1858. № 24.

[6] Псевдоним «Заангарский Сибиряк», а также криптоним «Н.В.» использовал Н.И. Виноградский, чиновник Томской губернской казенной палаты (см.: *Дмитриенко Н.М.* Первый томский краевед и журналист // Сибирская старина: Краеведческий альманах. Томск: Изд-во Том. ун–та, 2005. С. 47–48.

[7] *Томские* губернские ведомости. 1858. № 13.

Немного в провинции, по мнению автора, и исторического материала, «здесь трудно находить предметов исторических, которые бы сохранялись в архивах и могли служить главными и достоверными источниками для разных полных и подробных описаний»[1].

Заангарский Сибиряк обращался к читателю с просьбой о снисходительном отношении к газете и ее авторам: «Теперь судите, как трудно, чтобы «Томские губернские ведомости» сосредоточивали на своих страницах постоянно, всегда любопытные статьи. Конечно, надобно довольствоваться и тем, что мы имеем при наглядности в настоящее время, при желании и стремлении к тому, чтобы иметь еще труды тех, которые не поскупятся делиться ими. Не будем строги к этим трудам; не будем слишком уж разборчивы и прихотливы, а по присловию «всякое деяние благо» всем статьям и статейкам, обработанным вполне или необработанным, найдется свое место. Опять-таки нужно сказать, что на всех не угодишь: “у всякого свой вкус”»[2]. При этом он наметил программу дальнейшей деятельности газеты, которая не только могла бы «черпать мудрость» из «старых архивных дел»: «наша губерния весьма разнообразна», «один отдел географического положения ее неисчерпаем, топография и этнография почти нетронуты, а умный взгляд статистика, а постоянные наблюдения, а технологические разрешения вопросов, применяемые к местности и выражаемые удобопонятным языком для большинства публики, и вообще сообщение разного рода полезных сведений по части сельского хозяйства и домашнего быта, и прочие иные тому подобные статьи весьма удачно ложились бы на листки губернских ведомостей и составляли бы всегдашний и постоянный интерес для читателей как потребителей, необходимо нужных при издании местной газеты»[3]. То есть, по мнению автора, программа губернских ведомостей вполне позволяла сделать эту газету интересной и нужной читателю, даже не затрагивая области политики, запрещенной в такого рода изданиях.

Главной проблемой Заангарский Сибиряк считал авторский состав. Задаваясь вопросом «где же производители всех вышеозначенных статей и статеек?», он констатировал: «Вот где не только точка с запятой, но и совершенная точка». Автор пытался разобраться в сложившемся положении, понять, «в чем же причина существующей апатии», и поделился очень любопытными наблюдениями: «ищите

[1] *Томские* губернские ведомости. 1858. № 13.
[2] *Там же.*
[3] *Там же.*

этого не в недостатке умных и образованных людей, а скорее в нежелании и лени. Слышишь иногда с грустью отзывов некоторых, что в ведомостях следовало бы поместить и то, и это, что есть у них подготовленные вчерне тетрадки, да лучше послать в столичные ведомости или в какой-нибудь специальный периодический журнал»[1]. Это стремление местного писателя к публикации в столичных изданиях представляло собой еще одно проявление «умственного абсентеизма», от которого так страдала Сибири в XIX веке – столицы притягивали к себе все силы, интеллектуальные и литературные в том числе, и на долю местной газеты практически ничего не оставалось. Казалось бы, собственная провинциальная газета должна была вызвать в местном обществе желание посылать статьи и писать именно в нее: материал Заангарского Сибиряка свидетельствовал о том, что на первых порах этого не произошло. Автор «Томских губернских ведомостей» призывал («просили и молили бы мы») «для общей пользы исправлять ошибки и пополнять недостатки сообщением интересных статей». Он указывал, что «успех неофициальной части» зависит «от общего лишь соревнования и стремления поделиться сведениями в какой бы отрасли науки не было»[2].

В заключение Заангарский Сибиряк указал еще одну тенденцию местной зарождающейся печати, которая впоследствии привела к осложнениям между ней и властью: стремление «умного и просвещенного взгляда» «коснуться нашей администрации, нашего мирного и благодетельного управления и разных преобразований, ко благу Западной Сибири совершенных и совершаемых постепенно прозорливым и попечительным ее Начальником». Автор отметил, что пока «эта статья еще не начиналась», так как «мы слишком скромны» и «смиренно идем к светлой цели, указуемой нам мудрым Правительством»[3]. Но уже сама заявка на освещение деятельности местной администрации показала будущее направление мысли местных публицистов.

Это важное публицистическое выступление автора «Томских губернских ведомостей» сопоставимо с программными статьями «От редакции» при основании российских периодических изданий. Несмотря на то что «Статейка для немногих» не имеет признаков редакционного выступления, – помещена не при открытии «неофициального отдела», в середине номера, указано авторство, – по сути, она является

[1] *Томские* губернские ведомости. 1858. № 13.
[2] *Там же*.
[3] *Там же*.

именно программой неофициального отдела: с указанием специфики издания (ограниченном рамками губернских ведомостей, издающемся в Сибири), целей издания (исследование Сибири в историческом, географическом, топографическом, этнографическом, статистическом отношениях, сообщение практически значимых новостей, наблюдение за деятельностью местной администрации), авторского состава («умные и образованные люди»).

Следует отметить, что дальнейшая деятельность неофициального отдела фактически была выстроена в направлениях, намеченных Заангарским Сибиряком. В 1858 году здесь печатались почти в каждом номере «метеорологические наблюдения», материал В. Вагина «О Сибирских дорогах»[1], этнографический материал миссионера В. Вербицкого «Народные легенды кузнецких телеут о подданстве их России»[2] и другие материалы. Литературная составляющая на первых годах издания была невелика, в неофициальном отделе было опубликовано только два стихотворения Н. Пашиньки «Чары»[3] и «Жизнь»[4]. Наряду с оригинальным авторским материалом здесь публиковались перепечатки из «Мануфактурных и горных известий», «Московских ведомостей»[5], «Экономических записок»[6].

Особым вниманием пользовалось в «Томских губернских ведомостях» имя М.М. Сперанского: газета считала его «гениальным человеком нашего века», который «заслуживает того, чтобы он нем говорить все что знаешь и записать это для потомков»[7]. Заангарский Сибиряк, автор «Простых заметок из жизни М.М. Сперанского»[8] и «Дополнений о Сперанском»[9], не сомневался в том, что «правдивая история отметит его имя на своих страницах», но считал, что «современники должны собрать все, что составляет материалы для биографии М.М. Сперанского». В своих материалах Заангарский Сибиряк обобщал сведения о Сперанском – «слышанные, писанные и частью печатанные»[10].

---

[1] *Томские* губернские ведомости. 1858. № 20–21.
[2] *Там же*. 1858. № 29.
[3] *Там же*. 1858. № 15.
[4] *Там же.* 1858. № 28.
[5] *Там же.* 1858. № 26.
[6] *Там же.* 1858. № 29.
[7] *Там же*. 1858. № 17.
[8] *Там же.* 1858. № 17–18.
[9] *Там же.* 1858. № 29.
[10] *Там же.* 1858. № 17.

В 1862 году в рубрике «Библиографические известия»[1] газета обращала внимание читателей на изданную в Санкт-Петербурге книгу барона Корфа «Жизнь графа Сперанского» и в связи с выходом ее поместила на своих страницах «Стихотворение в честь графа Сперанского (писанное в Томске в 1820 году)»[2]. Автор публикации указывал, что именно «появление в свет жизнеописания графа Сперанского» вызвало «повсеместное сочувствие к великим дарованиям, необыкновенной деятельности и к государственным заслугам этого сановника». Он подчеркивал, что «в Сибири вспоминают о нем с любовью», и атрибутировал стихотворение следующим образом: написанное «в честь графа», «без означения имени сочинителя», оно было напечатано «в Томске, в типографии губернского правительства» и «сообщено одним из томских старожилов». Стихотворение называется «Кант на возвращение в Томск его Высокопревосходительства Сибирского генерал-губернатора и Кавалера Михаила Михайловича Сперанского. Августа дня 1820 года», представляет собой шесть четверостиший, написанных «высоким слогом» и перечисляющих добродетели героя: он «все видел, призрел и покоил. / Скрижаль закона утвердил, / Спокойствие племен устроил / И крин блаженства насадил» (и т.д.)[3]. «Кротость», «милость», «правота» – это основные характеристики, которыми награждается Сперанский автором «Канта»; чувства же сибиряков по отношению к генерал-губернатору описываются как «восторг» и «благодарность».

Такое отношение к Сперанскому было обусловлено не только высокой оценкой его деятельности в Сибири: на фоне полного молчания о представителях современной власти оно воспринималось как упрек в адрес сибирской администрации, не следующей заветам реформатора.

В жанровом отношении неофициальный отдел пополнялся все новыми формами: в № 29 (1858) на страницах газеты появился первый репортаж Заангарского Сибиряка под названием «Известие»: речь в нем шла об «освящении созидания соборного храма» в Томске; в № 34 (1858) была напечатана «Корреспонденция»; в № 28 (1863) впервые появился «Некролог» (А.Л. Карбоньера, председателя Томской казенной палаты, выступавшего также в роли цензора неофициальной ча-

[1] *Томские* губернские ведомости. 1862. № 13.
[2] *Там же*. 1862. № 11.
[3] *Там же*. 1862. № 11.

сти ТГВ); в № 36 за 1863 год читатели могли увидеть первый «Ответ редакции».

Первая «Корреспонденция», опубликованная в № 34 (1858), по сути, представляла собой читательский отклик на выпуск газеты. Н.И. Виноградский, подписавшийся как «Н.В.», сообщал о том, что «недавно получил от одного из ... иногородних знакомых несколько дельных замечаний на наши «Губернские ведомости»». «Иногородний знакомец» перечислял следующие недостатки, замеченные им в газете, – то есть привел список тех сведений, которые местный читатель искал в газете: «…у нас недостает статистики, нет почти местных известий о разных происшествиях и естественных событиях, нет наблюдений за атмосферою, удобопонятных для каждого мужичка, нет хозяйственных заметок, хотя, например, о рыночных ценах, нет даже сведений об открытии новых магазинов и лавок и, наконец, что всего удивительнее, нет статьи о приехавших и выехавших и проч.»[1]. Автор считал, что все недостающие материалы «будут и всенепременно будут, дайте только нам расходиться, размахаться. Ведь наша газета – новичок». Отмечал, что его знакомый «не отвергает многого хорошего, помещенного уже на страницах наших ведомостей. Спасибо! И действительно много было хорошего»: к сожалению, в этом материале нет конкретного указания на статьи, которые были одобрены иногородним читателем. Завершая корреспонденцию, «Н.В.» выражал сожаление о том, что «мало охотников и любителей чтения местной газеты», и следующим образом характеризовал ее назначение: она «должна служить зеркалом прошедшей и современной жизни Томской губернии», неофициальная часть «Губернских ведомостей» – это «единственный материал для создания истории Томской губернии, любопытной во всех отношениях». В итоге автор корреспонденции дает совет «выписывать, внимательно читать и беспристрастно ценить статьи губернских ведомостей»[2].

Аналитический подход, продемонстрированный автором корреспонденции по отношению к газете, показал зарождающийся интерес к «Томским губернским ведомостям» и высокую оценку их как «зеркала» местной жизни.

Таким образом, можно отметить, что основные направления, сформулированные Н.И. Виноградским (Заангарским Сибиряком) в «Статейке для немногих», и читательские запросы, и ожидания «иногород-

---

[1] *Томские* губернские ведомости. 1858. № 34.
[2] *Там же.*

него знакомца» в целом не противоречили друг другу, хотя масштабы были заданы разные: исследование Сибири в экономическом, географическом, этнографическом и др. отношениях – и желание узнавать из газеты об открытии новых магазинов, рыночных ценах и о разных происшествиях. Замечательно, что с № 45 за 1858 год в газете действительно появился раздел «Приехавшие и отъехавшие», а также увеличилось количество «хозяйственных заметок» – о хлебопашестве, о посеве и урожае хлеба[1], о пчеловодстве[2] и т.д.

Размышляя о роли и назначении новой газеты, авторы «Томских губернских ведомостей» пришли к выводу, что местное издание могло бы стать «проводником» известий и из столичных газет, расширив за их счет собственное информационное пространство. В материале под названием «Современные заметки» автор Н.И. Виноградский («Н.В.») писал об этом следующим образом: «Наша газета под названием “Томские губернские ведомости”, доступная по цене многим, может быть полезною и для тех, которые не в состоянии жертвовать на выписку столичных ведомостей, между тем они также любознательны и желали бы знать все достопримечательное и на Руси Православной, и в других странах. С этой целью, кажется, не будет излишним, если станем знакомить их, хотя кратко, в виде современных заметок, с интересными событиями, извлекая их из последних газет. В этом не должно быть упрека, когда видим общий размен мыслей и сведений. Санкт-Петербургские и Московские ведомости, Северная Пчела, Русский инвалид постоянно заимствуют одни от других разные статьи. Мы не будем перепечатывать, а будем рассказывать …»[3]. Примечательно, что местный публицист ориентировался на уже существующий опыт обмена материалами, то есть в качестве образца выступали столичные издания, как официальные, так и частные. И второй момент, который также обращает на себя внимание, – стремление не просто перепечатывать статьи из общерусских газет, а «рассказывать» их, выбирать самое интересное и снабжать собственными комментариями.

Мысли авторов «Томских губернских ведомостей» о расширении существующей программы шли в том же направлении, что и размышления основателей первой частной газеты «Амур»: об этом свидетельствовало объявление об издании газеты «Амур» на 1862 год. Оно представляло собой развернутую программу «Амура», «вступающего

[1] *Томские* губернские ведомости. 1858. № 47.
[2] *Там же.* 1858. № 49.
[3] *Там же.* 1858. № 34.

в третий год своего существования» и решившего «сделать несколько улучшений» в газете. Редакция первой частной газеты подчеркивала, что задача ее останется прежней: «изучать край, разъяснять превратные, к сожалению, распространяемые о нем в русской публике сведения, дать возможность к всестороннему изучению как прошедшего, так и настоящего его и служить, по возможности, полным органом нужд края»[1]. В этом отношении задачи и «Амура», и «Томских губернских ведомостей» можно считать практически одинаковыми, направленными в первую очередь на всестороннее исследование Сибири.

Планируемые газетой «Амур» улучшения были связаны с упреками некоторых читателей «в том, что она слишком *одностороння и серьезна* (курсив ред.), что, увлекаясь предположеной себе задачей, посвященная вся местным интересам, она остается слишком чуждой интересам общечеловеческим»[2]. Поэтому новая «немаловажная» задача формулировалась «Амуром» следующим образом: газета «должна удовлетворять требованиям диаметрально противоположным», «с одной стороны, если русская читающая публика может искать в «Амуре» только статей, вызванных исключительным назначением газеты – быть органом Восточной Сибири, то, с другой стороны, сибирская публика требует от местной своей газеты и того, чтобы при малом объеме она представляла ей возможно полные сведения о России»[3]. «Амур» подробно рассказал о планируемых нововведениях, призванных сделать его «справочной, настольной газетой для всех жителей Восточной Сибири, которые могли бы своевременно узнавать не только о событиях, случающихся в Восточной Сибири, но и обо всех тех, которыми ознаменовывается внутренняя жизнь как России, так и заграничная»: расширить отдел законодательной хроники, печатать общие обозрения европейской политики, создать особые отделы под названиями «Юридический отдел» и «Последняя почта». Последний должен был, по мысли редакции «Амура», представить «живую летопись внутренней жизни России во всех ее проявлениях», а основан он будет на сведениях, «извлекаемых из газет, получаемых в Иркутской публичной библиотеке, и частных корреспонденциях». Таким образом, независимо друг от друга неофициальный отдел и частная газета пришли к выводу о необходимости помещения в издании информации общероссийского, «общечеловеческого» характера и о методах, которыми можно эту

[1] *Томские* губернские ведомости. 1862. № 4.
[2] *Там же*.
[3] *Там же.*

задачу решить, – помещать в газете перепечатки или пересказы материалов общерусских газет.

Перечислив планируемые улучшения (в числе которых было и расширение литературного, беллетристического отдела), редакция «Амура» призывала к сотрудничеству авторов не только Восточной, но и Западной Сибири. Этим «первенец» частной печати Сибири положил начало «общесибирскому» направлению всех последующих независимых изданий, стремящихся работать не для ограниченного контингента (томского, иркутского, тобольского читателя), а ориентированных на всех сибиряков и интересующихся Сибирью россиян.

Объявление о подписке на «Амур» было помещено в номере «Томских губернских ведомостей» от 26 января 1862 года, а в апреле того же года издание «Амура» было прекращено по цензурным причинам. Новой программе его не было суждено реализоваться в полной мере, однако намеченные изменения показывали тот путь, по которому могла двигаться и развиваться дальше сибирская периодика.

Наиболее интересными публикациями неофициального отдела «Томских губернских ведомостей» за 1860–1863 годы являлись в основном этнографические, исторические и географические материалы[1]. Один из авторов, смотритель Томского уездного училища Н.И. Ананьин, поместил в неофициальном отделе «Копию с грамоты Михаила Федоровича» 1633 года, предварив ее следующим замечанием: «Считая местную газету лучшим, всем доступным и самым безопасным хранилищем старинных актов, достойных исторического ведения о здешнем крае, препровождаю при сем копию с означенной грамоты, прошу поместить ее в “Томских ведомостях”»[2]. Эта высокая оценка газеты как «хранилища» исторических источников и в дальнейшем побуждала к публикации на ее страницах разнообразных документов прошлых лет.

Среди библиографических материалов неофициального отдела особо выделяется «Объявление» об издании книги «Описание Сибири». Автором этого развернутого материала был И.И. Завалишин,

---

[1] *Свадебные* обряды крестьян Кузнецкого округа // Томские губернские ведомости. 1860. № 2; *Исторический* обзор построения в г. Томске кафедрального собора во имя св. Троицы // Там же. 1860, № 22, 23, 24; *Андреев Я.* Песни обитателей Томской губернии // Там же. 1860. № 49; *Вербицкий В.* Кончина века по преданиям Алтайских инородцев // Там же. 1860. № 30; *Поездка* на Телецкое озеро //Там же. 1860. № 37; *О киргизах* Бухтарминского края // Там же. 1861. № 15; *Предание* алтайских инородцев // Там же. 1861. № 27; *Миф* о происхождении верблюда и осла // Там же. 1861. № 32; *Взгляд* на экономический и общественный быт Киргизии (Из путевых заметок Русанова) // Там же. 1861. № 36; и др.

[2] *Томские* губернские ведомости. 1860. № 46.

младший брат декабриста Д.И. Завалишина, который характеризовался советскими историками однозначно: политический провокатор, доносчик. О необычном складе характера И.И. Завалишина и не красящих его поступках написано достаточно много[1]. Однако, пережив в молодости увлечение политической деятельностью, свое стремление к самоутверждению он в итоге реализовал в качестве писателя: «Описание Сибири» И.И. Завалишина до сих пор используется краеведами, историками, этнографами.

В «Томских губернских ведомостях» И.И. Завалишин следующим образом обозначил цель своей книги: «Усвоение себе не только Россией, но и Европой здравых и точных понятий о Сибири, изложенных языком популярным и в форме, доступной пониманию каждого, есть ныне настоятельная необходимость»[2]. Желание познакомить Россию и Европу с Сибирью Завалишин мотивировал ее скорым превращением в «один из мировых стратегических, дипломатических и торговых пунктов для исторического хода человечества»; кроме этого, писатель был уверен, что «как край малоизвестный и столь же мало исследованный, Сибирь заслуживает полного внимания не только администратора, купца, фабриканта, заводчика, золотоискателя, но и литератора, художника, ученого, одним словом, каждого просвещенного и любознательного человека». Руководствуясь этими задачами, И.И. Завалишин составил план будущего издания, в который и посвятил читателя «Томских губернских ведомостей»: в первом томе, характеристике которого он посвятил свое объявление, должна была описываться Западная Сибирь в составе Тобольской и Томской губерний. Подробнейшим образом перечислив главы будущей книги, писатель особенно акцентировал внимание будущих покупателей его труда на том, что издание будет иллюстрировано «50-ю фотографическими рисунками городов и других замечательных местностей, монастырей, соборов и церквей, исторических святых икон и приснопамятных могил, портретов деятелей по части преуспеяния края и типов племен его населяющих», картой Западной Сибири и будет включать в себя 25 «статистических таблиц и ведомостей». Читатели «Томских губернских ведомостей» могли убедиться в том, что сведения Завалишина верны, обратив внимание на фразу о «поездках моих по Западной Сибири для проверки

[1] См. напр.: *Колесников В.* Записки несчастного. Пг., 1914; *Штрайх С.* Провокатор Завалишин. М., 1928; *Лотман Ю.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988.

[2] *Томские* губернские ведомости. 1863. № 33.

нового издания» и на адрес, куда следовало обращаться по поводу подписки: город Ялуторовск Тобольской области, то есть автор будущего издания сам жил в Сибири и изучал ее лично во время своих путешествий.

Необходимо отметить, что и объявления об издании газеты «Амур», и книги И.И. Завалишина публиковались «Томскими губернскими ведомостями» наряду с многочисленными рекламными сообщениями о подписке на разнообразные русские газеты и журналы (рубрики «Объявления» и «Библиографическое известие»): «Семейный круг»[1], «Северный цветок»[2], «Промышленность»[3], «Народное чтение»[4], «Библиотека избранных романов и повестей переводных»[5], «Чтение для солдат»[6], «Архитектурный вестник»[7], «Биржевые ведомости»[8] и т.д. Эти объявления о подписке служили не только рекламным, но и просветительным целям – читатель в отдаленной российской провинции узнавал о существовании изданий, знакомился с их программой, поскольку практически все известия о книгах и периодических изданиях были составлены с указанием целей и задач издания, его содержания, направления, с перечислением рубрик и разделов, особых обстоятельств, связанных с изменением выхода, расширением программы.

В 1860-х годах в неофициальном отделе продолжилась практика помещения статей, основанных на материалах столичных газет и журналов: «Извлечение из статьи доктора прав и философии Н. Варадинова, помещенной в Журнале министерства внутренних дел… кн. 12 на 1859 год, под заголовком «Училища нянек и фельдшериц при Санкт-Петербургском воспитательном доме»[9], «Об очищении кож палого скота (Журнал министерства внутренних дел)»[10], «Текст слова Государя Императора к волостным старшинам и сельским старостам Московской губернии» (заимствовано из № 261, Санкт-Петербургские ведомости на 1862 год)[11], «Всеподданнейшее письмо от Томского городского общества всемилостивейшему государю» (извлечено из газе-

[1] *Томские* губернские ведомости. 1860. № 38, 44.
[2] *Там же*. 1860. № 38.
[3] *Там же*. 1860. № 6.
[4] *Там же*. 1861. № 6.
[5] *Там же*. 1861. № 9.
[6] *Там же*. 1861. № 10.
[7] *Там же*. 1861. № 28.
[8] *Там же*. 1861. № 45.
[9] *Там же*. 1860. № 22.
[10] *Там же*. 1860. № 39.
[11] *Там же*. 1863. № 6.

ты Министерства внутренних дел «Северная почта», июля 11 дня, 1863 года)[1]. В последнем случае возможно определить «временной разрыв» между публикациями в столичной и сибирской прессе: 11 июля «Северная почта» – 23 августа «ТГВ», то есть полтора месяца требовалось, чтобы «доставить» информацию до сибирского читателя.

Так как газета была подцензурной, ее подписывали в печать директор училищ Мещеринов (1858), председатель Томского губернского правления Анненский (1860), томский гражданский губернатор, генерал-майор Озерский (1858, 1860, 1862, 1863), действительный статский советник Карбоньер (1861), статский советник Оболенский (1862) и другие официальные лица.

Авторский состав неофициального отдела был довольно «подвижным»: в 1858 году в газету писали Н.И. Виноградский (Заангарский Сибиряк), В.И. Вагин, Г.Н. Потанин, В. Вербицкий, А. Юрченко, А. Ермолаев, Н.А. Абрамов, В. Пакулеев, старший лекарь И. Феоктистов. В 1860-м, кроме уже упомянутого миссионера Вербицкого и старшего учителя Я.С. Андреева, в газете принимали участие коллежский асессор Н.И. Ананьин, член ученых обществ А.И. Лалетин, В. Осипов, ветеринарный врач В. Гинзбург, старший учитель Томской губернской гимназии Ф.В. Рудаков, директор училищ М.Л. Попов, акушер Зацкевич и другие представители сибирской интеллигенции. Со временем авторский состав вновь сократился: в 1861-м в качестве авторов выступали священник И. Федоров, миссионер Алтайской миссии, священник Арсений Ивановский; по-прежнему писали в газету старший учитель гимназии Ф.В. Рудаков, миссионер В. Вербицкий, директор училищ Томской губернии М.Л. Попов; в 1862-м на страницах газеты встречались фамилии только троих участников – И. Русанова, В.К. Рашета и В. Вербицкого.

В 1863-м в неофициальном отделе начал постоянно сотрудничать Д.Л. Кузнецов – преподаватель словесности Томской губернской мужской гимназии, воспитанник Казанской духовной академии (его первый материал был опубликован в № 8 за 1863 год, затем он печатался почти в каждом номере). В том же 1863 году Д.Л. Кузнецов стал редактором неофициальной части «Томских губернских ведомостей»: № 36 от 13 сентября 1863 года впервые был подписан его именем, а имя цензора неофициального отдела, напротив, с того времени перестали

[1] *Томские* губернские новости. 1863. № 33.

публиковать, оставив только фразу «Печатано с разрешения цензуры в Томской губернской типографии».

Таким образом, в первый период истории неофициального отдела «Томских губернских ведомостей», в течение 1857–1863 годов, он приобрел достаточно устойчивую структуру с постоянными новостными и рекламными рубриками, расширил жанровую палитру за счет таких жанров, как корреспонденции, репортажи, некрологи и т.д. Вокруг неофициального отдела сложился круг авторов, среди которых выделяются постоянные сотрудники газеты: В. Вербицкий, Я. Андреев, Д. Кузнецов. Газета активно искала своего читателя, обращалась к нему со страниц неофициального отдела, отслеживала читательскую реакцию на выпуск нового издания, пыталась сформулировать главные цели и задачи своей деятельности. Несмотря на то что в первые годы работа над определением концепции газеты велась более оживленно, а к 1863 году заметно снизилась, неофициальный отдел выполнял поставленную задачу исследования Сибири, отражения местной жизни, просветительской деятельности.

Новый этап развития неофициального отдела – 1863–1865 годы – был связан не только с появлением постоянного официального редактора, но и с приобретением газетой нового качества – публицистичности. До этого только отдельные материалы неофициального отдела «Томских губернских ведомостей» обладали этим свойством; однако с приходом Д.Л. Кузнецова в издании начались заметные изменения. Во-первых, в неофициальной части появился новый жанр – передовая статья. Это сразу подняло газету на новый уровень, позволило ставить и обсуждать местные проблемы, а не только информировать читателя о происходящих событиях. Первые передовые статьи, принадлежащие перу Д.Л. Кузнецова (в № 36, 37, 38 и далее почти в каждом номере за 1863 год), были посвящены анализу городской жизни – общественной, хозяйственной, информационной (появление в Томске телеграфной связи), учебной (об открытии в Томске Мариинской гимназии) и т.д. Практически каждый материал, кроме описания текущих явлений, событий, проблем, содержал предложения по улучшению жизни в Томске.

В целом рубежный 1863 год выделяется бедностью авторского состава – на страницах газеты встречаются только две фамилии – Д.Л. Кузнецов (на 80% заполнявший неофициальную часть своими авторскими материалами) и В. Вербицкий. Среди материалов этого года крайне информативным является отрывок из объемной публикации

«Отчет публичной библиотеки при Томской губернской гимназии за первую половину 1863 года», растянувшейся на несколько номеров[1]. В № 42 (1863) речь шла о 100 подписчиках библиотеки, которые пользуются услугами выдачи на дом книг и периодических изданий. Автором этого материала являлся Д.Л. Кузнецов, который был старшим учителем гимназии. Сообщив читателям, что в 1860 году число жителей Томска составляло около 20 тысяч человек, он признавал: всего 100 подписчиков «прямо свидетельствуют о недостатке потребности чтения, о неразвитости целой массы томского населения». Но читательские интересы этих подписчиков, по мнению Кузнецова, «могли смело подтвердить, что библиотека существует у нас недаром»[2].

Приведя статистику состава читателей библиотеки, автор пришел к выводу, что, не считая учителей и учащихся, «по долгу службы» вынужденных постоянно пользоваться услугами библиотеки, наиболее активными читателями были представители дворянского сословия и купцы. В целом, по сведениям Д.Л. Кузнецова, 100 читателей в течение полугода получили на дом 1305 «месячных журналов», 882 номера «недельных изданий», 1065 «различных ведомостей и газет». По подсчетам Кузнецова, «причитается средним числом на одного подписчика почти по 4 книги, по 13 журналов, по 9 еженедельных изданий и по 10 номеров газет»[3]. Подробная роспись выданных изданий показывала, что лидером среди них был «Журнал для детей»: было выдано 416 номеров этого журнала. Среди «толстых» российских журналов наибольшим спросом пользовались «Современник» (было выдано 406 номеров), «Отечественные записки» (243) и «Русский вестник» (204). Интересовала сибиряков и «Библиотека для чтения» (151), а также иллюстрированные журналы – «Иллюстрация» (139) и «Искра» (116). Читатели проявили активность в отношении журнала братьев Достоевских «Время» (69) и ведущего прогрессивного журнала «Русское слово» (77). Из газет чаще всего спрашивались «Московские ведомости» (272), «Санкт-Петербургские ведомости» (228), «Сын Отечества» (156), «Сенатские ведомости» (92), «День» (86).

Таким образом, анализ читательских предпочтений томичей показывал востребованность «толстых» журналов демократического и либерального направлений, интерес к изданиям иллюстрированным и сатирическим и выбор в качестве источников информации официаль-

---

[1] *Томские* губернские ведомости. 1863. № 30, 40, 41, 42.
[2] *Там же*. 1863. № 42.
[3] *Там же.*

ных газет. Это свидетельствовало о формирующемся хорошем вкусе сибирской публики, отдающей предпочтение ведущим русским журналам и качественным изданиям газетного типа.

В 1864–1865 годах в неофициальном отделе «Томских губернских ведомостей» начали регулярно публиковаться статьи Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. О привлечении их в редакцию дореволюционный исследователь томской журналистики Вс. Крутовский сообщал следующие сведения: «Случилось так, что в 1863 году Г.Н. Потанин, только что вернувшийся из Петербурга, был приглашен в Омск на место младшего переводчика татарского языка при Струве, начальника разграничительной комиссии с Китаем. Н.М. Ядринцев не пожелал с ним расстаться и тоже приехал в Омск, где жил частными уроками.

Служба младшего переводчика, по признанию самого Г.Н., была чистейшей синекурой, совершенно его не удовлетворявшей. Поэтому, узнав, что в Томске стало вакантным место секретаря статистического комитета, он обращается к генерал-губернатору с просьбой о переводе. Дюгамель согласился.

По приезде в Томск Г.Н. Потанин вскоре перезнакомился с немногочисленными тогда представителями местной интеллигенции, встречался и с Д.Л. Кузнецовым, от которого получил приглашение сотрудничать в неофициальном отделе.

Он немедленно об этом сообщает оставшемуся в Омске Н.М. Ядринцеву. Тот бросает уроки и спешит в Томск.

Несомненно, в истории “Томских губернских ведомостей” ни до этого, ни после не было такого блестящего состава сотрудников. Трио из Д.Л. Кузнецова и двух будущих светил сибирской публицистики – Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева – превращает затхлые “Губернские ведомости” в выдающуюся для своего времени по содержанию и направлению газету»[1].

Нужно отметить, что Г. Потанин еще в 1858 году выступал под своей фамилией на страницах неофициального отдела «Томских губернских ведомостей» с материалом «Заметки к статье миссионера Вербицкого»[2]. Дополняя и уточняя собранные Вербицким сведения о героях преданий кузнецких телеутов, он сожалел, что миссионер «рассказал своими словами» эти предания, а не опубликовал их «буквальный перевод». По мнению Потанина, «чрез это мы потеряли красоты

[1] *Крутовский В*. Периодическая печать в Томске… С. 286.
[2] *Томские* губернские ведомости. 1858. № 38.

языка и выражений», «поэтические изображения местной природы, которыми так богаты бывают народные произведения»[1].

В 1864 году Г.Н. Потанин опубликовал статью «Г. Шелгунов перед судом образованной Сибири (Посвящается Н.М. Ядринцеву)» (подписана Г.П.)[2]. Отметив, что «литература о социальной жизни Сибири почти не существует», Потанин приветствовал появление «двух небольших статей г. Шелгунова “Гражданские элементы Иркутского края” и “Сибирь по большой дороге”, помещенные в “Русском слове”». Эти статьи для Сибири, по мнению публициста «Томских губернских ведомостей», «составляют в ней эпоху». Но все-таки сибиряки – «те из нас, которые интересуются литературой о своей родине», – чувствуют себя неудовлетворенными после чтения этих статей: от Шелгунова «можно было ожидать более живого рассказа и более полной картины современного сибирского общества», автор «далеко не захватил всех сторон сибирской жизни». Проанализировав освещение вопросов, поставленных Шелгуновым, – о «лавочничестве», криминальной обстановке в Сибири, о «замене чуждого стране чиновничества туземным», – Потанин отдал должное публицисту, который «осудил нас беспристрастно и затронул нашу жизнь глубже, чем другие путешественники и сочинители статистических описаний». «Неудовлетворяемость» же сибирских читателей, считал Потанин, происходит от того, «что мы слишком требовательны, от путешественников по Сибири мы хотим... таких же интересных очерков, какие пишутся о европейских странах». Но пока сибирское общество «безжизненно», в книгах может отражаться «только туповатая наша физиономия и бесцветные глаза». Для изменения ситуации Потанин рекомендовал начать «жить, думать, любить, ненавидеть, страдать, выдумывать надежды, планы, утопии, симпатии, антипатии, создать внутреннюю борьбу страстей», и тогда «богатство и разнообразие идей жизни отразится в книгах»[3]. Эта статья Потанина стала «прологом» к будущему разговору об общественной жизни в Сибири, продолженному на страницах «Томских губернских ведомостей» в 1865 году.

С 1864 года одной из главных тем в неофициальном отделе «Томских губернских ведомостей» становится тема сибирского университета. Ее «зачинщиком» стал Н.М. Ядринцев, поместивший в № 5 статью «Потребность знания на Востоке: по поводу сибирского универ-

---

[1] *Томские* губернские новости 1858. № 38.
[2] *Там же.* 1864. № 40.
[3] *Там же.*

ситета». Горячий сторонник просвещения Сибири, Ядринцев считал открытие высшего учебного заведения залогом ее будущего возрождения и процветания, полагая, что сибирское общество готово поддержать эту идею.

Содержание статьи – это речь Н.М. Ядринцева, произнесенная в 1863 году в Омске на литературном вечере, устроенном для сбора средств на школу для детей казаков. Выделив два этапа истории колонизации русскими Сибири, он выразил уверенность, что пришло время осознания местным обществом настоящих интересов Сибири, избавления от прошлых ошибок и создания «более лучших форм общественной гражданской жизни». На первый план теперь выходит потребность «в более совершенном образовании народа и развитии его духовных сил», что и приводит к выводу о необходимости создания сибирского университета: «известно, что сибирский университет с давних пор составляет самую заветную мечту, самый любимый идеал сибиряков-патриотов. Почти нет ни одной статьи о Сибири, нет ни одной книги, занятой описанием ее, чтобы не высказывалась в них мысль о необходимости высшего учебного заведения в нашем крае. Несмотря, однако, на то, что эта мысль въелась в наше общество, сроднилась с ним и сделалась святым желанием и самой близкой потребностью, она остается до сих пор одною мыслью, даже без серьезных попыток к приведению ее в исполнение. До сих пор она считалась одним предположением в будущем, и в будущем далеком, между тем как потребность в создании университета все более и более выяснялась и становилась настоятельнее»[1].

Н.М. Ядринцев не отрицал, что молодые сибиряки, стремящиеся к знаниям, и теперь «часто чуть не пешком, без всяких средств к жизни» отправляются за тысячи верст в университеты Европейской России. Получая образование, они ютятся «на смрадных чердаках столиц и в бедных каморках провинциальных университетских городов». Но те, кто остается в Сибири, оказываются в итоге «затертыми в душных сферах невежественной среды, опустившимися, одряхлевшими, с разбитыми надеждами и энергией», хотя они когда-то и стремились «лучшими силами души принести пользу своему краю, своей родине».

Главная же проблема, по мнению Ядринцева, состояла в том, что многие из окончивших высшие учебные заведения не возвращались обратно в Сибирь, они предпочитали оставаться в Европейской Рос-

[1] *Томские* губернские ведомости. 1864. № 5.

сии. Приведя список таких сибиряков, которых «потеряла» родина, – профессора Щапов, Корсак, Чугунов и Менделеев, – Н.М. Ядринцев пришел к выводу: «…наше общество, выделяя даровитые личности, не получает от них никакой пользы для своего края». Отдельные же выпускники российских университетов, вернувшись домой, не вносят «новых элементов в общество», глохнут в атмосфере «апатии и квиетизма (бездейственности)». То есть университетский вопрос рассматривался публицистом не только как проблема получения знаний, а прежде всего как средство для «прекращения отлива молодых сил из края». Н.М. Ядринцев считал, что Сибири суждена роль «создать ту цивилизацию, которая будет служить последним звеном, смыкающим образованные народы умеренного пояса Северного полушария. Сибирский университет будет зародышем этой цивилизации. Мы указали на средства, которыми он может как можно скорее осуществиться; а обществу остается сказать: мы хотим университета, мы готовы дать средства, и сибирский университет будет, будет и будет!!»[1].

Разговор о собственном высшем учебном заведении на страницах неофициального отдела «Томских губернских ведомостей» был продолжен в №8 (1864), в котором был размещен материал «Еще о Сибирском университете»: это перепечатка статьи из «Санкт-Петербургских ведомостей», автор которой разделял взгляды Ядринцева. Публицист столичной газеты упрекал сибирских золотопромышленников за «равнодушие их к образованию юношества»: «около 40 лет занимаются там частные лица разработкой приисков, добыванием золота; многие из них нажили миллионы, а между тем не позаботились до сих пор устроить в Сибири университет, пожалели уделить известный процент на открытие высшего учебного заведения, чтобы доставить местному молодому поколению возможность получать высшее образование, не выезжая из своего края, что увеличило бы производительность Сибири и вознаградило бы сторицею жертвователей и их потомство»[2]. Мысль о собственном сибирском университете, указывал автор «Санкт-Петербургских ведомостей», существует более 60 лет, и даже есть крупное пожертвование П.Г. Демидова на устройство университета в Тобольске, сделанное в 1803 году. Однако с того времени разговоры о сибирском вузе утихли, поскольку «местное управление не совсем благосклонно относилось к этому делу», а «некоторые утверждали, что рано еще открывать университет в Сибири, что нет в нем надоб-

[1] *Томские* губернские ведомости. 1864. № 5.
[2] *Томские* губернские ведомости. 1864. № 8.

ности». Эта точка зрения подвергается резкой критике публициста, он подчеркивает, что в Сибири «уровень образования находится на самой низкой степени», это является причиной, по его мнению, слабого развития «производительных сил страны, давно ожидающей местных деятелей вместо наезжающих туда случайно».

В этом публицистическом выступлении, как и в статье Ядринцева, были намечены основные «болевые точки», которые затем проблематизировались и обсуждались в периодике: стремление остановить «абсентеизм» молодежи, лучшие представители которой уезжали получать образование в Европейскую Россию и уже больше не возвращались на родину; необходимость поддержки идеи университета местным обществом, в том числе и материальной поддержки; полемика с противниками высшего учебного заведения в Сибири из-за ее «неготовности»; формирование областнической доктрины, в которой вопрос об открытии местного университета занимал центральное место.

Одним из самых плодовитых авторов неофициального отдела «Томских губернских ведомостей» в 1864 году был его редактор – Д.Л. Кузнецов. Практически в каждом номере появлялись его публикации о различных проблемах сибирской и томской жизни, в том числе в жанре передовых статей. В середине года передовые внезапно исчезли со страниц газеты. Объяснение этому явление было дано в статье Д. Кузнецова «Томск, 18 сентября»[1]. Редактор и автор «передовиц» отмечал, что «очень давно в наших ведомостях не появлялось под настоящей рубрикой ни слова, ни строчки; но не думаем, чтобы это было таким заметным явлением, о котором бы стоило теперь вести речь и объяснять причины, почему дело вышло так, а не иначе». Он с горечью писал о том, что редакции «хорошо известно о внимании, которым пользуются губернские ведомости среди местного общества, равно как и то положение, которое занимают они вообще пред судом всего русского читающего люда»: газетные статьи не имели «никакого влияния на заведенный у нас порядок вещей», и писать в газету, по мнению Кузнецова, означало «бесполезную трату времени». Редактор подчеркивал, что авторы неофициального отдела находятся в какой-то изоляции, они вынуждены «говорить без всяких последствий, без всякого отзыва со стороны общества… говорить как будто шутя, для собственного удовольствия, для нескучного препровождения времени, говорить, положим, и не всегда практически верные предположения и

[1] *Томские* губернские ведомости. 1864. № 37.

мысли, но все-таки говорить голосом вопиющего в пустыне и не встретить ни одного замечания, ни одного отклика, в котором бы кто-нибудь выразил свое сочувствие к поднятым общественным вопросам – воля ваша! – это такое дело, после которого невольно посмотришь на себя, как на человека, толкущего воду или усердно переливающего из пустого в порожнее»[1].

Отыскивая ответ на вопрос, почему же статьи «Томских губернских ведомостей» не вызывают никакой реакции со стороны общества, редактор предположил, что это следствие любви сибиряков к словам, а не к реальным делам: «мы любим поговорить, любим удовлетворять этой человеческой потребности, любим задаваться высокими космополитическими и философскими вопросами». Д.Л. Кузнецов призывал читателей не ограничиваться «одними гостиными восклицаниями», а выражать свое мнение «серьезным печатным словом, высказанным спокойно и твердо, без гнева и увлечения»; он утверждал, что в обществе есть много «лиц, способных владеть пером и сочувствующих всему доброму и хорошему в устройстве общественной жизни», а статей, в которых была бы оказана «поддержка общественным интересам», практически нет.

Автор передовицы выступил в защиту газеты от тех «господ», которые думают, что «губернские ведомости не стоят того, чтобы в них заявлять свои серьезные убеждения и стремления»: «в этом-то ложном взгляде и кроется причина того, что наши ведомости при недостатке в них разнородных статей мало расходятся и мало читаются». Он был уверен, что вина такого положения вещей не в статусе ведомостей, а в отношении к ним тех, кто «смотрит на них с пренебрежением и вместо того, чтобы поддержать местный, возможный по условиям провинциальной жизни орган гласности, или спокойно отделываются одними ораторскими речами, или же жаждут чтения столичных газет и им только дают право разбирать наши домашние дела, вовсе не подозревая того, что в этом случае иногда прямо идут против своего высказываемого устно стремления – развивать областную жизнь и не поддерживать одной исключительной централизации». При этом, по замечанию Кузнецова, далеко не все губернские ведомости находятся в таком состоянии, как в Томске: «разверните любую столичную газету и вы увидите в ней целый ряд дельных выписок из разных губернских ведомостей, на долю которых выпала лучшая судьба в сравнении с на-

[1] *Томские* губернские ведомости. 1864. № 37.

шими ведомостями и в которых слышится голос не только одного или двух лиц, но многих членов общества, знакомых с теми или другими местными предметами и явлениями». Такие газеты, подчеркивал редактор неофициального отдела, «читаются с интересом, и статьи их находят себе отзыв не только среди местного общества, но и в столицах». Автор завершал свое объемное публицистическое выступление призывом: «Дайте же, пожалуйста, господа, ваших статей в наши ведомости и поддержите их интерес разработкой многосторонних вопросов нашего слишком мало известного края!» и выражал надежду, что со временем положение ведомостей улучшится и авторы смогут получать достойное вознаграждение за свой труд[1].

Сопоставление этой передовой статьи с публицистическими материалами первых лет издания «Томских губернских ведомостей» позволяет сделать вывод, что первая томская газета за восемь лет своего существования не смогла достичь устойчивого интереса публики и сплотить вокруг редакции постоянный круг авторов. Сибирский читатель по-прежнему предпочитал столичные газеты и мало интересовался местными вопросами. Как прежняя цель издания – всестороннее исследование Сибири, так и новая цель, озвученная Д.Л. Кузнецовым, – воздействовать на общество с целью улучшения жизни, привлекать его внимание к насущным проблемам, не могли быть выполнены из-за пренебрежительного отношения местной интеллигенции к собственной газете. Заслугой редактора являлась попытка изменить сложившееся положение, привлечь к газете новых авторов и расширить круг читателей, сделать «Томские губернские ведомости» влиятельным органом печати.

Результаты изучения авторского состава газеты во второй трети 1864 года свидетельствуют о том, что призыв Кузнецова достиг цели. В неофициальном отделе стали появляться новые фамилии – свои статьи опубликовали И. Пахоруков[2], В. Нестеровский[3], Е. Парамонов[4], священник В. Гурьев[5] и др.

Самый яркий в истории «Томских губернских ведомостей» 1865 год был открыт статьей Н.М. Ядринцева «Сибирь в 1-е января 1865 года». Приветствуя наступление нового года как «момент радостных ожиданий и лучших надежд человека», когда «сбрасывают с своих плеч

[1] *Томские* губернские ведомости. 1864. № 37.
[2] *Там же*. 1864. № 41.
[3] *Там же*. 1864. № 43.
[4] *Там же*. 1864. № 48.
[5] *Там же*. 1864. № 49.

минувший год и с трепетной надеждой на лучшее ждут нового», публицист задавался вопросом: что дало сибирякам-читателям прошлое, история Сибири? Это, по его мнению, «печальная картина»: «с самого завоевания Сибири она встречает громадные препятствия своему развитию и всестороннему удовлетворению своих потребностей». Борьба с природой, злоупотребления местной власти, «воеводские грабежи, самовольный правеж народом, деспотические притеснения» – все это, указывал Ядринцев, «наложило тяжелую печать на сибиряков», определило «отсутствие самобытности» этого народа. Сибирское общество виделось автором разъединенным, лишенным общественных интересов, не стремящимся «к соблюдению интересов своего края»[1].

Публицист ставил ряд вопросов: «Посмотрите, было ли хоть одно предприятие, которое сосредотачивало бы все силы Сибири? Было ли предприятие, которое бы одинаково интересовало всех сибиряков? Было ли хоть одно дело общественное всей Сибири?» – и отвечал на них однозначно: «Нет. Не было». Губернии Сибири, считал Ядринцев, «ничем не связаны», «города стоят, как чужестранные, деревни чужды друг другу, общего интереса у них нет». Картина всеобщего разъединения усугублялась описанием края в целом: «Наша страна, раскинутая на 280.000 кв. миль, лежит в запустении, как мертвый труп. Целые тысячные пространства представляют безмолвные пустыни, не оживленные жизнью, без городов и деревень, без всякого населения или только с редко разбросанными кочующими инородцами».

Н.М. Ядринцев применял метод обращения к читателям с серией вопросов, показывающих движение публицистической мысли: «Кто видел, кто исследовал эти пустыни и дремучие урманы с их вековыми хвоями и необозримо колеблющимися синими волнами лесных вершин? Кто подумал об их заселении и культуре? Составлялись ли у нас колонизационные общества для заселения страны подобно американским торговым компаниям и бразильским обществам капиталистов? Думали ли сами сибиряки о необходимости колонизации о ее выгодах для Сибири?». Последовательность и логика вопросов позволили Ядринцеву перейти от описания положения Сибири в целом к характеристике отдельных вопросов – экономического положения Сибири, образования, культурной жизни и т.д. Неутешительный вывод, к которому в итоге пришел Ядринцев, состоял в том, что «у сибирского народа отнимались его будущее, оспаривалось общечеловеческое право

[1] *Томские* губернские ведомости. 1865. № 1

на цивилизацию», судьба его народа – «страдальческая». Такое прошлое, по мнению публициста, «нам не за что любить, мы о нем можем только жалеть»: все надежды Ядринцев возлагает на будущее, в котором возможно «осуществление заветных идеалов наших». От изображения темного и несчастливого прошлого автор статьи переходит к планируемым изменениям: «наступает время, когда Сибирь должна подумать о своих интересах и о своем будущем», «пусть сибирское общество соединится от Урала до Восточного океана, чтобы создать новую жизнь Сибири, начнет жить умственною жизнью и заботиться о своем самобытном всестороннем развитии»[1].

Центральным пунктом желательного будущего, по мысли Ядринцева, является собственный сибирской университет. Публицист подчеркивал, что его главное назначение – остановить «утечку мозгов»: «сибирские юноши, уезжая в университеты, безжалостно покидали навсегда свою родину. Таким образом Сибирь, лишаясь своих умственных сил, не вознаграждалась вполне наезжими образованными людьми, чуждыми краю». Свое выступление Ядринцев заканчивал обращением к молодежи: «Мы призываем в интересах страны нашей образовывающееся сибирское юношество в российских университетах возвращаться на родину для служения ей. Ему принадлежит разработка и исследование девственной страны нашей, ему принадлежит воспитание и образование своих земляков и создание того заветного будущего, в которое заживет страна наша лучшею жизнью. Мы надеемся, что образованное сибирское юношество с горячей патриотической любовью, с гражданским самопожертвованием начнет святой труд на благо своей родины. Этими надеждами мы начинаем новый год, самыми светлыми надеждами, и желаем, чтобы скорей осуществились эти надежды, скорей начался приход грядущего, в котором мы видим занимающуюся зарю Сибири»[2].

В этом выступлении, как в фокусе, отразились все основные положения областнической идеи: мысль о самобытности Сибири, стремление остановить «умственный абсентеизм» с помощью местного университета, осознание статуса Сибири как колонии, понимание «местного патриотизма» как работы на благо «малой родины», недоверие к «наезжим».

В этом же первом номере 1865 года был помещен материал «Голос из деревни», который представлял собой отклик на упоминавшуюся

[1] *Томские* губернские ведомости. 1865. № 1.
[2] *Там же*.

статью Д.Л. Кузнецова, призывавшего к обсуждению общественных проблем и диалогу читателей с газетой. Автор статьи, Е. Щепоткин, размышляя об особенностях деревенской жизни, указывал, что «тысячи местных условий и особенностей трудно, невозможно привесть к единой норме», как это пытаются сделать власти. Это так же невозможно, как разобраться с местной жизнью с помощью одной столичной печати: «В столичных журналах всяких изданий, видов и названий читаем бездну рассуждений, трактатов, указаний, и все как будто не дочитываем чего-то. Этот-то пробел и должен бы, кажется, пополняться в местных губернских ведомостях, местными жителями, знакомыми с местными условиями, особенностями края. В самом деле размен наблюдений, опытов, сведений о местности скорее, удобнее, вернее может высказаться в местной газете от местных жителей, нежели в журналах и от мыслителей столичных»[1].

Автор материала сравнивает два подхода к изложению материала: «Кому не случалось читать красиво написанную нелепицу о Сибири? Сибиряк дома хоть и написал бы некрасиво, да сказали бы ему спасибо за правду, за верность взгляда, которые всегда могут послужить путем к лучшему». Е. Щепоткин предложил в статье свои проекты улучшения процесса сдачи податей, работы волостных судов, распространения грамотности исходя из собственного опыта, тем самым подавая пример использования местной газеты в целях служения общественной пользе.

Третьим крупным материалом первого номера 1865 года была статья В. Вербицкого о легендах кузнецких татар. Таким образом, весь выпуск был пронизан концептуальным единством с основными направлениями газеты 1864 года: осмысление прошлого Сибири параллельно с обозначением планов на будущее, оценка значения университета для возрождения Сибири; представление газеты как дискуссионной площадки для молодой сибирской интеллигенции; исследование Сибири в этнографическом, географическом плане. Этот основной материал был дополнен «Мелкими известиями» (новой рубрикой, появившейся в 1865 году). Эти небольшие заметки дополняли и развивали главные идеи номера: материал «мелких известий» свидетельствовал об интересе к Сибири со стороны мирового сообщества (новость о новой книге на французском языке о путешествии по Сибири); о продолжающихся научных исследованиях края (информация о выходе статьи

[1] *Томские* губернские ведомости. 1865. № 1.

Потанина «Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении» в IV выпуске «Этнографического сборника»); об активизации общественной жизни (сообщение о пожертвовании нового дома для школы в Енисейской губернии); а также о культурной жизни Сибири (слух о будущих публичных лекциях)[1].

Университетская тема, тесно переплетавшаяся с проблемами общественной жизни Сибири, в 1865 году освещалась практически в каждом номере, в разных формах и жанрах. Так, в № 3 за 1865 год в неофициальном отделе «Томских губернских ведомостей» был помещен материал «Литературный вечер в Омске» (подписан «Z.»). Автор подчеркивал значение публичных чтений в Сибири, считая, что они в какой-то степени заменяют практически отсутствующие органы печати: они «устраиваются в сибирских городах не для одного только приятного препровождения времени, но, по преимуществу, для возбуждения в обществе внимания к интересам нашей родины – Сибири, для ознакомления с ее состоянием, для указания ее общественных недугов». Об одном из таких вечеров и шла речь в материале; на нем были прочитаны «две статьи, специально для него написанные», – «Общественная жизнь в Сибири» и «Об эмансипации женщин», а также «Песня о рубашке» Томаса Гуда и «Филантроп» Некрасова.

Содержание речи об общественной жизни в Сибири передавалось в газете следующим образом: «автор, представив краткий очерк исторических причин, определивших незавидное состояние сибирского крестьянина, обвиняет прошедшую жизнь сибирского купечества за растрату сил и богатств страны, за эксплуатацию народа и за печальную обстановку сибирских городов. Улучшение порядка вещей в будущем невозможно без распространения университетского образования, почему и следует стараться об учреждении сибирского университета». Газета не указывала имени участника чтений, хотя известно, что это был Н.М. Ядринцев.

В целом, отмечалось в газете, содержание обоих речей было «вполне гуманно», и они «не должны были бы вызвать желчных порицаний». Однако речь Ядринцева вызвала бурную реакцию омских слушателей: «более всех разразились протестацией господа, слывущие, бог знает почему, людьми передовыми, авторитетами в литературных и иных вопросах», так как «уж очень кольнул их огульный укор автора «общественной жизни» в *ничегонеделании* (курсив ред.)». Публицист

[1] См.: *Томские* губернские ведомости.1865. № 1.

неофициального отдела указывал, что основной упрек «господ ценителей» заключался в том, что «лекторы не сказали ничего путного и не могли сказать, потому что не имеют ученых дипломов и зрелых лет». Это вызвало саркастический комментарий томского журналиста: «Ну, такая сильная и здравомыслящая логика не обратила бы нашего внимания, если бы она не обращалась к юношеству обучающемуся, принимающему многое на слово». Опасность такой реакции в том, что «подрастающее поколение, наслушавшись таких заявлений, и воистину поверит, что нельзя “сметь свое суждение иметь”, что в молодые лета следует только молчать и взирать со смирением на людей зрелых, квазиученых». В целом вечер был оценен томской газетой достаточно критически: была отмечена неуместность музыки, малочисленность слушателей и неактивность «омской благородной публики», которую автор сравнил с гоголевской Коробочкой, развлекавшейся главным образом «щекотанием пяток», возбуждавшим в ней «безмятежный сон мысли и ума»[1].

Полемика, вспыхнувшая в Омске, заинтересовала томских читателей, поэтому редакция сочла необходимым поместить весь текст речи Н.М. Ядринцева в № 5 (1865 год). Но перед этим газета подняла вопрос о тех, для кого предназначался будущий университет, на кого возлагались главные надежды в отношении будущего Сибири, – о молодежи. Этой проблеме был посвящен материал «Это ли представители молодого поколения? (Два спектакля любителей сценического искусства)»[2]. Эта публикация, предварявшаяся эпиграфом – словами Добролюбова о «требовании художественной правды», – представляла собой разбор двух спектаклей: «Доходное место» А.Н. Островского и «Свет не без добрых людей» Н.М. Львова. Главным образом рецензента интересовали два молодых человека в пьесах – Жадов у Островского и Волков у Львова. Первый, по мнению автора газеты, «неудачная натура», а второй вообще «не больше чем кукла»; и потому публицист обращался к читателям с предупреждением: «Итак, господа, не думайте, чтобы современная молодежь была такова, какою рисует вам ее Островский, а в особенности г. Львов». Если же читатели хотят узнать, «какая же она в действительности», автор советует: “Обратитесь к литературе, прочитайте роман “Что делать?”, прочитайте в “Русском слове” статью “Нерешенный вопрос” (Русское слово. 1864. № 9, 10) и тогда увидите молодое поколение в истинном свете, без прикрас и ис-

[1] *Томские* губернские ведомости. 1865. № 3.
[2] *Там же*. 1865. № 4.

кажений человеческой природы. Почитайте, посмотрите на них: это не фигляры с проклятиями и громкими фразами, а честные работники, с сознанием собственного достоинства»[1]. Таким образом, рецензия свидетельствовала о том, что авторы томской газеты ориентировались на традиции демократической журналистики и литературы, прямо указывали в качестве образцов ведущий демократической журнал 1860-х годов «Русское слово» и духовного лидера Н.Г. Чернышевского (хоть и не называя его прямо).

О том, что эта тенденция была свойственна не только публицистам «Томских губернских ведомостей», но и всей образованной части томского населения, можно было судить по двум небольшим заметкам, опубликованным в разделе «Мелкие известия»[2]. Первое сообщение касалось сибирских студентов, обучавшихся в Казани, которые «собрали до 40 рублей и выписали три лучших русских журнала: “Современник”, “Русское слово” и “Заграничный вестник”». Заметка призывала помочь студентам создать собственную библиотеку, с тем чтобы «впоследствии, при учреждении сибирского университета», книги можно было передать в университетскую библиотеку.

Вторая заметка представляла собой список периодических изданий, которые выписывали жители Томска в 1864 году. В отличие от студентов, наибольшей популярностью у томичей пользовались «Воскресный досуг» – 65 подписчиков, «Сын Отечества» – 21, «Московские ведомости» и «Отечественные записки» – по 20 подписчиков. Комментируя приведенные данные по 433 изданиям, автор неофициального отдела упрекал томичей в том, что третья часть «приходится на журналы модные и с пустым содержанием», менее трети – «на консервативные издания», «а на прогрессивные только одна пятнадцатая»; «любовь к картинкам характеризуется тем, что около четверти из общего числа приходится на иллюстрированные издания»[3]. Чем выше был уровень образования, тем больше ценились прогрессивные издания – такой вывод напрашивается при сопоставлении материалов номера «Томских губернских ведомостей».

В № 5 (1865) редакция поместила речь Н.М. Ядринцева, о содержании которой и реакции омских слушателей сообщалось ранее: «Общественная жизнь в Сибири (читано на литературном вечере в Омске, 1864 г., 11 ноября)». Ядринцев считал, что «жизнь нашей страны…

---

[1] *Томские* губернские ведомости. 1865. № 4.
[2] *Там же.*
[3] *Там же.*

представляет грустную картину захолустья, свойственную всем дальним провинциям, составляющим империю русскую. Она близка только тем, кто тесно связан с ее жизнью, полною ее горя и ее радостей, тяжких воспоминаний прошедшего и лучших надежд на будущее». Цель своего обращения автор обозначал как указание на «темные стороны нашей жизни, в отрицании которых лежит наше улучшение».

Публицист традиционно обращался к прошлому Сибири, поскольку считал, что «настоящая жизнь нашего общества глубоко связана с историей целой страны нашей», выделяя в нем несколько периодов. Первый – «героический», время открытия и освоения Сибири русскими, когда «наш народ выработал дух авантюризма», был полон «желания лучшего, стремления к улучшению своего быта и созданию жизни на новых началах»; по мнению Ядринцева, «это была чисто народная колонизация, поддерживаемая беглыми и недовольными, искавшими приюта и независимости в наших тайгах и урманах». Однако практически одновременно шла «колонизация правительственная: создание сел, острогов и городов», из-за которой, считал публицист, был похоронен «первоначальный авантюризм».

Следующий период в речи и статье Ядринцева получил названием «мученического», когда «злоупотреблявшие властью воеводы и губернаторы вроде Гагарина и Пестеля разоряли Сибирь своим управлением». Публицист отмечал, что этот период наложил свой отпечаток на характер сибиряков: «говорят, что сибиряк угрюм и молчалив; он не создал ни одной песни и редко поет в противоположность русскому крестьянину. Сибиряк, действительно, молчалив, но его воспитала в этом его история». Из-за того, что городская жизнь в основных своих чертах сформировалась также «в этот неблагоприятный исторический период», она имеет вид «невежественной жизни замкнутого общества, лишенного умственной жизни, знания и притока новый идей». Главным носителем этой городской культуры, указывал автор статьи, является «купеческо-мещанское население», сибирская буржуазия. К ней и обращал свои упреки Ядринцев, обвинял ее в том, что «сибирское общество исключительно занимается картами и вином», что подтверждают как иностранные путешественники (англичанин Котрелл), так и русские (Шелгунов). Замечая, что «кутежи сибирских купцов вошли в России в пословицу», что «Сибирь славилась своими богатствами и богачами», Ядринцев применяет излюбленный прием ораторской речи – «каскад вопросов»: «Много ли памятников осталось от наших богачей? Может быть, Сибирь усеяна фабриками и заводами? Может

быть, наши богачи создали нам бездну школ, библиотек, музеев и кабинетов ученых редкостей?». На эти вопросы он отвечает: «Нет, Сибирь по-прежнему пустынна и невежественна», а золото и миллионы «пропиты, проиграны в карты, промотаны по ярмарочным шинкам». В итоге жизнь сибирской буржуазии получает у Ядринцева определение «безобразной», и она точно показывает «крайнее неразвитие и состояние на степени самого грубого невежества нашего общества»[1].

Н.М. Ядринцев напоминал читателям еще об одной категории «цивилизаторов Сибири» – о «заезжем чиновничестве»: «приезжая из различных учебных заведений России, оно учреждает *благородные* (курсив ред.) собрания, заводит *благородные* (курсив ред.) спектакли, пробует издавать даже газеты, словом, старается цивилизовать грубую окружающую массу туземцев». Однако результат их деятельности, считает публицист, невелик, «грубая масса недоверчиво смотрит на чиновничество и считает его только приезжающим наживаться в страну, а не цивилизовать ее».

Главным показателем «неразвития» Ядринцев считал то, что «общество мало заботится об образовании своих членов, а в купеческом быту так часто и совсем отвергает его; у нас мало школ, а школ с частной инициативой и совсем нет; у нас в редких городах библиотеки, а ежели и есть, то вовсе не поддерживаются; в наших городах нет книжной торговли, и во всей Сибири только в Иркутске один книжный магазин; частных типографий нет во всей Сибири; журналистики не бывало; у нас нет даже литературного органа, которым бы могли мы заявить свои интересы; наши кожемяки, при всей своей расточительности, не подумали даже создать что-нибудь вроде журнала или книги». Этот длинный перечень доказательств, показывающих отношение Сибири к образованию и культуре, венчает последний: «Страна, обладающая пространством в 280 тысяч кв. метров с 4 миллионами жителей не имеет университета, а в университете наша будущность!»[2].

Н.М. Ядринцев утверждал, что «пора сознать сибирскому обществу» – цивилизация состоит «в приобретении знаний, которые дает только университет». А пока нет своего высшего учебного заведения, считал публицист, общество должно «обратить внимание на то, чтобы дать средства к образованию нашей молодежи», «сибирское общество должно помочь отправляющимся сибирякам в университеты, должно посылать помощь для поддержания бедных сибирских студентов, же-

[1] *Томские* губернские ведомости. 1865. № 5.
[2] *Там же.*

лающих возвратиться опять на родину и приносить ей пользу». Ядринцев был убежден: молодежь – это будущее Сибири, «на молодом, образованном поколении Сибири сосредотачиваются все наши надежды», именно она «создаст лучшую жизнь Сибири», «эти труженики, голодующие теперь по университетам, явятся к нам общественными деятелями, внесут новый дух в наше усыпленное общество и поведут его с распущенным знаменем науки, истины и цивилизации в то заветное будущее, которое готовится стране нашей и ее народу». Призывом помогать этой молодежи заканчивал Ядринцев свою речь и свою статью в «Томских губернских ведомостях», чтобы «вверить ему судьбу нашего общества, со словами: да будет благословенно образованное молодое поколение Сибири»![1]

Наряду с идеей сибирского университета, который должен был способствовать возрождению этого далекого от европейских центров края, областники огромную роль отводили литературе. О том, какой представляли себе Сибирь русские люди, о ее облике, Ядринцев писал в статье «Сибирь пред судом русской литературы»[2]. Он констатировал: «Едва ли есть на свете страна, подобная Сибири, о которой бы существовали столь смутные и столь разнообразные мнения»; «с давних пор Сибирь была то предметом увлечений и похвал, предметом радостных надежд и мечтаний, когда народ составлял о ней самые благоприятные представления, доходившие иногда до сказочных идеалов; то вдруг делалась предметом разочарования, порицаний и обманутых надежд». С одной стороны, Сибирь считали «богатой страной, изобилующей дорогими зверями, полной минералогических богатств, удобной для торговли и промышленности, страной для широкой и правильной жизни». С другой – «отзывались о ней, как о холодной и бесплодной тундре, с убогими городками и кочующим населением инородцев, не способной ни к земледельческой культуре, ни к экономическому процветанию». Ядринцев описывает представления о Сибири как о «снежной стране, где в горных рудниках томятся люди, обреченные на каторгу среди неволи, цепей и глухих страданий», и добавляет, что многие люди в России «относительно Сибири были в совершенном неведении и, увидя сибиряка, спрашивали с любопытством: “А что, это большой город – Сибирь?”». Все это, по его мнению, свидетельство-

[1] *Томские* губернские ведомости. 1865. № 5.
[2] *Там же.* 1865. № 9.

вало о «крайнем незнании страны», причина которого – «недостаток и неудовлетворительность сведений, получаемых из книг»[1].

Краткий обзор книг о Сибири, предпринятый Ядринцевым, включал в себя сочинения от Саввы Есипова до Шелгунова: первоначально Сибирь представлялась мифической страной, поразившей «громадностью своих пространств, обилием рек и лесов, богатством рыбы и дорогих зверей»; затем пришел черед исследователей, «с Петра I в нее засылается ряд ученых экспедиций: Мессершмидт, Букебаум, Беринг, Делиль, Гислин, Синд и другие путешественники». Статьями о Сибири был полон академический журнал «Ежемесячный сочинения», появилась пословица «Сибирь – золотое дно». И эти представления, подчеркивал публицист, «составили резкий контраст с действительностью», «в то время, когда удивлялись героическим подвигам и мечтали о ее громадном значении, народ принужден был преодолевать огромные трудности и страшные лишения»; «через двести с лишним лет мы видим в стране малочисленное население, разбросанное на громадном пространстве, только что удовлетворяющее своим первым потребностям, довольствуясь мелкой промышленностью».

Говоря об исследованиях XIX века, Ядринцев особо останавливался на деятельности «амурских панегиристов», к которым он причислял издателей газеты «Амур»: «...они описывали необыкновенные красоты этого края, его громадное промышленное значение, и их мечты гуляли по всей ширине Восточного океана. Часто и тут, впрочем, отрывали их от фантазий и указывали им горькую действительность люди положительные. В русской литературе г. Завалишин-старший в особенности разоблачал эти фантазии и нередко указывал страшные катастрофы, случившиеся при первой колонизации Амура. Русская критика в лице Добролюбова тоже отозвалась недоверчиво к амурским хвалителям».

К числу «панегиристов» Сибири публицист относил и Ипполита Завалишина, автора «Описания Западной Сибири». Эта книга, по мнению Ядринцева, «носит один общий колорит со всеми панегириками Сибири, сведенными только в один свод»; «в ней панегирик дошел до верха комического». Публицист приводит следующие примеры описаний: «Страна в ней описывается эдемом, над которым плавает оссианов щит вместо луны. Поля покрыты шелковисто-мягкими, влажно-бархатистыми и густо-сочными травами, реки и леса населены наядами и дриадами. Описание сибирских лесов очень часто пародирует

[1] *Томские* губернские ведомости. 1865. № 9.

американскую природу с той только разницей, что на место львов, тигров и барсов являются на сцену медведи, зайцы и белки, на место какаду и попугаев – наши перепелки и глухари, на место крокодилов и аллигаторов – скромные ящерицы, впрочем, разевающие пасти и обнюхивающие путешественников. Часто этому туристу представляются такие страсти, перед которыми должны падать ниц, как, действительно, и пал автор на реке Туе при виде лесного пожара». Одним словом, у читателя создается впечатление, что «страна цветет и благоухает, люди там какие-то аркадские пастушки, все чиновники – гениальные администраторы, и даже наши исторические лица им представляются испанскими гидальго, как романтическим уездным барышням». Все это напоминало Ядринцеву «губернские ведомости Гоголя, которые описывали красу садика, насажденного мудрым начальником, под тенью которого отдыхают мирные граждане».

Конечно, подобные «медовые писания» «романтизировали», а не исследовали Сибирь; панегиристы «не столько мыслят, сколько фантазируют». Действительность, говорит Ядринцев, быстро «разрушает все их картонные строения». И это вызвало к жизни другую точку зрения: «многие, видя в Сибири ссыльную колонию, малонаселенную, бедную, невозделанную, решили бросить роковой приговор в ее неспособности к полному развитию гражданской жизни и экономическому процветанию». Эту мысль высказывал Сперанский, а в 1840-х годах стал известен публицист Герсеванов, «отнимавший всякое значение у Сибири»: «суровый климат, изолированное географическое положение страны, физическое образование и произведение в полудикое устройство пограничных стран – все заставляет предполагать, что она надолго остается пустыней».

Практически те же мысли, указывал Ядринцев, высказал и Н.В. Шелгунов в своей статье «Сибирь на большой дороге»: он «описывает Сибирь самой холодной страной в свете. Сибиряка он сравнивает, по влиянию физических условий, с лапландцем. Он говорит, что при одном уровне цивилизации сибиряка и русского жизнь русского будет выше и разнообразнее жизни сибиряка. В стране он не находит ни малейших признаков богатства. Сибирскую торговлю он считает не имеющей значения и думает, что Сибирь никогда не может быть экономически самостоятельною. Он говорит, что для земледельческой промышленности в Сибири мало задатков, и считает только ¼ всего пространства Сибири годною для возделывания».

Ядринцев протестует как против «панегиристов», так и против «порицателей» Сибири. Верную оценку сибирской жизни, по его мнению, может дать только «местная литература, которую до сих пор наша бедная Сибирь не имеет. Издание сибирского журнала теперь бы могло иметь огромное значение и влияние на развитие страны. Создание местной литературы будет зачатком осмысленной жизни и началом умственного развития масс. Местная журналистика будет исследовать нашу страну, разрабатывать ее вопросы, предъявлять ее интересы и укажет то будущее, которое будет состоять не в завоеваниях, как утверждают панегиристы, а в создании цивилизации для своего народа, которая вместе с торговлей будет иметь влияние на весь Восток и Азию». Ядринцев уверен, что Сибирь и сибирский народ в будущем войдут в «великую семью» цивилизованных стран: «Никакие хулы не отнимут у нас лучшего будущего, и мы твердо уверены, что и наше солнце скоро взойдет!..»[1].

Последней публикацией Ядринцева в «Томских губернских ведомостях» была объемная статья «Этнологические особенности сибирского населения» (Подпись: «–въ»)[2]. Опираясь на статью А.П. Щапова «Историко-этнографическая организация русского народонаселения. Этнологическое развитие сибирского населения», опубликованную в 1865 г. в журнале «Русское слово», а также на статью Г.Н. Потанина «Климат и люди Сибири»[3], Ядринцев доказывал свою мысль о формировании в Сибири «совершенно особенного типа, *типа сибиряка* (курсив ред.)».

Таким образом, в «Томских губернских ведомостях» были озвучены все основные положения областничества: представление о Сибири не просто как об отдаленной российской провинции, а как об особом регионе России, со своими особыми потребностями, климатом, «сибирским населением», особыми целями и задачами развития; утверждение необходимости сибирского университета и т.д. В.М. Крутовский подчеркивал: в «Томских губернских ведомостях» 1863–1865 годов «публицистическая струя проникла даже в полицейский “дневник происшествий”, где тщательно отмечались случаи рецидивов со стороны уголовных ссыльных, чтобы иллюстрировать одно из основных поло-

[1] *Томские* губернские ведомости. 1865. № 9.
[2] *Там же*. 1865. № 15, 17/18.
[3] *Там же*. 1865. № 12, 13.

жений областничества, что Сибирь должна быть освобождена от позорной роли свалочного места всех преступных элементов Сибири»[1].

Идеи, высказанные на страницах газеты Ядринцевым, были подкреплены многочисленными материалами на эту же тему, отчего статьи публициста приобретали особую значимость, воспринимались как концептуальные выступления. Так, университетская тема была продолжена и развита в статьях «Заметка “Московских ведомостей” о сибирском университете»[2]; в серии небольших материалов Г.Н. Потанина: «Список сибиряков, находящихся в высших учебных заведениях Петербурга»[3], «Список сибиряков, обучающихся в Казани»[4]; «Список сибиряков студентов, слушающих лекции в Московском университете»[5], «Материалы к вопросу о сибирском университете»[6], а также в статье Потанина «Гражданское увлечение Сибири»[7].

Протестуя против мнения публицистов «Московских ведомостей» и «Санкт-Петербургских ведомостей», сомневающихся в необходимости местного университета, а также в кадровом обеспечении будущего сибирского вуза, Г.Н. Потанин с цифрами в руках доказывал, что в университете в Сибири будет достаточное количество студентов и преподавателей, что его возможно построить с помощью частных пожертвований.

В статье «Гражданское увлечение Сибири» Потанин привел сравнение среднерусского и сибирского крестьянина, которое должно было подчеркнуть материальный достаток последнего и отсюда возможность увеличить налог, «чтобы нашелся излишек в пользу университета». Он писал: «Сравнивая наше крестьянство с великороссийским, нельзя не сознаться, что сибирское крестьянство живет лучше русского. Нам приходилось близко знакомиться с крестьянским бытом в Рязанской и Калужской губерниях; прежде всего, при сравнении избы русского крестьянина с избой сибирского бросается в глаза бедность железа в первой; здесь вместо железных ковшей вы находите деревянные “корцы”, остатки первобытной лесной жизни; вместо железных скоб у дверей – деревянные ручки; у сараев деревянные замки. Мануфактурные изделия в России, в особенности у крепостных кре-

---

[1] *Крутовский В.* Периодическая печать в Томске…С. 286.
[2] *Томские* губернские ведомости. 1865. №11.
[3] *Там же.* 1865. № 2.
[4] *Там же.* 1865. № 12.
[5] *Там же.* 1865. № 11.
[6] *Там же.* 1865. № 7, 8.
[7] *Там же.* 1865. № 16.

стьян, не успели вытеснить самодельные; русские крестьяне ходят “в самодельные лапти обуты” и в самодельных шляпах крестьянки; носят холщовые кики и запоны, собственноручно расшитые для красоты разноцветной бумагой; в Сибири шляпа вытеснена картузом, а лапти сапогами; в костюме крестьянок господствуют платок и ситец; оттого в России дольше сохраняется национальная одежда, представляющая необыкновенное областное своеобразие; в Сибири же свирепствует мода. Сибирь до того приучена к мануфактурным изделиями, что даже деревянной посуды не точила сама, а покупала ее на Ирбитской ярмарке»[1]. По мнению Г.Н. Потанина, сибирское общество было в состоянии позволить себе университет: он приводил расчет стоимости содержания на примере Дерптского университета, публиковал отчеты с ярмарок как образец затрат сибиряков на «излишек закупаемых мануфактурных изделий». Таким образом, идеи Н.М. Ядринцева о необходимости высшего учебного заведения Г.Н. Потанин подкреплял аргументами в виде цифр, фактов, смет.

Убежденность областников в том, что уголовная ссылка, или «штрафная колонизация», вредит Сибири, неожиданно нашла себе сторонников в лице декабриста Д.И. Завалишина: газета обратила внимание читателей на его «Письма о Сибири», опубликованные в 1864–1865 годах в «Московских ведомостях». Автор «Томских губернских ведомостей» считал, что «давно уже нужно бы нам обратить внимание читателей на письма Завалишина о Сибири», так как в них «говорится о стремлении в Сибири к гражданской жизни и об элементах, задерживающих ее развитие»: «главным из таких враждебных цивилизации элементов г. Завалишин считает заселение края штрафными поселенцами и весьма основательно доказывает это в трех последующих письмах. В конце он приходит прямо к заключению, что добровольное переселение должно считаться существенным условием для развития и процветания колонии»[2].

Кроме активно пишущих в газету Ядринцева и Потанина[3], в 1865 году свои материалы в неофициальный отдел присылали К.С. Воро-

---

[1] *Томские* губернские ведомости. 1865. № 16.

[2] *Там же.*

[3] Кроме указанных статей, Потанин в 1865 году опубликовал в неофициальном отделе «Томских губернских ведомостей» следующие материалы: «*Число* переселенцев из Европейской России в Томскую губернию» (Томские губернские ведомости. 1865. № 3); «*Доходы* и расходы Томской губернии в 1863 году» (Там же. 1865. № 4, 7, 8); «*Климат* и люди Сибири (По поводу ст. г. Анучина “Климат г. Тобольска и смертность в Тобольской губернии” в “Памятной книге Тобол. губ.”) (Там же. 1865. № 12–13).

нов, Е.И. Парамонов, В. Вербицкий, В.А. Монастырский, А.П. Ермолаев, Н. Петреченко, Е.О. Щепоткин, Н. Осинин.

В мае 1865 года начались аресты и следствие по делу о «сибирских сепаратистах», под суд попали и участники «Томских губернских ведомостей» Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, Д.Л. Кузнецов. 10 сентября 1865 г. вышел последний номер под редакцией Д.Л. Кузнецова; 17 сентября неофициальный отдел был подписан уже А. Николаевым. С этого времени неофициальный отдел резко потерял свое значение, стал выходить нерегулярно и утратил популярность у читателей.

К 1880-м годам, как писали современники, «неофициальная часть почти исчезла... <...> ...иногда еще печатал там свои статьи, случайные исследования кн. Костров, бывший секретарь губернского статистического комитета, а с его смертью и этот случайный материал иссяк, и теперь в неофициальной части печатаются только объявления о подписке на иллюстрированные издания, которые за это высылают в газетный стол губернского правления бесплатные экземпляры. Между тем законом и отдельными распоряжениями установлена довольно широкая программа, толковое и умелое пользование которой может сделать губернскую газету полной и интересной»[1].

В 1882 году томский губернатор В.И. Мерцалов передал редактирование неофициального отдела Е.В. Коршу и разрешил издавать его как самостоятельную газету.

Личность Евгения Валентиновича Корша (1852–1913) неоднозначна, как и роль, которую он сыграл в томской журналистике. Юрист, публицист, сын известного журналиста, переводчика, историка литературы В.Ф. Корша, в 1877–78 году – издатель ежедневной газеты «Северный вестник» (Санкт-Петербург), закрытой за публикацию письма Веры Засулич, в 1880 году Е.В. Корш был выслан в Томск за подлог, подделку векселей и растрату денег клиентов. В Томске он работал в губернской контрольной палате и статистическом комитете (1880–1881), входил в первоначальный состав «Сибирской газеты» (в 1881–1882 годах). Современники отмечали его изысканное светское воспитание, солидные, разносторонние познания, преданность газетному делу: среди основателей первой частной томской газеты он был, пожалуй, единственным, кто имел опыт издания периодики, и немало помог становлению «Сибирской газеты».

---

[1] *Корш Е.В.* Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. 1910. № 5. С. 438.

Судя по переписке Е.В. Корша, в первое время он заинтересовался идеями областников. 30 января 1881 года он писал своему дяде, Ф.В. Коршу: «Позволь просить тебя о маленькой услуге. Здесь, в Томске, я не мог найти необходимой мне книги, изданной в Москве в 1867 году: “Материалы для истории Сибири” Потанина. Не откажи, буде она имеется в московских книжных магазинах, купить ее и переслать мне»[1]. Однако вскоре публицист пришел к полному неприятию областничества и поддержке идей «централистов»: недаром томская газета «Сибирский вестник» (1885–1906), неофициальным редактором которой являлся Корш, имела подзаголовок «Орган русских людей».

Исторический парадокс: неофициальный отдел «Томских губернских ведомостей», который в свое время был центром формирования областнического мировоззрения, в 1880-е годы перешел к идейным противникам областников – «централистам». Тем не менее при Е.В. Корше неофициальный отдел пережил свое «второе рождение». Дело в том, что томский губернатор В.И. Мерцалов планировал в лице «Губернских ведомостей» создать своеобразный «противовес» областнически ориентированной «Сибирской газете» за счет расширения программы неофициального отдела и превращения его в полноценную газету, поддерживающую политику администрации. С 14-го номера (1882 год) неофициальный отдел стал выходить отдельно от официальной части «Томских губернских ведомостей». Он был значительно увеличен в объеме, разбит на постоянные рубрики: «Сибирская хроника», «Известия из России», «Разные известия», «Известия из-за границы». Печатались здесь и статьи разнообразного содержания, с № 23 стали публиковаться телеграммы. В конце отдела стояла подпись: «Редактор неофициальной части Е. Корш». В № 17 на первой полосе газеты появилось объявление о том, что «с 1 мая 1882 года открыта отдельная подписка на неофициальную часть “Томских губернских ведомостей”, цена 3 рубля».

С № 31 выпуски неофициальной части стали открываться «Телеграммами Северного телеграфного агентства», а в № 32 на первой полосе газеты было опубликовано объявление Корша, в котором он сообщил: «Центральное управление Северного телеграфного агентства избрало меня своим агентом в Томске, поручив мне печатание и распространение телеграмм агентства из Петербурга». Сотрудник «Сибирской газеты» А.В. Адрианов в письме к своему другу Г.Н. Потани-

[1] *РГБ*. Отдел рукописей. Ф. 465. К. 13. Д. 69. Л.3.

ну от 20 июня 1882 г. так отзывался о деятельности Корша-редактора: «Корш – человек талантливый и умный и специалист по газетной части, но, к сожалению, человек без всяких принципов и убеждений. Ратовавший против администрации, он, однако, продал себя ей за лишних 50 рублей в месяц и теперь из всех сил подрывает нашу газету, продолжая, впрочем, в ней участвовать. Так, он устроил выход “Том<ских> Вед<омостей>” в четверг, на несколько дней раньше нашей газеты, прямо с целью давать более свежие известия, устроил более дешевую розничную продажу, завел и свои телеграммы (из Омска) с особой подпиской, причем телеграммы эти реставрируются здесь уже и потому поражают невежеств<енную> публику своим объемом и содержанием, увеличил объем “Ведомостей” почти втрое против “Сиб<ирской> Газ<еты>”. Эти декорации произвели желанное впечатление на городскую подписку, так что теперь многие нами недовольны, ставят в пример “Томские Ведом<ости>” и обещают на будущий год выписывать газету более дешевую, большего объема и с большими официальными сведениями. Корш служит двум господам и не чувствует даже неловкости. Вчера я заявил нашим членам о несовместимости такого служения и необходимости совершенного удаления авантюриста. Некоторые со мной не соглашаются (принципиально согласны все), опасаясь после такого разрыва подвохов со стороны Мерцалова и его factotum’а Корша; я буду стоять на своем до последней крайности и согласился лишь на отсрочку решения до приезда Макушина, так как начать войну открытую с администрацией, в случае, если она будет, нет возможности за отсутствием редактора и издателя, без всяких доверенностей (Макушин приедет в первых числах июля)»[1]. Таким образом, из письма можно сделать вывод о том, что читатели положительно оценили изменения в неофициальном отделе, и это поставило в затруднительное положение конкурента – частную «Сибирскую газету». Кроме того, письмо Адрианова указывает на несовпадение хронологии, представленной в воспоминаниях Корша: будущий редактор неофициальной части утверждал, что был приглашен Мерцаловым в «Губернские ведомости» уже после его конфликта с редакцией и выхода из состава «Сибирской газеты», Адрианов же осуждал Корша за его «служение двум господам».

[1] *«Сибирская* газета» в воспоминаниях современников / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Н.В. Жиляковой; науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. С. 136–137.

Расширение информационного пространства неофициального отдела «Томских губернских ведомостей» было отражено в объявлении о подписке на 1882 год, в котором содержание обновленной газеты было представлено следующим образом: «в состав ее входят относящиеся до Сибири сведения и материалы географические, топографические, исторические, археологические, статистические, этнографические и пр.; текущие известия общественной жизни Сибири; сведения о сельском хозяйстве, об урожае, промыслах, торговле, фабриках, ярмарках, рынках, судоходстве и пр.; известия из России, известия из-за границы и частные объявления. В неофициальной части печатаются все телеграммы Северного телеграфного агентства»[1].

Несмотря на большое количество материала, публикуемого в обновленном неофициальном отделе, доля оригинальных авторских статей в нем была крайне незначительна. Практически все отделы представляли собой компиляцию материалов других изданий. Источниками информации служили как столичные газеты («Голос», «Правительственный вестник», «Страна», «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости»), так и сибирские («Сибирь», «Сибирская газета», «Иркутские губернские ведомости»). Из постоянных авторов неофициального отдела можно назвать только двух – Н.П. Григоровского и В. Вербицкого, последний по-прежнему посылал в газету статьи этнографического характера (на протяжении 1882 и 1883 годов публиковалось его объемное исследование «Сказка у алтайских инородцев»). Имя Вербицкого стало своеобразным «мостиком» между неофициальным отделом «Томских губернских ведомостей» периода 1860-х годов и газетой 1882 года, напоминая читателям, что основной задачей отдела по-прежнему было освещение исследования Сибири.

Достаточно часто в газете появлялось имя Ядринцева: Корш сообщал о выходе его новой книги «Сибирь как колония», отмечая, что «целая масса сведений, хорошая обработка их и живое и интересное изложение дают этой книге право на особенное внимание к ней читателей»[2]; в ряде номеров поместил объемный материал Ядринцева «Алтайцы и черневые татары», перепечатанный из «Известий Русского Географического общества»[3], приветствовал выход новой газеты «Восточное обозрение», основанной Ядринцевым в Петербурге[4].

---

[1] *Томские* губернские ведомости. 1882. № 33.
[2] *Там же.* 1882. № 17.
[3] *Там же.* 1882. № 17–19.
[4] *Там же*. 1882. № 19.

Одной из ведущих тем в новом издании практически сразу же стала постройка зданий Томского университета. О начале работ было сообщено в № 17 за 1882 год, в № 20 появилось полемическое выступление против «Восточного обозрения», которое «по неизвестным и непонятным причинам» «с первого номера открыло поход против строительного комитета по возведению зданий сибирского университета и с усердием, достойным лучшего дела, продолжает пускать стрелы в деятельность комитета, не стесняясь даже прямым извращением фактов и не останавливаясь перед заведомой неправдой, лишь бы показать, что комитет ведет дело постройки университета неумело, а пожалуй, и предосудительно»[1]; № 23 открывался передовой статьей «Сибирский университет», и так далее. В отличие от обсуждения «университетского вопроса» в «Томских губернских ведомостях» в 1860-х годах, здесь уже не было выступлений о необходимости и назначении университета, главным предметом полемики в 1880-х стали вопросы поставки кирпича, учета расходов на строительство, компетентности членов строительного комитета.

Полемичность, возникшая в газете как следствие обсуждения университетского вопроса, привлекала внимание читателей, но вступила в противоречие с существующими ограничениями для «Губернских ведомостей». Это заставило редактора выступить на страницах газеты с передовой статьей «Наши задачи (Необходимое объяснение)»[2], в которой Корш обосновал свою позицию. Отмечая, что изменения в газете были замечены как читателями, так и столичной и сибирской печатью, редактор обвинил во «враждебном отношении» к себе газету Ядринцева «Восточное обозрение», издающуюся с 1882 года в Петербурге. В связи с этим он посчитал необходимым «объясниться», указать цели и задачи деятельности реорганизованного отдела «Томских губернских ведомостей»: «Мы не имели в виду ни конкурировать, ни тем менее враждовать с местною частною печатью; мы отлично понимаем, что области частного и официального печатного органа имеют каждая свои отдельные пределы, и задача этих органов взаимно дополнять, а не враждовать между собою. “Губернские ведомости” *обязательно* (курсив ред.) выписываются всеми присутственными местами, должностными лицами и волостными правлениями губернии. Много лет сряду все эти учреждения платили казне деньги и получали взамен, кроме официальных распоряжений, или ведомости о происшествиях

[1] *Томские* губерснкие ведомости. 1882. № 20.
[2] *Там же*. 1882. № 39.

(через два-три месяца после самых происшествий), или случайные отрывочные статистические известия, в отдельности имеющие очень небольшой интерес, или какое-нибудь бесконечное путешествие, может быть, и очень любопытное, но когда оно печатается по столбцу в неделю, то едва ли удобочитаемое»[1].

Е.В. Корш подчеркивал, что «такой состав неофициальной части “Губернских ведомостей” не отвечал ни требованиям закона, ни интересам обязательных подписчиков губернской газеты, вызывая справедливые указания частной печати на необходимость расширить содержание неофициальной части губернского органа», он отметил, что «во многих городах Европейской России “Губернские ведомости” издаются полнее многих провинциальных частных газет (в Харькове, Казани, Саратове, Варшаве, Киеве, Калуге, Кишиневе, Пензе, Архангельске, Самаре, Уфе, Оренбурге и других городах). Были периоды, когда и сибирские (Тобольские и Томские) “Губернские ведомости” составлялись интересно; но в последнее время дело это было запущено и не останавливало на себе внимания местного начальства»[2].

Корш объяснял причины, по которым согласился редактировать газету, следующим образом: «Настоящей редакции Томской губернской газеты было предложено заняться неофициальной частью и попытаться сделать ее интересной для местного читателя. Мы охотно согласились, уверенные, что принимаемся за дело полезное, имеющее будущность, и что личные качества г. начальника губернии гарантируют нас от требований, противных чести и совести порядочного журналиста. В усилении местного печатного слова мы видели общий культурный успех, и пишущий эти строки думал и думает, что расширение неофициальной части “Губернских ведомостей” увеличит привычку к чтению в той среде, куда частная печать проникает еще очень мало, а официальная посылается обязательно». Он отмечал такие преимущества губернской газеты, как «возможность пользоваться всеми местными географическими, топографическими, этнографическими и другими материалами, которыми частные издания мало пользуются», и «разработка их должна составить одну из главных задач “Губернских ведомостей”». Вторым незадействованным ресурсом он считал «труды здешних административных учреждений по разрешению и разъяснению многих вопросов, касающихся Сибири, ее устройства, управления и ее ближайших нужд», которые «до сих пор оставались неиз-

[1] *Томские* губернские ведомости. 1882. № 39.
[2] *Там же.*

вестными никому, кроме центральных управлений, куда они стекались и где получали свою оценку, помимо всякого участия в обсуждении предлагаемых мер печати и общества. Печатание, в извлечениях, трудов местных правительственных учреждений – вторая и тоже очень важная задача “Губернских ведомостей”»[1].

Третья задача, сформулированная Коршем, была связана с введением в структуру газеты «текущей хроники фактов, совершающихся в Сибири, в России и за границей», что должно было придать «Губернским ведомостям» «общий современный интерес», приучить «захолустного читателя следить за ходом общечеловеческой жизни». Перечислив эти задачи, Корш сообщил, что «все, что было до настоящего времени напечатано в нашей газете, или не выходило из пределов простого фактического сообщения, или было извлечено из официальных материалов. Мы сделали известными публике взгляды местной администрации на вопросы о судебной реформе, об организации переселений, об улучшении быта золотопромышленных рабочих, об улучшении системы казенного хозяйства – все это самые жизненные для Сибири вопросы, и весьма важно узнать, как относятся к ним здешние правительственные органы». Однако оставался вопрос о полемике, вести которую «Губернским ведомостям» было запрещено законом: Корш уверял читателей, что он не полемизирует с «Восточным обозрением», а только опровергает «некоторые сообщения “Восточного обозрения”, касающиеся, например, постройки сибирского университета», а также замечания его по винным складам. Новый редактор утверждал, что «никакая неправда, никакое темное дело *не могут* (курсив ред.) найти себе защиты на страницах нашей газеты. Мы можем ошибаться, но сознательной поддержки неблаговидным стремлениям, от кого бы они не исходили, никогда не окажем»[2].

Статья Корша была последним публицистическим выступлением в неофициальном отделе «Томских губернских ведомостей» 1880-х годов, несмотря на то что в объявлении о подписке на 1883 год редактор заявил о введении в структуру газеты «руководящих статей по местным вопросам». Появлявшиеся в 1882–1883 годах статьи, как правило, касались отдельных проблем городской жизни, но не имели целью заявить позицию автора, выступить в защиту своего мнения. Возникшее в конце 1882 года обсуждение вопроса о томских воскресных школах

[1] *Томские* губернские ведомости. 1882. № 39.
[2] *Там же.*

осуществлялось как публикация писем Н. Минского и П. Буткеева[1] и не носило полемического, публицистического характера.

Из авторских материалов 1882 года необходимо указать на публикации, выходившие под новой рубрикой «Театральная хроника»: в ней анализировались такие постановки томской труппы, как «Нищие духом» Потехина[2], «Ревизор» Гоголя[3], «Горе от ума» Грибоедова[4] и другие. Появление театральной хроники отвечало целям Корша – превращению неофициального отдела в конкурента существующих изданий, способствовало расширению тематического спектра газеты.

Объявление о подписке на 1883 год содержало сведения о том, что «неофициальная часть будет издаваться отдельно от «официальной» и выходить по четвергам, в размере 1,5–2,5 печатных листа, по вновь утвержденной г. министром внутренних дел, значительной расширенной программе»: в нее были дополнительно включены «руководящие статьи», «корреспонденции из обеих частей Сибири, театральная хроника, критика и библиография»[5]. Заметно, что реорганизация неофициального отдела совершалась в сторону увеличения авторского материала, включения в газету литературной и театральной критики. Осуществление этого плана могло бы привести к достаточно сильной конкуренции неофициального отдела с частной сибирской прессой, однако большая часть задумок оказалась нереализованной.

В неофициальном отделе «Томских губернских ведомостей» 1882–1883 годов много места было уделено празднованию 300-летия присоединения Сибири к России, выборам в Томскую городскую думу, всероссийской выставке в Москве, рассказам о различных катастрофах – гибели крейсера «Москва», Кукуевской катастрофе; описанию коронационных торжеств в столице и празднования этого события в Томске, и др.

В феврале 1883 года Главное управление по делам печати обнаружило, что неофициальный отдел редактирует уголовный ссыльный, и потребовало отстранить Е.В. Корша от редактирования газеты. С 5-го номера (1883 год) отдел подписывался начальником газетного стола Томского губернского управления Н. Васильевым, Корш стал неофициальным редактором издания. При этом газета практически не изменилась: осталась прежней ее структура, принципы отбора материала,

[1] *Томские* губернские ведомости. 1882. № 47, 48, 49.
[2] *Там же*. 1882. № 42.
[3] *Там же*. 1882. № 46.
[4] *Там же*. 1882. № 47.
[5] *Там же*. 1882. № 43.

касавшегося в основном сибирских дел, информация по-прежнему в большинстве случаев являлась не авторской, а перепечатанной из других изданий. В июне 1883 года в Томск прибыл новый губернатор И.И. Красовский; с этого времени почти каждый номер неофициального отдела открывался очередным объявлением от губернатора, что свидетельствовало об очевидной поддержке им существующей газеты. Однако содержание неофициального отдела привлекло внимание министра внутренних дел, который обратился со следующими вопросами к Главному управлению по делам печати: «На каком основании в неофициальной части “Томских губернских ведомостей” допускается печатание сообщений под рубриками: “мы слышали”, “нам сообщают”, “мы узнали” и т.п., критические заметки о новых книгах, не имеющих никакого отношения к Томской губернии, театральная хроника, статьи по местным вопросам, не получившим еще окончательного разрешения в установленном порядке, разные не всегда верные слухи о правительственных намерениях и предположениях, статьи о предметах, касающихся других губерний (например, большая статья о Минусинском местном музее) и т.д.»[1]. Видимо, веских оснований для такого ведения газеты не обнаружилось, что привело к объединению официального и неофициального отдела «Губернских ведомостей». В номере от 22 сентября 1883 года на первой полосе «Томских губернских ведомостей» появилось объявление: «По постановлению губернского управления отдельное издание неофициальной части “Томских губернских ведомостей” прекращается. С № 37 в неофициальной части будут помещаемы лишь телеграммы Северного телеграфного агентства и те из местных известий и других статей, которые губернское начальство признает удобными для “Губернских ведомостей”»[2].

Таким образом, кроме двух первых периодов – становления неофициального отдела (1857–1862) и периода «областнического» (1863–1865), – можно выделить третий этап развития неофициального отдела «Томских губернских ведомостей», определяемый как «коршевский». Он характеризовался отделением неофициального отдела и выпуском его как самостоятельной газеты, значительным увеличением объема, появлением четкого рубрикатора, превалированием перепечатанного материала над оригинальным авторским, кратковременным приобретением полемичности в связи с «университетским вопросом». Цели преобразованного неофициального отдела при Корше значительно от-

[1] Цит. по: *Корш Е.В.* Восемь лет в Сибири… С. 822.
[2] *Томские* губернские ведомости. 1882. № 37.

личались от тех, которые ставились в предыдущие периоды: их можно назвать скорее «централистскими», обусловленными желанием Корша «приблизить» Сибирь к России, отсюда увеличение количества материалов из столичных газет, пристальное внимание к общероссийским событиям. Тема Сибири существует в газете на равных началах с общероссийской тематикой, о чем косвенно свидетельствуют равные объемы рубрик «Сибирская хроника» и «Известия из России». С предыдущими периодами неофициальный отдел 1880-х годов связывали общие авторы (В. Вербицкий), прежние темы, но развивающиеся в новых условиях («университетский вопрос», постановка проблемы взаимоотношений Сибири и России, сибирская этнография и некоторые другие), а также имя Ядринцева, в прошлом автора «Губернских ведомостей», теперь его противника.

Последний заметный период в жизни «Томских губернских ведомостей» относился ко времени Первой русской революции 1905–1907 годов. Перемены, совершавшие в стране в то время, коснулись не только частной, но и официальной периодики. В «Томских губернских ведомостях» было решено реформировать неофициальную часть, чтобы усилить влияние на читателей, составить конкуренцию частной политизированной прессе. Редактором преобразованного отдела был назначен новый томский цензор П.Т. Виноградов. С № 43 от 23 ноября 1905 г. в этой части «Томских губернских ведомостей» начали публиковаться телеграммы, корреспонденции, перепечатки из столичных и провинциальных российских газет. Эти перемены совпадали с общероссийскими: после публикации царского Манифеста 17 октября 1905 года при «Правительственном вестнике» появилась газета «с публицистикой» – «Русское государство». Местные органы власти не обладали возможностью для основания новой газеты для влияния на общественное мнение, но они воспользовались имеющимся резервом в лице неофициального отдела «Томских губернских ведомостей».

В № 43 (1905) была опубликована статья «От редакции», которая информировала читателей о том, что, кроме официального раздела, «с нынешнего дня при “Томских губернских ведомостях” появляется и неофициальный. Ведомости будут выходить два раза в неделю: по средам и воскресеньям». Представляется любопытным это утверждение о «появлении» неофициального отдела: возможно, его новый редактор не интересовался предыдущей историей газеты и потому полагал, что такой отдел появляется в газете впервые.

Новая редакция представила следующую программу неофициального отдела:

«1. Передовые статьи, касающиеся политико-экономических вопросов, связанных с жизнью всех сословий, а особенно крестьян Западной Сибири.

2. Крестьянское законоведение.

3. Известия из городов, волостей, сел и деревень Томской губернии, касающиеся:

а) торговли и промышленности;

б) школы средней и преимущественно начальной крестьянской;

в) переселенческого дела;

г) санитарных вопросов;

д) суда;

е) урожая хлебов, трав;

ж) промыслов и

з) разных других бытовых сторон жизни.

4. По Европейской и Азиатской России.

5. За границей.

6. Беллетристика: повести, стихотворения.

7. Этнография Томского края: народные песни, легенды, обряды и пр.

8. Смесь.

9. Из области крестьянского хозяйства.

10. Вопросы и ответы.

11. Частные объявления»[1].

Значительное расширение программы неофициального отдела, появление в его структуре передовых статей по политическим и экономическим вопросам свидетельствовало о том, что власть возлагала большие надежды на газету в новых условиях и предоставила ей широкие полномочия в формировании благоприятного общественного мнения, в работе с читателем. Газета заявляла, что «предметом особенного внимания “Томских губернских ведомостей”» должны были стать «огромной важности предстоящие реформы в обновленной России на основании Высочайше дарованного Государем Императором Манифеста от 17 октября сего года, реформы, имеющие быть установленными Государственною думою как закон». Редакционная ста-

[1] *Томские* губернские ведомости. 1905. № 43.

тья подчеркивала свою установку на объективность, указывая, что «разные вопросы жизни и особенно Томского края будут освещаться и обсуждаться правдиво и беспристрастно», и определяла свою потенциальную аудиторию: «Читатели неофициального отдела, особенно крестьяне, найдут много полезных сведений и могут узнать о том, что делается на белом свете»[1].

Подобно многим российским газетам, неофициальный отдел предполагалось составлять не только на основе материалов штатных сотрудников редакции, но и на присылаемых корреспонденциях и статьях от внештатных авторов, поэтому вполне закономерно было обращение в редакционной статье к будущим «информаторам»: «Просим живущих в Томской губернии гг. крестьянских начальников, священников, диаконов, врачей, фельдшеров, учителей и учительниц городских и сельских школ и всех, желающих быть нашими сотрудниками, присылать свои корреспонденции и тот материал, который соответствует нашей программе».

Последняя часть редакционного обращения была посвящена плану публикаций: «В ближайшем номере мы намерены дать сведения о состоянии начального образования в Томской губернии за 1904 год, заимствуя материал из статистических данных, основанных на числах. Числа, как показатели того или другого вопроса, многое освещают, иногда радуют, а часто и печалят. Мы обращаемся с просьбой к тем лицам, которые могут высказать свое мнение о том, как и при каких условиях можно в непродолжительном времени достигнуть всеобщего начального образования в Томской губернии. Этому вопросу вследствие его важности будет отведено подобающее ему место»[2].

Поскольку оригинального авторского материала в редакции еще не было, первый номер был практически весь составлен из перепечаток: из «Правительственного вестника» («Воззвание Святейшего Синода»), из «Воронежских губернских ведомостей» («Комментарий к Высочайшему Манифесту»), из «Нового времени» (корреспонденция из Томска «Страшные дни в Томске»). Отдел «По губернии» содержал две корреспонденции, взятые из местных газет «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник». Собственным материалом, кроме редакционной статьи, была только «Местная хроника». С течением времени доля авторского материала увеличилась: уже в № 48 (1905) была опубликована «руководящая статья» «Права и обязанности» (без

[1] *Томские* губернские ведомости. 1905. № 43.
[2] *Там же.*

подписи), призывающая читателей к «соблюдению порядка», «спокойствию публичной жизни» и «серьезной трудной работе на всех поприщах». Автор статьи полагал, что правительство уже сделало все, что от него требовали: «Государственной думе дарованы обширные права. Русские люди признаны полноправными гражданами и призваны к исполнению труднейшей обязанности – к участию в управлении государством». Но автор сомневался, что это успокоит «беспокойные элементы нашего измученного отечества», заставит «встрепенуться инертное, бездеятельное большинство нашего интеллигентного общества». Он спрашивал читателя: «...мы научили наших детей нарушать порядок, сумеем ли мы теперь научить повиновению, порядку, уважению чужого мнения? Вспомнят ли люди, требовавшие себе прав, о правах и нуждах огромного большинства русского народа, нужды которого они так мало знают?». По мнению публициста, «эти люди» – то есть революционеры – не понимают, что «заботы о народе должны выражаться не в общих местах, не в шаблонных выражениях о разных свободах, а в конкретных понятиях об улучшении народной жизни и о просвещении народа».

Автор упрекал революционеров в том, что они не знают «жизнь и потребности народа», и советовал «научиться служить народу», «не бежать из деревни, а стремиться в эту самую деревню, чтобы помочь ей своими знаниями, развитием». Не «бесконечные разговоры на митингах», а серьезная работа нужны «для устроения русской жизни на новых правовых началах», считал публицист «Томских губернских ведомостей» и указывал область возможного применения сил: «в то время как мы толкуем о конституции, в большинстве деревень нет врача, нет агронома, нет ветеринара, нет судьи, нет землемера, нет учителя. Нет часто даже какого-нибудь писаря, чтобы написать приговор о своих нуждах». Если у сельского населения не будет возможности осуществить полученные права – «не насмешка ли это над понятием о праве?», спрашивал автор статьи. Он призывал «людей порядка, правомерности» соединиться и показать «нарушителям порядка, что вы сила», доказать, «что вы большинство населения, что вы можете охранить, защитить себя от всяких посягательств на ваши убеждения, верования, свободу личности и прочие свободы, дарованные Манифестом 17 октября», и приступить «к дружной работе»: «позаботиться «о выборах в Государственную думу, в городское или иное управление», чтобы «вашими представителями были действительно те, кого вы уважаете, кому вы верите». Статья завершалась лозунговым абзацем:

«Проснись, русский гражданин, займись сам устроением своей жизни, не давай распоряжаться тобой людям, не знающим тебя, чуждым тебе»![1]

Написанная в совершенно определенном консервативном духе, статья демонстрировала полную лояльность к существующей власти, стремление к «успокоению» и поддержку «людей порядка и правомерности». В этом же направлении было составлено обращение «От мировых судей и судебных следователей г. Томска и его суда», также призывавшее «сотоварищей, проживающих по уездным городам и селам Томской губернии» «присоединиться к нам в общем труде в целях умиротворения, успокоения и облегчения трудящегося населения, интересам коего мы Высочайшею волею призваны и желаем всей нашей душою служить и помогать». Логика выбранного консервативного направления обусловила внимание газеты к деятельности томского отдела «Союза 17 октября», об учредительном собрании которого неофициальный отдел сообщил в этом же номере, в отделе «Местная хроника»[2].

Газета сообщала о последних изменениях в сфере журналистики[3], пыталась активизировать исторические и этнографические изыскания[4]; обещанное внимание к крестьянскому быту реализовывалось с помощью материалов по сельскому хозяйству[5].

Очевидный контраст между освещением бурных событий столичной жизни и томской провинции демонстрировал номер от 14 декабря 1905 года (№ 49): в телеграммах публиковались сообщения о московском декабрьском вооруженном восстании, о всероссийских стачках, митингах – в остальных рубриках неофициального отдела шла речь об открытии съезда золотопромышленников в Томске, о субсидиях на содержание хирургической больницы и амбулатории, об общедоступных лекциях. Единственным отзвуком революционных потрясений можно считать сообщение в «Местной хронике» о том, что «пока почта в Томске не действует, но, как слышно, скоро будет действовать нормально».

Наряду с авторскими статьями и информационными подборками, составлявшимися сотрудниками газеты, в реорганизованном неофициальном отделе продолжали публиковаться перепечатки и официальные

---

[1] *Томские* губернские ведомости. 1905. № 48.
[2] *Там же*. 1905. № 50.
[3] *Закон* о печати // Томские губернские ведомости. 1905. № 48.
[4] *Томская* старина // Там же. 1905.
[5] *Кормление* и содержание коров // Там же. 1905. № 48.

материалы, такие как «К выборам в Государственную думу» – циркуляр и. д. томского губернатора С.И. Бирюкова[1], «Официальное сообщение о севастопольском бунте» – перепечатка из «Русского инвалида»[2].

О принципах работы нового редактора можно было судить по его объяснениям в связи с небольшим конфликтом: в редакцию пришло письмо от группы мировых судей и судебных следователей, которые протестовали против «заметки» в № 50 (1905), написанной якобы от их имени. П.Т. Виноградов следующим образом прокомментировал этот случай: «…эта заметка была принесена мне на цензуру в корректурных листах с материалом, предназначенным для печатания в газете “Сибирские известия”. Возвратив один экземпляр корректуры в типографию М.Н. Кононова, я в другом экземпляре корректуры особенно внимательно прочитал заметку “От мировых судей” и порадовался тому, что мировые судьи и судебные следователи г. Томска и его уезда в наше смутное время желают своим авторитетным мнением *противодействовать анархии* (курсив ред.), что они готовы всею душой содействовать порядку на основании Высочайшего манифеста 17 октября 1905 года. Мне казалось, что обнародование этих прекрасных мыслей не может никоим образом доставить неприятность тем, кто по долгу службы и присяги данной должен явить собой пример патриотизма для других. Правда, я не испросил разрешения на напечатание заявления от гг. мировых судей и судебных следователей – в этом каюсь и прошу извинения, но мне как редактору при спешности в подборе материала не пришло в голову то соображение: следует ли испрашивать позволение в печатании тех мыслей, которые по своему содержанию должны делать не бесчестие, а честь мировым судьям и судебным следователям, от имени которых они обнародованы в “Томских губернских ведомостях”»[3]. Из этого текста вырисовывается образ редактора, который одновременно выполнял обязанности цензора и позволял себе без предупреждений использовать чужой материал, присланный ему на цензуру, в своей газете; необходимо добавить, что о случаях, подобных описанному, в газете больше не упоминалось.

Благодаря совмещению редактором неофициальной части обязанностей цензора в газете увеличилось количество новостей из сферы журналистики. В неофициальной части публиковались материалы

---

[1] *Томские* губернские ведомости. 1905. № 50.
[2] *Там же*.
[3] *Там же*. 1906. № 2.

о разрешении новых изданий в городах Томской губернии[1], об обнаружении «тайной типографии» и возбуждении уголовного преследования против редактора закрытого «Сибирского вестника» Соина[2], о прошении «жены коллежского секретаря Л.Н. Симаниной» разрешить издание в Томске «еженедельного журнала “Рабочий юморист”»[3], о выдаче свидетельства на издание в Томске газеты «Томский вечерний листок»[4], и т.д.

Сильное влияние на содержательную часть неофициального отдела оказали октябристские симпатии П.Т. Виноградова (он был членом томского отдела «Союза 17 октября»[5]). Практически в каждом номере газеты появлялись сообщения о деятельности «Союза 17 октября» – в Томске, в Сибири, в России; в большом количестве публиковались перепечатки из изданий монархической ориентации («Новое время», «Черниговские ведомости», «Киевлянин», «Херсонские ведомости», «Харьковские губернские ведомости» и др.). В № 13 (1906) сообщалось, что на общем собрании «Союза 17 октября» «будет сообщен доклад П.Т. Виноградова “О необходимости обязательного начального образования в России”». А № 6 (1906) целиком был отдан под материалы томского отдела «Союза 17 октября»: сюда вошли статьи «О Государственной думе», «Как управлялась Россия без Думы?», «Как будет при Государственной думе?», «Что Дума будет делать?». Материалы, написанные разговорным языком, были очевидно рассчитаны на малообразованную аудиторию.

Мощная политизация газеты отражалась в регулярной публикации статей о новых партиях и обществах: «Кое-что о партии конституционных демократов»[6], «Общеимперская партия правого порядка»[7], «Патриотическое общество в Тифлисе»[8]; в русле полемики с кадетами появлялись такие материалы, как «Какие цели преследует партия народной свободы»[9], «Где народная свобода?»[10] и др. Революционные события оценивались с консервативных позиций, действия революцио-

---

[1] *Томские* губернские ведомости. 1906. № 2.
[2] *Там же*. 1906. № 3.
[3] *Там же.* 1906. № 9.
[4] *Там же*. 1906. № 22.
[5] См.: *Томские* губернские ведомости. 1906. № 6.
[6] *Там же*. 1906. № 11.
[7] *Там же*. 1906. № 12.
[8] *Там же*. 1906. № 14.
[9] *Там же*. 1906. № 27.
[10] *Там же.* 1906. № 29.

неров безусловно осуждались[1], и в связи с этим начиналась кампания против евреев[2]. В газете был отражен ход выборов в Первую Государственную думу, сообщалось о начале ее работы[3], о роспуске Думы[4].

Стилистика заголовков была характерна для монархической прессы. В них отражались подчеркнутое преклонение перед царем («Не задевайте царя»[5], «Царь и народ»[6]), представление о происходящем как о катастрофе («Гибель России»[7]), акцентировалось внимание на жертвенности простого народа («Памяти невинных жертв»[8]), использовалась экспрессивная лексика («Кто же изверги»[9], «Нравственное отупение»[10]) и т.д.

Практически все материалы на политическую тему являлись перепечатками из столичных и провинциальных газет. Собственные авторские материалы в газете появлялись достаточно редко, постоянно велась только «Местная хроника», в которой отражалась официальная жизнь Томской губернии: появлялась информация о поездках губернатора, о приемах, благотворительных акциях, о выступлениях местных пастырей, публиковались циркуляры и другие официальные документы. Отдельные материалы были посвящены экономике и медицине[11]. Появились при П.Т. Виноградове и стихотворения[12], что свидетельствовало о стремлении к эмоциональному воздействию на читателя.

Таким образом, в период редактирования неофициальной части П.Т. Виноградовым в газете произошли заметные изменения: отдел приобрел четкую структуру, была разработана его концепция, значительно увеличился объем публикуемого материала. Однако интенсификация политической жизни России в связи с выборами и началом работы Первой Государственной думы не позволила выполнить намеченную программу отдела: вопросам образования уделялось крайне

---

[1] См.: *Смута* и безумие // Там же. 1906. № 8; *Зверства* крамольников // Там же. 1906. № 16.

[2] *Революция* и евреи // Томские губернские ведомости. 1906. № 12.

[3] *Там же*. 1906. № 31, 37, 39, 48.

[4] *Там же.* 1906. № 54, 57, 60 и др.

[5] *Там же*. 1906. № 40.

[6] *Там же.* 1906. № 23.

[7] *Там же.* 1906. № 46.

[8] *Там же.* 1906. № 56.

[9] *Там же*. 1906. № 67.

[10] *Там же.* 1906. № 35.

[11] *П.В.* Наличное количество домашних животных в Томской губернии в 1904 году // Томские губернские ведомости. 1906. № 3; *Простейший* способ зимней подкормки пчел // Там же. 1906. № 16; *Соколов П.* О родах // Там же. 1906. № 32, 33.

[12] *Круглов А*. Нет, я не потерял в людей и в правду веру… // Там же. 1906. № 12; *Больной* родине // Там же. 1906. № 67.

мало внимания; ориентация на крестьянскую аудиторию не была реализована; переселенческое дело, этнография, урожаи – все эти вопросы остались практически не освещенными, как и ряд других, запланированных в 1905 году. Приоритетными темами газеты при П.Т. Виноградове были: появление новых партий, выборы в Думу, освещение деятельности «Союза 17 октября», полемика с октябристами, защита идей самодержавия, осуждение революционных действий. В сентябре 1906 года вместо П.Т. Виноградова неофициальную часть «Томских губернских ведомостей» за редактора стал подписывать И. Бицюк (с № 68), затем А. Дуров (с № 91).

Смена редактора первоначально не отразилась на содержании газеты, заметен только небольшой «крен» в сторону черносотенства: появились материалы о создании в Томске «Русского народного общества за Веру Царя и Отечество»[1], Союза русского народа[2] и другие на эту же тему. Однако в 1907 году черносотенное направление газеты оформилось и закрепилось.

При редакторе А. Дурове политика составления неофициальной части осталась прежней: большая часть материалов – это перепечатки из столичных и провинциальных газет. Местная хроника составлялась преимущественно из информационных сообщений о деятельности томского губернатора и других чиновников; кроме политических публикаций, появлялись единичные материалы на образовательную, сельскохозяйственную, медицинскую тему. Но содержательно неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» серьезно изменилась в связи с симпатиями редактора к Союзу русского народа и другим монархическим партиям. Источники перепечаток – это черносотенные газеты «Киевлянин», «Голос русского», «Русское знамя», «Русская земля», «Московские ведомости», консервативное «Новое время». В неофициальном отделе постоянно публиковались «Воззвания» томского отдела «Русского народного общества за Веру, Царя и отечество», материалы о собраниях и деятельности этого общества и отделениях Союза русского народа по всей России. Появление в газете Высочайших благодарностей, текстов телеграмм царю, министрам, высокопоставленным чиновникам и ответов на них из столицы должно было подчеркнуть «интимность» отношений народа и высшей власти, особую их близость, внимание верховной власти к далекой окраине.

---

[1] *Новое* политическое общество // Томские губернские ведомости. 1906. № 71.

[2] *Как* надо понимать Царский манифест 17 октября // Там же. 1906. № 80; *По поводу* статьи “Что такое истинно русские люди”? // Там же. 1906. № 91, 92.

Выступления публицистов в неофициальном отделе, как в перепечатанных статьях, так и в авторских материалах, в большинстве случаев строились на противопоставлении «их» – «левых», то есть врагов России и русского народа», и «всех русских людей, любящих свою родину и остающихся верными тем государственным началам, уничтожение которых может привести Россию только к гибели»[1]. Это деление общества на две части отражалось даже на уровне заголовков статей: «Черная и красная сотни»[2], «Правда и ложь»[3] и т.д.

Революционеры в понимании черносотенных публицистов-авторов неофициального отдела – «безумные люди», для которых «не было ничего святого, и все, что дорого русскому человеку, все подвергалось ими поруганию: доблестная русская армия, сложившийся исторически государственный строй, законы страны, постановленное Верховной властью и ответственное перед нею же правительство, патриотизм и любовь к Царю и родине. Не мирная и созидательная, а только разрушительная работа, направленная к тому, чтобы парализовать власть и довести до последних пределов смуту, – вот что было главной целью безумцев, засевших в Таврическом дворце и разносивших оттуда отвратительную нравственную заразу, одичание, злобу и ненависть по всей стране». В такой Думе, считали авторы «Томских губернских ведомостей», «немногим русским людям, искренне желавшим поработать на пользу России и достойно оправдать доверие царя», «нечего было делать», «их преследовали, изгоняли из заседаний, лишали возможности сказать здравое слово»[4].

Роспуск как первого, так и второго созыва Государственной думы, не сомневались авторы «Томских губернских ведомостей», «будет встречен всей благомыслящей Россией, всеми, кому дороги благо и мир нашей великой страны, с чувством глубокого удовлетворения и живейшей радости»[5]. По мнению публицистов неофициального отдела, «Вторая Государственная дума гораздо больше, нежели первая, в значительном большинстве ее членов оказалась лишь революционным сборищем людей, чуждых и враждебных и Русскому Царю, и русскому народу»[6]. Дума сравнивалась с «отвратительным гнойным

---

[1] *Томск*, 10 января 1907 года // Томские губернские ведомости. 1907. № 12.
[2] *Там же*. 1907. № 16.
[3] *Там же*. 1907. № 41.
[4] *Там же.* 1907. № 42.
[5] *Томск*, 6 июня 1907 года // Там же. 1907. № 42.
[6] *Томские* губернские ведомости. 1907. № 42.

нарывом», который наконец «лопнул»[1], ее членами были «анархисты и революционеры»[2].

На фоне углублявшегося конфликта «правых» и «крайне правых» в газете началась полемика с октябристами, с томской газетой «Время». В 1905–1906 годах эта газета воспринималась как союзник «Томских губернских ведомостей», в неофициальном отделе публиковались рекламные объявления о подписке на «Время», перепечатывались некоторые статьи. Однако теперь в передовой статье «Томск, 10 июня 1907 года» публицист неофициального отдела задавался вопросом, как отнеслась к роспуску второй думы «политическая партия, которая как ни как, а кое-что лепетала и об исторических традициях, и о подъеме в русском народе патриотизма, и об историческом значении в России царской власти». Газета указывала, что «все это так или иначе создавало пункты соприкосновения “Союза 17 октября” с Союзом русского народа и прочими истинно монархическими организациями», но, по мнению «Томских губернских ведомостей», «это соприкосновение было только кажущееся»: «конституционное доктринерство, навязчивые конституционные идеи, вообще “конституция” лишили и лишают “Союз 17 октября” как русскую политическую партию необходимой жизненности и едва ли сулят ей крупный успех в будущем»[3]. «Политические Маниловы» – такую характеристику получил «Союз 17 октября» у публициста неофициального отдела, и вполне естественно, что его представители не могли не прореагировать на такое оскорбление. В № 135 (1907) газета «Время» опубликовала статью «Выпад справа»: этот материал был дважды прокомментирован в «Томских губернских ведомостях»[4]. Выступления бывшего союзника неофициальный отдел называл «жалкими потугами», статью – «вздором и ложью»[5]. Возможно, что именно эта дискуссия привела к отставке А. Дурова от редактирования неофициальным отделом: с № 50 (1907) его сменил В. Мейер.

Можно констатировать, что при А. Дурове неофициальный отдел приобрел новые черты: от октябристского направления он перешел к открытому черносотенству, на страницах официального издания губернии начала вестись политическая полемика. Основными темами

---

[1] *Томские* губернские ведомости. 1907. № 43.
[2] *Там же*. 1907. № 44.
[3] *Там же*. 1907. № 43.
[4] *Левый* октябрист в Томске // Там же. 1907. № 48; *Выпад* из центра // Там же. 1907. № 49.
[5] *Там же*. 1907. № 48.

в 1907 году, во время редактирования Дуровым неофициального отдела, были вопросы, традиционно рассматриваемые монархической прессой по всей России: еврейский вопрос[1]; внимание к деятельности монархических организаций[2]; выступления против кадетов и революционеров[3]; работа Государственной думы, характеристика отдельных ее депутатов[4].

До конца 1907 года и в первую половину 1908 года новый редактор В. Мейер поддерживал установившееся направление. Продолжались нападки на евреев, кадетов и революционеров, восхвалялись «истинно русские люди»; в местной хронике отслеживались передвижения и действия чиновников разного уровня, публиковались послания в столицу и ответы на них, шла подготовка и освещение выборов в третью Думу. Периодически на страницах неофициального отдела появлялись стихотворения[5], воззвания[6]. В № 78 (1907) был опубликован некролог Грингмута, издателя «Московских ведомостей»; в № 92 появилось сообщение о Горьком, который писал «краснобайные книжки про злодеев изуверов и нажил большие деньги». Большинство материалов попрежнему составляли перепечатки, причем появился новый источник информации – журнал «Гражданин» князя Мещерского. С «Временем» отношения складывались противоречивые: в газете можно было встретить и перепечатки из этого издания[7], и полемические выпады против него [8].

В 1908 году большое место в газете стала занимать тема борьбы с пьянством[9]. Кроме того, на протяжении года вышло два отдельных номера неофициального отдела «Томских губернских ведомостей», специально посвященных борьбе с пьянством, в форме приложений: к № 4 под заголовком «Борьба с пьянством в Сибири» (здесь были помещены материалы «О вине и его употреблении на Руси», «Против пьянства», «Смерть пьяницы», «До чего доводит пьянство», «Народная отрава» и т.д.) и к № 39 под заголовком «О вреде пьянства и его пагубном влиянии на жизнь семьи, общества и государства» (с

[1] *Томские* губернские ведомости. 1907. № 13, 32, 33 и т.д.
[2] *Там же*. 1907. № 36, 37, 38, 39 и т.д.
[3] *Там же*. 1907. № 32, 38, 41, 46.
[4] *Там же*. 1907. № 32–50.
[5] *Не страшен* ты нам, враг суровый // Там же. 1907. № 93; *Царю* Самодержцу // Там же. 1907. № 96.
[6] *Проснись*, русский человек // Там же. 1907. № 70.
[7] *Там же*. 1907. № 82.
[8] *Там же*. 1907. № 83.
[9] *Там же*. 1908. № 31–32, 37, 40–42, 45, 48, 50–51, 54–56, 70, 79, 85.

материалами «Вино в пословицах», «О книгах по вопросу пьянства», «Сколько мы пропиваем?», «О винной монополии», «Попечительство о народной трезвости» и др.).

В целом уровень политической полемики в 1908 году значительно снизился, и на первый план вышла борьба за нравы: стали регулярно появляться такие статьи, как «Порнография и экзамены»[1], «Распущенность молодежи»[2], «Развращенность учащейся молодежи»[3], «Оздоровление учебных заведений и воспитание молодежи»[4], «Борьба с распущенностью в армии»[5], «Необходимость энергичной борьбы с развратом среди детей»[6], «Кто виновен в упадке нравственности среди молодежи»[7] и некоторые другие материалы. К 1909 году неофициальная часть значительно сократилась в объеме, исчезли постоянные рубрики, а в 1910 году в «Сибирской жизни» появилось следующее сообщение под заголовком «Изменение программы “Губернских ведомостей”»: «В самом непродолжительном времени по предложению Министерства внутренних дел предстоит изменение программы местных “Губернских ведомостей”. Упраздняется неофициальная часть этого издания, причем объявления частного характера также не будут приниматься. Упразднение неофициальной части вызвано желанием министерства отстранить своих чиновников от политики партийности, указывая им тем самым, что они должны поступать во всем согласно воле закона, не справляясь со своими личными взглядами»[8]. И хотя это решение не было воплощено в жизнь, тем не менее «неофициальный отдел» уже никогда не становился «газетой в газете», как в прежние времена.

Несмотря на нестабильность своего существования, неофициальный отдел «Томских губернских ведомостей» сыграл чрезвычайно важную роль в становлении системы томской журналистики. Велико его значение и как базы идеологического «взросления» томской периодики: именно на его страницах происходило оформление концепции областничества в 1860-х годах, вызревала идея «правого порядка» в период Первой русской революции, происходила консолидация литера-

---

[1] *Томские* губернские ведомости. 1908. № 34.
[2] *Там же.* 1908. № 36.
[3] *Там же.* 1908. № 37.
[4] *Там же*. 1908. № 38.
[5] *Там же.* 1908. № 44.
[6] *Там же* 1908. № 56.
[7] *Там же.* 1908. № 85.
[8] *Сибирская* жизнь. 1910. № 33.

турных и публицистических сил города. Несмотря на ограниченность своей программы, неофициальный отдел по мере сил способствовал развитию журналистских и публицистических жанров, предоставлял возможность для газетной полемики, став в итоге «дедушкой» журналистики Томской губернии конца XIX – начала XX века.

Ведомственные и специальные газеты и журналы Томска в конце XIX – начале XX века

Кроме официальных «Томских губернских ведомостей», органа административного управления, в Томске выходили периодические издания различных ведомств, городского самоуправления. Прежде всего это «Томские епархиальные ведомости» (1880–1919), «Известия Томского городского общественного управления» (1887–1917) и «Вестник Сибирской железной дороги» (1903, 1905). Немногочисленность газет этого типа объясняется тем, что, во-первых, для публикации официальной информации более подходила периодичность журнала – раз в месяц, а во-вторых, в журнале существовала возможность помещать объемные статьи, не подходящие для газетного формата. Поэтому официальных журналов в Томске выходило около 10. Они заполнялись в основном протоколами, отчетами, статистическими очерками. Публицистика в них отсутствовала. Тиражи этих изданий были невелики. Так, например, «Известия Томского городского общественного управления» в 1900–1917 годах издавались в количестве 200 экземпляров, и это закономерно, поскольку как газеты, так и журналы были обращены к определенной части томского населения, главным образом к чиновникам и служащим того или иного ведомства или учреждения.

«Томские епархиальные ведомости» (1880–1919) стали второй по времени появления официальной газетой Томска, издателем ее была Томская православная епархия. Исследователи указывают, что сама «идея создания епархиальных ведомостей, по примеру губернских, принадлежала херсонскому архиепископу Иннокентию (Борисову). Еще в 1853 г. им была составлена примерная программа епархиального издания, которая осталась без продвижения ввиду начала Крымской войны. В 1859 г. архиепископ Димитрий (Муретов) вновь предложил эту программу на обсуждение Св. Синоду. Синод признал необходимым издавать ведомости во всех епархиях, для чего при циркулярном

указе от 31 декабря 1859 г. разослал программу “Херсонских епархиальных ведомостей” как модель местного издания»[1].

Образцом для епархиальных ведомостей послужили губернские ведомости: и структура, и программа нового газетного проекта во многом повторяли уже существующие официальные издания российских губерний. Епархиальные ведомости состояли из двух частей, официальной (включающей указы, епархиальные известия, циркуляры и другую информацию) и неофициальной, где печатались статьи, некрологи, материалы по истории церкви, поучения, комментарии и рассуждения по поводу духовно-нравственных сочинений, объявления и т.д. Газета выходила 2 раза в месяц. От губернских ведомостей новую газету отличала ее узкая направленность на специфику церковной жизни. Эта особенность обусловила «промежуточное» положение епархиальных ведомостей: с одной стороны, как газета они принадлежали к открытой сфере журналистики, с другой – как орган духовенства являлись частью закрытого мира православия.

Петербургский исследователь К.Е. Нетужилов отмечает, что, «несмотря на единую для всех структуру и общую программу, каждое епархиальное издание обладало собственными отличительными свойствами, которые отражались в тематике неофициального раздела»: в газетах публиковались краеведческие, исторические, этнографические материалы, что «существенно повышало общее просветительское значение изданий»[2]. Если же говорить о тиражах епархиальных ведомостей, он составлял около 500 экземпляров: газеты распространялись преимущественно на территории епархии, «подписчиками являлись приходы, духовные училища, монастырские библиотеки, братства, а так же ряд губернских и земских учреждений»[3].

«Томские епархиальные ведомости» начали издаваться по инициативе ректора Томской духовной семинарии, архимандрита Варфоломея (Медведева), который стал первым редактором газеты. Первый номер газеты увидел свет 1 июля 1880 года. «Томские епархиальные ведомости» на всем протяжении своего существования издавались при Томской духовной семинарии, и эта близость газеты к образовательному учреждению обусловила ее особое внимание к учебным делам: как в официальной, так и в неофициальной части ведомостей публикова-

[1] *Нетужилов К.Е.* Формирование системы церковной периодической печати в России XIX – начала XX века: историко-типологический анализ. Автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб, 2010. С.35.

[2] *Там же.*

[3] *Там же.*

лись списки учеников, расписание «приемных испытаний» и другие материалы.

«Томские епархиальные ведомости» печатались первоначально в Томской губернской типографии: с точки зрения технической оснащенности она была небогатой, и качество печати оставляло желать лучшего. С № 1 1882 года газета стала печататься в типолитографии Михайлова и Макушина, в 1898 году была переведена в новую типографию Епархиального братства, в начале XX века – в типографию Дома трудолюбия.

Как официальное издание российской православной церкви, газета находилась в подцензурных условиях. Первым ее цензором был М. Стафилевский, в первые годы его фамилия указывалась вместе с фамилией редактора, архимандрита Варфоломея (Медведева). После смерти архимандрита в качестве редактора стал выступать М. Соловьев, цензором стал А. Голубев (с 1881 по 1891 год). После отъезда Голубева из Томска его сменил на посту цензора «Томских епархиальных ведомостей» Н. Владимиров (1891–1895), в последующие годы газету цензурировали М. Лебедев (1895–1899), М. Чельцов (с 1899), И. Новиков (1901), архимандрит Иннокентий (1902), протоиерей С. Дмитриевский (1912) и др. В отличие от светской цензуры, от которой печать освободилась в 1905 году, цензура для духовных изданий продолжала существовать вплоть до 1917 года.

В конце первого года издания был помещен материал «От редакции “Томских епархиальных ведомостей”»[1]. В нем излагалась программа издания:

«Отдел официальный.

А. Высочайшие манифесты и повеления, указы Святейшего Синода и правительственные распоряжения, относящиеся к Томской епархии.

Б. Местные административные распоряжения и

В. Епархиальные известии, сюда войдут:

a) объявления о праздных священно- и церковнослужительных местах;

b) определения на священно- и церковнослужительные места;

c) перемещения с одного места на другое по распоряжению епархиальной власти или же по прошениям;

[1] *Томские* епархиальные ведомости. Томск. 1880. № 10.

d) поступление в заштат или смерть священно- и церковнослужителей;

e) назначение пенсий уволенным в заштат священнослужителям или вдовам и семействам их, а также назначение единовременных пособий уволенным в заштат церковнослужителям;

f) присоединение иноверцев или раскольников к православию, и проч.

Отдел неофициальный.

А. Статьи религиозно-нравственного и педагогического содержания: сюда войдут:

a) краткие выписки из творений св. отцов и общепонятные статьи, служащие к уразумению Св. Писания;

b) Слова и поучения;

c) объяснение богослужения и обрядов православной церкви;

d) краткие сведения о жизни и подвигах святых, осуществивших в своей жизни какую-либо замечательную христианскую добродетель;

e) советы и наставления по приемам и методам обучения, необходимые и полезные для учителей народных и церковно-приходских школ;

f) краткие извлечения из педагогических и других журналов по обучению тому или другому предмету в народных школах и проч.

Б. Историко-статистические сведения, имеющие преимущественно местный интерес, как-то:

a) описание древних храмов, замечательных икон и других достопримечательностей.

В. Разные известия: сюда войдут:

a) краткие извлечения из отчета г. обер-прокурора Святейшего Синода о состоянии российской церкви;

b) извлечение из отчетов или же печатание полностью отчетов по учебно-воспитательной части в семинарии и училищах Томской епархии;

c) отчеты по экономической части в училищах Томской епархии;

d) извлечение из разных епархиальных и светских ведомостей по вопросам, могущим интересовать внимание духовенства;

e) сведения о состоянии Алтайской миссии и др. миссий и проч.».

Сообщалось, что «Томские епархиальные ведомости» выходят два раза в месяц 1-го и 15-го числа каждого месяца, объемом от полутора до двух печатных листов. Цена годовой подписки с пересылкой и доставкой составляла 5 рублей серебром.

В завершении редакционного обращения говорилось о том, что священнослужители и «вообще все любители духовного просвещения приглашаются к преосвященному участию в трудах исследования Сибирского края в церковно-административном, историческом, этнографическим и других отношениях. Всякий преосвященный труд примет редакция с благодарностью»[1].

Сопоставление программы и реализации ее на страницах издания позволяет сделать вывод о том, что газета в целом следовала заявленным направлениям. Если в первые годы издания в епархиальных ведомостях Томска не было краеведческого материала, впоследствии он появился; стали публиковаться выдержки из различных журналов, сообщения из миссий и т.д. Составленная «на вырост» программа в итоге оказалась выполненной почти по всем пунктам, что свидетельствовало об определенной прозорливости ее составителей. График выхода газеты – 1-го и 15-го числа каждого месяца – четко соблюдался в течение всего период существования «Томских епархиальных ведомостей», за исключением 1904 года, когда в марте вышло 4 номера, а в апреле – мае – по 3 номера в месяц.

Расширение рубрикатора в газете происходило постепенно. В неофициальном отделе с № 4 (1880) появились рубрики «Известия и заметки» и «Объявления», в 1898 году появился новый «Миссионерский отдел». В 1912 году неофициальный отдел делился на «Отдел миссионерский» и «Отдел общецерковный».

К участию в газете привлекался довольно обширный круг авторов из церковной среды: миссионеры, протоиереи, преподаватели духовных учебных заведений. В 1881 году среди авторов были: миссионер Филарет Синьковский, священник Александр Сидонский, каинский протоиерей и благочинный Николай Митропольский, Владимир, епископ Бийский, начальник Алтайской духовной миссии, протоиерей Михаил Путинцев, протоиерей и благочинный Алексей Лавров, священники Владимир Плотников, Владимир Догаев, М. Щеглов, В. Вербицкий и некоторые другие.

---

[1] *Томские* епархиальные ведомости. 1880. № 10.

Авторские материалы дополнялись сообщениями, перепечатанными из духовных и светских газет и журналов: «Церковного вестника», «Иркутских епархиальных ведомостей», «Полтавских епархиальных ведомостей», «Кишиневских епархиальных ведомостей», «Московских ведомостей», «Русских ведомостей», «Молвы», «Современных известий», «Новостей», «Военно-медицинского журнала», «Огонька» и других изданий. В перепечатках речь шла не только о действиях миссионеров (в Забайкалье, в Японии и др.), но и пересмотре законов о печати[1], вреде кровных браков[2] и событиях зарубежной, русской и сибирской жизни.

Чаще всего за дополнительными сведениями газета обращалась к своим «коллегам» – епархиальным ведомостям разных областей России, из чего можно сделать вывод, что редакция получала номера этих ведомостей: действительно, до Революции 1917 года между редакциями российских газет и журналов существовал обмен бесплатными экземплярами, а в подписной период они «взаимозачетом» публиковали рекламные объявления о подписке. Однако в «Томских епархиальных ведомостях» размещалась реклама преимущественно духовных изданий общероссийского значения («Церковный вестник». «Христианское чтение», «Вестник благотворительности», «Странник», «Руководство для сельских пастырей», «Воскресный день», «Русский паломник», «Народное образование», «Православный собеседник», «Миссионерское обозрение», «Душеполезное чтение» и т.д.), а не епархиальных ведомостей Сибири и Европейской России. По-видимому, для «рядового» читателя материал «чужих» епархиальных ведомостей не мог представлять интереса в силу ярко выраженной местной специфики газеты.

На страницах «Томских епархиальных ведомостей» всего несколько раз появлялись объявления об издании епархиальных ведомостей других епархий. Одно из них – «Об издании “Тобольских епархиальных ведомостей”»: «С 1882 года разрешены к изданию, по утвержденной Святейшим Синодом программе, Тобольские епархиальные ведомости, кои должны состоять из двух частей – официальной и неофициальной. Программа первой части имеет быть общая с таковою же других епархиальных ведомостей; в неофициальную же часть войдут отделы: религиозно-нравственный, церковно-богослужебный, церковно-исторический, миссионерский и смесь, с преимуществен-

[1] *Томские* епархиальные ведомости. 1880. № 8.
[2] *Там же*. 1880. № 11.

ным применением статей по сим отделам к современным потребностям местного духовенства и общества. Ведомости будут выходить дважды в месяц, приблизительно в объеме не менее двух листов… Годовая цена изданию 5 рублей. Редакция при Тобольской духовной семинарии»[1]. Это объявление дает представление о сходных структуре сибирских епархиальных ведомостей, цене, графике выхода, тематической направленности и даже «дислокации» редакции – при духовных учебных заведениях. Также в № 4 (1884) было опубликовано объявление о подписке на «Киевские епархиальные ведомости».

Публиковалась в разделе объявлений и реклама светских общероссийских изданий: «Живописное обозрение», «Сын Отечества», «Домашняя библиотека», «Нива» и др. Объявления о подписке на сибирские и томские частные светские издания появлялись эпизодически: на «Сибирскую газету»[2], «Сибирский вестник»[3], «Восточное обозрение»[4], «Томский вестник»[5] и некоторые другие газеты. Ни разу не публиковались объявления о подписке на томские официальные газеты и журналы. Это свидетельствовало о прагматическом подходе редакции к рекламе изданий: публиковалось только то, что было выгодно, например, в плане обмена бесплатными экземплярами изданий или в рамках сотрудничества с изданиями (местные «Сибирская газета», «Сибирский вестник»).

Существующая программа «Томских епархиальных ведомостей» определяла содержание неофициального отдела, которое составляли несколько основных тематических блоков.

Первый можно обозначить как «духовное красноречие и богословие»: ежегодно почти в каждом номере публиковались проповеди, речи, воззвания и другие материалы отцов церкви, объяснения по поводу священных текстов, комментарии, богословские материалы. Так, например, на протяжении 1881 года в каждом номере публиковалась «Шестая часть книги святого пророка Исайи»; в 1882 году – 3-я, 4-я и 5-я части книги пророчеств Исайи, в 1883-м и 1884-м – «Объяснение Апокалипсиса св. Апостола Иоанна Богослова (с 1885 года оно публиковалось в виде приложения к «Томским епархиальным ведомостям»). С 1887 года редакция нашла новую форму для богословских материалов: периодически в неофициальном отделе стали печататься «Беседы

[1] *Томские* епархиальные ведомости. 1882. № 4.
[2] *Там же*. 1887. № 24.
[3] *Там же*. 1885. № 6; 1899. № 2.
[4] *Там же*. 1884. № 23.
[5] *Там же*. 1912. № 17.

на Евангелие в неделю»: «О расслабленном»[1], «О слепом»[2], «Перед Рождеством Христовым»[3] и т.д. Отдельные материалы этого блока носили полемический характер, как, например объемный материал А. Голубева «Разбор учений материалистов о душе человеческой»[4], а также познавательный[5]. В начале XX века в связи с активизацией общественной жизни в России и усилением политической активности церкви богословие отошло в газете на задний план, материалы этого блока стали появляться нерегулярно.

Второй блок составляли отчеты, которые ежегодно помещались в «Томских епархиальных ведомостях». Прежде всего это отчеты об Алтайской и Киргизской духовных миссиях Томской епархии и отчеты Томской духовной семинарии. После открытия 14 октября 1884 года Томского епархиального женского училища стали публиковаться годовые отчеты «по учебной и нравственно-воспитательной частям» этого учебного заведения. С 1886 года появились отчеты о состоянии противораскольнического Братства св. Димитрия, митрополита Ростовского, отделения которого были открыты в Бийске, Томске, Барнауле. Публиковались также отчеты Томского епархиального комитета Православного миссионерского общества, попечительства о нуждающихся воспитанниках духовной семинарии, отчеты о состоянии церковно-приходских школ Томской епархии, катихизаторского училища и др.

Количество отчетных материалов нарастало с увеличением духовных учебных заведений и разнообразных духовных обществ и учреждений; эти материалы являются хорошим источником данных о деятельности православной церкви в самых разных направлениях.

Кроме больших отчетов, включавших в себя статистику, описывающих внутреннюю структуру того или иного учреждения, организацию проведенных мероприятий, газета публиковала разнообразную информацию о текущей жизни училищ, школ и других образовательных учреждений, находившихся под патронатом Томской епархии. Обращает на себя внимание то, что, периодически помещая информацию о мероприятиях в Томском женском епархиальном училище, в Томской духовной семинарии, в Томской церковно-учительской школе, Томском духовном училище, «Томские епархиальные ведомости» не упоминали о событиях в других образовательных учреждениях горо-

[1] *Томские* епархиальные ведомости. 1887. № 22.
[2] *Там же*. 1888. № 2.
[3] *Там же*. 1888. № 3.
[4] *Там же*. 1883. № 2–5, 9, 13, 15.
[5] *Что* такое царская коронация? // Там же. 1882. № 9.

да, не говоря уже о публикации городских новостей, не относящихся к церкви. Это свидетельствовало о серьезных тематических ограничениях, существовавших в газете, о ее узкой направленности на определенную часть аудитории. С другой стороны, в городских газетах практически не появлялось информации о жизни духовных учебных заведений, отчего «Томские епархиальные ведомости» могут рассматриваться как источник информации, не встречающейся больше ни в одном издании, они органично дополняли складывающуюся систему периодики в Томске.

В этом смысле показателен пример публикаций о праздновании 100-летнего юбилея Н.В. Гоголя в Томске в 1909 году: в выходящих в то время томских частных газетах «Сибирская жизнь», «Сибирская правда», «Сибирские отголоски» постоянно публиковались материалы о подготовке и проведении гоголевского юбилея в России, в Сибири и в Томске, но не упоминалось о праздновании юбилея в духовно-учебных заведениях. «Томские епархиальные ведомости» освещали гоголевский юбилей только в одном аспекте: в неофициальном разделе были опубликованы материалы «Чествование памяти Н.В. Гоголя в духовно-учебных заведениях г. Томска», «В епархиальном женском училище», «В Томском духовном училище»[1], представляющие собой отчеты о проведении «гоголевских дней» в этих учебных заведениях. Анализ материалов, опубликованных во всех изданиях Томска, в итоге дает полную информационную картину 100-летнего юбилея писателя.

Достаточно подробно освещалась в газете внутренняя жизнь церкви, в том числе в неофициальной части публиковались некрологи священнослужителей: А.И. Сулоцкого, С.В. Ландышева, Д.И. Емельянова, А.Н. Голубева, бывшего также цензором «Томских епархиальных ведомостей, и др. Помещались историко-статистические обзоры, описания открытия новых учреждений. «Томские епархиальные ведомости» отслеживали передвижения духовенства: писали о прибытии в Томск нового ректора Томской духовной семинарии архимандрита Акакия[2], об отбытии епископа Томского, Преосвященного Петра из Томска[3] и о прибытии в Томск нового епископа[4], о пребывании в Барнауле архипастыря Владимира[5], о посещении единоверческой церкви епископом

[1] *Томские* епархиальные ведомости. 1909. № 10.
[2] *Там же*. 1882. № 8.
[3] *Там же*. 1883. № 17.
[4] *Там же*. 1883. № 18.
[5] *Там же*. 1884. № 15.

Томским, Преосвященным Макарием[1] и о поездке к чулымским инородцам[2] и т.д.

Из материалов «Томских епархиальных ведомостей» можно было узнать о проведении «акта по случаю 25-летия Томской духовной семинарии»[3], об «открытии религиозно-нравственных чтений по воскресным дням в г. Томске»[4], о «редком церковном торжестве» – «наречении и хиротонии во епископа в г. Томске»[5], о подготовке и проведении мероприятий, приуроченных к 1000-летней годовщине со дня смерти просветителя славян святого Мефодия»[6], и о многих других событиях церковной жизни. Наиболее выдающиеся мероприятия освещались в газете более подробно: так, в 1883 году в Томске прошел общеепархиальный съезд, работа которого отражалась в виде публикации «журналов съезда» в качестве приложений к «Томским епархиальным ведомостям».

Открытию Томского епархиального женского училища в 1884 году был посвящен почти весь газетный выпуск (№ 20), поскольку редакция придавала очень большое значение этому учебному заведению. Обосновывая свое внимание к деталям торжества, газета писала: «Надежда, лелеянная духовенством с 50-х годов, приведена в исполнение. Теперь одинаково и богатый, и бедный из лиц духовного сословия будут иметь счастие видеть своих детей-девочек стоящими на высоте современного уровня развития. Каждый отец семейства, наверное, желал бы присутствовать, посмотреть и полюбоваться на самое торжество открытия училища, но так как для весьма и весьма многих это осталось тщетным желанием, то мы, не вдаваясь в подробности, постараемся дать возможно ясное понятие о главных моментах совершившегося торжества».

Необходимо подчеркнуть, что газета с материалами о женском училище датирована 15 октября, торжество же открытия состоялось 14 октября; однако это не означает, что в данном случае можно наблюдать «чудеса оперативности». Некоторое объяснение ситуации дает дата цензурной проверки этого номера – 16 октября. Это означает, что выпуск номера был задержан, скорее всего, именно из-за торжества по случаю открытия в Томске нового учебного заведения, а дата выпуска

---

[1] *Томские* епархиальные ведомости. 1884. № 23.
[2] *Там же*. 1886. № 8.
[3] *Там же*. 1883. № 19.
[4] *Там же*. 1883. № 20.
[5] *Там же*. 1884. № 4.
[6] *Там же*. 1885. № 6, 8, 9, 12.

номера была сохранена прежняя, 15 октября, для соблюдения графика выхода.

В описании открытия школы для девочек, дочерей священников, ощущался явственный репортажный стиль, не только была дана хронология событий, перечислялись присутствующие руководители, но и описаны отдельные ситуации, связанные, например, с тем, что «публики было так много, что к концу литургии не было возможности пробраться в церковь». Материал включал в себя и содержание речей, сказанных на открытии. Так, например, исполняющий обязанности инспектора классов Александр Голубев (одновременно являющийся и цензором газеты) обозначил главную цель училища как «образование дочерей православного духовенства сообразно с их будущею жизнью в звании жены православного священника»[1].

В этом же 1884 году Томская епархия отмечала свой 50-летний юбилей, что привело к необходимости выпустить сдвоенный номер от 1 и 15 ноября 1884 года, посвященный этому событию[2]. В газете были опубликованы материалы о том, как проходили юбилейные торжества, исторические материалы об образовании Томской епархии, речи отцов церкви по этому поводу, впечатления участника мероприятий священника Доброленского и некоторые другие материалы.

В 1899 году в разделе «Известия и заметки» появился материал «Вновь открытая епархиальная типография и переплетная» (автор «Г.Н.»): в нем подробно описывалось местоположение типографии (на «нижнем этаже архиерейского дома, там, где ранее помещалась епархиальная библиотека, епархиальный училищный совет и квартира о. казначея архиерейского дома»), новые машины и их возможности (печатная, «американка», золотильная, папкорезательная и бумагорезательная, корректурный аппарат). Из материала читатели могли узнать, что инициатором «епархиальной типографии и переплетной Братства Святого Димитрия Ростовского» был Преосвященный Макарий, заведующим был назначен преподаватель семинарии И.П. Новиков, всего работало 15 служащих, «не считая учеников»[3].

Необходимо отметить разнообразие приемов и методов освещения событий церковной жизни, присутствие элементов репортажа в некоторых материалах, которые позволяли читателям почувствовать атмосферу мероприятий. Таким образом, можно говорить о повышении

---

[1] *Томские* епархиальные ведомости. 1884. № 20.
[2] *Там же.* 1884. № 21–22.
[3] *Там же*. 1899. № 3.

профессионализма сотрудников «Томских епархиальных ведомостей», с успехом осваивающих новые газетные жанры.

Отдельный блок составляли материалы, посвященные расколу и миссионерской деятельности в Томской епархии. Историк К.Ю. Иванов отмечает: «Первые статьи о томском старообрядчестве появились в “Ведомостях” вскоре после начала выхода журнала, а после начала работы противораскольнического Братства количество их увеличилось, достигнув апогея в 1898–1899 гг., когда в журнале печатались подготовленные сотрудником Братства Иваном Новиковым материалы первого епархиального миссионерского съезда (Томск, 10–27 августа 1898 г.). С 1909 г. основное внимание миссионеров согласно решению Всероссийского миссионерского съезда переключилось на сектантов как на более опасное для господствующей церкви направление. Соответственно, уменьшилось количество статей, посвященных собственно старообрядцам. С началом Первой мировой войны больше внимания стали уделять положению внутри самой РПЦ, а не “раскольникам”, увеличилось количество статей, не имеющих прямого отношения к религиозным проблемам»[1].

Освещение раскольнической темы придало своеобразный «сибирский» колорит «Томским епархиальным ведомостям». В одном из материалов, озаглавленном «О расколе в Томской губернии (записка, составленная в 1868 году князем Николаем Алексеевичем Костровым)», подчеркивалось: «Томская губерния, как и вообще вся Сибирь, издавна была убежищем раскола во всех главнейших его видах. Причина такого печального явления кроется в географических условиях первой же колонизации и потом дальнейшего развития ее народонаселения» [2]. При открытии противораскольнического Братства (1884 год) утверждалось, что «учреждение его в настоящее время совершенно необходимо ввиду постоянного усиления раскола в Томской епархии, служащей, как известно, местом ссылки, и ввиду невозможности для местных пастырей церкви бороться с расколом единичными силами» (ТЕВ. 1884. № 19).

Богатый фактическими данными, живописными подробностями, деталями жизни сибирских народов и этнических групп материал содержался в «Записках» миссионеров, которые регулярно публикова-

---

[1] *Иванов К.Ю.* «Томские епархиальные ведомости» как источник по истории томского старообрядчества // Старообрядчество: История, культура, современность. М., 1997. С. 136–137.

[2] *Томские* епархиальные ведомости. 1883. № 17.

лись в газете. Это «Записки алтайского миссионера», священника Филарета Синьковского (1882–1890 годы), материалы священника Г. Оттыгашева «Из записок миссионера Мрасского отделения Алтайской духовной миссии»[1], К. Соколова «Из записок миссионера Урсульского отделения Алтайской миссии»[2]. Эти публикации служили не только миссионерским целям, но и носили просветительный характер, служили источником этнографической информации.

В «Томских епархиальных ведомостях» публиковался и один из постоянных авторов «Томских губернских ведомостей», известный миссионер и этнограф В. Вербицкий. В неофициальном отделе были помещены его «Материалы для истории Алтайской духовной миссии»[3], «Обозрение станов Алтайской духовной миссии»[4], а в 1891 были опубликованы некролог самого В. Вербицкого и материалы, посвященные его памяти. В публикациях подчеркивалось подвижничество Вербицкого, его успехи в деле обращения инородцев в христианство. Авторы характеризовали миссионера как «опытного, многополезного труженика, отдавшего все свои душевные и телесные силы Алтаю», как человека «недюжинного ума», с «замечательным тактом»[5]. Из воспоминаний знакомых ему священников вырисовывался образ человека выдающегося, который «не ограничивался миссионерским делом», «он с такою же любовью занимался и учеными трудами». В материалах описывались «его приятный голос, теплая, задушевная и мудрая беседа, соединенная с приветливым обращением», привлекавшие к нему «и своих и чужих, и друзей и врагов Алтайской миссии»; «свойственный ему юмор, никого никогда не задевавший и всем всегда доставлявший истинное удовольствие»[6]. Все эти качества Вербицкого помогали ему в его миссионерской деятельности и изучении Сибири.

Тема исследования Сибири получила свое развитие в «историческом блоке» «Томских епархиальных ведомостей», который включал в себя различные материалы о Сибири, Томске, связанные с историей края. Благодаря этим публикациям «Томские епархиальные ведомости» приобретали не прямо «областническую», но явную «сибирефильскую» направленность.

---

[1] *Томские* епархиальные ведомости. 1889. № 18.
[2] *Там же*. 1889. № 14.
[3] *Там же*. 1887. № 17.
[4] *Там же*. 1889. № 20, 21.
[5] *Там же*. 1891. № 9.
[6] *Там же*. 1891. № 1.

Из общероссийских изданий сотрудниками газеты выбирались те новости, которые касались Сибири. Так, в № 4 (1882) появилась небольшая заметка под названием «Члены-сотрудники из сибирского духовенства в Императорском Русском географическом обществе». В ней сообщалось: «К последнему печатному отчету Русского географического общества приложен список лиц, удостоенных наградами означенного общества, со времени его основания по 1880 год. Приводим из этого списка имена духовных лиц, получивших награды Географического общества, принадлежащих к Сибири»[1]. Этим газета подчеркивала вклад духовенства в изучение Сибири.

В неофициальной части публиковались описания сибирских икон[2], помещались материалы о церквах и монастырях[3]. Эти материалы показывали богатство истории Томской епархии, а также повышали интерес к газете в целом.

К числу «томских раритетов», описываемых на страницах газеты, принадлежали и легенды об отдельных личностях. Им были посвящены материалы М. Путинцева «Юродивая Домнушка (из томских преданий)»[4] и автора под псевдонимом «М.Л.» «Старец Федор Кузьмич. Сибирский подвижник»[5]. Как первая, так и вторая история – это не городские легенды о местных сумасшедших, поражающих воображение обывателей, а рассказы о подвижниках, об образцах «высокохристианской нравственности»[6]. «Сибирская» составляющая в этих легендах была связана с положением героев – оба они – ссыльные, с темным прошлым, которое, по сюжету легенд, искупалось духовными подвигами во время их пребывания в Томске.

Третий уровень «исторического блока» – это воображаемое «путешествие по Сибири» читателей «Томских епархиальных ведомостей», совершаемое вместе с авторами путевых заметок, которые охотно пу-

---

[1] *Томские* епархиальные ведомости. 1882. № 4.

[2] *Лавров А.* Описание иконы Чердацкой Божией матери // Томские епархиальные ведомости. 1881. № 19–20; *Икона* святителя Иннокентий Иркутского чудотворца // Там же. 1881. № 13; *Семипалатинская* икона Божьей Матери, именуемая Абалацкою // Там же. 1882. № 6; *Икона* Божией Матери Одигитрии, что в селе Богородском Томской епархии // Там же. 1882. № 7, 8, 9, 10; *Сказание* о святом нерукотворном Спасителеве образе, приносимом каждолетно из села Спасского в город Томск // Там же. 1885. № 11; *Мисюрев А.* К сведениям о чудотворной иконе святителя Николая, ежегодно приносимой из Семилужков в Томск // Там же. 1887. № 14.

[3] *Петропавловский* собор в г. Барнауле // Там же. 1882. № 19–21; О бывшем девичьем монастыре, закрытом в 1776 году // Там же. 1883. № 4; *Томский* Богородицкий Алексеевский мужской монастырь // Там же. 1887. № 11, 12.

[4] *Томские* епархиальные ведомости. 1882. № 16.

[5] *Там же*. 1892. № 13.

[6] *Там же*. 1882. № 16.

бликовала редакция. Можно отметить материалы М. Путинцева «В Семипалатинске (из путевых заметок)»[1]; «Поездка на Кулунду начальника миссий Томской епархии епископа Макария (из путевых заметок благочинного священника Сергея Ивановского)»[2]; «Извлечение из путевых заметок председателя противораскольнического братства Св. Димитрия»[3], «Из путевых заметок во время поездок в Васюган»[4]. На первом месте в этих путевых заметках находились, конечно, не дорожные впечатления, а рассказ о целях поездок, чаще всего миссионерских; однако авторы находили возможность украсить свои материалы описаниями сибирской природы, размышлениями об истории и перспективах развития Сибири, что позволяет отнести эти материалы к жанру сибирского «литературного путешествия».

Еще один аспект «исторического блока» был связан с публикацией документов, таких как «Краткое показание о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия сибирского государства воеводах и губернаторах и прочих чинах: и кто они именно, и в каких городах были, и кто какой город строил, и когда»[5]; «Об отчислении церквей Енисейской губернии из Тобольской епархии к Иркутской епархии в 1824 году»[6]. Этим материалам редакция придавала большое значение, о чем свидетельствовало выступление в газете священника Антонина Мисюрева «О необходимости помещения в неофициальной части “Томских епархиальных ведомостей” материалов исторического содержания». Автор подчеркивал роль духовенства в изучении Сибири, его роль «летописца», и считал, что «Томские епархиальные ведомости» должны продолжить традицию краеведения, «относиться должным образом к прошлому». Он опровергал идею о том, что газета должна целиком заполняться «историческими памятниками местного, исключительно, характера», вытесняя «круг современных известий духовного характера», однако утверждал, что публикация исторических материалов имеет огромное воспитательное значение: «памятники исторические» могут быть «прочными опорами в деле ознакомления с ними паствы путем устной беседы с нею и чрез печать», пробуждают в духовенстве и, самое главное, – в «молодом

[1] *Томские* епархиальные ведомости. 1881. № 19.
[2] *Там же.* 1887. № 19, 21.
[3] *Там же*. 1888. № 5.
[4] *Там же.* 1899. № 3.
[5] *Там же.* 1883. № 2–6, 9.
[6] *Там же.* 1884. № 24.

поколении его» «интерес к чтению своего органа»[1]. Призывая к сбору и публикации исторических документов, сам А.А. Мисюрев подавал в этом отношении пример для подражания, поскольку неоднократно выступал автором материалов по истории Сибири.

К «историческому блоку» относился и цикл этнографических материалов: «Самоеды Нарымского края Томской губернии» Н. Городкова[2]; «Инородцы Нарымского края»[3], «Природа и население Алтая»[4], «Нарымский край»[5]. Связанные общей тематикой и проблематикой (хоть и принадлежащие разным авторам), эти материалы обобщали результаты наблюдений над жизнью сибирских аборигенов, отличались ярко выраженной гуманистической направленностью.

В связи с 300-летним юбилеем присоединения Сибири к России в 1882 году в разных сибирских и столичных изданиях был поставлен вопрос о значении этого события: выиграла ли Сибирь от присоединения, или же негативные последствия вроде штрафной колонизации, превращения края в место каторги и ссылки перекрыли полученные преимущества? В ряде материалов, посвященных юбилею, «Томские епархиальные ведомости» озвучили свою оценку – сугубо положительную, поскольку благодаря «делу Ермака», «по следам его, пришли в покоренный им край русские люди и посредством распространения христианского просвещения и русской культуры довершили покорение Сибири»[6]. Эту точку зрения разделяли и участники торжественных мероприятий[7].

Необходимо отметить такую черту «Томских епархиальных ведомостей», как их «практическую направленность». Это проявлялось на двух уровнях: во-первых, официальная часть этой газеты давала читателю необходимую информацию о вакантных местах священников, знакомила с разнообразными документами и сведениями по церковной части; во-вторых, в неофициальной части нередко встречались разнообразные советы по медицине[8], по пчеловодству, по воспитанию и обучению детей[9] и т.д. В 1886 году (№ 13) в газете давалось объяснение

---

[1] *Томские* епархиальные ведомости. 1887. № 2.
[2] *Там же*. 1888. № 18.
[3] *Там же*. 1890. № 8, 9.
[4] *Там же*. 1890. № 9, 10, 16–21; 1891. № 1, 3, 4.
[5] *Там же*. 1899. № 3.
[6] *Там же*. 1882. № 24.
[7] *Празднование* 300-летнего юбилея Сибири в Томске // Там же. 1882. № 24.
[8] См. напр.: *Помощь* пораженным молнией // Томские епархиальные ведомости. 1885. № 15; *О солнечном* ударе и первой помощи» // Там же. 1885. № 15.
[9] *Руководство* для первоначального воспитания слепых детей // Там же. 1888. № 18.

такому природному явлению, как солнечное затмение – с целью успокоить паству, развеять суеверные представления об этом феномене.

Наконец, периодически появлялись на страницах неофициального отдела материалы «общественно-политического блока», представляющие собой отклик на события «светской» российской, сибирской, томской жизни. Так, например, «Томские епархиальные ведомости» не могли не отозваться на убийство императора Александра II: в газете была опубликована «Речь, произнесенная на Барнаульской соборной площади по прочтении телеграммы о смерти Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича пред началом общественной панихиды, 2 марта 1881 года, в час пополудни»[1]. Ее автором был священник Иоан Горстовский, который описывал цареубийство в следующих выражениях: «Итак, мученическом венцом окончил Ты свое 26-летнее царствование и свою 63-летнюю земную жизнь… Стоглавая гидра, отродье эдемского змия, пресмыкающаяся в нашем русском государстве, коснулась Тебя своим смертоносным жалом!.. Горькая весть, тяжелая весть, ужасная весть!!!!». Народники характеризовались Горстовским как «злодеи» и «шипящие змеи», а цареубийство, по его мнению, было «горьким плодом неверия». Тяжелую потерю священник предлагал облегчить «слезами» и «молитвенными вздохами» и призывал дать клятву «вырвать с корнем из среды нашей губительную заразу цареубийства».

Вторым объемным материалом «общественно-политического блока» был материал, написанный по поводу принятия нового закона о церковно-приходских школах. Придавая этому закону огромное значение, газета сочла своим долгом «познакомить своих читателей с мнениями печати по поводу этого нового узаконения»: таким образом, в «Томских епархиальных ведомостях» впервые появился жанр «обзора печати». В круг рассматриваемых изданий попали как духовные, так и светские издания; обращает на себя внимание их выбор, это преимущественно консервативные газеты и журналы. Обзор начинался с главного официального издания Св. Синода России – «Церковного вестника». Эта газета «горячо поддержала» идею «возобновления» «педагогической деятельности духовенства по образованию народа», приводила слова Синода о том, что теперь «школы сии будут истинными рассадниками христианского просвещения в православном народе». «Школа, – цитировали «Томские епархиальные ведомости», –

[1] *Томские* епархиальные ведомости. 1881. № 8.

естественная союзница церкви», ее цель – «стремиться к одной общей цели – к обучению и просвещению подрастающего поколения на незыблемых основах веры и в духе всецелой преданности престолу и отечеству»[1]. В поддержку нового закона выступила и газета «Церковно-общественный вестник».

От духовных изданий «Томские епархиальные ведомости» перешли к светским, заметив, что «Высочайше утвержденные новые правила о церковно-приходских школах составляют также наиболее частую тему передовых статей в наших светских газетах за последнее время». Так, поддержали начинание «Санкт-Петербургские ведомости», поскольку, по мнению столичной газеты, оно «вполне соответствует правильному взгляду на духовенство как на естественного учителя народа на первой стадии образования». Монархическая газета «Свет» подчеркивала, что, «в сущности, дело начального народного образования отныне передается всецело духовенству и переходит в ведение Св. Синода», и это далеко не всем обществом воспринимается положительно: «Мы знаем очень хорошо, что в нашем громадном государстве есть люди разных мнений и разных взглядов. Не все с одинаковой точки зрения смотрят даже на великие дела. Есть люди, которым даже нежелателен подъем русского народного духа и подъем Церкви, прямым следствием сего будет окончательная незыблемость самодержавного престола»[2]. Но, считает газета, в данном случае даже эти люди должны понять «значение и силу» нового закона.

Привели «Томские епархиальные ведомости» и мнение газеты кн. Мещерского «Гражданин», которая оценила новый закон как «великое событие ... в истории нашего народа», а также положительные отзывы о реформе в области образования газет «Киевлянин» и «Южный край». То есть томская газета сочла необходимым познакомить своих читателей не только с мнением духовных изданий, но и светских, лояльно настроенных по отношению к новому закону: это еще раз подчеркнуло нацеленность церкви на поиск поддержки во всем обществе, стремление к объединению монархических, патриотических сил.

Действия местной светской власти на страницах «Томских епархиальных ведомостей» практически не освещались; исключение составлял период губернаторства И.И. Красовского – его имя постоянно встречалось в газете, отмечалось участие губернатора в мероприятиях, организованных церковью, его поддержка организации в Томске

[1] *Томские* епархиальные ведомости. 1884. № 18.
[2] *Там же.*

противораскольнического братства Св. Димитрия Ростовского в Томске[1]. Присутствовал И.И. Красовский и на открытии томского женского епархиального училища, что было особо отмечено в материале[2]. Смерть И.И. Красовского – пожалуй, единственного из всех местных нецерковных деятелей – была отмечена помещением его некролога: в материале была дана оценка его как губернатора, как человека и как православного христианина. Автор некролога писал: «Томскою губернией он управлял всего два года. Трудно, конечно, в такой короткий срок отличить себя чем-либо выдающимся на поприще управления такой обширной и неустроенной губернией, какова Томская. Но, говорят, он одушевлен был желаниями реформ для Томской губернии и не переставал ходатайствовать о сравнении ее в административном, судебном и других отношениях с российскими губерниями. Как человек покойный был характера мягкого, доброго и отличался всегда доступностью, внимательностью и приветливостью. <…> Он был искренне религиозен, в воскресные и праздничные дни он постоянно посещал богослужение, ежегодно на первой неделе великого поста он говел и приобщался святых тайн непременно в семинарской церкви, вместе с воспитанниками семинарии»[3]. В публикации подчеркивалось, что «Томская семинария и ее воспитанники пользовались особенным его вниманием»: «может быть, здесь сказывалась его старинная привязанность к юношеству, которою он отличался в бытность свою инспектором московского университета, или вообще доброта его души, только он не пропускал случая выразить свое расположение к Томской семинарии и словом, и делом». Красовский был похоронен возле семинарской церкви, и это было символичным действием, объединившим Красовского с семинарией и после его смерти.

Отметим, что «Томские епархиальные ведомости» никак не отреагировали на открытие в 1888 году первого сибирского вуза – Императорского Томского университета. Хотя это событие касалось и Томской епархии – несмотря на то что университет был светским учебным заведением, в его главном корпусе была открыта церковь, где служил штатный священник. Первые материалы, в которых упоминалось об университете, появились только в 1890-х годах: описывая пребывание в Томске летом 1891 года наследника цесаревича и великого князя Ни-

[1] *Томские* епархиальные ведомости. 1884. № 19.
[2] *Там же*. 1884. № 20.
[3] *Там же*. 1885. № 13.

колая Александровича, автор упоминал о его визите в университет[1]. В 1893 году было опубликовано «Слово в день освящения церкви при клиниках Императорского Томского университета»[2], сказанное священником Д.Н. Беликовым. С этого времени материалы Д.Н. Беликова, университетского профессора богословия, регулярно публиковались в «Томских епархиальных ведомостях». В 1899 году на страницах газеты был напечатан некролог В.М. Флоринского[3], первого попечителя Западно-Сибирского учебного округа, много сделавшего для становления первого сибирского университета, а в 1901 году газета приветствовала открытие в Томске технологического института[4].

В 1891 и 1896 годах «Томские епархиальные ведомости» публиковали материалы, посвященные юбилею П.И. Макушина[5] и 25-летию его деятельности в Томске[6]. Внимание к этому известному томскому общественному деятелю было обусловлено прежде всего тем, что Макушин был связан с духовенством, в юности работал в Алтайской духовной миссии. В бытность книготорговцем, владельцем типографии, удачливым предпринимателем П.И. Макушин всегда внимательно относился к нуждам духовных учебных заведений, жертвовал для них книги, оказывал материальную поддержку. Но о самом главном обстоятельстве «Томские епархиальные ведомости» писали следующим образом: «Мы не можем не сказать, что и наш орган также обязан кое-чем деятельности Петра Ивановича. Епархиальные ведомости уже более 15 лет бессменно печатаются в его типографии, но на первых порах своего издания они пользовались станком другой типографии. Если мы сравним книжки Ведомостей той первоначальной поры с теперешними, то мы должны будем отдать полное преимущество типографии Петра Ивановича. Мы пользуемся в ней четким красивым шрифтом, белой, плотной и прочной бумагой и изящной брошюровкой номеров; из прежней же типографии номера выходили небрежные и неуклюжие, печатались они на тонкой, серой, сквозящей бумаге и старым, грубым, сливающимся шрифтом. Теперешнюю книжку ведомостей приятно взять в руки, тогда как чтение старой причиняет резь

[1] *Томские* епархиальные ведомости. 1891. № 14–15.
[2] *Там же*. 1893. № 1.
[3] *Там же*. 1899. № 3.
[4] *Там же*. 1901. № 3.
[5] *Там же*. 1891. № 7.
[6] *Там же*. 1896. № 18.

в глазах и вообще своим неприятным видом она производит дурное впечатление»[1].

Во время революции 1905–1907 годов «Томские епархиальные ведомости» были вовлечены в политическую борьбу. Они поддерживали монархические партии, выступали против революционеров и революции в целом. В это время объем и значение общественно-политического блока в неофициальном отделе значительно увеличились, хотя по-прежнему здесь публиковались и богословские материалы, и отчеты, и материалы о работе миссий, и краеведческие заметки.

К общественно-политическому блоку можно отнести ссылки на томские издания, в основном опровержения: смотритель барнаульского духовного училища Ив. Сырцев опровергал корреспонденцию «Томских губернских ведомостей» о плачевном состоянии этого учебного заведения[2]; автор «А.Г.» полемизировал с «Сибирской газетой» по поводу открытия епархиального женского училища в Томске[3]. Статья «Несколько слов о православном миссионерстве вообще и на Алтае в особенности» представляла собой ответ на заметку в «Сибирской газете» с разъяснением вопроса о характере миссионерской деятельности[4]. Еще один материал – «Разъяснение по поводу корреспонденций, напечатанных в «Сибирской газете» о Томском епархиальном женском училище»[5] – также был посвящен опровержению сведений, напечатанных в частной светской газете. В начале XX века «Томские епархиальные ведомости» полемизировали с «Утром Сибири»[6].

Кроме реклам и опровержений, появлялись в «Томских епархиальных ведомостях» и положительные отклики о местных газетах: например, в статье священника Ильи Фокина «Религиозно-нравственный орган печати в Сибири» приветствовалось основание в Томске монархической газеты «Сибирская правда», противостоящей «идеям атеизма, социализма, материализма, даже чистейшего анархизма»[7].

В самые последние годы выходили два приложения к «Томским епархиальным ведомостям»[8]. Первое из них – журнальное прило-

---

[1] *Томские* епархиальные ведомости. 1896. № 18.
[2] *Там же*. 1883. № 10.
[3] *Там же*. 1883. № 23.
[4] *Там же*. 1884. № 3.
[5] *Там же*. 1885. № 2.
[6] *Там же*. 1912. № 24.
[7] *Там же*. 1909. № 6.
[8] Из «сопутствующих» изданий можно указать также «Томский церковно-общественный вестник», который издавался в 1918 году как еженедельный «орган духовенства и мирян Томской епархии».

жение «Пчела и воск» (1916–1917) – стало логическим развитием прежнего интереса газеты к пчеловодству, это была «сквозная тема» на протяжении всего издания «Томских епархиальных ведомостей». Пчеловодство поощрялось на государственном уровне, так как предполагалось, что оно может поддержать и крестьянское хозяйство, и духовенство. «Пчела и воск» выходили 2 раза в месяц, в результате было издано 48 номеров (по 24 номера в год). Тематика этого приложения определялась его названием: здесь помещались разнообразные статьи по разведению и содержанию пчел, добыче меда и других продуктов бортничества.

В целом «Томские епархиальные ведомости» совмещали в себе признаки и газеты, и журнала. Они были информационно насыщены, отражали на своих страницах как жизнь Томской епархии, так и отдельные значимые события светской жизни. Однако большинство материалов «Томских епархиальных ведомостей» скорее относились к журнальным, были значительного объема, не имели новостного повода.

Деление на официальную и неофициальную часть в «Томских епархиальных ведомостях» было в отдельных моментах условным: так, подписка на газеты помещалась в обоих отделах, как и некоторые отчеты. В отличие от «Томских губернских ведомостей», неофициальная часть в «Томских епархиальных ведомостях» всегда была полноценным разделом газеты (она не вышла только один раз – в № 16 за 1885 год).

С 1886 по 1912 год в Томске издавался ежемесячный «Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу». Он выходил под непосредственным руководством попечителя Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринского, на роль редактора был утвержден правитель канцелярии Г.С. Томашинский. В дальнейшем редакторами выступали другие правители канцелярии. Содержание журнала отражалось в его программе: «I. Высочайшие повеления. II. Распоряжения Министерства народного просвещения. III. Распоряжения Попечителя учебного округа. IV. Постановления Попечительного совета. V. Разные известия».

В каждом номере количество разделов варьировало в соответствии с имеющимися материалами. Содержание могло начаться разделом «Высочайшие повеления», а если таковых не было, первым шел раздел «Распоряжения Министерства народного просвещения» и т.д. Постоянными были отделы III и V («Распоряжения Попечителя учебного

округа» и «Разные известия», причем последний содержал также рубрику «Объявления»).

Издание имело узкоспециализированный характер и не было рассчитано на широкую аудиторию. Однако журнал до настоящего времени сохраняет свою ценность как источник сведений о деятельности Западно-Сибирского учебного округа, информации о назначениях, приказах, циркулярных распоряжениях, состоянии учебных заведений, оплате за обучение, пожертвованиях и т.д.

Разрешение правительства на издание газеты «Известия Томского городского общественного управления» в Томске было получено 30 мая 1886 года, однако первый номер вышел почти год спустя, 2 апреля 1887 года. Газета выходила в течение двух лет, затем была прекращена. А в 1908 году выпуск «Известий» возобновился, но уже в виде журнала: в 1914 году они выходили два раза в месяц, а в 1915–1917 годах сменили периодичность на ежемесячную. Однако нередко номера выходили объединенными, реальная периодичность зависела от накопления материала.

В качестве редактора журнала выступал городской голова: в 1908–1914 гг. им был И.М. Некрасов, с 1914 года – П.Ф. Ломовицкий. Заявленная программа возобновленных в 1908 году «Известий»:

«1. Правительственные распоряжения, касающиеся городов вообще и в частности г. Томска.

2. Постановления думы.

3. Доклады, предназначаемые к слушанию в думе.

4. Изменения в составе думы и управы и сведения о гласных, не посетивших собрание думы.

5. Сметы городских доходов и расходов.

6. Раскладки налогов с недвижимых имуществ.

7. Отчеты о действиях управы и исполнительных комиссий.

8. Кондиции, на каких управа предполагает отдать какую-либо оброчную статью в аренду, и сведения, на каких отдача эта состоялась.

9. Ведомости о ежемесячном движении сумм города и общественного Сибирского банка.

10. Справочные цены на предметы продовольствия, строительные материалы, работы и пр.

11. Исследования в каком-либо отношении города Томска, сюда относятся и мелкие экономические, статистические, исторические и другие о городе заметки.

12. Постановления правительственных установлений и других дум, имеющие общий для городов интерес.

13. Объявления всякого рода и отчеты существующих в Томске и утвержденных правительством обществ и установлений: благотворительных, Красного Креста, начального образования, вспомоществования учащимся, пожарного и пр.

14. Объявления частных лиц».

Цена годовой подписки – 3 рубля «с доставкой», 4 рубля «с пересылкой».

Развернутая программа «Известий» полностью не была реализована в каком-то одном номере: в издании соблюдался принцип комплектования номера имеющимся материалом, если же статьи для каких-то рубрик отсутствовали, то этот раздел исключался из состава номера. В результате количество разделов в номере встречалось от 2 до 7 разделов, включая раздел объявлений.

Новый орган печати в Томске ожидали с любопытством и нетерпением. Так, 5 апреля 1887 года «Сибирская газета» писала: «2 апреля вышел, как мы слышали, первый номер “Известий Томского городского общественного управления”; говорим, слышали, потому что ни номера не видали, ни публикаций о новой газете нигде не читали». В следующем номере журналисты «Сибирской газеты», сообщая, что «видели, наконец, первый номер томского еженедельного нового печатного органа “Известий” Томской думы», описывали газету следующим образом: номер вышел «тетрадью в 16 двухстолбцовых страниц, в формате меньшем чем “Сибирская газета”». Отдельно «Сибирская газета» остановилась на содержании первого номера, в который вошли программа «Известий», список гласных Томской городской думы и членов городской управы, а также постановления думы текущего года, записка Проценко о прокладке железной дороги через Сибирь и др. При этом «Сибирская газета» отмечала, что проект Проценко, занявший более трети всего номера, был недавно напечатан в «Томских губернских ведомостях»[1].

Из «Сибирской газеты» можно было узнать также о «казусе», который предшествовал выпуску первого номера «Известий». Все началось с того, что городская управа оповестила все томские типографии о заказе и устроила конкурс типографщиков. Право печатать «Известия» получила типография Михайлова и Макушина, назначившая

[1] *Сибирская* газета. Томск, 1887. № 14.

самую низкую плату – 12 руб. 40 коп. за лист. Однако через два дня после «состязания» более низкую цену предложила типография Картамышева (издателя газеты-конкурента «Сибирский вестник») – по 11 руб. 50 коп. И «управа согласилась на это», не поставив в известность бывших победителей конкурса. «Сибирская газета», утверждая, что она «ничего не имеет против тесных отношений и дружбы новорожденного органа и “Сибирского вестника”», тем не менее считала, что новый проект, несмотря на его кажущуюся выгоду, в действительности обойдется управе гораздо дороже; к тому же она считала всю ситуацию неэтичной по отношению к другим типографиям.

Таким образом, «Известия» первоначально печатались в типографии Картамышева, затем, став журналом, – в паровой типографии Н.И. Орловой. Тираж газеты, а затем журнала оставался неизменным на протяжении всего периода существования: 200 экземпляров.

«Известия», как официальное издание, не печатали «публицистики», они служили целям информирования заинтересованных лиц о делах городского управления: помещали статистику, сметы, отчеты, разнообразные объявлении, в том числе изредка рекламного характера – от Томской городской управы, от банков, а также о подписке на журналы «Городское дело», «Земское дело», «Торговое дело», «Новая Нива» и др.

Принадлежность к официальным изданиям подчеркивалась внешним видом газеты, а затем журнала: на обложке издания публиковался герб Томской губернии с белой лошадью в центре поля.

Содержание издания не раз критиковалось частными томскими газетами: оно считалось неинтересным, не выполняющим своего назначения. В 1914 году на страницах газеты «Сибирская жизнь» были помещены материалы, касающиеся «Известий»[1]. В первом из них речь шла о необходимости улучшения «убогих “Известий Томского городского общественного управления”». Этот вопрос, подчеркивала газета, не новый, «он возникал еще в начале деятельности старого состава думы (1910–1914), признавшей городское издание совершенно неудовлетворительным». Главная причина этого, по мнению журналиста, – «существующий нищенский бюджет». Заседание особой комиссии «из гласных и сведущих лиц», информировала «Сибирская жизнь», сравнило «Томские городские известия» с печатными органами других городов и выявило «обидную отсталость» Томска не только в отношении

[1] *К реформе* «Городских известий» // Сибирская жизнь. Томск, 1914. № 248; «*Томские* городские известия» // Там же. 1914. № 250.

городов Европейской России, но и городов Сибири, даже таких, как уездный Курган, не говоря уже об Омске и Иркутске»[1].

Ответ на критику со стороны «Сибирской жизни» был почти мгновенным. Во-первых, на заседании комиссии городской думы было изменено название «Известий Томского городского общественного управления» на «Томские городские известия». Во-вторых, было решено давать 2 выпуска в месяц при прежней подписной цене – 3 рубля в год. В-третьих, была расширена программа, приближена к типу лучших городских изданий России. Новая программа включала:

«1-й отдел официальный: правительственные узаконения, указы сената, распоряжения, относящиеся к городским общественным управлениям и г. Томску в частности.

2-й отдел неофициальный с подотделами: 1) общие вопросы теории и практики городского дела; 2) обозрение и хроника жизни городских управлений в России; 3) то же относительно городов Сибири и городов Томской губернии; 4) заграничный отдел – обозрение и хроника иностранной городской жизни; 5) обозрение и хроника томской городской жизни и деятельности городского общественного управления, его органов, учреждений; 6) обзор городской периодической печати и муниципальной литературы, библиография и т.п.

3-й отдел справочный и статистический»[2].

Расширение программы, как замечали журналисты, не привело к увеличению финансирования на издание, и поэтому реформы остались «косметическими». В реальности «Известия» продолжали наполняться отчетами и протоколами, имеющими значение только для муниципальных сотрудников.

В качестве приложения к «Известиям Томского городского общественного управления» издавалась «Врачебно-санитарная хроника г. Томска». В 1906 году журнал выходил ежемесячно под названием «Сведения по медико-лечебной, санитарной и ветеринарной организации Томского городского управления». В 1907 году «Хроника» стала выходить как отдельное издание (на титульном листе обозначалось «2-й год издания»). В роли издателя выступало санитарное бюро Томской городской управы. Этот журнал выходил вплоть до 1917 года.

Составление номеров осуществлял заведующий санитарным бюро, санитарный врач К.М. Гречищев. Во «Врачебно-санитарной хронике г. Томска» публиковались постановления Томской городской

[1] *Сибирская* жизнь. 1914. № 248.
[2] *Сибирская* жизнь. 1914. № 250.

думы по врачебно-санитарной части, протоколы заседаний врачебно-санитарной и исполнительной комиссии, отчеты, статьи о состоянии санитарии и здравоохранения, текущая хроника. Так, в сдвоенном номере 1–2 за 1914 год были помещены доклады санитарного врача П.М. Мультановского «К вопросу о канализации в г. Томске» и «Ближайшие нужды санитарного благоустройства г. Томска», отчеты городских врачей Н.В. Соколова, Л.Н. Адамовича, П.И. Чистякова, Б.З. Ноторина и др. о деятельности медико-санитарных учреждений Томска за 1913 год. Кроме того, в номере были помещены данные об умерших и родившихся, о браках по городу Томску за 1913 год и ряд других отчетных материалов.

После открытия в 1888 году первого высшего учебного заведения за Уралом – Императорского Томского университета, а в 1900 году – Томского технологического института Императора Николая II при них стали издаваться «Известия Императорского Томского университета» (1889–1916) и «Известия Томского технологического института Императора Николая II» (1903–1916). В журналах публиковались разнообразные отчеты о внутренней жизни учебных заведений, материалы об учебной и научной работе, протоколы заседаний, ученых советов, сведения о сословном и имущественном составе учащихся. В вузовских «Известиях» отводилось много места для публикации научных трудов сотрудников университета и института.

Отсутствие в журналах публицистики было обусловлено их положением официальных органов государственной образовательной системы. Вместе с тем ряд научных статей университетских авторов, например профессора кафедры истории русского права И.А. Малиновского, содержали критику «существующего строя». А за публикацию в «Известиях» в 1909 году исследования «Кровавая месть и смертная казнь» и других статей с требованием отмены смертной казни профессор был обвинен в «возбуждении к бунтовщическим деяниям», приговорен к месяцу тюрьмы и уволен из Томского университета[1].

Одним из самых недолговечных среди официальных изданий Томска стал орган управления Сибирской железной дороги – еженедельная газета «Вестник Сибирской железной дороги» (1903, 1905).

«Вестник Сибирской дороги» состоял из официального и неофициального отделов. Первый включал в себя: 1. Издание правительственных распоряжений, публикуемых в «Вестнике Министерства

[1] См.: *Профессора* Томского университета: Биографический словарь. Вып. 1: 1888–1917 / Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 162–165.

путей сообщения», циркуляры Управления железных дорог и т.п. узаконения и распоряжения высших центральных учреждений, имеющих как прямое, так и косвенное отношение к Сибирской железной дороге. 2. а) сведения, касающиеся эксплуатации дороги, приказы об изменении в личном составе на дорогах, о разного рода довольствии служащих, наградах, бесплатном проезде по дорогам, о выдаче пособия, о происшествиях по дороге. Изменения и дополнения правил технической эксплуатации, по отношению службы пути, движения и тяги. Распоряжения по коммерческой части. Меры, принимаемые для упорядочения железнодорожного хозяйства. Распоряжения по счетоводству и статистике; б) сведения о результатах деятельности дороги; доходы и расходы, число поездов, количество грузов, пробеги поездов, вагонов и проч. Врачебное и санитарное состояние дороги, сообщения об инфекционных болезнях, о числе больных на дорогах и т.п.

В неофициальном отделе были заявлены следующие пункты:

1. Издание в самом сжатом виде результатов и сведений, указанных в отделе I, но относящиеся к соседним дорогам и частью вообще к дорогам.

2. Сообщение сведений о различных учреждениях, способствующих поднятию умственного, нравственного и материального уровня служащих.

3. Статьи по технологическим вопросам преимущественно из области практического железнодорожного хозяйства, полезные открытия и изобретения в этой области, сведения о результатах совещаний на железнодорожных съездах и конгрессах в России и за границей и краткий обзор русской и заграничной технической железнодорожной литературы.

Редактором «Вестника Сибирской железной дороги» был начальник управления дороги, инженер Павловский. Цена годовой подписки для железнодорожных служащих была очень низкой – 1 рубль, а без пересылки и доставки – 50 копеек. В то же время «для посторонних управлению дороги лиц» цена за газету без пересылки и доставки составляла 3 р. 50 копеек в год.

В числе ведомственных изданий Томска можно назвать также «Известия округа путей сообщения», издаваемые управлением Томского округа путей сообщения в течение 1912–1917 годов, и «Статистико-экономические бюллетени» – издание Томского переселенческого района (1915–1919).

Таким образом, официальная и ведомственная периодика Томска была представлена достаточно широко: в рамках этого типа изданий выходили газеты и журналы разной периодичности и разного масштаба. Некоторые из них, такие как «Томские губернские ведомости», «Томские епархиальные ведомости», «Известия Императорского Томского университета» оказали большое влияние на консолидацию литературных и научных сил Томска и всей губернии, способствовали формированию общественного мнения и регионального самосознания. Другие, менее долговечные и более специализированные, служили для информирования определенных читательских кругов, аккумулировали в себе необходимые сведения по определенным сферам деятельности и в этом качестве до сих пор востребованы как источники важной исторической информации.

Отличительной чертой многих официальных изданий было наличие в их структуре неофициального отдела (видимо, по аналогии с «Губернскими ведомостями»). Однако ведение такого неофициального отдела требовало определенной квалификации, умения сплотить вокруг издания авторский коллектив, и потому в ряде изданий дело ограничивалось только информационным официальным отделом.

Официальные издания в силу стабильности своего положения служили основой, стержнем формирования системы периодики Томска и Томской губернии и в этом качестве, безусловно, заслужили внимание исследователей журналистики.

ГЛАВА 3
ТОМСКИЕ ЧАСТНЫЕ ГАЗЕТЫ

Первое частное издание Томска «Сибирская газета»

Частная периодика появилась в Томске только в последних десятилетиях XIX века, и первым представителем ее стала «Сибирская газета» (1881–1888). Внешне она пока практически не отличалась от «Томских губернских ведомостей»: выходила в том же формате (средним между современным А3 и А 4), раз в неделю, в тексте все так же отсутствовали иллюстрации. Однако частная газета сразу вышла на иной качественный уровень публицистики. История «Сибирской газеты», первой крупной частной газеты в Западной Сибири, – яркая страница не только сибирской, но и русской журналистики 1880-х годов.

Инициатива в открытии «Сибирской газеты» принадлежала П.И. Макушину, сибирскому просветителю, владельцу книжного магазина и типографии. В июле 1880 года он послал министру внутренних дел прошение о разрешении издавать в Томске «Сибирскую газету»; редактором был объявлен преподаватель Томского реального училища А.И. Ефимов.

История «Сибирской газеты» при ее создании тесно переплелась с историей газеты «Сибирь» (Иркутск). Основанная в 1873 году П.А. Клиндером, через два года иркутская газета обрела новое руководство в лице талантливых сибирских публицистов во главе с В.И. Вагиным. Однако в конце 1870-х годов «Сибирь» думали перевести в Томск, так как газета «испытывала все более усиливающееся давление со стороны администрации и генерал-губернатора Восточной Сибири Анучина». «На разведку» из Иркутска в Томск был послан А.В. Адрианов, воодушевленный областнической идеей и стремившийся к работе на благо родного края. Обнаружив, что в Томске зарождается новый самостоятельный орган печати, Адрианов вошел в его редакционную коллегию и во все время издания был одним из самых активных и дея-

тельных его участников. Таким образом, «перевод издания “Сибири” в Томск отпадал сам собою»[1].

Современники вспоминали, как в ожидании разрешения на выпуск газеты собирались редакционные совещания для обсуждения порядка ведения будущей газеты. Кроме П.И. Макушина, взявшего на себя обязанности издателя газеты, и А.И. Ефимова – редактора, в редакционный коллектив вошли: И.Г. Муромов – контролер Томского отделения Государственного банка, сибиряк по рождению и «ярый патриот своей родины»; А.М. Войцеховский – служащий Томской контрольной палаты, поляк, сосланный в Томск после польского восстания 1863 года; приглашенный Войцеховским Е.В. Корш (попавший в Томск как ссыльный) и А.В. Адрианов. Как замечал В. Крутовский, «в отличие от иркутских газет среди сотрудников томского органа вначале почти не было политических ссыльных. Даже корреспондентами были по преимуществу представители коренной интеллигенции данного города или местечка»[2].

5 февраля 1881 года с нетерпением ожидаемое разрешение было получено. Была намечена следующая программа «Сибирской газеты» на 1881 год:

1. Правительственные распоряжения, узаконения по всем частям государственного управления, преимущественно касающиеся Сибири.

2. Иностранная политическая хроника и внутренние известия на основании правительственных и других повременных изданий.

3. Статьи, касающиеся местного края в историческом, статистическом, этнографическом, торгово-промышленном и других отношениях.

4. Статьи научного содержания, открытия и изобретения.

5. Изящная словесность: очерки, рассказы и прочее.

6. Телеграммы политические и торговые.

7. Отчеты о заседаниях разных обществ и собраний, журнальные постановления местной городской думы.

8. Критика и библиография: разбор и оценка выходящих книг, а также журнальных статей.

9. Корреспонденции.

---

[1] *Крутовский В*. Периодическая печать в Томске… С. 287.
[2] *Там же*. С. 289.

10. Разного рода объявления и справочные сведения по частям торговой, промышленной и т.п., календарные сведения, а также метеорологический бюллетень.

Газета должна была выходить раз в неделю, по воскресеньям. Сразу же возник вопрос о цене издания. В.М. Крутовский позже писал: «Чтобы сделать газету доступной для широких слоев населения, подписная цена была назначена 5 рублей в год, но вскоре пришлось повысить ее вследствие циркуляра Главного управления по делам печати, которым устанавливалась градация вопросов, подлежащих обсуждению периодического органа в зависимости от высоты годовой подписной платы»[1].

Первый номер газеты вышел 1 марта 1881 года. В редакционной статье были определены следующие ближайшие задачи нового органа печати: «Непрерывно наблюдать движение местной жизни, возбуждать к ее нуждам внимание и интерес местного общества, указывать в ней такие стороны, над которыми с любовью могли бы работать молодые силы, наконец, способствовать всеми силами проявлению на месте самостоятельной умственной жизни – таковы должны быть ее цели». «Народное просвещение в Сибири, положение и нужды сибирского крестьянина и инородца и скорейшая перестройка старого, дореформенного порядка, начатая в Сибири введением нового городского положения, будут главными задачами, над которыми “Сибирская газета” будет преимущественно трудиться»[2].

Выход первого номера стал настоящим праздником и для редакции, и для местного общества. По воспоминаниям Е.В. Корша, «целый день в городе все только и говорили, что о новой газете, предсказывая ей большой успех»[3]. Однако уже 2 марта 1881 г. была получена телеграмма о событиях на Екатерининском канале в Петербурге и о смерти императора Александра II. Совпадение даты цареубийства и выхода первого номера «Сибирской газеты» не могло не привлечь внимания властей: оно, по словам П.И. Макушина, и «навело местного жандармского полковника Александрова … на мысль произвести секретное расследование, не было ли в редакции уговора ознаменовать цареубийство выпуском первого номера “Сибирской газеты”»[4]. И хотя

[1]См.: «*Сибирская* газета» в воспоминаниях современников… С. 39.
[2] *Сибирская* газета. 1881. № 1.
[3] *Корш Е.В.* Указ. соч. С. 432.
[4] *Макушин П.И.* Указ. соч. С. 91.

подозрения его не подтвердились, «Сибирская газета» с самого начала оказалась «неблагонадежной» в глазах властей.

В связи с событиями первого марта многие страницы следующих номеров «Сибирской газеты» были заполнены перепечатками из столичных газет – рассказами очевидцев о покушении на императора, официальными материалами, отчетами о суде над участниками покушения и так далее. Однако редакция ни слова не напечатала от себя лично, в этом молчании, по мнению Л.П. Рощевской, выразилось и сочувствие томских журналистов единомышленникам, и осуждение действий правительства, и приверженность традициям революционно-демократической прессы. В этом отношении позицию «Сибирской газеты» можно было сравнить с тактикой журнала «Современник» в период отмены крепостного права[1].

Одной из самых животрепещущих проблем для нового органа печати был вопрос о цензуре: «Сибирская газета», как провинциальное издание, должна была проходить процедуру предварительной цензуры. Первоначально цензором газеты был Александр Ипполитович Дмитриев-Мамонов (1847–1915), историк, библиограф, с 1876 года – председатель Томского губернского правления. Адрианов писал по этому поводу Потанину: «Томск, 1 марта 1881 года. …У нас сегодня праздник – вышел первый номер «Сибирской газеты»; Вы получите его, вероятно, зараз с письмом. Цензурирует Мамонов – должно быть, в пику Мерцалову, все пропускает; воспользуемся его цензурой еще и на второй номер, а там беда, 3 номер к Мерцалову. Цензура оказалась сильнее в нашей редакции. Макушин и Ефимов – это рак и щука, я с Муромовым – лебеди, можете представить, что выходит; ко всякой резкой фразе придираются, требуют заменить одно слово или выражение другим и т.д. Мое сибирское обозрение пощипано порядочно домашней цензурой, но… (смотрите, это сор из избы – секрет, между нами) дело поправится; Ефимова осадили и загнали до того, что он один раз сказал: «Господа, мне остается быть, значит, рассыльным» (хохот в редакции)»[2].

После перехода газеты под цензуру губернатора В.И. Мерцалова положение осложнилось. Уже 15 апреля 1881 года Адрианов сообщал Потанину: «Цензор вычеркивает что-нибудь обязательно в каждом номере; были серьезные неприятности. Газету обвиняют за вредное на-

---

[1] См.: *Рощевская Л.П.* Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л.: ЛГУ, 1983. С. 74.

[2] *«Сибирская* газета» в воспоминаниях современников… С. 135.

правление, за умышленную группировку фактов, которые рисуют безотрадную картину как русской, так и сибирской жизни. <…> Редакция приуныла после новейших веяний, вызванных событием 1 марта»[1].

Однако самым серьезным испытанием для газеты стал следующий эпизод. В мае 1881 года губернатор В.И. Мерцалов, исполняющий обязанность цензора, уехал из Томска на охоту и для ревизии губернии. В его отсутствие место губернатора занял управляющий казенной палатой, действительный статский советник М.А. Гиляров, которого современники характеризовали как «старого сибирского чиновника, чуждого каких-либо политических стремлений, ярого поклонника “Московских ведомостей” Каткова, не признававшего никаких новшеств и считавшего, что Сибири никакие реформы не только не нужны, но даже вредны, ибо нарушают стройное местное устройство, данное Сибири “великим” Сперанским»[2]. Присланные ему корректуры «Сибирской газеты» он вернул с самой радикальной правкой. По свидетельству Е.В. Корша, «прежде всего Гилярову не понравился циркуляр нового министра внутренних дел графа Игнатьева; из телеграфного изложения этого циркуляра были вычеркнуты слова о том, что “правительство предоставит надлежащие свободы” общественным силам участвовать в искоренении крамолы; что “права дворянства, земства и городских сословий останутся неприкосновенными” и что “крестьяне получат возможное облегчение от тягостей, улучшение их общественного устройства и хозяйственного быта”. Далее из официального отчета о судебном заседании по делу 1 марта, перепечатанного из “Правительственного вестника”, в показании подсудимого Желябова Гиляровым были вымараны слова: “Я долго был в народе, работал мирным путем, но вынужден был оставить эту деятельность по той причине, на которую указал подсудимый Кибальчич”. Описание казни осужденных, взятое из газеты “Порядок”, также было урезано. Выкинута затем целая статья об “инспекции народных училищ”, предлагавшая усилить влияние сельских обществ и училищных советов на народную школу за счет влияния казенных наблюдателей за народными училищами. Не ограничившись запрещением этой невиннейшей статьи, цензор написал на полях: “незавидный мечтатель”. В том же роде была масса и других помарок, с замечаниями на полях: “пустяки”, “вздор”, “ой ли?”, “темна вода”, “излишнее раздражение” и пр.»[3].

---

[1] *«Сибирская* газета» в воспоминаниях современников… С. 135.
[2] *Там же*. С. 50.
[3] *Там же.*

Редакция, получив гранки, решила выпустить номер с пробелами на месте вычеркнутых цензором статей, известий и отдельных выражений. Гиляров увидел белые страницы и отказал в выдаче билета на выпуск газеты в свет. Редакция телеграфировала министру внутренних дел, а по получении ответа Главного управления по делам печати, расклеила его по всем улицам Томска: из ответа явствовало, что «пробелы, составляя косвенный протест против цензуры, не допускаются».

Кроме того, «Сибирская газета» послала жалобу министру внутренних дел с приложением подлинных корректур Гилярова и разослала сообщение об инциденте в столичные издания: «Голос», «Порядок», «Московский Телеграф» и другие. Гиляров не остался в долгу – он отправил в Омск западно-сибирскому генерал-губернатору донесение о вредности газеты, издающейся людьми, «не имеющими корней в томском обществе и не оправдывающей надежд лучших граждан города». Таким образом, № 11 за 1881 год не вышел вообще. В № 12 редакция «Сибирской газеты» напечатала сообщение о причинах невыхода предыдущего номера и объяснение Гилярова – «для восстановления факта в точной его полноте».

Победа, следовательно, осталась за «Сибирской газетой». Корш вспоминал даже, что «следующие два номера “Сибирской газеты” были пропущены Гиляровым без первоначального неистовства»[1]. Этот эпизод из первого года жизни редакции имеет большое значение. Газета вступила в схватку с цензурой – и не была закрыта, приостановлена или «предупреждена».

О тяжести цензурного гнета существуют противоречивые мнение. Так, сотрудник газеты С.Л. Чудновский в своих воспоминаниях утверждал, что цензурные условия «Сибирской газеты» были сравнительно сносными: «Около этого времени цензура провинциальных газет (там, где не было специальных цензоров) возложена была на вице-губернаторов, а в Сибири – на председателей губернских правлений, каковым в Томске в то время состоял Петухов. Этот чиновник, несмотря на свое ограниченное образование (он, кажется, окончил лишь семинарию), все-таки любил печатное слово и, всячески оберегая себя от ответственности, не позволял себе излишних придирок и бесцельного угнетения газеты, пуская в ход “красный карандаш” лишь тогда и в тех случаях, когда этого требовало – по его мнению – оберегание собственной личности, приговаривая обыкновенно при этом: “Сибир-

[1] «*Сибирская* газета» в воспоминаниях современников. С. 51.

ку я люблю, а шкура моя мне все же ближе”. Так же относился к делу и исправлявший в его отсутствие (или при замещении им должности губернатора) старший советник губернского правления Николаев. Оба они строго придерживались цензурного устава и не считали себя призванными усиливать скорпионы последнего своими собственными измышлениями. <…> Словом, цензура не лишала “Сибирскую газету” возможности служить интересам Сибири. Газета посильно разрабатывала все насущные вопросы русской жизни вообще и сибирской в частности»[1].

Лето 1881 года было отмечено несколькими событиями. Адрианов 27 мая уехал из Томска в экспедицию на Алтай; по воспоминаниям Корша, разъехалась и вся остальная редакция, газета осталась до осени на попечении Войцеховского и Корша. Последний, разбирая редакционную почту, вскрыл два письма Ядринцева: в одном оказалась рукопись для газеты, в другом – письмо А.В. Адрианову с просьбой опубликовать рукопись. Кроме того, были две вырезки из старых номеров московской газеты «Русский курьер», которые также предлагалось перепечатать в «Сибирской газете»[2]. Рукопись Корш, сделав правку, отправил в набор, а Ядринцеву написал от своего имени о том, что «Сибирская газета» не нуждается в старых вырезках, получая все столичные газеты, и может сама извлечь их них нужную информацию.

Этот инцидент имел важные последствия не только лично для Корша, но и для всей редакции «Сибирской газеты» (о чем будет рассказано позднее). Ядринцев же, хотя, по уверениям Корша, затаил на него злобу, но с «Сибирской газетой» сотрудничать не перестал[3]. Необходимо заметить, что связь «Сибирской газеты» с лидерами сибирского областничества Потаниным и Ядринцевым была непрерывной на протяжении всего ее существования, благодаря личному и очень близкому знакомству с ними Адрианова. Хотя в «Сибирской газете» опубликовано было немного материалов Ядринцева и Потанина, которые более активно сотрудничали с «Сибирью» и «Восточным обозрением» (что совершенно естественно, если учесть, что Ядринцев был издателем и

[1] *Чудновский С.Л.* Из дальних лет // Вестник Европы. СПб., 1912. № 3. С. 166–167.

[2] См.: *«Сибирская* газета» в воспоминаниях современников… С. 52.

[3] В «Сибирской газете» в 1881 году были напечатаны материалы: «Сибирь в столице. Письмо из Петербурга» (№ 15), подписано «Старый сибиряк» – видимо, это та рукопись, которую получил Е.В. Корш; «Письмо из Петербурга I» (№ 19) – подписано «Семилужский» – этот материал является логическим продолжением первого письма, что также заставляет предполагать авторство Н.М. Ядринцева; «Письмо из Петербурга II. Любим ли мы Сибирь?» (№ 24) – также подписано «Семилужский», и «Помощь переселенцам (письмо в редакцию)» (№ 29) – подписано «Н. Ядринцев».

редактором «Восточного обозрения», а Потанин в 1880-х годах много времени проводил в столице), сам факт публикаций в «Сибирской газете» имеет концептуальное значение.

Можно сказать, что 1881 год стал для издания «пробным камнем». «Сибирская газета» за это время наметила темы, которые разрабатывались ею в дальнейшем: сибирский университет и народное образование, положение провинциальной печати, ссылка, необходимость законодательных преобразований в Сибири, городское хозяйство, инородческий вопрос, сибирская история, золотопромышленность, внутренние пути сообщения, вопросы экономики Сибири, крестьянский вопрос и так далее[1]. Публиковались в газете и немногочисленные пока беллетристические произведения и мемуары[2]. Большое место на страницах газеты в 1881 году занимали путевые очерки[3].

С 24-го номера за 1881 г. в газете открылась новая рубрика – «Томский театр». Роль театра в просвещении населения очень высоко оценивалась «Сибирской газетой»; в ней начали публиковаться отзывы о деятельности томской театральной труппы, и вскоре редакция посчитала целесообразным выделить материалы о театре в отдельную рубрику. С первого года издания «Сибирской газеты» стали выходить и театральные рецензии, ставшие постоянной рубрикой на протяжении всего существования газеты. Кроме этого, «Сибирская газета» уделяла внимание проблемам изобразительного искусства, ведя на своих страницах хронику художественной жизни Томска, отмечая наиболее интересные события в области изобразительного искусства в России

---

[1] *Учительские* съезды // Сибирская газета. 1881. № 6; *По поводу* циркуляра барона Николаи // Там же. № 15, 16; *Провинциальная* печать // Там же. № 2; *По поводу* Высочайше утвержденной комиссии для пересмотра законов о печати // Там же. №1; *Ссылка* в Сибирь // Там же. № 3; *Голос* с острова Сахалин // Там же. № 22; *Каторжные* работы на Каре // Там же. № 24; *Ближайшие* нужды Сибири // Там же. № 47; *Инородцы* Нарымского края // Там же. № 21, 22; *Инородцы* Тобольской губернии // Там же. № 26; *Тобольская* губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири // Там же. № 15-18; *Костров Н.* Народные предания татар о Кучуме и Ермаке // Там же. № 2; *Налог* на золотопромышленность // Там же. № 23; *Соединение* Оби с Енисеем // Там же. № 24; *Павлодарский* уезд Семипалатинской области (экономический очерк) // Там же. № 32, 36; *Алтайские* заводы // Там же. № 37-39; *Земство* в Сибири // Там же. 1881. № 34.

[2] *П.Б.* Томская гимназия в пятидесятых годах (очерки) // Сибирская газета. 1881. № 3,6,7,14; *Литвин П.* Река (стихотворение) // Там же. № 7; *Безруких Ф.* Мое желание (стихотворение) // Там же. № 36; *Игнатий* Никитич (сибирский тип) // Там же. № 22.

[3] *От Томска* до Кузнецка (дорожные заметки) // Сибирская газета. 1881. № 18; *От Томска* до Кузедеевского аила (дорожные заметки) // Там же. № 19; *От Кузнецка* до Тогила (дорожные заметки) // Там же. № 20; *Уголок* Алтая (из путевых заметок) // Там же. № 28, 31, 41, 43; *Адрианов А.* Путешествие на Алтай и за Саяны // Там же. № 38, 39, 42, 43.

и за границей[1]. Музыкальная жизнь Томска также находилась в круге особых забот «Сибирской газеты», которая помещала отчеты о проходящих заседаниях Томского отделения Русского музыкального общества, давала оценку состоявшимся концертам с точки зрения качества исполнения, подбора репертуара.

С самого первого номера в структуру издания вошел раздел «Литературное обозрение», автором которого в 1881 году был Е.В. Корш. Он считал, что задачами обозрений «Сибирской газеты» являются: привлечение внимания читателя к «литературным работам, имеющим своим предметом выяснение темных сторон нашей и чужой действительности и направленных к выработке лучших общественных идеалов»; постановка «таких общественных вопросов, которые имеют общечеловеческий интерес» и «разрешение которых для русской жизни особенно важно в настоящее время»; «с особенной чуткостью» обозреватель предполагает «отзываться на всякую журнальную статью, касающуюся русской провинции вообще, и Сибири в частности»[2]. Эти задачи обозреватель «Сибирской газеты» решал на материале «толстых» русских журналов демократического и либерального направления: «Отечественные записки», «Дело», «Вестник Европы», «Слово», «Исторический Вестник» и других.

В целом обозрения Корша – это обзор журналов, а не литературных произведений. Он стремился в своих обозрениях как можно шире познакомить читателей, во-первых, с разнообразием материалов, а во-вторых, с разнообразием вопросов, поднимаемых в русских журналах. Много места отводилось проблемам экономическим, юридическим, вопросам народной школы, взаимоотношениям крестьян и помещиков в пореформенной России. Привлекали внимание «Сибирской газеты» и публикации по сибирской тематике Ядринцева: о положении переселенцев в Сибири[3], обзор исторического прошлого Сибири в статье «Трехсотлетие Сибири»[4]. Для регионального издания было очень важным подчеркнуть, что постановка сибирских проблем правомерна в одном ряду с общероссийскими.

Редакционную политику в 1881 году определяли П.И. Макушин и А.В. Адрианов, и, судя по письмам А.В. Адрианова к Г.Н. Потанину

---

[1] Подробнее об этом см.: *Жилякова Н.В.* Хроника художественной жизни Томска на страницах «Сибирской газеты» // Художественная жизнь Сибири начала XX века. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 5–16.

[2] *Сибирская* газета. 1881. № 1.

[3] *Там же.* 1881. № 30.

[4] *Там же*. 1882. № 2.

в 1881–1882 годах, выработка общей программы проходила в спорах и конфликтах. Адрианов был настроен более радикально, Макушин старался сглаживать «острые углы». Впоследствии Макушин отошел от редакционных дел, занятый общественной и предпринимательской деятельностью, однако он всегда оставался преданным другом «Сибирской газеты», принимая на себя редакторские и издательские обязанности в трудные моменты жизни газеты.

В последнем номере за 1881 год «Сибирская газета» подвела итоги подписки на издание: газета «располагала 1165 подписчиками». В Томске газету выписывало 311 человек, около 40 экземпляров раскупалось в розницу; в других городах и селах Томской губернии было 569 подписчиков. Приводились также сведения о подписке в сибирских округах и областях, в Европейской России, отмечались пять заграничных подписчиков[1].

Второй год издания, 1882-й, оказался переломным в жизни «Сибирской газеты» по многим причинам. Прежде всего, серьезные перемены произошли в составе редакции газеты. Во-первых, главным идеологом «Сибирской газеты» стал Александр Васильевич Адрианов, с 1882 года редактор, с 1883 по 1887 г. – редактор-издатель «Сибирской газеты». Выпускник естественно-исторического отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, он в студенчестве посещал собрания сибиряков на квартире Ядринцева, сибирского патриота и общественного деятеля; на этих вечерах бывали также Потанин и Наумов. Близкое знакомство с духовными лидерами областничества определило общественную позицию Адрианова и навсегда сделало его приверженцем «местного патриотизма». Весной 1879 года, окончив университет, Адрианов отправился вместе с Потаниным и его женой, Александрой Викторовной в экспедицию по Монголии. Сын А.В. Адрианова впоследствии писал: «Дружба, и притом самая тесная и глубокая, возникшая в Петербурге, сохранилась до самых последних дней жизни того и другого. А.В. [Адрианов] любил и почитал Г.Н. [Потанина] как своего учителя, помогшего ему найти свою жизненную дорогу»[2].

Роль Адрианова в «Сибирской газете» трудно переоценить. Вокруг него группировались сотрудники-сибиряки, приверженцы местного патриотизма, а его многочисленные связи с местной интеллигенцией и

---

[1] См.: *Сибирская* газета. 1881. № 43.

[2] *Адрианов А.* (младший). Книга об отце / Публикация Н.А. Амельянчик // Елань: Краеведческое приложение к газете «Томский вестник». Томск, 1996. 28 июня.

лидерами областничества – Потаниным и Ядринцевым – сделали его очень влиятельной фигурой в Сибири.

Во-вторых, из состава редакции в связи с внутренним конфликтом вышел Е.В. Корш. Сам Корш вспоминал об этом следующее: «В мае 1882 года Адрианов сообщил мне, что в ближайшее редакционное собрание явится делегат Ядринцева, едущий в Иркутск для усиления “Сибири”, врач Писарев, которого Ядринцев просил остановиться на несколько дней в Томске и от имени его, Ядринцева, явиться в редакцию “Сибирской газеты” и передать надлежащие “внушения” Макушину, Ефимову и Адрианову относительно ведения “Сибирской газеты”. Я с интересом стал ждать редакционного собрания, понимая отлично, чем именно вызвана присылка депутата с грозными ультиматумами.

Писарев вошел в редакционную комнату с гордо поднятой головой, подошел к Макушину и Адрианову, которых знал, поздоровался с ними, поклонился остальным и сел рядом с Ефимовым. П.И. Макушин, изображая как бы председателя, обратился к “делегату” с просьбой изложить редакции поручение Николая Михайловича. Писарев немедленно приступил к выполнению своей миссии.

– Прежде всего, – начал он, – Николай Михайлович очень сожалеет, что редакция лишила его нравственной возможности сотрудничать в “Сибирской газете”, она ввела в редакцию ссыльный элемент, против которого сибиряки, любящие свой край, должны всеми мерами бороться, а не пускать его руководить местным органом печати и вести корреспонденцию от имени газеты. Далее Николай Михайлович очень обижен поправками и сокращениями, сделанными в его статье рукой, которая не должна бы прикасаться не только к рукописи автора с именем, знатока сибирских дел, но и к более скромным рукописям. Вот причина, по которой Ядринцев не присылает ничего для газеты. Затем Николай Михайлович требует, чтобы “Сибирская газета” помнила, что она не более как подголосок своей старшей сестры – иркутской “Сибири”, этого заслуженного, испытанного органа сибирских интересов, в хвосте которого идти не стыдно.

Писарев приостановился. Я, желая избавить редакцию от затруднительного выбора, который ей слишком ясно поставлен, воспользовался остановкой Писарева и сказал:

– Дело ясно, как день: Ядринцев желает, чтобы редакция отказалась от моего сотрудничества, он не может помириться с тем, что нашелся человек, да еще ссыльный, который решился сделать в его рукописи кое-какие поправки и прямо сказать ему, что “Сибирская га-

зета” не нуждается в вырезках из старых газет, хотя бы и присланных “самим” Ядринцевым. Требование, чтобы мы покорно шли в хвосте “Сибири”, я считаю оскорбительным и недостойным уважающей себя и свое дело редакции. Не знаю, как другие, а я не только у Ядринцева, но и у самого Господа Бога в дураках и холопах состоять не согласен и сегодня же прекращаю свое сотрудничество и выхожу из состава редакции “Сибирской газеты”.

Сказав это, я встал и ушел из собрания. Наутро я получил от П.И. Макушина очень любезное письмо, в котором он просил меня успокоиться и верить, что редакция глубоко ценит мою годовую бескорыстную и полезную работу, что напрасно я ушел так скоро из вчерашнего собрания, это помешало мне услышать, как единодушный протест всей редакции вызвало “бестактное и нелепое поведение Писарева”. Я поблагодарил Макушина, но возобновить работу в газете решительно отказался.

Так кончилось мое участие в “Сибирской газете”»[1].

Необходимо отметить, что Корш писал свои воспоминания на склоне лет, они изобилуют разнообразными неточностями. Так, например, по письмам Адрианова к Потанину выясняется, что Корш еще до выхода из газеты уже начал работать «на стороне», по просьбе Мерцалова редактируя неофициальный отдел «Томских губернских ведомостей». Тем не менее в 1882 году он все-таки покинул «Сибирскую газету», и это имело и для редакции, и для Корша последствия двоякого рода. С одной стороны, газета избавилась от «уголовного элемента» в редакции – а его присутствие для областников было, несомненно, раздражающим фактором, поскольку «Сибирская газета» на своих страницах боролась против уголовной ссылки в Сибирь. Но, с другой стороны, в лице обиженного Корша «Сибирская газета» приобрела непримиримого врага, который, объединившись с некоторыми представителями губернской администрации, весь свой ум, литературный талант, обширные знания, издательский опыт обратил против «Сибирской газеты».

Оставшись без литературного обозревателя, «Сибирская газета» обратилась за помощью к прибывшему в Томск ссыльному народнику, поэту Ф.В. Волховскому. Сам он писал: «Для провинциальной прессы я стал работать с тех пор, как попал в Томск, то есть с 1882 года. Приглашенный в литературные обозреватели “Сибирской газеты”, я с

[1] *«Сибирская* газета» в воспоминаниях современников… С. 53–54.

течением времени стал последовательно ее театральным рецензентом, фельетонистом и, наконец, принял участие во всех литературных и редакционных работах по изданию, отдавая ей все свое время. Другие сотрудники приходили и уходили, в моей же деятельности был один только (более чем годовой) перерыв (1884–1885) и бывали периоды, когда газета держалась исключительно работой двух человек: бывшего ее редактора Адрианова и моей»[1].

С приходом Волховского в редакцию он стал «центром притяжения» для многочисленных политических ссыльных, рассеянных по Сибири: со многими Волховский был знаком лично, и это помогло ему привлечь к сотрудничеству в «Сибирской газете» серьезные литературные силы. Так, например, в Тюкалинске, где он отбывал ссылку, Волховский познакомился с Григорием Александровичем Мачтетом (1852–1901), который затем посылал в «Сибирскую газету» разнообразные литературно-критические материалы. Личным знакомым Волховского был и народнический поэт Сергей Силыч Синегуб (1851–1907), участник кружка «чайковцев»: в 1881–1896 гг. Синегуб жил на поселении в Чите, откуда присылал в «Сибирскую газету» стихотворения, очерки, рассказы. Как писал С.Л. Чудновский, «для меня лично сотрудничество в “Сибирской газете” было особенно желательно и ценно потому, что одним из членов редакции этой газеты почти с самого ее основания состоял мой любимый друг, талантливый Феликс Вадимович Волховской. Не будучи лично знаком с другими, я мог быть уверен, что пока Ф.В. участвует в редакции, сотрудничество мое не встретит никаких чисто редакционных затруднений и что, в пределах цензурной возможности, я буду свободен в своей газетной деятельности»[2]. Вероятно, эта причина была существенной и для всех остальных политических ссыльных, объединившихся вокруг «Сибирской газеты» и Волховского. Сам же С.Л. Чудновский вошел в состав редакции (как автор передовых статей) в 1883 году, когда переехал в Томск из Енисейска.

Во многом в заслугу Волховскому можно поставить то, что вокруг «Сибирской газеты» сложился широкий круг участников. Как отмечал Л.Л. Ермолинский, «едва ли какая-нибудь провинциальная газета 80-х годов могла соперничать с томской в подборе сотрудников»[3]. И дей-

---

[1] *«Сибирская* газета» в воспоминаниях современников... С. 140.

[2] *Чудновский С.Л.* Из дальних лет… С. 93.

[3] *Ермолинский Л.Л.* Сибирские газеты 70–80-х годов XIX века**.** Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. С. 25.

ствительно, наряду с Ф.В. Волховским в газете участвовали политические ссыльные, общественные деятели, публицисты, русские писатели и поэты – Ф.В. Волховский, Д.А. Клеменц, Г.Ф. Зданович, С.Л. Чудновский, А.И. Иванчин-Писарев, П.А. Голубев, Г.А. Мачтет, И.И. Сведенцев, Н.Е. Каронин-Петропавловский, К.М. Станюкович, М.Н. Загибалов, С.П. Швецов, П.Ф. Николаев, С.А. Жебунев, Л.Э. Шишко, И.И. Попов, Г. Беломез, И.С. Джабадари, С.Н. Кривенко, Н.И. Наумов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, В.Г. Короленко, С.С. Синегуб, Г.И. Успенский, А.А. Кропоткин (старший брат П.А. Кропоткина). Кроме того, с газетой сотрудничали многочисленные представители местной интеллигенции – педагог и общественный деятель В.К. Штильке, врачи В.М. Крутовский и А.И. Макушин (брат основателя «Сибирской газеты» П.И. Макушина), учитель И.А. Курский, основатель крупнейшего в Сибири Минусинского краеведческого музея Н.М. Мартьянов, библиотекарь Н.В. Скоряков, идеологи сибирского областничества Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев, а также С. Шкулев, П.М. Головачев, Д.А. Кузнецов, Ф. Филимонов, Н.И. Долгополов, Н.А. Виташевский, Н.Л. Геккер, Б.П. Шостакович, П.А. Буткеев, М.А. Гиляров и многие другие.

Газета располагала широчайшей корреспондентской сетью, обеспечивавшей ее информацией из самых отдаленных уголков не только Западной и Восточной Сибири, но и Средней Азии, Дальнего Востока. Кроме того, «Сибирская газета» поддерживала связь с иркутской газетой «Сибирь» и газетой «Восточное обозрение», издававшейся в Санкт-Петербурге Н.М. Ядринцевым. Не случайно В.М. Крутовский писал: «Благодаря идейной близости редакций трех упомянутых газет возникла возможность более широкого оглашения уродливых фактов сибирской действительности: если какая-либо статья или корреспонденция не могли быть напечатаны по местным цензурным условиям, например, в Иркутске, ее помещали в Томске, Петербурге, и наоборот»[1].

«Сибирская газета» включала материалы «Восточного обозрения» – «нового собрата по оружию» – в «Сибирскую хронику», помещала рекламные объявления о подписке на «Восточное обозрение» на своих страницах. Впрочем, это не мешало «Сибирской газете» время от времени дискутировать с газетой Ядринцева по поводу различных публикаций, критиковать ее позицию относительно «представитель-

[1] *Крутовский В.* Указ. соч. С. 290.

ства областной печати», которое брало на себя «Восточное обозрение», а также и «относительно наблюдения за ошибками местных органов и исправления их».

Постоянно публиковала «Сибирская газета» информации из газеты «Сибирь», которой томская газета давала определение «старшей сестры», а то и «почтенной старушки», – то соглашаясь с ней, то критикуя ее позицию по различным вопросам. Так сложился «блестящий триумвират» – «Сибирь», «Сибирская газета» и «Восточное обозрение», – ставший выдающимся явлением в истории периодики Сибири 1870–1880-х годов[1].

Участие в «Сибирской газете» Ф.В. Волховского сыграло огромную роль в ее развитии, недаром исследователи называют его «негласным редактором» газеты[2]. Но хочется все же отметить, что «Сибирская газета», как никакой другой орган печати из существовавших в то время в Сибири, была изданием коллегиальным. Если политику «Восточного обозрения» определял во многом его издатель Ядринцев, а «Сибири» – Вагин и Загоскин, то позиция «Сибирской газеты» была намного сложнее и интереснее. Во многом это связано с постоянным «движением» сотрудников в редакции «Сибирской газеты». Исследователь Л.Л. Ермолинский замечает: «Если редакционный состав “Сибири” оставался стабильным, то редколлегия “Сибирской газеты”, напротив, претерпевает перемены настолько существенные, что в последние годы издания мы не находим в ее составе почти никого из первых сотрудников»[3].

Благодаря Волховскому, видному деятелю народнического движения, претерпела существенные изменения и идеология «Сибирской газеты». В рамках одного издания с этого времени стали работать сотрудники-сибиряки, приверженцы «местного патриотизма», и политические ссыльные, преимущественно народнического направления. Проблема такого «симбиоза» многоаспектна. По замечанию В.М. Крутовского, «большинство “политических”, интересовавшихся Сибирью и серьезно изучавших ее, не теряя своих идеалов, незаметно подпадали под влияние областничества»[4]. Но внутриредакционные разногласия по этому вопросу были, и они отразилась на страницах издания.

---

[1] См.: *Куклина Е.А.* Летопись сибирской периодики 1875–1916 гг. … С. 217.

[2] См.: *Круссер Р.* Негласный редактор «Сибирской газеты» // Огни Кузбасса. Кемерово, 1978. № 3. С. 72–79; *Доманский В.А.* Ф.В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск: Водолей, 1996. С 147–166.

[3] *Ермолинский Л.Л.* Сибирские газеты… С. 30.

[4] *Крутовский В*. Указ. соч. С. 291.

Однако сотрудники «Сибирской газеты», объединенные общим делом, общим стремлением к просвещению народа, смогли встать выше разногласий. На страницах «Сибирской газеты» был осуществлен единственный в своем роде синтез областничества и народничества, расширивший информационное пространство издания, давший возможность привлечь к сотрудничеству известных русских писателей.

Так, в 1884 году состоялось знакомство В.Г. Короленко с редакцией «Сибирской газеты», о чем в деталях вспоминал один из членов редакции, С.Л. Чудновский[1]. Чтение рукописи «Сон Макара», обсуждение ее коллективом редакции и «томской колонией» политических ссыльных, общение с Короленко в равной степени произвели сильное и глубокое впечатление на участников встречи. Свидетельством тому – не только изменение финала «Сна Макара», но и продолжение контактов писателя и газеты[2]. После отъезда В.Г. Короленко «Сибирская газета» напечатала обширную рецензию на произведения «Сон Макара» и «Очерки сибирского туриста»[3].

Это было, пожалуй, первое знакомство «Сибирской газеты» с известным русским писателем; дружеские отношения, завязавшиеся у Короленко с сотрудниками редакции, позволили привлечь его к сотрудничеству: в 1888 году писатель прислал для публикации в «Сибирской газете» рассказ «Из записной книжки» (вошедший в полное собрание сочинений под названием «Черкес»)[4]. Для сибирского издания публикация на его страницах произведения знаменитого русского литератора была, несомненно, настоящим событием. Литературные связи «Сибирской газеты» расширяли ее кругозор, повышали авторитет самого издания и в конечном итоге работали на развитие регионального самосознания – в неразрывной связи с общерусской национальной традицией.

Рассказ Короленко был широко разрекламирован «Сибирской газетой»: с первого номера 1888 года она помещала на первой странице объявление: «В январе в “Сибирской газете” появится рассказ Владимира Короленко (автора “Слепого музыканта”, “Сна Макара”, “Со-

---

[1] См. подробнее: *Чудновский С.* Из дальних лет // Вестник Европы. СПб., 1912. № 3. С. 183–184.

[2] См. подробнее об этом: *Янушкевич А.С.* Томские университеты В.Г. Короленко // Русские писатели в Томске. Томск: Водолей, 1996. С. 87.

[3] *Сибирская* газета. 1885. № 47, 49. Рассказ В.Г. Короленко «Сон Макара» был опубликован в журнале «Русская мысль» (1885. № 3); его «Очерки сибирского туриста» увидели свет в «Северном вестнике» (1885. № 1).

[4] *Короленко В.* Из записной книжки // Сибирская газета. 1888. № 16.

колинца” и др.) под заглавием “Из записной книжки”». Рассказ был напечатан в номере от 25 февраля 1888 г. и вышел затем отдельной книжкой, объявление о которой публиковалось «Сибирской газетой» целый месяц (с № 19 от 10 марта, до № 27 от 7 апреля 1888 г.). Это была первая изданная в Сибири книга В.Г. Короленко[1].

Уважительное отношение к литературному творчеству В.Г. Короленко и стремление привлечь к нему внимание сибирского общества, подробный анализ его произведений на страницах «Сибирской газеты», публикация рассказа Короленко и затем издание его отдельной книжкой – все это говорит о том, что «Сибирская газета» очень гордилась фактом знакомства с талантливым русским писателем.

В целом в 1882–1884 годах произошли значительные перемены в структуре газеты: появился отдел фельетона, значительно расширился беллетристический отдел. Газета печатала стихотворения, рассказы, очерки сибирских авторов и сотрудничающих с ней политических ссыльных. «Литературное обозрение», напротив, исчезло как постоянная рубрика – в 1882 году было опубликовано только 4 литературных обозрения под названием «Литературные заметки», в 1883–1886 гг. литературные обзоры не выходили вообще, и практика их возобновилась только с 1887 года.

Увеличились объем и количество корреспонденций, которым редакция придавала большое значение. В объявлении о подписке на 1883 год «Сибирская газета» акцентировала внимание на усилении своей «обличительной» направленности: «Важнейшее место в газете будет отведено корреспонденциям и известиям из всех концов Сибири – из городов, деревень и захолустий; цель этих известий узнать нужды и потребности местного населения и бороться со злоупотреблениями, гнетом и неправдой, от кого бы они не исходили».

В разделе «Телеграммы» с № 47 (1882) стали печататься сообщения «От Северного телеграфного агентства» самой различной тематики, русские и иностранные. В каждом номере публиковались передовые статьи, в которых разрабатывались проблемы сибирской жизни. Помещались статьи и очерки по этнографии Сибири, о каторге и ссыл-

[1] Подробнее об этом см.: *Янушкевич А.С.* Томские университеты В.Г. Короленко… С. 90–91.

ке, о положении рабочих на золотых приисках, о переселенческом движении[1].

Рецензии на новые книги и статьи печатались под новой рубрикой «Библиография». Правда, она появлялась на страницах «Сибирской газеты» нерегулярно, материалы ее были неравноценны – от разбора учебных пособий и отчетов Императорского Русского географического общества до развернутых рецензий на стихотворения Федорова-Омулевского, произведения Короленко «Сон Макара» и «Очерки сибирского туриста». Предметом рецензий становились и отдельные издания, и наиболее интересные публикации в журналах. В 1883–1886 гг. рубрика «Библиография» отчасти выполняла функции литературного обозрения, отслеживая наиболее интересные издания и публикации в «толстых» русских журналах.

Если со стороны официальной цензуры к «Сибирской газете» не было особых претензий, то неожиданно случился конфликт с одним из владельцев типографии, где печаталась газета. В. Крутовский писал: «Первоначально газета печаталась в типографии Михайлова и Макушина. В 1883 году произошел незначительный с обывательской точки зрения, инцидент, характерный для условий газетной работы того времени. Компаньон Макушина Михайлов жил в верхнем этаже дома, где помещалась типография. Обычно в субботу – газета выходила еженедельно – накануне выхода номера Михайлов спускался в типографию просмотреть гранки. Никакого отношения к газете он лично не имел и делал это исключительно из любопытства.

Случилось, что в одном из номеров встретился довольно ядовитый фельетон, высмеивавший его приятеля. Немедленно, не спрашивая никого из членов редакции, Михайлов, как хозяин типографии, приказал метранпажу снять фельетон из приготовленного к печати номера.

Еще несколько таких столкновений, и печатание газеты пришлось перенести в губернскую типографию»[2].

---

[1] *И.К.* Байга у киргизов // Сибирская газета. 1882. №13; *Х.* Эмильская долина и торгоуты (очерк) // Там же. 1882. № 21–23; *Якуты* (этнографический очерк) // Там же. 1884. № 43, 47, 49, 51, 52; *Б.* Каторга на острове Сахалин // Там же. 1882. № 13; *Перевозка* арестантов по Сибири // Там же. 1882. № 33; *Сибирская* ссылка // Там же. 1884. № 40; *Ссыльный* вопрос в Якутской области // Там же. 1884. № 41; *Энге*. Из страны золота // Там же. 1882. № 26, 27, 31, 33; *Виноградов Н.* Очерки приисковой жизни // Там же. 1882. № 46; *Критский*. Спиртоношество и приисковая торговля (из Енисейского округа) // Там же. 1884. № 40; *Самоходы* (из записной книжки наблюдателя переселенческого движения) // Там же. 1883. № 42, 43; *Переселенцы* в Красноярске // Там же. 1883. № 33.

[2] *Крутовский В*. Указ. соч. С. 288.

Поскольку издание газеты с октября 1883 года перешло к А.В. Адрианову, он не стал терпеть подобные выходки. А в 1884 году «Сибирская газета» (с № 45) начала издаваться в собственной типографии.

В 1885 и 1886 гг. редакционный состав «Сибирской газеты» был усилен двумя участниками: К.М. Станюковичем и Д.А. Клеменцем.

К.М. Станюкович провел в Томске три года – с июня 1885 по июнь 1888 г. Этот период его жизни достаточно полно отражен в работах В.П. Вильчинского, В.И. Милькова, М.В. Грицановой[1]. Кроме того, существуют воспоминания Е.С. Некрасовой, на которые ссылаются все упомянутые исследователи; о Станюковиче писали его современники С.Л. Чудновский, Д. Кеннан, А.В. Адрианов и другие авторы[2]. Писатель близко сошелся с редакцией «Сибирской газеты», писал фельетоны и роман «Не столь отдаленные места» для газеты и в то же время работал над прославившими его «Морскими рассказами», причем он «особенно ценил тонкие критические замечания Волховского, которого он всегда выслушивал с величайшим вниманием, зачастую восхищаясь эстетическим чутьем этого широко образованного человека»[3].

В 1886 году в состав редакции вошел Д.А. Клеменц, переехавший в Томск после окончания своей минусинской ссылки. Р.Г. Круссер утверждал, что своей популярностью и влиянием «Сибирская газета» во многом была обязана Д.А. Клеменцу. Автор революционных стихов, один из редакторов газеты «Земля и воля», он был известен как талантливый публицист и фельетонист. Наряду с Волховским Клеменц стал главной литературной силой «Сибирской газеты», писал передовые и научные статьи, фельетоны. Высоко оценивал роль Клеменца в «Сибирской газете» Г.Н. Потанин: «Когда в Томске была основана частная “Сибирская газета”, Клеменц явился в ней душой редакции.

---

[1] *Вильчинский В.П.* Константин Михайлович Станюкович. Жизнь и творчество. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. Ленинградское отделение, 1963; *Мильков В.И.* К.М. Станюкович // Русские писатели в Томске. Очерки к 350-летию г. Томска. Томск, 1954. С. 33–43; *Грицанова М.В.* «Томская тема» в творчестве и судьбе К.М. Станюковича // Русские писатели в Томске. Томск: Водолей, 1996. С. 93–109.

[2] *Некрасова Е.С.* К.М. Станюкович. Его поездка и жизнь в Томске // Русская мысль. 1903. №. 10. С. 141–170; *Чудновский С.Л.* Из дальних лет // Вестник Европы. 1912. № 3. С. 162–187; *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. СПб: Врублевский, 1906; *Адрианов А.В.* Памяти супругов Клеменц: Отдельный оттиск из 45-го тома «Известий Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического Общества». Иркутск, 1917. 22 с.

[3] *Чудновский С.* Из дальних лет… С. 182.

Около него группировались его друзья-единомышленники, такие же невольные колонисты Сибири, как и он сам»[1].

В состав редакции в 1885–1888 гг. входили также А.И. Иванчин-Писарев и П.А. Голубев. Подтверждение возросшей популярности газеты обнаруживается в объявлении «Сибирской газеты»: «Первый и второй №№ “Сибирской газеты”, напечатанные в общей сложности в количестве 4000 экземпляров, разошлись без остатка, а потому редакция предупреждает новых подписчиков, что они будут получать “Сибирскую газету” 1888 года с третьего номера»[2].

Новые люди в редакции включились в газетную полемику, развернувшуюся в связи с открытием в 1885 году в Томске второй частной газеты – «Сибирского вестника». «Сибирская газета» поместила на своих страницах объявление о выходе «Сибирского вестника», а в № 20 за 1885 год, замечая, что «такой новости, как появление нового в Сибири печатного органа, нельзя пройти молчанием», так писала о тенденциях новой газеты: «Вышедший 16 мая первый номер томского “Сибирского вестника” касается важнейших проклятых сибирских вопросов, все их задевает бойко, бередит больные места, но все с особенной, своей, “русской” точки зрения». С этого номера полемика с «Сибирским вестником» стала непременной составляющей практически каждого номера «Сибирской газеты», охватывая все существующие жанры и проявляясь на разных уровнях.

Своеобразным «противовесом» «Сибирскому вестнику» стала «Крапива» – сатирическая «газета в газете», появившаяся с № 37 (15 сентября 1885 г.) на страницах «Сибирской газеты». Уже ее определение – «литературное, политическое и общественное периодическое произведение сибирской почвы, не лишенное интереса, хотя и не приносящее никаких дивидендов» – говорило о полемической противопоставленности «Вестнику политики, литературы и общественной жизни». Авторство «Крапивы» приписывается Волховскому, но несомненно, что участие в нем принимал и Станюкович, к этому времени уже успевший познакомиться с расстановкой литературных сил в Томске.

Образцом для «Крапивы» послужили сатирические издания 1860–1870-х гг. – «Искра» В.С. Курочкина, «Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок» (сатирическое приложение к «Со-

---

[1] *Потанин Г.Н.* Д.А. Клеменц // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1986. Т. 7. С. 136.

[2] *Сибирская* газета. 1888. № 13.

временнику»), «Гудок». Так же, как и эти издания, «Крапива» была плодом коллегиальной работы; организатором и вдохновителем ее являлся Волховский, в подготовке выпусков принимали участие Станюкович и другие авторы «Сибирской газеты». «Крапива» оформлялась как «газета в газете»: в ней публиковались передовые статьи, «Телеграммы (наших собственных корреспондентов)», были рубрики «Городская жизнь», «Корреспонденции», «Объявления “Крапивы”», стихотворения и т.д. Такая форма позволяла охватить сразу много тем – полемика с «Еженедельным обозрением» о самостоятельности убеждений (передовая «Томск, 30 ноября»), положение женщины («Телеграммы»), критика театральной постановки («Городская жизнь»), тема взяточничества («Его уж нет!» – «современный сибирский романс»)[1] – и одновременно обыграть в разных материалах одну, но самую важную тему. В «Крапиве № 3», например, полемика с «Сибирским вестником» была развернута в передовой статье «Томск, 5 октября» (тема «обличений» «Сибирской газеты» и стремления «Сибирского вестника» освещать «отрадные стороны сибирской жизни»), в рубрике «Объявления “Крапивы”» (пародия на объявление о подписке – «антиреклама» «Сибирского вестника», которого не постигнет «участь “Восточного обозрения”», ибо он будет вести себя «по крайней мере умно» и помнить, что «писать можно о многом, но, при известных условиях, надо только отказаться от раздражающего и резкого тона» и т.д.) и других рубриках. Интересны трансформации, которым подвергаются документальные факты для публикации в «Крапиве»: факт подвергается литературной обработке, беллетризируется, и затем ему вновь придается форма публицистического материала – корреспонденции, «объявления» и т.п. «Крапива», таким образом, выступает как литературное произведение в форме оригинального периодического издания.

Непосредственным откликом на полемику «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника» стал роман Станюковича. В 1886 году Ядринцев писал иркутским друзьям о том, что «Сибирская газета» «заподрядила» Станюковича «написать роман из сибирской жизни»[2]. Этот роман – «Не столь отдаленные места» – за подписью «Н. Томский» публиковался в «Сибирской газете» на протяжении 1886–1888 годов[3].

---

[1] Сибирская газета. 1885. № 48.

[2] *Ядринцев Н.М.* Письма // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1980. Т. 5. С. 287.

[3] *Томский Н.* Не столь отдаленные места // Сибирская газета. 1886. № 36–48, 50, 52; 1887. № 2, 3, 5, 7, 8, 10, 12, 13, 17; 1888. № 19, 21, 23, 25, 27, 33, 35, 37, 39, 43, 45, 47, 49–54, 56.

Он не был окончен, так как «Сибирская газета» была закрыта в 1888 году; роман прервался на главе под названием «Новый» (в нумерации «Сибирской газеты» это была 31-я глава, в последующих изданиях – 30-я; всего в окончательном варианте романа 31 глава и эпилог).

Полный текст романа был опубликован вскоре после возвращения Станюковича из сибирской ссылки: в 1889 году в Санкт-Петербурге издателем Н.А. Толкачевым он был выпущен с подзаголовком «Роман из сибирской жизни»[1]. Произведение было замечено столичными литературными критиками, о чем свидетельствует публикация рецензий на роман в «толстых» русских журналах «Северный вестник» и «Вестник Европы»[2].

В 12-томное собрание сочинений, первое и единственное прижизненное издание произведений Станюковича (1843–1903), осуществленное книгоиздателем А.А. Карцевым в 1896–1898 годах, роман был включен под названием «В места не столь отдаленные»[3]. Так же озаглавлен роман и в последующих переизданиях: в «Полном собрании сочинений К.М. Станюковича» (СПб., 1906–1907) и в издании романа, который в 1964 году вышел отдельной книгой в Западно-Сибирском книжном издательстве (серия «Библиотека сибирского романа»)[4]. Таким образом, оба варианта названия романа («Не столь отдаленные места» и «В места не столь отдаленные») верны, так как изменение заглавия было произведено самим Станюковичем.

Можно выделить несколько причин, по которым редакция «Сибирской газеты» поручила написать роман Станюковичу. Вероятно, в первую очередь это было связано с желанием заинтересовать подписчиков, используя имя знаменитого русского писателя, что было немаловажно для газеты в этот период. Ведь с появлением в 1885 году в Томске «Сибирского вестника» – газеты большего объема, выходящей не раз в неделю, как «Сибирская газета», а гораздо чаще, фактически ежедневно, – читательская аудитория «Сибирской газеты» не могла не уменьшиться. В условиях начавшейся конкурентной борьбы за читателя «Сибирская газета» обратилась к жанру романа-фельетона; веро-

---

[1] *Станюкович К.М.* Не столь отдаленные места. Роман из сибирской жизни / Издание Н.А. Толкачева. СПб., 1889.

[2] *Северный* вестник. СПб., 1889. № 3; *Вестник* Европы. СПб., 1889. № 4.

[3] *Станюкович К.М.* В места не столь отдаленные // Собрание сочинений К.М. Станюковича / Издание А.А. Карцева. М., 1897. Т. 9. С. 1–220.

[4] *Станюкович К.М.* В места не столь отдаленные / Подготовка текста и примечаний А.В. Вансловой. Новосибирск: Зап.- Сиб. кн. изд., 1964. С. 17–232.

ятно, выбор жанра определялся и самим автором, известным русским романистом и фельетонистом.

Введение в жанровую структуру «Сибирской газеты» романа-фельетона имело огромное значение. По верному замечанию В. Сержа, «более популярного, более распространенного, более влиятельного в социальном отношении жанра в литературе не существует. Какой-нибудь романист-фельетонист, нынче забытый, имел в свое время в десять, в сто раз больше читателей, чем Флобер. Какой-нибудь усердный фельетонист читается в предместьях и местечках, в которые никогда не проникал Анатоль Франс»[1]. Слова, сказанные о французском романе-фельетоне, во многом справедливы и по отношению к роману из сибирской жизни Станюковича. Действительно, интерес сибиряков к роману был огромен и возрастал от номера к номеру, и по сведениям исследователя, «появились просьбы издать его отдельной книжкой и уж во всяком случае не прерывать выпусков. В начале 1888 года редакция вынуждена была в каждом номере “успокаивать” нетерпеливую читательскую аудиторию обещанием скоро продолжить печатание романа Н. Томского»[2]. Роман-фельетон был сильным средством привлечения массового читателя, и «Сибирская газета», стремящаяся в силу своей просветительской направленности к демократизации печати, приобщения к печатному слову самых широких слоев сибирского населения, воспользовалась возможностью поместить на своих страницах произведение этого популярного жанра.

Особый интерес у томской публики вызывало то обстоятельство, что многие действующие лица романа были «списаны» с реальных лиц. Опыт фельетониста помог Станюковичу избежать «кляузы» и в то же время сделать прототипы легко узнаваемыми. Рецензент «Северного вестника», например, отмечал, что «г. Станюкович изображает с строгою правдивостью, не клевещет на выводимых им лиц и старается представить их по возможности фотографически… порой под выводимым им лицом довольно прозрачно виден оригинал, с которого оно списано»[3]. Читатели узнавали в жиганском губернаторе Ржевском-Прянике томского губернатора И.И. Красовского, в его домашнем секретаре Сикорском – бывшего директора-распорядителя московского ссудного банка П.М. Полянского; в Пятиизбянском – управляюще-

[1] *Серж В.* Современный французский фельетон // Фельетон: Сб. статей / Под ред. Ю. Тынянова, Б. Казанского. Л.: Academia, 1927. С. 42.

[2] *Грицанова М.В.* Указ. соч. С. 103.

[3] Цит. по: *Пугачев А.* Сибирский роман К.М. Станюковича // Станюкович К. В места не столь отдаленные. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд, 1964. С. 15.

го томской казенной палатой М.А. Гилярова; в Переметном – вице-губернатора Н.Н. Петухова; в Жиркове – юриста, бывшего издателя «Северного вестника» Е.В. Корша; в Добрецове – другого томского губернатора, А.И. Лакса; в Пеклеванном – В.П. Картамышева; в Шайтанове – редактора «Сибирской газеты» А.В. Адрианова. Кроме того, в сюжет роман вплетены действительные события, происходившие в Томске в 1881–1888-х годах – публикация «корреспонденции» в столичной газете[1], появление второй газеты, в которой принимали участие уголовные ссыльные («Сибирского вестника»), потрясшее своей жестокостью убийство целой семьи в Томске и т.д.

Уникальность романа-фельетона Станюковича в том, что в нем развиваются традиции русского романа, однако его содержание и форма связаны с газетой, и газетой региональной, сибирской. Публикация романа на страницах газеты придала ему ряд особенностей, исчезнувших при переиздании отдельной книжкой. Роман в «Сибирской газете» был вписан в общий контекст русской провинциальной жизни. В публицистических статьях, фельетонах, корреспонденциях «Сибирской газеты» поднимались проблемы влияния уголовной ссылки на сибирское общество, роста преступности, парализующей жизнь сибирских городов; резкой критике подвергалась работа сибирской администрации; и в то же время на страницах областнически ориентированной «Сибирской газеты» велась ожесточенная полемика с «органом русских людей» – «Сибирским вестником» – по вопросам о возможных путях развития Сибири. Эти же проблемы организуют внутреннее пространство романа-фельетона, а в художественной форме романа они приобретают концептуальное значение, то есть материалы провинциальной жизни получают осмысление в общерусском масштабе.

По-другому воспринимались читателями главы романа-фельетона на газетной полосе. «Сибирская газета» была малоформатным изданием, и место под роман выделялось в условиях жесточайшего дефицита газетных площадей. Роман публиковался небольшими частями, чаще всего по половине главы, и каждая часть заканчивалась «на самом интересном месте» – по законам жанра, требующего «заинтриговывать» читателя, поддерживать его желание продолжить чтение, то есть роман был разделен и на главы, и на отдельные части. «Графика

[1] В 1886 г. в «Московских ведомостях» была опубликована корреспонденция из Томска; «Сибирская газета» откликнулась на нее сообщением о корреспонденции в «Московских ведомостях», затем перепечатала ее и поместила статью «Донос «Московских ведомостей» на сибирскую печать» (Сибирская газета. 1886. № 7, 8).

текста» романа-фельетона в газетном варианте была принципиально иной уже и в силу того, что он печатался параллельно с публицистическими материалами и фельетонами «Сибирской газеты», в «подвале» газеты. В силу того что в 1887 году издание газеты было приостановлено, в 1888 году в «Сибирской газете» было опубликовано краткое содержание романа «для читателей, не знакомых с первыми 16 главами романа»[1]. Естественно, что этот текст не был включен в роман, когда он выходил отдельным изданием, тогда как в газете этот пересказ был частью романа-фельетона в целом.

Роман Станюковича в газетном варианте был более острым в публицистическом, общественно-политическом плане. Из текста произведения при его подготовке к публикации в первом собрании сочинений, изданном А.А. Карцевым, по цензурным условиям были вырезаны некоторые наиболее резкие фразы и выражения. Наиболее серьезной правке подверглась глава 26-я под названием «Идея», в которой «королями в изгнании» обсуждается проект создания нового издания. Из этой главы вычеркнуты отдельные фразы, например, из высказывания Сикорского «было бы весьма полезно основать здесь орган, который бы проводил здравые, истинно русские идеи, ничего общего не имеющие с тем, что пишут там разные “сибирские патриоты” и разная политическая шваль» было вычеркнуто выражение «разная политическая шваль». Удалены были и целые отрывки из высказываний участников беседы: «– “Курьер”, наверное, закроют после статьи московской газеты и, следовательно, не будет конкурента, – заметил Пеклеванный. – Да и ведется он скверно! – промолвил Жирков».

«– …Михаил Петрович работал в московских газетах и немного знаком с журнальным делом. Он поможет нам… не правда ли? – Жирков утвердительно кивнул головой».

Правка в основном касалась моментов, которые были связаны со спецификой газетной конкурентной борьбы, использованием публикаций в столичных газетах как одного из методов этой борьбы, а также удалены были фразы, показывающие участие сибирской администрации, поддержку губернатора в деле основания новой газеты, коллектив которой состоял из уголовных ссыльных. Например, фраза Сикорского «Василий Петрович даст о вас прекрасный отзыв, ручаясь за вашу благонадежность» заменена на «О вас дадут прекрасный отзыв, ручаясь за вашу благонадежность. Это обещано». В конце главы удален боль-

[1] *Сибирская* газета. 1888. № 19.

шой отрывок текста, в котором речь шла как раз о том, что губернатором было написано прошение и объяснительное письмо, в котором «мотивировалась необходимость для края органа, согласного с видами администрации, указывалось вредное направление сибирских газет и сообщалось, что как редактор, так и будущие сотрудники известны его превосходительству за людей вполне благонадежных».

Таким образом, из романа по цензурным соображениям были вырезаны моменты, свидетельствующие о том, что в Сибири местная администрация поддерживала уголовных ссыльных, и наиболее резкие выражения Станюковича. И тем не менее цензурой был задержан выпуск в свет IX тома, в который входил роман «В места не столь отдаленные». Начальник московского цензурного комитета отмечал, что автор изображал положение в Сибири в мрачных красках, показывал губернатора, который управлял делами при помощи сосланных разного рода дельцов и т.д. Даже после выхода в свет IX тома все издание собрания сочинений К.М. Станюковича было запрещено «к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях»[1]. Этот эпизод свидетельствует о том, что цензурные условия в «Сибирской газете» были относительно мягкие, так как здесь были пропущены все запрещенные столичной цензурой моменты.

С другой стороны, можно предположить, что правка Станюковича была обусловлена и его стремлением к повышению художественности, уменьшению публицистического накала романа. Вырезанные отрывки были актуальны для томской публики, которая была знакома с действительной историей основания «Сибирского вестника», названного в романе «Сибирским гражданином». Для читателя же общероссийского эти моменты не были столь важными, они несколько «затягивали» повествование, концентрировали внимание на частностях, неинтересных для тех, кто не знал подоплеку романа. Таким образом, роман-фельетон на страницах «Сибирской газеты» оказывается более публицистичным, приближенным к томским реалиям.

Публикация романа Станюковича на страницах «Сибирской газеты» явилась крупным событием литературной жизни Сибири и России 1880-х гг. Роман-фельетон во многом оказался экспериментальным: впервые этот жанр появился на страницах провинциального сибирского издания, и впервые в романе-фельетоне был художественно осмыслен и представлен сибирский материал. Публицистическая задача

[1] *Пугачев А.* Сибирский роман К.М. Станюковича… С. 15–16.

определила его сатирическую, фельетонную природу. Однако возможности романа-фельетона как синтетического жанра выразились в органичном сочетании в тексте очеркового и романного начал. Широта охвата действительности, эпичность, панорамность романа, с одной стороны, и его актуальность, установка на определенную документальность, «узнаваемость» типов и ситуаций в рамках одного произведения – с другой, отвечали задаче автора создать современный роман из сибирской жизни. Эта цель была достигнута.

Для привлечения читателя в 1887–1888 годах в «Сибирскую газету» было вновь введено литературное обозрение. В 1887 году появился отдел «Что пишут?» (литературные заметки), который вел Волховский (материалы подписаны его псевдонимом «Простой смертный»). Возобновляя рубрику литературного обозрения, Волховский сохранял форму разговора с читателем: его материалы – ответ на заданный в названии рубрики вопрос: «Что пишут?» Обозреватель выделял следующие задачи возрожденных литературных обозрений: познакомить сибирского читателя, во-первых, «с оригинальной мыслью, с новым взглядом на тот или иной предмет общественной жизни, науки»; во-вторых, «с некоторыми, по крайней мере, красотами нового художественного произведения, о котором иначе обитатель захолустья, пожалуй, не знал бы даже – существует ли оно»; в-третьих, более образованной части читающей публики «литературное обозрение должно помочь разобраться в критической оценке прочитанного». «Сибирская газета» считала необходимым «отвести глаза от своего муравейника и бросить взгляд на более широкое поле», ввести своего читателя в контекст общероссийских проблем, так как «мысль человека, взгляд которого не хватает далее своего угла, мельчает, и предметы в его глазах получают совершенно несоответственные действительности размеры и значение»[1]. В этих словах звучит отголосок редакционных разногласий по поводу областничества, в которых Волховский отстаивал идею широкого включения Сибири в русло общероссийской жизни.

В середине 1880-х гг. усилилось давление на сибирскую печать со стороны администрации. Так, 20 сентября 1885 г. «Восточному обозрению» было объявлено третье предостережение с приостановкой издания на 2 недели и с подчинением затем предварительной цензуре. А «Сибирский вестник» нашел себе «влиятельного защитника» в лице М.Н. Каткова, который «удостоил его своим особым внимани-

[1] *Сибирская* газета. 1887. № 2.

ем» в статье «Московских ведомостей», раскритиковав «сепаратистские мечтания» сибирской печати. В 1887 году последовала и первая приостановка «Сибирской газеты» на 8 месяцев, это была строжайшая предупредительная мера из предусмотренных для печати.

После возобновления в 1888 году «Сибирская газета» появилась в обновленном виде. Теперь она выходила два раза в неделю, по воскресеньям и четвергам, (в год было обещано 100 номеров, тогда так раньше выходило 52). Газета вновь издавалась в типографии Михайлова и Макушина. За редактора подписывался А. Гусев (по свидетельству современников, подставное лицо), издателем вновь выступил П.И. Макушин, однако вскоре он передал издание «Сибирской газеты» потомственному почетному гражданину Н.А. Толкачеву.

В возобновленной газете появился отдел «Фельетон “Сибирской газеты”»: его заполняли своими произведениями сразу три талантливых автора – Станюкович, Волховский и Клеменц, что делало этот отдел особенно популярным и значимым для «Сибирской газеты». В издании по-прежнему большое значение придавалось корреспонденциям, также публиковались материалы по истории, экономике, этнографии Сибири. Не сходила со страниц издания и полемика с «Сибирским вестником», развивающаяся в разных направлениях.

Летом 1888 года редакция узнала, что в Томск едет один из самых любимых тогда писателей России – Глеб Успенский. Его имя встречалось на страницах «Сибирской газеты» с первого года издания[1]. Успенский всегда был для «Сибирской газеты» одним из самых авторитетных и уважаемых современных писателей. Можно представить себе, какое радостное волнение испытали члены редакции газеты, когда узнали о скором прибытии в Томск Г.И. Успенского[2]. В отделе «Городские известия» было напечатано: «Некоторые пассажиры, приехавшие на последнем пароходе, сообщают весьма интересную новость: наш знаменитый писатель Глеб Иванович Успенский будет в это лето путе-

[1] В «Литературных обозрениях» 1881–1882 гг. «Сибирская газета» писала об очерках Успенского «Пришло на память» (1881. № 8), «Равнение под одно», «Власть земли» (1882. № 9), очерках из цикла «Без определенных занятий» (1881. № 5, 13, 23). В 1887–1888 годах, когда жанр литературных обозрений вновь появился в «Сибирской газете», обозреватели обращались к очеркам Успенского «Непривычное положение» (1888. № 18), «Четверть лошади» (1888. № 12); рассказывали о юбилее Г.И. Успенского («25 лет литературной деятельности нашего высокодаровитого художника-публициста») и приводили содержание письма Успенского в Общество любителей российской словесности (1888. № 43).

[2] Подробнее о причинах приезда в Томск Г. И. Успенского и о его пребывании в городе см.: *Айзикова И.А.* «…еду в Сибирь служить» (Г.И. Успенский в Томске) // Русские писатели в Томске. Томск: Водолей, 1996. С. 110–127.

шествовать по Сибири и с одним из следующих пароходов прибудет в Томск. Как говорят, Глеб Иванович едет с целью ознакомления с переселенческим движением»[1].

Пребывание Успенского в Томске стало событием для сотрудников «Сибирской газеты»: «Оторванные от России, мы с жадностью воспринимали его живые, полные юмора характеристики разных явлений жизни, общих друзей и знакомых и сознавали, что общение с ним дополняет и расширяет сферу наших представлений о русских делах, естественно сократившуюся, благодаря подневольной жизни на чужбине», – писал А.И. Иванчин-Писарев[2].

В то время «Сибирская газета» готовилась к открытию Томского университета, работая над составлением праздничного номера. В нем были помещены этюд Мамина-Сибиряка «Читатель» и очерк Наумова «Сцены из жизни темного люда»: эти произведения органично вошли в структуру «университетского номера», определенную «концепцией Сибири как края, который, несмотря на свою культурную неразвитость и отсталость, имеет колоссальные потенциальные возможности духовного роста»[3]. Рассказы писателей находились в своеобразной перекличке: если очерк Наумова связан именно с темой отсталости Сибири, то этюд Мамина-Сибиряка показывал стремление народа к просвещению, его интерес к общественным, государственным делам, любовь к чтению. Он развивает свою мысль на примере двух читателей, жителей глухой провинции на Урале, дьячка Якова Семеныча и фельдшера Богдана Савельича, которых объединила любовь к печатному слову. Этюд Мамина-Сибиряка был очень актуален для «Сибирской газеты» именно в связи с открытием первого сибирского университета, поскольку доказывал, в противовес мнению «слишком обособленной жизни столицы», что Сибири действительно необходим собственный центр просвещения, что народ в провинции тянется к знаниям, озабочен общественной и политической жизнью и своего отечества, и других стран.

Успенский написал для «университетского номера» биографию историка А.П. Щапова[4]. 22 июля должно было состояться торжественное открытие первого сибирского университета, на которое Успенский

---

[1] *Сибирская* газета. 1888. № 43.

[2] *Иванчин-Писарев А.И.* Глеб Успенский и революционеры 70-х годов // Былое. СПб., 1907. № 10.

[3] *Новикова Е.Г.* Томск в жизни Н.И. Наумова // Русские писатели в Томске. Томск: Водолей, 1996. С. 138.

[4] *Сибирская* газета. 1888. № 55.

получил пригласительный билет. Однако редакция официального приглашения не получила, более того – сотрудникам, пришедшим в актовый зал без приглашения, предложили удалиться. Г.И. Успенский был поражен происходящим; он отказался участвовать в торжественном обеде и ушел с чествования, присоединившись к редакционному собранию, устроенному в доме Н.И. Наумова (который, получив приглашение, также в знак протеста не поехал в университет).

А через несколько дней редакция была извещена о приостановке газеты. Г.И. Успенский, по воспоминаниям сотрудников, «был сражен приостановкою ее чуть ли не больше нашего. “Как же, как же вы теперь будете?” – твердил он нашему кружку. – “Да так же, как прежде, Г.И., вернемся в первобытное состояние...” Но он долго не мог успокоиться и волновался из-за нас»[1].

28 июля 1888 г. Успенский выехал из Томска. Однако очень скоро писатель вновь оказался в центре событий, связанных с «Сибирской газетой». Завязавшаяся полемика между столичным журналом «Гражданин», томским «Сибирским вестником», с одной стороны, и А.И. Иванчиным-Писаревым и Г.И. Успенским – с другой, имела целью выяснить степень достоверности сообщаемых «Сибирской газетой» фактов и рассказать русскому и сибирскому читателю о роли сибирской прессы в целом.

Закрытие «Сибирской газеты» по времени практически совпало с открытием первого сибирского вуза – Императорского Томского университета, и это не было простым совпадением. Участие в газете политических ссыльных, ее критика, направленная против местной администрации, – все это беспокоило Министерство народного просвещения. Как пишет Л.Л. Ермолинский, «строжайшая из предупредительных мер – приостановка “Сибирской газеты” на 8 месяцев – как видно, не удовлетворяет ни департамент полиции, ни министерство просвещения. В январе 1889 года полиция вновь ходатайствует о запрещении томского издания… и 24 января совет трех министров, “обсудив общее направление издаваемой в Томске “Сибирской газеты” и находя его безусловно вредным, определяет: прекратить вовсе издание этой газеты”»[2].

---

[1] *Глеб Успенский* в его переписке // Голос минувшего. СПб., 1915. № 10. С. 230.

[2] *Ермолинский Л.Л.* Сибирская печать и царская цензура (1875–1886 гг.) // Журналистика в Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1967. С.38–39.

Так была закрыта первая частная газета в Томске; она просуществовала восемь лет, не считая двух приостановок, и за это время успела стать важным фактом регионального самосознания Сибири.

Многое было сделано газетой для просвещения сибирского читателя. Помимо непосредственно газеты, редакция выпускала приложения[1], печатала отдельными изданиями рассказ Вл. Короленко «Из записной книжки («Черкес»)[2]; сказку Ф.В. Волховского – Ивана Брута – «Ночь на Новый год» (опубликованную впервые в 1884 году в № 1)[3] и другие произведения.

При редакции велась постоянная работа по сбору средств на общественные нужды: в 1882 году была открыта подписка в пользу семьи С.С. Шашкова, в 1884 г. принимались пожертвования в пользу погорельцев г. Кузнецка. Собирались членские взносы и пожертвования в пользу «Общества пособия нуждающимся сибирякам и сибирячкам, учащимся в учебных заведениях Москвы», проводилась подписка в пользу семьи умершего писателя-сибиряка И.В. Федорова-Омулевского и т.д. Газета стала центром общественной жизни Томска и Сибири. Сотрудники редакции состояли членами Общества попечения о начальном образовании и других обществ. В 1887 году, с 6 по 12 апреля, при содействии «Сибирской газеты» в Томске была проведена этнографическая выставка – первое мероприятие такого рода в Сибири.

«Сибирская газета» освоила нишу, которую с тех пор всегда стремились занять томские периодические издания, – газеты идеологически выдержанной, настолько же публицистической, насколько и литературной, полемической, интеллектуальной и одновременно популярной среди широких слоев населения. Информация, опубликованная в «Сибирской газете», была востребована и после ее закрытия в 1888 году, о чем свидетельствует следующий факт, обнаруженный исследователем Ю.Л. Мандрикой. Он сообщал, что в библиотеке Иркутского общества приказчиков, по данным 1889 г., в течение недели читатели спрашивали «Сибирскую газету» – 248 раз, «Сибирский вестник» – 565 раз[4].

Сибирские издания 1880-х гг. – «Сибирь», «Сибирская газета», «Восточное обозрение» – выходили в одинаковом формате (немногим

---

[1] *Кириллов А.В.* Камчатские школы в прошлом столетии // Сибирская газета. 1882. № 26; *Устав* Общества попечения о начальном образовании в г. Томске // Там же. 1882. № 29; *Проект* соединения Оби с Енисеем через Кеть и Кас каналом (карта) // Там же. 1883. № 15.

[2] *Короленко Вл.* Из записной книжки («Черкес»). Очерк. Перепечатано из № 16 «Сибирской газеты» 1888 года. Томск: Типолитография Михайлова и Макушина, 1888.

[3] *Брут И.* Ночь на Новый год. Томск: Типография «Сибирской газеты», 1885.

[4] См.: *Мандрика Ю.Л.* Провинциальная частная печать: спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень, 2007. С. 62.

больше современного формата А4), практически все имели «стандартный» набор рубрик – «Телеграммы», «Русское обозрение», «Сибирское обозрение», «Корреспонденции», печатали библиографии, фельетоны, стихотворения. Объединяла их и общность задач: информирование сибирского читателя о событиях, происходящих в Сибири, России и за рубежом, вовлечение его в обсуждение местных и общероссийских проблем, просвещение и эстетическое воспитание, формирование и развитие регионального самосознания. Однако, несмотря на кажущуюся похожесть, каждая из сибирских газет обладала своей яркой индивидуальностью, имела собственное «лицо».

Особенность «Сибирской газеты» состояла в ее принципиальной «литературоцентричности». С одной стороны, публикации «Сибирской газеты» охватывали самый широкий круг вопросов – экономических, исторических, общественных. Обозрения иностранные, русские, сибирские, хроника томской жизни, обилие справочного, хроникального материала – все это делало издание информативным и публицистическим органом печати. Особо отличалась «Сибирская газета» своим обличительным, оппозиционным характером, что крайне осложняло ее взаимоотношения с властями и цензурой и привело в результате к ее закрытию. В своем роде знаковым явилось совпадение дня выхода первого номера – 1 марта 1881 года – с убийством в Санкт-Петербурге императора Александра II. «Печать этого события как бы почила на “Сибирской газете” до последних дней ее существования, когда в августе 1888 года она была задушена правительством…», – писал один из участников «Сибирской газеты» С.П. Швецов[1].

В то же время даже современники «Сибирской газеты» отмечали, что статьи этого издания «отличались литературностью». Многие исследователи говорят о богатстве ее беллетристического отдела, обусловленном привлечением к сотрудничеству широкого круга русских писателей – Успенского, Наумова, Мачтета, Станюковича, Клеменца, Короленко и других. Помимо большого объема беллетристических материалов, опубликованных в «Сибирской газете», принципиальное значение имела литературная обработка публицистических материалов. Газета выполняла роль воспитателя нравственности, формировала художественный вкус своего читателя.

Беллетристика «Сибирской газеты» имела ряд особенностей, связанных со спецификой издания. Произведения, опубликованные на

[1] *Швецов С.П.* Указ. соч. С 91.

страницах газеты, как правило, небольшого объема; тексты нередко носят отпечаток документальности и перекликаются с публицистикой «Сибирской газеты». Тематика беллетристики «Сибирской газеты» разнообразна, однако любая затрагиваемая тема преломляется через сибирскую, региональную специфику: положение сибирского крестьянина, ссылка в Сибирь, жизнь «маленьких людей» в провинциальном сибирском городе, изучение быта и духовной жизни коренного населения Сибири – «инородцев» – и так далее. В целом литературные произведения «Сибирской газеты» – это по большей части «беллетристика» в современном толковании значения этого слова: не классика, а текущая, массовая литература.

«Сибирская газета» была изданием, типологически восходящим (правильнее же сказать – нисходящим) даже не к 70-м, а к 60-м годам XIX века – проявился феномен «отставания», характерный для Сибири девятнадцатого столетия. Потому так сильны в издании просветительские тенденции, выглядевшие несколько архаичными на фоне общего развития русской журналистики. В то же время «Сибирская газета» – будучи своего рода «анахронизмом» – диалектически оказалась явлением передовым, избежав кризиса народнической идеологии, который характеризует эпоху 80-х годов XIX века. Общественная позиция «Сибирской газеты» была связана с развитием регионального самосознания, что включает в себя, с одной стороны, утверждение самобытности сибирской истории, культуры, необходимости развития экономики, достижения гражданских свобод населением Сибири, отстаивание перспектив будущего, а с другой стороны, глубокую связь с общенациональными ценностями, с духовными традициями русской истории и культуры.

«Сибирская газета» была, конечно, провинциальным изданием – по объему информации, количеству новостей, разнообразию тем, по всем качественным и количественным показателям она проигрывала любому столичному изданию. Но «Сибирская газета» и не претендовала на роль столичного органа печати. Авторы издания считали, что перед ними стоит другая задача, и на всем протяжении выхода «Сибирской газеты» они постоянно разъясняли своим читателям роль провинциальной газеты, ее особенности по сравнению со столичной журналистикой. Ценность сибирской печати определялась соответствием ее запросам сибирского общества. С этой точки зрения «Сибирская газета» была не просто прогрессивным – она была ярким явлением сибирской журналистики. По тематике, по качеству материалов – их

злободневности, актуальности, «литературности», глубине анализа и широте охвата действительности – «Сибирская газета» выступала на равных даже с петербургским «Восточным обозрением», которое издавал талантливый публицист и сибирский патриот Н.М. Ядринцев. В Сибири «Сибирская газета» никому не казалась архаичной или отстающей – она соответствовала требованиям времени и даже опережала их, вполне ощущая свою значимость для региона. В этом ее особая роль в истории русской печати.

Издание второй частной томской газеты «Сибирский вестник»

Газета «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» была основана при содействии томской администрации как возможный конкурент «обличительной» «Сибирской газете». Основателем и первым официальным редактором-издателем «Сибирского вестника» в 1885–1888 годах был присяжный поверенный Василий Петрович Картамышев (1851?–1894). В передовой статье, в рамках полемики с «Сибирской газетой», Картамышев сообщал о себе, что он дворянин Старобельского уезда Харьковской губернии, воспитывался сначала в частном пансионе в Харькове, затем учился в университете и в 1873 году окончил юридический факультет Московского университета. Карьера Картамышева началась с должности «кандидата на судебные должности при прокуроре Харьковской судебной палаты», затем он был также почетным мировым судьей Старобельского уезда, присяжным поверенным Киевского судебного округа, гласным Старобельского уезда в Харьковском губернском земском собрании. В 1879 году он переехал в Киев, а 11 сентября 1881 года приехал в Томск, где начал заниматься адвокатской практикой по уголовным и гражданским делам, в том числе вел дело об утверждении в правах наследников известного тогда иркутского миллионера Хамитова. Полученный за «хамитовское дело» гонорар – около 30 тысяч рублей – Картамышев решил вложить в новую газету. Поскольку томский губернатор И.И. Красовский (в прошлом инспектор студентов Московского университета) хорошо знал Картамышева еще как студента юридического факультета Московского университета, он благоволил ему и в Томске:

назначил на должность чиновника особых поручений и поддержал новый газетный проект[1].

В качестве второго основателя газеты, его идеолога, можно назвать Е.В. Корша. О возникновении «Сибирского вестника» А.В. Адрианов писал так: «Чтоб получить от Главного управления по делам печати разрешение на новую газету в Томске, губернатору И.И. Красовскому надо было выдвинуть весьма и весьма веские соображения в пользу своего представления об этом. И никто другой как Е.В. Корш это сделал. Он написал донос на “Сибирскую газету”, выявив всю неблагонадежность ее направления и вреда для правительства, оттенив участие в ней государственных ссыльных, подробно выяснив огромное влияние трех объединенных между собою и единственных на всю Сибирь органов печати, борьба с которыми возможна единственно путем создания органа, благоприятного для целей правительства. Этот замечательный документ стал мне известным следующим образом. Скоропостижно умирает губернатор И.И. Красовский. Извещенный об этом вице-губернатор Н.Н. Петухов едет к покойному и забирает у него портфель с секретными бумагами. Дня через 3–4 после смерти Красовского Н.Н. Петухов, состоявший по должности цензором “Сибирской газеты”, приглашает меня к себе и показывает мне манускрипт, написанный рукою Е.В. Корша, предлагая его тут же прочесть и связывая меня словом никому об этом и в течение какого-то долгого срока ничего не говорить… Я был поражен тем, что прочитал, ибо, работая вместе с Е.В. Коршем в “Сибирской газете” и долгое время находясь с ним в дружеских отношениях, я не допускал возможности такого падения человека, дошедшего до политического доноса на своего бывшего товарища по газете… Я дал Н.Н. Петухову требуемое слово и полагаю, что сдержал его, нигде об этом в печати до сих пор не обмолвившись…»[2].

Необходимо отметить, что получить разрешение на издание в Сибири газеты универсального содержания было достаточно сложным делом, а в Томске и тем более сложнее, так как здесь уже выходила одна крупная частная газета. Видимо, выдвинутые Красовским (или Коршем) аргументы, действительно, повлияли на Главное управления по делам печати, поскольку «Сибирский вестник» был разрешен.

В число сотрудников новой газеты вошли: П.М. Полянский, бывший директор-распорядитель Московского коммерческого ссудного

---

[1] *Сибирский* вестник. 1885. № 10; 1886. № 14.

[2] *Адрианов А.В.* Периодическая печать в Сибири… С. 8–9.

банка, осужденный и высланный в Сибирь по «процессу Струсберга» (1876 г.), В.А. Долгоруков, бывший князь, также попавший в Сибирь как уголовный ссыльный («Дело о Клубе червонных валетов», 1877 г.), А.О. Станисловский, горный инженер, и некоторые другие местные литераторы. Преобладание в редакции лиц, сосланных по уголовным делам, стало одним из ключевых моментов в дискуссии «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника».

Первый номер новой томской газеты вышел 16 мая 1885 года. Он был приурочен к годовщине подписания царского указа об учреждении Сибирского университета (16 мая 1878 года), что особо подчеркивалось основателями «Сибирского вестника». В 1885 году газета выходила еженедельно, по четвергам, по следующей программе:

«1. Правительственные распоряжения.

2. Передовые статьи по местным вопросам, в связи с общей жизнью России и других государств.

3. Хроника текущих фактов в Сибири, в Европейской России и за границей.

4. Корреспонденции из разных местностей Сибири, Европейской России и других стран.

5. Библиография (новые книги, журналы и проч.).

6. Фельетон (местные очерки общественной жизни).

7. Отчеты о заседаниях судебных учреждений, общественных установлений и ученых обществ.

8. Местные научные материалы и исследования.

9. Повести, романы, рассказы, стихотворения.

10. Справочные известия.

11. Частные объявления»[1].

Стоимость годовой подписки составляла 5 рублей. Газета первоначально печаталась в типолитографии Михайлова и Макушина; «контора» «Сибирского вестника» находилась по адресу ул. Почтамтская, дом Иванова (там же, где располагалось «фотографическое заведение» В.П. Картамышева). Адрес редакции указывался так: «Томск, Спасская ул., дом Картамышевой». Это деление впоследствии привело к размежеванию функций редактора и издателя: руководить газетой с 1888 года продолжил В.П. Картамышев, а в роли издательницы стала выступать его жена, М.Ф. Картамышева.

[1] *Сибирский* вестник. 1885. № 2.

Структура «Сибирского вестника» имела свои особенности. Так, в первые годы издания на первой полосе практически не было рекламных объявлений; мало места занимали «Телеграммы Северного телеграфного агентства», и этому было свое объяснение. Поскольку Корш являлся томским представителем этого агентства, «Сибирский вестник» имел возможность предложить своим читателям особую услугу, за дополнительные пять рублей в год они могли ежедневно получать телеграммы Северного телеграфного агентства. Номер практически всегда открывался передовой статьей, темами которых в 1885 году были «дополнительное обложение торговли и промышленности», открытие учебного округа в Западной Сибири, уголовная и тюремная реформы в России и в Сибири и др.

Далее следовал раздел «Сибирская летопись», который делился на рубрики: «Городские известия», «Различные известия», «Некрологи», «Корреспонденции», «Письма в редакцию» и ряд других. Эти рубрики не указывались в тексте газеты, они отмечались только в «содержании» номера, публикуемом на первой полосе. Постоянными разделами также были «Сибирская печать» (составлялась на основе сообщений газет «Сибирь», «Восточное обозрение», «Сибирская газета», «Владивосток», «Томские губернские ведомости», «Томские епархиальные ведомости» и др.), «Внутренняя хроника» (основой материалов служили общерусские и провинциальные газеты), «Заграничная хроника», «Справочные сведения», «Объявления», а также «Фельетон Сибирского вестника», помещавшийся в «подвале» 2–3-й полос и отделявшийся от основного материала горизонтальной линейкой. Периодически появлялись рубрики «Новые книги», «Театр и музыка».

Главной особенностью «Сибирского вестника» стало его принципиальное несогласие с «областническими» сибирскими газетами. Об этом редакция заявила в первой же статье первого номера новой газеты «Томск, 15 мая». Организаторы «Сибирского вестника» начали разговор с читателями с вопросов, которые, по их мнению, возникали в умах томичей: «Есть ли необходимость в новом органе печати, посвященном главным образом сибирским делам? Не достаточно ли для полного отражения сибирской жизни уже существующих местных изданий, представляющих собою лучшие стремления образованной части сибирского общества и дающих верную и добросовестную характеристику сибирской действительности?» Авторы передовой статьи, написанной от имени всей редакции, отмечая, что появление новой газеты «вызвало весьма разнообразные толки и предположения»: «одни

готовы видеть в нашей газете орган, основанный с целью противодействия “существующей честной местной прессе”, другие подозревают в “Сибирском вестнике” издание официозное, предпринятое в целях местной администрации», – определяли задачей первого номера «ясно и определенно высказать наши намерения».

Основатели газеты, с одной стороны, утверждали, что они признают «заслуги сибирской печати», и «Сибирский вестник» предназначен «вовсе не для предвзятой борьбы с нею», более того, публицисты выражали уверенность, что «по многим вопросам мы, вероятно, пойдем с нею рука об руку». Однако они подчеркивали: «основная тенденция нашей газеты будет иная». Описание этой «иной тенденции» позволило как читателям, так и редакциям сибирских газет уверенно отнести «Сибирский вестник» к лагерю «централистов». Взгляды основателей нового органа печати заключались в следующем: «Мы не можем смотреть на Сибирь, как на окраину, связанную с Европейской Россией исключительно внешнею связью, как на страну, у которой должны быть свои особые пути и средства внутреннего развития и которой исключительно внутри себя предстоит найти элементы для более правильного гражданского существования. Напротив, мы глубоко убеждены, что все будущее Сибири неразрывно связано с будущим всей России и что Сибирь только и может развиваться на общерусских основаниях, путем последовательного применения к ней условий существования всего русского государства»[1].

В рамках полемики с областниками публицисты «Сибирского вестника» заявляли: «Мы идем далее и утверждаем, что, говоря о Сибири и России, нельзя называть первую *колониею*, а вторую *метрополиею*, ибо эти термины, примененные к Сибири и России, вносят в местное общество явную путаницу понятий, которую надо, наконец, устранить. В самом деле, какая же Сибирь колония России? Большинство населения главных четырех губерний Сибири ни по языку, ни по религии, ни по главным основам своего экономического быта ни в чем не отличаются от большей части населения всей России. Все трехсотлетнее существование Сибири как составной части русского царства представляется сплошным утверждением в ней общерусской гражданственности, и не путем какого-либо насилия, а в силу исторической необходимости, в силу естественного успеха высшей культуры. Раскинутые на необозримых и никому не ведомых пространствах, аборигены

[1] *Сибирский* вестник. 1885. № 1.

Сибири, остатки которых мы видим и теперь в местных инородцах, не могли устоять против храбрых русских пришельцев, водворивших в Сибири русское владычество; не могли они помешать и дальнейшему развитию здесь русского элемента».

Авторы передовой статьи отвергали «колониальный статус» Сибири, предпочитая назвать ее «провинцией», «такой же, как и многие другие провинции России», и заявляли, что они «горячо будут поддерживать каждый новый шаг на пути к возможно большему развитию внутренней связи между Сибирью и Европейской Россиею», в частности, выступая горячими сторонниками постройки Сибирской железной дороги, вывоза сырья из Сибири и т.д.

Как и все сибирские газеты, «Сибирский вестник» должен был выходить под предварительной цензурой, но публицисты с оптимизмом смотрели на возможность обсуждения в печати важных общественных вопросов, считая, что «писать можно о многом, но, при известных условиях, надо уметь писать так, как умели делать это лучшие русские публицисты тридцатых и сороковых годов, то есть отказаться от раздражающего и резкого тона, от излишней односторонности и от чрезмерной густоты красок». Печать должна выступать «спокойно, без задора, с достоинством и серьезно»; новая газета отказывалась заранее «от преимущественно обличительного направления»: это заявление было направлено против сибирских газет, известных своим «обличительным характером».

Авторы «Сибирского вестника» уверяли «действующие органы местной печати» в том, что «враждовать во что бы то ни стало... не намерены», и утверждали: «нам всем тесно в Сибири не будет». Отказываясь от обвинений в «официозности», редакция заявляла: газета основана «исключительно с целью создать в Сибири искренний и правдивый орган русских людей, не разделяющих одностороннего и предвзятого взгляда на Сибирь как на страну, в которой имеет право действовать только тот, кто в ней родился, и в которой нет места по праву человека, явившегося сюда из другой части России, хотя бы интересы Сибири были ему дороже, чем многим ее коренным сыновьям».

В заключение редакция «Сибирского вестника» высказала свои взгляды на полемику» «Мы понимаем и допускаем публичный спор единственно на почве общих вопросов и принципов; ни на какие личные нападки, вызываемые по большей части уязвленным самолюбием или чрезмерным самомнением и верою в собственную непогрешимость, мы, из уважения к нашим читателям, отвечать не будем. Всякие

личные препирательства, интересные, может быть, для участвующих в них, нисколько не любопытны для большинства читателей и вызывают совершенно справедливые нарекания за бесцеремонное обращение редакции с публикой, выписывающей газету не для того, чтобы знать, с кем редактор последней в мире или в неприязни. Вероятно, конечно, что “Сибирский вестник” когда-нибудь и будет вызван на личное объяснение, но можем уверить наших читателей, что это случится лишь в каком-нибудь совершенно исключительном случае, когда молчать будет уже решительно нельзя, то есть когда молчание может быть истолковано против газеты даже ее друзьями»[1].

Таким образом, первая же статья новой газеты показала принципиальное несогласие ее авторов с областническими взглядами в местной сибирской печати: «Сибирский вестник» позиционировал себя как «орган русских людей», отказывался от «обличительства», настаивал на «провинциальном» статусе Сибири. В этом направлении газета и намеревалась «посильно служить развитию местного общественного самосознания».

В первом номере также поднимались такие темы, как «введение ускоренных почтовых сношений Сибири с Европейской Россией», судебные преобразования в Сибири, необходимость изменений нравов и архитектурного облика города Томска (последняя тема обыгрывалась в фельетоне Щукина «Чем мы живы»). Эти вопросы не были новыми для Сибири и для Томска, однако внимание читателей привлекала точка зрения «Сибирского вестника».

Кроме полемики с «Сибирской газетой» и другими органами сибирской печати (чему в данной книге посвящен отдельный раздел), «Сибирский вестник» в первый год своего существования процентов на 50 наполнялся «чужим» материалом – обзорами российских и зарубежных газет. До 25% газетной площади занимал фельетонный цикл Щукина «Чем мы живы», посвященный актуальным вопросам городской жизни: поведению отдыхающих, женскому вопросу, «сибирским патриотам», отношению к государственной казне[2]. Можно констатировать, что в основном газета заполнялась не новостными материалами, а рассуждениями о происходящих событиях и явлениях, воплощаемыми в жанрах передовой статьи, фельетона, обзора печати. Беллетристика как таковая в 1885 году в «Сибирском вестнике»

[1] *Сибирский* вестник. 1885. № 1.
[2] *Сибирский* вестник. 1885. №2–3, 17, 19.

отсутствовала, что, по-видимому, было связано с немногочисленным авторским составом.

В 1885 году отдельным приложением вышел некролог И.И. Красовского, написанный редактором «Сибирского вестника» В.П. Картамышевым. Автор особенно подчеркнул, что губернатор «к местной печати <…> относился всегда с большим участием, и если иногда он выражал раздражение по поводу той или другой статьи, заметки, известия, то источник этого раздражения всегда надо было искать вне покойного». Картамышев акцентировал внимание читателей на том, что «Сибирский вестник» был обязан И.И. Красовскому «своим появлением на свет Божий»; что он «искренне и горячо сочувствовал … нашей мысли создать здесь орган русских людей».

О том, что идея подобного органа нашла отклик не только у организаторов газеты, но и у читателей, свидетельствовала передовая «Сибирский вестник» в 1886 году». Автор статьи, подводя предварительные итоги деятельности газеты, приводил следующие сведения о тираже: «20 сентября “Вестник” стал уже расходиться в количестве свыше 500 экземпляров», а это «превысило наши ожидания», «мы рассчитывали к концу этого года иметь не более 300 постоянных читателей, и только в будущем году надеялись на удвоение этого числа». Эта ситуация получила следующий комментарий: «оказывается, что в таком органе, как “Сибирский вестник”, чувствовалась потребность гораздо большая, чем мы предполагали, и это обязывает нас возможно полнее удовлетворить эту потребность»[1]. Редакция объявила о планах расширения литературно-критической и беллетристической части, отдела корреспонденций и объявлений – это было связано с ее переходом с одного на два, а затем три номера в неделю.

В 1886 году «Сибирский вестник» выходил первоначально по воскресеньям и четвергам; в мае редакция объявила о дополнительном («необязательном») выходе номеров по вторникам; к концу года газета окончательно перешла на график выхода три раза в неделю: по воскресеньям, средам и пятницам. Был увеличен формат издания: в 1885 году газета выходила в том же формате, что и «Сибирская газета», «Сибирь», «Восточное обозрение» – немногим больше современного формата А4; в 1886-м он сравнялся с форматом А3. Кроме того, в № 4 (1886) было объявлено о смене типографии в связи с конфликтом с типографией Михайлова и Макушина. Судя по описанию происшед-

[1] *Сибирский* вестник. 1885. № 20.

шего, напоминающему аналогичный случай с «Сибирской газетой» в 1883 году, дело заключалось в самоуправстве компаньона Макушина купца Михайлова: «Содержатель типографии, в которой печатался до сих пор “Сибирский вестник”, купец Василий Михайлов, в день выхода № 3 газеты, приказал управляющему типографией немедленно прекратить дальнейшее печатание в ней “Вестника” за неуважительное отношение газеты к брату типографщика, высшему представителю Томского самоуправления»[1]. Ситуация усугублялась тем, что редакция, «ожидая свою типографию к 1 марта», ограничилась заключением лишь словесного договора относительно печатания газеты в течение двух месяцев и потому не могла предъявить судебные претензии к «доблестным братьям». Но, «благодаря содействию Н.Н. Петухова», газета вышла в итоге в губернской типографии, где и печаталась до открытия типографии «Сибирского вестника».

В середине февраля 1886 г. на первой полосе «Сибирского вестника» появилось объявление о начале работы новой типографии. В нем указывалось, что «типография снабжена большим выбором шрифтов, линеек, бордюров и украшений», располагает «самой большой скоропечатной машиной в Сибири, новейшей конструкции» и «ручным станком для мелких работ». Типография также распологалась в доме Картамышевой на Спасской улице. В разделе «Сибирская летопись» была помещена небольшая заметка о состоявшихся 16 февраля 1886 года освящении типографии и скромном завтраке для «кружка доброжелателей» и рабочих. На устройство типографии ее основателями было потрачено свыше 12 тысяч рублей, поэтому, кроме газеты, здесь печатали «книги, брошюры, каталоги, таблицы, бланки, этикеты, визитные карточки, объявления, афиши и проч.», чтобы окупить расходы[2].

О сложностях, которые испытывала газета в первые годы своего существования, можно было узнать из продолжающихся в 1886 году фельетонов Щукина «Чем мы живы». Фельетонист жаловался на то, что городская управа отвергла возможность напечатать в «Сибирском вестнике» «отчет о розданных погорельцам пособиях»; Сибирский общественный банк «не считал нужным сообщить редакции об изменениях процентов по ссудам – по мнению автора, «из желания показать свое нерасположение к газете». Не давал рекламу в газету и Сибирский торговый банк, а «в продолжение праздников, когда было дано

[1] *Сибирский* вестник. 1886. № 4.
[2] *Там же*. 1886. № 15, 17.

чуть не два десятка маскарадов и столько же спектаклей, ни одного раза не было доставлено от устроителей ни извещения, ни даже афиши в редакцию». Наконец, он сообщил, что «извещения о заседаниях Думы запрещено носить в редакцию». Все это следствие, считал Щукин, того, что «на первом плане личные счеты, симпатии и антипатии»; томичи «еще не привыкли считать газету за орган гласности, не привыкли думать, что все, что устраивается для публики, нуждается в возможно большем распространении сведений, и что главным орудием этого является газета»[1]. Можно предположить также, что по традиции большинство объявлений печаталось в «Сибирской газете», а разрушить установившиеся деловые и общественные связи было достаточно непросто.

«Отстройку» от конкурента «Сибирский вестник» производил с помощью непрекращающейся полемики. Предметом ее служило не только «сибирефильство» и «местный патриотизм»: газета Картамышева на протяжении 1886 года выступала со статьями, критикующими городское самоуправление, в конце года освещая выборы нового состава Томской городской думы; против политики «Сибирской газеты» в отношении телеграмм боролся Корш, как представитель в Томске Северного телеграфного агентства; газеты дискутировали о капитализме, о корреспонденции и статье в «Московских ведомостях», о железной дороге в Сибири и т.д.

В рамках дискуссии явилось программным выступление газеты о задачах провинциальной печати. Отмечая, что «вопрос о задачах провинциальной периодической печати не перестает обсуждаться на разные лады», «Сибирский вестник» констатировал: чаще всего на этот вопрос отвечают «местная печать должна служить местным интересам». Это определение, считает газета, «слишком обще и неопределенно», «оно распадается на многие частные, специальные задачи и цели, преследование которых открывает обширное поле для деятельности провинциальной печати». Из этих многих задач, по мнению «Сибирского вестника», «выделяются две главные»: «первая заключается в анализе явлений местной жизни, в освещении их с точки зрения общественной пользы, общественного интереса», и при этом «нельзя обойтись без обличений или разоблачений своеволия, самодурства, вредно отзывающегося на местной общественной жизни, из каких бы “влиятельных” сфер общества они не исходили». Из этого можно сде-

[1] *Сибирский* вестник. 1886. № 14.

лать вывод о том, что на втором году издания Картамышев отошел от продекларированного при основании газеты принципа отказа от «обличительства»: теперь «обличения или разоблачения» ставились им в разряд главнейших задач провинциального издания. Второй важной задачей – «положительной» – Картамышев назвал задачу «содействовать развитию местной жизни путем изыскания и обсуждения способов удовлетворения потребностей местного общества». Печать, по его мнению, должна «уметь обобщить наиболее настоятельные требования жизни, уметь найти способы их удовлетворения, уметь осветить эти способы теоретическими положениями науки»[1].

Старясь соответствовать сформулированным задачам, «Сибирский вестник» и в 1886 году первые две полосы своего издания посвящал, как правило, передовым статьям (в номере их было до трех) по актуальным вопросам сибирской жизни. Наиболее частыми темами для выступлений публицистов были вопросы экономики и управления, пути сообщения в Сибири и строящаяся железная дорога, а также вопрос об открытии сибирского университета, уголовная ссылка в Сибирь, инородческий вопрос.

Почти в каждой статье велась полемика с «петербургско-томско-иркутским триумвиратом» – «Восточным обозрением», «Сибирской газетой» и «Сибирью». «Сибирский вестник» отнюдь не скупился на эпитеты: материалы конкурентов – это «детский лепет», «Сибирская газета» – «орган истинно невежественных колониальных патриотов», «орган заезжих патриотов Сибири; областники – «наши беззастенчивые патриоты», «местные самобытчики» и т.д. Отношения между газетами описывались следующим образом: «бессильная злоба, выражающаяся в повторении заведомой клеветы, всегда бьет ключом из уст авторов “Сибирской газеты”, когда говорят о ненавистном им “Сибирском вестнике”»; «велика дерзость и невежественная самоуверенность редакции, которая, под громкою фразою местного патриотизма, морочит сибирскую публику и злоупотребляет ее доверием. Понятно ее отношение к <…> “Вестнику”, разоблачающему ее невежество, раскрывающее глаза сибирскому обществу». Наиболее часто повторяющимся обвинением в адрес «Сибирской газеты» было уличение ее во лжи, невежестве, повторах, плагиате: газета «опять умышленно лжет на нас»; «очень поверхностно мотивирует свое заключение»; «поет старую песню»; «повторяет соображения, изложенные в нашей

[1] *Сибирский* вестник. 1886. № 7.

статье»; «высокопарная, надутая и фальшивая статья “Сибирской газеты”» и т.д.[1]

Усилия, предпринимаемые редактором и сотрудниками «Сибирского вестника» для завоевания популярности в томском обществе, постепенно приносили свои плоды. В начале 1886 года газета сообщила, что тираж ее составил 1100 экземпляров, то есть газетные расходы уже стали окупаться. Следующим шагом на пути конкурентной борьбы с «Сибирской газетой» стало прошение о разрешении ежедневного выпуска «Сибирского вестника», поданное в Главное управление по делам печати.

В середине 1886 года «Сибирский вестник» выпустил отдельное рекламное объявление (на двух полосах) о подписке на «Сибирский вестник», отпечатанное в количестве 10 тысяч экземпляров. В нем был помещен материал «От редакции» в двух частях. В первой из них Картамышев сообщал: «Постоянно возрастающее число подписчиков “Сибирского вестника” дало редакции возможность еще в текущем 1886 году (с 1 октября) воспользоваться принадлежащим ей правом выпускать газету три раза в неделю. Если последует разрешение Главного управления по делам печати, всем подписчикам будут, кроме того, рассылаться четыре раза в неделю прибавления к очередным номерам с телеграммами корреспондентов газеты и Северного агентства. Направление и взгляд редакции на задачи местного печатного органа, надеемся, достаточно выяснены в течение почти двухлетнего существования “Сибирского вестника”, и редакции нет надобности повторять публике – к чему газета стремится».

Вторая часть этого материала была посвящена планам грядущего преобразования и расширения газеты: «К сожалению, редакции не удалось в 1886 году достигнуть желательной ей полноты газеты, – чему в значительной степени препятствовал выпуск “Вестника” только два раза в неделю. Но редакция убедилась, что читающая публика оценила ее постоянное стремление увеличить размер издания и дать как можно больше самых разнообразных сведений. Выпуская “Вестник” лишний раз в неделю, редакция приобретает место для расширения, между прочим, литературно-критического отдела, которым поневоле приходилось жертвовать для текущих статей, известий и корреспонденций, составляющих главное содержание газеты. Все остальные отделы также получат большую полноту».

[1] См.: *Сибирский* вестник. 1886. №17, 28, 54, 66, 72, 76, 78, 84, 85, 99, 105.

В последнем номере 1886 года появилась статья В. Картамышева «От редактора», в которой он благодарил «сибирское читающее общество» «за ту нравственную поддержку, которую встретила... газета в тяжелое, теперь уже прожитое ею время». Он подчеркнул, что «литературные психопаты, вся эта разношерстная компания озлобленных людей – бедных умом и гордых своим невежеством, пользуясь гостеприимством “Восточного обозрения”, “Сибири” и “Сибирской газеты”, сделала все для того, чтобы дискредитировать и меня, и моих предполагаемых сотрудников в глазах сибирского читателя»; однако «время и отношение к своему делу моей редакции разрушили их недостойные, недобросовестные, своекорыстные вылазки, и “Сибирский вестник” вышел из этого постыдного для его врагов боя с незапятнанным знаменем, на котором и теперь крупными буквами написаны слова: *истинное и сердечное служение далекому русскому краю* (курсив ред.)». Редактор обещал читателям, что его газета «сохранит заветы литературной порядочности... и впредь останется хранительницей тех же идей и желаний, которые полтора года, в каждом номере, настойчиво и последовательно проводились нами»[1].

Из статьи становится понятно, что сам редактор не заметил тех «отходов» от первоначальной идеи «Сибирского вестника»: газета непрестанно вела полемику со своими оппонентами, а вместо заявленного отказа от «преимущественно обличительного направления» объявляла, что газете «нельзя обойтись без обличений или разоблачений своеволия, самодурства, вредно отзывающегося на местной общественной жизни». Непоследовательность Картамышева появлялась и в ряде других вопросов, что осложняло дискуссию с ним авторов «Сибирской газеты».

Расширение литературно-критического отдела «Сибирского вестника» воплотилось в появлении «Литературной беседы», автором ее был «Старый книжник» – судя по всему, Е.В. Корш. До этого времени газета уделяла немного внимания литературным явлениям, хотя здесь можно было прочитать материалы о лекции Вяткина, посвященной Никитину и Кольцову, статьи «Мотивы поэзии Некрасова» и «Декабрист Г.С. Батеньков», некрологи И.С. Аксакова и А.Н. Островского и некоторые другие материалы, посвященные русским писателям и поэтам[2]. В «Литературных беседах» можно было прочитать о публикуемых в «толстых» журналах произведениях ведущих русских авто-

[1] *Сибирский* вестник. 1886. № 116.
[2] *Там же*. 1886. № 4, 9–10; 25, 44.

ров: Н.Шелгунова, Островского, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Гл. Успенского, В. Короленко, Л. Толстого и др.[1] Эстетическую позицию «Сибирского вестника» можно охарактеризовать как «либерально-западническую», отличающуюся в то же время пристрастностью по отношению к некоторым писателям, обусловленную ведущейся общественной полемикой, а не художественными особенностями произведений. Так, например, отрицательную оценку получили очерки К. Станюковича «В далекие края», так как этот писатель был активным сотрудником «Сибирской газеты». Автор «Литературных бесед» в целом высоко ценил представителей «большой» русской литературы, подходя к рассмотрению произведений с точки зрения реализма, общественного значения художественных текстов.

Крупным явлением русской и сибирской литературной и общественной жизни в 1886–1887 годах стал «Пушкинский праздник», который широко освещался «Сибирским вестником» в разделе «Сибирская летопись», фельетонном цикле «Чем мы живы» и отдельном фельетоне «Памяти Пушкина», в материалах ряда других отделов[2]. Юбилей Пушкина позволил авторам «Сибирского вестника» поставить вопрос о значимости пушкинского наследия для современной молодежи: фельетонист предположил, что «если спросить по совести у учащегося юношества, много ли знают они о Пушкине, то окажется, что он не всем достаточно известен. Зато, конечно, всякий гимназист знает и, пожалуй, семинарист и гимназистка не только скажут наизусть, но и пропоют … о том, как стонет русский мужик, и что нет такой обители, где бы он не страдал». По мнению автора «Сибирского вестника», именно благодаря «той среде, которая поставляет всемирных страдальцев», имя Пушкина может быть забыто, и к его 100-летнему юбилею уже никто не вспомнит «старого поэта». В целом фельетонист и другие авторы газеты считали, что мероприятий, посвященных памяти Пушкина, в Томске было проведено недостаточно, а те, что состоялись, прошли на уровне, недостойном памяти великого поэта.

Наиболее часто «Сибирский вестник» в 1887 году освещал темы городского самоуправления, нередко выступая против городского головы Михайлова. Избрание городским головой Е.И. Королева в конце 1887 года вызвало в авторах «Сибирского вестника» большие надежды на изменение городской жизни в лучшую сторону.

---

[1] *Сибирский* вестник. 1887, № 3, 7, 10, 16, 19, 22, 25, 28, 31, 34, 50.
[2] *Там же.* 1886. № 23; 1887. № 14.

В передовых статьях газеты продолжали также обсуждаться переселенческий вопрос, строительство железной дороги в Сибири, ссылка в Сибирь, реформы в Сибири, вопросы, касающиеся золотопромышленности, образования в Сибири и в России и др.[1] В этих материалах нередки были нападки на членов «газетного тройственного союза» – «Сибирскую газету», «Сибирь» и «Восточное обозрение», но все-таки основная полемика в 1887 году переместилась в сторону обсуждения научных заслуг Д. Клеменца и других участников «Сибирской газеты» в разделе писем в редакцию. Отрицая научную значимость исследований Д. Клеменца, С. Чудновского, А. Адрианова, публицисты «Сибирского вестника» критически отнеслись и к лекциям Г.Н. Потанина, с которыми он выступил в Томске в 1887 году: не касаясь новизны и уникальности материала, собранного путешественником, публицисты акцентировали внимание на «неотчетливом выговоре китайских и монгольских названий, произносимых почтенным лектором», что дало право назвать лекцию «двумя часами опытов вытаскивания клещами каждого членораздельного звука из слабой груди путешественника»[2].

Традицию обращений редакции к читателям по вопросам газетной полемики «Сибирский вестник» продолжил в передовой статье. Автор материала следующим образом описывал положение газеты: «В два года своей деятельности “Сибирский вестник” стал крупным фактом общественной сибирской жизни. Потрудившись по мере сил и внешней возможности над приведением в порядок смущенной и спутанной местной общественности мысли, мы не могли не считать себя нравственно удовлетворенными тем вниманием и сочувствием, которые все более и более выражает нашей газете и ее стремлениям лучшая, наиболее образованная, чуткая к нуждам края часть сибирского общества». «Сибирский вестник» вновь обращался к своим «заслугам» в области полемики с представителями «местного патриотизма»: «Злоба наших врагов растет по мере того, как “Сибирский вестник” приобретает большое значение и большой район читателей, разделяющих основные воззрения нашей редакции на главные вопросы местной жизни. Квасной сибирский патриотизм, если и не потерял еще окончательно всех его близоруких приверженцев, то, по крайней мере, разоблачен и потерял девять десятых кредита, которым он раньше пользовался благодаря старым органам здешней печати, сделавшей из этого

[1] *Сибирский* вестник. 1887. № 3, 8, 16, 18, 19, 25, 28, 29–31, 33, 34, 38, 41, 42, 44, 49, 55–61, 63, 66, 73.

[2] *Там же.* 1887. № 9, 11.

патриотизма своего рода сибирский коран, обязательный для всех правоверных сибиряков. Мы первые громко, открыто восстали против проповеди сибирской замкнутости, против невежественного взгляда на экономические интересы края, против нелепой теории, по которой Сибирь должна развиваться как-то особенно, вне общих законов человеческой культур, против извращенной идеи областности, сводимой здешними патриотами к тому, чтобы в Сибири “были свои, сибирские губернаторы”». Автор статьи упоминал в уже традиционном ряду «достижений» газеты и новое направление ее полемики – по вопросам научных достижений областников: «Мы первые не затруднились разоблачить мнимые ученые заслуги столбов сибирского гения, мы первые дали должную оценку всей этой недостойной игре в науку со стороны людей, имеющих с ней очень мало общего и эксплуатирующих в свою личную пользу незнакомство действительных деятелей науки с отдаленным и малоисследованным краем».

После этого объемного вступления, перечисляющего основные пункты газетной полемики, «Сибирский вестник» перешел к обсуждению главного вопроса, стоящего на повестке дня, – участия в редакции представителей уголовной ссылки: «Задолго до появления первого номера нашей газеты, около которой сгруппировался кружок людей, искренно и горячо разделяющих ее основные воззрения, представители старой сибирской печати, по камертону, данному их главою из Петербурга, начали вести систематическую облаву против нового органа местного публичного слова. Раздраженные неожиданным для них успехом “Сибирского вестника”, они не перестают до сих пор бороться с ним всеми доступными им средствами и более всего возлагают надежду на повторение заведомой клеветы – будто наша газета есть орган уголовной ссылки». Это обвинение было высказано С. Чудновским, сотрудником «Сибирской газеты», «на обеде, данном в Омске казачьими офицерами путешественнику Потанину». Высказанное мнение о том, что «Сибирский вестник» является «органом уголовных героев» газета считает «выходкой против сотни сотрудников-сибиряков “Сибирского вестника”, во главе которого стоит полноправный русский дворянин, воспитанник московского университета, гласный городской думы», выходкой «оскорбительной для всех читателей... газеты». В свою очередь «Сибирский вестник» пытался «сбросить маску» с сотрудника «Сибирской газеты» С.Л. Чудновского, именуя его «ловким услужливым еврейчиком»[1].

[1] *Сибирский* вестник. 1887. № 23.

Основные мотивы идущей в 1887 году полемики были отражены в фельетоне «Сибирский Колумб. Патриотическая комедия в стихах и прозе»[1]. Автор фельетона описывал разговоры в редакции газеты «Пустоцвет» (то есть «Сибирской газеты»), редактором которой был «Подхалимов» (Адрианов?), а сотрудниками – «Балалайкин – бесшабашный птенец», «Оврагин – старый пройдоха и патриот» и т.д. «Сибирским Колумбом», видимо, называли Г. Потанина. Основное действие в комедии происходило в «сибирской столице», патриоты здесь говорили «на сибирском языке», проводя «экскурсию» по газете, и т.д.

В июне 1887 года «Сибирский вестник» был приостановлен на 6 месяцев без объявления причин («Сибирская газета» была приостановлена еще в апреле 1887 года). В 1888 году «Сибирский вестник» не изменил своей периодичности (выходил три раза в неделю, по средам, пятницам и воскресеньям), сохранились и основные отделы и принципы комплектования номеров. Редактором по-прежнему был В. Картамышев, однако в качестве издательницы, как отмечалось, выступила его жена М. Картамышева. В объявлении о подписке на 1888 год сообщалось, что в течение года будут печататься: 1) «Чем мы живы – в Москве», фельетоны Щукина; 2) «Научные экскурсии в область загадочного», фельетоны Емельянова; 3) рассказы и стихотворения Щукина, Овсянникова, Юшина и др.; 4) «Письма о рудном золоте» Е.Е. Емельянова.

В № 9 (1888) в разделе «Сибирская печать» газета сообщила о получении первого номера иркутского «Восточного обозрения» и констатировала: «Тон газеты совсем другой, значительно пониженный». Такие «смиренные речи», считал «Сибирский вестник», «утешительно и слушать!» Полемика «Сибирского вестника» с «Восточным обозрением» и другими сибирскими газетами в 1888 году не прекратилась, но утратила повышенную эмоциональность и тенденциозность.

Основными темами передовых статей «Сибирского вестника» по-прежнему были переселенческий вопрос, железная дорога в Сибири, вопрос о ссылке и т.д. Новыми крупными проблемами, обсуждавшимися в газете в 1888 году, стали стачка томских винокуров и полемика с газетой «Гражданин» о Томском университете[2].

Торжество открытия первого сибирского вуза – Императорского Томского университета – состоялось в июле 1888 года. Однако «Сибирский вестник» был лишен возможности осветить это грандиозное

---

[1] *Сибирский* вестник. 1887. № 32, 35, 36.
[2] *Там же.* 1888. № 8, 23, 38, 42, 59, 71, 77, 86.

событие: он снова был приостановлен в мае 1888 года на 4 месяца. В июле 1888 года, как уже отмечалось, была приостановлена на 6 месяцев, а затем закрыта «за вредное направление» и «Сибирская газета». Эти приостановки и размышления о значении местной печати стали темой фельетона из цикла «Чем мы живы. В Томске» в возобновленном «Сибирском вестнике». Фельетонист писал: «Летом нынешнего года город Томск вдруг остался совсем без местной газеты: 2 мая был приостановлен “Сибирский вестник”, а в июле месяце та же участь постигла и “Сибирскую газету”. Газетное дело в Сибири сравнительно дело новое, и до этого случайного совпадения закрытия обеих томских газет наше общество не давало себе отчета в том, до какой степени местные газеты стали для нас потребностью, постоянною и неотложною, стали крупным серьезным фактором нашей общественной жизни. Незаметно для самого себя сибирский грамотный обыватель привык находить в своих местных изданиях живой отголосок окружающей его ближайшей действительности, ключ к ее пониманию и сознательному отношению к прошедшему, настоящему и будущему существованию громадной русской окраины, едва начинающей приобщаться к общей культурной жизни Европы»[1].

Местная печать рассматривалась автором «Сибирского вестника» в сопоставлении с общероссийской: «Столичная печать далеко; она смотрит на наши местные, небольшие, на ее взгляд, дела или глазами случайного корреспондента, или же сквозь старые, давно потускневшие от времени очки. Понять и должным образом осветить нашу простую местную жизнь для столичной печати труднее и недоступнее, чем обнять смысл сложного политического и общественного интереса любой европейской страны. И нет ничего удивительного в том, что серенькая жизнь Сибири до сих пор представляет своего рода загадку, правильное разрешение которой возможно только на месте, вблизи местных условий и интересов. Кто читает внимательно столичные газеты, тот знает, как мало, во-первых, попадает в них известий о Сибири, а во-вторых, каковы, в большинстве случаев эти известия и их освещение».

Следствием этого непонимания столицей местных условий является, по мнению «Сибирского вестника», и впечатление, вынесенное из посещения Томска одним из авторов «Гражданина»: он был на открытии университета и в материале написал, «что университет в Си-

[1] *Сибирский* вестник. 1888. № 54.

бири будет орудием для достижения целей сибирского сепаратизма!!! (тройной восклицательный знак был поставлен редакцией «Сибирского вестника». – *Н.Ж.*)». Опровергая столичного публициста, фельетонист замечал, что «автор все еще не может отрешиться от боязни глупого призрака, созданного мальчишескими мечтаниями кучки сбитых с толку гимназистов шестидесятых годов», и утверждал: «...так называемый “сепаратизм” перестал быть даже литературной игрушкой, и о нем у нас уже не только всерьез не говорят, но даже им и не шутят»[1]. Тем не менее публицистам «Сибирского вестника» пришлось выступить еще в нескольких передовых статьях с опровержениями высказываний «Гражданина», направленных против нового российского вуза: редакция журнала волновалась по поводу «растлевающего влияния ссылки» и сепаратизма, обвиняла профессора В.М. Флоринского в том, что во вступительной речи тот «забыл внушить студентам об их обязанности учиться и готовиться к тому, чтобы служить своему Государю, народу и ближнему»[2].

Во время приостановки «Сибирской газеты» (никто не предполагал, что газета больше не возобновится, сотрудники и «Сибирской газеты», и «Сибирского вестника» были уверены, что это временная мера) полемика с ней не прекращалась. Основным поводом для злорадства «Сибирского вестника» явились упреки Г. Успенского в адрес «Сибирской газеты» по поводу неточных данных по переселенческому движению: он «заимствовал свои сведения исключительно из местной печати, в лице одной, впрочем, “Сибирской газеты”, минуя даже “Восточное обозрение”. Результат получился самый печальный, в чем г. Успенский и сознается». Публицист «Сибирского вестника» передавал, что писатель «убедился, что сведения “Сибирской газеты” в высшей степени сбивчивы, и нет никакой возможности толком разобраться в целой массе противоречий». Отмечая, что на эту публикацию Гл. Успенского в «Русских ведомостях» появился отклик в «Гражданине» кн. Мещерского, который считал, что вся сибирская печать заботится не о правде, а о достижении личных целей, публицист «Сибирского вестника» высказал свое мнение о ситуации: «Нужно быть особенно благодарным г. Успенскому, что он фактически доказал степень добросовестности сведений, помещенных в “Сибирской газете”, и тот редакционный хаос, которым отличается это “топорное”, по опреде-

[1] *Сибирский* вестник. 1888. № 54.
[2] *Там же*. 1888. № 59, 77.

лению г. Ядринцева, издание»[1]. Заметим, как легко «Сибирский вестник» в этом случае взял в «союзники» Ядринцева, с которым вел непрекращающуюся полемику. Несмотря на то что Гл. Успенский позже «реабилитировал» «Сибирскую газету», для «Сибирского вестника» осталось важным первоначальное мнение писателя, дающее «козырь» в дальнейшей полемике.

В объявлении о подписке на 1889 год подчеркивалось, что «Сибирский вестник», «служа, главным образом, местным интересам всего обширного сибирского края, в то же время старается знакомить читателей и с жизнью и деятельностью как Европейской России, так и иностранных государств. Вообще, редакция "Сибирского вестника" стремится к тому – поскольку это в ее силах и возможности, – чтобы "Сибирский вестник" мог бы, хотя отчасти, заменять читателям любую столичную газету, и они бы находили в нем все: выдающиеся сведения как из области общественной жизни Европейской России и иностранных государств, так и политики, литературы и проч.». Указывалось 14 постоянных разделов (в 1885 году их было 11): 1) передовые статьи, 2) текущие заметки, 3) мысли вслух, 4) сибирская летопись, 5) судебная хроника, 6) театр и музыка, 7) корреспонденции, 8) сибирская печать, 9) действия правительства, 10) внутренняя и заграничная хроники, 11) фельетон, 12) между прочим, 13) справочные сведения, 14) объявления.

Из приведенного списка видно, что в отдельные разделы выделились периодически публикующиеся ранее материалы под постоянными рубриками «Мысли вслух» и «Между прочим», а также «Театр и музыка»; «Действия правительства», ранее открывающие газету, теперь переместились в середину издания; ряд отделов исчезли («Библиография», «Местные научные материалы и исследования», «Повести, романы, рассказы, стихотворения»).

В качестве приложения к газете в 1889 году рассылался также справочный отдел «Золотопромышленность», который включал распоряжения правительства, касающиеся добычи золота, сведения о приисках, переданных в казну и назначенных к торгам, а также объявления горного начальства Восточной и Западной Сибири.

В конце октября 1889 года газета сообщила своим читателям, что с 1 ноября «Сибирский вестник» будет выходить три раза в неделю и с ежедневными (кроме дней послепраздничных) прибавлениями. В свя-

[1] *Сибирский* вестник. 1888. № 69.

зи с этим была увеличена цена – до 9 рублей за год. Эта трансформация дала возможность «Сибирскому вестнику» объявить о своем ежедневном выходе: «Выходит в Томске, считая и прибавления, ежедневно, кроме дней послепраздничных»[1]. Таким образом, газета Картамышева стала первой ежедневной газетой Томска.

Доля рекламы в газете – оставшейся единственным томским частных изданием – значительно возросла. Сюда «перешли» из закрытой «Сибирской газеты» все владельцы магазинов (С.С. Кальмеер, М.Е. Голицын и др., в том числе и владелец книжного магазина П.И. Макушин), промышленных предприятий, банков и т.д. В «Сибирском вестнике» стали публиковаться объявления о театральных постановках, благотворительных концертах, маскарадах, а также объявления Томской городской управы и других официальных учреждений.

Одной из ведущих тем в «Сибирском вестнике» стала деятельность Императорского Томского университета: о нем шла речь в передовых статьях, в продолжающемся фельетоне «Чем мы живы». В газете публиковались отдельные работы университетских сотрудников, например статья «Случайная находка натуральной мумии в Томске» библиотекаря С.К. Кузнецова[2].

В 1890 году «Сибирский вестник» оказался в «эпицентре» событий, связанных с пребыванием в Томске А.П. Чехова. По дороге на Сахалин в мае он остановился в Томске на несколько дней, осмотрел университет, встречался с томскими интеллигентами. По переписке Чехова известно, что Томск крайне не понравился писателю. «Сибирский вестник», в свою очередь, перепечатал письмо А. Чехова «По Сибири», в котором шла речь о Томске, а в фельетоне «Чем мы живы» вступился за сибирских женщин, о которых Чехов написал, что «женщина здесь не колоритна, холодна, не умеет одеваться, не поет, не смеется, не миловидна…»[3]. Чуть позже в газете было опубликовано стихотворение М. Цейнера «Сибирячка», посвященное Чехову:

Нет, не хули моей землячки
И злых напраслин не пиши...
Не разглядел ты сибирячки,
Не разгадал ее души…[4].

---

[1] См.: *Сибирский* вестник. 1889. № 140.
[2] *Там же.* 1889. № 104, 105.
[3] См.: *Там же*. 1890. № 91, 92.
[4] *Там же*. 1890. № 103.

Необходимо отметить, что, хотя после окончательного закрытия в 1889 году «Сибирской газеты» совершенно исчезла полемичность, отличавшая «Сибирский вестник» от всех других сибирских газет, издание стало более информативным, и в этом смысле перемены, произошедшие в нем, были положительными. К тому же изменился состав сотрудников «Сибирского вестника»: в 1889 году умер Павел Моисеевич Полянский, в 1890 году – Михаил Михалович Латкин (автор некоторых передовых статей, фельетонов, заметок). Е.В. Корш 2 марта 1887 года получил полное помилование и разрешение работать на государственных должностях, однако в Европейскую Россию он вернулся не сразу, поскольку был приглашен попечителем Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринским в качестве секретаря правления Императорского Томского университета. В этой должности он пробыл с сентября по декабрь 1888 года, а в 1889 году покинул Сибирь и устроился работать на российские железные дороги, где прослужил двадцать лет, до 1908 года.

В 1892 году издателем-редактором «Сибирского вестника» вновь стал В.П. Картамышев; с № 120 издавала газету М.Ф. Картамышева, ответственным редактором числился В.П. Картамышев. В том же номере на первой полосе было помещено любопытное объявление от имени издательницы: «Довожу до всеобщего сведения, что объявления в мою газету, в местах предназначенных для приема оных, хотя и принимаются мною или уполномоченными от меня лицами, но будут помещаемы лишь после того, когда **Я** (выделено ред.) признаю их форму и содержание возможными к помещению на страницах издаваемой мною газеты. В случае непомещения объявлений, за которые получены редакционной конторой или другими отделениями конторы деньги, последние будут возвращаемы по первому требованию»[1]. Неизвестно, какая ситуация вызвала необходимость публикации этого текста, но можно констатировать, что в нескольких последующих номерах объем рекламы резко сократился. Возможно, если бы у тех, кто нуждался в рекламе, была какая-то альтернатива, «Сибирский вестник» мог потерять своих клиентов и серьезно пострадать в материальном плане. Но альтернативы не было, и через какое-то время реклама вновь вернулась на страницы издания в прежних объемах и видах.

Интересно, что в «Сибирском вестнике» был помещен фельетон, подписанный псевдонимом «Восемь», в котором изложены детали

[1] *Сибирский* вестник. 1892. № 120.

жизни работника сибирской печати. Фельетон открывался зарисовкой «творческого момента» – окончания работы над статьей: «Ночь… Где-то вдали часы глухо пробили двенадцать, а я все еще писал. Проворно бегало перо по бумаге, легко и свободно ложились строчки мелкими рядами. Я был в ударе. Едкие намеки, злые сравнения и язвительные уколы лились неудержимым каскадом. Наконец я кончил фельетон, отбросил перо и самодовольно начал перелистывать исписанные страницы. Статья была положительно хороша, только мала.

– Пустяки сущие придется получить, – подумал я. – Разве авансом попросить?

И мне живо представилась сутуловатая фигура управляющего конторою редакции, проворно вскрывающего груду денежных пакетов; весело чикают ножницы у него в руках и стройные колонны красных, синих, зеленых и желтых бумажек растут с каждою минутою; весь пол давно уже побелел от пустых конвертов.

– Не даст… А будь у меня своя газета, все это было бы мое!..

Я встал из-за стола, прошелся по комнате и залпом выпил две рюмки рябиновки.

– Ну, стал ли бы я пить тогда эту кислятину?.. Никогда! – думал я, пережевывая кусок бокшейну.

А внутренний голос, как Агасферу, шептал мне: “Ты еще не издатель, так пиши, пиши же, пиши!”

Но писать я не стал и, раздевшись, лег в постель, придвинул к себе пачку последних газет и рассеянно начал пробегать объявления. Иллюстрированные издания щедрою рукою расточали в них обещания наградить полными собраниями сочинений русских классиков и огородными семенами, научными сборниками и стенными календарями, модными выкройками и олеографиями в 32 краски. Имена современных писателей, которыми гордится страна, красовались в рекламах лубочных изданий…

– Да разве же я не мог бы составить такого же объявления, не мог бы обещать олеографию еще длиннее, еще шире? Судьба положительно несправедлива ко мне, – думал я, засыпая.

И снилось мне…».

Следующий эпизод фельетона описывал внезапное получение известия о том, что автор стал редактором-издателем «Зеркала», «газеты политики, литературы, финансов, коммерции и общественной жизни»: «Прежде всего нужно достать денег, подумал я. Да это пустяки. С тех пор как редактировать газеты начали заводчики и в писание передовиц

ударились лабазники, литература стала считаться солидным коммерческим предприятием, и в кредите, конечно, отказа не будет. Гораздо затруднительнее вопрос: как заманить сотрудников с громкими именами. Не пойдут, скажут: “Не хотим купаться в грязных помоях, да к тому же еще не иллюстрированных”. Разве с авансом поспешить к ним навстречу?

– Никогда! – воскликнул я. – Мой девиз: “Никаких авансов!” Да я обойдусь и без них. Внезапная мысль озарила мой ум». Эта мысль заключалась в том, чтобы отыскать однофамильцев – крестьян или ссыльно-поселенцев «со следующими именами: Петра Боборыкина (в крайнем случае можно Пахома или Памфила), Сергея Терпигорева и Александра или Алексея Михайлова». Таким образом, проблема была решена: «Прекрасно, продолжил я размышлять, передовые статьи и фельетоны я буду вырезывать и наклеивать сам, а мои именные сотрудники будут их подписывать. Я знаю, что завистливые газетчики забросают меня грязью и будут утверждать, что эти лица вовсе не работают в “Зеркале”; но тогда можно будет засвидетельствовать их подписи надлежащим порядком, и враги будут посрамлены. На этой почве я неуязвим.

Вот беда: в музыке я мало смыслю, ну да это пустяки: театральные и музыкальные рецензии можно поручить писать самому антрепренеру. Кому же, как не ему, знать лучше светлые и темные стороны своей труппы? Навязывать ему свои мнения, стеснять свободу выражений я не буду, пусть платит по пятачку со строки и пишет, что хочет. У него будут сборы, а у меня доход. Оба довольны будем. А узнают о моих порядках, так и иногородние антрепренеры сотрудничать начнут.

Другое дело “магазинная хроника” – этого отдела я не выпущу из своих рук: к нему у меня с детства есть особое призвание...» Особая любовь к этому отделу объяснялась, конечно, возможностью бесплатно забирать товар у владельцев магазина, а затем писать о них отзыв в газете. Прибыльным делом «редактор» считал и отдел «справочные сведения», в котором можно будет писать о том, какие адвокаты, врачи и педагоги допускают ошибки, либо за отдельную плату об этом не писать.

Самыми же «серьезным отделом» фельетонист считал «Объявления»: «Тут я думаю внешнюю форму позаимствовать у “Московских ведомостей”. В самом деле, какой получится эффект, когда подписчики увидят на четвертой странице мою собственную фигуру во всем ре-

дакторском величии. Надо мною будет надпись аршинными буквами: “Я покупаю”, а по бокам:

Семгу – у Н.Г. Гадалова

Серебряные портсигары у И.Г. Гадалова

Белье и платье в трактире Косолапова

Пиво и водку в Солдатской слободке, в мелочной лавке…

Кто устоит против этого соблазна?..

Мысль положительно хорошая, но загонять объявления, этот “двигатель торговли”, на последнюю страницу все же не следует. Не лучше ли распределить их равномерно по всем отделам? Например, в “Городской хронике” будет сообщено, что Иван Иванович откусил ухо Ивану Никифоровичу и сам остался с половиною бороды. Тут и печатай объявление: “Бальзам Бормани от всевозможных ран” и “Тополин – вернейшее средство для ращения волос”. Или в отделе «Театр и музыка» будет рассказано о трагической смерти от чахотки молодой героини. Здесь и поместить объявление г. Гюйо о дегтярных пилюлях. С одной стороны, рекламы будут лучше запечатлеваться в памяти читателей, с другой – заказчиков можно будет заставлять оплачивать текст газеты»[1].

В мечтах будущий редактор уже видел, как сам князь Мещерский не устоит и примется и рекламировать «Зеркало», подписчики станут стекаться, «как ручьи в океан», и розничная продажа достигнет до ста тысяч экземпляров в день, но на этом счастливом моменте сон был прерван.

Обращает на себя внимание тот факт, что в фельетоне употреблены не вымышленные, а реальные названия томских фирм – Гадалова, Косолапова, – что может быть расценено как проявление скрытой рекламы в «Сибирском вестнике».

Можно привести и другие примеры материалов «Сибирского вестника», в которых речь шла о современной газетной работе: «Ответственный редактор (современный тип)», «Корреспондент (наброски)», «Перед подпиской (фантастическая драматургическая сцена)» и др.[2] Особняком среди них стоит материал, подписанный псевдонимом «Тоболяк»: это объемная публикация под названием «Столетие сибирской печати», публиковавшаяся на протяжении 1889 года. Здесь давался обзор основных этапов развития сибирской журналистики, от первых тобольских журналов до газет 1890-х годов. Оценивая современные

[1] *Сибирский* вестник. 1982. № 150.

[2] *Там же.* 1888. № 37; 1890. № 49; 1894. № 133.

органы печати, «Сибирский вестник» указывал на излишнюю, по его мнению, склонность сибирской печати к «обличениям», иронически относился к желанию сибиряков дистанцироваться от «россиян», себя же оценивал как необходимую часть сложившейся системы периодических изданий, как газету, занимающую определенную нишу, выражающую мнение определенных кругов сибирского общества[1].

В 1893 году типография «Сибирского вестника» была переименована в «типографию М.Ф. Картамышевой»; другое изменение касалось технического прогресса: в редакции появился телефон – под номером 20 (был один на типографию, контору и редактора газеты). В содержательной части же газеты практически ничего не изменилось: остались те же рубрики и темы, попытка возобновить «Литературные беседы» не удалась, вышла только одна статья в этом жанре.

В фондах Государственного архива Томской области сохранилось письмо начальника Главного управления по делам печати томскому губернатору, датированное 1 марта 1893 года. Начальник писал: «В № 10 газеты “Сибирский вестник” за текущий год помещен фельетон под заглавием “Письма современника”. В первом письме, относящемся, как можно полагать, к Енисейской губернии или Якутской области, описывается в тоне Щедрина-Салтыкова объезд префектом своей губернии, а во втором письме заключается пасквиль, очевидно, на архиерея.

Фельетон этот совершенно не подлежал пропуску в печать, несмотря на то, что в нем не обозначено с точностию личности и место действия. Вследствие сего имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство обратить внимание лица, цензурирующего газету “Сибирский вестник”, на неправильный пропуск им к печати указанной статьи, заключающей в себе грубый пасквиль на местное управление, и предупредить редактора газеты г. Картамышева, что стремление его снова дать своей газете направление, которое едва не вызвало применение к ней строжайшей административной меры взыскания, неминуемо повлечет за собою приостановление издания на 8 месяцев…»[2].

В 1894 году умер постоянный оппонент Картамышева – Н.М. Ядринцев: об этом газета сначала дала траурное сообщение, затем поместила отдельный материал о выдающемся сибирском публицисте под названием «Ядринцев и его труды», упоминала в статье «Несколько

[1] *Сибирский* вестник. 1889. № 107, 108, 115, 136, 138, 148, 150, 151.
[2] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3740. Л. 136.

слов сибирской молодежи к 26 октября»[1]. В том же году, несколько месяцев спустя, умер и основатель «Сибирского вестника» В.П. Картамышев. Обстоятельства его смерти в некрологе описывались следующим образом: «…бесконечные литературные процессы, число которых за все время редактирования В.П. “Сибирского вестника” достигло до 80, заканчивают тернии на газетном пути покойного. По некоторым из этих процессов В.П. был признан виновным и по решению Правительствующего Сената принужден к восьмимесячному тюремному заключению, каковое и отбывал с октября 1893 г. по июнь текущего года.

Внезапная перемена деятельной, кипучей общественной жизни на тяжелую тюремную обстановку не могла не повлиять самым удручающим образом на впечатлительную, нервную натуру покойного. В тюремной камере он начал чувствовать приближение тяжелой болезни. По выходе из тюрьмы болезнь усилилась, в июле появились признаки умственного расстройства. Несчастный порок, общерусская слабость, погубившая немало хороших людей, ускорила развязку. В 10 ч. утра 26 августа В.П. не стало. Он умер от прогрессивного паралича мозга»[2].

Газета «Сибирский вестник» заслужила у исследователей томской прессы XIX века множество нелестных прозвищ. Ее называли органом «червонных валетов», рептильной газетой, некоторых корреспондентов – «отбросами, выкидываемыми политической ссылкой», и так далее. Все эти эпитеты могут быть применены к газете только в ее «картамышевский период», поскольку в дальнейшем сменились как состав газеты, так и ее направление. В чем-то «Сибирская газета» и «Сибирский вестник» взаимодополняли друг друга, представляя разные точки зрения – демократическую и либеральную, и после исчезновения одной из газет «Сибирский вестник» многое потерял в своей содержательной части.

Тем не менее тираж его рос достаточно быстро. Историки обнаружили, что в первый год издания тираж газеты не превышал 500 экземпляров, в 1887 году достиг 1282, в 1904 году – 2 тысяч, в 1905 году – 7,5 тысячи экземпляров[3].

Издательница М.Ф. Картамышева в 1894 году передала «Сибирский вестник» в аренду Григорию Васильевичу Прейсману, который

---

[1] *Сибирский* вестник. 1894. № 66, 79, 122.

[2] *Томский* некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах. 1827–1939 / Отв. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 47.

[3] См.: *Косых Е.Н.* «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / Под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. С. 312; *Крутовский В*. Периодическая печать в Томске…С. 297.

был до этого сотрудником газеты. С 1895 года газета стала выходить за подписью редактора-издателя Г.В. Прейсмана. В том же году редакция и контора газеты были переведены из дома Картамышевой первоначально в дом П.В. Болотова, затем – Ф.Х. Пушникова (далее – по другим адресам); печататься газета стала в недавно открытой новой типографии Прейсмана и Беляева. Это сразу отразилось на качестве издания: на полосах стало больше «воздуха», внешний вид газеты стал более современным, шрифты – более удобочитаемыми.

В объявлении о подписке в 1895 году, написанном Г.В. Прейсманом, были указаны постоянные сотрудники и заведующие отделами «Сибирского вестника». В их числе Н.Н. Емельянов (передовые), П.Л. Черневич (критика, публицистика и наука), С.К. Кузнецов (история, археология и библиография), Н.В. Арефьев (русская жизнь), Н.А. Гурьев (сибирская жизнь и судебный отдел), А.О. Станиславский (заграничная жизнь и горное дело), А.И. Чеканинский (местная хроника), Е.А. Прейсман (обзоры русских газет), Л.Х. Сабинин (правовые и судебные вопросы), А. Михайлович (школьное дело и педагогика).

Кроме того, отмечалось, что в подготовке фельетонов «Сибирского вестника» принимали участие как бытописатели Невидимка (Томск), В.К. (Тобольск), Пимен Сибирский (Омск), Дедушка Фаддей (Красноярск), Vs (Иркутск), А.Е. (Амур), так и беллетристы Ф.Ф. Филимонов, Некрасова, Владиславлев, Клюге, Ив. Северный, Александрович. Отмечалось также, что изъявили свое желание участвовать в газете беллетристы Станюкович, Гиппиус и Хирьяков (Дужан), одно из произведений которого – «Кающийся грешник» – было уже напечатано. Сообщалось, что во всех сколько-нибудь выдающихся пунктах Сибири имеются постоянные корреспонденты[1].

И действительно, корреспонденции в «Сибирский вестник» посылались даже из далекого Якутска, как явствует из сообщения якутского губернатора в Томское губернское управление Он писал, что обнаружил в переписке ссыльного Николая Виташевского письмо из «Сибирского вестника»: «письмом этим названный поднадзорный приглашается к продолжению сотрудничества в газете и корреспондированию о текущих делах, и в особенности о социально-экономических условиях жизни Якутского края»[2].

Приведенные данные говорят о том, что Прейсман пытался объединить вокруг редакции местных авторов, привлечь иногородних пу-

[1] См.: *Сибирский* вестник. 1895. № 104.
[2] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3740. Л. 183.

блицистов, политических ссыльных. Это было необходимо еще и потому, что в 1894 году П.И. Макушину удалось основать новую частную газету «Томский справочный листок», которая даже при урезанной программе составила конкуренцию «Сибирскому вестнику». Чтобы выиграть в этом соперничестве, кроме привлечения новых сотрудников, Прейсман ввел новый сатирический отдел, по форме являющейся «газетой в газете», под названием «Кача»; налаживал сотрудничество с университетскими профессорами. Из старых «авторских» отделов в газете остался фельетон «Чем мы живы». В 1895 году Прейсману было официально разрешено выпускать «Сибирский вестник» как ежедневную газету[1].

Однако цензорский надзор не ослабевал. 28 января 1899 года из Главного управления по делам печати томскому губернатору было прислано следующее сообщение: «Неблагонадежность “Сибирского вестника”, неоднократно навлекавшая на эту газету строгие взыскания, казалось бы, требовала особенного со стороны цензурирующего внимания к названному периодическому изданию. Тем более поэтому неожиданным являются статьи в № 1 этой газеты за 1899 год “Памяти Омулевского” и “Под Новый год”. В первой из них прославляется автор запрещенного романа “Шаг за шагом”, имеющего безнравственный и бунтовщический характер, во второй пропущен оскорбительный отзыв о юридическом факультете Томского университета. При этом в первой статье приведен ряд выдержек из стихотворений, подобранных с явным намерением возбуждения симпатии восприимчивой университетской молодежи к превратным проискам революционных кружков семидесятых годов.

Обращая внимание Вашего Превосходительства на вышеизложенное, Главное управление по делам печати покорнейше просит объявить цензору, что, при повторении такого нежелательного случая невнимательности с его стороны об этом будет представлено господину министру внутренних дел, а редакция газеты “Сибирский вестник” подвергнется строгому взысканию»[2]. Этот же текст был переписан специально для редактора газеты «Сибирский вестник»[3].

Жалобы и нарекания на «Сибирский вестник» поступали и от томских граждан. Так, в 1899 году ректор Императорского Томского

---

[1] *ГАТО*. Ф.3. Оп. 2. Д. 3740. Л. 229.

[2] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4253. Л.11–12.

[3] Нужно сказать, что еще до получения строгого предписания, в 1897 году, издание «Сибирского вестника» было приостановлено на 8 месяцев по требованию властей (см.: *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3740. Л. 299).

университета выразил недовольство тем, что «Сибирский вестник» печатает без специального разрешения содержание лекций университетских профессоров, «частные распоряжения университетского начальства», и просил губернатора запретить газете это делать впредь. Гласный Томской городской думы, мещанин Александр Завитков на 5 страницах жаловался на помещение в «Сибирском вестнике» оскорбительных шуток, замечаний и пр. Он писал, в частности: «Издаваемая в г. Томске подцензурная газета “Сибирский вестник”, несмотря на недавнее административное взыскание, продолжает по-прежнему деморализовать местное общество, развивая в нем дурные инстинкты и низменные чувства толпы. Извращение фактов, клевета, злословие и брань по отношению к правительственным учреждениям, должностным и частным лицам, неуважение к законам, проповедь неповиновения и даже сопротивления распоряжениям правительственных установлений – обыкновенные явления, которые можно встретить на столбцах “Сибирского вестника”». Большая часть вины за такое содержание, по мнению Завиткова, лежала на редакторе Прейсмане, «крещеном еврее». Значительное количество нареканий на «Сибирский вестник» сохранилось в архивном деле «По цензорской части»[1].

«Сибирский вестник» выходил без особых изменений до 1902 года, когда М.Ф. Картамышева передала редактирование газеты присяжному поверенному Н.Н. Соину[2]. Печать газеты была перенесена в паровую типографию Н.И. Орловой; в объявлении о подписке на 1904 год заявлялось, что «с 1 июля 1903 года газета выходит при обновленном составе сотрудников», «по программе больших провинциальных газет». В газете принимали участие и «обещали свое сотрудничество» крупные публицисты, известные общественные деятели: профессора-юристы М.И. Боголепов, П.В. Вологодский и Р.Л. Вейсман, писатель Г.А. Вяткин, бывшие политические ссыльные Д.А. Клеменц, С.П. Швецов, А.Н. Шипицын, а также путешественник и исследователь Г.Н. Потанин. Необходимо заметить, что многие из членов «Сибирского вестника» периода 1905 года были бывшими сотрудниками «Сибирской жизни», они вышли из газеты в результате внутриредакционного конфликта (Швецов, Вологодский, Шипицын, Вейсман и др.). Также подчеркивалось, что «на участие в газете выразили согласие Вл. Гал. Короленко, Реус, В.И. Семевский и А.А. Кауфман». В газете было

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4253. Л. 13, 108; Д. 3740. Л. 1–52.
[2] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1010. Л. 1–2.

заявлено уже 19 разделов, а вот цена была значительно снижена – до 5 рублей в год.

О причинах возрождения газеты, начавшегося в 1904 году, Вс. Крутовский писал так: с одной стороны, это японская война, когда «большинство сибирского населения, способного носить оружие, принуждено стать под знамена и спешить в Маньчжурию, откуда идут безотрадные вести. Население заволновалось, исход войны и даже самая ее длительность могли многих разорить и обездолить. Газеты покупались нарасхват. В глухих деревнях с жадностью читали всякую весточку из Маньчжурии, всякий намек на возможность мира». С другой стороны, «это были годы перелома. Война оказалась последней каплей, переполнившей чашу. Повсюду раздавались крылатые слова: “...нам нужна реформа, а не реформы!”. Газеты приобретали в России впервые свое настоящее значение. “Сибирский вестник” в этот исторический момент уловил настроение масс, проникся их верой и с падением цензуры широко использовал все возможности свободного слова. Более того, в критическую минуту, когда общее воодушевление ждало конкретных выходов, редакция “Сибирского вестника” возвысилась до идейного руководства общественным мнением. <...> За эти последние месяцы своего существования “Сибирский вестник” принимает все более и более яркое народническое направление, в то же самое время не теряя связи и с новейшими проявлениями областничества»[1].

Структура «Сибирского вестника» в 1904 году не отличалась от большинства провинциальных газет: на первой полосе публиковалась реклама, объявления, некрологи и телеграммы Российского телеграфного агентства, а также изредка небольшие передовые статьи по наиболее значительным явлениям местной или общероссийской жизни. Вторая и третья полосы (разворот) были отданы под новостные и аналитические рубрики: «Последние известия», «Война», «Сибирская хроника», «Корреспонденции», «Местная хроника», «Вечерние телеграммы», «Среди газет и журналов», «Русская жизнь», «Иностранная хроника», «Письма в редакцию», «Маленький фельетон», «Фельетон Сибирского вестника», «Театр и музыка». Четвертая полоса обоих газет была занята рекламой и объявлениями.

20 марта 1905 года издателем газеты «Сибирский вестник» был утвержден бывший политический ссыльный, революционер-народник М.Н. Загибалов. Руководимая им газета стремилась к «проведению в

[1] *Крутовский В.* Периодическая печать в Томске… С. 297.

сознание и жизнь народной массы начал гражданской свободы, справедливости и права на общее человеческое счастье», ставила целью «полное самоопределение нашей родины в ее общественных делах», возможное, по мнению газеты, «только с учреждением Сибирской областной думы». На страницах «Сибирского вестника» отражается насыщенная бурными революционными событиями 1905 года жизнь России, Сибири. Боевой тон выступлений, резкая критика правительственных действий, обсуждение актуальных общественных проблем резко повысили популярность газеты: об этом можно прочитать в отдельной главе настоящих очерков.

Однако все это вызвало недовольство властей, что привело к закрытию «Сибирского вестника»: 31 декабря 1905 года издание было прекращено по телеграфному распоряжению командующего войсками Сибирского военного округа[1]. Исследователи отмечают, что попытка возродить «Сибирский вестник» под названием «Вестник Сибири» (ежедневная «газета политики, литературы и общественной жизни», редактор И.П. Баев) не увенчалась успехом, в январе 1906 года вышел только один номер этой газеты[2].

Так завершилась история «Сибирского вестника», которая распадается на три части, относительно независимые друг от друга. Основанный как «орган русских людей», полемичный, во многом непоследовательный, но с четко выраженной «физиономией», со сменой руководителя «Сибирский вестник» отошел от первоначальной программы и без особенных затруднений вписался в ряд сибирских частных органов печати. Современники считали, что при Прейсмане, «под новой редакцией в литературном смысле “Сибирский вестник” значительно проиграл», и к тому же над ним «тяготело» «упорное недоверие общества»[3]; однако речь шла скорее о смене позиции, не отличающейся особой резкостью. Своеобразные черты, еще более отдаляющие «Сибирский вестник» от первоначального замысла, приобрела газета в 1904-1905 годах, в связи с начавшейся политической дифференциацией печати. Все эти изменения были обусловлены не только сменой руководства, но и движением общественной и литературной жизни России, Сибири, Томска. В этом смысле газета старалась соответствовать

---

[1] *Дмитриенко Н.М.* День за днем, год за годом: хроника жизни Томска. Томск, 2003. С. 112.

[2] См.: *Косых Е.Н.* «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни»… С. 312.

[3] *Крутовский В*. Периодическая печать в Томске …С. 295.

новым тенденциям, отслеживать крупные события не только местной, но и общероссийской, и зарубежной жизни.

В отличие от «литературоцентричной» «Сибирской газеты», «Сибирский вестник» наполнялся в основном «второсортной» беллетристикой местных авторов и переводными произведениями, из событий литературной жизни отслеживал только самые крупные (такие как Пушкинский юбилей). Крупные литературные силы ему удалось привлечь лишь перед самым закрытием: изменившаяся общественно-политическая позиция открыла двери для литераторов-областников, демократов.

Что же касается областнической идеи, то газета, основанная прямо с целью противостоять «местному патриотизму», в начале XX века «приютила» идеолога областничества Г.Н. Потанина, теперь уже разделяя его воззрения на прошлое и будущее Сибири, ее колониальный статус, требующий изменения. Областничество – сначала как «жупел», затем как «союзник» – оказалось тесно переплетено с историей газеты, определило ее облик и получило дальнейшее развитие как один из важнейших факторов формирования регионального самосознания сибиряков в период Первой русской революции.

Полемика в печати по вопросам «сибирефильства»

Начало формирования областнической мысли, выявление «сибирских вопросов» относятся к 1860-м годам, когда на волне общественного оживления в связи с подготовкой и проведением буржуазных реформ в русском обществе актуализировались проблемы народного самосознания, гражданского самоуправления. Томск оказался в «эпицентре» событий благодаря сотрудничеству в «Томских губернских ведомостях» будущих идеологов сибирского областничества Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. В своих материалах публицисты поднимали такие темы, как колониальное положение Сибири, формирование особого «сибирского типа», необходимость открытия за Уралом университета и признания за Сибирью права на будущее, на достойную жизнь.

В 1870-х годах дискуссия о российских провинциях, о перспективах их развития вышла на общероссийский уровень. Начало полемики было положено публикацией Д.Л. Мордовцева «Печать в провинции» в журнале «Дело» (1875. № 9–10).

В объемном исследовании видный столичный журналист, «основываясь на анализе современного состояния провинциальной печати и констатируя ее малое значение в жизни страны», выдвинул «теорию централизации» (теорию больших городов): согласно ей, «печать, как и цивилизация XIX в. вообще, должна непременно сосредотачиваться лишь в крупных государственных и мировых центрах»[1]. Приводя многочисленные примеры из мирового опыта, Мордовцев сделал вывод о том, что провинциям угрожает «монополия крупной единицы», и печать также «неизбежно должна пойти туда, куда поведет ее человек, а человека неотразимая сила влечет из “глуши”, из “деревни”, из “Саратова” к центрам, к большим городам, и влечет с поражающей быстротой. Ясно, что и печать вместе с человеком будет тяготеть к центрам, городам, а провинции должны оставаться вдовствующими во всех отношениях»[2].

Материал Д.Л. Мордовцева был важен не только как своеобразная «точка отсчета» развернувшейся дискуссии о положении и роли провинциальной печати, но и как своего рода фокус, в котором был сведен воедино целый ряд проблемных моментов, с этого времени так или иначе обсуждавшихся в печати.

Во-первых, Мордовцев не только констатировал подчиненное положение российской провинции по отношению к центру, но и выдвинул идею необходимости «известного равновесия» между ними: только в этом случае «возможна жизнь и тех, и других, а развитие или упадок последних неизбежно должны отражаться самым роковым образом на первых, и притом в несравненно большей степени, чем упадок первых: центры, не питаемые провинциями, неизбежно погибнут, несмотря на все сокровища свои, несмотря на все собранные в них силы ума, таланта и творчества, тогда как провинции, и не будучи питаемы духовною пищею и продуктами творчества центров, еще могут продолжать свое скромное существование, и продолжать его до бесконечности, хотя бы центры и погибли окончательно»[3].

Вторым существенным моментом, который вызвал самое бурное обсуждение среди деятелей печатного слова, явилась попытка классификации провинциальной печати: Мордовцев делит ее на «фракции», кратко характеризуя деятельность участников «фракций» и те пробле-

---

[1] *Очерки* по истории русской журналистики и критики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. Т.2. С. 264.

[2] *Дело*. СПБ., 1875. № 9. С. 50–51.

[3] *Там же*. С. 52–53.

мы, которые он видит в существовании этих группировок. Выделение «сибирской фракции провинциальной печати», так же как и нижегородской, среднеазиатской, кавказской, северо-западной, новороссийской и других, позволило представить себе общий «ландшафт» российской периодики, включающий в себя не только печать двух столиц и безликой «провинции»: провинция обрела границы, наполнилась голосами своих многочисленных представителей и оказалась весьма разнообразной в своих частях.

Наконец, Мордовцев сформулировал задачи провинциальной печати, «чуждые всяких политических и иных тенденций: изучать жизненные нужды страны, доводить о них до всеобщего сведения, стараться поставить население в возможность предъявить экономическую и нравственную конкуренцию с центрами, с большими городами»[1].

Как свидетельствуют исследователи, «теория Мордовцева сразу же вызвала единодушный отпор со стороны столичных периодических изданий. “Отечественные записки”, “Голос”, “Санкт-Петербургские ведомости” и многие другие газеты и журналы отметили путаность и неубедительность аргументации Мордовцева. Особенно настойчиво высказывала свое несогласие с законом централизации народническая “Неделя”». В провинции же статья Мордовцева породила настоящую волну разнообразных выступлений: «пожалуй, не было журнала и газеты, даже в самом отдаленном конце России, которые не выразили бы энергичного протеста против “засилия столичной прессы”, против “централистов”». Сущность откликов провинциальных журналистов сводилась к тому, что они «увидели в выступлении столичного публициста ущемление прав провинции и принижение возможностей областной печати», и поэтому «отстаивали свое право на существование», «доказывали жизненную важность провинциальной журналистики, без которой и столичная пресса обречена на гибель»[2]. «Смерть провинции или нет?» – под таким характерным названием в Нижнем Новгороде было издано «открытое письмо Д.Л. Мордовцеву», написанное известным тогда деятелем А.С. Гациским.

В Сибири оппонентом Мордовцева выступил Г.Н. Потанин. В газете «Сибирь», являющейся к этому времени самым крупным частным сибирским изданием, он опубликовал статью «Сибирская фракция писателей по г. Мордовцеву» под псевдонимом «Авесов».

---

[1] *Дело*. 1875. № 10. С. 32.

[2] См.: *Очерки* по истории русской журналистики… С. 265–265.

Потанин критиковал Мордовцева за «поверхностное знакомство с провинциальной жизнью», за «легкое отношение к затронутому вопросу», что привело столичного журналиста к фактическим ошибкам. Уже «рассаживая литераторов» по провинциальным фракциям, Мордовцев руководствовался «слишком внешними, случайными признаками», и это привело, по мнению Потанина, к настоящим «курьезам»: «он выдумывает северную фракцию», образуя «какую-то самозваную группу из северных областников из людей, совершенно чуждых области»; «точно так же без всякого основания г. Мордовцев основал фракцию кавказскую и среднеазиатскую», и в итоге «из шести фракций г. Мордовцева остаются только три, действительно существующие: южнорусская, фракция Нижегородского Поволжья и сибирская… Есть еще фракция, которая также имела бы право на поименование, – это донская, но она почему-то опущена г. Мордовцевым»[1].

Наиболее подробно Потанин остановился, что вполне естественно, на анализе дел сибирской фракции. Мордовцев охарактеризовал ее в своей статье следующим образом: «Хотя по богатству и разнообразию сил, которыми разновременно располагала и располагает эта фракция, она и может считаться одною из самых крупных фракций провинциальной печати, однако, к сожалению, силы ее никогда не были сосредоточены, потому что не имели ни нравственного, ни топографического центра, около которого, как силы поволжско-нижегородской и северной фракций, могли бы группироваться и оставлять прочные, систематические следы этой коллективной работы. Все литературные силы этой фракции разбросаны по разным концам Сибири и России, и более выдающиеся из них, также под давлением беспощадного закона центростремительной силы, можно сказать, почти все поглощены большими городами, втянуты в интеллигентные и литературные центры. Остальные же силы, не находя своего центра, невидимо почти для остальной России приютились то в местных “Губернских” и “Епархиальных ведомостях”, то в местных “Памятных книжках”, и следы их работы, по своей разбросанности, почти окончательно исчезают; так что для того, чтобы знать, что сделала сибирская фракция, необходимо предпринимать особое ученое исследование, как бы вновь все изучать относящееся до Сибири по неизданным источникам и при помощи личных наблюдений и изысканий»[2].

---

[1] *Сибирь*. Иркутск, 1976. № 5.
[2] *Дело*. 1875. № 10. С. 3–4.

Против этой характеристики Потанин не возражал, но он заострил внимание читателей на списке участников сибирской фракции, указывая, что здесь «много именно совершенно излишних, например Головин, Ровинский, Романов, Сулоцкий, Тихманов», и в то же время «опущены Словцов, Мордвинов, Ершов, Наумов и другие». Осмысление вклада сибиряков в литературу и журналистику позволило Потанину поставить вопрос о том, кого же считать «сибирским писателем», высформулировать критерии писателя-областника в противовес поверхностному, «тематическому», подходу Мордовцева: «достаточно, если писатель писал о севере, чтобы он попал в северную фракцию». Для Потанина же, в первую очередь, важно «отношение писателя к области, о которой он пишет»; главная идея писателя-областника – «вызвать внимание жителей области к самим себе и к своим интересам, пробудить в области умственную жизнь; только такой писатель может быть назван местным писателем, и только такие-то писатели одни и могут быть занесены в те фракции, которые понаделал г. Мордовцев»[1].

«Путаницей» отличались, по мнению Потанина, и «теоретические соображения» публициста. Анализируя концепцию Мордовцева относительно концентрации капитала и знаний в центрах, Потанин соглашался с тем, что «провинциальная печать призвана противодействовать дальнейшему ходу в этом направлении; она должна поднять вопрос о более равномерном распределении благ жизни по областям; местная пресса области должна стараться удержать богатства и местную интеллигенцию от абсентеизма и предостеречь свой край от окончательного запустения»). Более того, Потанин напоминал, что «почин постановки местной литературной действительности на этот путь принадлежит сибирской фракции, она первая заговорила о постепенном запустении края вследствие абсентеизма капитала и таланта; об отсутствии местного рынка фабрикатов и экономической зависимости от московского мануфактурного округа»[2]. Сибирский публицист акцентировал внимание на том, что вслед за сибиряками вопросы «умственного и экономического абсентеизма» подняли и деятели южнорусской фракции, и сам Мордовцев в своем материале о Поволжье.

Останавливаясь на формулировках Мордовцева относительно задач провинциальной печати, Потанин соглашается с ними, добавляя, что это «задача трудная; тем не менее, коль скоро положение, против которого провинциальная пресса выступает, признано ненормаль-

[1] *Сибирь*. 1876. № 5.
[2] *Там же*. 1876. № 6.

ным, отступаться от ее решения нельзя». Поэтому сибирский публицист считает, что Мордовцев противоречит сам себе, объявляя, что в будущем провинциальную печать ждет «полное фиаско», что «современный строй общественной жизни неблагоприятен для развития провинциальной прессы», и вообще «рост больших городов, движение общества к централизации, еще не закончилось, так что появление провинциальной прессы как будто несвоевременно».

Причины довольно эмоциональной реакции провинциальной печати на статью Мордовцева Потанин раскрывает в последней части своего материала: он анализирует положение провинциального журналиста, который «видит кругом себя совершенную пустыню, полное отсутствие общественной и умственной жизни» и «основывает газетку, чтобы внести в свой край свет гласности, пробудить в немом обществе интерес к своей обстановке». При этом «провинциальному журналисту ставят на вид множество препятствий, под гнетом которых он должен пасть: цензурные условия, отсутствие денежных средств, отсутствие в местном населении желания знать свои нужды, наконец, монополию знания и богатства, установившуюся за центрами, которая все более и более возрастает; провинциальному журналисту говорят, что жизнь стремится от окраин к центрам, а не наоборот». Осознавая все эти трудности, нестоличный журналист ожидает прежде всего нравственной поддержки от видных собратьев по перу, от передовых деятелей печати: «его поддерживает сочувствие его друзей и вера, что и в петербургской журналистике за него будет голос тех, кто ценит горячее стремление скромного труженика»[1].

На этом фоне Потанин рисует сложившееся положение: после публикации Д. Мордовцева «представьте фигуру этого провинциального журналиста, по голове которого петербургский бойкий журналист хлопнул своей фанфаронадой о больших городах, о жизни, текущей от окраин к центрам, о складывающемся общественном строе, угрожающем поглотить скромного провинциального журналиста. Он стоит, ошеломленный, с растопыренными руками, с широко раскрытыми глазами. Того ли он ждал от своего собрата, облеченного в авторитет?». Многие положения «централистов» были хорошо известны в России и раньше – поэтому, возможно, наиболее острую реакцию вызвало не само содержание статьи, а именно обнаружившееся отсутствие поддержки провинциалов со стороны ведущего демократического органа,

[1] *Сибирь*. 1876. № 6.

журнала «Дело», близкого по направлению к «Отечественным запискам» в 1870–1880-е годы.

Однако дискуссия между «централистами» и областниками в сибирской прессе на этом не закончилась. Она продолжилась пять лет спустя, в начале 1880-х годов, и оживление ее было вызвано появлением в Томске «Сибирской газеты»: она практически сразу же стала проводником взглядов сибирских областников по многим вопросам местной жизни, и в особенности относительно роли местной сибирской печати.

В передовой статье «От редакции», открывающей первый номер первой томской частной газеты, констатировалось признание необходимости местной, провинциальной прессы: теперь, в отличие от середины 1870-х годов, «она признана столичной печатью, в которой раздаются горячие голоса в ее защиту, и доказывается возникновением в настоящем году многочисленных изданий в разных местах России. Русское общество все более и более проникается убеждением в неотложной необходимости тщательного и всестороннего изучения народного и общественного быта, орудием которого должна сделаться печать». Редакция подчеркивала, что «эта громадная работа не может быть по силам одной столичной печати», хотя «ее заслуги перед русским обществом неоспоримы и велики: она сделала возможным зарождение местной печати, воспитав в читающем обществе потребность в книге, в газете, и она будет первенствовать так же естественно, как первенствуют в стране крупные центры политической, общественной и научной жизни». Но этого недостаточно, ведь «с развитием местной жизни, с умножением читающего и думающего люда в провинции», столбцы столичной прессы «становятся тесными для массы фактов, выдвигаемых действительностью»; «все, что появляется из провинции в столичной печати, имеет характер отрывочный, случайный: это – или необычайные происшествия, или общие и неопределенные итоги. Для местного читателя сведения эти почти ничего не дают; читая газету, он все-таки живет главным образом Петербургом или Москвою…»[1].

В первый год издания «Сибирская газета» напомнила своим читателям о дискуссии 1875–1876 годов в материале «Центр или провинция?», который актуализировал нерешенную проблему противостояния российского центра и окраин. Многие проблемы российской жизни неизбежно «упирались» в вопрос: бросить все силы на развитие

[1] *Сибирская* газета. 1881. № 1.

центров, не «распыляя» их по многочисленным провинциям, или все-таки выбрать приоритетом окраины?

В анализируемой статье «Центр или провинция?» поводом к разговору также стал вопрос, возникший «в среде сибирской молодежи, получающей высшее образование в Петербурге»: «где по окончании курса с большею пользою для родины можно приложить и свои силы, и свой труд – в центре, т.е. в Петербурге, или же непосредственно на родине?». Такая постановка вопроса, отмечал автор материала, имеет огромное значение для всей провинциальной молодежи, и задают его себе не только сибиряки, но и вятичи, и саратовцы, и владимирцы, а решение его «отразится в будущем на провинциях в сторону их оживления или упадка, смотря по тому, которая из традиций возьмет перевес – централистская или областная». Размышляя об этой проблеме, «Сибирская газета» считала «не лишним напомнить нашим читателям литературный спор, возникший в 1875 году между областниками и централистами о значении провинциальной печати»[1].

Суть это дискуссии передавалась газетой следующим образом: «централисты (наиболее рьяный г. Мордовцев), старались доказать, что провинциальная печать не может существовать. Все, что есть талантливого, дельного, богатого знаниями, говорили они, стремится покинуть провинцию и направляется в Петербург, где открываются широкие горизонты для мысли, обширное поле для деятельности. Сравнительно с провинцией, Петербург, видите ли, со своей лихорадочной политической, общественной и литературной жизнью неудержимо несется вперед и не дает погаснуть таланту; напротив, он захватывает в своем шумном, прогрессивном движении всех, жаждущих деятельности, и предоставляет им массу средств для всестороннего развития».

«Защитникам областной самостоятельности» в этом отношении совершенно нечего было «противопоставить такой блестящей, полной умственного движения жизни»; но и то положение, при котором центр «призван» «пользоваться всеми благами цивилизации на счет провинций», газета отнюдь не считает совершенно нормальным. И в качестве аргумента в защиту провинций сотрудники редакции приводят цитаты из уже упоминавшегося «открытого письма Д.Л. Мордовцеву» А.С. Гациского «Смерть провинции или нет?», которое, судя по сноске в тексте, было издано в Нижнем Новгороде в 1876 году. Этот текст имелся на руках у сотрудников редакции, возможно, у А.В. Адриано-

[1] *Сибирская* газета. 1881. № 40.

ва, который как раз во время «первой волны» дискуссии был студентом Петербургского университета, познакомился с Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым, к тому времени уже вернувшимися из ссылки по делу «о злоумышленниках, возымевших намерение отделить Сибирь от России», участвовал в обсуждении «проклятых сибирских вопросов» и, конечно, хорошо знал о противостоянии областников и столичных «централистов».

«Сибирская газета» цитировала слова Гациского, которые и в 1880-х годах не потеряли своей актуальности: «Мы протестуем только против поглощения провинций одним центром… против непризнания за провинцией ее человеческих прав, мы, наконец, протестуем, потому что в самой жизни видим основания для своего протеста. <…> Мы даже не требуем никакой помощи активной, мы желали бы помощи отрицательной, чтобы нам не мешали... Едва ли подлежит спору, что даже самое сильное правительство не в состоянии совладать с мертвящими, парализующими все его благие действия последствиями чересчур сильной централизации: при нем в столице могут быть собраны все гении страны, и все-таки деятельность их, хотя бы и самая напряженная, будет бесплодна»[1].

Сотрудники томской газеты подчеркивали, что «все, сейчас нами приведенное, говорилось и писалось в 1875–1876 годах по поводу провинциальной печати»: с тех пор прошло 6 лет, но условия существования провинциальной печати не изменились. Однако изменилась сама печать: «она сумела в эти шесть лет завоевать себе известное, довольно прочное положение, сумела, несмотря на разные препятствия, поднять свой голос в защиту местных, областных интересов, а серьезною и основательною разработкою местных вопросов обратила на себя внимание даже таких гордых своим исключительным положением централистов». Оживление издательской деятельности в Сибири происходило на фоне общего общественного подъема и в области школьного дела, и повышения спроса на книги и газеты, к тому же «появляется критическая оценка явлений окружающей действительности, заявляются новые требования...». И здесь «Сибирская газета» возвращается к вопросу, который и послужил началом разговора: так где же молодому человеку начать работать после обучения? Конечно, в провинции: «теперь именно нужнее, чем когда-либо, люди знания, которые бы без корысти отдали себя на служение обществу в тех сферах жизни, где

[1] *Сибирская* газета. 1881. № 40.

деятельность людей знания необходимее <…> везде потребуется помощь людей знания, потребуются руководители, бескорыстно, горячо преданные делу»[1].

«Лично для каждого, конечно, *приятнее* (курсив «Сибирской газеты») оставаться в центре готовой цивилизации, чем ехать в глушь, на трудную, полную лишений работу пионером этой самой цивилизации, хотя бы даже и в родном краю; но раз вопрос ставится принципиально, так личным вкусам, эгоистическим стремлениям не должно быть места», считала «Сибирская газета».

Таким образом, в первые годы издания «Сибирская газета» часто размышляла о провинциальном и колониальном статусе Сибири, считая, что возрождение «малой родины» – дело самих сибиряков, молодежи, которая должна вернуться и вложить свои полученные знания, умения в развитие своего края.

В 1885 году теоретические наработки «Сибирской газеты» в отношении областничества оказались востребованными уже в рамках полемики со второй томской газетой – «Сибирским вестником», противопоставившим свое видение процессов, происходящих в России, в том числе и в Сибири, областнической сибирской прессе. «Сибирский вестник» уже в первой статье первого номера отвергал мнение областников о колониальном статусе Сибири, считая регион обычной русской провинцией; не разделял уверенности в деморализующем влиянии уголовной ссылки на местное население; настаивал на скорейшей постройке Сибирской железной дороги. «Централисты» «Сибирского вестника» и областники из «Сибирской газеты» сходились, пожалуй, в единственном пункте – о необходимости открытия университета в Сибири.

Оценивая передовую статью «Сибирского вестника», «Сибирская газета» подробно остановилась на каждом из пунктов «иной основной тенденции», представленной в новой газете. В собственной передовой статье «Томск, 26 мая» «Сибирская газета» отрицала обвинения в том, что она говорила «об исключительно внешней связи России с Сибирью»: по ее утверждению, «сепаратистские стремления» никогда не были свойственны сибирской печати. Обосновывая свои позиции по вопросам областности, «Сибирская газета» сочла необходимым опереться на авторитет Костомарова и Пыпина, а также на работы французов Рошера, Леруа, Болье, которые, «не обинуясь, при-

[1] *Сибирская* газета. 1881. № 40.

знали Сибирь за колонию; таковою же признавали ее и русские государственные люди». Вообще «Сибирская газета» призналась, что сомнения «Сибирского вестника» в колониальном статусе Сибири стали «неожиданным сюрпризом»: для первой томской частной газеты этот вопрос, по-видимому, давно уже считался поставленным, решенным и не вызывающим возражений. Упоминание же имен Костомарова и остальных русских и иностранных ученых должно было подчеркнуть, что понятия областности, «сибирского типа» и других – не выдумка «Сибирской газеты» и сибирской печати, они обсуждались и анализировались представителями «большой» русской и мировой публицистики и науки.

Особое внимание читателей «Сибирская газета» обратила на обвинения сибирской печати в ее «обличительном характере»: это дало повод обратиться к задачам местной печати, как ее понимала газета. «Не для культуртрегеров, которых выбрасывает за борт Россия, издаются сибирские газеты, даже не для тех образованных людей, которые имеют средства и возможность полнее удовлетворять потребности ума и сердца, а для той среднего образования сибирской массы, которую нужно познакомить с краем, в котором она живет и который любит. Сибирь, наводненная ссылкой, имеющей такое губительное влияние на ее коренное граждански неразвитое население, нуждается в защите…», – писала «Сибирская газета». Именно поэтому, по ее мнению, «сибирская печать не может отказаться от обличений» – «средства сдержать разнуздавшуюся злую волю», которое «может иметь сдерживающее влияние, может обнаружить такие застарелые пороки, для устранения которых необходимы радикальные средства».

В целом же «Сибирская газета» констатировала, что «ни одно из положений» первого номера новой газеты «не позволяет подступить к нему с анализом – то оказывается неверным, другое несостоятельным». И так же, как и «Сибирский вестник», газета заключила свое выступление решительным отказом от полемики, «чтоб не давать лишнего повода иному читателю тешиться процессом борьбы между органами печати, борьбы, которая легко может отодвинуть на задний план и заслонить насущные задачи сибирской печати»[1].

Первое «возражение» «Сибирской газете» появилось в № 3 (1885) «Сибирского вестника», оно положило начало длительной полемике, продолжавшейся даже после закрытия «Сибирской газеты». Статью

[1] *Сибирская* газета. 1885. № 21.

своего оппонента «Сибирский вестник» характеризовал как «длинную, но довольно путаную», в которой смешались многие понятия и явления. «Сибирский вестник», предпринимая попытку «коснуться всех главных рассуждений нашего оппонента», начал с «обвинения сибирской печати в стремлении к сепаратизму». Газета Картамышева утверждала, что «наша заметка имела в виду исключительно тот односторонний, чтобы не сказать больше, сибирский патриотизм, который – что бы не говорили его приверженцы – очень и очень сродни так называемому квасному патриотизму, той пресловутой “самобытности”, которую проповедуют славянофилы, готовые хоть завтра запереть и даже наглухо заколотить петровское окно в Европу». Публицист «Сибирского вестника» считал: «можно горячо любить родину, стремиться всеми силами души к ее гражданскому преуспеянию и развитию, можно поддерживать и воспитывать в местном обществе идею областности, но не проповедовать в то же время отчуждения от других областей, не отстаивать замкнутости». Одним из пунктов расхождения, по мнению «Сибирского вестника», был вопрос о проведении Сибирской железной дороги: областники выступали против, «европейские люди» (по определению «Сибирского вестника») горячо отстаивали идею соединения России и Сибири Транссибом.

Вторым вопросом, который рассматривал «Сибирский вестник» в рамках полемики с «Сибирской газетой», стала правомерность соотношения Сибири и Украины, так как Костомаров, развивая теорию областности, в первую очередь применял ее к собственной родине – Украине. Публицист «Сибирского вестника», указывая, что «малороссы имеют свой язык, свою литературу, свою музыку, свою политическую историю», спрашивал: «Где же у Сибири все эти характерные областные отличия?». Он отвергал существовании как «общего областного языка», так и «областной литературы» Сибири («если не считать таковою первобытные легенды инородцев», музыки («вне бубна шаманов»), а также местной политической истории «до прихода сюда русских».

Автор статьи считал, что «Сибирская газета» в отношении областничества не может ссылаться и на авторитет Пыпина, так как речь идет не об этнографии Сибири, а о «главных основах экономического быта большинства населения четырех сибирских губерний (Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской)»: эти основы «не могут быть различны, так как созданы русскими людьми», а «сибирский человек... не

перестает и не может перестать быть все-таки русским, по своей религии, по своему языку, по своей вековой связи с русским народом».

Третий вопрос, поставленный «Сибирским вестником» и полемически обсуждаемый в статье, – о «Сибири как колонии». Это положение было совершенно неприемлемо для публициста, особенно в части «смелого» сравнения Сибири с Америкой: «географическое положение нашей окраины совершенно иное», «Сибирь заселялась и заселяется исключительно русским народом», «сибирские аборигены или вымирают, или, смешиваясь с русскими, не вырабатывают новой культуры» и т.д. Но самое главное отличие, по мнению автора, состоит в том, что «между Англией и Америкой никогда не было той внутренней народной связи, которая все три века существовала и существует поныне между Европейской и Азиатской Россией». Все эти причины приводят к следующему утверждению: «мы не можем считать нашу окраину колонией России, а видим в ней русскую провинцию, подобную другим местностям, населенным массою русского народа»[1].

«Сибирская газета», не отвечая на «возражение», в рубрике «Сибирская хроника» привела первые отзывы сибирских и провинциальных газет о «Сибирском вестнике»: «Сибирь» называет «Сибирский вестник» органом русских заброшенных в Сибирь людей и подчеркивает мнение «Сибирского вестника» о Сибири как провинции России, эксплуатирование богатств которой законно», а «Волжский вестник» называет этот орган консервативно-либеральным, подчеркивает «основную тенденцию» централистическою и т.д.». В итоге, по мнению «Сибирской газеты», «из этого читатель увидит, что и не сибирские газеты отнеслись к вновь появившемуся органу до мелочей так же, как и мы»[2].

Основной площадкой для полемических выступлений в «Сибирском вестнике» стал раздел «Сибирская печать» (хотя нередко дискуссия перемещалась и в передовые статьи, и в раздел фельетона). Так, в № 7 (1885) «Сибирский вестник», замечая, что «не ожидал сочувственного к нему отношения сибирской печати», но все-таки питал надежду на то, что «последняя, в своих собственных интересах, удержится в отзывах о новой газете на обязательной для всех степени добросовестности и порядочности». Однако, констатировал автор «Сибирского вестника», «к сожалению, и этого не случилось»: «наша газета, несмотря на всю свою “бесцветность и сухость”, не дает спать спокойно ни

[1] *Сибирский* вестник. 1885. № 3.
[2] *Сибирская* газета. 1885. № 25.

редакции “Сибири”, ни, еще больше, редакции “Сибирской газеты”». Автор упрекал «Сибирь» в том, что она «не могла удержаться от названия нескольких имен, хотя личный состав редакции нашей газеты не был объявлен и по литературным обычаям не принято проникать в тайны журнальных имен». С «Сибирской газетой» же автор вступил в спор о плагиате, с этого времени периодически возобновляющийся между газетами, взаимно обвиняющими друг друга в перепечатке материалов без указания источников.

В этом же материале автор привел два отзыва о «Сибирском вестнике», появившихся в 1885 г. в столичных газетах «Новое время» и «Русский курьер». «Новое время», передавал «Сибирский вестник», считало, что «по внешности он, как две капли воды, походит на старые сибирские газеты. С внутренней стороны тоже ничего особенного, и нас несколько удивляет, за что и почему травили эту газету перед ее выходом сибирские и петербургско-сибирские газеты?». «Русский курьер» же особенно похвалил «Сибирский вестник» за его стремление «воздержаться от никому вообще не нужной полемики»[1]. Таким образом, можно констатировать, что с «высоты» столичной печати отличия в сибирском «централизме» и «областничестве» были мало заметны, по крайней мере на первых порах.

Неоднократно выражаемая решимость «Сибирского вестника» не вступать в полемику в реальности не была воплощена. В № 17 (1885) в фельетонном цикле «Чем мы живы» его автор Щукин обращается к понятию «сибирского патриотизма» и ставит его в один ряд с «польским, чухонским, немецким, татарским, армянским». Объединяет их всех, по мнению фельетониста, то, что «всем им от России и русских тесно и больно, и всем бы хотелось как-нибудь сделать так, чтобы у них у всех было бы свое, начиная от губернатора и кончая фабрикантами». «Сибирские патриоты», по характеристике «Сибирского вестника», среди остальных «более деятельные и энергичные», они «ярко и сильно выясняют свои отношения к России», считая ее «метрополией». Щукин в фельетонном стиле высмеивает идеи областников об особом «сибирском типе» населения, их стремление не допустить постройки железной дороги до тех пор, пока Сибирь не станет экономически сильной страной, сравнивает Ядринцева с Хлестаковым, уличая его во лжи.

Во многих материалах «Сибирского вестника» прослеживается мысль о том, что полемика сибирских газет не была «принципиальной»,

[1] *Сибирский* вестник. 1885. № 7.

газеты, по мнению вестниковских журналистов, только и делали, что «сплетничали, клеветали, допытывались – кто сотрудничает в “Вестнике” и т.д.». Нападки на газету со стороны оппонентов рассматривались как «рекламный ход» в преддверии новой подписной кампании. В фельетоне «Чем мы живы» Щукин прямо признавался, что он «глубоко убежден, что кроме шутовства в сибирском патриотизме решительно ничего нет», почему и считал своим долгом «приводить тому периодические доказательства»[1].

«Сибирская газета» в 1885 году основной формой полемики избрала сатиру, воплотившуюся в упоминавшейся уже «газете в газете» под названием «Крапива». Однако периодически возражения «Сибирскому вестнику» встречались и в других материалах, в которых участники этой газеты именовались «заезжими цивилизаторами» и «господами культуртрегерами». Нападки на «Сибирскую газету» объяснялись «личным раздражением», обусловленным уличением «Сибирского вестника» в «систематическом плагиате». «Сибирский вестник» же, по мнению «Сибирской газеты», выходил «из всяких пределов, практикуя crescendo передержки, извращение наших слов и мыслей и тому подобные «приемы». Публицисты «Сибирской газеты» неоднократно подчеркивали: «Это – не полемика, вести которую с такими органами, как “Вестник”, мы считаем недостойным для уважающей себя газеты». В № 31 (1885) «Сибирская газета», разделяя мнение газеты «Свет», пишет: «...у нас завелись такие органы (и “орган русских людей” – по нашему убеждению – один из таких), которые “следует гнать из храма литературы” … ибо эти органы вносят “обман” в литературу, дискредитируя последнюю и превращая ее в “балаган”, и в орудие развращающее, в то время как она имеет высокое назначение “способствовать росту духа в человеке”»[2].

Передовая статья первого номера «Сибирского вестника» в 1886 году вновь открывала тему «Сибирь и Россия». Как и передовая статья «Сибирской газеты», она была написана в форме «новогодних пожеланий» и явно была направлена против оппонента. Автор «Сибирского вестника» с первых строк подчеркивал: Сибирь – «составная часть Русской земли», Россия приняла «обширную сибирскую страну под свою могучую державу». Он, однако, признавал, что «развитие Сибири шло черепашьим шагом», оно «искусственно задерживается», но все-таки акцентировал внимание на «русскости» региона: «в Сибири

[1] *Сибирский* вестник. 1885. № 19.
[2] *Сибирская* газета. 1885. № 25, 28, 31.

живут миллионы таких же русских людей, говорящих русской речью, исповедующих общую православную веру, какие живут в самых коренных губерниях Европейской России, инородцев здесь не больше, если не меньше, чем на Кавказе, в Крыму или в других областях». Поэтому автор статьи недоумевал, «почему же Сибирь должна находиться в особых, исключительных условиях жизни», почему она «признается недостойной лучших учреждений, дарованных другим окраинам». «Сибирский вестник» предполагал, что происходит это по одной причине – «Сибири мы не знаем, Сибири мы инстинктивно боимся», и потому реформы обходят ее стороной. Таким образом, Сибири автор желал «перестать стоять особняком в гражданских успехах России».

Второе «новогоднее пожелание» автора было связано с «так называемым сибирским патриотизмом», автор характеризует его как «явление, которое, по нашему мнению, вносит путаницу в местное общественное сознание». Выражая позицию всей газеты, автор передовой статьи писал: «...если под этим термином разуметь, как утверждают некоторые приверженцы сибирской идеи, только желание блага родине, умственное и экономическое развитие страны, расширение местной общественной самодеятельности, то под такой программой подпишется обеими руками не только каждый просвещенный сибиряк, но и всякий благомыслящий человек, где бы он не родился». Но он принципиально не согласен был с областниками в том, «как понимать благо родины, где искать источник этого блага и какими средствами добиваться его». Именно при ответе на эти вопросы, по мнению «Сибирского вестника», «возникает крупное недоразумение и полное разногласие между людьми, мнящими себя “патриотами своего отечества”, и лицами, не исповедующими специально-сибирского патриотизма».

«Сибирская идея» описывалась автором следующим образом: «Выставляя своим знаменем успехи просвещения и гражданственности, сибирские патриоты думают добиться этих успехов единственно трудами и усилиями самих сибиряков, которые, видите ли, представляют из себя выродившуюся в самостоятельную этнографическую особь разновидность славянского племени. Отсюда благо Сибири сводится к местной обособленности, к развитию внутренних сил населения помимо участия в нем пришлых, будто бы чуждых Сибири элементов русской цивилизации. Эти элементы, говорит молодая сибирская интеллигенция в лице своих печатных органов, вносят в неокрепшую страну приемы экономической и всякой другой эксплуатации населения и природных богатства нашей окраины, ведут здесь хищническую

политику, которая может только обездолить край и разорить его в будущем. Все местные деятели должны быть, по мнению наших патриотов, связаны с Сибирью кровной связью, принадлежать к числу людей, родившихся на сибирской почве и воспитанных в духе исключительной любви и преданности своей родине. Вся общественная работа на пользу последней должна быть сосредоточена в руках просвещенных патриотов, которым надлежит создать свою сибирскую цивилизацию, отрешившись от господствующих основ современной европейской и русской культуры»[1].

Эта объемная цитата наглядно показывает интерпретацию областнических идей в публицистике «Сибирского вестника»: взяв за основу положения о необходимости развития Сибири, используя внутренние ресурсы региона, авторы акцентировали их, доводили до абсурда, приписывая областникам несуществующие мысли, например, об отрешении от основ европейской и русской культуры.

В этой статье, как и во многих других повторялась мысль «Сибирского вестника» о том, что русский мужик «был, есть и останется в Сибири тем же русским человеком, каким он был в Тамбове, Нежине, Воронеже, и ничего другого, кроме русских условий жизни, он в Сибирь принести не может. Не перестанет он, перевалив через Урал, говорить по-русски, ходить в православную церковь и признавать те же государственные условия, в которых он вырос дома, до переселения своего в Сибирь… он все-таки сын России, верный слуга и поборник ее государственного начала». Несмотря на декларацию внутреннего единства описываемого русского мужика, в статье просматриваются основы ментального разделения и противопоставления его жизни в Сибири и России: здесь присутствует идея Урала как границы, отделяющей Сибирь от России, мотив России как дома и Сибири как чужбины, куда мужик «несет» «русские условия жизни».

Критически относился публицист «Сибирского вестника» и к реформам, на которых настаивали областники, прежде всего потому, что это реформы, «выработанные русской государственной жизнью, ее историческим развитием». Сибирская же интеллигенция «не выставила никаких улучшенных, оригинальных, своеобразных форм гражданского быта». Обращаясь к мысли областников о сходстве развития Сибири и Америки, автор статьи указывал, что «Америка создала сама, помимо Англии, свои, совсем особые условия гражданского и эконо-

[1] *Сибирский* вестник. 1886. № 1.

мического существования, значительно опередившие современную английскую жизнь». А вот «наши же патриоты, утешая себя громкими фразами об Америке, обращают все свои надежды к России и ждут улучшений в своем устройстве от русского государственного прогресса, и снова, поневоле, отрешаются от основной своей идеи – что Сибирь может существовать и развиваться помимо России». Упрекая областников в непоследовательности, публицист «Сибирского вестника», в свою очередь, обвинял представителей «местного патриотизма» одновременно в их желании добиться от России участия в общем «государственном прогрессе» и – довольно-таки голословно – в сепаратизме.

Третьим пунктом, в котором «Сибирский вестник» расходился с областниками, был экономический вопрос. По мнению автора статьи, «сибирские патриоты протестуют против вывоза в Россию сибирского сырья, и против способствующих этому вывозу так называемых ими “внешних” путей сообщения, против проявления иностранной предприимчивости, против, наконец, крупной промышленности». Разоблачая «шаткость и неосновательность» подобной экономической политики, публицист замечает «в этой проповеди важнейшие задатки к экономическому застою, при котором немыслимы ни торговля, ни промышленность, ни даже местное узко-экономическое развитие». Из этого тезиса прямо вытекала поддержка «Сибирским вестником» идеи строительства железной дороги, которая могла бы соединить Сибирь и Россию.

Любопытно, что в данном случае и областники, и «Сибирский вестник» высказывали как верные идеи, так и те, которые в итоге не выдержали «проверки временем»: так, на развитие Сибири железная дорога, действительно, повлияла самым положительным образом, но правы оказались и областники, которые стремились к тому, чтобы Сибирь не рассматривалась только как «сырьевой придаток» к России, источник разнообразных природных богатств.

Итак, в конце статьи автор формулировал третье «новогоднее пожелание» Сибири: «...да отвергнет она местный патриотизм в той форме, в какой он преподносится ей теперь, и да укрепится в мысли, что все благо нашей окраины заключается в возможно большем общении ее с остальной Россией и со всем образованным миром». В этом отношении публицист рассматривает значение собственной газеты. «Сибирский вестник», по утверждению автора, был основан именно с целью вывести сибирское общественное сознание на единственный

правильный путь к достижению гражданских и экономических успехов. Газета подчеркивала: «Мы явно и сознательно бросили боевую перчатку узкому, надутому сибирскому патриотизму и закончим наши новогодние пожелания… чтобы наши противники усвоили себе более благородный и порядочный тон спора, чтобы они отказались от грубых, недостойных печати приемов борьбы»[1].

В основном в споре «Сибирского вестника» и «местных патриотов» копья ломались вокруг вопроса о строительстве железной дороги, ставшего своеобразным символом противостояния. Наиболее показательным выступлением в этом отношении является передовая статья «Сибирского вестника», информационным поводом для которой было обсуждение прокладки железной дороги на Сахалине. В связи с этим публицист «Сибирского вестника» писал: «Сахалин счастливее Центральной Сибири, и счастливее потому, что там нет пока сахалинских метисов, именующих себя “патриотами своего отечества”, и некому было кричать, что железная дорога вывезет сахалинский уголь и послужит вернейшим средством к “хищническому” извлечению из недр сахалинской земли ее природного богатства. <…> Триста лет прожила Сибирь под русским владычеством, и к началу четвертого века гражданской жизни огромной русской провинции люди, считающиеся себя “солью сибирской земли”, без малейшей краски в лице и без признака уважения к обществу, с которым они говорят, стараются всеми силами поддержать отчужденность населения целой страны от благотворнейшего из общений – общения международного, употребляют все меры, чтобы вселить в этом населении убеждение, что все будущее экономическое благосостояние края зависит от возможно продолжительнейшей неприкосновенности местных естественных богатств». По мнению автора статьи, «наши патриоты усердно стремятся воздвигнуть неприступную крепость на границе Европы и Сибири», и вновь подчеркивалась уникальность позиции «Сибирского вестника»: «мы первые заговорили в Сибири иным языком; мы первые восстали против той невежественной экономической проповеди, которую читали и слушали до основания “Сибирского вестника” жители нашей окраины»[2].

Еще одним вопросом, постоянно присутствовавшим в спорах областников и «Сибирского вестника», был вопрос о ссылке в Сибирь и связанные с ним проблемы «пришлых людей», размежевания уголовных и политических ссыльных, влияния ссылки на местное население

[1] *Сибирский* вестник. 1886. № 1.
[2] *Там же.* 1886. № 57.

и т.д. В передовой «Новая постановка ссыльного вопроса» «Сибирский вестник» утверждал, что именно его интерпретация стала камнем преткновения для сибирских газет: «Наш взгляд на уголовную ссылку в Сибирь, высказанный в прошлом году <…> был встречен местной патриотической печатью, как некая ересь, за которую “Сибирский вестник” и подвергся литературной анафеме». Теперь же, по мнению «Сибирского вестника», «прошло уже, и прошло безвозвратно, то время, когда сибирские квасные патриоты были бесконтрольными хозяевами местной печати. Прежде можно было в серьезных вопросах отделываться пустыми громкими фразами и восклицаниями, – разоблачать их было некому, благодаря крепкому тройственному Пертербургско-Томско-Иркутскому газетному союзу. Теперь сами патриоты сознают, что не обо всем можно говорить с плеча, что жалкие слова, действующие иногда на слабые нервы и неразвитый ум, не могут служить убедительным ответом на спокойное и мотивированное мнение противника, с которым, так или иначе, а приходится считаться публично»[1]. Любопытно, что свои выступления «Сибирский вестник» считал «спокойными и мотивированными», хотя даже беглое прочтение газеты выявляет повышенный эмоциональный фон авторских публикаций, акцентуацию на отрицательных сторонах областничества и т.д. В процитированной статье также подчеркивалось, что о ссылке «наши патриоты» заговорили только «вслед за статьями “Сибирского вестника”, посвященными вопросу о ссылке», что являлось заведомой неправдой: о ссылке и ее влиянии на Сибирь речь шла с 1860-х годов, с основания в Сибири «Губернских ведомостей».

Одним из основных положений областнической доктрины в XIX веке был вопрос об основании сибирского университета, о воспитании местной интеллигенции. Свою точку зрения на эту проблему имел и «Сибирский вестник»: поддерживая идею высшего учебного заведения в Сибири, в то же время газета расходилась с областниками в отношении сибирской молодежи. Об этом шла, в частности, речь в материале «Сибирского вестника» под названием «Юбилейная статья “Сибирской газеты”». Приведя выдержку из «Сибирской газеты» о том, что в Сибири формируется новое молодое поколение, «Сибирский вестник» задавался вопросом: «Где та молодежь, о которой говорит “Сибирская газета”?». Автор «Сибирского вестника» соглашался с областниками, что «образование молодой местной интеллигенции –

[1] *Сибирский* вестник. 1886. № 62.

одна из насущнейших потребностей края», но считал, что «до сих пор ее нет, и ее может создать лишь местный университет»: «все мы знаем, что немногие уроженцы Сибири, получившие высшее образование в разных университетах внутренней России, не едут обратно, не едут по многим, отчасти понятным причинам».

В материале был вновь применен прием сопоставления идей, высказанных при основании «Сибирского вестника» и обсуждаемых в настоящее время: «Читатели “Сибирского вестника” не забыли, конечно, той травли, которой подверглась наша газета за первую свою передовую статью об отношениях Сибири и России. И что же? “Сибирская газета” в вышеприведенной выписке, фантазируя об идеалах новой несуществующей молодежи, говорит почти то же самое, что сказали мы 16 мая 1885 года. Весь сибирский патриотизм свелся к естественной привязанности к месту рождения человека, ссылаясь на которую, “Сибирская газета” скромно замечает, что сибиряк, знающий нравы, обычаи и порядки своей родины, может принести Сибири больше пользы, чем человек, не знакомый с местными условиями. Только-то? Да против этого никто и не спорил». Публицист утверждал, что все это время «речь шла о других, более серьезных вещах: о железной дороге, морском пути, о вывозе сибирского сырья, о развитии местной торговли и промышленности, о праве не-сибиряка жить, работать и применять свои силы и способности в Сибири, о праве его пользоваться естественными богатствами страны»: именно «в рассуждениях по этим вот вопросам сибирские публицисты и проявили тот “квасной патриотизм”, ту “китайщину”, от которых теперь “Сибирская газета” так неудачно открещивается»[1]. Автор «Сибирского вестника» подчеркивал, что «все экономические соображения этих публицистов направлены именно к созданию в Сибири той экономической обособленности, того узкого, одностороннего и чуждого всякого “альтруизма” положения вещей, которые замыкают известный район в рамки собственного существования, вне прогресса других стран и народов».

Логика рассуждений привела публициста газеты к следующему вопросу: «Отказывается ли “Сибирская газета” от своих взглядов на экономическое общение Сибири с Европейской Россией, Европой и всем остальным миром? Если да – спор окончен: если нет – квасной, сибирско-китайский патриотизм существует, и все заявления газеты, будто в ее глазах “прогресс и будущее Сибири находятся в теснейшей

[1] *Сибирский* вестник. 1886. № 90.

зависимости от общечеловеческого прогресса и прогресса русской жизни в частности" – пустые слова»[1].

«Сибирская газета» в 1886 году практически не участвовала в прямой полемике с высказываемыми «Сибирским вестником» предположениями. Газета объясняла это следующим образом: «С органом, столь ярко проявившем и свои "литературные приемы", свои познания о Сибири в статистическом, экономическом, этнографическом и других отношениях, полемизировать, разумеется, невозможно: мыслима ли серьезная полемика с людьми, которые не находят ничего предосудительного ни в подтасовке фактов и слов, ни в передержках, ни в систематических инсинуациях, лжи и клевете, которые буквально ни перед чем не останавливаются, раз дело идет о том, чтобы "насолить" "патриотам", заставить их "замолчать"»[2]. В 1887 газета выступила с передовой статьей «Как создается репутация провинциальной печати (к истории возникновения "Сибирского вестника")», в которой описала ситуацию с «черновиком» Е. Корша, написанным по просьбе губернатора, и завершила материал словами: «Таким людям нельзя возражать – их можно только клеймить»[3].

В целом можно констатировать, что основная газетная полемика велась в 1885 и 1886 годах; в 1887-м и «Сибирский вестник», и «Сибирская газета» ограничивались редкой критикой друг друга в материалах разных жанров, в 1888 году можно отметить только единичные ссылки на оппонентов.

Обращают на себя внимание методы дискуссии: если «Сибирский вестник» постоянно держал в поле зрения все, что говорилось о нем в сибирских газетах, и немедленно им отвечал, а также регулярно высказывал свои критические замечания по поводу выражаемых «патриотических» идей, то «Сибирская газета» высказывалась только по отдельным вопросам, нередко уклоняясь от полемики с оппонентом. Однако, как это было в российской журналистике в период расцвета «торгового направления» (1830-е годы), полемика с «Сибирским вестником» побудила сибирские газеты «излагать собственные взгляды на общественную роль прессы и тем самым способствовала активизации теоретической мысли в этой области»[4].

---

[1] *Сибирский* вестник. 1886. № 90.
[2] *Сибирская* газета.1886. № 35.
[3] *Там же*. 1887. № 160.
[4] См.: *История* русской журналистики XVIII-XIX вв. … С. 222.

«Сибирская газета» отвечала в основном на обвинения «Сибирского вестника», которые касались ее «обличительного характера», «сибирского сепаратизма» и отношения к строительству железной дороги, предназначенной теснее связать Россию и Сибирь. Позиция «Сибирской газеты» на протяжении всей дискуссии оставалась неизменной: она считала, что на современном этапе развития Сибири «обличительство» помогает сдерживать пороки, и потому необходимо; решительно отвергала все намеки на «сепаратизм», считая их недостойными приемами запугивания читателей, не знакомых с положением дел; утверждала, что она выступает не против железной дороги как таковой, а против вывоза сырья из Сибири, могущего задержать ее развитие.

«Сибирский вестник», в свою очередь, озвучивал «централистскую» позицию в дискуссии, протестуя против «особости» Сибири, постоянно подчеркивая ее статус «огромной русской окраины», «русской провинции», ничем не отличающейся от других. Если тема «обличительства» постепенно ушла с повестки дня, так как «Сибирский вестник» осознал необходимость борьбы с вредными общественными явлениями с помощью печати, то протест против «китайщины», против изоляции, за которую якобы выступали областники, «красной нитью» проходил через большинство выступлений публицистов.

Газетная полемика между двумя частными газетами Томска стала важным фактором развития общественной мысли сибиряков. В ней принимали участие и сибирские органы печати («Сибирь», «Восточное обозрение»), и газеты других регионов («Волжский вестник»), и столичные («Гражданин», «Московские ведомости», «Новое время», «Неделя»). Высказываемые точки зрения были важны не только для «вербовки» сторонников и подписчиков, но и для формирования регионального самосознания, для выработки собственной позиции у читателей газет.

Неосуществленные издания Томска

Возникновение и развитие частной периодики в России, в том числе и в Сибири, были осложнены существующим цензурным законодательством. В Томске издание периодики также жестко регулировалось властями. Развитие частной прессы здесь шло, как и во многих российских городах, путем борьбы с цензурными запретами. Со стороны цензуры широко применялись такие меры, как приостановки и закры-

тие изданий, штрафы, аресты редакторов и корреспондентов. В свою очередь, газеты и журналы применяли средства «эзоповского языка», назначали фиктивных редакторов, выпускали издания, продолжающие направление закрытого до него периодического органа печати и т.д.

Список изданий Томска мог быть значительно шире, если бы власти не препятствовали основанию новых органов печати. Материалы Государственного архива Томской области позволяют узнать историю некоторых неосуществившихся газетных проектов. Так, в архиве хранится дело под названием «О разрешении издавать в Томске газету под заглавием “Сибирское слово” Сахарову»[1]. Секретная переписка, составляющая основу этого дела, началась с того, что 18 февраля 1891 года томский губернатор Г.А. Тобизен получил следующее конфиденциальное послание от начальника Главного управления по делам печати: «Милостивый государь, Герман Августович. Проживающий в Томске Потомственный Почетный гражданин Александр Сахаров обратился в Главное управление по делам печати с ходатайством о разрешении ему издавать в городе Томске, с дозволения предварительной цензуры, под редакторством проживающегося в городе Томске инженера-технолога Александра Серебренникова, два раза в неделю, политическо-общественную и литературную газету под названием “Сибирское слово”, по прилагаемой при сем копии.

Вследствие чего имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство почтить уведомлением, желательно ли издание в городе Томске второй газеты, обладает ли проситель достаточными материальными средствами и возможно ли ожидать, что проектируемая г. Сахаровым газета будет вполне благонамеренного направления»[2].

Копия программы будущей газеты, сохранившаяся в архиве, позволяет познакомиться с ее содержанием. В газете предполагались следующие разделы:

«1. Правительственные распоряжения и узаконения по всем частям государственного Управления, преимущественно касающиеся Сибири.

2. Иностранная политическая хроника и внутренние известия, заимствуемые из правительственных и других повременных изданий.

3. Статьи, касающиеся местного края в историческом, статистическом, этнографическом, торгово-промышленном и других отношениях.

---

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 13.Д. 857. Л. 1–10.
[2] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 13. Д. 857. Л. 1.

4. Статьи научного содержания; сведения об изобретениях и открытиях.

5. Изящная словесность: очерки, рассказы и проч.

6. Телеграммы политические и торговые.

7. Городские известия и отчеты о заседаниях местной городской думы, разных обществ и собраний.

8. Известия из разных мест Сибири и Средней Азии.

9. Критика и библиография, разбор и оценка выходящих книг и журнальных статей, а также музыкально-театральные рецензии.

10. Разного рода объявления и справочные сведения по частям торговой, промышленной, судебной и т.п., календарные сведения, а также метеорологический бюллетень».

Газету «Сибирское слово» предполагалось издавать 2 раза в неделю, подписная цена была определена в 7 рублей в год с доставкой и пересылкой, за границей – 9 рублей.

После получения этого запроса 26 марта 1891 года томский губернатор обратился к начальнику Томского губернского жандармского управления и 9 апреля того же года получил от него требуемые сведения «о политической благонадежности почетного гражданина Александра Сахарова и инженера-технолога Александра Серебренникова, а также возможно ли ожидать, что проектируемая ими газета будет вполне благонамеренного направления». Глава губернской жандармерии не обнаружил доказательств политической неблагонадежности будущих издателей и констатировал, что «по нынешним данным нет причин препятствовать выходу газеты «Сибирское слово»», однако он счел необходимым обозначить «те мотивы, которые дают повод сомневаться в благонамеренном направлении газеты»[1].

К этим мотивам относился, во-первых, факт существования в Томске частной газеты «Сибирский вестник»: она, по мнению начальника жандармского управления, была «направления непредосудительного», и к тому же редактор ее «известен лично, как Вашему Превосходительству, так и мне». Правда, он тут же добавлял, что «содержание статей этого органа печати, несмотря на все старания г. Картамышева, не удовлетворяют вкусам и требованию читающих вследствие отсутствия хороших фельетонистов и корреспондентов». Начальник жандармерии сомневался, сможет ли задуманная газета «Сибирское слово» «создать» подходящий высокопрофессиональный редакционный

[1] *ГАТО*. Ф.3. Оп. 13. Д. 857. Л. 5.

коллектив из местных авторов, а следовательно, «поставленная в необходимость конкурировать с “Сибирским вестником”, должна будет обратиться к наиболее способному и образованному слою населения, а именно к политическим ссыльным»[1].

Начальник жандармерии моделирует ситуацию привлечения политических ссыльных в качестве сотрудников «Сибирского слова» следующим образом: «по всей вероятности, первое время своего существования “Сибирское слово” поставит себе целью вытеснить “Сибирский вестник” и стать распространенной газетой, а вслед за тем, приняв вредное направление, повлечет закрытие ее, в то время как она станет единственным органом печати, что и будет причиной нежелательного неудовольствия и волнения в обществе». В заключение он прямо напоминал губернатору о судьбе первого макушинского издания: «Вероятие изложенного предположения подтверждается и закрытием “Сибирской газеты”, в которой принимали участие политические ссыльные»[2].

Из имеющегося в архивном деле рапорта томского полицмейстера Ушакова выясняются и другие любопытные данные о предполагаемых издателях газеты. Полицмейстер сообщал, что «потомственный почетный гражданин Сахаров служит приказчиком в кондитерской лавке купца Толкачева, а инженер-технолог Серебренников – член Томской городской управы. По собранным мною сведениям оказалось, что оба эти лица никакими материальными средствами не обладают и живут исключительно получаемым ими жалованием. Для издания в г. Томске газеты “Сибирское слово” они рассчитывают получать от кого-то, остающегося пока неизвестным (подчеркнуто полицмейстером), денежное пособие». В итоге собранные данные дали полицмейстеру основание заключить, что «как направление, так и состав самой редакции будут тождественными с закрытой по распоряжению правительства три года тому назад “Сибирской газетой”»[3]. К тому же, как и «Сибирскую газету», «Сибирское слово» преподполагалось печатать в типографии Михайлова и Макушина, и это служило дополнительным аргументом против нового органа печати.

Выводом из всех предоставленных сведений стало следующее заключение: «Ввиду положительного отсутствия у Сахарова и Серебренникова материальных средств для издания газеты и сокрытия ими

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 13. Д. 857. Л. 5
[2] *Там же*. Л.6.
[3] *Там же*. Л. 8.

источника, откуда они получат таковые, невольно порождает сомнение в том, что цель и направление предполагаемой к изданию газеты “Сибирское слово” будут в интересах общества и государства»[1].

«Венцом» этой секретной переписки является обширное послание томскому губернатору от председателя Томского губернского правления, датированное 4 октября 1891 года и подводящее итог собранным данным.

Прежде всего высокопоставленный губернский чиновник изложил собственное мнение о том, что «открытие второй политически-общественной газеты в г. Томске в принципе желательно в видах, во-первых, развития общественной мысли, во-вторых, конкуренции с существующим изданием “Сибирский вестник” и улучшением таким путем печатного органа общественной мысли университетского города»[2]. Однако, рассматривая ходатайства об учреждении «Сибирского слова», председатель правления считал, что эта газета не оправдает возлагаемых на нее надежд. Он подробно остановился на тех моментах, которые вызывали у него особенное недоверие и серьезные опасения относительно новой газеты. Прежде всего, «первое условие для достижение этих целей – солидный образовательный ценз и литературная репутация лиц, становящихся по главе нового издания; но, насколько мне известно, гг. Сахаров и Серебренников впервые намереваются выступить на литературном поприще, и хотя последний получил высшее техническое образование, однако оно само по себе не служит гарантией правильного его отношения в качестве редактора газеты к социальным вопросам и способности быть руководителем органа общественного мнения»[3].

Высказав сомнение относительно идеологических установок будущих издателей, начальник губернского правления перешел к характеристике их материального положения: «Второе условие для удовлетворительной постановки издания – обеспеченные денежные средства издателя, с помощью которых оно на первых же порах было бы обставлено настолько прочно и привлекательно для читателя, чтобы возможна была конкуренция его с существующим в Томске и других городах Сибири изданиями. Между тем капиталистический ценз предполагаемого издателя “Сибирского слова” г. Сахарова, служащего приказчиком в кондитерской купца Толкачева, конечно, слишком не-

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 13. Д. 857. Л. 8.
[2] *Там же.* Л.9.
[3] *Там же.*

достаточен. А при таком условии новое издание, не имея своей типографии, уменьшая цену против “Сибирского вестника” на 2 рубля и будучи вынуждено привлекать к себе сотрудников с помощью более высокого вознаграждения, чем то, которым они вынуждены воспользоваться от существующего единственного издания, будет неизбежно нуждаться в материальных средствах и, для обеспечения себя большим числом подписчиков, конкурировать обычным в таких случаях способом – обругиванием и выставлением в невыгодном свете других местных изданий»[1]. И здесь автор рапорта также обращается мыслями к «Сибирской газете», которая, по его мнению, была «наглядным примером такой неблаговидной деятельности».

Все вышесказанное начальник Томского губернского правления резюмирует так: «Соображая, что все эти неблагоприятные для достижения вышеозначенных целей условия хорошо известны лицам, предпринимающим новое издание, следует допустить, что они в данном случае преследуют какие-либо скрытые цели, соображения которых в той или другой степени возможны при издании газеты целым кружком лиц, вкладывающим в создание свой капитал и даровой труд, в видах распространения в обществе своих кружковых воззрений. По некоторым данным можно предположить, что гг. Сахарову и Серебренникову не будет принадлежать руководящая роль в “Сибирском слове” и что действительные главные руководители этого издания намеренно скрывают свое участие в нем, так как известны местной администрации за людей политически неблагонадежных. На таких именно основаниях существовала в Томске бывшая “Сибирская газета”, закрытая правительством по причине вредного ее направления, причем главными сотрудниками и руководителями этого издания были политические ссыльные и другие политически неблагонадежные лица»[2]. Образно говоря, «призрак» уже несуществующей «Сибирской газеты» стоял перед глазами у всех томских представителей власти, а мысль о ее «воскрешении» сразу же давала повод отказать в разрешении на издание «подозрительного» органа печати, подобного «Сибирскому слову». Что и было сделано.

Анализ секретной и конфиденциальной переписки губернской администрации раскрывает мотивы властей, запрещающих выход оппозиционных изданий. Это стремление создать бесконкурентную среду для газеты, которая удовлетворяет требованиям власти с идеологи-

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 13. Д. 857. Л. 9.
[2] *Там же*. Л. 10.

ческой точки зрения («Сибирский вестник»); желание оставить без собственного органа печати существующую в обществе оппозицию, представленную в данном случае политическими ссыльными и политическим неблагонадежными лицами; и конечно, вполне понятное стремление снять с себя ответственность в случае разрешения газеты вышестоящими начальниками.

В 1893 году в Томске снова была предпринята попытка основать газету, которая смогла бы конкурировать с «Сибирским вестником». В феврале 1893 года действительный статский советник Николай Николаевич Айгустов подал докладную записку на имя томского губернатора, в которой ходатайствовал об издании в Томске газеты «Сибирская летопись». Размышляя о составе будущего издания, Айгустов замечал, что в сибирской периодике число сотрудников вообще невелико: «В “Сибирском вестнике”, например, число постоянных сотрудников, насколько мне известно, всегда ограничивалось 3–4 лицами»[1]. В будущей «Сибирской летописи», считал Айгустов, могли бы принимать участие А.О. Станиславский, сотрудник «Сибирского вестника» с 1885 года, И.П. Кузнецов, бывший сотрудник «Сибирского вестника», а также В.А. Долгоруков, сотрудник «Сибирского вестника», «почти с самого основания его и с середины (сверху подписано: в декабре) 1889 года по конец 1890 года редактировавший его по поручению г. Картамышева». Айгустов сообщал губернатору, что он может потратить на основание новой газеты 4–5 тысяч рублей. Что же касается состава участников газеты, то, кроме Долгорукова, среди них не будет ссыльных, в отличие от «Сибирского вестника», где «до сего времени большая часть сотрудников – уголовные ссыльные и из прибывших в ссылку в недавнее время; также значительная часть корреспондентов, начиная с иркутского, тоже ссыльные»[2].

В свою очередь, председатель губернского правления в письме губернатору высказал мнение, что прямая цель проектируемой газеты – конкуренция существующему «Сибирскому вестнику», а следовательно, и отвлечение от него подписчиков. Председатель сомневался, что это удастся, ведь и в качестве сотрудников в новую газету предполагалось привлечь все тех же участников «Сибирского вестника». Кроме того, по поводу Долгорукова высказывалось следующее суждение: «как мне известно», Долгоруковым закрыто участие в «Сибирском вестнике» и он является «действительным инициатором нового издания и должен

[1] *ГАТО*. Ф. 2. Оп. 2. Д. 3740. Л. 120.
[2] *ГАТО*. Ф. 2. Оп. 2. Д. 3740. Л. 123.

быть его фактическим редактором». Поэтому, как писал председатель губернского правления, «я считаю необходимым коснуться здесь его литературных и нравственных качеств. Сосланный в Сибирь по делу червонных валетов, Долгоруков постоянно занимался здесь мелкой адвокатурой, а с 1887 года также сотрудничал в “Сибирском вестнике”. Будучи человеком довольно способным и образованным, Долгоруков, однако, по характеру своей адвокатской деятельности не возвысился над другими здешними адвокатами из ссыльных, эксплуатирующими в свою пользу невежество своих клиентов, в газете же оказался заурядным сотрудником, статьи и заметки которого отличались тривиальным содержанием и составляли литературный балласт, причем не замечено принципиальных воззрений и стремлений, а по большей части узкое и пристрастное отношение к трактуемому предмету, очевидно, в личных видах. Хотя Долгоруков в течение нескольких лет много работал для “Сибирского вестника”, но, насколько мне известно, всегда за построчную плату, не получая определенного содержания и, вопреки уверению г. Айгустова, никогда не состоял фактическим редактором этой газеты». В целом, заключал председатель, Долгоруков «пользуется не особо лестной репутацией», и, по мнению руководителя губернского управления, именно «Сибирская летопись» в итоге будет газетой ссыльных, в «Сибирском вестнике» же уголовных ссыльных всего двое и «они не влияют на газету»[1]. В итоге ходатайство Айгустова об издании «Сибирской летописи» было отклонено.

Необходимо добавить, что Долгоруков в 1893 году получил право выезда из Сибири, то есть перестал быть в прямом смысле слова «уголовным ссыльным», и с 1895 года начал выпускать ежегодник «Путеводитель по Сибири и Среднеазиатским владениям России», а затем другие журналы и газеты. Дело, сохранившееся в архиве, свидетельствует о том, что желание Долгорукова стать издателем возникло еще в 1893 году, и он даже нашел человека, который мог бы стать «подставным лицом» в деле основания газеты (Айгустова), однако губернская администрация не поддержала этот проект. Разница во мнениях, высказанных относительно как Долгорукова (в частности относительно его фактического редактирования «Сибирского вестника»), так и газеты Картамышева (по поводу участия в ней уголовных ссыльных), была обусловлена, скорее всего, личными симпатиями высказывающихся, и

[1] *ГАТО*. Ф. 2. Оп. 2. Д. 3740. Л. 126.

потому эти суждения не могут быть восприняты как истинные, требуют некоторой корректировки.

В госархиве Томской области хранятся также дела, содержащие отношение Главного управления по делам печати томскому губернатору о разрешении издавать в г. Барнауле журнал «Северное пчеловодство» (1896 год), переписку по поводу издания в г. Томске газеты «Сибиряк» (1898-1899 годы) и некоторые другие дела, посвященные нереализованным газетным и журнальным проектам[1].

Наряду с изданиями, разрешения на которые не были получены, имелись в Томске и такие, которые были разрешены, но не выпускались. Первой по времени получения разрешения на издание является ежедневная газета «Сибирь», редактор-издатель М.Н. Вознесенский, свидетельство от 19 декабря 1905 года. В архиве сохранилась секретная переписка о предполагаемом издателе газеты. Так, 21 декабря 1905 года томский полицмейстер рапортовал томскому губернатору: «Вследствие предписания от 15 декабря за № 4411 имею честь донести Вашему превосходительству, что присяжный поверенный Михаил Николаевич Вознесенский состоял под гласным надзором полиции с 21 февраля по 30 ноября 1904 года, содержался по политическим делам в тюрьме, участвовал в демонстрациях и митингах революционеров; занимается адвокатурой, под судом и следствием не состоял и не состоит». Месяц спустя, 16 января 1906 года, томскому губернатору пришли сведения из Департамента полиции о том, что «присяжный поверенный Михаил Николаевич Вознесенский за участие в противоправительственной демонстрации в городе Томске 18 февраля 1903 года был подвергнут на основании Высочайшего повеления 1 ноября 1903 года тюремному заключению на 3 месяца и подчинен гласному надзору полиции в месте жительства на 2 года, но от надзора этого Вознесенский бы освобожден досрочно, на основании Высочайшего повеления 4 декабря 1904 года. По полученным ныне сведениям, Вознесенский является одним из главных руководителей в г. Томске партии социалистов-революционеров и фактическим редактором газеты “Сибирский вестник” вместо официального редактора Соина, причем газета эта издается в противоправительственном духе. Кроме того, Вознесенский принадлежит к партии сибирских сепаратистов. К сему департамент присовокупляет, что последние сведения собраны о Вознесенском не в порядке формального дознания»[2]. Вероятно, близкое

[1] *ГАТО*. Ф.3. Оп. 3. Д. 3657, 4184.
[2] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 1–3.

участие Вознесенского в «Сибирском вестнике» и предопределило его отказ от реализации уже полученного разрешения на издание новой ежедневной газеты «Сибирь».

3 января 1906 года было подано прошение от профессоров Томского технологического института В.А. Обручева и Е.Л. Зубашева, в котором они заявляли о своем желании издавать в Томске в 1906 году ежедневную литературно-политическую газету под названием «Жизнь Сибири»[1]. На прошении синим карандашом надпись: «Разрешаю». Но газета так и не выходила, причина, конечно же, была связана с событиями Первой русской революции.

В 1906 году в Томске было получено разрешение на издание газеты «Народное дело», издатель – врач Н.В. Соколов, ответственные редакторы – «отставной сотник Сибирского казачьего войска» Г.Н. Потанин и потомственный почетный гражданин А.А. Силин, свидетельство от 4 января 1906 года. Томский полицмейстер свидетельствовал (рапорт от 3 января 1906 года): Соколов, Потанин, Силин «поведения и образа жизни хорошего. Потанин – публицист, состоял под особым надзором полиции с 23 февраля по 2 декабря 1905 года, под следствием и судом не состоит; Силин состоит сотрудником газеты “Сибирский вестник”, к ответственности он и Соколов по делам политического и уголовного характера не привлекались»[2]. Возможно, в том, что газета так и не вышла, свою роль сыграло тесное сотрудничество будущих издателей с «Сибирской жизнью», которая к этому времени перешла от братьев Макушиных в руки профессоров Малиновского и Соболева, в связи с этим активно расширялся круг сотрудников обновляемой газеты.

18 января 1906 года в главное управление по делам печати был подан список вновь разрешенных томских повременных изданий: «Народные нужды» (Малиновский, Соболев); «Сибирь» (Вознесенский), «Время» (Базанов), «Вестник Сибири» (в документе было добавлено примечание о том, что «первый номер этой газеты был арестован, после чего газета более не выходит»), «Осы» (Федоров), «Народное дело» (примечание к этому изданию гласило: «газета еще не начала издаваться»), «Жизнь Сибири» (также было добавлено примечание о том, что «газета еще не издается»)[3]. Однако этот предварительный список был до конца года дополнен как названиями выходящих изданий, так и теми, которые остались только в проекте.

---

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 56. Д.400. Л.60.
[2] *ГАТО*. Ф. 2. Оп. 12. Д. 693. Л. 47–54.
[3] *Там же*. Л. 74–75.

12 апреля 1906 года было выдано свидетельство о разрешении издания в г. Томске, при литературно-сатирическом листке «Осы», прибавления под названием «Сибирские новости» по следующей программе:

1) правительственные распоряжения;
2) хроника местная, сибирская, русская и судебная;
3) статьи;
4) фельетон злободневный, литературный и художественный;
5) смесь;
6) рисунки и карикатуры;
7) агентские телеграммы.

Далее добавлялось, что «прибавление “Сибирские новости” будет выходить от 3 до 5 раз в неделю <…> печататься прибавление будет в типографии П.И. Макушина в Томске»[1].

О том, почему не был реализован этот проект, сведений нет; однако в ГАТО хранится рапорт томского полицмейстера от 22 февраля 1906 года о Константине Ивановиче Троицком (русский, 28 лет, «отставной канцелярский служитель»), который с 20 января 1906 года редактировал «Осы» вместо первого редактора-издателя В. Федорова. Полицмейстер рапортовал: «Троицкий в настоящее время определенных занятий не имеет, проживает в д. Голдобино с 21 декабря минувшего года и за это время ни в чем предосудительном замечен не был, но так как Троицкий служил в службе движения Управления сибирской железной дороги, служащие которой, как известно из прокламации “Резолюция служащих сибирской железной дороги”, присоединились к партии социал-революционеров, то он, пристав, отнести Троицкого к политически благонадежным считает с своей стороны опасным, тем более потому еще, что неизвестны причины, по которым Троицкий оставил службу на железной дороге»[2].

4 ноября 1906 года дворянин Евгений Николаевич Зандрок подал губернатору заявление, в котором писал: «Предполагая издавать в г. Томске ежедневную литературную, экономическую и политическую газету под заглавием “Сибирские ведомости”, покорнейше прошу Ваше Превосходительство выдать мне надлежащее свидетельство на право издания газеты и утвердить меня ответственным редактором. При этом заявляю, что во время моего отсутствия редактировать и подписывать газету будет отставной коллежский секретарь Николай

[1] *ГАТО*. Ф. 2. Оп. 12. Д. 693. Л. 25.
[2] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 17, 21.

Филиппович Зандрок. Как я, нижеподписавшийся, так и Н.Ф. Зандрок удовлетворяем условиям, дающим право на редактирование. Газета будет печататься в типографии Макушина по нижеследующей программе: передовые статьи по вопросам политическим, экономическим и общественным, корреспонденции из городов Сибири и Европейской России, фельетоны, местная хроника, обзор печати, обзор жизни Сибири, хроника русской жизни, справочный отдел, смесь, объявления. Подписная цена предполагается на год 5 рублей»[1]. Томский полицмейстер, в ответ на запрос о благонадежности Зандрока, сообщил, что он «служит заведующим конторой страхового общества “Саламандра”, ни в чем предосудительном замечен не был, но, как известно, за служащими названной конторы жандармской полицией (так в документе. – *Н.Ж.*) установлено строгое наблюдение». В свою очередь, Николай Филиппович Зандрок тоже служил в «Саламандре» кассиром, и также не был ни в чем виновен, однако, как и все служащие этого страхового агентства, находился под полицейским наблюдением. Вероятно, в праве издания новой газеты было отказано[2].

Несмотря на то что часть газет, издание которых было разрешено в 1905–1906 годах, по разным причинам не смогли увидеть свет, они являются еще одним свидетельством возросшего интереса сибиряков к изданию периодики.

В предвоенные 1910–1914 годы в Томске вновь начались попытки издания новых газет и журналов. 8 апреля 1910 года подал прошение о разрешении в Томске издавать журнал под названием «Речи Сибири» присяжный поверенный Михаил Иннокентьевич Преловский[3]. В секретной переписке, посвященной выяснению степени благонадежности будущего издателя, были приведены следующие пространные сведения (документ от 21 апреля 1910 года): «Преловский Михаил Иннокентьевич в 1906 году привлекался при вверенном мне Управлении к дознанию, переданному к следствию по делу социал-демократической организации и кассы ее, обнаруженной в г. Томске; был арестован, но по распоряжению Омской судебной палаты из-под стражи освобожден под залог в размере 300 руб. В том же году по распоряжению Временного Томского генерал-губернатора подвергался административной высылке под гласный надзор полиции в Нарымский край на время состояния губернии на военном положении.

---

[1] *ГАТО*. Ф. 2. Оп. 12. Д. 693. Л. 224.
[2] *Там же*. Л. 224–228.
[3] *ГАТО*. Ф. 3. Оп.12. Д. 693. Л. 108.

Вредная деятельность Преловского началась еще в 1903 году и выразилась в следующих преступных действиях: Преловский являлся главным распорядителем социал-демократической партии по приобретению для партии оружия с целью вооруженного восстания. Оратор на заседаниях общества попечения о начальном образовании… производил денежные сборы на нелегальные цели, распространял преступную литературу. Совместно с другими лицами устраивал платные развлечения, сборы с которых поступали на противоправительственные цели. Совместно с частным поверенным Якушевым составил после 18 октября 1905 года от имени всех присяжных поверенных заявление о неприятии ими к защите дел полицейских чиновников, городовых, казаков и вообще лиц администрации, причем в этом же заявлении предлагалось всем присяжным поверенным перейти на помощь рабочему освободительному движению. Вел преступную агитацию среди нижних чинов местного гарнизона, состоял членом в местной социал-демократической вооруженной дружине – главнейший руководитель деятельностью местных кружков социал-демократической организации и всей томской партии. Близость и принадлежность Преловского к социал-демократической организации ясно видны из его дружеских отношений (о чем свидетельствует переписка, переданная к вышеуказанному следствию) к самым видным и точно определившимся комитетским деятелям, как, например, Иннокентию Писареву, который был главным агитатором от комитета во всех забастовках, поставщиком тайных типографий и который после смерти был афиширован в прокламациях комитета как главный борец партии, положивший жизнь свою на идею борьбы с правительством, и ему были устроены гражданские демонстративные похороны. Имеется в переписке документ в виде письма, указывавший, что Преловский оказывал помощь лицам, рекомендуемым ему его приятелями и принадлежащим к крайним политическим партиям, например, ему пишут, прося оказать юридическую помощь, что лицо, “нуждающееся в этой помощи… по убеждениям ярый социал-демократ, хотя более тяготеет к социал-революционерам, можешь с ним переговорить о чем хочешь… Имей, брат, этого человека всегда в виду: можно к нему на всякий случай и укрыть что-либо и самому укрыться…”. В приятельских же отношениях Преловский был с одним из главных деятелей железнодорожных забастовок Мукосеевым и с председателем и главным руководителем октябрьских революционных митингов и бунтарского движения врачом Вульфом Броннером. С последним Преловский оставался во главе

Общества попечения о начальном образовании и в то время, когда общество это и заседания его приняли чисто противоправительственный характер, благодаря этим двум личностям и выдворенному из города Томска инженеру Жемчужникову.

Как адвокат, занимается почти исключительною защитой в судах лиц, привлеченных к ответственности за государственные преступления. Член “Финансовой группы” и “Красного креста”, ликвидированных в г. Томске 20 февраля 1908 года. В эти организации Преловский в 1907 году, по сведениям, передал через некую Арцишевич 60 рублей денег. Участвовал в уличной вооруженной демонстрации, бывшей 18 января 1905 года в г. Томске, однако от судебного преследования по этому делу ускользнул, хотя к дознанию при Управлении привлекался. В его квартире бывали собрания, на коих обсуждались вопросы по предвыборной агитации во Вторую Государственную думу.

Неоднократно подвергался обыскам, по которым, однако, ничего преступного обнаружено не было. По последним сведениям, полученным агентурным путем, но фактически пока не проверенным, Преловский состоит казначеем томской социал-демократической организации»[1].

Вероятно, человек с такой характеристикой не мог получить разрешение на основание нового томского журнала. Однако выход был найден: 13 июля 1910 года В.А. Долгоруков сообщил о своем решении передать свою газету «Сибирские отголоски» «в полную собственность» Преловскому, с тем чтобы редактором ее стал Алексей Иванович Збукирев. К делу приложена справка из Томского окружного суда от 31 июля 1909 года, в которой сообщалось, что «уголовное преследование» Преловского Омской судебной палатой прекращено 29 июля 1906 года за недостаточностью улик. 15 июля 1910 года Преловский выступил с просьбой ходатайство о журнале «Речи Сибири» «оставить без движения впредь до особого заявления с моей стороны о рассмотрении названного ходатайства»[2]. Таким образом, журнал «Речи Сибири» не был воплощен в жизнь, так как его вероятный издатель «переключился» на издание газеты «Сибирские отголоски» (в октябре 1910 года переименованной в «Сибирское слово»).

Газета «Сибирская жизнь» сообщала еще об одном нереализованном проекте: «Томский частный учитель Е.В. Никитин возбуждает пред томской администрацией ходатайство о разрешении ему изда-

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л.109–110.
[2] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 115, 120, 124.

вать в г. Томске педагогический журнал под названием “Сибирский школьный мир” по весьма широкой программе, состоящей из 32 журнальных отделов»[1]; причины, по которым было отказано учителю, не выяснены.

Уже во время Первой мировой войны в Томске была предпринята попытка издания газеты «Bulteno de Tomska Societo Esperantista» на языке эсперанто. 24 марта 1914 года на имя губернатора от имени председателя правления томского общества эсперантистов инженера Константина Максимовича Стрижева поступило прощение следующего содержания: «По поручению правления имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить Томскому обществу эсперантистов издавать газету (листок), согласно параграфу 2 Устава названного общества, под названием “Bulteno de Tomska Societo Esperantista”... на эсперантском и русском языках по программе:

а) руководящие статьи (за исключением, согласно примечанию к параграфу 29 Устава общества, обсуждений вопросов политического, религиозного и национального характера),

б) статьи по истории эсперанто,

в) хроника Томского общества эсперантистов,

г) сообщения о событиях из жизни эсперантистов и эсперантских обществ в России и за границей;

д) оригинальные и переводные рассказы, стихотворения и анекдоты,

е) рецензии о выходящих произведениях эсперантистской литературы,

ж) конкурсы, анкеты.

Названный “Bulteno” имеет выходить пока в количестве 50–100 экземпляров (бесплатно) под моей редакцией в неопределенные сроки по мере накопления материала.

Так как ввиду недостатка средств общества указанное издание может печататься только на гектографе, то одновременно с сим я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать распоряжение и выдать Правлению общества законное дозволение на заведение гектографа для печатания как нумеров названного “Bulteno”, так и повесток, программ и проч.»[2].

Разрешение на право приобретения гектографа обществу было выдано 12 июня 1914 года. Томский полицмейстер сообщил губернатору,

---

[1] *Сибирская* жизнь. Томск. 1910. № 102.

[2] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 13. Д. 670. Л. 1–37.

что сведений о политической неблагонадежности Стрижева не имеется, но у губернатора возник вопрос – кто будет наблюдать за этой газетой, ведь нужен человек, который бы знал язык эсперанто? Стрижев предложил свою же кандидатуру для наблюдения за газетой, а по дополнительной просьбе губернатора сообщил, что название газеты в переводе означает «Бюллетень-листок Томского общества эсперантистов»[1].

Наконец 23 мая 1914 года из Петербурга в адрес томского губернатора пришло следующее сообщение: «Вследствие отношения от 10 сего мая за № 1782 Главное управление по делам печати имеет честь уведомить Ваше Превосходительство, что ввиду сообщенных в означенном отношении сведений законных оснований к запрещению выпуска в свет статс-советником Стрижевым в г. Томске под его же, Стрижева, ответственным редакторством газеты под названием «Bulteno de Tomska Societo Esperantista" не имеется.

Что же касается возложения наблюдения за упомянутою газетою на самого издателя-редактора ее, то таковое является совершенно недопустимым [подчеркнуто в деле красным карандашом], так как оно совмещало бы в одном лице и обязанного возбуждать в надлежащих случаях судебные преследования за статьи, напечатанные в газете, и ответственность за те же самые статьи. Выбор же иного лица, которое должно исполнять по отношению к названному изданию обязанности, предусмотренные п.8 приложения к уставу 114 Устава о цензуре и печати по прод. 1906 г., зависит от Вашего превосходительства. При этом самый факт выхода в свет в г. Томске издания на языке эсперанто заставляет предполагать, что в этом городе есть лица, знающие этот язык»[2].

На требование губернатора срочно найти человека со знанием языка Стрижев сначала предложил посылать номера на цензуру в Москву или в Ковно, где издаются газеты на эсперанто, а затем 11 июля 1914 года представил в качестве кандидатуры наблюдателя за газетой профессора Томского университета, одного из членов-учредителей Томского общества эсперантистов Алексея Александрович Кулябко[3].

Запросы по поводу 49-летнего профессора А.А. Кулябко выявили, что он в предосудительных поступках не замечен, политически благонадежен и вполне может быть цензором листка. Потребовалось только еще письменное согласие профессора принять на себя безвозмездно обязанности цензора по отношению к предполагаемой к изданию газе-

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 13. Д. 670. Л. 1, 6, 7, 8, 10.
[2] *Там же*. Л. 13.
[3] *Там же*. Л. 14–15, 21.

ты на эсперанто. Это согласие в итоге было получено 27 сентября 1914 года[1], и 18 октября 1914 года было выдано свидетельство о разрешении на издание газеты. Однако в настоящее время сведений о вышедших номерах этого издания нет.

Таким образом, «несуществующие газеты» Томска до революции были представлены как разрешенными, но не вышедшими изданиями, так и теми, которые были запрещены властями.

Рассмотренные архивные дела свидетельствуют о значительной активности жителей Томска в области издания периодики. На один реализованный проект здесь приходилось как минимум четыре нереализованных – по разным причинам. В качестве издателей периодики в Томске желали выступать профессора местных вузов, мещане, служащие, представители дворянства, учителя и т.д.

Главным критерием при рассмотрении прошений на разрешение изданий была политическая благонадежность будущих издателей и редакторов. Свои соображения о новом издании губернатору высказывали начальник губернского правления, томский полицмейстер. В целом понимая важность и значение периодической печати для развития края, местная власть, тем не менее, не стремилась поощрять газетную конкуренцию, с чем связано долгое существование «Сибирского вестника» в качестве единственной частной газеты Томска. Эту тенденцию удалось переломить только П.И. Макушину, основавшему в 1894 году «Томский справочный листок».

По названиям и программам предполагаемых к изданию газет и журналов можно судить о том, что издавать местные интеллигенты хотели не только общественно-политические, но и чисто литературные, и специализированные издания. В ряде случаев, не добившись успеха в деле основания нового органа печати, несостоявшиеся издатели переходили в редакции уже существующих газет, или, как это было с Преловским в 1910-х годах, становились во главе уже выходящих изданий.

Становление массовой газеты: «Томский справочный листок» – «Томский листок» – «Сибирская жизнь»

После закрытия в 1888 году «Сибирской газеты» П.И. Макушин понимал, что ему как бывшему издателю оппозиционной газеты официальные власти не доверят ведение общественно-политического ор-

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 13. Д. 670. Л. 23–25, 26–27.

гана печати. В своих воспоминаниях он приводил в пример характерный эпизод: «В начале 1889 г. мне по школьным делам пришлось быть у попечителя учебного округа Флоринского. Закончив деловой разговор, он с иронией обратился ко мне с такими словами: “Что ваша Сибирская газета?! Попечитель все-таки вбил ей осиновый кол. Теперь не воскреснет”. К этому он самодовольно прибавил: “г. Томск должен поставить мне памятник не за то, что я открыл университет, а за то, что я избавил его от социалистов, этой моровой чумы”.

На это я ему ответил: “По нашему верованию, ваше превосходительство, и добрые, и худые живут надеждой на воскресение…”

Времена были тяжелые. В Томске хозяйничали губернатор Булюбаш и названный Флоринский, а в Петербурге главное управление по делам печати возглавлялось министром вн. дел Д.А. Толстым. Мысль о воскрешении газеты пришлось отложить до более благоприятных условий. Эти благоприятные условия создались, и то случайно, только через шесть лет»[1].

Повторная попытка издания газеты была предпринята Макушиным в 1893 году, когда он познакомился с князем Г.С. Голицыным и заручился его поддержкой в делах. Будучи в 1894 году в Петербурге, Макушин представил в Главное управление по делам печати программу «Сибирской жизни», но член совета Г. Адакеевский, по воспоминаниям Макушина, «категорически заявил, что разрешение не будет дано, при этом сделал упрек, что я не сумел сохранить “Сибирскую газету”»[2]. Единственное, на что мог рассчитывать Макушин, – издание «справочного листка». Письмо Голицына начальнику управления по делам печати Феоктистову не дало результатов, так как Макушин был аттестован местными властями, «как человек, ведущий близкое знакомство со всеми политическими ссыльными, находящимися на территории Томска и ближайших к Томской губернии областях». В итоге в частной беседе с Макушиным князь Голицын посоветовал примириться с положением дел и получить разрешение на издание «Томского справочного листка». Он говорил: «Лихо – загнать клин. Программу со временем вы можете расширить, а название газеты изменить. Эти ходатайства ваши будут рассматриваться уже без справок о вашей благонадежности»[3].

---

[1] *Макушин П.И.* Газетно-издательская деятельность во времена царизма (Глава из воспоминаний) // Северная Азия. М., 1928. № 2. С. 95.

[2] *Там же*. С. 95.

[3] *Там же.* С. 96.

В результате в Главное управление по делам печати Макушин подал прошение о разрешении издавать в Томске ежедневную газету «Томский справочный листок» по сокращенной программе: 1) месяцеслов и календарные сведения; 2) правительственные распоряжения; 3) телеграммы Северного агентства; 4) местная хроника; 5) отчеты о заседаниях городской думы, ученых, благотворительных и других местных обществ и судебных мест, без обсуждения судебных решений; 6) справочный отдел; 7) библиографические известия; 8) объявления. Цена – 2 рубля в год. Разрешение было получено 30 апреля 1894 года, а 2 июля вышел первый номер «Томского справочного листка».

Обращаясь к читателям от имени редакции, редактор-издатель П.И. Макушин обозначал следующие цели нового издания: «...служить, по мере сил, уяснению духовных и материальных нужд 50-тысячного населения г. Томска, знакомить это население с состоянием и ходом собственного городского хозяйства, отмечать и поддерживать печатным словом светлые явления нашей жизни и порицать недостойное, развивать в обществе интерес к городским общественным делам и укреплять в нем принцип самоуправления в пределах, указанных законом». Поставленные задачи, по утверждению Макушина, «мирят нас с ограниченностью программы», «дают нам и веру в полезность этого Листка и надежду на сочувственный прием вновь народившегося печатного органа со стороны местного населения». Редакция предполагала, что новый орган печати «будет полезен не для одних жителей Томска», так как «наш город, как университетский, обладающий солидными научными силами, как место различных центральных управлений и как большой торгово-промышленный центр, должен иметь, несомненно, интерес для значительного района Сибири и в проявлениях своей жизни, хотя, в некоторых случаях, может служить образцом для других мест»[1]. Для выполнения намеченной цели газета и ее сотрудники должны, по мнению редакции, «верно и полно изображать жизнь и все желательные улучшения в ней», «честно и нелицеприятно» выполнять сформулированные задачи.

В первом же номере газеты, в разделе «Библиография», встречается имя В.Г. Белинского, на чье мнение «Томский справочный листок» опирался в своем стремлении уделять значительное внимание книжному делу в Сибири. Газета цитировала высказывание Белинского о том, что «книга… есть жизнь нашего времени», «она вводит в душу

[1] *Томский* справочный листок. Томск, 1894. № 1.

разного рода впечатления». Это имя становилось «связующим звеном» между двумя изданиями Макушина: «Сибирской газетой», для которой Белинский был величайшим авторитетом в области литературной критики, и новым «Томским справочным листком», по мере возможности пытающимся возродить традиции закрытой газеты. Макушин в библиографическом отделе ставил цель «давать беспристрастную оценку появляющихся в печати новых книг» и начинал разбор с серии народных изданий, то есть сразу определял свою аудиторию как демократическую, нуждающуюся в книге, но затрудняющуюся с верным выбором.

Поскольку передовые статьи и статьи по вопросам общественной жизни, фельетоны и беллетристика в газете были запрещены, «Листок» наполнялся преимущественно рекламой и справочными сведениями; журналистские материалы были представлены в газете «Местной хроникой» и «Библиографией». В таком виде «Томский справочный листок», даже несмотря на свой ежедневный выход, не мог привлечь много подписчиков – его тираж составлял 1000 экземпляров. Поэтому, продолжая линию, подсказанную Голицыным, в 1895 году Макушин подал прошение в Главное управление по делам печати о переименовании газеты в «Томский листок» и о расширении ее программы за счет таких отделов, как 1) статьи и заметки, имеющие предметом прошлое и настоящее Сибири, 2) фельетоны; 3) корреспонденции; 4) критический разбор книг и периодических изданий; 5) газетные известия; 6) ответы редакции. Уведомлением от 13 мая 1895 года ходатайство было полностью удовлетворено «с условием, чтобы предназначенные к напечатанию в газете статьи не имели характера передовых статей»[1].

6 июня 1895 года вышел первый номер «Томского листка», который продолжал нумерацию преобразованного «Томского справочного листка» – то есть первым стал № 116 (1895). На первой полосе газеты было помещено объявление о том, что «подписчики на “Томский справочный листок” будут получать “Томский листок” до истечения срока на подписку без доплаты». Здесь же объявлось о подписке на «Томский листок» с указанием следующих отделов:

«1. Месяцеслов и астрономические сведения.

2. Правительственные распоряжения – общие и специально касающиеся Сибири.

3. Телеграммы Российского телеграфного агентства.

[1] *Макушин П.И.* Газетно-издательская деятельность… С. 96.

4. Статьи и заметки, имеющие своим предметом прошлое и настоящее Сибири – возможно полное отражение современной общественной и экономической жизни и доступное освещение прошлого в естественно-историческом отношении.

5. Газетные известия – о событиях русской и иностранной жизни.

6. Корреспонденции.

7. Городская хроника – деятельность правительственных и общественных учреждений города: отчеты о заседаниях Городской думы, ученых, благотворительных и других обществ, концертах, спектаклях и проч., сведения о торговле и промышленности города, городские происшествия.

8. Критический разбор книг и периодических изданий.

9. Фельетон.

10. Судебная хроника – отчеты о выдающихся процессах.

11. Ответы редакции.

12. Справочный отдел.

13 Объявления»[1].

По сравнению с «Томским справочным листком» программа газеты увеличилась почти вдвое, что положительно сказалось на подписке: «Томский листок» к концу 1895 года имел уже 2600 подписчиков. Тираж увеличился до 3400 экземпляров в 1896 году в связи с появлением иллюстраций: Макушин «испросил желание иллюстрировать газету, мотивируя свою просьбу желанием дать читателю картины “торжества коронации” и портреты разных лиц и картины их жизни и природы Сибири» (разрешение от 11 апреля 1896 года).

Главным событием томской жизни, которое широко освещал «Томский листок» в 1896 году, было основание второго томского вуза – технологического института. В № 143 (1896) в газете впервые использовался дополнительный цвет – синий: в цветной рамке на первой полосе было напечатано «Высочайшее повеление об учреждении в г. Томске практического технологического института»; на внутреннем развороте была помещена речь профессора Сапожникова «Знание и народное богатство» – о значении этого события. В № 145, 146, 147 и других приводилось содержание речей, произнесенных на торжестве закладки главного корпуса института; в № 144 было опубликовано стихотворение, посвященное будущему институту.

[1] *Томский* справочный листок. 1895. № 116.

Университетская, студенческая тема были постоянными в «Томском листке»: в качестве примера можно указать статью под характерным названием «Нуждается ли студенчество в помощи?»[1]. Поскольку в газете появилась возможность публикации рисунков, в № 214 было помещено изображение «Дома общежития студентов Томского университета», в № 246 – «Здания клиник Томского университета». Эти иллюстрации сопровождались статьями соответствующей тематики. Необходимо подчеркнуть, что в тот период не изображение иллюстрировало текст, а напротив, статьи являлись развернутыми подписями к иллюстрациям.

Из других иллюстраций можно отметить портрет доктора Э. Дженнера, которому принадлежала честь изобретения прививки от оспы (сопровождался материалом, посвященным его памяти); картину «Мост на Уссурийской железной дороге через р. Лефу» (ее комментировала статья «Южно-Уссурийский участок Великой сибирской железной дороги»); картину «Аякские тунгусы» (статья «Тунгусы»)[2] и др. Большинство подписанных работ принадлежало Романову. Иллюстрации «Томского листка», как это заметно из приведенных примеров, имели познавательный характер: с их помощью газета знакомила своих читателей с выдающимися людьми, с видами Сибири и с представителями коренного населения края.

В отличие от «Сибирской газеты», в «Томском листке» активно публиковались переводы и перепечатки, что объяснялось ежедневным выходом и потребностью в большем количестве материалов. На страницах газеты можно было найти переводы с португальского, польского, французского и других языков. Постоянной рубрикой было литературное обозрение, в котором оценивались произведения современных авторов; как и «Сибирская газета», «Томский листок» пристально следил за творчеством В.Г.Короленко[3].

По-прежнему продолжалась полемика с «Сибирским вестником»: теперь основным поводом для претензий ко второй частной газете стал ее «обывательский» характер, «Сибирский вестник» именовался «органом Кит Китычей»[4].

Из тем, поднимаемых «Томским листком» в этот период, можно отметить переселенческий вопрос («К вопросу о колонизации Сибири»);

---

[1] *Томский* листок. Томск, 1896. № 219, 220.
[2] *Там же*. 1896. № 250, 261, 272.
[3] *Там же*. 1896. № 146, 232.
[4] *Там же*. 1896. № 245, 268.

обращение к теме журналистских будней («Утро редактора (шуточный эскиз)», «Наброски»); проблему проституции в Томске (Лидин Викт. «К вопросу об организации правильного надзора за проституцией в Томске»); знакомство сибирского читателя с «мултанским делом»[1].

О внимании газеты к интересам читателя-томича свидетельствует помещение материала Викт. Лидина «Что читает Томск?». Лидин привел следующие данные, полученные «из официального источника, благодаря любезности почтового начальства»: в Томске проживало в 1896 году 50 тысяч человек, выписывалось 286 названий (3746 экземпляров) – 79 названий (1050 экз.) ежедневных газет, 172 названия (2231 экз.) еженедельных и 35 названий (465 экз.) ежемесячных изданий. Лидерами по количеству подписчиков были: из ежедневных газет – «Новое время» (75 экз.), «Свет» (67 экз.) и «Биржевые ведомости» (49 экз.); из еженедельных – «Нива» (450 экз.), «Родина» (170 экз.) и «Вокруг света» (166 экз.), из ежемесячных – «Русское богатство» (53 экз.), «Русская мысль» (50 экз.) и «Вестник иностранной литературы» (42 экз.). В конце своего «беглого очерка» автор приходил к выводу о том, что «город, считающийся центром умственного развития Сибири, с его 50-тысячным населением, университетом, 5 средними учебными заведениями, значительным количеством низших школ, читает далеко меньше любого небольшого городка Германии и Швеции», и желал Томску «проникнуться интересом к окружающему его», не выписывать «Ниву» и «Родину», а пользоваться «более здоровой, существенной умственной пищей»[2]. Таким образом, автор отмечал прежнюю склонность томичей выписывать иллюстрированные журналы для массового читателя, осуждая эту практику. Заметим, что одновременно Лидин сотрудничал с изданием, первым в Томске получившим разрешение на иллюстрирование газетных полос и также стремившимся именно к массовой аудитории. Это противоречие не было зафиксировано самим автором.

В 1897 году Макушин передал в Главное управление по делам печати прошение о переименовании «Томского листка» в «Сибирскую жизнь», и 14 сентября 1897 года разрешение было получено. Последним шагом стало ходатайство о расширении программы газеты следующими отделами: 1) статьи по разным вопросам общественной жизни, русской и заграничной; 2) статьи и известия научного и практического содержания по разным отраслям; 3) исторические, бытовые, этногра-

[1] *Томский* листок. 1896. № 78, 148, 152, 209, 213.
[2] *Там же*. 1896. № 178.

фические и географические очерки, 4) повести, рассказы и стихотворения и 5) обзор событий общественной жизни, русской и заграничной». 4 декабря 1897 года было удовлетворено и это ходатайство, причем, как замечает Макушин, «извещение оказалось подписанным тем же Адакеевским, который в 1895 году категорически заявил мне отказ в разрешении “Сибирской жизни”»[1].

Макушин также подчеркивал, что «Сибирская жизнь» появилась и благодаря толерантному отношению к газете томского губернатора Г.А. Тобизена, который занимал эту должность с 1890 по 1895 годы: именно через него шли ходатайства в Главное управление по делам печати.

Кроме П.И. Макушина – издателя и редактора газеты, в «Томском листке», а затем «Сибирской жизни» принимали участие А.И. Макушин (в качестве соредактора), А.Н. Шипицын, М.Н. Вознесенский, А.М. Тимофеев, С.С. Синегуб, С.Д. Чадов, Г. Б. Баитов, В.И. Федоров, М.Р. Бейлин. «Наиболее ценными и постоянными» томскими и иногородними корреспондентами Макушин в своих воспоминаниях называл А.В. Адрианова, В.С. Арефьева, А.И. Бычкова, П.В. Вологодского, А.М. Головачева, П.А. Голубева, Ю.О. Горбатовского, Ф.Я. Кона, Ф.В. Ленгника, П.Н. Лепешинского, Н.Ф. Олигера, Г.Н. Потанина, С.Ф. Черепанова, С.Д. Чадова, С.П. Швецова, В.К. Штильке, а также профессоров Томского университета И.Д. Малиновского, М.А. Рейснера, В.В. Сапожникова, М.Н. Соболева.

В особом обращении к корреспондентам «Томского листка» редакция подчеркивала свое стремление к тому, чтобы газета «возможно полнее отражала общественную жизнь Сибири», и потому настаивала на расширении круга проблем, рассматриваемых в корреспонденциях, на точности фактических данных, в них содержащихся. Авторы обращали внимание своих сотрудников и читателей на то, что «раскрытие злоупотреблений и предание их гласности путем печати составляет одну из задач местной прессы, и правдивые, обставленные надлежащими доказательствами сообщения заслуживают полного внимания... <…> Вместе с указаниями на недостатки той или иной области общественной жизни желательно отмечать и все, заслуживающее симпатии и подражания; не следует забывать, что газета отнюдь не имеет одни обличительные цели, а задача ее охватить по возможности жизнь со всеми ее хорошими и дурными проявлениями»[2]. Эта двойственность –

[1] *Макушин П.И.* Газетно-издательская деятельность… С. 96.
[2] *Томский* листок. 1897. № 222.

следование одновременно «обличительству» и объективным принципам освещения местной жизни – в итоге привела к расколу редакции, последовавшему в 1898 году.

Макушин подчеркивал в своих воспоминаниях, что «представители прогрессивной политической мысли нашли в газете орган, через который они могли более или менее откровенно, а иногда хотя эзоповским языком, делиться своими чаяниями и мечтами о новой жизни, вскрывая общественные язвы и бичуя произвол и насилие. Оппозиционное настроение объединяло представителей различных оттенков протестующей политической мысли – и народники уживались с марксистами»[1]. Говоря о сотрудничестве с политическими ссыльными, Макушин приводил цитату из книги П.Н. Лепешинского «На повороте»: «“Сибирская жизнь” стала органом казачинских литераторов. На своем островке, т.е. в “Сибирской жизни”, мы чувствовали себя почти что хозяевами газеты. В известной мере мы могли располагать общественным мнением сибирского общества. Наша ссыльная жизнь стала осмысленнее, содержательнее, приятнее и более обеспеченной. Газетная работа значительно повышала наше финансовое положение. Союз с макушинской газетой был очень нам на руку. Литературное оружие, чрезвычайно увеличивало наш удельный вес не только в глазах уездного исправника, но и самого губернатора»[2].

В книге Лепешинского, по словам Макушина, также описывался эпизод избавления колонии политических ссыльных от местного чиновника. Он писал: «Корреспонденции из с. Казачинского лишили заседателя сна и аппетита, а басня “о собольих шкурках”, присланная оттуда и напечатанная в “Сибирской жизни”, оказалась для него роковой». И далее Макушин цитировал отрывок из басни:

В лесах сибирских вековых
Жил волк с большущей пастью,
Который одарен был властью –
Ну, скажем, вроде наших становых
(Известных с давних пор под кличкой «куроцапы»).
Но если «куроцапа» лапы
Привыкли к дани вроде кур,
То наш таежный самодур
Слыл за любителя собольих шкур…»

---

[1] *Макушин П.И.* Газетно-издательская деятельность… С. 97.
[2] Цит. по: *Макушин П.И.* Газетно-издательская деятельность…С. 98.

Финал, сообщал Лепешинский, получился такой: «заседатель сошел со сцены, испортив навсегда свою карьеру»[1].

«Томский листок» – «Сибирская жизнь» в 1897 году издавались в устоявшемся формате: в газете публиковались иллюстрации, велся фельетон, появлялись литературно-критические материалы, очерки, перепечатки (см., например, рассказ К.М. Станюковича «Одно мгновенье (из морских воспоминаний)», который был перепечатан из «Русских ведомостей»). В рубрике «Маленький фельетон» в 1897 году появился материал П. Кошарова «Воспоминания о Ф.М. Достоевском», рассказывающий о встрече автора со знаменитым писателем в Семипалатинске. Публикации такого рода «сближали» читателей отдаленного российского региона с «большой» русской литературой, показывая, что сибиряки знали и ценили великих русских писателей, хранили память даже о недолгих встречах с ними. Это подтверждает и материал, посвященный встрече с другим великим писателем – Л.Н. Толстым («Профессор Легра в нашей редакции»)[2].

Традиционной темой была и полемика с «Сибирским вестником», оживившаяся в 1897 году: в газете были опубликованы такие материалы, как «Сибирскому вестнику», «Темное пятно сибирской прессы» и материал А.И. Тюкалинского «Без фигового листа (страничка из истории сибирской прессы)», «Обычная передержка» (в рубрике «Городская хроника»), «Еще инсинуация “Сибирского вестника”», «Вопли и стенания г. Прейсмана»[3] и др. «Томский листок» настаивал на том, что «Сибирский вестник» «следовал заветам» Картамышева и Полянского, по сути, продолжая линию «истинно-русских людей», и потому, по мнению макушинской газеты, «Сибирский вестник» и под редакцией Прейсмана по-прежнему оставался «за рамками» честной сибирской печати.

В № 222 (1897) «Томский листок» сообщил читателям о грядущих изменениях в объявлении на первой полосе: «С разрешения Главного управления по делам печати “Томский листок” с 1 ноября 1897 года будет издаваться под названием “Сибирская жизнь”. <…> Имея в виду знакомить читателей через ежедневно получаемые телеграммы и на основании русских и иностранных газет и журналов с выдающимися явлениями русской и заграничной жизни в области государственной и общественной деятельности, науки и искусства, редакция озабочена

[1] *Макушин П.И.* Газетно-издательская деятельность… С. 98.
[2] *Томский* листок. 1897. № 61, 82, 172.
[3] *Там же*. 1897. № 11, 37, 41, 44, 64.

улучшением издания в целом, но обратит особенное внимание на проявления сибирской жизни в возможно большем районе нашей обширной окраины. Статьи и заметки, имеющие своим предметом прошлое и настоящее Сибири, будут составлять главные и основные отделы газеты». Это объявление свидетельствовало о следовании Макушиным давно выработанным принципам в отношении газетного дела: уделяя главное внимание сибирским делам, в то же время держать своего читателя в курсе общероссийских и мировых событий, не позволяя его «горизонту» сузиться до границ только сибирского края. Эти принципы были выработаны и апробированы еще в «Сибирской газете», и их применение в новом макушинском проекте можно считать еще одним «связующим звеном» между «Сибирской газетой» и «Сибирской жизнью».

Первый номер «Сибирской жизни» вышел 1 ноября 1897 года под № 235 – газета продолжала нумерацию «Томского листка». В передовой статье «От редакции» газета подчеркивала значение местной печати, которая за последние 10–15 лет «завоевала себе почетное место в газетном и журнальном мире»: «теперь мало найдется голосов, которые отрицательно относились бы к значению и роли провинциальной печати в общественной жизни. Лучшие люди науки и литературы, безупречные общественные деятели всегда смотрели на провинциальную печать не только как на отрадное явление пробуждающегося общественного самосознания известного района, но и как на большую общественную силу, с которой, если она находится в чистых руках, приходится серьезно бороться местным темным дельцам и с которою охотно рука об руку идут все те, кому искренно дороги интересы родного края». В «семье» российских провинциальных газет, отмечала «Сибирская жизнь», сибирская печать по «чистоте и стойкости своих убеждений, по серьезности и содержательности, занимает одно из первых мест, сколько бы не говорили о некоторых печальных явлениях ее недавнего прошлого», и это при том, что «сибирский газетный мир» работает в «особо неблагоприятных обстоятельствах»: «разбросанность населенных административных и промышленных пунктов затрудняет живой обмен мыслей и взглядов интеллигентных работников, недостаточность самой интеллигенции и отсутствие широкой общественной жизни в связи с грубым взглядом местных темных сил на газетного работника не могут невыгодно не отразиться на ведении газеты. Редакции трудно найти истинно мужественных, независимых, надежных и дельных сотрудников и корреспондентов, трудно соста-

вить всегда полный жизни, энергии и своевременности помещаемых в нем известий номер газеты».

Впрочем, новая макушинская газета, следуя принципу не только критиковать, но и отмечать положительные стороны явлений, утверждала, что «данный момент в жизни Сибири представляется благоприятным для газетной деятельности в том отношении, что в ней в настоящее время совершается большой экономический переворот, резко и быстро изменяются бытовые условия, замечается подъем духа у интеллигенции, и эти новые явления сибирской жизни возбуждают живой интерес не только местного населения, но и Центральной России, и заграницы. <…>...Проведение сибирской железной дороги, открытие университета, основание технологического института и целого рода средних, по большей части специальных учебных заведений, появление нескольких газет с определенным направлением, основание и живая деятельность многочисленных научных, просветительских, благотворительных и иных обществ, открытие новых судебных учреждений, непосредственные сношения с заграничными рынками, образование крупных промышленных предприятий – наложило неизгладимую печать на экономические и бытовые условия страны, дало видный отпечаток на умственной ее физиономии и выдвинуло особенно резко целый ряд чрезвычайно важных вопросов, как, например, вопросы об учреждении и организации земства в Сибири, вопросы взаимоотношения инородческой и русской культуры и культуры желтой расы на Дальнем Востоке, проблема земельных отношений крестьян и переселенцев, отношений рабочих и вновь зарождающейся крупной промышленности, о более правильной и научно организованной эксплуатации разных богатств страны и так далее». Несмотря на то что «многие из этих вопросов существуют давно и давно служат предметом деятельного обсуждения местной печатью», «Сибирская жизнь» считала, что «теперь наступило время, когда обсуждение их желательно не только с точки зрения настоятельной необходимости их разрешения для данной местности, но и с точки зрения интересов общего населения Сибири, далеко раскинутые части которой с проведением железной дороги, с развитием пароходных сообщений вступили в более тесную и близкую связь между собой».

Передовая статья завершалась объяснением необходимости выйти за узкие рамки чисто местных интересов небольшого района, которыми ограничивался «Томский листок», что привело к расширению программы и переименованию газеты, а также призывом к местному

обществу оказать «нравственную поддержку», «доверие» и «сочувствие» новой газете Томска.

В 1898 году была расширена программа газеты, хотя внешне она практически не изменилась: по-прежнему помещались иллюстрации, сопровождаемые небольшими статьями (см., напр.: «Памятник Императору Александру II в Москве»; фотографии Императорского Томского университета; «В.Г. Белинский» и др.)[1], публиковались статьи, заметки, корреспонденции и другие материалы по разным вопросам томской, сибирской, русской жизни.

Важной датой 1898 года в жизни Томска и газеты «Сибирская жизнь» было 25-летие Сибирского книжного магазина – первого книжного магазина за Уралом, основанного П.И. Макушиным. В № 38–43 (1898) был опубликован ряд материалов, посвященных этому празднику. Кроме того, в этом же году отмечались юбилейные даты В.Г. Белинского, Н.А. Некрасова, Д.И. Писарева, а также первое 10-летие со дня открытия Императорского Томского университета. Внимание к этим событиям, каждому из которых посвящались отдельные материалы, циклы статей или даже целые приложения, как в случае с В.Г. Белинским, свидетельствовало о возврате принципа «литературоцентричности», которым отличался первый газетный проект Макушина.

В конце 1898 года в редакции газеты произошел конфликт редактора-издателя и части сотрудников, которые в итоге вышли из состава «Сибирской жизни». В воспоминаниях Макушин писал о причине конфликта так: «Они не могли мириться с тактикой лавирования, и поводом к конфликту послужил 1) вопрос о церковно-приходских школах, в ответ на который последовало возражение председателя епархиального училищного совета и 2) мое несогласие допустить в статье начинающего литератора Шерстобитова “о раскольниках” несколько резких выражений. В этих фактах некоторые из сотрудников усмотрели мои симпатии к церковным школам и редакторский деспотизм. Протест их я напечатал полностью в своей газете и дал исчерпывающие на него объяснения. Публика оказалась на моей стороне. И тогда в своей отповеди в газете по поводу означенных обвинений никакого преступления я за собой не признал, не признаю и теперь, проверяя пройденный мною жизненный путь. При иной тактике издание газеты было немыслимо; рабским, эзоповским языком я писал: «лучина дымит, раздражает глаза, засоряет легкие, но сидеть при лу-

[1] *Сибирская* жизнь. Томск. 1898. № 107, 201, 226.

чине все-таки лучше, чем в полной темноте, и пока не настанет век электричества, бедняку приходится мириться с лучиной. Приходится мириться и с существованием церковных школ и утешать себя тем, что эти школы в конце концов дают все-таки учение читать книгу.

Терпеть что-либо по необходимости или сочувствовать чему-либо – понятия различные, и первое нельзя принимать и называть последним.

Выход некоторых лиц из состава сотрудников нимало не отразился на направлении газеты. Вместо ушедших явились новые, и число подписчиков год от года увеличивалось именно после этого; протестанты-сотрудники “Сибирской жизни” остались, однако, в дружеских отношениях со мной, а двое из них, более воспламенявшиеся и молодые – А.Н. Шипицын и М.Н. Вознесенский – главные агитаторы за бойкот “деспота редактора”, впоследствии нашли в себе мужество осознать свою горячность и принесли мне извинение, хотя из солидарности с остальными вышедшими товарищами участия в газете более уже не принимали»[1].

В том же 1898 году Макушин как редактор-издатель был обвинен в клевете, якобы содержавшейся в фельетоне «Человек с лопнувшей душой» (был приговорен Томским окружным судом к 3-месячному тюремному заключению; по апелляционной жалобе Омской судебной палатой приговор был отменен), а также по обвинению в диффамации был приговорен Иркутской судебной палатой к денежному штрафу за фельетон «Осип Осипович Незеваев»[2].

На рубеже XIX–XX веков «Сибирская жизнь» постепенно завоевывала все большую популярность. Братья Макушины стремились к объективности в освещении фактов, уходя от явных конфликтов. После того как с таким трудом было получено разрешение на новое издание, П.И. Макушин стремился сохранить его во что бы то ни стало. Тем не менее издатель не собирался поступаться своими основными воззрениями на задачи местной газеты: вести местную хронику событий, знакомить читателей с выдающимися явлениями общественной и литературной жизни России и зарубежных стран; по мере возможности «обличать» местную власть. Ориентация на демократического читателя проявлялась в газете вниманием к вопросам переселенческого дела, к положению сибирских «инородцев», сибирских рабочих и крестьян, к экономическим проблемам Сибири. Газета продолжала

[1] *Макушин П.И.* Газетно-издательская деятельность…С. 99–100.
[2] *Сибирская* жизнь. 1898. № 44.

внимательно следить за деятельностью томских вузов: практически в каждом номере появлялись публикации о положении студентов, объявления о проводимых лекциях и других мероприятиях в университете и технологическом институте; учащаяся молодежь вообще была постоянным предметом забот публицистов «Сибирской жизни».

Областнические тенденции в газете в этот период были подтекстом всех размышлений о прошлом и будущем Сибири, о ее населении, перспективах экономического и общественного развития. Газета продолжала настаивать на необходимости отмены уголовной ссылки и проведении реформ в Сибири, указывала на статус региона как места ссылки, который тормозил его развитие. Публицисты, объединившиеся вокруг «Сибирской жизни», в целом разделяли взгляды ее руководителя. Многие из высказываемых взглядов озвучивались в процессе продолжающейся полемики с «Сибирским вестником», которая, хоть и утратила первоначальную принципиальность и динамику, тем не менее оставалась фактом местной газетной жизни.

О методах цензурирования «Сибирской жизни» дает представление письмо от 24 января 1903 года редактору-издателю газеты от томского вице-губернатора, который до марта 1903 года выполнял обязанности цензора: «В представленном мне на пропуск № 18 издаваемой вами газеты за текущий год мною была не дозволена к печати заметка о содержащейся в местной женской тюрьме около двух месяцев глухонемой, взятой за бесписьменность на одной из железнодорожных станций вблизи г. Томска.

В настоящее время я признал возможным разрешить эту заметку к напечатанию, за исключением предпоследних строк: “Невыразимо обидно делается на душе, когда подумаешь, что мы, люди XX века, сильные своей культурой, обращаем иногда свою силу на то, чтобы держать в тюрьме беззащитного урода, виновного только в своем уродстве”»[1]. Возможно, цензора насторожила апелляция к обществу, которая прозвучала в этой фразе, ее общий критический пафос.

Перед началом Русско-японской войны, в 1903–1904 годах, на страницах «Сибирской жизни» появились статьи русскоязычного японского корреспондента Фусата-Сузуки: учитывая возросший интерес к быту, традициям и обычаям Японии, к организации ее общественной жизни, газета удовлетворяла читательский спрос с помощью многочисленных статей о Японии, публикации иллюстраций на эту тему.

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 577. Л. 1.

Большая часть рисунков и фотографий публиковалась в специальном приложении к «Сибирской жизни», которое выходило с мая 1903 до конца 1904 года. Изданием его занимались Г.Н. Потанин, А.М. Головачев и П.И. Макушин. В приложении помещались материалы о Сибири, о Дальнем Востоке, о Японии, об известных людях – Д.И. Менделееве, М.А. Сперанском и др. Публикации были в основном историко-географического, этнографического характера, хотя встречались и рассказы, и стихотворения.

С началом Русско-японской войны в «Сибирской жизни», как и во многих других российских изданиях, появилась новая рубрика с лаконичным названием: «Война». Новости этой рубрики в основном представляли собой перепечатки из ведущих столичных изданий – «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русские ведомости», «Русский листок», «Биржевые ведомости» и др. Военные известия заполнили и другие отделы газеты – «Из последней почты», «О чем говорят и пишут», «Русская жизнь» и так далее. Нередко без указания рубрик перепечатывались отдельные материалы о войне, принадлежавшие в основном перу военного корреспондента «Русского слова» Немировича-Данченко. Зная об интересе читателей к личности этого журналиста, «Сибирская жизнь» в одном из номеров посвятила ему отдельный абзац: «Кстати, о самом г. Немировиче-Данченко. Он всегда на передовых позициях и ежеминутно рискует жизнью. Вот легкий набросок, сделанный корреспондентом “Русского инвалида” г. Красновым: “На самой батарее, в сером пиджаке, с солдатским Георгием в петлице, в рейтузах хаки и в круглой белой тропической шляпе, беспечно разгуливает Василий Иванович Немирович-Данченко”. Надо обладать и сознанием профессионального долга, и сильной организацией, чтобы в немолодых уже годах и в “рейтузах хаки” поспевать на самые опасные места, как это делает почтенный Вас. И. Немирович-Данченко»[1].

Перепечатывались «Сибирской жизнью» и другие литературные и публицистические материалы: статьи В. Дорошевича («Русское слово»), посвященные разным вопросам русской жизни; рассказ М. Горького «Человек» (сборник товарищества «Знание» за 1903 год, № 1); переводы произведений иностранных писателей – «Скорбь» Станислава Бржовского, «Лавры» Каз. Тетмайера, «К другу» Ю. Жулавского и т.д.

[1] *Сибирская* жизнь. 1904. № 171.

В газете освещались такие важные для томичей вопросы, как подорожание продуктов питания (М. Соболев «К вопросу о дороговизне в Томске»), размещение раненых[1]. Газета постоянно объявляла о сборе пожертвований на нужды фронта, для помощи раненым, писала о благотворительных обществах (таких как «Дамский комитет для помощи семьям, отцы которых находятся на войне»), о работе студентов-медиков и т.д.

Значительный вклад «Сибирской жизни» в освещение событий Русско-японской войны был оценен читателями: тираж ее вырос до 15 тысяч экземпляров[2].

Революция 1905 года освещалась «Сибирской жизнью» по возможности широко, однако ее подцензурное положение привело к тому, что газета умалчивала о многих событиях. Для Макушиных события 1905 года оказались тяжелым испытанием. Позже П.И. Макушин писал в своих воспоминаниях: «Кровавые события в Томске в октябре 1905 года, когда жизнь моего брата Алексея Ивановича подвергалась опасности, когда дом его был разграблен, а я вынужден был скрыться временно из Томска в тайгу на пасеку, настолько потрясли меня, что я решился временно покинуть Томск и для успокоения нервов выехать за границу. Не желая, чтобы “Сибирская жизнь” с моим отъездом хотя бы временно приостановилась, я предложил профессорам университета И.А. Малиновскому и М.Н. Соболеву взять издание газеты на себя. Получив на то их согласие, я 31 октября 1905 года подал Томскому губернатору соответствующее прошение, и номер газеты от 8 ноября 1905 г. вышел уже за подписью Соболева и Малиновского. Так закончилось мое почти 12-летнее издание и редактирование “Сибирской жизни”, явившейся на свет в виде скромного “Томского справочного листка”. Тираж газеты ко времени передачи ее Соболеву и Малиновскому был 12700 экз.»[3].

Сохранившиеся в Государственном архиве Томской области документы свидетельствуют о том, что новый начальник Томской губернии (Азанчевский-Азанчеев приступил к своим обязанностям 7 апреля 1905 года) поддержал ходатайство Макушина. Телеграмма, отправленная им 1 ноября 1905 года в Главное управление по делам печати, гласила: «Благоволите ускорить передачу газеты “Сибирская жизнь” от

---

[1] *Сибирская* жизнь. 1904. № 37.
[2] См.: *Макушин П.И.* Газетно-издательская деятельность… С. 100.
[3] *Там же.*

Макушина профессорам Соболеву и Малиновскому Западная Сибирь нуждается корректном органе печати»[1].

После перехода газеты в руки новой редакции «Сибирская жизнь» стала более политизированной, яркой, многотемной. К концу 1905 года она политически самоопределилась в лагере кадетской журналистики: публиковала объявления о партийных собраниях, новости о томском отделе «свободной народной (конституционно-демократической) партии», а в декабре на первой полосе газеты появилось объявление о подписке на 1906 год на «народную еженедельную газету» «Народные нужды», «издание Томского отдела свободной народной партии». В краткой аннотации нового издания говорилось, что в нем «будут помещаться статьи в общепонятном изложении по политическим, общественным и хозяйственным вопросам, по земледелию, медицине и пр., правительственные распоряжения, важнейшие телеграммы». Редакторами «Народных нужд» были объявлены редакторы «Сибирской жизни» – профессора И. Малиновский и М. Соболев. Эта газета выходила в течение 1906 года, всего было выпущено 24 номера.

«Народные нужды» в начале своего издания привлекли внимание читателей, о чем свидетельствует тираж газеты – 7500 экземпляров (первый номер, напечатанный в этом количестве, разошелся без остатка, что газета не раз подчеркивала). В ней помещались материалы о Манифесте 17 октября, рецензии (рубрика «О хорошей книге»), публиковались стихотворения (рубрика «Из родных поэтов»), велся отдел «От редакции» – переписка с авторами – и так далее. Разнообразие тем, жанров, особая подача материала (приближенная к пониманию малообразованного селянина), обилие полезной информации (о воспитании телят, о болезнях и лечении домашних животных, о пчеловодстве и т.д.) делали «Народные нужды» действительно интересным изданием. Однако со временем в газете на первый план вышла политика, полемика с октябристами и черносотенцами, появились многочисленные перепечатки, и «Народные нужды» утратили привлекательность для читателей, несмотря на свою дешевизну (годовая подписка составляла всего один рубль). Участие сотрудников «Сибирской жизни» в «Народных нуждах», сходство направления, общая тематика позволяют рассматривать «Народные нужды» и как самостоятельную газету, и как приложение к «Сибирской жизни».

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л.5.

В январе 1906 года в Томск прибыл генерал, барон К.С. Нолькен: после введения в Томске 12 января военного положения он принял на себя обязанности Томского временного генерал-губернатора[1]. 6 октября 1906 года вышло постановление Нолькена о приостановке «Сибирской жизни» на три недели. Он мотивировал это решение следующим образом: «Рассмотрев полученные мною данные о вредном направлении выходящей в Томске газеты “Сибирская жизнь”, приняв во внимание, что за последнее время в этой газете стали появляться статьи, подстрекающие учащуюся молодежь как средних, так и высших учебных заведений к прекращению занятий и к участию в политической борьбе; что в одном из номеров указанной газеты (№ 215) оглашены обстоятельства серьезного следственного дела, каковое оглашение может неблагоприятно отразиться на ходе самого следствия, и что, наконец, в № 214 той же газеты помещена заметка, содержащая в себе совершенно не отвечающие действительности данные о деятельности военно-полевых судов, а равно исчерпав все меры нравственного воздействия и предупреждения в отношении господ редакторов газеты “Сибирская жизнь”»[2]. Было конфисковано 9125 уже отпечатанных экземпляров номера «Сибирской жизни» от 7 октября 1906 года, в помещениях редакции и типографии произведен обыск.

Попечителю Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьеву пришлось доложить о приостановке издания, редактируемого профессорами Императорского Томского университета, министру народного просвещения. Министр потребовал по телеграфу выслать в Петербург номера «Сибирской жизни», «подавшие повод приостановке издания». В связи с этим требованием Лаврентьев обратился к временному генерал-губернатору Томской губернии с просьбой прислать ему указанные номера газеты, поскольку «ввиду крайне возмутительного, а потому в высшей степени антипатичного направления этой газеты, я ее не получаю и не читаю, а потому и затрудняюсь исполнить распоряжение г. Министра, так как мне решительно неизвестно, в каких именно номерах были помещены статьи вышеуказанного содержания»[3].

Нолькен весьма язвительно ответил: «...по долгу службы я читаю все выходящие в Томске периодические издания, причем обращаю

---

[1] *Дмитриенко Н.М.* День за днем, год за годом: хроника жизни Томска. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 112–113.

[2] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 22.

[3] *Там же.* Л. 28.

внимание на статьи и сообщения, касающиеся предметов ведения и действий органов не только ведомства Министерства внутренних дел, но и прочих ведомств. Результатом такого ознакомления моего с направлением местной прессы и было установление вредного направления газеты “Сибирская жизнь”, вызвавшего приостановление издания последней на основании правил военного положения»[1]. Нолькен привел целый список номеров за 1906 год и тех материалов, которые подали повод к приостановке газеты: № 190 – «О возобновлении занятий в высшей школе», № 203 – «Пора прекратить академическую забастовку», № 205 – «Церковные школы в Томской епархии», № 206 – «Разные мелкие заметки», № 207 – «Общестуденческие сходки», № 210 – «О родительских комитетах», № 211 – «На сходке», «Опомнимся! Покаемся!», № 215 – «О студенческих волнениях». Однако номера Лаврентьеву не достались, поскольку, по словам Нолькена, они «имеются в одном экземпляре и необходимы для приобщения к делу о приостановлении издания этой газеты»[2].

В 1906 году в истории «Сибирской жизни» был реализован второй сюжет обхода цензуры: во время приостановки газеты (с 8 ноября 1906 года) вместо нее уже с 9 ноября начала выходить газета «Сибирская мысль». Разрешение на это издание было получено еще в августе 1906 года присяжным поверенным М.Р. Бейлиным (первоначальный вариант названия – «Сибирская речь» – был изменен в связи с выходом одноименной газеты в Иркутске). Вторым редактором-издателем выступил профессор Томского университета статский советник Н.Н. Розин (прошение от 2 ноября 1906 года); 27 ноября 1906 года Бейлин в качестве соредактора представил профессора Томского технологического института В.А. Обручева[3].

Первый номер «Сибирской мысли» вышел 11 октября 1906 года; в этом номере сообщалось о первой приостановке «Сибирской жизни», обыске в типографии и редакции газеты и конфискации номера. После трехнедельной приостановки «Сибирская жизнь» выходила до 226-го номера, но затем была приостановлена уже на 6 месяцев. 4 ноября 1906 года П.И. Макушин уведомил временного томского генерал-губернатора барона К.С. Нолькена о том, что «Сибирская мысль» будет выходить вместо прекращенной «Сибирской жизни»; в № 15 «Сибирской мысли» было помещено объявление «От редакции “Сибирской

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 31.
[2] *Там же*. Л. 31–32.
[3] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1491. Л. 5-11, 14.

жизни”», в котором сообщалось: «Выпуск номеров “Сибирской жизни” нами временно приостанавливается. Подписчики будет получать “Сибирскую мысль”, выходящую в Томске».

Самостоятельного значения «Сибирская мысль» не приобрела и с возобновлением «Сибирской жизни» с апреля 1907 года прекратила свой выход. «Сибирская мысль» рассылалась подписчикам «Сибирской жизни»; в газете публиковалась подписка на «Сибирскую жизнь»; издания были связаны преемственностью в структуре и концепции номеров, у них был общий состав сотрудников, и это позволяет рассматривать «Сибирскую мысль» как одно из «звеньев» газетной «цепочки» «Томский справочный листок» – «Томский листок» – «Сибирская жизнь» – «Сибирская мысль» – «Сибирская жизнь».

В архивном деле имеется также довольно обширная переписка по поводу временного замещения должности редакторов «Сибирской жизни», так как профессора Малиновский и Соболев часто уезжали из Томска в командировки, связанные с научными исследованиями. В феврале 1906 года «ввиду отъезда соредактора газеты И.А. Малиновского на продолжительное время из Томска» временным соредактором был приглашен профессор Императорского Томского университета Н.Н. Розин; в мае 1908 года ввиду отъезда на лето из Томска профессора «предоставили редактирование газеты “Сибирская жизнь” присяжному поверенному М.Р. Бейлину»; в 1909 году Малиновский и Соболев «ввиду предстоящего отъезда из Томска присяжного поверенного М.Р. Бейлина, редактирующего вместо нас газету “Сибирская жизнь”», имели честь заявить, «что с 7 июля сего года обязанности редактора принял на себя впредь до нашего возвращения в Томск профессор Императорского Томского университета Н.Н. Розин»; в мае 1910 года Малиновский и Соболев вновь выехали из Томска на летние месяцы, передав «ответственное редактирование» до своего возвращения профессору Томского технологического института В.Л. Малееву (на этом прошении губернатор написал: «Об этом нужно просить, а не давать явочным порядком!»)[1].

Реакцией на «оппозиционное настроение» газеты «Сибирская жизнь» и постоянную смену редакторов стало письмо попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л. Лаврентьева, который 28 августа 1910 года обратился к управляющему Томской губернией со следующим заявлением: «В Министерстве народного просвещения

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 12, 42, 51, 156.

неоднократно возникал вопрос о несовместимости издания и редактирования газеты “Сибирская жизнь” ввиду направления сей газеты с профессорскою деятельностью.

Принимая во внимание, что и в настоящее время направление этой газеты остается неизменным, и признавая совершенно недопустимым дальнейшее участие профессоров университета в издании и редактировании названной газеты, его превосходительство господин министр народного просвещения предложил мне профессорам Соболеву и Малиновскому немедленно отказаться от издания и редактирования газеты “Сибирская жизнь” или оставить службу в университете.

Профессор Малиновский на мое предложение ответил, что он «никакого участия не принимает в редактировании газеты “Сибирская жизнь”, “что эта газета в настоящее время подписывается “за редакторов-издателей” другим лицом”.

Профессор же Соболев на мое предложение отвечает, что “в настоящее время права редактирования и издательства переданы окончательно в другие руки”.

Ввиду таких уклончивых, двусмысленных, а отчасти и совершенно несообразных ответов вышеозначенных господ профессоров, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать уведомить меня, состоят ли в действительности эти профессора редакторами-издателями и, если не состоят, то кто же в настоящее время издает и редактирует эту газету?»[1]

Губернатор направил требование разобраться с ситуацией губернскому инспектору по делам печати; и в сентябре 1910 года обязанности редактора принял на себя Г.Б. Баитов. Ему было разрешено редактировать газету, хотя в секретном сообщении, переданном томскому губернатору от начальника Томского государственного жандармского управления, говорилось о том, что Баитов подвергался гласному надзору полиции, «имел постоянное сношение с политическими ссыльными и был неоднократно замечен в дерзком поведении по отношению к чинам полиции»; он неоднократно высылался из Томска; вся семья Баитовых – сам Григорий Борисович, «сын его Владимир и жена Александра Александровна, урожденная Нестерова – образуют один из центров, возле которых группируются томские социалисты-революционеры, которые находят в Баитовых ревностных помощников в их преступной деятельности и как бы связующее звено», и вооб-

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 68.

ще Баитов «входит в состав членов Томской социал-демократической организации»[1].

Соболев и Малиновский сложили с себя обязанности редакторов-издателей, о чем уведомили губернатора 8 сентября 1910 года[2]. Редактором стал Баитов, а роль издателя с того времени и до прекращения газеты выполняло Сибирское товарищество печатного дела. Договор о его организации как «товарищества на вере» был заключен еще 7 января 1906 года, и пунктом первым в этом документе значилось: «Товарищество принимает на себя издание выходящей в Томске газеты “Сибирская жизнь”» (в типографии товарищества «Сибирская жизнь» стала печататься с апреля 1906 года). При этом оговаривалось, что «члены товарищества в отдельности не могут вмешиваться в направление газеты “Сибирская жизнь”, но выбирают из своей среды редакционный комитет сроком на один год из числа членов Товарищества в количестве пяти лиц, которые совместно с редакторами “Сибирской жизни” участвуют в общем руководстве направлением газеты “Сибирская жизнь”»[3].

В 1911 году товарищество привлекло к себе внимание томского губернатора П.К. Грана, который потребовал у начальника томского губернского жандармского управления характеристику этой организации. Характеристика эта начинается с признания, что «до настоящего времени во вверенное мне управление не поступало положительных данных, на которых можно было бы обосновать категорическое мнение о деятельности и направлении существующего в городе Томске “Сибирского общества печатного дела”». Однако начальник томского губернского жандармского управления доводил до сведения губернатора, что «большинство членов этого общества... представляют из себя личностей безусловно неблагонадежных в политическом отношении», а «издающаяся в городе Томске кадетская, иудофильская, крайне тенденциозная и безусловного левого направления газета “Сибирская жизнь” составляет одно нераздельно целое с “обществом печатного дела”. Газета эта издается товариществом, редакция ее помещается в одном с обществом доме, многие из числа членов общества и руководителей его делами в то же время являются сотрудниками, инспираторами и руководителями газеты»[4]. Он давал характеристики основным

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 70–71.
[2] *Там же*. Л. 73.
[3] *Там же*. Л. 128–130.
[4] *Там же*. Л. 228.

членам товарищества, являющимся также сотрудниками редакции (Потанину, Шипицыну, Вс. Крутовскому, Баитову и др.), приводил данные об их участии в беспорядках и студенческих волнениях, замечая при этом, что «трудность внутреннего наблюдения за “Товариществом печатного дела” и совместно за редакцией газеты усугубляется тем, что это такая сформировавшаяся, не исключая и чернорабочих, среда, в которую извне проникнуть новому человеку представляется почти невозможным: для этого нужна серьезная рекомендация служащих, и совершенно неизвестное лицо ранее согласия на прием подвергается со стороны внимательному и всестороннему наблюдению и изучению. Попытки в этом направлении всегда терпели неудачу»[1]. Это ценное замечание свидетельствует, во-первых, о том, что среди сотрудников «Сибирской жизни» не было провокаторов, все сведения добывались жандармами с великим трудом, «по агентурным сведениям», «не проверенным формальным порядком данным» – иначе говоря, на основании слухов. Во-вторых, смена редакторов практически ничего не означала для существования самой газеты и не влияла на ее направление – все эти люди были из кружка «Сибирской жизни», и их редакторство до определенной степени было формальным, о чем также говорилось в разнообразных донесениях и отчетах полиции и жандармерии («фиктивный редактор и издатель газеты Баитов, состоящий на жаловании у товарищества за свою подпись и ответственность как редактор»[2]).

В мае 1912 года редактором газеты был утвержден «сын чиновника» П.А. Таловский, до этого бывший редактором-издателем томского журнала «Сибирское кабаре»; в июне 1912 года временным редактором вызвался быть лодзинский мещанин Э.Э. Бергман; после его отъезда из Томска редактирование взяли на себя помощник присяжного поверенного М.Б. Шатилов и мещанин г. Тары Т.В. Каплин[3]. Вся переписка томских чиновников о передаче редактирования газеты сопровождалась секретными донесениями о степени политической благонадежности будущих редакторов, о наличии у них судимостей, об их поведении.

Обязанности инспектора по делам печати в Томске выполнял статский советник Павел Виноградов. К числу особых достоинств этого чиновника следует причислить его каллиграфический почерк, что по-

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 228–229.
[2] *Там же*. Л. 228.
[3] *Там же*. Л. 105–145.

зволяет современным исследователям без труда разбирать его рукописи – копии отчетов в Главное управление по делам печати.

По рукописным отчетам П. Виноградова возможно проследить динамику тиража «Сибирской жизни» и познакомиться с оценкой этого издания местной цензурой. В 1909 году он следующим образом оценивал издание: «По количеству печатавшихся экземпляров газета “Сибирская жизнь”, несомненно, самая распространенная между ежедневными изданиями в Сибири. Нередко номера “Сибирской жизни” в праздничные дни печатались в количестве 9500 экземпляров, а меньшее количество экземпляров в одном номере было 8000.

В газете принимали участие многие профессора Томского университета и Томского технологического института. У газеты много корреспондентов в больших городах Западной и Восточной Сибири, у ней же есть специальные корреспонденты из членов Государственной думы.

“Сибирская жизнь” отстаивает и защищает начала конституционного государства, полную гражданскую и политическую свободу, народное представительство на началах всеобщего равного, прямого и тайного избирательного права, широкое самоуправление земств и городов.

В экономической области газета защищает интересы трудящихся классов народа – крестьян, рабочих и вообще всех живущих личным трудом – и с этой точки зрения дает разрешение вопросам земельного устройства, рабочего законодательства, обложения налогами. Газета тщательно знакомила читателей с нуждами и интересами Сибири, сообщая факты из ее повседневной жизни.

Редакция газеты служила интересам и стремлениям прогрессивной партии, а также и кадетской.

Оппозиционное направление “Сибирской жизни” очень часто проявлялось в официальных статьях, касающихся действий Государственной думы, от которой модно ждать мало блага для России, по выражению редакции.

Космополитические тенденции заметно проявлялись в общем тоне газеты. Еврейские интересы проглядывали, а потому местные интеллигентные евреи могли быть довольными “Сибирской жизнью”.

Присяжный поверенный Томского окружного суда М. Бейлин, еврей, весьма часто был фактическим редактором газеты.

В конторе “Сибирского Товарищества печатного дела”, заведующею приходно-расходными делами газеты, а также и типографией при

ней, управляющим был еврей, кроме него, в конторе служили и еще двое евреев.

Материальное положение “Сибирского товарищества печатного дела”, издающего “Сибирскую жизнь”, в 1909 году было лучше, чем в 1908. Приход по газете и типографии равнялся 114265 р. 92 к. Чистая прибыль за год выразилась в количестве 11337 р. 43 к.

В “Сибирском товариществе печатного дела” около 70 пайщиков»[1].

В отчете за 1910 год Виноградов сообщал, что «Сибирская жизнь», «газета политическая, литературная и экономическая», в 1909 году выходила в максимальном количестве 10500 экземпляров, минимальном – 7600 экземпляров. Также он сообщал о том, что «Сибирская жизнь была оштрафована в 1909 году один раз: «за некролог “Рахмет Авдебеков”, напечатанный в № 163, был наложен штраф в 100 рублей»; также по номерам 156 и 197 были возбуждены судебные преследования инспекцией по делам печати в Томске (20 июня и 11 сентября 1909 года), эти дела были прекращены судом 11 сентября и 24 сентября 1909 года[2].

В 1911 году в «Сибирской жизни» произошел эпизод, связанный с публикацией статьи по случаю гибели П.А. Столыпина, в которой «яркими красками была описана картина царящего в России беззакония». По данным исследователя В.В. Воробьева, «перед выпуском в свет этого номера состоялось собрание редакционного коллектива газеты по вопросу о публикации статьи и репрессиях со стороны томских властей, которые могли за этим последовать. Большинством голосов собрание одобрило выпуск статьи, невзирая ни на какие возможные административные наказания. Как отмечал в своем донесении в департамент полиции начальник Томского губернского жандармского управления полковник С.А. Романов, наложенный томским губернатором за эту статью на газету штраф в размере 500 рублей «комитет охотно и свободно внес, так как редакционным комитетом до наступления нового года предусматривался расход на указанные штрафы в сумме 3000 рублей»[3].

В 1912 году товарищ министра внутренних дел Харузин прислал томскому губернатору телеграмму с требованием «телеграфировать

---

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д.735. Л. 180.

[2] *Там же*. Л. 67, 171, 172, 177, 178.

[3] См.: *Воробьев В.В.* Либеральная периодическая печать Сибири в общественно-политической жизни края (1907–1914 гг.). Омск, 2003. С. 28.

каком количестве экземпляров выпускаются свет издающиеся у Вас газеты, поименно каждая». На этом же бланке было от руки подписано: «Сибирская жизнь» – 9000. «Утро Сибири» – 7500. «Сибирская правда» – 700»[1]. Таким образом, среди ежедневных газет Томска «Сибирская жизнь» была безусловным лидером.

В.В. Воробьев отмечает, что «очень жесткая позиция сибирских чиновников в отношении либеральных изданий, в основном наиболее популярных, особенно ярко проявилась в действиях томской администрации, направленных против крупнейшей сибирской газеты “Сибирская жизнь”. Давление на это издание было настолько сильным и необоснованным, что побудило редактора “Сибирской жизни” Г.Б. Баитова в феврале 1913 года обратиться к министру внутренних дел с жалобой на произвол местных властей. Он писал, что с 1906 по 1912 год газета была оштрафована на сумму 5300 рублей, то есть в среднем за год штрафовалась на 900 рублей. В 1911 году газета “Сибирская жизнь” была оштрафована пять раз на общую сумму в 1300 рублей. При этом, вполне справедливо замечал Г.Б. Баитов, “ни в одном случае не было достаточного основания для наложения взыскания на газету, которая никогда разрушительных идей не распространяла”. Несмотря на то что военное положение и положение о чрезвычайной охране было заменено положением об усиленной охране, которое значительно сужало полномочия местной администрации, редактор писал, что “отношения изменились, но в обратном направлении”. Так, в течение 1912 года на “Сибирскую жизнь” было наложено штрафов на 1900 рублей, а только в январе 1913 года – на 600 рублей. В апреле 1912 года Г.Б. Баитов за помещение в отделе “Томская хроника” заметок о сборе пожертвований в пользу семейств рабочих, пострадавших при событиях на Ленских приисках, был оштрафован на 200 рублей. Кроме того, летом 1912 года по постановлению томского губернатора П.К. Грана он был подвергнут заключению в тюрьму на 2 месяца без замены штрафом за опубликование в газете корреспонденции из Лондона и за перепечатку статьи о ротмистре Трешенхове»[2].

На специальном заседании Главного управления по делам печати докладная записка Баитова была рассмотрена, но конкретного решения принято не было.

Возвращаясь к разговору о содержательной части газеты, необходимо отметить, что «Сибирская жизнь» после Первой русской револю-

---

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 292.
[2] См.: *Воробьев В.В.* Указ соч. С. 38.

ции, способствовавшей появлению легальных партий и активизации в целом политической жизни России, постоянно держала читателей в курсе общероссийской «большой политики». Этому служили рубрики «Из жизни партий», «Из Государственной думы», «Думские впечатления». Газета имела собственных корреспондентов, которые снабжали ее информацией «из первых рук» о происходящем в Государственной думе, и особенно об инициативах и работе сибирской парламентской группы. Постоянными авторами являлись думские депутаты Н. Скалозубов, П. Герасимов, А. Изгоев, И. Вергежский.

Местная политическая жизнь также являлась приоритетным направлением «Сибирской жизни»: деятельность томских отделов партий, участие октябристов в общественной жизни города – эти темы постоянно рассматривались в рубрике «Томская жизнь» и в форме отдельных материалов. Освещались в газете женский, еврейский, рабочий, инородческий вопросы, проблемы борьбы с пьянством, медицина и образование в России, в том числе и в Сибири, спорт и многое другое. Однако главной темой на протяжении 1908–1910 годов оставалось переселенческое движение: практически в каждом номере «Сибирская жизнь» обращалась к организации переселенческого движения, к вопросам взаимоотношений переселенцев и старожилов.

Передовые статьи, хотя и появлялись далеко не в каждом номере газеты, посвящались актуальным вопросам российской и сибирской жизни: «Государство и церковь», «Распространение законопроекта о рыболовстве на Сибирь», «Высылка порочных членов крестьянских общин в Сибирь»[1] и т.д.

Практически в каждом номере публиковались разнообразные сообщения о Сибирской железной дороге: «К злоупотреблениям на Сибирской железной дороге»; «Новый пассажирский тариф»; «Разлив р. Ишима и прекращение движения поездов»; «Дачные поезда», «Пропавший вагон», «Чудовищный железнодорожный проект» и др. Повышенное внимание к железнодорожной тематике было связано прежде всего с тем, что Томск остался «на обочине», и центр «экономического тяготения» постепенно перемещался в Новониколаевск (будущий Новосибирск). Этой проблеме газета посвятила отдельный материал г. Жерновкова под названием «Томск и Новониколаевск (Перемещение центра экономического тяготения)», в котором с помощью статистических данных был показан процесс потери Томском былого

[1] *Сибирская* жизнь. 1908. № 46, 63, 64.

статуса экономического центра Западной Сибири. Автор указывал, что «только благодаря своему культурному значению, учреждению университета и технологического института, нахождению в нем управления Сибирской железной дороги и таким случайным причинам, как сокращение и временное прекращение по случаю войны товарного движения по Сибирской железной дороге, заставившее пользоваться водным путем, Томск удерживает до известной степени положение крупного коммерческого центра Западной Сибири». Но это положение, по мнению Жерновкова, временно, так как «против города Томска – неумолимый ход экономического прогресса Сибири, созданного сибирской магистралью»[1].

Попытки томичей предложить альтернативные решения проблемы, разнообразные варианты железнодорожных путей, которые бы все-таки проходили через Томск, автор оценивал следующим образом: «Если обход города Томска сибирской магистралью был крупнейшей ошибкой сибирского железнодорожного строительства, то стремление во чтобы ни стало исправить досадную ошибку целым рядом новых ошибок ради призрачных и сомнительных интересов одного только города Томска было бы слишком дорогой операцией по живому тему Сибири, более дорогой, чем та, которую произвели над городом Томском незабвенные вершители железнодорожных судеб нашего отечества». Эта точка зрения, высказанная автором в статье, существовала параллельно с продолжающимися попытками «приобщить» Томск к железной дороге, что порождало постоянный поток публикаций по железнодорожной тематике.

Значительная часть газетной полосы отдавалась под сообщения о текущей деятельности многочисленных томских общественных организаций: Общества практических врачей, Общества вспомоществования учащимся, Драматического общества, Общества потребителей, Общества содействия физическому развитию, Общества содействия устройству сельских библиотек в Томской губернии и мн. др. Газета писала о заседаниях обществ, о проводимых ими мероприятиях, публиковала годовые отчеты.

Перепечатки из столичных и провинциальных российских газет, которые постоянно публиковались в «Сибирской жизни», отражали не только крупные общественные явления, но и любопытные казусы, затрагивали частные «модные» темы: «Алкоголизм в Петербурге»

[1] *Сибирская* жизнь. 1908. № 237.

(«Русь»); «Клуб самоубийц» («Русское слово»); «Санинцы» («Голос Москвы»); «Дворянский съезд» («Новое время»), «О рассеянности» («Сатирикон»), «Скандал в Союзе русского народа» (Биржевые ведомости») и др.

Литературная часть газеты была представлена многочисленными переводными произведениями, стихотворениями и прозой местных авторов: особенно активными среди них были Г. Вяткин, Г. Гребенщиков, В. Шишков. В. Булгаков, который в 1910 году стал секретарем Л.Н. Толстого, писал в «Сибирскую жизнь» материалы на литературные и общественные темы: «День в среде Л.Н. Толстого и его друзей», «Еще “мемуары” о Сибири»[1].

Своеобразной формой рецепции русской классики в газете было соотнесение цитат из произведений знаменитых писателей и современных российских деятелей. В «Сибирской жизни» на протяжении 1908 года публиковались такого рода «маленькие фельетоны»: «Наша пресса (Эпиграфы из “Ревизора”)», «Посвящение (Эпиграфы из “Горя от ума”)», «Подарки дедушки Крылова (попурри из басен)», «Из Гоголя. Штрихи и характеристики из сочинений Н.В. Гоголя, направленные на наших современников и знакомых», в которых с помощью высказываний русских классиков описывались Витте, Гучков, Меньшиков, Пуришкевич, Суворин, Союз русского народа, «Новое время» и другие личности и явления современной российской действительности[2].

Основными формами литературной критики в «Сибирской жизни» были ежемесячное «Журнальное обозрение», рубрики «Библиография», «Театр и искусство», а также периодически появляющиеся статьи о современных писателях и поэтах (напр., «К юбилею гр. Л.Н. Толстого»; «Чехов о Сибири»; Николаев П. «Силуэты польских писателей»; Вяткин Г. «Чехов и жизнь») либо посвященные памяти выдающихся деятелей литературы («Памяти Гаршина»; «Певец добра и красоты. Я.П. Полонский»; «Истинный интеллигент. Н.Г. Чернышевский»; Николаев П. «Великий гражданин А.И. Герцен»)[3]. Нередко материалы о современной литературе появлялись под рубрикой «Маленький фельетон», например «Литература и жизнь» Г. Вяткина[4].

Региональные журналисты интересовались явлениями в области русского модернизма, что отражалось в таких материалах, как «Борь-

---

[1] *Сибирская* жизнь. 1908. № 135, 172.
[2] *Там же.* 1908. № 114, 196, 239; 1909. № 63.
[3] *Там же*. 1908. № 21, 61, 75, 223; 1909. № 13; 225; 1910. № 6.
[4] *Там же*. 1908. № 28, 40, 46, 52.

ба Ватикана с модернизмом» Н. Терновского, «Сибиряк у декадентов (письмо из Москвы)» Г. Вяткина, «Новое искусство» Бориса Ф., «Из текущей журналистики. Новомодные литераторы». В целом сибиряки не принимали нового течения, акцентировали внимание на его комических сторонах, подчеркивали пустоту и незначительность произведений модернистов. Так, рецензируя книгу З. Гиппиус «Черное по белому» (рубрика «Библиография»), автор писал: «… рассказы не оставляют глубокого впечатления. Это – мелочи, пустячки. Кое-где автор пытается поставить оригинальную психологическую задачу, но слабо разрабатывает ее, так что она не трогает читателя. Книжка, пожалуй, больше для дорожного чтения»[1].

Современная литература, по мнению одного из авторов «Сибирской жизни, Г. Вяткина, переживала в это время «один из интереснейших моментов своего развития, когда реализм жестоко воюет с модернизмом, а в этом последнем ежеминутно нарастают новые наслоения». По контрасту с этим оживлением, указывал Вяткин, «русская периодическая печать переживает тяжелую эпоху обесцвеченного, придавленного, молчаливого безвременья». На примере «груды газет» автор отмечал такие тенденции, как «почти полное и хроническое отсутствие руководящих передовых статей», что, по мнению Вяткина, свидетельствовало о зависимости провинциальной периодики «от различных течений политической и общественной жизни»; «пустоту» и в «нижнем отделе газет – в отделе фельетонов»: «на их месте часто встречаются большие перепечатки из столичных газет», «реже беллетристические переводы с французского и немецкого», «еще реже – оригинальная беллетристика, кстати сказать, очень невысокого качества; этой беллетристике нередко предшествуют стихи местных поэтов, также невысокого достоинства». Более того, по замечанию автора, «иногда в отделе фельетона встречаются, как это ни странно, отчеты благотворительных обществ и полемические статьи между какими-нибудь повздорившими обывателями…».

Вяткин подчеркивал, что «отдел маленьких фельетонов как самостоятельный в газетах почти отсутствует и заменяется перепечатками», «отдел собственных корреспонденций поставлен также неудовлетворительно», «мелочами наполняется и отдел местной, городской хроники». В целом впечатление от обзора, считал автор, «безусловно прискорбное, постыдное и в то же время глубоко знаменательное для

[1] *Сибирская* жизнь. 1908. № 14, 31, 104; 1909. № 1; 1910. № 36.

переживаемого нами исторического момента реакции и безвременья»: именно состояние общественной жизни в России и в Сибири являлось причиной «жалкого и смешного» состояния провинциальной прессы[1].

В целом «Сибирская жизнь» отличалась повышенным вниманием к вопросам журналистики: по страницам газеты можно восстановить хронику появления новых изданий в Томске, в Сибири и в России, их цензурной истории, получить представление о ведущейся газетной полемике. Газета сообщала о выходе новых номеров томского журнала «Сибирский земледелец и садовод», обращала внимание на его краткое содержание; размещала рекламу журналов «Силуэты родного города» (впоследствии переименованного в «Силуэты Сибири») и «Молодая Сибирь»; помещала отклики на петербургский журнал «Сибирские вопросы». Темы состояния и текущих проблем периодической печати освещались и в жанре передовой статьи, и в «маленьком фельетоне», и в других жанрах[2].

Читательская активность томичей отслеживалась «Сибирской жизнью» по сведениям почтово-телеграфной конторы Томска. Так, в небольшой заметке «Что читает Томск» в разделе «Томская жизнь» отмечалось, что «Томск получает следующие журналы и газеты: русских 210, английских 19, немецких 16, французских 19 названий, в количестве более 2000 экземпляров. Из русских газет две трети получается прогрессивных, которые по распространенности идут в следующем порядке: “Русское слово”, “Речь”, “Русь”, “Современное слово”, “Новое время”, “Русские ведомости”; из журналов: “Русское богатство”, “Мир божий”, “Журнал для всех”, “Нива”, “Пробуждение” и порядочное количество детских журналов. Самое последнее место занимают “Русское знамя”, “Земщина” и “Россия”». Особенно подчеркивалось широкое распространение своей газеты «Сибирская жизнь», которую получали на всех станциях Сибирской железой дороги, «от Кургана Тобольской губернии до Канска Енисейской губернии»[3].

Не обошла вниманием «Сибирская жизнь» и выход в Петербурге нашумевшего сборника «Вехи» в 1909 году: этому событию был посвящен целый ряд публикаций, принадлежавших перу авторов-сибиряков. Это материалы П. Николаева «Раздумье у “Вех”», анонимный «Сборник “Вехи” перед лицом русской действительности» и объемное исследование профессора И. Малиновского «Начальная страница из

[1] *Сибирская* жизнь. 1908. № 173.
[2] *Там же*. 1909. № 2, 8.
[3] *Там же*. 1909. № 199.

истории русской интеллигенции (ответ авторам “Вех”)», впоследствии изданное отдельной брошюрой (объявление о списке произведений И. Малиновского на продажу в книжном магазине Макушина). Публицисты «Сибирской жизни» отмечали, что «ни одна книга русских писателей не вызывала за последнее время столько шуму и толков в печати, как только что вышедший сборник “Вехи”; в нем наша интеллигенция подвергнута всестороннему рассмотрению». Замечая, что «книга в высшей степени интересна», авторы считали: «знакомство с ней является прямо-таки долгом всякого, считающего себя интеллигентным лицом». Опираясь на мнения русских журналистов, высказанные по поводу «Вех» в «Современном мире» (Луначарский), «Русском слове» (Григорий Петров), «Русском богатстве» (Пешехонов), авторы «Сибирской жизни» критически оценивали сборник, объясняли его появление так называемой «болтливостью», «высказыванием своих ощущений и мыслей без этически необходимой сдержанности». Основная тональность «Вех», по мнению «Сибирской жизни», – «инстинктивная ненависть авторов “Вех” к поглощающему личность массовому движению»[1].

Материал И. Малиновского о «Вехах» представлял собой публикацию его лекции. «Вопрос о “Вехах” – злоба дня», – утверждал профессор, и потому он считал необходимым откликнуться «на эту злобу дня». Сборник Малиновский оценивал как «суд над русской интеллигенцией», произведенный «по всем правилам судопроизводства», с вынесением обвинительного приговора. Из всех пунктов обвинений автор «Сибирской жизни» счел необходимым ответить на обвинение Гершензона в том, что русские интеллигенты «не жили, а делали общественное дело». Для этого Малиновский предлагал вспомнить одну из страниц истории русской интеллигенции, «начальную страницу», на которой «начертано» «два дорогих имени»: А.Н. Радищев и Н.И. Новиков. Профессор подробно рассказывал о жизни и деятельности «двух благороднейших людей, которые являются родоначальниками русской интеллигенции», так как, по его мнению, именно они «водрузили те “вехи”, которые должны указывать путь русской интеллигенции»: «общественная самодеятельность, жизнь для общества, для народа, любовь к народу, просвещение народа»[2]. Именно на эти «вехи», а не на те, что были указаны в сборнике, предлагал ориентироваться Малиновский всей современной русской интеллигенции.

---

[1] См.: *Сибирская* жизнь. 1909. № 128, 133, 254–256; 1910, № 41.
[2] *Там же*. 1909. № 256.

Необходимо также отметить, что в 1907–1908 гг. «Сибирская жизнь» вновь обратилась к теме областничества: она была связана главным образом с новыми молодежными кружками, члены которых стремились к изучению Сибири и потому в качестве образца избирали деятельность областников. Характернейшим примером может служить цитата из статьи «Сибирский кружок томских студентов», в которой утверждалось: «Сибирское общество имеет в прошлом целую плеяду истинных патриотов Сибири, ратовавших за ее светлое будущее, болевших за окраину и на служение ей отдававших все силы своего ума и сердца. Чем же наиболее достойно может почтить память лучших своих граждан возрождающаяся Сибирь? Нет и не может быть лучшего памятника, как проведение в жизнь заветов “лучших граждан окраины”, и это будет памятник поистине нерукотворный!».

Автор статьи считал, что именно университетская молодежь является идейным наследником областничества, так как «самые светлые, широкие надежды возлагали патриоты Сибири на сибирский университет, в нем они видели разрешение “сибирской проблемы”, с университетским вопросом в уме патриотов Сибири неразрывно соединялось представлении о новой эре исторической жизни Сибири. И вот сибирскому университету они завещали великую миссию: разработку научных знаний в области этнографии, географии, естествознания и экономики и проч., развитие культурного уровня сибирского общества, развитие в нем областного самосознания и гражданской доблести, сплочение разбросанного по тундрам и лесам необъятной Сибири ее многочисленного инородческого элемента в одно целое путем приобщения его к началам науки и гуманизма и воплощение его в общественных формах истины и справедливости. Такова миссия университета молодой Сибири»[1].

Добавим, что на страницах «Сибирской жизни» высказывались мысли и о недостаточном влиянии томских высших учебных заведений на жизнь региона. Автор «Маленькой заметки (об общеобразовательных экскурсиях)» под псевдонимом «Старый сибиряк» (предположительно, А.В. Адрианов) отмечал: «С учреждением университета и технологического института Томск приобрел значение умственного центра Сибири. Он приобрел это значение, но не осуществил его в должной мере, не сделался еще умственным центром огромного края, не вошел в тесную связь с его частями, не установил между со-

[1] *Сибирская* жизнь. 1908. № 2.

бой и ими того взаимодействия, на которое он способен и для чего он вполне приспособлен». Публицист считал, что «оба этих учебных заведения служат до сих пор лишь школой для поступающей в них молодежи, стекающейся со всех концов России, и, может быть, в такой же мере обслуживают нужды кавказской молодежи, как и сибирской, не углубляя и не разветвляя своего влияния в том крае, для которого эти учреждения созданы»[1]. «Старый сибиряк» высказывал пожелание «широкого приобщения» сибирского общества к «сокровищнице знаний» посредством не только общеобразовательных экскурсий, но и публичных лекций, выставок.

Создание Сибирского кружка томских студентов в 1908 году, Томского общества изучения Сибири в 1909 году стали показателем возросшего общественного интереса к идеям «местного патриотизма» и своеобразным «катализатором» всестороннего изучения Сибири.

Газета отмечала возросший интерес к Сибири и на общероссийском уровне. Так, например, в материале «К изучению Сибири» перечислялись научные экспедиции, которые отправляли за Урал Академия наук, Музей Императора Александра III и другие учреждения. В материале «Маленькие заметки» автор под псевдонимом «Старый сибиряк» обращал внимание читателей на общество изучение Сибири, созданное в Петербурге; регулярно появлялись сообщения о проведении «сибирского вечера в Петербурге», о деятельности сибирского землячества в Москве и т.д. Рубрику «На сибирские темы» в течение 1908 года вел «Об-ский», рассматривая вопросы взаимодействия российского центра и Сибирского региона[2].

В материале М. Курского «В заботах о крае» автор обращал внимание читателей на изменившийся статус региона: «Как перестала Сибирь быть местом отброса негодного населения Европейской России, так пора ей перестать быть исключительно поставщицей своих богатств для жизни метрополии и нести роль ее питательницы. Она уже не может выполнять роль колонии, оставляемой в черном теле, – насколько в ней развилась и окрепла гражданская жизнь с вполне осознанными духовными потребностями». М. Курский подчеркивал положительную роль Русско-японской войны для Сибири, поскольку в это непростое время регион «духовно и граждански созрел». Однако этого, по мнению автор, не замечал центр: «Москва по-старому хозяй-

[1] *Сибирская* жизнь. 1909. № 20.
[2] *Там же.* 1908. № 74, 75, 89, 243, 256; 1910. № 122, 140.

ничает в Сибири, считая ее своей вотчиной»[1]. Выходом из сложившейся ситуации Курский считал сибирский съезд, на котором можно было бы обсудить нужды Сибири, ее экономические перспективы.

О стремительных изменениях в жизни региона говорил и автор цикла «Калейдоскоп. По градам и весям»: он обращал внимание читателей на причины этих трансформаций: такие крупные явления, как постройка Великого сибирского пути, грандиозное переселенческое движение, великие политико-нравственно-умственно-физически-психические встряски, именуемые «днями свобод»» и так далее. Вопрос: «Где же Сибирь?» являлся «центром» всего материала: общественная жизнь ее, внешний облик городов, население теперь не имеют, по мнению автора, специфических «самобытных» сибирских черт, и это отмечено как положительная тенденция. Автор утверждает, что в итоге «приобщения» Сибири к общерусской жизни «есть и хорошее, есть и дурное, очень дурное. Но нет уже прежней изолированности, дичи “медвежьего угла”»[2].

Несмотря на все изменения, авторы «Сибирской жизни» отмечали, что в России по-прежнему сохранялось отношение к Сибири как к глухой провинции. Этой проблеме был посвящен материал Г. Потанина «Какой-то Ташкент». Поводом к публикации послужило известие о смерти В.Ф. Комиссаржевской, когда «в одной из самых почтенных петербургских газет один из пользующихся доброй репутацией сотрудников… начал свою статью словами: “Получено нелепое известие о том, что в каком-то Ташкенте умерла» и пр.”. Это побудило Потанина задуматься: «Почему в “каком-то” Ташкенте? Почему Ташкент “какой-то”, а Петербург не “какой-то”?» Публицист размышлял о том, что «эпитет какой-то, прилагаемый к предмету или лицу, означает, что этот предмет или это лицо не заслуживают уважения порядочных людей», следовательно – «все, что исходит из Петербурга, прекрасно, умно и благородно, все, что не петербургское, – безобразно, глупо и подло. Другого вывода из этого эпитета провинциал сделать не может. И он не может не почувствовать себя обиженным этим эпитетом».

В поисках ответа на вопрос о причине такого пренебрежительного отношения к провинции Потанин отмечал, что «и место, где помещена эта статья, и литературная физиономия автора, как она обрисовалась предыдущей деятельностью писателя, заставляют высказывать по его поводу с необходимой осторожностью». По мнению автора «Сибир-

[1] *Сибирская* жизнь 1908. № 6.
[2] *Там же*. 1909. № 17.

ской жизни», «едва ли можно обвинять» петербургского жителя «в глубоком органическом презрении и недружелюбии к провинции»; единственное, чем можно объяснить это выражение, «исключительно неосмотрительностью». Эта неосмотрительность – прямое следствие сложившейся ситуации в отношении столичного жителя и провинциала, которую Потанин описывал так: «Петербуржец воспитывается, растет, живет и действует в такой благоприятной общественной атмосфере, что провинциал может ему только завидовать. Эта атмосфера дает петербуржцу большие умственные преимущества над провинциалом, но это не дает петербуржцу повода заноситься над провинциалом. Он должен знать, что эти благоприятные условия в очень малой степени обязаны своим появлением его самодеятельности, что они скорее счастливый результат исторических обстоятельства и отчасти созданы искусственно мерами правительства».

Публицист задавался вопросом, может ли в таких условиях житель столицы «не заноситься над провинциалом, чувствуя свое превосходство», ведь «для среднего человека... заносчивость перед менее культурной средой дело естественное», потому и петербуржец «не может не чувствовать неравенства, существующего между ним и обывателем “какого-то” Ташкента или “какого-то” Томска». Потанин констатировал: «обыватели провинции по сравнению с петербуржцем – кто же этого теперь не сознает – люди, ограниченные в правах». Именно эта ситуация, считал публицист, отражалась в языке, и получалось, что «Ташкент, Томск – это все “какие-то”, все не настоящие города. Настоящий город в России – насколько русской фантазии дозволено мечтать об идеальном городе – только Петербург», «все, что вне Петербурга, все “какое-то”»[1]. Нужно «иметь большую независимость», заключал Потанин, «чтобы не попасть под влияние господствующих манер» – и читатель мог сделать свой собственный вывод о том, насколько независим и культурен был автор высказывания о «каком-то Ташкенте». Этот материал вновь обращал внимание читателя на глубинное противопоставление «центра» и «провинции», существующее в России на уровне подсознания, что доказывала статья: не злой умысел, а общее представление о провинции порождало подобные высказывания в центральной печати.

Кроме университетского вопроса и экономического положения Сибири, изначально находившихся в сфере особого внимания об-

[1] *Сибирская* жизнь. 1910. № 82.

ластников, одним из самых дискуссионных был вопрос о ссылке. Несмотря на то что в начале XX века уголовная ссылка в Сибирь была прекращена, оставалась ссылка политическая. Эта проблема ежегодно поднималась в публикациях «Сибирской жизни»: «Состав политических ссыльнопоселенцев», «Ссылка и каторга» (перепечатка из газеты «Речь»), «Ссылка в гиблые места Сибири», «Ангарская ссылка», «Несколько слов о ссылке в Сибирь»[1].

«Символом» и идеологом областничества в «Сибирской жизни» был Г.Н. Потанин, который постоянно публиковал в газете свои статьи: «Ни за, ни против амурской дороги, но…»; «Инородческие музыкальные мотивы»; «Этнографический музыкальный вечер»; «О моих гражданских правах»; «И.В. Омулевский в моей памяти»; «В Чемальском тупике» и мн. др.[2] Его соратником оставался А.В. Адрианов, также помещавший в «Сибирской жизни» материалы на темы этнографии, археологии, сибирской истории: «Этнографическая экскурсия в Сибирь»; «В гостях у мамонта (Археологический эскиз)»; «Сарго (Свадьба у качинских инородцев)»; «К вопросу о музее в Томске»; «Выставка рисунков»; «Экспедиция в Монголию» и др.[3]

Практически ежегодно «Сибирская жизнь» поздравляла Г.Н. Потанина с его днями рождения, а в юбилейные годы посвящала ему все большее количество материалов. Когда в 1910 году Потанину исполнилось 75 лет, юбилей «маститого старца» воспринимался как событие общесибирского масштаба. Поздравления со всех концов Сибири и России, пришедшие в редакцию, публиковались затем на страницах газеты. В «Сибирской жизни» сообщалось о «чествовании Гр. Ник. Потанина студентами-сибиряками» в Петербурге[4].

Силами приверженцев областничества в Томске 20 февраля 1909 г. был организован «Сибирский вечер», в программу которого вошли: «1) татарское отделение (12 номеров пения и музыки); 2) хоровое (3 номера); 3) якутская сказка; 4) камлание (прибыл шаман с р. Катуни); 5) монгольское отделение (4 номера); 6) бурятское отделение (4 номера); 7) алтайские мелодии; 8) русские песни (оркестр балалаечников); 9) русская пляска». Ответственным распорядителем вечера был Г.Н. Потанин, одним из организаторов – А.В. Адрианов. Подчеркивая, что уже приготовления к сибирскому вечеру вызвали у публики большой

[1] *Сибирская* жизнь. 1909. № 24, 111, 189; 1910. № 37, 141.
[2] *Там же*. 1908. № 54, 59, 259, 269; 1909. № 30, 141–142.
[3] *Там же*. 1908. № 55, 81, 84, 85, 116; 1910. № 19, 89, 113.
[4] *Там же*. 1910. № 31.

интерес, Адрианов выступил на страницах газеты с подробным описанием будущих номеров. Он акцентировал внимание читателей на том, что вечер преследует две цели: одна из них – благотворительная, это сбор средств для петербургского и московского обществ вспомоществования учащимся сибирякам. Другая, не менее важная, – постараться, чтобы «этот вечер носил подлинную этнографическую окраску, чтобы широкая городская публика имела возможность вынести впечатление о некоторых сторонах подлинной жизни населяющих Сибирь народностей».

Адрианов отмечал, что «наибольший интерес публики, по справедливости, сосредоточен на камлании, то есть изображении шаманского священнодействия», кратко описывал суть «религиозных воззрений шаманистов», а также дал характеристику приглашенному шаману: «На сибирском вечере будет демонстрировать шаманское действие представитель этой исчезающей религии, алтаец кам Мампый, приехавший в Томск из самого сердца Алтая... Ему 40 лет. Они ни слова не понимает по-русски». Несмотря на то что шаман представлялся томичам главной «приманкой» вечера, Адрианов обращал внимание и на другие особенности предполагаемых выступлений: он считал, что особый интерес у публики должен вызвать и якутский сказочник, и татарское отделение вечера, и сожалел о том, что «не удалось добыть для вечера киргиз, этих подчас изумительных певцов, способных заинтересовать своим пением европейское общество»[1].

Непосредственно с «Сибирским вечером» были связаны публикации: «Алтайский кам» Г. Потанина, «На сибирском вечере» Георгия В-ина, отчет о доходах в рубрике «Томская жизнь», «Пребывание кама в Томске»[2]. Публицисты отмечали, что, «кроме несомненного образовательного и эстетического значения, вечер имеет еще ту положительную сторону, что он явился прекрасной попыткой объединения представителей различных сибирских народностей, а среди интеллигентных русских сибиряков усилил интерес к самобытным чертам природы и жизни нашей великой окраины»[3]. Мероприятие имело и материальный успех: в итоге было собрано 2233 р. 64 к., из которых половина покрыла расходы на организацию, а около 1200 было передано «в пользу недостаточных сибиряков, обучающихся в столичных высших учебных заведениях».

---

[1] *Сибирская* жизнь. 1909. № 38.
[2] *Там же*. 1909. № 39, 41, 42, 46.
[3] *Там же*. 1909. № 41.

Наконец, авторы «Сибирской жизни» подчеркнули обоюдную пользу как для публики, так и для участников, задействованных в вечере. Так, по мнению Адрианова, большое значение имело выступление для татар: «замкнутые до сих пор в своей жизни и ограждаемые китайской стеной сложившихся обрядовых условий мусульмане делают первый шаг пробить эту стену и выступить на более широкий путь культурного развитии. Очевидно, течения мысли передовых слоев проникли и в эту замкнутую среду, достигли глубже лежащих слоев»[1]. Также публицисты отмечали: «...если томичи, вытащив из недр Алтая истого сына его, кама Мампыя, и устроили для себя целый ряд зрелищ из его действий, как представителя шаманской веры, зато и дали ему очень много, знакомя его с разными сторонами жизни большого культурного города и с разными лицами»[2]. Шаману показали цирк, кинематограф, телефон, электрическое освещение, познакомили с процессом печатания газеты. Алтаец согласился также дать еще два сеанса камлания 26 февраля: один из них был проведен в технологическом институте, и профессора и студенты могли проводить измерения температуры, пульса и другие обследования.

Таким образом, можно констатировать, что газета действительно выполняла задачу, сформулированную в ее программе: «С особой тщательностью редакция будет знакомить читателей с нуждами и интересами Сибири, сообщая факты ее повседневной жизни и давая им посильное освещение» (из объявления о подписке на 1909 год).

В предвоенные годы цензурные репрессии в отношении «Сибирской жизни» вновь усилились. Так, 3 марта 1913 года инспектор по делам печати в Томске П.Т. Виноградов по просьбе секретаря Томской духовной консистории В. Карташова отдал распоряжение арестовать № 49 газеты «Сибирская жизнь» от 2 марта 1913 года: «причиной ареста и возбуждения “за ложные сведения” уголовного преследования по ст. 1034 (4) Уложения о наказаниях послужила заметка “В Томской консистории”, сообщавшая о недостаче в кассе консистории 13000 рублей. Однако Главное управление по делам печати, рассмотрев жалобу редактора “Сибирской жизни” Г.Б. Баитова, вынесла следующее решение: “Налагать арест на номер 49 не было оснований, так как “означенная заметка как по спокойному характеру изложения, так и по со-

[1] *Сибирская* жизнь. 1909. № 38.
[2] *Там же*. 1909. № 46.

держанию не могла возбудить в населении враждебное отношение к названному учреждению”»[1].

В марте 1913 года томский губернатор П.К. Гран потребовал от начальника томского губернского жандармского управления предоставить данные «о степени политической благонадежности, взглядах и направлении сотрудников издающейся в г. Томске газеты “Сибирская жизнь”». Губернатору был представлен секретный отчет инспектора по делам печати в г. Томске П. Виноградова, в котором газета была охарактеризована как «одна из самых распространенных в Сибири. Часто случалось, что воскресные номера этого повременного издания в зимнее время печатались в количестве 10000 экземпляров, большею же частью в количестве 9000. <…> Сотрудниками эта газета богата, в числе ее были профессора Томского университета, Томского технологического института, корреспондировали три члена Государственной думы, давая читателям освещение законодательных действий с кадетской точки зрения, вызывая своими комментариями в читателях оппозиционное отношение к действиям правительства, а также целесообразности действий Государственной думы и Государственного совета». В отчете также было указано, что «против редактора “Сибирской жизни” в 1912 году было… возбуждено три уголовных преследования», но прокурор Томского окружного суда не нашел состава преступления, и дело о привлечении редакторов «Сибирской жизни» к судебной ответственности было прекращено. Наконец, из цитируемого отчета становится ясно материальное положение газеты. Инспектор по делам печати замечал, что «штраф редакция “Сибирской жизни” всегда была в состоянии легко платить: ее финансовое положение очень хорошо, лучше чем в 1911 году, когда чистый доход от издания был более 7.000 рублей». Хотя, по его же словам, «Сибирская жизнь» до некоторой степени «сдерживала свои оппозиционные порывы и агитационные выступления против правительства вследствие опасения подвергнуться каре административной и платить штраф»[2].

Кроме отчета инспектора по делам печати, губернатор получил также список, включавший 59 сотрудников газеты «Сибирская жизнь», составленный 2 февраля 1913 года томским полицмейстером «по объявлениям редакции, опубликованным в газете». Свой труд чиновник предварил следующим сообщением: «Доношу вашему превосходительству, что на посланный мною в январе месяце сего года за № 305

[1] Цит. по: *Воробьев В.В.* Либеральная периодическая печать… С. 20.
[2] *ГАТО*. Ф.3. Оп. 12. Д. 728. Л. 147–149.

запрос редакции о сообщении подробных сведений о звании, имени, отчестве и месте жительства сотрудников редакция уклонилась дать просимые сведения, под тем предлогом, что на основании параграфа 15 временных правил о повременных изданиях (Прилож. к ст. 114 уст. о ценз и печати) местной администрации сообщается лишь имя, отчество, фамилия и местожительство издателя и ответственного редактора». Он также характеризовал «Сибирскую жизнь» как «орган оппозиционный; она считалась профессорской газетой потому, что вдохновлялась горячим сотрудничеством и руководством местных профессоров самого крайнего левого направления… В настоящее время, несмотря на выбытие по разным причинам из Томска многих профессоров-вдохновителей, представление о “Сибирской жизни” как о профессорской газете в публике сохраняется. Газета упорно преследует враждебное настроение к существующему строю, дискредитирование власти, разрушение добрых нравов, колебание основ семейной жизни, поощрение смуты и беспорядков в академической жизни высших учебных заведений»[1].

На всех перечисленных в списке сотрудников была представлена «Справка из дел Томского губернского жандармского управления»; одним из показателей неблагонадежности в этом документе считалось участие в редакционном комитете «Сибирской жизни», который в 1911 году пропустил к печатанию «ярко противоправительственного характера статью по поводу смерти покойного председателя Совета министров, статс-секретаря Столыпина». В этом преступлении обвинялись А.В. Адрианов, М.И. Боголепов, Е.Л. Зубашев, В.М. Крутовский, А.И. Макушин, И.А. Малиновский, Г.Н. Потанин, М.Н. Соболев, Г.Б. Баитов[2].

С января до конца мая 1913 года сумма штрафов «Сибирской жизни», по сведениям В.В. Воробьева, составила 2300 рублей (газета была оштрафована пять раз). Это побудило Г.Б. Баитова дать обещание исполняющему обязанности томского губернатора И.В. Штевену впредь не допускать «путем печати» нарушений действующего обязательного постановления. Он просил сократить вдвое наложенный на него в мае 1913 года штраф в размере 1000 рублей. Просьба редактора была удовлетворена, однако штрафы налагались по-прежнему. Всего за 1913 год газету оштрафовали 11 раз на общую сумму 4200 рублей. Кроме того, были арестованы номер от 2 марта 1913 года за заметку

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 728. Л. 150.
[2] *Там же*. Л. 153–158.

«В томской консистории» и номер от 6 октября 1913 года за статью «За неделю»[1]. Такое количество наказаний, как справедливо замечает Воробьев, тяжело было выдержать даже такой солидной газете, как «Сибирская жизнь». Поэтому в начале января 1914 года Г.Б. Баитов, вновь чистосердечно раскаявшись в содеянном и дав обещание не допускать «на будущее время нарушений действующего постановления путем печати», снова был вынужден просить уменьшить наложенный на издание штраф с 500 до 250 рублей. Тем не менее, продолжая публиковать статьи на злобу дня, газета вновь была оштрафована на 500 рублей, а номер от 18 июля 1914 года был арестован. При этом против редактора было возбуждено уголовное дело[2]. Ранее, в 1913 году, за освещение стачки торговых служащих фирмы Второвых сотрудник «Сибирской жизни» А.В. Адрианов был приговорен к ссылке на 3 года в Нарымский край, которая была заменена ссылкой в Минусинск[3].

В целом, оценивая состояние печати в 1913 году, «Сибирская жизнь» писала: «Истекший… год для сибирской печати был так же щедр на репрессии, как и предшествующий, и ничуть не уступал ему по количеству и сумме штрафов, конфискации газет, приостановке изданий и аресту редакторов». Перечислив все известные случае цензурных репрессий, автор материала приходил к выводу о том, что, несмотря на «неблагоприятные условия, печать в крае развивается количественно и крепнет идейно; за самым ничтожным исключением, она носит прогрессивный характер и на своем тяжелом посту остается верным стражем своей родины»[4].

В канун Первой мировой войны «Сибирская жизнь» обладала стабильной, но при этом достаточно динамичной внутренней структурой, позволявшей перестраивать модель номера в соответствии с информационной картиной дня. Самые свежие и актуальные новости помещались в газете одной строкой под рубрикой «Новости дня»; их дополняли телеграммы не только от Петербургского телеграфного агентства, но и от собственных корреспондентов. Блок телеграмм для удобства делился на более мелкие разделы с подзаголовками «Забастовки», «Манифестации», «Пожары», «Чума», «Разные» и так далее. Наряду с прежними появилась постоянная рубрика «Жизнь провинции», а также «Новые книги и журналы». В объявление о подписке на 1914 год

---

[1] См.: *Воробьев В.В*. Указ соч. С. 39.

[2] См.: *Там же*.. С. 39–40.

[3] *Амельянчик Н.А*. Адрианов Александр Васильевич // Томск от А до Я: краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 7.

[4] *Сибирская* жизнь. 1914. № 6.

к основному рекламному блоку был добавлен следующий текст: «В газете будут помещаться карикатуры и шаржи на злободневные общие и местные темы; кроме того, по важнейшим событиям жизни Европейской России и Сибири время от времени будут выпускаться особые иллюстрированные бесплатные приложения»[1].

Важным событием в жизни газеты была публикация «Воспоминаний» Г.Н. Потанина, продолжавшаяся в течение 1913–1915 гг. В них нашли отражение жизненный путь и размышления сибирского ученого и публициста, начиная с 1850-х годов, представлен широкий круг лиц, с которыми был знаком мемуарист. В начале 1914 года Потанин также поместил в газете материал, посвященный памяти своего друга и единомышленника Д.А. Клеменца[2]. Публиковались объемные материалы нового автора, Евгения Колосова: «К характеристике русского марксизма», «Чехов и Михайловский» и ряд других[3].

Подведение итогов в начале 1914 года сменилось в газете обостренным вниманием к международной политической жизни. На страницах «Сибирской жизни» появились такие материалы, как «Русско-германские отношения», «Тройственный союз и Россия. Угрожает ли Германии и Австрии война с Россией»; в № 128 (1914) на первой полосе было выделено шрифтом увеличенного кегля сообщение об убийстве эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги. В каждом номере можно было найти статьи о предстоящей подготовке к мировой войне: «Боевые силы Турции и Греции», «Порядки в немецкой армии», информационные подборки, объединенные общим заголовком, как, например, «Страна накануне всеобщей войны»[4]. В структуру газеты была введена рубрика «Накануне войны», которая после объявления о начале военных действий сменилась постоянными рубриками «Европейская война», «Военные заметки» и «Отголоски войны» и, наконец, просто «Война» (в 1916 году).

Из-за вмешательства военной цензуры уже к концу 1914 года газета стала выходить с белыми прямоугольниками на полосах вместо снятых материалов. Внешний облик газеты в военное время изменился и благодаря практике размещения с агитационными целями огромных заголовочных комплексов на внутренних полосах. Так, в № 220 (1914) заголовок извещал читателей: «Сегодня сбор белья для армии»; в № 45

[1] *Сибирская* жизнь. 1914. № 9.
[2] *Там же*. 1914. № 10.
[3] *Там же*. 1914. № 87, 115.
[4] *Там же*. 1914. № 78, 128, 133, 141, 151.

(1915) сообщал: «Сегодня последний день благотворительного базара. Окажите помощь пострадавшему населению царства Польского!»; в № 71 (1915) лаконично призывал: «Помогите армянам-беженцам!».

Как и многие издания России, «Сибирская жизнь» зафиксировала на своих страницах первоначальный патриотический подъем в обществе. Газета публиковала сообщения о манифестациях по всей России и в самом Томске. Сообщалось, например, что в Томске «после литургии в кафедральном соборе более тысячи человек устроили на улицах города манифестацию по случаю объявления Германией войны России. Манифестанты прошли с пением народного гимна, криками “ура”, причем впереди несли икону, портрет Государя и национальные флаги»[1].

В связи с началом Первой мировой войны и введением чрезвычайного положения «Сибирской жизни» постановлением начальника Томской губернии Дудинского от 26 августа 1914 года был запрещен выпуск отдельных телеграмм. Однако уже с 29 августа выпуск телеграмм был разрешен, без объяснения причин[2]. В 1914 году вновь произошла смена руководства: ответственным редактором стал Г.И. Козлов; после его отъезда на пост заступил Т.В. Каплин.

Сравнивая принципы освещения военных действий 1904–1905 и 1914–1917 годов, можно заметить как сходство, так и различия. В обоих случаях военная тематика в газете заняла большую часть газетной площади, не вытеснив, однако, материалы о томской общественной и культурной жизни (хотя они и были сокращены в объеме). И в 1904–1905, и в 1914–1917 годах война освещалась по перепечаткам из центральной прессы, но во время Первой мировой войны по большей части источниками информации служили все-таки русские авторы. Если к японскому народу россияне в целом не испытывали ненависти, это было скорее любопытство, – что отразилось в публикациях о культуре, обычаях, традициях японцев, которые появлялись в печати во время разгара военных действий, – то подобные материалы в отношении европейцев – участников Первой мировой – отсутствовали. Публика на этот раз больше интересовалась не традициями, а вооружением воюющих стран (см. материалы: «Вооруженные силы Австро-Венгрии, Сербии и Черногории»; «Вооруженные силы Германии, Италии, Франции и Англии»; «Вооруженная Европа»)[3].

---

[1] *Сибирская* жизнь. 1914. № 158.
[2] *ГАТО*. Ф.3. Оп. 12. Д. 728. Л. 166–173.
[3] *Сибирская* жизнь. 1914. № 154, 158, 172.

Отметим, что в обоих случаях значительно увеличивалось количество иллюстраций в газете. Во время Первой мировой на страницах «Сибирской жизни» публиковались карты, портреты, карикатуры. Изображения давались с текстами; так, подпись к портрету «генерала Фон-Эммиха, командовавшего германской армией, атаковавшей Льеж», содержала информацию о том, что этот военачальник «кончил жизнь самоубийством после того, как целый ряд приступов окончился поражением немецких войск»[1]. Карикатуры также подписывались, иногда здесь было довольно большое количество текста. К примеру, под двумя картинками, изображавшими «турка» с «Вильгельмом» и «турка» с «русским», были помещены следующие диалоги:

«Вильгельм: Поговаривают, что ты воевать раздумал?

Турок: Я?! Что вы! У меня все готово. Флот и армия.

***

Русский: Поговаривают, что ты воевать думаешь.

Турок: Я?! Что вы! Да у меня ни армия, ни флот не готовы!»[2].

Специальные бесплатные иллюстрированные приложения к «Сибирской жизни», выходившие в 1914–1915 гг., представляли собой сборник изображений с лаконичными подписями. Так, в приложении к № 240 (1914) были помещены следующие иллюстрации: 1) «Собор в Реймсе. Фасад»; 2) «Собор в Реймсе. Сбоку»; 3) «Порфирий Никитич Крылов. Автор “Флоры Алтая и Томской губернии”»; 4) «Городское училище им. Пирогова в Томске»; 5) «Слушательницы IV курса естественного отделения Сибирских высших женских курсов (1910–1914 гг.); 6) «Новая мечеть в Томске»; 7) «Выставка “Детский труд и отдых”, бывшая весной 1914 года в г. Томске»; 8) «Америка о европейской войне». Подбор изображений давал представление о жизни в Томске и за рубежом, знакомил с известными людьми Томска и томскими студентами, выполнял функции своеобразной хроники городской жизни.

В объявлении о подписке на 1915 год было изменено дополнение к основному рекламному блоку: теперь газета сообщала, что в «Сибирской жизни» «особое внимание обращено на всестороннее освещение событий военного времени, с каковою целью редакцией приглашен специальный военный обозреватель, значительно увеличено количество телеграмм от собственных корреспондентов из Петрограда, помещаются рисунки, портреты и шаржи, иллюстрирующие главным образом различные моменты военного времени, а также по мере надобности

[1] *Сибирская* жизнь. 1914. № 213.
[2] *Там же*. 1914. № 207.

издаются и прилагаются для подписчиков бесплатно карты различных театров войны»[1].

Интерес читателей к международной политической жизни, желание быть в курсе происходящих военных событий расширили спектр тем, освещаемых в «Сибирской жизни». Здесь появляются такие материалы, как статья «Война и международные экономические отношения» профессора М.И. Боголепова, «Красный крест» Ин. Дагаева, а также «Германская рабочая партия и война», «Кооперация и война», «Европейская социал-демократия и война», «Война и сельское хозяйство в Сибири», «Манифест германских с-д» и т.д.[2]

В сражениях Первой мировой войны принимали участие томичи, входящие в состав Томского 39-го пехотного полка (участвовал в боевых действиях на Западном, Юго-Западном и Северо-Западном фронтах, в Томашовском сражении; был выведен в тыл в 1915 году после больших потерь вследствие газовой атаки в районе г. Балимова), а также Сибирского 42-го стрелкового полка (состоял из 7-го Красноярского и 8-го Томского полков; сыграл немалую роль в отражении германского наступления и в деблокировании крепости Осовец, в сражении на реке Нареве. Расформирован в 1918 году). Газета следила за передвижениями и деятельностью сибирских полков, помещала сообщения о них из других газет[3].

«Сибирские вопросы», отодвинутые войной на задний план, уже в 1915 году вновь начинают занимать значительное место на страницах газеты. В 1915 году появляются материалы о «Большом сибирском вечере», организованном местной интеллигенций в пользу Сибирского общества помощи раненым; публикуются статьи о создании областной организации, об областном съезде представителей городов Западной Сибири. Газета обращала внимание на положение ссыльных, милитаризацию студенчества, женский вопрос, проблему инородцев и т.д. В 1916 году значительное место в газете было уделено 50-летию общественной деятельности П.И. Макушина, его «детищу» – Народному университету в Томске[4].

«Сибирская жизнь» была единственным изданием в Томске, которое «перешло» из дореволюционной эпохи в «послереволюционную», она выходила до 1919 года. Краткая история ее в это время такова: с

---

[1] *Сибирская* жизнь. 1914. № 242.
[2] *Там же*. 1914. № 45, 155, 201, 256, 273.
[3] См.: *Печать* о сибирских полках // Сибирская жизнь. 1914. № 231.
[4] *Сибирская* жизнь. 1915. № 20, 30, 45, 63, 65, 82, 176, 200, 210, 213.

марта 1917 года редактором (последним редактором в истории этой газеты) стал А.В. Адрианов. 31 января 1918 года «Сибирская жизнь» была закрыта по постановлению Томского губисполкома Совета рабочих и солдатских депутатов «за антикоммунистическую пропаганду». Типография Сибирского товарищества печатного дела была конфискована. В начале июня 1918 года после падения советской власти «Сибирская жизнь» вновь была возобновлена. В сентябре-декабре 1918 года она была приостановлена в связи со всеобщей забастовкой рабочих-печатников Томска. 21 декабря вышел последний номер «Сибирской жизни», прекращенной навсегда после восстановления советской власти в городе. В типографии «Сибирской жизни» стала выходить газета «Знамя революции».

В декабре 1919 г. был также арестован редактор «Сибирской жизни» А.В. Адрианов; он был расстрелян томскими чекистами в марте 1920 года как «бывший редактор черносотенно-провокаторской газеты «Сибирской жизни»[1].

Таким образом, история «Сибирской жизни», несмотря на ее долговечность, может быть поделена только на два периода: «макушинский» – с 1894 года по 1905, и «профессорский» – с 1905 по 1919 год. За это время основная концепция газеты, по сути, не изменилась: это стремление к максимальной информативности, ориентация на качественную журналистику, привлечение к изданию газеты широкого круга участников, объективность как основной принцип работы. Несмотря на то что газета была близка к кадетскому направлению, в пору политической дифференциации она предпочла остаться в лагере беспартийных изданий.

Идеологической платформой во второй период существования «Сибирской жизни» было областничество, наиболее яркими представителями которого были Потанин и Адрианов. В новых изменившихся условиях они «проверяли на прочность» областническую доктрину, находя в ней непреходящую актуальность для отдаленного российского региона.

Новые томские газеты начала XX века

В 1905 году, еще до принятия Манифеста 17 октября, газетный рынок Томска пополнился частной «торгово-промышленной и общественной» ежедневной газетой «Сибирские известия». Ее издателем

[1] *Сагалаев А., Крюков В.* Потанин. Последний энциклопедист Сибири. Томск, 2004. С. 198.

выступил М.Н. Кононов, обладатель собственной типолитографии. Первый номер «Сибирских известий» вышел 1 сентября 1905 года, это было подцензурное издание (газета освободилась от цензурного контроля 8 декабря 1905 года), придерживавшееся правых взглядов. «Сибирские известия» стали третьей частной газетой Томска, выходившей одновременно с «Сибирской жизнью» и «Сибирским вестником».

Передовая статья «От редакции» ярко демонстрировала верноподданнические чувства сотрудников новой газеты. Здесь отмечалось, что «Сибирские известия» начинают «свою посильную работу на пользу родины... в великий исторический момент», поскольку «6 августа высочайшим Манифестом возвещено о преобразовании нашего государственного строя: русский народ призван к участию в государственном строении. <…> Русскому народу дана возможность непосредственно, чрез своих представителей, чрез своих “лучших, доверием общественным облеченных” людей, доводить до сведения Верховной власти о назревших потребностях жизни». В статье подчеркивалось, что далеко не все в России восприняли инициативу правительства так же восторженно, как «Сибирские известия»: «Манифест, как этого и можно было ожидать, не удовлетворил некоторую часть нашей передовой интеллигенции, мечтавшую, оставив в стороне многовековые исторически традиции русского народа, сразу, с места в карьер, пересадить на нашу почву западно-европейский конституционализм». Эта «некоторая часть» осталась недовольна, по мнению газеты, тем, что «вековые исторически устои остались ненарушенными, основные законы Российской Империи сохранены неприкосновенными», «связь с прошлым и духом народа не порвана». Между тем, указывали «Сибирские известия», «русский народ проходил более или менее благополучно через тяжкие исторически испытания только благодаря своей духовной мощи, своим национальным традициям и началам», «на национальных началах великого русского народа, началах народности и единения с своим Царем, создался его культурно-исторический тип, на них зиждется историческая преемственность его развития». Газета решительно выступила против «космополитического интернационализма»: «русскому народу не свойственны идеи и приемы немецкой социал-демократии, французского или испанского коммунизма, английской аристократии и т.п.»[1].

[1] *Сибирские* известия. Томск. 1905. № 1.

Редакция нового томского органа печати следующим образом сформулировала свое видение современного состояния общества и его ближайшие перспективы развития: «Лишь порядок, законность и производительный мирный труд одни могут вывести нашу родину на истинный путь из ее современного хаотического состояния. Действительные, а не воображаемые нужды народа, беспристрастная оценка истинного положения вещей, а не идеологическое политиканство – вот что нам необходимо прежде всего. Действуя на этой национальной и законодательной почве законными средствами, мы можем и должны охранить и расширить сферу наших личных и общественных прав, которые уравняют всех нас перед законом, которые обеспечат нам необходимые в гражданском общежитии свободу совести, веры, слова, печати, союзов, собраний»[1]. Газета обещала читателям именно «с точки зрения законности и порядка... давать на столбцах “Сибирских известий” беспристрастную оценку явлений нашей общественной жизни и потребностей страны», особо подчеркивая, что «первое и главное место» здесь будет уделено Сибири, в частности вопросу о сибирском земстве.

В первых номерах «Сибирские известия» пытались соответствовать заявленной «торгово-промышленной» тематике, уделяя большое внимание вопросам развития золотопромышленности, сибирского и дальневосточного рынка, а также проблемам земства, общественным общероссийским проблемам. В газете велись такие рубрики, как «Театр и музыка», «Томская хроника», «Судебная хроника», «Сибирская летопись»; поднимались проблемы развития сибирских промыслов («Кедровый промысел в окрестностях г. Томска»). Во многих материалах, принадлежащих перу И.И. Иванова, осуждались студенческие волнения: «К началу академических занятий»; «Академическая свобода в Томске»; «Студенты и антистуденты» и др.[2] Довольно часто в газете помещались перепечатки как публицистических произведений (в основном из «Нового времени»), так и рассказы, переводы.

В № 15 (1905) в газете был размещен материал «Скептика» «Маленькие письма о маленьких делах. Письмо I». Статья начиналась следующим образом: «“Маленькие письма”… Под таким заглавием, как всем известно, издатель “Нового времени”, талантливый публицист и литератор А.С. Суворин печатает свои обзоры и отзывы о современных событиях. Сознаюсь, что и заимствую у г. Суворина его оригинальное

[1] *Сибирские* известия. 1905. № 1.
[2] *Там же*. 1905. № 1–3, 9.

заглавие и, так сказать, прямо начинаю с литературного плагиата». В отличие от Суворина, чьи «маленькие письма», по мнению томского автора, «часто говорят о делах огромной важности», «Скептик» освещал в своих заметках местные вопросы, касающиеся выборов в городские органы самоуправления, приводил отклики местной периодики о «Сибирских известиях» как о газете «черносотенной» и т.д.

«Сибирский вестник» поместил несколько заметок о будущем издании («Новая газета в Томске»; «Поправка»), пообещав читателям сказать «еще несколько слов», когда выяснится общественно-политическое «лицо» газеты. Такая статья, действительно, появилась в одном из октябрьских номеров «Сибирского вестника» под заголовком «Опыт насаждения человеконенавистничества» (автор «Грин»). Газета констатировала, что «Сибирские известия» выступили с определенной, резко очерченной физиономией»: «это – орган "русских людей"», которые «взяли для себя привилегию говорить за весь русский народ». Рассмотрев отношение «Сибирских известий» к студенчеству, к предстоящим выборам гласных в Томскую думу, его методы полемики в стиле «Маленьких писем» Суворина, редакция пришла к выводу, что «слова – словами, а как только дошло до дела, так сквозь новый красивый грим начинают проглядывать безобразные черты». И если у «лукавого старца» Суворина, на который ориентируются «Сибирские известия», «с внешней стороны красиво и стройно» – «у наших доморощенных патриотов своего отечества выходит и смешно, и некрасиво»[1].

В свою очередь, «Сибирские известия» полемизировали с «Сибирским вестником» (см. материалы «Маленькие письма о маленьких делах. Письмо II»; «О человеконенавистничестве»[2]), выводя своего противника под названием «Неистовый радикал».

Необходимо отметить, что «Сибирские известия» усиленно декларировали повышенное внимание к Сибири. Так, в объявлении о подписке на 1906 год сообщалось: «Газета, обращая особенное внимание на нужды Сибири, отводя главное место вопросам ее жизни и развития, в то же время знакомит читателей с выдающимися явлениями русской и заграничной жизни», «вопросы сибирской жизни, сибирской торговли и промышленности, сибирского земства, школы и пр. будут освещаться с точки зрения законной прогрессивности, основа которой – порядок, законность и производительный мирный труд»[3]. Но в

[1] *Сибирский* вестник. 1905. № 142, 145, 209.
[2] *Сибирские* известия. 1905. № 27, 34.
[3] *Там же*. 1906. №. 36.

действительности эти темы в газете освещались крайне скудно, тем более что вскоре в России и Томске начались события, отодвинувшие «сибирские нужды» на задний план.

После обнародования царского Манифеста 17 октября 1905 года и трагических событий в Томске (20–23 октября 1905 года), когда в результате стихийных демонстраций и погромов были убиты сотни человек, в «Сибирских известиях» на первое место вышла политика. Газета приветствовала 17 октября – день подписания манифеста «о совершенствовании государственного порядка» – как «великий день давно желанной свободы», когда народу была «возвещена непреклонная Царская воля, решившая даровать многомиллионному населению необъятной России незыблемые основы гражданской свободы: неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов». По оценке «Сибирских известий», «свершилось то, к чему долгое время стремилась лучшая мыслящая часть нашего общества»: «по слову Государя, Россия стала свободной», «в великий исторический отныне день 17 октября наша родина призвана на новый путь культурного развития на началах правового порядка». Газета выражала надежду на то, что «общество встанет на высоте своего призвания и своим политическим тактом покажет, что оно дозрело до дарованной свободы, способно спокойно и закономерно пользоваться этим величайшим в жизни благом»[1].

Однако «Сибирские известия» были вынуждены вскоре констатировать: надежды не сбылись. В № 35, 38, 43 (1905) газета сообщала о «страшных днях», пережитых Томском, о погроме 20–23 октября, а в передовой статье под названием «Настроения дня» публицист так описывал обстановку во всей России после принятия Манифеста: «Широкой волной раскатилась по Руси небывалая смута. Из края в край раскинулась она зловещим потоком и завладела безжалостно умами и сердцем многих россиян. Ужасное время… безумное…». Большую часть вины за эту «смуту» газета возлагала на «интеллигентные силы», которые не смогли преодолеть «глубокую пропасть, разделившую их с мужиком». «Сибирские известия» считали, что интеллигенция «должна быть теперь на высоте своего положения», ей нужно «стать на работу, на государственную работу, с честным, открытым сердцем и вести народ к свету». По мнению авторов издания, «теперь не время партий-

[1] *Сибирские* известия. 1905. № 35.

ной борьбы, не время сведения личных счетов в чудное, благодатное время весны, время сеяния добра, света и справедливости».

По представлению газеты, взаимодействие народа и интеллигенции должно было происходить по следующему сценарию: «Под грубой оболочкой нашего мужика бьется сердце горячего патриота, бьется сердце, не чуждое братства, любви и стремления к свету цивилизации. Нужны только чистая, светлая душа и открытый ум, свободный от узкой партийности, чтобы народ пошел за этими светочами, пошел доверчиво, смело и без боязни. Общая одушевляющая идея соединила бы тогда темные массы с интеллигенцией, и благо государства было бы обеспечено. Нужное единение, братство и равенство явилось бы само собой, а общее доверие внесло бы желанный порядок в государственный организм»[1].

Выбирая партию, программа которой соответствовала бы требованиям газеты, «Сибирские известия» первоначально симпатизировали Союзу русского народа. Об этом свидетельствует, в частности, статья «Изгои современной томской жизни», посвященная Томскому отделу Союза русского народа»[2]. Газета писала также о программе прогрессивной промышленной партии. Однако в декабре в Томске открылся местный отдел «Союза 17 октября», и это событие газета отметила «с чувством глубочайшего удовлетворения», поскольку «Сибирские известия» настойчиво пропагандировали «необходимость организации в нашем городе одной из умеренно-конституционных партий, партий центра, в противовес энергично действующим у нас партиям левого направления». Газета констатировала: «и наше искреннейшее желание сбылось; в городе организовалась новая политическая партия, преследующая задачи не разрушения, а созидания и благоустроения страны на началах гражданской свободы, объявленной в Манифесте 17 октября». Напомнив «в самых общих чертах основные положения программы, которой будет следовать в своей деятельности новая партия», «Сибирские известия» напутствовали томских октябристов: «В добрый час! Сплачивайтесь теснее, защитники России, сторонники свободы и порядка, забывая о беспокойстве, не думая о насмешках и пренебрегая опасностями. Сплотитесь, желающие истинного добра родине, действуйте смело и энергично, берите пример сплоченности и

[1] *Сибирские* известия. 1905. №. 62.
[2] Там же. 1905. № 32.

энергии с ваших противников – и вы победите. Ибо правда и разум на нашей стороне!»[1].

Симпатии «Сибирских известий» к октябристам привели к идее реорганизации газеты. В конце 1905 года на страницах газеты появилось объявление о том, что с 1 января 1906 года издание газеты «Сибирские известия» прекращается. Лицам, подписавшимся на 1906 год, обещана была газета «Время», а «в случае их несогласия на такую замену подписная плата будет возвращена».

Вне политики в 1905 году попытался остаться редактор-издатель еженедельной «Томской торгово-промышленной газеты объявлений» В.И. Лянге. Эта газета стала естественным продолжением основной деятельности В.И. Лянге, который еще 1904 году разместил в «Сибирской жизни» объявление об открытии в Томске «Сибирской конторы объявлений». Она располагалась на пересечении Дворянской улицы и Монастырского переулка и даже имела телефон под номером 462. Кроме того, сообщалось, что «контора принимает на себя посредничество между спросом и предложением по всякого рода законным операциям: по продаже и покупке движимых и недвижимых имуществ, товаров и проч. Специальное бюро по найму квартир, устройство их и перевозка квартирного и др. имуществ. Особый отдел по найму прислуги, рабочих и проч. В контору поступили заявления ищущих мест по разным специальностям, с аттестатами и залогами. За каждое заявление на спрос и предложение взимается 15 коп. Требуются агенты»[2].

Первоначально фирма Лянге выпускала «Указатель торгово-промышленных фирм г. Томска». В 1905 году издатель сделал попытку издания газеты, собственно «Томской торгово-промышленной газеты объявлений». Это было издание большого формата, выходящее по широкой программе (однако без фельетона и литературного отдела). В этом формате газета старалась держаться в стороне от политики, успеха у томской публики не имела, и потому Лянге издание приостановил. Со второй половины октября 1906 года газета выходила в новом виде: из заголовка было убрано слово «объявлений», издание стало ежедневным. В программе было перечислено 12 отделов:

«1. Объявления

2. Правительственные распоряжения

3. Агентские телеграммы и собственных корреспондентов

4. Передовые руководящие статьи

---

[1] *Сибирские* известия. 1905. № 77.

[2] *Сибирская* жизнь. 1904. № 163.

5. Хроника Сибири (корреспонденции, из газет, очерки)
6. Томская хроника
7. Хроника русской жизни
8. Иностранные известия
9. Библиография
10. Торгово-промышленный отдел
11. Справочный отдел
12. Статьи, рефераты, биографии и проч.»[1].

Необходимое отметить, что объявленная программа оказалась гораздо шире действительного содержания, поскольку ни «рефератов и биографий», ни очерков, ни даже библиографий в газете в итоге не помещалось.

Направлению обновленной «Томской торгово-промышленной газеты» был посвящен специальный фельетон под названием «Беседа» в томской октябристской газете «Время». Автор «Времени» представлял выход издания Лянге как «приятную новость», поскольку «сегодня вышла новая газета – не чета вашему черносотенному “Времени”»; по мнению одного из собеседников – персонажей фельетона, «несомненно, газета будет иметь успех, так как эта газета во всяком случае прогрессивная».

Фельетонист следующим образом описывал первый номер «Томской торгово-промышленной газеты»»: «Объем и шрифт те же, что были у нашего “Времени” до перехода типографии М.Н. Кононова в другие руки», «благие намерения изложены, как водится, в передовице, в которую или сам редактор-издатель г. В.И. Лянге, или его премьер-сотрудник напустили как раз такое количество туману, какое полагается для большинства писаний современных “прогрессивных” врачевателей того огромного и сложного государственного организма, который называется Россией». Попытка «Времени» «расшифровать» этот «туман» привела к тому, что «главным лейтмотивом» передовой статьи была названа та же идея, «что и в пресловутом “проекте областного сибирского союза”, состряпанном мнимыми сибирскими патриотами вкупе с заезжими из метрополии русскими иностранцами»: «сепаратизм, а по-кадетски – “автономия”». Фельетонист «Времени» так описал свое видение «сепаратизма»: «Сибирь, мол, есть совсем особая статья и как экономически, так и политически должна быть обособлена от метрополии, то есть от Европейской России, для

[1] *Томская* торгово-промышленная газета. Томск. 1906. № 3.

которой в течение веков она была – и есть – лишь колонией и тюрьмой. Постройка колоссального железнодорожного пути, обошедшегося угнетающей Сибирь метрополии в сотни миллионов рублей, и открытие двух высших учебных заведений, в то время как, например, в центре торгового и промышленного Поволжского района не имеется ни одного политехникума, в счет, разумеется, не идут...». «Освободить Сибирь от векового гнета необходимо во что бы то ни стало!» – так, по мнению публициста-октябриста, можно «расшифровать» задачу «служить интересам Сибири и ее освобождению от экономического гнета Европейской России, с одной стороны, и освобождению от устаревших форм экономической жизни – с другой», которую взяла на себя «Томская торгово-промышленная газета» Лянге.

Отдельно фельетонист «Времени» остановился на вопросе, как именно собирается Лянге «служить интересами Сибири», цитируя передовицу «Томской торгово-промышленной газеты»: «избирая своей задачей вместе с экономической стороной жизни служение промышленности, мы намерены служить не той узкобуржуазной промышленности, основанной лишь на интересах капитала, но той, которая всецело основана на всеобщем благосостоянии крестьянских и рабочих масс». По мнению «Времени», «последняя тирада представляет собою не более как слова, слова и слова», и в целом «политическая экономия г. Лянге недалеко ушла от той, с которой мы достаточно успели познакомиться на столбцах “Сибирской жизни” в самый разгар предвыборной агитации»[1].

Несмотря на то что «Время», основываясь на передовой статье газеты, делало вывод о близости проекта Лянге к кадетству, «Сибирской жизни» и даже к областничеству, в реальности «Томская торгово-промышленная газета» старалась твердо придерживаться экономических вопросов, причем далеко не всегда на сибирском материале. Характерными примерами являются такие статьи «Томской торгово-промышленной газеты», как «Первый съезд представителей торговли и промышленности», «Торгово-промышленные интересы» (перепечатки из газеты «Речь»), «Благочестивое желание московских промышленников», «Почему американцы не едят мясных консервов из Чикаго», «Северное морское сообщение с Сибирью» (перепечатка из «Торгово-промышленной газеты») и т.д.[2] Всего вышло 59 номеров в 1905 году и 19 номеров – в 1906 году.

---

[1] *Время*. 1906. № 204.

[2] *Томская* торгово-промышленная газета. Томск. 1906. № 3,4.

Невыявленная политическая позиция редакции, нечеткая концепция газеты, скудость содержания привели к быстрому прекращению издания, которое в результате не было востребовано читателями.

Заметим, что подобная участь ожидала и газеты «Справочно-торгово-промышленный листок объявлений» (1909, редактор-издатель К.В. Шипков), «Листок объявлений» (1912, издание типографии «Конкуренция»): несмотря на экономический рост, в Томске подобного рода издания не могли еще найти своей аудитории.

Собственную газету в 1905 году также попытался организовать Сибирский социал-демократический союз, но она оказалась крайне недолговечной: в подпольной типографии в 1905 году вышло 3 номера «Сибирского социал-демократического листка». Второй эпизод издательской деятельности социал-демократов, Томского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, – выпуск двух номеров газеты «Голос социал-демократа» в 1907 году[1]. В этом случае причиной недолговечности оказались уже не проблемы читательской популярности, а нелегальное положение партии.

1906 год стал самым «урожайным» по выпуску новых изданий – на томском рынке практически одновременно появились пять новых газет («Вестник Сибири», «Время», «Народные нужды», «Сибирская мысль», «Томский вечерний листок»). Таким образом, в Томске на втором году русской революции выходило одиннадцать официальных и частных газет (вместе с продолжающимися изданиями), это был один из «пиковых» периодов в развитии дореволюционной томской журналистики.

Количество новых томских газет не означало их «качества». «Вестник Сибири» был из них самым недолговечным, вышел только один номер; газета «Сибирская мысль», по сути, была не новым изданием, а одним из звеньев «газетной цепочки» «Сибирской жизни». С «Сибирской жизнью» были связаны и еженедельник «Народные нужды» (были общие редакторы и сотрудники), и «общественно-литературная» газета «Томский вечерний листок». Этот проект был задуман сотрудником «Сибирской жизни» М.С. Поповым, который просил разрешения выпускать новую газету «по понедельникам, между 3–4 часами пополудни», «по следующей программе: 1) хроника местной жизни; 2) фельетон: рассказы, стихотворения; 3) маленький злободневный фельетон; 4) судебная хроника; 5) театр; 6) библиографический листок;

[1] См.: *Сводный* каталог периодики Западной Сибири (1789–1959 гг.). Газеты. Новосибирск, 1974. Вып. 2. С. 348, 351.

7) справочник и 8) объявления. Номера будут иллюстрироваться рисунками и карикатурами». После выпуска трех номеров «по личным соображениям» Попов преобразовал газету в «летучий сатирический листок» «Ерш»[1].

Таким образом, из всех газетных инициатив 1906 года наиболее долговечной и относительно «самостоятельной» оказалась газета «Время», которая заменила собой бывшие «Сибирские известия».

Разрешение на издание политической и литературной ежедневной газеты «Время» 19 декабря 1905 года было выдано профессору Императорского Томского университета Ивану Александровичу Базанову[2]. «Время», как и предшественница, было задумано как ежедневная общедоступная газета годовой стоимостью всего в три рубля (ранее «Сибирские известия» сообщали, что благодаря такой цене они были «самой дешевой из сибирских ежедневных газет»). Газета должна была выходить «в обычном формате больших провинциальных газет и со всеми обычными отделами». В объявлении о подписке подчеркивалось, что в газете обещали сотрудничать и помещать свои статьи профессора П.П. Авроров, Д.Н. Беликов, Ф.Я. Капустин, Н.Ф. Кащенко, А.А. Кулябко, П.Н. Лащенков, П.А. Прокошев, А.Е. Смирнов, а также Н.А. Гурьев, А.В. Дуров, С.Г. Егоров, В.Ф. Королек, С.Л. Лаврентьев, Д.Г. Малышев, Н.В. Миницкий, В.П. Миролюбов, К.Р. Эман и др.[3] Газета представляла собой новый тип издания на томском рынке периодики – партийный орган печати, она поддерживала октябристов. В газете постоянно печатались материалы «Союза 17 октября» – объявления, воззвания, реклама; с сообщений о заседаниях Томского отдела «Союза 17 октября» нередко начиналась «Томская хроника».

«Время» не упускало случая подчеркнуть связь партии с российским самодержцем: так, в передовой статье «Томск, 2 мая» (1906, № 92) газета, описывая приветствие императора, которым он «соизволил осчастливить представителей Государственной думы и Государственного совета», указывала: «Мы с чувством глубокого удовлетворения» увидели в этом приветствии «выражение именно тех основных начала, которыми в своей деятельности одушевляется и руководствуется “Союз 17 октября”. Газета приводила следующие доказательства своего утверждения: «Государю Императору благоугодно было указать, что “для духовного величия и благоденствия государства необходима

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 188, 194.
[2] *Там же*. Л. 28–29.
[3] *Сибирские* известия. 1905. № 78.

не одна свобода. Необходим порядок на основе права”, другими словами, необходимо практическое осуществление идей свободы и порядка, то есть тех самых начал, которые являются основными положениями “Союза 17 октября” <…> Как известно, наш Томский отдел “Союза 17 октября” именуется партией “свободы и порядка”. Такое совпадение идей, выраженных Государем Императором, с задачами “Союза 17 октября”, не может не радовать нас, членов этой партии»[1].

Основное содержание газеты составляла политическая полемика, направленная главным образом против кадетов и «Сибирской жизни», симпатизирующей этой партии. В период выборов в Gервую Государственную думу «Время» в ряде статей пыталось дискредитировать противников-кадетов, одновременно защищаясь от нападок и выдвигая ряд собственных обвинений. Например, в статье «Стороннего» под названием «Поразительно…» газета указывала, что «вожаки и газеты партии “народной свободы” изо всех сил старались и стараются, как известно, доказать, что “Союз 17 октября” – презренные “буржуи” и ничего более. Наши томские конституционные демократы, среди которых имеются “даже убежденные социалисты”, и господа, допускающие такие “исторические моменты”, когда частная и государственная собственность может и не считаться собственностью, просто выбились из сил, стараясь доказать недоказуемое. Однако томские октябристы с неменьшим правом могут обзывать “буржуями” и своих противников». «Время» критиковало кадетов за то, что они не представили на выборах ни одного кандидата из трудящегося класса, о котором «так пекутся (на словах)», и неожиданно выражало полное согласие с… социал-демократами, которые «эту двойную “кадетскую” игру поняли превосходно»: идею «пролетариев... обратить всех людей в рабочих пролетариев и все государства в одно рабочее государство» «Время» считало несбыточной, а вот «изобличать кадетов с их буржуазностью» социал-демократам, по мнению газеты, «удавалось неоднократно»[2]. Эти политические «сближения» социал-демократов и октябристов были возможны, конечно, только в период партийного «младенчества» и, возможно, только в дальней сибирской провинции.

Партия конституционных демократов характеризовалась «Временем» как «еврейско-кадетская», «Сибирская жизнь» – как «пример разнузданности». О накале борьбы свидетельствовали такие заголовки статей, как «Нечто о предвыборном собрании и торжестве томских ка-

[1] *Время*. 1906. № 92.
[2] *Там же.*

детов»; «Как партия якобы народной свободы морочит людей»; «Страничка из истории “побед” партии народной свободы» и так далее[1].

В свою очередь, «Сибирская жизнь» аттестовала газету «Время» как «орган клеветы и провокации»: автор, выступивший под псевдонимом «Н.Р.», предъявлял следующие претензии противнику: «Есть мера всякому терпению, и должен быть положен предел всякой наглости. Я смело и открыто зову наглостью те “литературные” приемы, которые употребляют в борьбе с противной партией господа редакторы местной газеты “Время”. <…> Моя душа протестует, когда я читаю измышления “Времени” о пресловутых пяти “разрывах” партии народной свободы 1) с государством, 2) с церковью, 3) с народом, 4) с прошлым, 5) с наукой». Кроме того, утверждал «Н.Р.», у него больше не было «сил терпеть, когда эти господа играют на инстинктах темной массы, разжигая ее страсти и восстанавливая ее против того, что они сами якобы защищают. Я называю игрой на инстинктах темной массы ту систематическую клевету, те систематические подтасовки, которые делаются гг. редакторами “Времени” по адресу партии народной свободы. Я называю подтасовкой постоянный и умышленный подмен понятия автономии, которую мы защищаем, понятием федерации, о которой мы ни слова не говорим (“Время”. № 85, 86 и др.); я называю ложью утверждение о нашем союзе с крайними левыми (№ 85 и 88), ибо левые все усилия употребляли, чтобы помешать нам в нашей работе и бойкотируют Думу, за выборы в которую мы агитируем; я называю наглой клеветой утверждение, что мы стремимся к закрытию учебных заведений и посылаем детей “грабить банки” (№ 85, иллюстрированное приложение)!». Особенно возмущало автора «Сибирской жизни» то, что «все это утверждается в газете, которую подписывает профессор», долгом которого «является стремление к истине и добросовестности»[2].

С агитационными целями «Время» выпускало иллюстрированные приложения, заполненные карикатурами на предвыборную тему. На первой полосе «приложения» № 3 (к № 94 «Времени» за 1906 г.), к примеру, были изображены нарядные девушки, раздающие толпе заинтересованных их внешним видом мужчин агитационные материалы; подпись гласила «Не мытьем, так катаньем. Избиратели! Остерегайтесь кадетских ловушек!». На внутренних полосах было размещено воззвание к «гражданам-избирателям»: «Если вы стоите за царя,

[1] *Время*. 1906. № 92, 96, 98.
[2] *Сибирская* жизнь. 1906. № 89.

за свободный народ, за неделимую Россию, выбирайте выборщиками кандидатов Томского отдела “Союза 17 октября”, фамилии которых напечатаны на обороте». Карикатуры, размещенные далее, наглядно иллюстрировали, чем грозила избирателям победа кадетов: на одной была размещена карта России «до управления кадетами», поперек которой шла надпись «Российская империя», на второй – карта России «во время управления кадетами», испещренная надписями «Сибирские штаты», «Россия», «Украина», «Польша» и т.д.

«Сибирская жизнь» в этот период подвергалась критике «Временем» за ее отношение к сотрудникам (статья «Тоже демократы»), за позицию по отношению к переселенцам («Младенческий лепет “Сибирской жизни” о переселенческом вопросе»), за борьбу с черносотенцами («Не провокация ли?»). В материале «По поводу статьи “Сибирской жизни” о патриотизме» «Время» обвиняло газету в «тенденциозной клевете, без которой наша так называемая передовая печать шагу ступить не может»[1].

Вдобавок к поражению октябристов на выборах, которое «Время» тяжело переживало (см. фельетон П.Н. «Они победили»[2]), газета столкнулась с трудностями в издательской сфере. В № 152 (1906) была помещена статья «От редакции», в которой сообщалось: «В дни, какие переживает теперь вся Россия, вынужденный двухнедельный перерыв в издании газеты с определенным кругом читателей представляется весьма чувствительным. В таких случаях установившаяся было духовная связь между органом печати и его читателями как бы обрывается. Это очень неприятно. Такая именно неприятность постигла и нашу газету, и постигла совершенно неожиданно». «Время» подробно описывала ситуацию: «типография М.Н. Кононова, в которой печаталась газета “Время”, перешла в другие руки, причем продолжать в ней дальнейшее печатание не представилось возможности, и номер 18 июля не вышел. Редакция вошла было в соглашение с владельцем одной из местных типографий, который охотно принял на себя печатание нашей газеты», однако «наборщики набирать статьи для газеты “Время” отказались, о чем, между прочим, поведала “Сибирская жизнь”, вообще хорошо осведомленная в такого рода делах… печатать нашу газету согласилась губернская типография». В дальнейшем стало известно, что

[1] *Время*. 1906. № 96, 97, 142.
[2] *Там же*. 1906. № 99.

и в губернской типографии рабочие отказались набирать газету, за что были уволены[1].

Тем не менее, уменьшив формат номеров и содержательную часть, газета продолжала выходить. На ее страницах продолжалась полемика – теперь уже с газетой «Сибирская мысль», которая выходила вместо приостановленной «Сибирской жизни». «Время» откликнулось на 50-летие «Томских губернских ведомостей» статьей «Газетный юбилей», писала о новом редакторе «Томских епархиальных ведомостей» С.А. Путодееве, помещала рекламу журнала «Негативы» – то есть постоянно держала в поле зрения процессы, происходившие в сфере местной журналистики[2].

В объявлении о подписке на 1907 год «Время» определяло свой статус как «политико-общественная и литературная газета, орган Томского отдела «Союза 17 октября». В ней было 15 отделов:

«1. Телеграммы, помещаемые в тексте газеты или отдельными бюллетенями.

2. Отдел официальный. Важнейшие правительственные распоряжения.

3. Передовые статьи, касающиеся жизни русских областей, совместно с интересами сибирских губерний, а также вопросы русской внутренней и внешней политики, особенно на Востоке.

4. Статьи и очерки по вопросам Сибирского края, по городскому и земскому хозяйству, статьи по железнодорожному делу, сельскому хозяйству, экономические. Торговые, по фабрично-заводскому производству и горной промышленности.

5. Обзор общественной жизни Сибири и России. Местная хроника. Театр и музыка.

6. Политические известия, общие и, в частности, касающиеся азиатских стран.

7. Корреспонденции из различных местностей Сибири и соприкасающихся с ними губерний, а также сообщения из России.

8. Железнодорожная жизнь, хроника, заметки, наброски, корреспонденции с линии Сибирской железной дороги.

9. Научный отдел. Открытия и путешествия по Сибири и ее окраинам, сведения по истории, статистике и промышленности.

10. Литературное обозрение, критика и библиография, особенно сочинений об Азии.

---

[1] *Время*. 1906. № 152, 170.

[2] *Там же*. 1906. № 105, 193;1907. № 1.

11. Фельетон, романы, повести, рассказы, очерки, сцены, наброски, летучие заметки и стихотворения.

12. Судебная хроника.

13. Смесь. Ответы редакции.

14. Справочный отдел, судебные сведения, святцы, рыночные цены, сведения о приходе и отходе пароходов, поездов железной дороги, недоставленные телеграммы и т.п.

15. Объявления: казенные и частные»[1].

Цена газеты по сравнению с предыдущим годом была увеличена с 3 до 5 рублей в год.

В апреле 1906 года Базанов передал издание и редактирование газеты профессору Томского технологического института Александру Ивановичу Ефимову и библиотекарю Томского университета Николаю Васильевичу Миницкому[2], затем редактором стал Е.Ф. Кудрявцев, а в качестве издателя стало фигурировать «Товарищество по изданию газеты “Время” в Томске». Увеличивающиеся организационные сложности в итоге привели к закрытию газеты в 1907 году, на втором году издания.

Последний год Первой русской революции ознаменовался снижением издательской активности в Томской губернии. Из 8 газет, выходивших в Томске в 1907 году, две – «Сибирская мысль» и «Сибирская жизнь» – по сути, были одним изданием. Новая газета «Сибирские отголоски» В.А. Долгорукова не была новым изданием на томском рынке – ранее она выходила в форме еженедельного иллюстрированного, политического, общественного и литературного журнала с тем же названием.

«Сибирские отголоски» носили на себе отпечаток личности издателя В.А. Долгорукова, юриста по образованию, открывшего в себе поэтический талант (стихотворения публиковались под псевдонимом «Всеволод Сибирский») и интересующегося различными сферами сибирской жизни. Газета следила за изменением российского законодательства (отмена смертной казни), деятельностью Государственной думы, публиковала материалы по истории, этнографии, географии Сибири. Значительное место в «Сибирских отголосках» занимала художественная литература: стихотворения, рассказы, психологические наброски, эскизы и т.д. В «Сибирских отголосках» печатались карикатуры, сатирические стихотворения («Отдел юмористики»), наконец,

---

[1] *Время*. 1906. № 252.

[2] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 30.

как сатирический и карикатурный отдел «Сибирских отголосков» выходил сатирический журнал «Бубенцы» (с 1906 по 1909 год). К изданию был привлечены сибирские литераторы, принимавшие участие и в других изданиях, – А. Ордынский, Е. Бахарев, И. Малиновский и другие.

Политическое направление «Сибирских отголосков» можно определить как умеренное, близкое к кадетскому: В.А. Долгоруков не входил в круг людей, настроенных резко оппозиционно по отношению к правительству, хотя в увеличении числа сатирических материалов выразился повышенный интерес издателя к политике. Дореволюционный исследователь томской журналистики В. Крутовский считал Долгорукова человеком «менее всего интересовавшимся политикой», а редакцию «Сибирских отголосков называл «тишайшей» и «удивительно наивной и невинной в политических вопросах», приводя в пример отрывки из передовых статей газеты за март и апрель 1906 года, в которых редакция призывала «забыть всякую рознь, всякое недоброжелательство друг к другу» и превозносила «великое Царское Слово, Манифест 17 октября»[1]. Причину неуспеха «Сибирских отголосков» Крутовский видел в том, что «В.А. Долгорукову нечего было сказать сибирскому обществу, немудрено, если последнее осталось безучастно глухим ко всем его попыткам издательства. Все же с уверенностью можно сказать: обычно В.А. Долгоруков как издатель-редактор умел избегать всего того, что могло быть истолковано как некрасивый поступок в той сфере деятельности, где, особенно за последние годы, нередко бывали падения. Исключением явилось печатание им серии типично бульварных романов-фельетонов. До В.А. Долгорукова сибирская пресса была чужда подобной пошлости»[2].

В отчете Павла Виноградова, инспектора по делам печати в г. Томске, давалась следующая характеристика «Сибирских отголосков»: «Газета откликалась на вожделения прогрессивной партии, не вдаваясь в крайности. Оригинальных передовых статей было мало. В рубрике фельетона довольно много места занимал роман из местной жизни с революционным пошибом: “В зареве пожара”. Газета печаталась всегда в количестве 1200 экз., из которых часто ¼ оставалась в типографии. Материальное положение “Сибирских отголосков” плохое:

[1] *Крутовский В*. Периодическая печать в Томске … С. 302.
[2] *Там же*. С. 303.

редактор из своего кармана покрывал дефицит по изданию газеты, а дефицит за год простирался свыше 3000 руб.»[1].

Первоначально «Сибирские отголоски» выходили 3–6 раз в неделю, с № 35 (1907) стали ежедневной газетой. В 1908 году газета позиционировала себя как «политическая, общественная и литературная», а с 1 августа 1910 года стала «общественно-экономической, политической и литературной газетой». Смена титула была связана с привлечением в качестве редакторов В.Т. Молотковского и М.И. Преловского.

Несмотря на ежедневный выход, «Сибирские отголоски» по оперативности, широте охвата действительности, информативности не могли соперничать с «большими» газетами типа «Сибирской жизни». Они выходили в небольшом формате (несколько больше А4), были умеренно иллюстрированы и по типу скорее были журнальным, нежели газетным изданием. Тем не менее сам факт перехода Долгорукова к изданию именно газеты говорит о повышении значимости этого вида периодики во время бурного общественного подъема, охватившего всю Россию, и Сибирь в том числе.

Из новых изданий 1907 года наиболее заметной стала ежедневная политическая, общественная и литературная газета «Голос Томска» (1907–1908), редактор-издатель Н.В. Оленин.

В 1907 году вышел «пробный номер», а с 1 января 1908 года газета начала выходить постоянно. Она была прекращена ровно через год, 1 января 1909 года, по причинам «внутреннего характера».

Уже в первом номере редакция сообщила о тех принципах, которым решила следовать: «Монархическая власть, единство и нераздельность свободной России – вот то знамя, под которым должны объединиться и уже объединяются думские деятели, и, несомненно, рано или поздно объединятся все те, кто видят в государстве благо, а в анархии зло»[2].

«Голос Томска» размещал на своих страницах объявления от Томского отделения Союза русского народа, перепечатывал материалы из черносотенных изданий «Почаевский листок», «Колокол», «Свет», суворинского «Нового времени», вел активную полемику с «Сибирской жизнью», выступал против «паразитов» рабочего класса (т.е. интеллигентов) и модернизма в литературе, одним словом – был классическим представителем российской черносотенной прессы. Однако сама редакция настаивала на своей «внепартийности», считая главным

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 181–182.
[2] *Голос* Томска. Томск. 1908. № 1.

ориентиром «великую дату 17 октября» и пожелания самодержца. В. Крутовский обращал внимание на то, что «очевидно из стыдливости, “Голос Томска” не печатал списка своих сотрудников, в числе которых находились некоторые из “правых” профессоров Томского университета»[1].

«Сибирская жизнь» считала как «Голос Томска», так и «Сибирскую правду» газетами одного – черносотенного – направления и, описывая конфликт между редакциями этих газет, назвала материал «Ссора друзей». Эпиграфом к этому материалу были выбраны слова известной русской поговорки «Милые бранятся – только тешатся»; отношения между газетами до конфликта описывались следующим образом: «Друзья, о которых идет речь, – “Голос Томска” и “Сибирская правда”. Есть такие органы печати в Томске. Жили эти друзья до последнего времени в общем мирно, спокойно, в совете и любви. Друг друга почти не трогали, ибо каждый занимался своим делом: “Сибирская правда” занималась склонением слова “жид”, а “Голос Томска” – составлением комбинаций из слов “Его Превосходительство”, “барон” и “генерал”»[2]. Однако затем «Голос Томска» выступил в № 261 (1908) с передовой статьей «Черная неблагодарность», в которой он упрекал «Сибирскую правду» во лжи и клевете на бывшего томского губернатора, барона К.С. Нолькена, к тому времени уже покинувшего Томск.

В свою очередь, «Голос Томска» охотно публиковал материалы, направленные против «Сибирской жизни», в том числе «письмо в редакцию» А. Завиткова под названием «Труды и плоды прогрессивно-освободительной печати». Несмотря на то что в примечании к материалу редакция указывала, что она «слагала с себя всякую ответственность за фактическую часть его изложения», было очевидно, что газета была согласна со многими высказанными Завитковым тезисами.

«Прогрессивная печать», по мнению публициста «Голоса Томска», способствовала «небывалому развитию» освободительного движения, которое «широкою волною разлилось по Руси» и «захватило все слои общества»; Завитков ставил в вину этой печати, что она, «действуя заодно с подпольными изданиями», «расшатала вековые устои общества – религию и семью, признала предрассудками нравственность, совесть и честь и освободила от этих предрассудков прежде всего учащуюся молодежь». Автор «Голоса Томска» рисовал картину современной жизни, в которой «появились общества “огарков” и “лови момент”,

[1] *Крутовский В.* Периодическая печать в Томске… С. 306.
[2] *Сибирская* жизнь. 1908. № 79.

начали действовать организации экспроприаторов», «понятия о добре и зле переменились: насилие стало называться свободой личности, невежество и неуважение к чужому мнению – свободой слова, безнравственность – свободой совести, разврат – свободой любви, а кражи, грабежи и разбои оказались чуть ли не гражданской доблестью». Главным оружием «прогрессивно-освободительной печати» публицист называл «обман, ложь и клевету», подразумевая, что эти же средства используются и «прогрессивной газетой “Сибирская жизнь”», которая «с особенным усердием работала и работает на почве освободительного движения». Эту «профессорскую» газету Завитков обвинял в том, что она, «воспевая… весну и свободу, проповедовала забастовки и травила тех несчастных чиновников Томской почтово-телеграфной конторы, которые оставались верными присяге и долгу службы и не хотели бастовать»; в том, что газета «проповедью свобод, требованиями прав и игнорированием обязанностей развращала учащуюся молодежь», а также в том, что сотрудники «Сибирской жизни», «не сморгнув глазом, получали тысячные оклады, чины и ордена в то время, когда бастовала наша учащаяся молодежь и двери высших учебных заведений для ищущих полезных знаний были закрыты»[1].

С особенным удовольствием «Голос Томска» следил за ситуацией, связанной с забастовкой рабочих в типографии «Сибирской жизни» в 1908 году. Этой забастовке было посвящено около десятка материалов – от заметок в «Местной хронике» до статей и фельетонов. Газета подчеркивала, что «туманные и фантастические теории и суровая практика – две совершенно противоположные, трудно согласные вещи, в чем убеждаются редакторы и издатели газеты “Сибирская жизнь” на опыте», так как «рабочие типографии, в которой печатается “Сибирская жизнь”, предъявили требование повысить плату за труд», а «предприниматели, ведущие это дело, заупрямились», и «в результате – забастовка». Автор «Голоса Томска» иронически замечал, что «трудно пока еще решить, обижены ли рабочие, “сбрасывающие гнет буржуев”, или это простое движение рабочего класса, желающего “улучшить свое положение”»: «грешно идти против, гг. профессора; ведь вы сами это твердили». Газета считала, что профессора имеют дело с последствиями своей же пропаганды, от которых теперь «начинают волосы на голове становиться дыбом»[2].

---

[1] *Голос* Томска. 1908. № 14.
[2] *Голос* Томска. 1908. № 31.

Рассказывая о подробностях конфликта, публицисты не упускали случая подчеркнуть: «удивительно, как все прекрасно выходит на словах и как все летит кувырком, раз дело коснется практического выполнения», а в фельетоне «Забастовка» сатирически изображали редакцию, в которой сотрудники «пугливо посматривают на дверь, ведущую вниз, в типографию», и в растерянности ищут пути примирения с рабочими, которые не расходились бы с их идеями, высказываемыми ранее. Любопытно, что высмеиваемая газета, вопреки существующим традициям менять реальные названия на вымышленные в сатирических материалах, в опубликованном фельетоне прямо называлась «Сибирская жизнь». Объяснение этому было дано в следующем номере «Голоса Томска», в заметке «Досадная опечатка»: оказалось, что в этом фельетоне «вместо слов “Симбирская жизнь” по недосмотру наборщика напечатано “Сибирская жизнь”»[1].

Практически одновременно с «Голосом Томска» в городе была основана еще одна газета «правого направления» – еженедельная политическая, общественная и литературная газета «Сибирская правда» (1908–1915), орган Томского губернского отдела Союза русского народа. Она стала самым долговечным органом черносотенной периодики в Томске. Редактором-издателем первоначально был статский советник Н.А. Лалетин, с 1910 года – В.А. Залесский. В ее заголовке значилось: «Россия для русских. Православие, самодержавие, русская народность». Небольшого формата (немногим больше А4), газета использовала иллюстрации (карикатуры) для оформления, отличалась особой стилистикой и пафосностью.

В объявлении о подписке редакция формулировала свои задачи следующим образом: «“Сибирская правда”, будучи органом Томского губернского отдела Союза русского народа («За веру, Царя и Отечество»), имеет своей целью защиту и проведение в сознание русского народа исконных творческих начал Русского Государства и непоколебимо стоит за “Православие”, “Самодержавие” и “Русскую народность”. А потому энергично будет бороться с засилием иноверцев, иноплеменников и жидов; будет самоотверженно отражать революционную деятельность»[2].

Программа газеты включала в себя следующие разделы:

1. Правительственные распоряжения.
2. Важнейшие телеграфные известия.

---

[1] *Голос* Томска. 1908. № 32, 33, 34.
[2] *Сибирская* правда. Томск. 1910. № 32.

3. Передовые статьи.
4. Деятельность Союза русского народа.
5. Религия и нравственность.
6. Судебный и исторический отдел.
7. Местная хроника.
8. По России и Сибири.
9. Заграничные известия.
10. Корреспонденции.
11. Среди газет и журналов.
12. Фельетон.
13. Справочный отдел.
14. Ответы редакции.
15. Объявления.

Цена издания была определена в 3 рубля в год, поскольку газета предназначалась для людей со средним и низким достатком.

Основным содержанием «Сибирской правды» являлась не информация и не аналитика, а политическая полемика. Возникшая в годы правительственной реакции и обострения национального вопроса, будучи официальным органом Союза русского народа, «Сибирская правда» наполнялась статьями, направленными против «жидов» и революционеров, выступала против «прогрессивной» печати и особенно часто – против «иудейско-профессорской» «Сибирской жизни»; публиковала шовинистические письма читателей. В каждом номере помещались многочисленные перепечатки из российских черносотенных газет – «Русского знамени», «Земщины», «Друга», «Почаевских известий» и мн. др. Художественные произведения в газете публиковались редко, но достаточно часто на полосах встречались стихотворения, в основном верноподданнического и патриотического характера.

Первым редактором газеты был иеромонах Игнатий (Арсений Дворницкий), по инициативе которого на внутреннем развороте газеты в каждом номере публиковался огромными буквами девиз: «Жиды должны быть обязательно выселены из России». О том, как относились к этой редакционной политике «союзники», то есть члены Союза русского народа, можно было судить по статье «Раскол у томских союзников», опубликованной в «Сибирской жизни» (1909. № 3).

Материал «Сибирской жизни» бы основан на двух источниках; согласно первому из них, газете «Сибирские отголоски», «на праздниках в томском отделе союза истинно русских состоялось общее собрание, на котором зашла речь о направлении их органа “Сибирская правда”. Редактор иеромонах Игнатий доложил собранию рукопись одного из

союзников Т. Он сам не решался напечатать ее и просил собрание высказать свое мнение. Рукопись эта касалась вопроса ареста нескольких союзников в с. Наумовском». Подробно описав ситуацию, публицист отметил, что «рукопись по прочтении оказалась, как говорят, сплошной руганью. Председатель отдела Малышев по этому поводу высказал мысль, что их орган совершенно не достигает своих целей, что ругань, которой он переполнен, только отталкивает всех, и не только посторонних, но даже и его самого. Газету даже противно брать в руки, сказал он. Редактор заявил, что он видит в этом единственный способ борьбы с крамолой и что за образец принимались "Почаевские известия". Малышев находит, что томским союзникам программа этих "Известий" не подходит, так как им здесь на евреев сердиться не за что – здесь все живут по-семейному. Иеромонах Игнатий после этого просил сложить с него редакторство. Малышев заявил, что этот вопрос впереди, а пока нужно решить о газете».

«Сибирская жизнь» подчеркнула, что так описала раскол у томских союзников газета «Сибирские отголоски», «которую в данном случае нельзя заподозрить в желании сгущения красок». Второй источник, информация из которого вошла в материал «Сибирской жизни», «Голос Томска», был охарактеризован как «местная газета совершенно умеренная», которая также посвятила «органу местного Союза русского народа несколько теплых слов» в статье «Живи дальше». «Сибирская жизнь» приводила следующую цитату из «Голоса Томска»: «Орган томских союзников полезен вот в каком отношении. Многие простые, доверчивые русские люди, прельстившись громким названием, присвоенным Томским отделом Союза русского народа – "Общество за Веру Царя и Отечество" – могли бы стать в его ряды… Но, к счастью, их не допустит до этого "Сибирская правда". Всякий порядочный человек, познакомившись с ароматом ее, отойдет подальше и от газеты, и от той удивительной партии, представительницей которой она является. Это ли не польза!»[1].

Следствием несогласия Союза русского народа с политикой редактора стала смена руководства газеты – с № 12 (1909) на первой странице «Сибирской правды» появилось объявление от имени временного редактора И.П. Трусова, извещавшее читателей, что «настоящий номер… выходит под новым руководством. Перемена редакторов произошла не случайно, а главнейше в видах исполнения целого ряда

[1] *Сибирская* жизнь. 1909. № 3.

задач, намеченных ранее и подтвержденных последним постановлением совета Томского губернского отдела Союза русского народа. Уважаемые читатели скоро убедятся в том – какую цель и как будет преследовать обновленная редакция». Антисемитский девиз с этого номера исчез из газеты, несколько более спокойным стал общий тон издания, хотя общее черносотенное направление «Сибирской правды» осталось прежним. В дальнейшем редактором «Сибирской правды» стал В.А. Залесский.

Добавим, что иеромонах Игнатий был убит 8 мая 1909 года своими учениками, через два месяца после того, как он был отстранен от редактирования «Сибирской правды»; одной из основных причин этого преступления называлась политическая деятельность убитого.

«Сибирская правда» подчеркивала, что она «не преследует ни материальных, ни политических целей», поскольку «назначение газеты “Сибирская правда” как органа “Союза русского народа” заключается в обслуживании слов, значащихся на союзном знамени: “За Веру, Царя и Отечество”, помня при этом, что самый “Союз” не есть политическая партия, а представляет собою свободное, добровольное единение “истинно русских людей”, не утративших заветов предков – постоять за свой девиз так же твердо и самоотверженно, как это было в прежнее, старое время, однако ничуть не отвергая ни науки разумной, ни прогресса благородного, ни самых реформ в самоуправлении под скипетром Самодержавного, не ограниченного Царя»[1]. Газета критически относилась к деятельности российских чиновников, считая, что «большинство российской бюрократии» захватило «влиятельные посты и крупные оклады, предоставляя вершить государственные дела меньшей братии, отчего происходят хищения и разные злоупотребления. Власть, большой оклад, сонливое спокойствие – идеал нашего чиновничества»; оценивала инициативы «сибирских депутатов» как «детский лепет», считая, что они «пугают представителей Европейской России несуществующими ужасами Сибири»[2].

Главным объектом нападок «Сибирской правды» на всем протяжении ее издания оставались евреи. Газета мечтала о «выселении из России паразитного племени Иуды, доставшегося нам с коварной Польшей по третьему разделу», считая, что «даже неуклонное исполнение закона о черте еврейской оседлости и пресечение дальнейшего расселения их по лицу Земли Русской под флагом разных привилегий,

[1] *Сибирская* правда. 1910. № 1.
[2] *Там же.* 1910. № 11.

дипломов и свидетельств было бы величайшим благодеянием для стонущего под гнетом еврейским коренного русского населения». В целом для издания, как и для всей черносотенной прессы, была характерна особая экспрессивная стилистика: статьи против Союза русского народа – «грязные клеветнические», газета «Речь» – «чисто жидовская», предполагаемая реакция на выселение евреев со стороны печати – «оглушительный концерт крокодилов» и так далее[1].

Томский инспектор по делам печати П. Виноградов характеризовал «Сибирскую правду» следующим образом: «эта еженедельная газета – орган Томского отдела Союза русского народа. На каждом номере “Сибирской правды” печатался девиз: “Россия для русских, православие, самодержавие, русская народность”. Газета в каждом своем номере имела 1000 экз.

Во время редакторства иеромонаха Игнатия, зверски задушенного двумя учениками Томской церковноучительской школы, в которой он был начальником, печаталось крупным шрифтом следующее: “Жиды должны быть выселены из России”.

Газета смело обличала некоторые злоупотребления, о которых находили неудобным что-либо печатать газеты левого направления, особенно подчеркивая дурные действия евреев и еврействующих.

Обличительный тон “Сибирской правды”, несомненно, приносит пользу.

К сожалению, состав редакции был беден интеллигентными сотрудниками, помещающими свои статьи и заметки безвозмездно в “Сибирской правде”»[2].

К 1910-м годам газетная сфера Томска являлась достаточно устойчивой системой, в которой официальную часть представляли «Томские губернские ведомости», «Томские епархиальные ведомости» и «Известия Томского городского общественного управления», монархический блок – газета «Сибирская правда», к либеральным изданиям относились «Сибирская жизнь», «Сибирские отголоски». В 1910 году образовался «левый блок» за счет преобразования «Сибирских отголосков» в газету «Сибирское слово» с явным социал-демократическим уклоном, и заполнилась развлекательная «ниша»: начала выходить «Сибирская брачная газета».

«Сибирское слово» (1910–1911), ежедневная общественно-экономическая, политическая и литературная газета, решительно от-

[1] *Сибирская* правда. 1910. № 12, 13.
[2] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 181–182.

межевалась от «наследства» Долгорукова: в № 2 (1910) появилось объявление «От редакции», гласившее: «несмотря на то что “Сибирские отголоски” с 1 августа перешли в другие руки, о чем было своевременно объявлено, нашу газету нередко смешивают с прежним изданием. Во избежание дальнейших недоразумений редакция решила переменить и самое название газеты, которая с 1 ноября будет выходить под заголовком “Сибирское слово”». Новую газету редактировал первоначально А.И. Збукирев, затем В.Д. Маракулин, В.Е. Воложанин; в качестве издателей последовательно указывались М.И. Преловский, В.Е. Воложанин, В.Т. Молотковский, К.А. Орлов.

В объявлении об издании на второе полугодие 1910 года в «Сибирском слове» указывалось, что «газета ставит своей задачей давать возможно полное освещение русской, заграничной и сибирской жизни. В различных пунктах Сибири газета имеет своих постоянных корреспондентов, дабы дать возможность и тем населенным пунктам, где нет собственных газет, следить за интересами своей общественной жизни и быть в курсе своих местных событий. В воскресные дни “Сибирское слово” выходит с отдельными иллюстрированными приложениями»[1]. Цена в год была определена в 6 рублей, то есть газета была достаточно дорогой, однако дороговизну должны были компенсировать иллюстрированные приложения.

Газета отличалась большим форматом, броским оформлением: в ней использовались шрифты крупного кегля, выделялись жирным подзаголовки, помещались огромные рекламные блоки с рисунками. Приложения были вдвое меньшего размера, без рекламы, на каждой полосе размещалось от 1 до 3 иллюстраций, в том числе карикатуры.

Содержательная часть «Сибирского слова» была ориентирована на «сибирские особенности»: здесь постоянно появлялись публикации по истории заселения Сибири, материалы о Томской губернии, о сибирской журналистике и ее выдающихся представителях – Ядринцеве, Загоскине; газета постоянно следила за деятельностью Общества изучения Сибири. В центре внимания публицистов газеты также находились студенческий вопрос (велась рубрика «Вопросы студенческой жизни»), проблема свободы женщин, рабочий вопрос и т.д. Газета была преимущественно информационной, основу составляли небольшие материалы – передовые статьи, маленькие фельетоны, новостные подборки под рубриками «Телеграммы Петербургского телеграфного

[1] *Сибирское* слово. Томск. 1910. № 3.

агентства», «Известия за день», «Томская хроника», «Провинциальная хроника», «Железнодорожная хроника» и др.

Свое видение проблем и задач, стоявших перед сибирской литературой и журналистикой, было изложено в статье Г. Крекнина «О необходимости журналистики в Сибири» с подзаголовком «Открытое письмо к сибирскому обществу и литераторам». Публицист «Сибирского слова» так описывал современное состояние края: «За последние 10–15 лет с проведением железной дороги развитие и рост Сибири идет усиленным темпом. Народилось и требует того или иного решения много экономических и политико-общественных вопросов. Одним словом, жизнь проявилась в крае во всем своем сложном и интересном многообразии». Доказательством «пробуждения края и его духовного роста», «общего культурного развития» Крекнин считал увеличение количества периодических изданий во всей Сибири, открытие многочисленных книжных магазинов и их успешную деятельность по распространению печатного слова. На этом фоне «быстрого и отрадного прогресса края во всей его совокупности» автор констатировал «с болью в сердце» «непропорциональный и несоответственно медленный, малый рост вообще сибирской литературы, в частности же местных литературных дарований, талантов». По его мнению, «очень и очень скудной и немногочисленной» была и «литература сибирская и о Сибири на книжном рынке»: «всего каких-либо десятка полтора-два можно приобрести вполне приличных книг о таком громаднейшем крае, как наша Сибирь», и эти книги или уже «устарели», или «недоступны по своей высокой цене и слишком специальному изложению для широкого пользования». Так, например, «до сих пор нет доступного и популярного учебника хотя бы географии Сибири», и потому, отмечал Крекнин, «широкие слои населения, учащиеся, подрастающее поколение – живущие в Сибири, имеют о ней, свей родине, очень смутное представление, черпая все касающиеся ее познания из учебников общероссийских, устарелых и составленных в высшей степени небрежно». Публицист «Сибирского слова» в примечании приводил такой пример этой «географический небрежности: «В очень многих учебниках географии России, например, есть: г. Колывань, на р. Оби, гранильная фабрика и пр., тогда как гранильная фабрика есть в с. Колыванском, Змеиногорского уезда, и от р. Оби очень далеко».

Относительно художественных произведений о Сибири, утверждал автор, «и говорить нечего», «тут в жизни Сибири почти совсем пустое место»; однако он вспоминает томскую инициативу конца 1880-х

годов, когда под редакцией Ивана Брута (это псевдоним Ф. Волховского) был выпущен поэтический сборник «Отголоски Сибири». С того времени «Сибирь в своем культурном развитии ушла далеко, и изменилось в ней очень многое», но «цельного поэта» так и не появилось. Причину этого Крекнин видел «не в отсутствии литературно-научных сил, знакомых с краем, не в отсутствии творческих дарований, а в отсутствии органа, лиц, которые проявили бы инициативу вызвать к жизни, объединить и поддержать» молодые сибирские таланты. Автор подчеркивал, что «существующие сибирские газеты, обслуживая текущий момент, реагируя исключительно на злобу дня, известно, сплошь и рядом не принимают прекрасные произведения или из-за их размеров, или из-за отсутствия в них злободневного момента»; если же художественное произведение чудом попадает в газету, «то как-то остается малозамеченным и редко достигает желаемого значения». Крекнин не винит за это газеты, ведь «их область деятельности – злоба дня», но собственный литературный орган, где могли бы «находить себе приют и пристанище творческие и научные силы», жизненно необходим: «потребность в таком органе несомненно есть и ясно чувствуется как среди литераторов, так и среди читающей широкой публики Сибири». Для этого нужны «организаторские силы, нужна энергия и, главное, деньги», и – «нужно начать», а «не сидеть у моря да ждать погоды»[1].

В отсутствие же журнала «Сибирское слово» по мере сил старалось предоставлять свои страницы для творчества сибирских литераторов, довольно часто публикуя стихотворения, рассказы, очерки. Литературный материал входил и в состав бесплатных иллюстрированных приложений: практически в каждом номере здесь появлялись поэтические произведения (Н. Невский «Буря жизни»; С. Ганьшин «Весна», «Камыши»; П. Шебеков «Поэту»); рассказы Н. Карукеса («Волк», «Майский цветок») и других авторов[2].

Кроме литературных произведений, в бесплатных приложениях публиковались виды столичных и сибирских городов, портреты выдающихся людей («В.Г. Белинский», «Художник Гуркин» и др.), репродукции картин, а также карикатуры на политические темы. В приложении также была определенная рубрикация, включающая такие постоянные разделы, как «Маленький фельетон», «Из мира искусства и литературы», «Разные известия», «Смесь», «Новости науки» и некоторые другие.

---

[1] *Сибирское* слово. 1910. № 1.
[2] См.: *Там же*. 1911. № 105, 111, 117.

Газету «Сибирское слово» имеет смысл рассматривать как единое целое с «Утром Сибири» (1911–1917), поскольку газеты были связаны общими сотрудниками, общей концепцией и, по сути, являлись одним изданием. О том, почему газета изменила свое название, было объявлено в сообщении «От редакции» в номере от 9 декабря 1911 года. Редактор В.Е. Воложанин писал: «...ввиду возникших разногласий между мною и одним из издателей газеты “Сибирское слово” – В.Т. Молотковским – я от редактирования данной газеты нашел необходимым отказаться. С настоящего числа под моим редактированием будет выходить другая газета – “Утро Сибири” – по прежней программе и при том же составе сотрудников».

В титуле «Утра Сибири» было указано, что, как и «Сибирское слово», это «газета ежедневная общественно-экономическая, политическая и литературная»; в прежнее объявление о подписке были добавлены фразы о том, что «возможно полное освещение русской, сибирской и заграничной жизни» будет даваться «с точки зрения принципов прогрессивной демократии» и что «как орган Сибири, газета обращает особое внимание на принципиальное освещение и детальную проработку местных вопросов в области экономической, политической и литературно-эстетической». Газета подчеркивала, что «о всех особенно выдающихся событиях» она будет «осведомлена по телеграфу через посредство своих корреспондентов», собственные корреспонденты имеются и в Государственной думе. Читатели могли также узнать, что в течение года газета собиралась поместить «ряд биографий и характеристики выдающихся русских писателей, ученых и общественных деятелей по возможности с портретами их в тексте газеты»[1]. Цена оставалась прежней – 6 рублей.

Поскольку редактор газеты В.Е. Воложанин был известен как социал-демократ, организатор первого в Сибири марксистского рабочего кружка, а в 1901 году – инициатор и организатор Сибирского социал-демократического союза и Томского комитета этого союза, к тому же обладал большим публицистическим даром, редактируемое им «Утро Сибири» стало заметным явлением в общественной жизни Томска. Издание касалось широкого круга вопросов в многочисленных рубриках, здесь публиковались произведения Г. Гребенщикова, фельетоны, стихотворения местных авторов.

[1] *Утро* Сибири. Томск. 1911. № 14.

Из нововведений, появившихся в газете, можно отметить рубрику «В мире труда», связанную, судя по всему, с социал-демократическими симпатиями редактора. Перепечатки занимали незначительную часть газетной площади, в основном в «Утре Сибири» публиковались оригинальные авторские произведения.

Изменения, произошедшие с бывшими «Сибирскими отголосками», были положительно оценены читателями. Об этом свидетельствует тираж газеты: если в 1909 году тираж «Сибирских отголосков» составлял 1200 экземпляров, то «Утро Сибири» в 1913 году насчитывало уже 2500 экземпляров, впоследствии – 7500 экземпляров. Направление «Утра Сибири» томский инспектор по делам печати описывал так: это «оппозиционная газета с оттенком социал-демократическим».[1]

Если «Сибирское слово» («Утро Сибири») стало одним из удачных газетных проектов 1910-х годов, то этого нельзя было сказать об инициативе издания «Сибирской брачной газеты». Первый номер ее вышел 21 ноября 1910 года, редактором был Шипков. В объявлении о подписке указывалось, что это «первая в Сибири еженедельная “Сибирская брачная газета”, имеющая выходить в г. Томске. Новый орган печати является литературно-художественным изданием, ставящим своей целью содействовать укреплению высокого социального значения брака в общественном самосознании и, предлагая новый способ заключения такового, путем объявлений, получивший уже, кстати сказать, право гражданства в Западной Европе, пойдет навстречу интересам тех, кто серьезно относится к брачной жизни».

Программа газеты указывалась следующая: «Отдел брачных и других объявлений; официальный отдел; статьи по женскому вопросу; по рабочему вопросу; бытовая характеристика свадеб и обрядов; юридический отдел; повести и рассказы; события местной жизни, стихотворения, анкеты, фельетоны и смесь. Примечание. В юридическом отделе редакция ставит своей задачей давать подписчикам разъяснения по вопросу, касающемуся института брака как такового».

«Сибирская брачная газета» не была оригинальным изданием, она была «сибирской копией» известного столичного проекта под названием «Брачная газета» (выходила в 1906–1914 годах в Москве, редактором была С. Сучкова, издательницей Дюминкина). Сравнивая объявления о подписке обоих изданий, можно найти прямые совпадения. Так, например, московская «Брачная газета» писала, что «это первое

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 67–68, 292, 350.

и единственное в России литературно-художественное издание, ставящее себе целью укрепить высокое значение брака в общественном самосознании и привить у нас новый способ заключения брака путем объявлений, увенчавшийся полным успехом в Америке, Англии и Германии». Программа «Брачной газеты» включала в себя «обширный отдел брачных и других объявлений; серьезные статьи по вопросу о браке; описания свадеб у других народов. Статьи по женскому вопросу, повести, рассказы, стихотворения, шутки, сценки, иллюстрации». «Сибирская брачная газета» в 1911 году стала выходить под названием «Брак и семья», но смена названия не прибавила ей популярности.

Ряд томских «правых» изданий в 1912 году пополнился общественно-политической, литературной и экономической ежедневной газетой «Томский вестник» (1912–1915). Редактором газеты в 1912 году был А.М. Леонов, в 1913 году – Я.Г. Буланов; в качестве издателя выступило «Товарищество печати». В 1913 году газета сменила титул на «газету политической, общественной, церковной, литературной и экономической жизни». Инспектор по делам печати П. Виноградов в своем отчете 20 августа 1913 года сообщал начальнику Главного управления по делам печати, что «Томский вестник» был органом партии октябристов, выходил максимальным тиражом 900 экземпляров, минимальным – 750[1]. Цена газеты составляла всего 2 рубля в год.

Программа «Томского вестника» включала в себя 22 пункта:

«1. Телеграммы
2. Правительственные распоряжения
3. Передовые статьи
4. Церковный отдел
5. Политический отдел
6. Среди газет и журналов
7. Статьи и очерки по вопросам сибирского края
8. Обзор общественной жизни России
9. Фельетон
10. Маленький фельетон
11. Научный отдел
12. Местная хроника
13. Театр и музыка
14. Судебная хроника
15. Торгово-промышленный отдел

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 350.

16. Железнодорожный отдел
17. Библиография
18. Справочный отдел
19. Корреспонденции
20. Заграничные известия
21. Смесь
22. Объявления»[1].

«Правое» направление газеты было подчеркнуто в первом же номере, в передовой статье «Томск, 21 августа. Наша программа», в которой заявлялось: «Приступая с благословения досточтимого иерарха, Высокопреосвященнейшего Архиепископа Макария, к изданию ежедневной газеты “Томский вестник”, редакция ставит себе девизом драгоценные слова Его Императорского Величества, Государя Императора, Николая Александровича, сказанные представителям печати: “Надеюсь, что русская печать окажется достойной своего призвания служить выразительницей чувств и мыслей Великой Страны и воспользуется своим большим влиянием на общественное настроение, чтобы вносить в него правду и только правду”». Однако, отмечала газета, «к великому прискорбию, эти слова монарха нашей прессой соблюдаются крайне редко. Мы опутаны тенденциозной и часто сознательной газетной ложью. Читатель такой литературы, читатель поневоле, конечно, чувствует ложь и тенденцию прессы, но бессилен разобраться в фактах вследствие искаженной их передачи. Среди населения всегда имеется много лиц, чуждых партийным интересам и желающих знать правду без прикрас. Предпринятое редакцией издание и ставит своей целью отвечать на эти запросы общества».

Своей задачей «Томский вестник» считал «давать читателям спокойное, в пределах человеческой возможности, строго отвечающее действительности изложение фактов, избегая политических резкостей и крайних выпадов, столь унижающих человеческое достоинство и претящих чувству интеллигентного человека». Газета подчеркивала: по направлению она «будет правая и по взглядам умеренная».

В этой же статье «Томский вестник» изложил свою точку зрения на полемику: «соответственно своему направлению газета наша будет составлять оппозицию левой, или “прогрессивной”, прессе. Так как последняя подтачивает три главных устоя русской государственности: православную веру, царское самодержавие и целость русского госу-

[1] *Томский* вестник. Томск. 1912. № 1.

дарства, – то редакция “Томского вестника” решила посвятить свои силы служению этим трем историческим факторам русской государственной жизни».

Представив свое понимание «устоев» русской жизни, газета резюмировала: «Желая защищать высказанные взгляды, редакция сознает, что становится на путь тяжелой борьбы с левой прессой, которая в лице газеты “Сибирская жизнь” поторопилась осмеять еще не родившуюся газету. Но, зная это, редакция заботится в настоящую минуту о подсчете не врагов, а друзей своих. С верой в сердечное участие и в сознательное соучастие здоровых общественных сил редакция станет выше мелкой злобы врага и будет игнорировать его недобросовестные выпады»[1].

Необходимо заметить, что «осмеяние» «Сибирской жизнью» новой газеты заключалось в двух крохотных заметках в разделе «Томская жизнь» под одинаковыми заголовками «Правая газета». Одна из заметок сообщала о том, что томская «правая» группа, «после долгих поисков редактора и колебаний, проявленных при выборе редактора среди “малоподходящих кандидатов”, окончательно остановила свой выбор на Т.С. Абрамове. Передают, что первый номер умеренно-черносотенной газеты выйдет 19 августа. Новая газета, кроме “политической” предвыборной роли, должна выступить еще защитницей интересов городского головы И.М. Некрасова в вопросах городского хозяйства». Вторая заметка была посвящена новости о том, что «выход правой газеты в г. Томске отложен с 19 августа на 21-е число. Название газеты: “Томский вестник”. В качестве секретаря редакции приглашен бывший секретарь полиции и одно время ближайший сотрудник И.М. Некрасова по канцелярии городской управы г. Сивков»[2].

Выход «Томского вестника» практически совпал с празднованием 100-летней годовщины Отечественной войны 1812 года, поэтому первые номера новой газеты были заполнены юбилейными материалами: «Александр I», «Порядок празднования в г. Томске столетия Отечественной войны 1812 года», «Военные заметки. Двенадцатый год», «Празднование столетия Отечественной войны в Томском духовном училище» и др.[3]

В первом номере газета сочла также необходимым поместить материал «Торжество в редакции», который подчеркивал ее связь с мест-

---

[1] *Томский* вестник. 1912. № 1.
[2] *Сибирская* жизнь. 1912. № 183, 185.
[3] *Томский* вестник. 1912. № 1, 42.

ной властной «верхушкой». В небольшой статье описывалось, как «19 августа в 12 часов дня в помещении Биржи состоялось скромное торжество открытия издания газеты “Томский вестник”. К началу молебствия прибыл г. Томский губернатор П.К. Гран, вице-губернатор А.Г. Загражский, городской голова И.М. Некрасов» и др. В последующих материалах этого же номера «Томский вестник» опровергал пущенный «Сибирской жизнью» слух об отставке И.М. Некрасова; упрекал «Сибирскую жизнь» за «странное молчание» по поводу прибытия в Томск вновь назначенного вице-губернатора, полковника Загражского («о таковом событии “Сибирская жизнь” из высших, очевидно, соображений не считала нужным оповестить своих читателей»); отмечал, что «Сибирская жизнь» «с особенным злорадством» написала об прекращении «Ученых известий» Базановым, и так далее, выполняя, видимо, поставленную цель полемики с «лживой прессой».

В материале «Памяти А.С. Суворина» «Томский вестник» высоко оценил заслуги «Нового времени», считая, что это газета стоит «на первом месте среди органов русской повременной печати», а в заключение вновь поднял вопрос о «Сибирской жизни»: «Несомненно, при всех и исключительных заслугах А.С. Суворина найдется и на его совести немало грехов. У культурных людей не принято, однако, над свежей могилой танцевать кэк-уок. У людоедов, действительно, тризна заканчивается отвратительной пляской. Их примеру последовала “Сибирская жизнь”, проплясавшая в день поминовения А.С. Суворина, перед открытым его гробом, танец апашей»[1].

Участвуя в осуждении макушинской инициативы – учреждения Народного университета, «Томский вестник» отозвался на освящение здания Дома науки следующими соображениями: «“7 октября 1912 года будет красными буквами занесено на страницы истории Томска”, так сказал в своем адресе один из вещателей, пришедших приветствовать досточтимого П.И. Макушина в день освящения зданий “Дома Науки”. Ничего еще не сделали для науки, не составили еще приблизительного представления о том, что будет делаться в этом доме; получили только помещение и уже поспешили наречь неродившееся дитя. Как черные вороны, собрались к колыбели, еще пустой, приготовленной для ожидаемого младенца, и закаркали над ним привычный мотив, поспешили забросить вперед словечко, чтобы потом дитя и его пестуны запомнили его!». Публицист «Томского вестника», «слушая

[1] *Томский* вестник. 1912. № 1.

эти речи», решил, что «не о науке хлопочут все эти господа, а о том, как бы эту науку притянуть за волосы к служению единственно занимающему теперь общество освободительному движению»; он также поделился с читателями своими догадками о том, что здесь будут преподавать «науку особенную», и в итоге «вся история Дома науки составит красную страницу на скрижалях русских летописей»[1].

Основными темами передовых статей «Томского вестника» были вопросы политики («Из дум в междумье»; «По выборам»; «Россия и Черногория»; «Избирательная кампания на местах»), церковная жизнь («Святитель Софроний, епископ Иркутский»), сибирские проблемы («Культурные потребности Сибири») и другие актуальные темы. После того как полемика с «Сибирской жизнью» отошла на второй план (уже к концу 1912 года), «Томский вестник» стал больше уделять внимания темам, связанным с Сибирью. Об этом свидетельствуют два материала: «Лекция члена 3-й Государственной думы Н.В. Некрасова» и «Печальный пробел»[2].

Первый из них был посвящен выступлению Н.В. Некрасова с докладом «Сибирь и законодательные учреждения». Отвечая на вопросы о том, как представлена Сибирь в высших сферах, депутат Государственной думы утверждал: «...как в правительственных сферах, так и в Государственной думе большинство имеют о Сибири совершенно ошибочно неверный взгляд, смотря на Сибирь как на “колонию”, отдаленную вассальную часть Империи, подверженную сепаратизму». Из-за этого и «сибирская группа» в Думе остается «изолированной по специальным сибирским вопросам, вне партий, без всякой поддержки», «самостоятельной, как бы областной и колониальной», а следовательно, не может «провести в Думе свои заветные неотложные вопросы». Отмечая, что доклад был тепло встречен слушателями, публицист «Томского вестника» подчеркнул: «несмотря на заявление лектора быть внепартийным, освещение фактов было специфически кадетским»[3].

Второй материал под названием «Печальный пробел» отражал своеобразное понимание редакцией газеты положения Сибирского региона. Автор заметки следующим образом рисовал современное состояние края: «В последние годы в области реальных мировых интересов мощно выдвинулась новая, сказочная, почти неведомая дото-

---

[1] *Томский* вестник. 1912. № 40.
[2] *Там же*. 1912. № 22, 25, 28, 36, 40, 42, 46.
[3] *Там же*. 1912. № 28.

ле полуденная страна – Восточная Россия. Это уже не прежнее место ссылки – суровая, беспощадная Сибирь. Ныне это – страна молочных рек и кисельных берегов, страна великих чаяний и зарождающихся проблем»[1]. «Томский вестник» рисовал Сибирь как «еще почти нетронутое, почти девственное царство природы», в котором таятся «пушные и рыбные богатства», «золото и камни самоцветные», «источники целебные воды» и т.д. Основной пафос выступления заключался в том, что о Сибири необходимо давать «хотя бы и краткие, но отчетливые знания» в рамках школьного курса, создавать учебные книги, которых пока нет. Представление о Сибири как о волшебной богатой стране выглядело архаичным в начале XX века, но транслировалось публицистами правой газеты в рамках скрытой полемики с левой прессой, с «областниками», которые акцентировали внимание не на богатствах Сибири, а на проблемах, которых необходимо преодолевать.

Кроме авторских материалов, «Томский вестник» активно работал с перепечатками (главным образом из «Нового времени»). На всем протяжении своего существования газета продолжала выступать в защиту «устоев» русской жизни и бороться с прогрессивной печатью.

В 1916–1917 годах в типографии Приюта и Дома трудолюбия выходила газета «Сибирский свет» – «первая вечерняя ежедневная общественная и литературно-политическая и общедоступная». В объявлении об издании подчеркивалось, что «самостоятельная в своих суждениях, чуждая тенденциозного извращения фактов, газета “Сибирский свет” будет безусловно независимым органом печати. Ярко освещая все явления общественной жизни, справедливо и беспристрастно отмечая их, она явится наиболее полным выразителем нужд местного края, далекая от узких партийных, односторонних взглядов». В программу газеты входили «отделы политический, общественный и литературный, руководящие статьи и всякого рода фельетоны, рассказы из жизни сибирского крестьянства, инородцев Алтая, этнографические очерки, внутреннее и иностранное обозрение, хроника местной жизни, духовная и еженедельный сатирический отчет “Задушевные беседы неунывающего сибирского обывателя”, в котором читатели найдут интересный, злободневный материал для чтения»[2].

Особенно газета настаивала на широком охвате материала: «в сжатом, но живом изложении газета даст систематический обзор всех важнейших новостей в области политической и общественной жизни

[1] *Томский* вестник. 1912. № 42.
[2] *Сибирский* свет. 1916. № 1.

за день. Изданию будет придана серьезная постановка в расчете на доступность его для широкого круга читателей, в особенности для лиц, не имеющих возможности следить за недоступными дорогими для него периодическими изданиями. В этих видах будут приложены особые заботы, чтобы газета была интересна и удовлетворяла читателей всех сословий разнообразием и богатством даваемого материала».

В качестве дополнительной «приманки» газета обещала, что «с первых же номеров в газете “Сибирский свет” будет печататься большая новелла из жизни новых людей местной сибирской окраины и доставит читателям Томска и Новониколаевска большой интерес и удовольствие. Так как действующие лица описываемой трагикомедии известны почти всякому обывателю и не изгладилась из памяти их темная, ужасная история недавних дней. Соч. Г. Могуч, “Герои Сибирского Чикаго”»[1].

В действительности же содержание «Сибирского света» оказалось гораздо беднее заявленного и определялось оно, прежде всего, интересом редакции к духовно-религиозной тематике; газета была ориентирована «на глубоко верующего православного читателя»[2]. Постоянное место в газете заняли отделы «Церковная жизнь», «Война», «Внутренние известия», «Иностранные известия» и другие. Первостепенное внимание в материалах уделялось духовенству, деятельности церковнослужителей в тылу и на передовой. Здесь постоянно публиковались материалы священников, перепечатывались материалы о работе правых партий в Государственной думе. Характерными примерами могут являться материалы «Герои Отечественной войны из питомцев духовной школы», «Духовенство и военный заем», «К открытию высших женских богословских курсов» и т.д.[3]

В канун и годы Первой мировой войны в российскую практику вошел выпуск так называемых однодневных газет – одноразовых изданий газетного типа, выпускаемых с целями благотворительности. В Томске этот тип изданий также периодически появлялся на рынке печати, это газеты «Белый цветок» (18 мая 1914 года, издатель – Томский отдел Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом), «Здоровье для всех» (несколько номеров на протяжении 1913–1917 годов, Общество физического развития), «Студенческий день» (1915 год), «Отклики

---

[1] *Сибирский* свет. 1916. № 1.

[2] *Дмитриенко Н.М., Косых Е.Н.* Газета // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. С. 68.

[3] *Сибирский* свет. 1916. № 1, 3, 5.

печати» (27 апреля 1915 года, Томский отдел Сибирского общества помощи раненым) и другие. То есть в качестве издателей выступали общественные организации. Сбор от продажи этих изданий поступал в пользу жертв войны, больных туберкулезом и так далее.

Однодневные газеты выпускались по традиционной модели городских и областных изданий, включали в себя обычные рубрики – передовая статья-обращение, телеграммы, томские, сибирские, российские новости, фельетоны, стихотворения и художественные произведения других жанров и так далее. Подобного рода издания служили повышению авторитета газет в сибирском обществе, выступая аналогом общественной акции, центром консолидации благотворительных сил. В «Сибирской жизни», например, упоминалось, что газета «Студенческий день» разошлась в количестве 13000 экземпляров[1], и это свидетельствует о востребованности такого рода изданий.

Рынок газетной периодики Томска в начале XX века был расширен также за счет специализированных изданий, к которым относятся «Сибирский врач» (1913–1917), газета на татарском языке «Сибирия» (выходила в 1912 году 2 раза в неделю тиражом от 880 до 1150 экземпляров[2]) и другие издания. Ориентированные на узкие аудиторные группы, эти газеты сосредоточивались на тематике, определяющей специфику издания, – медицинской, жизни татарского населения в Томске и т.д. Необходимо отметить, что специализированные издания практически не сохранились в фондах библиотек в силу своей малой распространенности.

Итак, можно выделить несколько черт, характерных для газетной периодики Томска в дореволюционный период. Во-первых, ее позднее возникновение: около 20 лет в крупном губернском центре выходила только одна газета, «Томские губернские ведомости», имевшая официальный информационный характер; однако в «неофициальном приложении» к газете начала формироваться сибирская журналистика и литература.

Во-вторых, в развитии томской журналистики наблюдались «пиковые» периоды, когда количество новых изданий увеличивалось скачкообразно – это 1906 и 1915 годы. Любопытно, что каждый раз это годы, связанные с крупными общероссийскими событиями – Первой русской революцией, Первой мировой войной. Однако сибирская журналистика реагировала на их начало с опозданием в один год.

---

[1] *Сибирская* жизнь. 1915. № 75.
[2] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 349.

Третьей специфической чертой газетной периодики Томска можно назвать возникновение своеобразных «цепочек» изданий, являющихся в действительности одной газетой, но с разными названиями. Это, например, «цепочки» «Томский справочный листок» – «Томский листок» – «Сибирская жизнь» – «Сибирская мысль» – «Сибирская жизнь»; «Сибирский вестник» – «Вестник Сибири», «Сибирские отголоски» – «Сибирское слово» – «Утро Сибири». Эта тенденция в общероссийском масштабе была свойственна социал-демократической и эсеровской журналистике, и в том и в другом случае была связана с попыткой обхода цензуры. Особенность «цепочек» в сибирском варианте была в том, что к такой уловке вынуждены были прибегать не радикальные, а вполне умеренные органы печати, придерживавшиеся кадетской ориентации, однако оказывавшиеся слишком оппозиционными в глазах сибирских цензоров.

Четвертая особенность томских изданий – это узкая грань между газетой и журналом, характерная для многих изданий, однако наиболее ярко проявившаяся в издательской деятельности В.А. Долгорукова. Начав с издания журналов, после Первой русской революции он пришел к идее издавать газету, однако «Сибирские отголоски» первое время занимали переходное положение между газетой и журналом. В общероссийской практике подобный пример можно найти в лагере консервативной журналистики, это журнал-газета «Гражданин» князя Мещерского. Вероятно, и для Мещерского, и для Долгорукова как выразителей основной линии издания определение типа не являлось первостепенным, и они старались совместить черты и того, и другого вида периодики в одном издании.

В целом на томском газетном рынке периодики присутствовали одновременно несколько газетных типов: официальное издание, газета-приложение («неофициальный отдел», иллюстрированные и другие), малоформатные общественно-политические и партийные еженедельники, а также общественно-политические и специализированные газеты среднего и большого формата. Это свидетельствовало о поступательном развитии газетного дела Томска, прерванного Революцией 1917 года.

Своеобразным «маркером» «политического лица» изданий после Первой русской революции стало областничество: в основном «местный патриотизм» считался признаком либерального, «кадетского» направления, ведь было общепринято, что «левые», как и вся прогрессивная пресса, поддерживают «сепаратизм», в отличие от «правых»,

выступающих за неделимую Россию. Этот «сепаратистский жупел» в начале XX века левой печатью даже не обсуждался и не опровергался. «Сибирские вопросы» со страниц периодической печати перешли на уровень обсуждения в Государственной думе, и это было большой заслугой сибирских публицистов и депутатов. В печати же «сибирские особенности» оставались средством привлечения местного читателя, используемым печатью разных направлений.

ГЛАВА 4
ТОМСК ЖУРНАЛЬНЫЙ

В Томске, как и во многих дореволюционных городах Сибири, основным типом издания долгое время была газета. Для выпуска журнала не хватало литературных сил, но самое главное – материальной базы, поэтому после первых тобольских журналов XVIII века журнальное дело в Сибири надолго приостановилось.

Разговор о необходимости местного томского журнала впервые начала «Сибирская газета». В передовой статье «Томск, 18 сентября» газета обращала внимание на то, что «в умственной пище, выделяемой из среды самого сибирского общества пишущей его частью и предлагаемой местными органами, есть некоторый, *живо ощущаемый* (курсив ред.) пробел», связанный с отсутствием в Сибири «*литературного органа, в который бы могли стекаться работы, не укладывающиеся в рамки еженедельных публицистических газет* (курсив ред.)». Размышляя о предназначении газеты и журнала, об их разных функциях, журналисты «Сибирской газеты» вслед за Белинским утверждали, что газеты «выражают интерес минуты и ему же должны служить. Они суть отражение жизни со всею пестротой последней и потому должны прежде всего следить за фактической стороной ее, стремясь ко всевозможной полноте и свежести в этом направлении. Руководящие статьи их точно так же должны стремиться осветить перед читателем общественный смысл явлений *данного момента* (курсив ред.)». В свою очередь, журнал «вовсе не предназначен служить *повседневной* (курсив ред.) злобе дня; значение его по преимуществу *суммирующее, систематизирующее и поучающее* (курсив ред.); поэтому за пульсом обыденной жизни он уследить не может, сырыми фактами он беднее; картины, им рисуемые, сложнее и разностороннее, исследование глубже, обобщения шире. Таким образом, эти две формы периодической литературы – газета и журнал – существуют рядом, взаимно дополняют друг друга».

В настоящее же время, по мнению издания, роль журнала приходится выполнять газете, что ведет к ее «ослаблению»: «невозможно

сибирской газете совершенно отказаться от помещения трудов чисто этнографического или исторического характера, от статистических очерков и исследований, имеющих скорее популярно-научный, чем публицистический пошиб. А каждый подобный труд отнимает место у корреспонденций, составляющих 50 % силы еженедельного издания, стесняет текущие отделы, следящие за течением русской и иностранной общественной и политической жизни, почти исключает библиографию и вообще может быть допущен в газету не иначе как на счет злобы дня, которой в настоящей газете должно принадлежать все место. А между тем, сколько бы ни обижала себя газета с этой стороны, она не заменит журнала»[1].

Анализируя статистические данные по подписке в разных городах Сибири (Тюкала, Верный, Енисейск, Нерчинск, Томск и др.), «Сибирская газета» приходила к выводу, что журнал как тип издания пользуется определенной популярностью, хотя и меньшей, чем газета. В Сибири «месячный срок появления нумеров не признается... неудобством», и по сведениям о подписке в Томске, «издания, принадлежащие или приближающиеся по типу ежемесячного общеинтересного литературно-общественного журнала, составляют по количеству экземпляров 13 % общего числа всех частных изданий».

Наконец, публицисты «Сибирской газеты», признавая заслуги общероссийской журналистики, останавливались и на необходимости собственного журнала: «Конечно, российская литературная производительность дает сибиряку *очень много* (курсив ред.), однако же она не дает ему *всего* (курсив ред.): она не дает ему *познания родины* (курсив ред.) и такого подбора популярных знаний, который бы соответствовал специально сибирским условиям существования. Этот пробел должен быть выполнен путем основания ежемесячного сибирского литературного органа»[2].

20 ноября 1883 года «Сибирская газета» сообщила, что идея издания сибирского литературного журнала нашла отклик в местном обществе, и в Главное управление по делам печати направлено «прошение издавать в Томске небольшой ежемесячный журнал» под названием «Сибирское обозрение». Но планам не суждено было сбыться: через месяц в рубрике «Хроника» появилось лаконичное сообщение о том,

---

[1] *Сибирская* газета. 1883. № 38.
[2] *Там же*.

что «издание “Сибирского обозрения” Главным управлением по делам печати не разрешено»[1].

Первым частным томским журналом стал «Дорожник по Сибири и Азиатской России» В.А. Долгорукова. Личность этого человека, его судьба довольно необычны: он родился в 1850 г. в Санкт-Петербурге, в княжеской семье, получил высшее юридическое образование, однако был вовлечен в криминальную авантюру и после суда лишен княжеского звания, отправлен в Сибирь как уголовный ссыльный. Обратно в столицу он уже не вернулся, прожил в Томске всю жизнь, работал в качестве частного поверенного в Томском окружном суде, умер в 1912 г. в этом городе и похоронен на томском кладбище.

В Томске Долгоруков принимал участие в газете «Сибирский вестник», здесь же, в ссылке, обнаружил в себе литературный талант: его стихотворения публиковались в томской прессе под псевдонимом «Всеволод Сибирский», были изданы два сборника стихов[2]. С 1895 года он начал заниматься собственной издательской деятельностью: первоначально выпускал ежегодник «Путеводитель по Сибири и среднеазиатским владениям России», а с 1899 года стал редактором-издателем второго издания – «Дорожника по Сибири и Азиатской России» (периодичность этого журнала – 6 раз в год).

О содержании «Дорожника…» Долгоруков писал так: «Кроме справочных сведений о железнодорожных, водяных и сухопутных (смотря по времени года) путях сообщения, будут помещаться возможно подробные описания городов, селений и вообще местностей как Сибири и Азиатских владений России, так и стран, сопредельных с ними… описания эти будут иллюстрироваться видами местностей, изображением замечательных памятников, портретами выдающихся личностей в жизни Сибири, и вообще Азиатской России, и т.д. Затем – часть каждой книжки займет французский текст, в котором будут сообщаться различные путеводительские сведения, небезынтересные для иностранцев в видах ознакомления с Сибирью и с азиатскими владениями России»[3].

Толстые томики «Дорожника...» заполнялись разнообразной справочной информацией, касающейся железнодорожного расписания, правил продажи билетов, а также описаниями городов и селений азиатской части России: Омска, Туруханска, Самарканда, Акмолинска и

---

[1] *Сибирская* газета. 1883. № 47, 52.
[2] *Сибирский В.* Не от скуки. Томск, 1890; *Сибирский В.* Стихотворения. Томск, 1912.
[3] *Дорожник* по Сибири и Азиатской России. Томск, 1899. № 1.

т.д., статьями о положении дел в Сибири: «Заметки о судопроизводстве и судоустройстве», «Северный морской путь в начале XVIII века» А. Ш-ва, «Театры в Томске» В. Долгорукова и другими материалами[1].

В 1898 году Долгоруков «получил уведомление жюри Международной выставки в Бордо (Франция) о присуждении ему серебряной медали за издание книги «Путеводитель по Сибири и азиатским владениям России»[2]. Без сомнения, составить эту книгу, получившую столь высокую оценку за рубежом, помогла Долгорукову работа над периодическими изданиями, «Путеводителем...» и «Дорожником...».

Продолжением «Дорожника...» стал ежемесячный «Сибирский наблюдатель» (1901–1905). В нем уже были четко выделены отделы: 1) «описание путей сообщения», 2) «описание городов и селений», 3) «краткие путеводительные сведения на французском языке», 4) «виды замечательных местностей, городов, портреты государей и чем-либо выдающихся личностей», 5) «смесь», 6) «рассказы, анекдоты, стихотворения», 7) библиография, 8) «иностранное обозрение», 9) «объявления».

Тематика и жанровая палитра «Сибирского наблюдателя» значительно расширилась по сравнению с предыдущим журналом Долгорукова. Здесь можно было найти и материалы о преданиях и суевериях сибирских коренных жителей, отчеты о деятельности обществ, мемуары, очерки, стихотворения, исторические, этнографические и краеведческие статьи, театральные рецензии, библиографические материалы. В определенном смысле этот журнал может претендовать на признание его энциклопедическим сибирским изданием. Однако он пользовался интересом у весьма ограниченного читательского круга, так как был далек от политики и общественной жизни, не вступал в полемику и в целом производил впечатление издания «безликого». Современники объясняли это следующим образом: «Будь у В.А. Долгорукова более широкие взгляды на цели и значение ежемесячного журнала, быть может, его попытка и не прошла бы так тускло и бесследно. Потребность в серьезном общественно-политическом и литературном ежемесячном органе несомненно существовала... но тусклый “Сибирский наблюдатель”, при всей его чистоте и добросовестности, будущности не имел, особенно в начале XX века»[3].

---

[1] *Дорожник* по Сибири и Азиатской России. Томск, 1899. № 1, 2.
[2] *Дмитриенко Н.М.* День за днем, год за годом… С. 84.
[3] *Крутовский В.* Периодическая печать в Томске… С. 302.

В 1905 году в журнале появился ряд материалов, связанных с революционными событиями этого времени. Уже в № 1–2 (сдвоенном номере) за 1905 год помещается небольшая информация о совещании томских деятелей печати, в котором принял участие и «Сибирский наблюдатель». Попытка осмысления революционных событий была предпринята в отделе «Заметки сибирского наблюдателя» В. Дол-кова. Здесь была особенно отчетлива видна либеральная позиция редактора, его поддержка правительственных начинаний: «Впереди – загораются зори, и **с высоты** (выделено «Сибирским наблюдателем») раздается слово, призывающее нас к самодеятельности»[1].

В № 4–5 за 1905 год был опубликован «Высочайший Манифест об учреждении Государственной Думы», а в № 10 за 1905 год появился материал «Добавление к статье “События дня”», автор которого в хронологическом порядке описывал революционные события российского и томского масштабов: забастовки в Томске («в том числе забастовали и работники печатного станка. Выход газет приостановился – задержался и выход нашего журнала»), действия властей («бюрократия продолжала делать ошибку за ошибкой»), появление Манифеста 17 октября 1905 года (был приведен текст), томский черносотенный погром. Автор выражал сочувствие всем, пострадавшим в это время, но воздерживался от резких оценок действий власти. Основная тональность – печаль о «страшном кровавом побоище...».

В 1906 году, в связи с увеличением темпа общественной жизни в период Первой русской революции, журнал был преобразован в еженедельник – «иллюстрированный, общественный и литературный журнал» под названием «Сибирские отголоски». Он выходил небольшим тиражом, по данным 1907 года, 400 экземпляров (см.: Сибирская мысль. 1907. № 1), и занимал очень ограниченную читательскую нишу.

Первоначально 20 января 1906 года Долгоруков подал томскому губернатору прошение «разрешить издавать… в Томске иллюстрированный листок общественной, политической и литературной жизни под заглавием “Колокольцы”, с правом выпуска этого издания в свет в количестве от 3 до 5 раз в месяц. <…> Программа издания: 1) правительственные распоряжения; 2) жизнь Сибири (корреспонденции из разных городов Сибири, перепечатки из разных газет и проч.); 3) обозрение русской жизни; 4) обозрение жизни за границей; 5) фельетон

[1] *Сибирский* наблюдатель. Томск, 1905. № 3.

(романы, повести, рассказы, стихотворения и пр.); 6) театральная хроника; судебная хроника; 7) всякого рода рисунки, гравюры, эстампы и т.д.; 8) объявления»[1]. Однако уже 28 января 1906 года он вновь обратился к губернатору с просьбой вместо «Колокольцев» дать новому еженедельнику название «Сибирские отголоски»: это название и было в итоге утверждено[2].

В «Сибирских отголосках» публиковались передовые статьи на актуальные темы, например, статья И.А. Малиновского о смертной казни (Сибирские отголоски. 1906. № 19); стихотворения Г. Вяткина, Е. Бахарева, П. Блиновского, Вас. Павлоградского и других местных поэтов, эскизы и очерки, а также статьи о выборах в Государственную думу, о роспуске 1-й и 2-й Дум, о других событиях российской политической жизни, В журнале велись постоянные рубрики «По Сибири», «Русская жизнь», «Иностранное обозрение», «Письма в редакцию», «Томская хроника» и ряд других. В этом же журнале выходил сатирический отдел, впоследствии отделившийся в самостоятельное издание под названием «Бубенцы»: в «Сибирских отголосках» (1906. № 19) указывалось, что «Бубенцы» рассылались городским подписчикам в количестве 300 экземпляров. Заметим, что Долгоруков с 1906 года выбирал названия для своих изданий из одного синонимического ряда: «Колокольцы», «Бубенцы», – ассоциирующиеся с небольшими, издающими негромкие звуки музыкальными инструментами (то есть это не «колокол» и не «бубен»), которые издают даже не звуки, а «отголоски». Это в целом соответствовало позиции Долгорукова, старающегося максимально дистанцироваться от «большой» политики.

В 1906 году в Томске произошел кратковременный расцвет сатирической журналистики, и в этом плане сибирский губернский центр оказался в русле общероссийских тенденций. Русская сатирическая печать периода Первой русской революции 1905–1907 годов – явление достаточно изученное и систематизированное в различных каталогах[3]. Из 259 учтенных в тот период сатирических журналов наибольшее количество изданий выходило в Санкт-Петербурге (132) и Москве (27), однако и в российской провинции, в отдаленном Сибирском регионе в это время выходили сатирические журналы, достойные внимания исследователей.

---

[1] *ГАТО*. Ф.3. Оп. 12. Д. 693. Л. 85.

[2] *Там же*. Л. 87.

[3] См. например: *Русская* сатирическая периодика 1905–1907 годов: Сводный каталог. М., 1980; *Сатирические* журналы 1905–1907 гг. в фондах Научной библиотеки Томского университета: Каталог. Томск, 1988; и др.

«Эра общественного оживления и несбыточных, как потом оказалось, надежд породила повсюду и у нас, в Сибири, целую плеяду литературных кружков, особенно среди молодежи, так или иначе стремившихся высказать свое отношение к совершавшемуся у них на глазах перевороту, особенно в форме политической и социальной сатиры», – так характеризовал эту эпоху Вс. Крутовский[1].

По подсчетам историков журналистики, в Сибири в 1905–1907 годах выходило 13 сатирических журналов, из них 6 в Томске: «Осы» (1906–1907), «Бич» (1906), «Бубенцы» (1906–1907), «Рабочий юморист» (1906), «Ерш» (1906–1907) и «Красный смех» (1906) (по другим источникам, в этот список входит также журнал «Негативы» – вышел один номер в 1907 году). В настоящее время в фондах Научной библиотеки ТГУ сохранились номера четырех сатирических изданий, материал которых позволяет говорить о своеобразии сатиры в Сибири.

Литературно-сатирический листок «Осы» стал первым в целой череде сатирических журналов, возникших в течение 1905–1906 гг. В качестве редактора-издателя «Ос» выступил 30-летний потомственный почетный гражданин Виталий Иванович Федоров, который 15 декабря 1905 года обратился к томскому губернатору со следующим заявлением: «На основании Высочайшего указа о временных правилах о повременной печати, принятых Государственным советом 23 ноября 1905 года, имею честь заявить Вашему Превосходительству, что я намерен издавать в г. Томске периодический орган – литературно-сатирический листок под названием “Осы”.

Программа предполагаемого издания такова: отклик на современные явления общественной и политической жизни, как местной, так и общероссийской, причем отклик этот будет выражаться как в серьезных статьях, так и в сатирических набросках, юмористических фельетонах, стихах, шутках, а также рисунках-карикатурах. Срок выхода предположенного мною издания – не более одного раза в неделю и не менее двух раз в месяц»[2]. В секретной переписке по поводу политической благонадежности Федорова выяснилось, что он «к делам политического характера при Томского губернском жандармском управлении привлекаем не был», «ни в чем предосудительном не замечен, состоит сотрудником газеты “Сибирская жизнь”» и является секретарем редакции этой газеты[3]. 22 декабря 1905 года разрешение на издание «Ос»

[1] *Крутовский В.* Периодическая печать в Томске… С. 306.
[2] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 7.
[3] *Там же*. Л. 10, 11.

было получено, и в № 263 и 264 (1905) газеты «Сибирская жизнь», на первых полосах, было объявлено о выходе 31 декабря 1905 года первого номера нового частного журнала Томска.

Вокруг журнала сосредоточился довольно многочисленный круг авторов – местные поэты Е.А. Бахарев, Г.А. Вяткин, В. Курицын, М.С. Попов (в дальнейшем выпускавший собственный сатирический журнал «Ерш»), И.Л. Симанин (впоследствии участник журнала «Рабочий юморист»), С.П. Швецов (политический ссыльный – революционер-народник, публицист, исследователь Сибири) и другие. Впоследствии журнал перешел к К.И. Троицкому: 20 января 1906 года Федоров уведомил губернатора, что «ввиду серьезного нездоровья и скорого отъезда из Томска на юг для лечения» он просит передать «временное редактирование... листка “Осы” отставному канцелярскому служителю Константину Ивановичу Троицкому»[1]. «Осы» просуществовали до 1907 года, журнал «пользовался симпатией публики и расходился довольно бойко»[2].

12 марта 1906 года появился еженедельный литературно-сатирический журнал «Бич»: «резко непримиримый», по характеристике В. Крутовского. Более того, этот журнал после выхода первых трех номеров отказались печатать в типографии Дворецкого, так как была опасность репрессий со стороны администрации. По свидетельству В.М. Крутовского, сотрудники помогали рабочим набирать статьи и верстать номера. И все же опасения Дворецкого оправдались: типографию его закрыли. В качестве редактора-издателя выступил ирбитский мещанин Владимир Цезаревич Черемных, житель Томска, 26 лет, служащий у нотариуса[3]. Говоря о программе «Бича», редактор-издатель заявлял, что журнал «будет отражать в себе проявления как местной, так и общероссийской жизни в серьезных статьях, сатирических набросках, юмористических фельетонах, стихах, шутках, а также и рисунках-карикатурах».

Авторами этого журнала были В.А. Долгоруков, П.А. Казанский (хорошо известный читателям под псевдонимом «Премудрая крыса Онуфрий»), уже упоминавшийся М.С. Попов и др.

14 апреля 1906 года к существующим сатирическим изданиям присоединился еженедельный литературно-сатирический журнал «Рабочий юморист». Вышло всего 2 номера, журнал также печатался в ти-

---

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 16.
[2] *Крутовский В.* Периодическая печать в Томске… С. 306.
[3] *ГАТО*. Ф.3. Оп. 12. Д. 693. Л. 183, 185.

пографии Дворецкого. Редактором-издателем была жена коллежского секретаря Лидия Николаевна Симанина. О себе она сообщала губернатору следующие сведения: «Мне 27 лет. Под судом и следствием я не была и не состою. Никакого административного наказания тоже не отбывала. Проживала я все время в г. Барнауле, а в Томск переехала в ноябре 1905 года»[1]. Подтверждая эти сведения, томский полицмейстер добавлял, что она «занимается преподаванием частных уроков по программе среднеучебных заведений»[2]. Программу издания Симанина заявляла следующую: «Обзор жизни Томска. Областная жизнь. Историческое и заграничное остроумие. Жизнь общерусская. Телеграммы и объявления»[3]. В. Крутовский характеризовал журнал «Рабочий юморист» как «литературно-сатирическую эфемериаду», упоминая о том, что «выпущенные два номера» этого журнала «были немедленно конфискованы»[4].

20 мая 1906 года вышел летучий сатирический листок «Ерш», за судьбой которого с неослабевающим интересом следила вся томская пресса. Редактором журнала был М.С. Попов, в журнале принимали участие Е.А. Бахарев, Г.А. Вяткин, К.В. Дубровский, П.А. Казанский, В. Курицын, И.Я. Петров, В.Ф. Смолин – одним словом, почти все вышеперечисленные участники «Ос» и «Бича». Первоначально журнал выходил в типографии В.М. Перельмана, однако в ноябре владелец типографии отказался от печатания журнала по «независящим обстоятельствам», и № 19 «Ерша» не вышел. Издание было временно приостановлено, издатель подумывал о переводе журнала в Новониколаевск (см.: Сибирская мысль. 1906. № 27). Однако в декабре 1906 года выход был найден – «Ерш» стал печататься в томской типографии «Конкуренция». Но уже 1 марта 1907 года в этой типографии был произведен обыск, весь тираж «Ерша» и шрифты были изъяты, станки опечатаны. Эта информация также была опубликована в «Сибирской мысли» (1907. № 105), и благодаря ей мы имеем данные о тираже «Ерша» – он выходил в это время количестве 118 экземпляров. Заметим, что в рапорте томского полицмейстера от 30 мая 1906 года было объявлено об изъятии из продажи уже 516 экземпляров «Ерша»[5]. «Ерш» был приостановлен «на все время военного положения» за «вредное направление», непосредственной же причиной гнева томско-

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 171.
[2] *Там же*. Л. 173.
[3] *Там же*. Л. 174.
[4] *Крутовский В*. Периодическая печать в Томске… С. 306.
[5] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 202.

го генерал-губернатора, постановлением которого и был прекращен журнал, явилась статья «Христос на земле», поскольку в ней были «допущены кощунственные суждения, касающиеся основных догматов православной церкви»[1].

В конце июня 1906 года в ряды издателей сатирических журналов вступил В.А. Долгоруков, который начал выпускать сатирический и карикатурный отдел журнала «Сибирские отголоски» «Бубенцы». Он выходил до середины 1907 года, всего было издано 19 номеров. Нумерация «Бубенцов» чередовалась с нумерацией «Сибирских отголосков» (первый номер оказался № 16 от 1906 года), отчего создавалось впечатление особой «долговечности» этого журнала. «Бубенцы» печатались в паровой типографии П.И. Макушина, в журнале принимали участие Е.А. Бахарев, П.Я. Блиновский, В.П. Булыгин, В.Э. Дембовецкий, В.А. Долгоруков, П.А. Казанский, В. Курицын, А.А. Мокшанцев, А.К. Ордынцев, И.Я. Петров, В.Ф. Смолин, Ф.Ф. Филимонов и другие.

Наконец, первый и единственный номер литературно-сатирического еженедельника «Красный смех» вышел в октябре 1906 года. После его выхода на квартире редактора-издательницы Л.Е. Удоновой был произведен обыск, а журнал по распоряжению губернской администрации закрыт «на все время военного положения». Номер вышел в типолитографии К. Я. Зеленевского, в нем приняли участие П.А. Казанский, В. Курицын и ряд других авторов.

Практически все томские журналы принадлежали к типу иллюстрированных еженедельников (исключение составляет «Рабочий юморист», в котором иллюстрации отсутствовали), в них представлен широкий спектр сатирических жанров и разнообразные виды карикатур. В отличие от центральных изданий, номера сибирских журналов печатались на цветной бумаге (желтой, синей, розовой, оранжевой и др.) с целью привлечь внимание читателей.

Если вокруг петербургских и московских сатирических журналов объединились и значительные литературные силы (в них сотрудничали А.М. Горький, И.А. Бунин, А.И. Куприн, К.Д. Бальмонт и другие), и известные художники (Е. Лансере, В. Перов, И. Билибин, И.М. Грабовский), то в томских журналах не встретишь имен, известных за пределами города. Однако по местным масштабам здесь также участвовал весь «цвет» журналистики и литературы.

---

[1] *Сибирская* мысль. 1907. № 117

За неимением крупных художественных сил, томские сатирические журналы были гораздо беднее столичных с художественной точки зрения. Все они выходили по определенной схеме: формат А4, иллюстрированная обложка, черно-белая печать, карикатуры внутри текстов. Таких экспериментов, как альбомный формат («Пулемет» Н.Г. Шебуева, 1905), или выделение отдельных элементов оформления красным цветом для большей выразительности («Светает», «Паяцы», 1906), в томской журналистике не было (за исключением попытки использования красного цвета на обложке журнала «Бич»).

Содержательной особенностью томских сатирических журналов стало сочетание сатиры на события и лица местного, томского, и общероссийского масштабов. Деятельность Государственной думы и политических партий, произвол чиновников, тяжелое положение крестьянства и рабочих, черносотенные погромы в России и в Томске – эти и другие темы постоянно обыгрывались авторами журналов. С одной стороны, в материалах представлен «взгляд из провинции» на события, происходящие в столицах, например, «Ода на освобождение Москвы Дубасовым» (Бич. 1906. № 2), с другой – особый интерес представляет освещение (хотя и в своеобразной форме) явлений местного, сибирского и томского, масштаба. Нередко оба подхода сочетаются в одном материале. Так, в журнале «Бич» был опубликован материал «Что поют на берегах Ушайки»:

«Что день грядущий мне готовит?.. – поют члены различных профессиональных союзов, сжигая свои уставы и программы (репрессии против профсоюзных организаций – явление общероссийское).

«Моя милка симпатична –

Ой, ой, ой!

Одевается прилично –

Боже мой!» – горланит один из членов местного отдела Партии 17 Октября, идя пошатываясь по улице» (Бич. 1906. № 2). Сатирики постоянно подчеркивали проявления невоспитанности, разнузданности октябристов «местного разлива».

В карикатурах томичей узнаваемы видные общественные и политические деятели Сибири, в текстах сатирически представлена их деятельность и реакция местного общества. Нередко карикатуры используются для изображения типов (игроков, гласных городской думы, черносотенцев) или для выражения критического отношения к определенной общественной организации. Так, на обложке журнала «Бубенцы» (1906. № 4) изображен крепко спящий на кровати человек,

на одеяле которого написано: «Общество физического развития». Карикатура подписана: «Баюшки баю» – тем самым журнал показывает свою оценку деятельности общества как полного бездействия, сна.

Если говорить о соотношении общероссийского и местного материала, то в первых журналах («Осы», «Бич») предметом сатиры являются преимущественно столичные политические деятели и события российского масштаба: введение конституции (Из басен Крылова. Мартышка и очки // Осы. 1906. № 12); годовщина Мукденского сражения (К годовщине Мукденского сражения // Осы. 1906. № 12), восприятие обществом Думы и думцев (В ожидании Думы; В вагоне // Осы. 1906. № 12; Письмо к тетеньке // Осы. 1906. № 24; Арабески // Бич. 1906. № 2), а также отзвуки революционных событий 1905 года (Ода на освобождение Москвы Дубасовым // Бич. 1906. № 2) и т.д. Региональная же составляющая невелика – это «Советы приезжающим в Томск» (Осы. 1906. № 12), некролог сотрудника «Ос» В.И. Федорова, «Портреты томских знаменитостей» (Бич. 1906. № 2) и некоторые другие материалы.

Начиная с «Ерша» томский материал широкой струей входит в содержание сатирических журналов. Выборы в городскую думу, создание томских партий, деятельность содержателей местных гостиниц и портреты предприимчивых томичей, томский черносотенный погром 1905 года и литературная борьба сатирических журналов Томска – весь этот местный материал становится неисчерпаемым источником вдохновения для сатириков «Ерша».

От всех предыдущих (и последующих) томских журналов «Ерш» отличался особым подходом к самопрезентации издания, применив широко распространенный в русской сатирической журналистике прием «одушевления» образа журнала-«Ерша», который становится действующим лицом, автором и героем материалов. В первом номере публикуется «Завещание «Ерша» – отклик на запрещение первых выпусков журнала; статья «Ерш-задира» М.С. Кларина может быть оценена как редакционная статья с определением позиций и направления журнала, хотя она выстроена как описание «рыбы малой, некрасивой, но вкусной», которая «живет в проточных реках», борется с «зубастыми щуками и прожорливыми окунями», «к пчелам относится сочувственно за их трудолюбие и терпение» (зафиксированная еще в «Пчелах» Писарева аллегория рабочих), «свободу считает единственным благом», однако «не принадлежит ни к каким политическим партиям» (акцентирование внимания на «беспартийности» служило, как правило,

целью обезопасить себя от цензуры). Сквозной образ «Ерша-задиры» внутренне организует пространство журнала, заставляя вспомнить о его блестящих сатирических предшественниках (о журналах Новикова «Трутень», «Пустомеля», о «Искре» Курочкина).

Изучение материалов «Ерша» дает представление о литературной борьбе томских изданий, в которой на одной стороне оказались «Осы» и «Ерш», а на другой – «Бубенцы» и «Сибирские отголоски» В.А. Долгорукова, газета октябристов «Время», кадетская «Сибирская жизнь». Эта ситуация заставляет задуматься о политической ориентации «Ерша». С одной стороны, совершенно справедлива мысль А.А. Нинова о том, что «попытка провести прямую аналогию между политическими направлениями и направлениями сатирических изданий... искусственна и не отвечает реальному положению вещей. При всей пестроте политических оттенков, русская сатира 1905–1907 гг. не знала слишком строгой и жесткой дифференциации. Вызванная к жизни подъемом русского движения, она в массе своей воодушевлялась общедемократическими требованиями и идеалами, объединявшими разные политические силы»[1]. Свою беспартийность подчеркивал и сам «Ерш», хотя в нем явственно ощутимо эсеровское влияние.

«Бубенцы» были самым умеренным изданием из сатирических журналов 1906–1907 годов, хотя здесь обсуждались практически те же самые темы, что и в «Ерше», и в «Осах»: деятельность городской думы, жизнь Томска (в том числе в условиях военного положения), томские «знаменитости», цензура – местная и общероссийская и т.д. Определенное сходство журналов объясняется в том числе и общими авторами (здесь встречаются «Премудрая крыса Онуфрий» – П. Казанский, В. Курицын и другие). Материал «Бубенцов» был более упорядоченным, чем в других журналах; в нем можно выделить постоянные рубрики «Телеграммы “Бубенцов”», «Мелочи», «Афоризмы, шутки, загадки и др.», «Шутки». В целом уровень сатиры в «Бубенцах» был относительно невысоким.

Сатирические журналы представляют богатый материал для изучения рецепции «большой» русской литературы в сибирской периодике. Одним из самых распространенных приемов для создания комического эффекта здесь является пародийная переделка произведений русских и зарубежных классиков: стихотворения Лермонтова и Пушкина, басни Крылова, некрасовские стихотворения, «Письма к тетеньке»

[1] *Нинов А.А.* Русская сатирическая поэзия 1905–1907 годов // Стихотворная сатира Первой русской революции (1905–1907). Л., 1969. С. 24–25.

Салтыкова-Щедрина, «Фауст» Гете становятся основой для размышлений о дне сегодняшнем.

В качестве примеров наиболее удачных пародийных переделок можно назвать стихотворение «Томск» В. Шуточкина:

«Город чудный, город древний!
Ты в концы свои вместил
И трактиры, и харчевни,
Хулиганов и громил!» (и т.д.)[1].

Сатирический эффект возникает от сочетания узнаваемой литературной основы, написанной высоким стилем, и неприглядных реалий Томска (грязная река, навоз, беспомощная власть).

Другой пример дает публикация «Из басен Крылова. Демьянова уха», подписанная «Ноль»:

«– Соседушка, мой свет!
Пожалуйста послушай…
– Соседушка, оглох я совершенно: – Нужды нет,
Еще статеечку прослушай:
Газета, ей-же-ей, на славу сведена!
– Я три заметки прочитал. – И, полно, что за счеты:
Лишь стало бы охоты, –
А то во здравие: читай брат, до конца!»[2]

В пародии «ухой», от которой в ужасе сбежал сосед Фока, становится местная газета октябристов «Время»; таким образом, сатира приобретает ярко выраженную политическую окраску.

В пародии «Газете “Вече”» «Скептик» писал:

«Ее помоев бешеная гадость
В ближайшем времени погибнет без следа.
При памяти о ней зардеет от стыда
Старик, забыв преклонные года,
И резвая задумается младость…»[3].

В этой переделке сатирический эффект также усиливается сочетанием лирической литературной основы и нарочито сниженного стиля; обращает на себя внимание общая агрессивная позиция либеральной и демократической печати по отношению к черносотенным изданиям, проявившаяся в этом материале наиболее ярко.

---

[1] *Бубенцы*. 1906. № 4.
[2] *Осы*. 1906. № 12.
[3] *Бубенцы*. 1906. № 7.

Этот прием не был оригинальным сибирским изобретением – пародийные переделки, «перепевы», широко использовались в российских сатирических журналах и в XIX, и в начале XX века. В этом смысле провинциальные журналы шли «по следам» столичных, усваивали уже апробированные подходы. Новизна здесь связана в основном с освоением региональной, местной тематики, ее осмыслением в контексте общероссийской культуры и литературы.

Если в столичных журналах «центром притяжения» сатиры был российский самодержец, о чем свидетельствуют работы В. Боцяновского, А.А. Нинова[1], то в томских изданиях фигуры российского масштаба появляются довольно редко. Это в основном политические деятели и члены правительства – Горемыкин, Гапон, Дурново, Витте, Плеве, Столыпин, Трепов и другие. В «Ерше», кроме того, можно встретить и упоминания о деятелях литературы (Горький, Толстой, Андреев, Буренин). Спектр имен томичей более широкий: подробно обсуждается деятельность городского головы Некрасова, профессоров Соболева, Базанова, Курлова, предпринимателей Фуксмана, Кухтерина, архитектора Крячкова и так далее. Необходимо добавить, что местная тематика нередко затрудняет понимание сатиры, поскольку подразумевалось, что читатель хорошо осведомлен о контексте происходящего. И если общероссийские события и лица легко могут быть «расшифрованы», то обстоятельства томской жизни 1906 года не всегда понятны.

Кроме собственно сатирического материала, во всех журналах можно обнаружить лирические стихотворения, философские зарисовки, аллегории, сказки. Вероятно, это связано с отсутствием в Томске в тот период литературного журнала (первое подобное издание, литературный журнал «Молодая Сибирь», появилось только в 1909 году). Сатирические журналы стали центром объединения местных литературных сил, «творческой лабораторией» писателей и поэтов.

В целом можно говорить о том, что художественный и публицистический уровень сибирских журналов вполне сопоставим с лучшими сатирическими изданиями периода Первой русской революции. Косвенное свидетельство этому – тот факт, что из почти 400 стихотворений, вошедших в состав сборника «Стихотворная сатира Первой русской революции (1905–1907)» (Л., 1969) 15 принадлежат авторам, публиковавшимся в томских сатирических журналах.

---

[1] См.: *Боцяновский В.Ф.* Русская сатира первой революции // Русская сатира первой революции. 1905–1907. Л., 1925; *Нинов А.А.* Указ соч.

Для Сибири местные легальные сатирические журналы были новым явлением, ведь предыдущие этапы развития сатирической журналистики (эпохи Екатерины II и расцвета сатиры в 1860-е годы) были пропущены регионом. Поэтому здесь еще не сложились ни круг авторов, ни собственные карикатуристы. Однако и в этих условиях провинциальные журналисты быстро освоили достижения «центра», смогли внести в содержание местный компонент, позволяющий оценить масштаб изменений, происходивших в России в тот сложный период.

После того как закончились все первые томские сатирические журналы, в 1908 году в Томске начал выходить еженедельный иллюстрированный юмористический журнал «Силуэты Томска». Прошение на имя томского губернатора о разрешении на его издание было подано 11 декабря 1908 года крестьянином Черниговской губернии, Конотопского уезда Александром Николаевичем Козловским, который объявлял следующую программу журнала: «Обзор местной жизни за неделю, рассказы, стихотворения, басни, сказки, биографии всех местных выдающихся деятелей, судебные процессы, злободневные фельетоны, отчеты заседаний городской думы, разных обществ и партий, театральные рецензии, сообщения корреспондентов, анекдоты, афоризмы, шутки, смесь, ответы редакции». Козловский подчеркивал, что «журнал будет по преимуществу касаться жизни города и говорить на местную злобу дня», а также объявлял об «исключительно розничной продаже последнего, по цене 10 копеек за номер, с приемом объявлений, как обыкновенных, так и особого отдела коммерческих публикаций о неисправных должниках»: «отдел открывается с целью оградить торговые фирмы от профессиональных безденежных должников, а также для того, чтобы способствовать успешному поступлению денег от неисправных плательщиков»[1]. Уже из прошения был ясен коммерческий характер будущего издания, который вполне проявился в его дальнейшей деятельности.

В начале января 1909 года издание перешло к красноярскому мещанину Всеволоду Ивановичу Савинову, в мае – к потомственному почетному гражданину Николаю Ивановичу Ландышеву[2].

В 1909 году издание сменило название на «Силуэты жизни родного города», редакторами-издателями выступили Всеволод Григорьевич Саввинов, («обучался в гимназии до IV класса, православный») и Михаил Петрович Игнатьев («мещанин, домашнего образования,

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Л. 105.
[2] *Там же*. Л. 121.

православный»)[1]. Инспектор по делам печати охарактеризовал это издание следующим образом: «Еженедельный иллюстрированный юмористический журнал, осмеивая разного рода бытовые недостатки из жизни города Томска, главным образом давал материалы, доставлявшие возможность читателю кое-что видеть в комическом освещении. Не касаясь вопросов политики, в разных рассказах журнал мог доставлять приятное развлечение. Журнал печатался изредка в количестве 1000 экз. в одном номере, а чаще всего в кол-ве 600 экз. В течение года вышло 43 номера. Материальное положение “Силуэтов жизни родного города” было незавидно, так как от годичного издания получился дефицит, хотя и незначительный»[2].

Журнал реагировал на значительные литературные события России: так, в 1909 году № 10 был посвящен юбилею Гоголя. Кроме того, для повышения популярности у читателей издатели объявили о проведении двух конкурсов: «литературного и томских красавиц», призывая: «Барышни и дамы! Не стесняйтесь, пришлите фотографии ваших головок!».

В 1910 году издание стало именоваться уже «иллюстрированным литературным и юмористическим журналом» «Силуэты Сибири» с подзаголовком «Жизнь Сибири в рисунках». Издатели обещали, что «карикатуры и рисунки» буду печататься «в несколько красок», а также решили помещать в журнале «фототипии». Об этой перемене «Сибирская жизнь» писала: «...с января месяца 1909 года в г. Томске, как известно, стал выходить юмористический еженедельный журнал под названием “Силуэты жизни родного города”. Цена журнала была 4 р. в год для местных подписчиков и 5 р. для иногородних. За первый год существования журнал не имел распространения и давал убытки.

С 1 января 1910 года журнал перешел в другие руки, стал выходить под редакцией студента г. Романова и был переименован в “Силуэты Сибири”. В настоящее время размеры “Силуэтов” увеличены, приблизительно на 2 л., в нем печатаются цинкографические рисунки, причем для большего распространения журнала плата уменьшена: для городских подписчиков 2 р. и для иногородних 2 р. 60 к. И несмотря на сравнительное увеличение журнала и уменьшение подписной платы, он в данное время убытка предпринимателям уже не дает. В общем, дело постепенно улучшается»[3].

---

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 170–178.
[2] Там же. Л. 181–182.
[3] *Сибирская* жизнь. 1910. № 120.

Появление на томском рынке издания исключительно развлекательного характера происходило одновременно с расцветом бульварной, «желтой», журналистики в общероссийском масштабе. Однако томичи не поддержали этой инициативы, и даже несмотря на невысокую плату, количество подписчиков у журнала было незначительным.

Во время Первой русской революции 1905–1907 годов, кроме сатирических журналов, было основано частное издание искусствоведческого характера – еженедельный иллюстрированный журнал «Томский театрал» (1906), «посвященный театру, музыке и вообще искусству». Редактором и издателем его была 39-летняя вдова коллежского асессора Т.Н. Булгакова. Программа журнала была заявлена следующая: 1. Портреты (с фотографии и рисунки с натуры) местных деятелей искусства. 2. Фельетон (стихотворения, статьи об искусстве: исторические, злободневного характера и др.). 3. Местная хроника (сведения о театральных зрелищах, концертах, художественных выставках и пр.). 4. За неделю (обзор художественных явлений в Томске: подробные рецензии). 5. Корреспонденции из городов Сибири. 6. Библиография (отзывы о музыкальных книгах, о художественных изданиях и т.п.). 7. Новости в мире искусства (сведения из других периодических изданий). 8. Объявления.

В «Томском театрале» публиковались известные томские публицисты, поэты, художники – Георгий Вяткин, А.С. Капустина, В.А. Долгоруков, Е. Бахарев и другие. К сожалению, этот многообещающий проект не был до конца реализован: вышло всего 4 номера, после чего было объявлено о его переименовании в «Сибирский театр», но издание продолжено не было.

Сохранившиеся номера свидетельствуют о бурной художественной, музыкальной, театральной жизни Томска в 1906 году. Здесь проходила выставка картин В.Д. Вучичевича, в здании общественного собрания ставил спектакли М.И. Каширин («Крылья связаны» Потапенко, «Дачники» Горького, «Авдотьина жизнь» и «Евреи» Евг. Чирикова). На страницах журнала можно найти рецензию на театральную постановку «Дети Солнца» Горького, воспоминания А.Я. Александровой-Левенсон о П.И. Чайковском, некролог русского композитора А.С. Аренского, новости из мира искусства (перепечатки из «Русского музыкальной газеты», журнала «Театр и искусство» и др.)[1].

[1] *Томский* театрал. Томск. 1906. № 3-4.

В 1906 и 1908 годах в Томске также вышло два литературных альманаха – «Первый литературный сборник сибиряков» и «Второй сборник сибиряков». Если первый, по свидетельству современников, быстро разошелся и покрыл все затраты, то второй «благодаря преобладавшему тогда настроению, как не затрагивавший злобы дня, не обратил на себя никакого внимания и остался на полках книжных магазинов»[1].

Как замечает исследователь А.С. Сваровская, структура «Первого литературного сборника сибиряков» была «достаточно традиционна», основное место в нем отводилось прозе и стихам, единственным исключением было документальное повествование А.М. Серебренникова «К биографии А.П. и О.И. Щаповых», в котором рассказывалось о драматической судьбе сибирского историка Афанасия Прокопьевича Щапова[2]. Стихотворения в сборнике принадлежали местным поэтам Е. Бахареву, М. Сиязову, К. Дубровскому, В. Солодовникову, М. Цейнеру и другим. Однако, считает А.С. Сваровская, наиболее интересной в альманахе была прозаическая часть, которая содержала рассказ Ф. Березовского «Стрелочник Гранкин», а также рассказ М. Цейнера «Ахметка», «посвященный нелегкой жизни ямщика». Кроме этих произведений, в сборнике привлекали внимание лирические миниатюры К. Троицкого и Г. Вяткина, а также рассказы К. Ангарова «Осенние картинки», Г.Я. Крекнина «Без защиты» и В. Булыгина «В Осиновке», представляющие собой «бытовые зарисовки, наброски деревенской жизни». Сваровская подчеркивает, что «осознание разноречивости, кризисности всего российского уклада, пафос правдивого, объективного исследования деревни и провинции – все это, несомненно, сближало творчество сибирских писателей с общими тенденциями литературного процесса начала XX века»[3].

Из небольшой заметки «Сборник сибиряков», опубликованной в «Сибирской жизни», можно было узнать также о перипетиях, которыми сопровождалось издание «Второго литературного сборника сибиряков»: «В томских книжных магазинах и киосках появился в продаже “Второй литературный сборник сибиряков”. Если помнят читатели, он появился в свет еще в конце 1908 года, был тогда конфискован, но затем освобожден от ареста. С тех пор и почти до конца прошлого года

---

[1] *Крутовский В.* Периодическая печать в Томске… С. 307.

[2] *Сваровская А.С.* «Первый литературный сборник сибиряков» (1906) // Вторые Макушинские чтения (23–24 мая 1991 г., г. Томск). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 152.

[3] *Сваровская А.С.* Указ. соч. С. 153.

сборник все еще ехал из Петербурга, где он был напечатан, в Томск. Железная дорога умудрилась завезти его, кажется, в Читу; а затем с подобающей перепиской старалась возвратить обратно. Благодаря этому сборник является в Томске почти через год после напечатания»[1].

В канун и в годы Первой мировой войны в Томске выходило немало специализированных журналов. Так, Западно-Сибирское сельскохозяйственное общество и Томское общество садоводства выпускали журнал «Сибирский земледелец и садовод» (1907–1911). В 1912–1917 гг. этот журнал выходил под названием «Сибирское сельское хозяйство». Общество сибирских инженеров издавало «Журнал Общества сибирских инженеров» (1909–1915), а после объединения с журналом «Горные и золотопромышленные известия» – «Вестник Общества сибирских инженеров» (1916–1917). Томское общество пчеловодов выпускало «Ежегодник Томского общества пчеловодов» (1911–1915).

Содержательная сторона журналов находилась в прямой зависимости от области деятельности издателей. Так, журнал «Сибирский земледелец» был основан Западно-Сибирским сельскохозяйственным обществом в 1908 году, и содержание его главным образом касалось вопросов сельского хозяйства. «Сибирская жизнь», внимательно следившая за деятельностью журнала, сообщала, что уже в первые месяцы издания «на него подписалось около 200 подписчиков, причем есть надежда на его дальнейшее распространение». Три месяца спустя газета приводила сведения о расширении журнала в связи с новыми обстоятельствами: «издававшийся Красноярским отделом Московского общества сельского хозяйства “Восточно-Сибирский сельскохозяйственный листок” в текущем году присоединился к “Сибирскому земледельцу” в Томске и в распоряжение редакции последнего передано 100 подписчиков. Затем, помимо красноярского отдела, в издательстве “Сибирского земледельца” приняло участие еще и Томское общество садоводства. Таким образом, журнал с № 4 будет выходить под издательством трех обществ»[2].

«Сибирская жизнь» отмечала, что «с улучшением положения журнала предположено расширить его программу и увеличить объем»: «для разных советов и разъяснений по юридическим вопросам в нем водится справочный отдел, при участии местных юристов. Кроме того, в нем будут печататься отчеты о деятельности агрономического

[1] *Сибирская* жизнь. 1909. № 199.
[2] *Там же*. 1908. № 15, 54.

персонала в Томской и Енисейской губерниях вообще и инструкторов молочного хозяйства в частности». Газета выражала уверенность, что журнал, «вполне доступный по цене», «несомненно, среди сельского населения завоюет широкую популярность, будет читаться с интересом», а количество подписчиков к этому времени уже достигло 370 экземпляров, и оно «с каждым днем возрастает»[1].

В 1909 году «Сибирская жизнь» дважды писала о журнале в рубрике «Библиография», подчеркивая, что «Сибирский земледелец» редактировался специалистами-агрономами. Необходимость подобного издания обосновывалась следующим образом: «Западная Сибирь – страна по преимуществу земледельческая, с быстро развивающейся сельскохозяйственной промышленностью... И население этой обширной территории существенно нуждается в различных специальных организациях и органах, дававших бы ему практические и теоретические советы и указания. Между тем Сибирь обслуживается весьма незначительным надзором специалистов в области сельского хозяйства, и последние, как бы они усердно и добросовестно не выполняли возложенные на них функции, физически они не в состоянии помочь широко назревающим запросам и нуждам со стороны населения. Этот пробел должен лечь справедливым упреком по адресу нашего правительства, опекающего окраину…». Газета отмечала уникальность проекта: «До декабря 1907 года в Сибири не издавалось ни одного периодического специального органа – журнала или газеты. Лишь с этого времени появился в Томске первый сельскохозяйственный журнал “Сибирский земледелец”»[2].

Рецензируя первую годовую подшивку журнала за 1908 год, состоящую из 12 номеров, «Сибирская жизнь» подчеркивала, что его издатель – Западно-Сибирское сельскохозяйственное общество – «взяло на себя прекрасную задачу: оно, путем печатания в журнале статей, сообщений и сведений по разным отраслям сельского хозяйства, идет навстречу нуждам и запросам сельского хозяина, давая ему полезные советы и указания». Газета отмечала «целый ряд популярно изложенных и принадлежащих перу специалистов статей о возделывании хлебов, о земледельческих машинах и орудиях, по скотоводству, маслоделию, пчеловодству, огородничеству, садоводству другим отраслям сельского хозяйства»; помещаемые в журнале «сведения и заметки о деятельности маслодельных артелей и кредитных товариществ», «статьи по

[1] *Сибирская* жизнь. 1908. № 54.
[2] *Там же*. 1909. № 3.

вопросам переселения и землеустройства, промышленности и торговли», «справочные цены на сельскохозяйственные продукты, обзоры урожая хлебов в Европейской России и Сибири, обзоры масляных и хлебных рынков, ответы на поступающие в редакцию от разных лиц и подписчиков вопросы». В итоге, по мнению «Сибирской жизни», журнал «Сибирский земледелец» «по своему обильному содержанию и бесспорно низкой подписной плате... бесспорно создает очень хорошее впечатление и заслуживает со стороны лиц, занимающихся сельским хозяйством, серьезного внимания». Впрочем, добавляла газета, журнал уже в первый год своего издания «снискал к себе среди сельского населения доверие и симпатии, имея сравнительно большое количество подписчиков из разных уголков Западной Сибири, особенно Томской губернии; он выписывается для многих школьных и народных библиотек Томской и Тобольской губерний, маслодельными артелями и сельскохозяйственными обществами, и – что особенно радует – многочисленными крестьянами-земледельцами»[1]. В качестве подарка журнал рассылал своим подписчикам «огородные семена и желающим черенки и семена ягодных кустарников и плодовых деревьев», тем самым на практике способствуя улучшению сельского хозяйства в Сибири.

С 1909 году редакция журнала сменила формат издания – с формата «тетради» на «книжку», считая, что «так более удобно» для читателей, и стала печатать большее количество рисунков; придавалось большое значение полиграфическому исполнению, чтобы не уступать «лучшим столичным изданиям». Еще одно изменение касалось названия, в том же 1909 году журнал стал называться «Сибирский земледелец и садовод». В объявлении о подписке на 1911 год было отмечено, что в издании публикуются «написанные общедоступно для понимания статьи и заметки по разным отраслям сельского хозяйства, по возделыванию хлебов, скотоводству, маслоделию, по скотолечению, ПО ПЧЕЛОВОДСТВУ (выделено ред.), садоводству, огородничеству и проч. Сведения о деятельности сельскохозяйственных обществ, кредитных товариществ, маслодельных артелей; справочные сведения о рыночных ценах на продукты сельского хозяйства: хлеб, мясо, масло и проч.; ответы на вопросы по сельскому хозяйству. Кроме того, в журнале помещаются статьи и заметки по вопросам переселения и трудоустройства».

[1] *Сибирская* жизнь. 1909. № 3.

По сведениям инспектора по делам печати, в 1909 году издателями-редакторами журнала были агрономы Николай Николаевич Марфин и Игнатий Игнатьевич Пересвет-Салтан, православные. О самом же издании инспектор писал: «...этот ежемесячный журнал исподволь приобретает более и более симпатий среди читателей, являясь пока единственным журналом в Сибири, разрабатывающим вопросы земледелия, маслоделия, пчеловодства и садоводства в применении к климатическим, бытовым и почвенным условиям Западной Сибири. Часто разного рода статьи пояснялись рисунками. В каждом номере печатались ответы на вопросы, которыми интересовались земледельцы, садоводы, маслоделы и пчеловоды, а также цены на продукты сельского хозяйства. Каждый номер журнала печатался в количестве 1200 экз.»[1].

Характеризуя журнал по итогам первых трех лет издания, в качестве его основной задачи «Сибирская жизнь» определяла «освещение вопросов сельскохозяйственной жизни края и популяризацию среди земледельческого населения Сибири научно-практических знаний по сельскому хозяйству, применительно к местным условиям». При этом газета констатировала, что «с этой задачей, благодаря привлечению к сотрудничеству многочисленных видных деятелей в области науки и сельского хозяйства, журнал прекрасно справляется»: в качестве сотрудников журнала выступали «томские профессора Н.Ф. Кащенко, В.В. Сапожников, П.Н. Крылов, агрономы Н.Л. Скалозубов, Н.Н. Марфин, И.И. Пересвет-Салтан, Р.И. Ефимов, С.М. Кочергин, В.К. Ключарев и др.», а также «многие специалисты по разным отраслям агрономии»[2].

В 1911 году журнал вновь сменил название: теперь он стал называться «Сибирское сельское хозяйство» (выходил до 1917 года), тираж его в 1913 году составлял 1100 экземпляров[3]. Журнал сохранял свою ежемесячную периодичность до 1914 года, с № 2 (1914) стал «двухнедельным сельскохозяйственным и кооперативным журналом». Издавало его по-прежнему Западно-Сибирское сельскохозяйственное общество. «Сибирская жизнь» в 1914 году сообщала: «Департамент земледелия уведомляет Западно-Сибирское сельскохозяйственное общество, что Главное управление землеустройства и земледелия нашло возможным отпустить обществу на издание в текущем году журнала

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 170–178, 181–182.
[2] *Сибирская* жизнь. 1910. № 25.
[3] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 350.

“Сибирское сельское хозяйство” единовременное пособие в сумме 1000 рублей»[1].

Подводя итог, отметим, что журнал нашел свою «нишу», о чем свидетельствовал и относительно стабильный тираж, в пределах тысячи с небольшим подписчиков. Долговечность журнала – он выходил практически в течение 10 лет без перерыва, с 1908 по 1917 год, – также указывала на его востребованность в определенных читательских кругах. Изменения формата и названия не меняли сути журнала – он всегда оставался специализированным сельскохозяйственным изданием, ориентированным на сибирское крестьянство, далеким от политической и общественной жизни.

Другим известным журналом было издание Общества сибирских инженеров, созданного в Томске в 1908 году. Общество ставило своей задачей «содействие изучению и развитию промышленности в крае и содействие распространению технического образования». Особенное значение Общество придавало изданию собственного периодического издания – «ежемесячного технического» «Журнала Общества сибирских инженеров» (1909–1916), мотивируя это следующими соображениями: «Многие сочлены общества по роду своей деятельности заброшены в различные медвежьи углы, где, будучи лишены возможности следить за современными течениями в технике по многим журналам, постепенно опускаются, засыпают и отстают от современного течения. Такие работники не приносят уже ни обществу, ни краю той пользы, какую общество вправе было от них ожидать. Периодические съезды и обязательно получаемый журнал, поддерживая связь таких сочленов с культурным миром, заставляют следить за развитием техники и тем самым оказывают громадную услугу не только членам общества, но и тому делу, которому эти члены служат. Если же общество сумеет поставить журнал на такую высоту, что он будет представлять интерес не только для сидящих в медвежьих углах, но и для лиц, имеющих возможность следить и помимо этого журнала за русской и иностранной литературой, тогда никто не усомнится в важном значении этого журнала не только для местного края, но и для всей России»[2].

Инспектор по делам печати сообщал, что издателем журнала было Общество сибирских инженеров, а редактировали его инженер путей сообщений Кронид Георгиевич Трубин и лаборант, инженер-технолог Владимир Филиппович Юферев. Он писал также, что «Журнал обще-

[1] *Сибирская* жизнь. 1914. № 121.

[2] *Журнал* общества сибирских инженеров. Томск. 1909. № 1.

ства сибирских инженеров», «возникший в июне месяце, выходил в количестве 500 экз. в каждом номере. Характеристику журнала можно видеть из его программы, заключающейся главным образом в следующих отделах: 1) узаконения и распоряжения правительства в области промышленно-технической; 2) научно-технические статьи; 3) обзор техническо-промышленной жизни Сибири; 4) библиографический отдел и обзор технической литературы и т.д. Многие статьи иллюстрировались рисунками, печатавшимися в цинкографии Сибирского товарищества печатного дела»[1].

О содержании журнала можно судить по произвольно выбранному номеру, в котором были опубликованы статьи: 1) «О коэффициенте резания металлов» Т.И. Тихонова; 2) «К вопросу об испытании напильников» инженера-механика И.М. Донеца (продолжение); 3) «Материалы к вопросу об очистке города от твердых отбросов» инженера-техника П.Я. Калугина (окончание); 4) «К вопросу о применении южно-русского кокса при плавке медных руд на Урале» инженера-химика В. Ванюкова (окончание); 5) «Новые правила о постройке, установке и содержании паровых котлов в Германии»; 6) обзор технико-промышленной жизни; 7) обзор технической литературы и библиография; 8) справочно-статистический отдел; 9) вопросы и ответы; 10) объявления, таблицы чертежей[2].

«Журнал общества сибирских инженеров» в 1916 году слился с журналом «Горные и золотопромышленные известия» и стал называться «Вестник Общества сибирских инженеров»; в дальнейшем он сменил еще несколько названий и прекратился только в 1928 году.

Специфическое содержание этого журнала не могло привлечь широкого круга читателей, хотя само издание вызывало интерес в определенном читательском сегменте и было хорошо известно в томском обществе. Для популяризации «Журнала Общества сибирских инженеров» немало сделала газета «Сибирская жизнь», регулярно печатая сообщения о выходе очередного номера журнала и передавая его содержание.

Наблюдается сходство в оформлении специализированных журналов: это небольшие издания формата немногим меньше А4, в среднем по 50 страниц, журнальные полосы сверстаны в 1–2 колонки, с иллюстративными и графическими элементами (рисунками, фотографиями, таблицами, диаграммами, чертежами и т.д.). Как правило, в журнале

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 170–178, 181–182.
[2] *Журнал* общества сибирских инженеров. 1919. № 4.

(на обложке) публиковались уставы обществ, иногда программы изданий.

В отличие от газет, которые выходили в Томске на протяжении относительно долгого времени и потому дошли до наших дней по большей части в виде годовых подшивок, журналы сохранились в гораздо меньшем количестве, и исследование связано с определенными трудностями их нахождения. Так, в библиотеках пока не обнаружены известные по указателям такие журналы, как научный коммерческо-экономический журнал «Бухгалтер-практик» (1909, редактор-издатель – учредитель бухгалтерских курсов Михаил Иванович Ермаков, который основал журнал «Бухгалтер-практик» в Омске, затем перевел его в Томск)[1]. Не найдены «Материнская школа» (двухнедельный журнал по дошкольному и школьному воспитанию; редактор-издатель А.Н. Богословский, 1912); «Сибирский кооператор» (1914); «Право и финансово-промышленная жизнь Сибири» (ежемесячный журнал, редактор-издатель Р.Л. Вейсман, 1915), гектографированные издания «Тюрьма» (1906), «Мысли учащихся средней школы» (1916–1917) и др.

О некоторых журналах мы теперь узнаем только из сибирских газет, которые, как правило, отслеживали появление новых органов печати. Такова, например, судьба журнала «Временник сибирского фотографического общества», о котором писала газета «Сибирская жизнь»: «На днях в Томске вышел из печати “Временник сибирского фотографического общества”. Выпуск 1 под редакцией Я.И. Михайленко (литературная часть) и П.В. Путнина (художественное приложение). “Временник” – издание Сибирского фотографического общества. Наряду с другими статьями в первом выпуске содержатся статьи: “Документальные фотографии” И.Я. Михайленко, “Жизнь сибирского фотографического общества”, “Сибирские фотографические общества”. Имеются художественные приложения. В статье “Документальная фотография” проводится интересная мысль о необходимости всем сибирским обществам поставить на первую очередь в ряду других задач своей деятельности фотографирование архивных документов различных учреждений Сибири»[2]. Таким образом, весьма вероятно, что список томских журналов может расшириться благодаря дальнейшим разысканиям исследователей сибирской журналистики.

Одним из самых обсуждаемых журнальных проектов 1910-х годов было основание журнала на татарском языке. В «Сибирской жизни» в

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 969. Л. 49.
[2] *Сибирская* жизнь. 1914. № 69.

начале 1910 года было объявлено о появлении нового издания – «еженедельного литературного, политического и экономического татарского журнала под названием “Медешет”, что в русском переводе означает “Культура”. Журнал будет на татарском и частью русском языке. Программа журнала пока намечена следующая: 1) правительственные распоряжения; 2) хроника и сведения о внутренней жизни Сибирского края и иностранные известия; 3) романы, рассказы, описания, стихотворения, научные статьи и статьи об искусстве и педагогии; 4) мемуары, путешествия, этнографические очерки, новейшие изобретения и открытия; 5) фельетон научно-литературный; 6) обзор внутренней жизни России; 7) критика и библиография; 8) судебный отдел без обсуждения судебных решений; 9) смесь в пределах программы; 10) справочный отдел и 11) объявления. Журнал этот будет выходить под редакцией преподавателя мусульманской школы Вагиза Шативолевича Наврузова»[1]. Осуществление этого журнального проекта, по мысли «Сибирской жизни», могло бы «содействовать просвещению и самосознанию мусульманского населения Сибири»[2].

Журналисты «Сибирской жизни» посвятили будущему журналу отдельный материал под названием «Пробуждение среди томских мусульман». Автором его выступил учитель Ш. Ваганов, который констатировал определенную культурную изоляцию татарского населения Сибири: «После присоединения Сибирского царства к России хотя и прошло несколько веков, однако в культурном отношении сибирские татары остались в том же состоянии, как и прежде. В городах и селениях Сибири количество мусульман достигает немалых цифр. Несмотря на это, они не имели даже начальных школ. Например, в Томске число мусульман превышает 2 тысячи. Но ни в университете, ни в институте, и даже ни в одном из среднеучебных заведений Томска, не было ни одного мусульманина. Только в последние годы почувствовалось некоторое стремление к образованию».

Перечисляя новые образовательные проекты, организованные томскими мусульманами (открытие частной женской школы, попытку поступления мусульман в коммерческое училище и в гимназию и др.), одним из символом пробуждения Ваганов называл организацию журнала, в котором «первое место» должен был занимать «школьный вопрос и распространение среди мусульман полезных знаний», также планировалось помещать «оригинальные статьи и научные и литера-

[1] *Сибирская* жизнь. 1910. № 8.
[2] *Там же*. 1910. № 46.

турные новинки русских авторов». Газета «с радостью» приветствовала «этот первый в Сибири татарский журнал» и выражала надежду, что «он принесет большую пользу нашему обществу»[1].

Следующим этапом развития журнальной журналистики Томска стала деятельность литературно-художественного журнала «Молодая Сибирь». Правда, начало журнала «Молодая Сибирь» ознаменовалось запрещением и конфискацией первого номера, отчего годовая подшивка за первый год издания (1909) начинается сразу с № 2.

Издание позиционировало себя как «двухнедельный художественный журнал, посвященный литературе, общественной жизни, искусствам и науке». Редактором-издателем его был студент III курса Томского университета, сын канцелярского служащего 27-летний Николай Николаевич Алексеев. В журнале публиковались сибирские литераторы, публицисты, ученые: Г.А. Вяткин, Валентин Курицын, Георгий Гребенщиков и П. Казанский, А.В. Адрианов, Г.Н. Потанин, Н.Н. Розин, Н.Я. Новомбергский и многие другие.

В объявлении о подписке на 1909 год журнал акцентировал внимание на том, что здесь «нуждам Сибири будет уделено особое внимание».

Первый вышедший в печать номер открывался стихотворением И. Тачалова «Молодой Сибири» (игра смыслов: посвящение журналу «Молодая Сибирь» и Сибири прогрессивной, юной, развивающейся). Поэт, развивая, довольно распространенную в Сибири идею о том, что эта страна – «угрюмая», «придавленная суровым гнетом», – в действительности является «краем непочатых, непробужденных сил», вопрошал:

«Когда ж ты расцветешь, красой своей блистая
И засияешь весь от края и до края <…>
Когда же ты войдешь достойною сестрою
В семью великих стран, величия полна?
Когда же, наконец, сольешься с красотою,
И солнце радостно заблещет над тобою,
Моя печальная, любимая страна?»[2].

Следующий материал – «На сибирские темы» – принадлежит перу П. Казанского. Рассуждая по поводу внесения в Государственную думу законопроекта «о сплошном землеустройстве киргиз», автор доказывает нежелательность проводимой непродуманной политики,

[1] *Сибирская* жизнь. 1910. № 129.
[2] *Молодая* Сибирь. Томск. 1909. № 2.

следствием которой будет «масса страданий» и обнищаение и русских, и киргизов. Однако П. Казанский подчеркивает, что «это вовсе не значит, что мы против колонизации Сибири русским элементом». Но сибиряки против такой политики, которая «видит в Сибири только громадный отвал для всего ненужного в России и забывает, что и здесь живут живые люди. А когда эти люди осмеливаются напомнить о своих нуждах, им отвечают: “вы и так приносите нам убытки”. <…> Против этой-то политики в целом мы и протестуем, так как, не говоря уже о Сибири, даже и для самой России будет выгоднее иметь возле себя, вместо современного свалочного ящика, страну благоустроенную, богатую и культурную. А такими мерами, какие практикуются теперь, этого достигнуть нельзя»[1].

Итак – два разных материала, написанных в разных жанрах, принадлежащих к разным родам литературы: поэзия и проза, стихотворение и публицистическое произведение. Но их объединяет одна идея, один сюжет: мысль о стране, которая может достигнуть расцвета, которая имеет к этому все предпосылки, но пока находится в состоянии «свалочного ящика», «придавлена суровым гнетом». Эта мысль проходит через все материалы «Молодой Сибири», как художественные, так и публицистические и научные.

В программе журнала Алексеев объявлял о 12 разделах: «1) передовая статья – политическая неделя; 2) беллетристика (повести, рассказы, очерки, стихи); 3) злободневный фельетон; 4) научный фельетон; 5) нужды Сибири; 6) внутреннее обозрение; 7) деятельность научных и других обществ; 8) библиография и критика; 9) театр и искусство, спорт; 10) смесь: юмористика, карикатуры, рисунки и иллюстрации; 11) почтовый ящик; 12) объявления»[2]. Однако постоянных отделов в журнале практически не было, за исключением трех – «Хроника русской жизни», «Обозрение сибирской жизни» и «Библиография» (как правило, этот отдел завершал номер). Остальной материал размещался более-менее свободно. На открытие номера ставился наиболее сильный и значимый текст: стихотворение И. Тачалова «Молодой Сибири»; изображение Гоголя и исследование П. Бражникова «Душевная драма Гоголя»; некролог Павла Николаева «Апостол совести. М.Е. Салтыков (1889 – 28 апреля 1909)»; художественное произведение («отрывок из повести» Г. Вяткина «Женщина») и так далее[3].

---

[1] *Молодая* Сибирь. 1909. № 2.
[2] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 969. Л. 164.
[3] *Молодая* Сибирь. 1909. № 2, 3, 5, 9.

В «Молодой Сибири» проза чередовалась с поэзией, художественные тексты – с публицистикой. Основными темами, разрабатываемыми во всех жанрах, были: образование и просвещение в Сибири, деятельность местных обществ (Томского общества изучения Сибири, Томского отделения Императорского Русского музыкального общества), инородческий вопрос и тема этнографии, земство, право, проблемы народного быта, сибирской ссылки.

По свидетельству современников, «сразу же было заметно, что в данном журнале беллетристика доминировала, а статьи по общественным вопросам были сами по себе, ничем с направлением журнала не связаны и в слишком гомеопатическом количестве. Не было никакой программы, никакой системы. Книжки «Молодой Сибири» производили, несмотря на свою легковесность, довольно приятно впечатление неопытной, но интересной попытки молодых сибирских, вернее томских, беллетристов, испытать свои силы»[1].

Традиция литературно-художественного издания была продолжена в журнале «Сибирская новь», начатом в 1910 г. Редактором его выступил Г.Д. Гребенщиков, издателем – Г.Я. Крекнин. О своей цели создатели «Сибирской нови» писали так: «Возможно теснее объединить литературные и художественные силы Сибири для более плодотворной работы в области культурного процветания страны. “Сибирская новь” полагает, что рычагом этого объединения может служить именно литературно-художественный и сатирический журнал, потребность в котором уже давно ощущается в таком умственном центре Сибири, как университетский город Томск. Будучи прогрессивной, “Сибирская новь” не преследует никаких политических тенденций партийного характера. Литературное же направление журнала не будет строго определенным»[2].

Журнал продержался совсем недолго, с января по март 1910 года вышло всего 7 номеров. «Сибирская жизнь», внимательно относившаяся к судьбе этого издания, поместила «Литературную заметку» А. Качоровской под названием «Сибирская новь», в которой утверждалось:

«Всякое начало трудно. А “Сибирской нови” приходится пока пробивать дорогу с небольшим составом молодых сотрудников. Начинающие авторы дали за три недели много стихов и рассказов. Правда, эти стихи и рассказы не привлекают внимания ни яркостью содержания,

---

[1] *Крутовский В*. Периодическая печать в Томске… С. 307.
[2] *Сибирская* новь. 1910. № 1.

ни обработкой, но все-таки в целом нечто дают настроению сибирского читателя»[1].

Качоровская сочла необходимым остановиться на двух произведениях, опубликованных в журнале, – это «рассказ г. Гребенщикова “Песня Родины” и г. Хейсина “Вечный мрак”». По мнению автора «Сибирской жизни», «Г. Гребенщиков человек не без способностей», «описания природы местами у него оригинальным и красивы», «есть у него и техника», но «за всем тем примитивность фабулы, скомканность обработки и большая мелодраматичность вызывают впечатление наивности». В свою очередь, «г. Хейсин взял ответственную тему, подошел к ней достаточно смело, но со скудною техникой и без должного психологического понимания. В результате – впечатление разнузданности в мыслях». Остальные авторы и их произведения были охарактеризованы Качоровской следующим образом:

«На стихотворении Тачалова мы не останавливаемся ввиду того, что этот художник достаточно известен сибирскому читателю. В заключение несколько слов о произведениях И. Иванова. Ему не место в журнале, рассчитанном на широкий круг читателей.

“Глубина таинственно рожденной зрелости духа, щедрость в мыслях и скаредность в словах” не делают произведения г. Иванова популярными, особенно, если приять во внимание нервную угловатость и нарочитую внешнюю сухость стиля.

Обращаем внимание на стихотворение “У врат нерастворимых”. Каждое двустишие здесь дает пространственно широкий символистический рисунок. В целом получается мистическая картина с фигурой ее творца»[2].

Рецензия автора «Сибирской жизни» передавала верное впечатление от «Сибирской нови» как от сборника без определенной четкой концепции, наполненного разнородным, разностилевым материалом. Итоговую оценку журналу дал его редактор-издатель Г.М. Крекнин в «Письме в редакцию». Сообщая читателям, что он «прекращает за отсутствием средств издание журнала «Сибирская новь», Крекнин отмечал, что, не имея возможности обратиться к читателям со страниц своего журнала, попросил уделить ему место в «Сибирской жизни».

О целях, которые ставились перед «Сибирской новью», бывший редактор писал так: «Приступая к изданию журнала мы – группа лиц – задались целью, с одной стороны, возможно теснее объединить лите-

[1] *Сибирская* жизнь. 1910. № 34.
[2] *Там же*. 1910. № 34.

ратурные и художественные силы Сибири для более плодотворной работы в области культурного процветания страны, а с другой стороны, желали дать сибирскому читателю бодрое, популярное, необходимое для умственного и эстетического развития печатное слово. Нам казалось, что потребность в таком журнале, близко стоящем к жизни, отражающем ее и вдумчиво реагирующем на многообразные вопросы местной сибирской жизни, есть среди сибирского читателя. Не учтя, может быть, свои силы, а тем более не учтя эту потребность, которая вернее ощущается не в массе, а в нешироких интеллигентских кругах, мы начали печатать журнал в надежде на поддержку читающей публики».

Однако, писал Крекнин, журнал столкнулся с неожиданно «прохладной» встречей в сибирском обществе: «Со второго же номера мы должны были убедиться, что читающая публика к журналу относится если не скептически, то слишком строго, совершенно не принимая в расчет, что дело это новое, пока нащупывающее точку опоры. При наличности этих условий трудно было взять сразу уверенное направление. Несмотря на то что учредители его имели готовность охотно работать и приносить своей стране посильную пользу». Редактор-издатель, размышляя о причинах этого неприятия журнала, выдвигал предположение – «не решаюсь согласиться, но допускаю», – «что журнал, поставив себе такую серьезную и ответственную задачу, не то дал читателю, что он ожидал от него». Но в то же время Крекнин «не мог не сказать, что трудно было что-нибудь сделать в немногих номерах, которые мы выпустили, не имея уверенности в завтрашнем дне, не имея возможности оплачивать дорого и аккуратно труд сотрудников и испытывая на себе недоверчивый взгляд читателя». Все это привело к тому, что «издание со второго номера начало давать дефицит, который возрастал с каждым номером, наконец, после выпуска № 7, долг типографии и пр. достиг такой цифры, что дальше печатать журнал было невозможно. Достать средств для покрытия долгов не удалось, и поэтому журнал скрепя сердце пришлось закрыть»[1]. Редактор-издатель благодарил «тех немногих лиц, подписчиков на журнал, которые своей подпиской хотели поддержать его», и обещал вернуть деньги по первому требованию.

Таким образом, литературно-художественный журнал, о котором так долго говорили и мечтали многие поколения томских журналистов

[1] *Сибирская* жизнь. 1910. № 90.

начиная с 1880-х годов, наконец-то в 1910-х годах был создан в Томске – и оказался невостребованным читателями ни в виде «Молодой Сибири», ни в виде «Сибирской нови». Вероятно, причина крылась именно в состоянии молодой сибирской литературы, не выдерживающей конкуренции с «большой» общерусской: массовый читатель пока не мог воспринимать ее адекватно, не находя в журнале ни развлечения, ни информации, ни идеологии.

«Тоненький ручеек» частных журналов в Томске практически иссяк после прекращения журнала «Сибирская новь», и в феврале 1914 году ведущая томская газета «Сибирская жизнь» (как в свое время «Сибирская газета») вновь обратилась к теме необходимости такого типа изданий в материале А. Лаптева «Альманах или журнал». «Не удивительно ли, что Сибирь, с ее богатым разнообразием природы, с ее историей, до сих пор не имеет своего журнала?» – задавался вопросом публицист газеты, подчеркивая, что «мысль эта давно занимала и теперь занимает многих из тех, которые понимают значение печатного слова при современных условиях». Он обращал особое внимание на то, что в этом направлении было сделано несколько попыток, но «они кончились неудачно, расхолаживая и публику, и работников слова своей нежизнеспособностью». Пытались издавать журнал в Томске, в Петербурге (журнал «Сибирские вопросы»), но все эти опыты были «далеко не блестящие»: «можно подумать, пожалуй, что Сибири не пришло еще время иметь свой журнал, что Сибирь такая берлога, где печатный станок едва может оправдать свой труд, испещряя газетные страницы сплетнями и скандалами, рассчитанными на охоту на них ума сонливого обывателя». Однако А. Лаптев считал, что это не так, и «неудачные попытки издавать сибирский журнал объясняются другими причинами». В частности, одна из них – тяжелое материальное положение издателей сибирских журналов, «они располагали грошами», поэтому «не было средств привлечь широкий круг сотрудников», «приходилось рассчитывать исключительно на «доброхотные даяния» отзывчивых литераторов». В то же время публицисту было понятно, что «никакой более или менее солидный журнал не может существовать без широко поставленных отделов по разным отраслям, затрагивающим как чисто практические, так и интеллектуальные интересы массы читателей», для этого же требуются немалые средства.

В материале публицист пытался найти ответ на несколько вопросов, которые возникали по поводу издания сибирского журнала. Во-первых, «где же взять средства», если «меценаты не так уж часто рож-

даются в нашем суровом климате, и немного найдется охотников бросать деньги на предприятие, судьба которого не так ясна, как дважды два – четыре». Ответом на этот вопрос был тезис: «денег на издание журнала нет, и в будущем на них надеяться рискованно. Нужно, значит, искать какой-то другой путь». Таким путем, по мнению автора материала, может стать издание журнала в форме альманаха, такого как «Алтайский альманах», изданный при газете «Жизнь Алтая»: «это как раз тот именно путь, который следует признать наиболее удобным для развития журнального дела в Сибири. Издание альманахов при газете представляет много удобств – связь с литературным миром, оборудованная типография и знакомство с издательским делом». Постепенно альманахи могли бы, кроме беллетристики, начать публикацию этнографических, географических и общественно-политических материалов, увеличить периодичность и, таким образом, стать полноценными ежемесячниками. Вокруг них к этому времени уже сплотился был круг авторов, и появился свой читатель.

Однако здесь у А. Лаптева возникал второй вопрос: «может быть, Сибирь вовсе не нуждается в собственном журнале»? Ведь она «говорит языком общим с метрополией, где много журналов, и достаточно больших, и достаточно разнообразных», и можно «пользоваться страницами имеющихся журналов». Нет, считал автор «Сибирской жизни», и даже не надо быть «сибирефилом», чтобы «находить желательным местный сибирский орган». Он приводил следующие аргументы в пользу сибирского журнала: «Правда, что Сибирь тесно связана с метрополией и что колебания общественной жизни в одной не могут не отразиться на судьбах другой. Однако не надо забывать, что Сибирь находится в периоде ее строения. Самая почва, на которой выросла ее общественно-экономическая структура, имеет немало оригинальных особенностей». Поэтому необходимо наблюдать за развитием Сибири, чтобы «не допустить печальных случайностей», что удобнее всего сделать при помощи журнала. Это с одной стороны. С другой – журнал мог бы «выполнить объединение культурных сил», потому что эту задачу не могут решить «зауральские журналисты»: «они, в лучшем случае, могут дать место только таким статьям, которые имеют не частный, интересный только для окраины, а общий характер и представляют синтез подчас огромного материала». А ведь «разработка вопросов частного характера» тоже имеет «громадное значение», считал публицист. Наконец, «под сенью окраинного журнала могла бы начаться планомерная разработка многих вопросов, имеющих значение

для нормального течения культурной и, в частности, промышленной жизни обширного края».

В заключение автор признавал, что «путь будущего журнала (или журналов) в Сибири будет труден и тернист», но все-таки выражал надежду на то, что такой журнал появится и сможет сделать «большое, хорошее дело»[1].

Материал свидетельствовал о заинтересованности редакции газеты в издании журнала, и потому появление ежемесячного «Сибирского студента» в мае 1914 года, сотрудниками которого были многие члены редакции «Сибирской жизни» (в том числе и редактор-издатель журнала М.Б. Шатилов), нельзя считать случайностью.

«Сибирский студент», как явствовало из его названия, обращался в первую очередь к учащейся молодежи. Выбор этой читательской аудитории был обусловлен тем, что, по мнению редакции, «студенчество как таковое всегда было и есть отражение общественного целого, оно его барометр, в высокой степени чуткий к малейшим колебаниям жизни этого общественного целого». Однако особенность журнала состояла в том, что он был предназначен для студентов, но не был студенческим по составу авторов. Редакция придавала принципиальное значение тому, чтобы «на страницах журнала нашли место не только молодые силы, но и «старшее поколение», дабы таким путем происходило боевое скрещение мечей «отцов» и «детей» – этих вечных двух ступеней развития человеческого духа»[2].

Организаторы журнала также придавали особый смысл тому факту, что они обращались именно к сибирскому студенчеству, ведь оно, «кроме общих моментов с жизнью и идеологией всего русского студенчества, имеет свои, особые, обусловленные местными бытовыми условиями, правовым положением окраин, экономическим укладом, культурным уровнем и этнографическим составом Сибири – как отдельной области». Необходимо добавить, что первым сибирским университетом стал Императорский Томский университет, история открытия которого – это пример упорной борьбы общества с властью, в течение десяти лет (1878–1888) тормозившей развитие высшего образования за Уралом. Именно поэтому существование университета, которому было отдано столько сил, находилось под пристальным наблюдением со стороны сибирского общества, было предметом его особой заботы. Миссия университета, по мнению редакции «Сибир-

[1] *Сибирская* жизнь. 1914. № 24.
[2] *Сибирский* студент. Томск. 1914. № 1.

ского студента», – «разработка научных знаний в области этнографии, географии, естествознания, экономики окраины и проч., развитие культурного уровня сибирского общества, развитие в нем областного самосознания и гражданской доблести, сплочение разбросанного по тундрам и лесам туземного элемента в одну культурную семью путем приобщения его к началам науки и гуманизма и воплощение в общественных формах истины и справедливости». Соответственно студенту, «прежде чем выступить не арене общественной деятельности», «необходимо сознание долга перед родиной, развитие любви к ней, сознание целей своего служения и его планов, а для этого надо изучать «среду», где предстоит работа»[1].

Исходя из целей, стоявших перед студенчеством, определялись следующие задачи «Сибирского студента»: «выявить нарастание нового самосознания студенчества, связь этого нарождающегося духовного «я» молодого поколения с славным прошлым русской общественности, обсудить, наметить те практические пути, по которым должны пойти молодые силы вообще, и в частности определить роль сибирских студентов как настоящих участников и будущих строителей жизни именно Сибири». Сплочение «разрозненных студенческих сил» также было одной из основных задач, которую был призван решить новый журнал.

Материал «Сибирского студента» распределялся по 12 разделам, заявленным в программе издания: 1. Передовые статьи. 2. Среди газет и журналов. 3. Заграничное и русское обозрение. 4. Сибирская жизнь. 5. Заграничная и русская студенческая жизнь. 6. Томская студенческая жизнь. 7. Беллетристика. 8. Наука и искусство. 9. Критика и библиография. 10. Письма в редакцию. 11. Почтовый ящик. 12. Объявления.

В процессе издания определилось несколько тем, которые главным образом обсуждались в журнале: студенческая жизнь, Первая мировая война, сибирское областничество. Внимание журнала к общественным вопросам, беллетристика достаточно высокого уровня (свои произведения публиковали здесь известные сибирские писатели – В. Шишков, Г. Гребенщиков и другие), широкий круг участников, четко выраженная позиция редакции по многим проблемам сибирской жизни – все это позволяет рассматривать журнал не только как студенческое, но общественно-политическое и литературное издание, в определенной

[1] *Сибирский* студент. 1914. № 1.

степени восполнившее пробел в отношении местного сибирского журнала.

«Сибирская жизнь» поддерживала внимание томской публики к этому изданию, печатая известия о выходе очередного номера с приведением его краткого содержания, а первым номерам была посвящена обширная рецензия Георгия Гребенщикова, которая так и называлась: «Сибирский студент».

В целом Г. Гребенщиков оценивал журнал весьма положительно, отмечая как наиболее удавшиеся материалы Г.Н. Потанина «Бухтарминский вариант сказки о Барме», М.Б. Шатилова «Культурно-экономические перспективы Сибири», литературные произведения В. Шишкова, Г. Вяткина, Аллы Чумаченко и других. Но он замечал и «досадные соринки» первых номеров: «например, рассказ “Чайка” Б. Г-та попал в журнал, должно быть, по какому-то недоразумению, и что всего забавнее, в том же номере журнала рассказ этот упоминается в критической статье г. Николая Тепикина. А прямо дурным стихам, как “День” и “Ночь” г-жи Хамелеон, в журнале совершенно не должно быть места»[1].

Таким образом, в Томске в конце XIX – начале XX века зарождается система журнальной журналистики, издания, входящие в нее, взаимодействуют и взаимодополняют друг друга. Официальная информация широко и полно представлена в журналах официальных учреждений, издания разнообразных обществ отвечали их потребностям, а общественно-политическая и культурная жизнь, вопросы развития регионального самосознания получили свое отражение на страницах частных журналов.

Путь, пройденный журналами сибирского региона до революции, и об этом убедительно свидетельствует история журнальной журналистики Томска, значительно отличался от общероссийского процесса. Сибирь миновала период «толстых» энциклопедических журналов, или журналов «обычного русского типа», которые составляли одну из своеобразных черт дореволюционной русской журналистики XIX века. «Толстый журнал», который играл особую роль в русской журналистике, был представлен в Сибирском регионе только в общероссийском варианте. Своего собственного «толстого» журнала Сибирь не могла создать из-за бедности интеллектуальных, людских и материальных ресурсов.

---

[1] *Сибирская* жизнь. 1914. № 222.

Немаловажно также, что первыми журналами в Томске стали издания, подпитанные «административным ресурсом», инициированные властью. Только в конце XIX века появляются частные журналы, но и их никак нельзя назвать «толстыми». Исследователи отмечают, что «самым общими характеристиками толстого журнала являются: во-первых, значительный объем (до 300–500 страниц); во-вторых, совокупность тем, находящихся в сфере его внимания; в-третьих, особый состав номера, где совмещены литературно-художественный сборник, политическая газета и своеобразная научная энциклопедия»[1]. Не говоря уже о журналах официальных и журналах обществ, из частных журналов XIX – начала XX века долгоруковский «Дорожник...» не подходил под это определение по всем параметрам, его же «Сибирский наблюдатель» можно назвать «толстым» в значительной степени условно. Остальные частные журналы начала XX века – это скорее промежуточные варианты между журналом «толстым» и «тонким»: они выходили, как правило, раз в месяц, но были небольшого объема. Если в них были литературные отделы, то они заполнялись художественными произведениями малых форм, отражая скорее становление сибирской литературы, чем демонстрируя какие-то достижения в этом отношении.

Малочисленность журналов Сибири в целом и Томска в частности не позволяет также говорить о четком делении на качественную и массовую журнальную прессу в Сибири (процесс, который зафиксирован историками российской журналистики). С большой натяжкой можно говорить и о дифференциации журналов по их партийно-политической принадлежности, поскольку журналы в Сибири решали, как правило, другие задачи. Единственная тенденция, которую можно отследить в ряде журналов, – это проведение областнической линии, но эта черта не является определяющей для всего журнального массива.

Тем не менее томские частные журналы выполняли задачу, которую они ставили перед собой. Во-первых, вокруг их редакций происходило объединение журналистских и литературных сил, вырабатывались общие позиции, уточнялись взгляды на те или иные вопросы. Во-вторых, частные журналы по мере сил осуществляли эстетическое воспитание своего читателя, представляли образцы новой сибирской литературы в разных поэтических и прозаических жанрах (в том числе и сатирических). В-третьих, значителен вклад частных журналов в освоение

[1] См.: *Махонина С.Я.* История русской журналистики начала XX века. М., 2002. С. 122.

краеведческой тематики, становление жанра этнографической статьи, в развитие проблематики, связанной с изучением географии, истории, народов Сибири. Наконец, размышления об особенностях развития Сибири, убежденность в том, что она достойна лучшей участи, объяснение перспектив, которые могли бы быть реализованы, – все это способствовало развитию регионального самосознания сибиряков, освобождению их от чувства ущербности из-за крайней отдаленности от российских столиц. Самостоятельность мышления многих сибирских журналистов, особый подход к разработке тем, развитие сибирской литературы на страницах журналов позволяют считать частные томские и сибирские журналы важной вехой становления журналистики Сибири, базой для развития литературного и литературно-критического процессов.

ГЛАВА 5
СОБЫТИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ В ОСВЕЩЕНИИ ТОМСКОЙ ПРЕССЫ

Особенности освещения революционных событий 1905 года

Первая русская революция 1905–1907 годов стала рубежом не только для общественно-политической жизни России, но и для российской прессы: «журналистике пришлось самоопределиться, осознать собственную, только прессе присущую роль в период общественных бурь и катаклизмов»[1]. Процесс самоопределения шел быстрее и был ярче выражен в столицах, Санкт-Петербурге и Москве, в провинции же он осложнялся жестким цензурным режимом, который был преодолен только к концу 1905 года. Проследить отражение революционных событий 1905 года в провинциальной периодике позволяет анализ двух ведущих изданий, выходивших в Томске в начале XX века: ежедневных общественно-политических газет «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник». Анализ освещения событий Первой русской революции на страницах этих газет показывает, насколько тяжелым было положение подцензурной провинциальной прессы, которая не могла открыто писать о важнейших явлениях местной общественной жизни, раскрывает приемы донесения важной информации до читателя в тяжелых цензурных условиях.

Хроника событий революционного 1905 года в Томске воссоздана в работах историков, опиравшихся на архивные данные и обнаруживших, что «уже второго января томская молодежь и студенты открыто пели революционные песни и читали прокламации в здании Общественного собрания»[2]. Однако об этом событии нельзя узнать из газет. В 1905 году 1-й номер газеты «Сибирская жизнь» вышел 1 января, а

---

[1] *Махонина С.Я.* История русской журналистики… С. 18.

[2] *Томск*. История города от основания до наших дней / Под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 169; *Томская* область: Исторический очерк / Под ред. В.П. Зиновьева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 194.

второй – 4 января: в этом номере были помещены сообщения о событиях, происходивших в городе 2 января (Рубрика «Томская хроника»: об экстренном общем собрании томского педагогического общества, об общем собрании мещанского общества, об ученических спектаклях и елке в Мариинской женской гимназии – но о собрании в здании Общественного собрания не сказано ни слова (как и в следующем номере – № 3 от 5 января – и всех последующих выпусках газеты «Сибирская жизнь»).

Информационная картина дня, создаваемая «Сибирским вестником», хоть и отличалась повышенным вниманием к жизни работающего населения, к деятельности сибирских областников в Томске (см., например, заметку в № 8 о грядущем 70-летии Г.Н. Потанина в «Местной хронике») и общим критическим настроем (благодаря, в первую очередь, фельетонам «Рефлектора»), также не могла быть дополнена новостью о молодежных выступлениях в Общественном собрании из-за цензурных условий.

Такая же ситуация сложилась еще с одним событием, произошедшим в Томске в середине января и свидетельствующим о том, что общественная атмосфера постепенно накаляется. 12 января 1905 года, в «Татьянин день», «группа выпускников Московского университета... устроила банкет в Железнодорожном собрании. <…> Политических резолюций не предполагалось, однако радикально настроенная молодежь изменила мирное течение собрания»: участники банкета «призвали к вооруженному восстанию и стачке по линии железной дороги», причем «собрание приняло эти тезисы». После того как разошлись студенты, оставшиеся «занялись сбором денег в помощь политссыльным, потом пели запрещенные песни»[1].

В «Сибирской жизни» 150-летний юбилей Московского университета не прошел незамеченным: этому событию было посвящено несколько материалов: передовая статья Вл. Седого «После Татьяниного дня», заметки в «Томской хронике» под названием «Юбилей Московского университета» и «Адрес Московскому университету»[2], однако ни в одном из них не было упомянуто о вечере, организованном в Томске выпускниками столичного вуза.

---

[1] *ГАТО*. Ф. 411. Оп.1. Д. 146; *Рабочее* движение в Сибири: Историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. Т. 2: 1905 г. – июнь 1907 г. / Отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С.55; *Томск*. История города… С. 169–170.

[2] *Сибирская* жизнь. 1905. № 11, 12, 13.

То же самое можно сказать и о газете «Сибирский вестник»: «Привет Московскому университету» газета передала в № 8 от 12 января, но не написала о том, как юбилей старейшей российской alma mater отметили в Томске.

Если события местной общественной жизни в «Сибирской жизни» и «Сибирском вестнике» до определенного момента «замалчивались» цензурой, то о трагедии 9 января и ее последствиях газеты могли писать более свободно, поскольку информация об этом содержалась в официальных телеграммах и в материалах столичных газет, которые выборочно перепечатывались в провинциальной прессе.

Обе томские газеты смогли сообщить своим читателям о «Кровавом воскресенье» со значительным опозданием: в № 6 («Сибирская жизнь», «Сибирский вестник»; нумерация газет практически всегда совпадала) от 9 января в газетах были опубликованы телеграммы от 7 и 8 января, в № 7 от 11 января в рубрике «Телеграммы Российского телеграфного агентства» (раздел «Петербург») было указано, что «9 января кроме “Правительственного вестника” ни одной газеты не вышло», и только в № 8 от 12 января было опубликовано официальное сообщение из Петербурга, в котором подробно описывалось произошедшее начиная от создания в 1904 году петербургского Общества фабричных и заводских рабочих и организации священником Гапоном мирной демонстрации и заканчивая печальной статистикой: «общее количество потерпевших от выстрелов… убитых 76 человек… раненых 233»[1]. С этого времени сообщения о расследовании январских событий появляются в каждом номере, но только в информационных рубриках «Телеграммы», «Русская жизнь», «Из последней почты», «Среди газет и журналов», «О чем говорят и пишут» и др.

Если томские события 2 и 12 января 1905 года были достаточно локальными и относительно малочисленными, то демонстрация в память жертв январского расстрела в Петербурге, которая прошла в Томске на 9-й день после «Кровавого воскресенья» (18 января), насчитывала более 300 участников. Студенты, учащиеся, рабочие «собрались около университета и прошли по Почтамтской до строящегося второвского пассажа… где их встретила полиция и казаки. На приказ разойтись демонстранты ответили выстрелами из револьверов. В перестрелке и последующем преследовании погибли один из четырех знаменосцев (Ио-

[1] *Сибирская* жизнь. 1905. № 8.

сиф Кононов) и посторонний мальчик, ранены 45 человек, в том числе шесть полицейских. Сто двадцать один человек был арестован»[1].

Но подцензурная местная пресса не смогла адекватно отреагировать даже на это происшествие. «Сибирская жизнь» поместила два материала, в которых упоминаются «беспорядки 18 января». Первый – это официальное «объявление» от и. д. томского губернатора: «Ввиду происшедшего 18 сего января уличного беспорядка, вызвавшего большое скопление публики на улицах, объявляю во всеобщее сведение, что администрация, в силу закона, обязана принять самые решительные меры к устранению, если понадобится и вооруженной силой, всякого массового беспорядка. Так как скопление при этом толпы может сопровождаться несчастными случаями, то население г. Томска приглашается безусловно избегать всяких сборищ на улице, ограждая себя тем самым от последствий беспорядка»[2]. О сути «уличного беспорядка» – что его вызвало, сколько человек участвовало, о том, что в итоге пострадали люди, – здесь не сказано ни слова, как и во втором отклике на это событие – информационной заметке о том, что «вчера в Томск прибыл прокурор омской судебной палаты Н.Н. Соболев. Г. Соболев пробудет в Томске несколько дней. Его приезд связан с событиями на улицах города 18 января, по поводу каковых событий ведется предварительное следствие»[3].

Необходимо отметить, что «Сибирский вестник», следуя традициям российской демократической прессы, находил способы обхода цензуры и сообщения своим читателям о «настроениях дня». В № 15 от 20 января 1905 г. в рубрике «Местная хроника» «Сибирский вестник» сообщал:

«От редакции. Вчерашний номер нашей газеты вышел без городской хроники по той причине, что та типография, где печатается “Сибирский вестник”, вынуждена была закрыть ставни и затворить двери своей конторы и конторы редакции…

Во время уличных беспорядков 18 января большинство магазинов и лавок были закрыты, а также некоторые из типографий и казенных учреждений, как, например, канцелярия совета управления Сибирской жел. дор.

---

[1] *Томск*: История города… С. 170.
[2] *Сибирская* жизнь. 1905. № 14.
[3] *Там же*. 1905. № 23.

Несостоявшийся спектакль. Назначенный на 18 января в театре Королева бенефис г. Аржанникова (“Иванов” Чехова) был отменен ввиду известных событий, имевших место в городе в этот день».

Несмотря на то что о самом событии – демонстрации, разгоне казаками, арестах и выстрелах – в газете ничего не сказано, однако читатель узнавал хотя бы о том, что какие-то «известные события» в городской жизни в это время произошли.

Характеристику общественной атмосферы газете удавалось отразить и в небольших заметках «Местной хроники», например, по поводу нестабильной работы почты: «Нет газет». «Вот уже более недели в Томске не получается петербургских и московских газет; провинциальные газеты, уже всецело по вине почты, получаются крайне неаккуратно. А между тем – время тревожное, богатое событиями и полное ожиданиями…»[1]. В начале февраля «Сибирский вестник» зафиксировал факт повышенного внимания к происходящим событиям в заметке «Из настроений дня» (рубрика «Местная хроника»): «За последние две-три недели в Томске, как среди интеллигенции, так и среди простого люда, замечается приподнятый, усиленный интерес к газетам, главным образом столичным. Читальные залы Городской библиотеки, Макушинской и других с утра до вечера переполнены посетителями. Газеты “Наша жизнь” и “Наши дни” читаются с жадностью, буквально нарасхват, весьма усилился спрос на эти газеты и в уличных киосках»[2].

Но даже уловки, применяемые для обхода цензуры, не позволили как «Сибирской жизни», так и «Сибирскому вестнику» осветить митинг 30 января, в день похорон Иосифа Кононова (в нем участвовало около 200 человек); апрельскую забастовку нескольких сотен приказчиков, требовавших сократить рабочий день; трехдневную майскую забастовку извозчиков и булочников; массовку железнодорожников 14 мая и другие события политической жизни города[3].

Из всех событий общероссийского масштаба в начале 1905 года наибольшее внимание «Сибирской жизни» привлекла деятельность «Особого совещания для пересмотра действующих о цензуре и печати постановлений и для составления проекта нового по сему предмету устава». По этому поводу автор «Сибирской жизни» М.Р. Бейлин написал материал «Несколько замечаний», в котором, обрисовав главные

---

[1] *Сибирский* вестник. 1905. № 19.
[2] *Там же*. 1905. № 26.
[3] См.: *Томск*: история города… С. 170–171.

задачи нового совещания, он особо остановился на самом важном для местной печати: «опубликованное положение комитета министров... почти не касается провинциальной печати, положение которой остается прежним впредь до законодательного пересмотра в Особом совещании всех правил о печати»; однако Бейлин высказывает предположение, что, «судя по предшествующим работам комитета министров, нужно думать, что подразделение на подцензурные и бесцензурные издания будет отменено и провинциальная печать будет освобождена от предварительной цензуры»[1]. Эта заветная мечта всех деятелей провинциальных органов печати привела к тому, что практически в каждом номере «Сибирской жизни» стали публиковаться сообщения об Особом совещании: собственные материалы местных авторов (см., напр., № 25), новости в разделах «Из последней почты» (№ 32, 46, 49), «О чем говорят и пишут» (№ 31), «Русская жизнь» (№ 42, 45) и т.д. В № 41 от 20 февраля «Сибирская жизнь» поместила 6 портретов участников Особого совещания: Д.Ф. Кобеко, П.В. Никитина, В.К. Случевского, К.К. Арсеньева, А.Ф. Кони, М.М. Стасюлевича; в этом же номере был помещен материал «О новом уставе о печати».

«Сибирский вестник» довольно длительный период времени ограничивался помещением только официальных сообщений и перепечаток об Особом совещании, однако с марта в газете также начинают печататься авторские материалы, посвященные его деятельности (см., например, «В совещании о печати»; «К вопросу о печати»[2]).

Кроме работы Особого совещания, «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник» освещали студенческие волнения в России, ход сражений Русско-японской войны, учреждение «Булыгинской думы» («Сибирский вестник» характеризовал ее как «типичный плод бюрократического творчества») и другие события общественно-политической жизни России. Контраст между все увеличивавшейся свободой прессы в столицах (как писал С.Ю. Витте, «пресса начала разнуздываться еще со времени войны; по мере наших поражений на востоке пресса все смелела и смелела»[3]) и находящейся в «цензурном плену» сибирской печатью становился все более заметным. В разделах «Русская жизнь», «Среди газет и журналов», «О чем говорят и пишут» появились рубрики «По рабочему вопросу», «К аграрному движению»; рубрика «Теле-

---

[1] *Сибирская* жизнь. 1905. № 23.

[2] *Сибирский* вестник. 1905. № 67, 68.

[3] *Витте С.Ю.* Воспоминания. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. Т. 2. С. 546.

граммы» порой представляла собой хронику забастовочного движения (см., напр., телеграммы в № 97 от 8 мая: «Армавир, 5 мая. Забастовали приказчики. Асхабад, 5 мая. Забастовали приказчики. Житомир, 5 мая. Забастовали типографские рабочие. Лодзь, 5 мая. Большая часть ткачей покинула работу, требуя увеличения платы. Минск, 5 мая. Забастовка мастерских Московско-Брестской дороги продолжается» и т.д.). В рубриках же, посвященных томской жизни, не упоминалось даже слова «забастовка» или «стачка», несмотря на то что забастовочное движение зарождалось и здесь.

Эта ситуация остро осознавалась томскими журналистами. 27 февраля в Томске состоялось собрание деятелей печати, информация о котором появилась практически одновременно в обеих газетах: «Из совещания томских деятелей печати»[1]. В материале указывалось, что «редакторы, издатели и сотрудники томских периодических изданий «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь», «Сибирский наблюдатель» и «Горные известия», обсудив нужды сибирской печати в заседании 27 февраля, пришли к следующим заключениям:

1. Необходима полная и безусловная отмена предварительной цензуры во всех ее видах.

2. Необходима полная отмена системы административных взысканий, налагаемых органами правительственной власти на периодическую печать.

3. Необходима полная свобода обсуждения вопросов общественной и государственной жизни.

4. Преступления печати должны подлежать суду присяжных на точном основании закона.

5. Необходимо установление явочного порядка открытия изданий, на каком бы языке они ни издавались, с отменой всякой регламентации условий издания.

6. Нижеследующие меры необходимо осуществить немедленно, не дожидаясь издания нового закона о печати: 1) уравнение подцензурных провинциальных изданий с бесцензурными столичными и некоторыми такими же провинциальными; 2) отмена всех временных правил и ограничительных циркуляров, последовавших после издания закона о печати 1865 г., и 3) допущение полной свободы обсуждения всех вопросов общественной и государственной жизни.

---

[1] *Сибирский* вестник. 1905. № 51; *Сибирская* жизнь. 1905. № 52.

7. Довести до сведения особого совещания о печати под председательством члена Государственного Совета д.т.с. Кобеко высказанные положения и просить председателя этого совещания допустить к участию в его работах представителей томской периодической печати, имеющих быть избранными для этой цели собранием».

Заключение подписали 34 человека – сотрудники, редакторы и издатели «Сибирского вестника, «Сибирской жизни» и «Сибирского наблюдателя». «Сибирский вестник» в своем материале подчеркнул, что подписи поставили все, «за исключением уклонившегося от подписи редактора “Горных известий” Фреймана». «Сибирская жизнь», помимо того что опубликовала эту новость на два дня позднее, не обратила внимание читателей на «уклониста»: вероятно, это было связано с принципиальной политикой издателя-редактора П.И. Макушина, по мере возможности старавшегося обходить «острые углы».

«Сибирский вестник» в конце марта поместил заметку, свидетельствующую о том, что инициатива томичей не осталась незамеченной в Сибири: «...перепечатав известное постановление томских литераторов о нуждах русской печати, “Енисей” говорит: “Охотно присоединяем и свой голос к заявлению томских деятелей печати”»[1].

«Сибирская жизнь», в свою очередь, приняла решение принять участие в Первом всероссийском съезде журналистов, который состоялся в Петербург 5–8 апреля: от редакции на съезд был направлен сотрудник К.И. Троицкий; кроме того, в материале «Первый всероссийский съезд журналистов в Петербурге» было отмечено, что в заседаниях принимали участие также представители из Томска от газеты «Сибирский вестник» и журнала «Сибирский наблюдатель»[2].

Вопрос свободы печати в «Сибирском вестнике» рассматривался в целом ряде собственных материалов; наиболее характерным можно назвать статью «К вопросу о печати» (№ 68). Газета считала несчастьем невозможность для печати выполнять ее «святую обязанность»: «быть, с одной стороны, отразителем запросов эпохи и дня, и с другой – быть прожектором жизни и направлять на нее лучи знания и руководительства». Свободная печать, по мнению газеты, это «коллективный советник, миллионы глаз, от которых не ускользнет правда жизни».

В одном из фельетонов из цикла «Мысли вслух» «Сибирский вестник» затронул вопрос о значении провинциальной печати. Ее состоя-

[1] *Сибирский* вестник. 1905. № 63.
[2] *Сибирская* жизнь. 1905. № 86.

ние оценивается фельетонистом не лучшим образом, хотя и в таком виде она играет свою очень важную роль: «Робкое “рабье” слово есть все-таки слово. Едва видная по своей бедности мысль есть все-таки мысль. Как бы ни была мала наша провинциальная аудитория, но она все-таки насчитывает тысячи человек. <…> В местных листках мы перебрасываем идеи столиц в глухие углы и, право, вы от нас можете требовать только добросовестности». Но главное предназначение, считает автор «Сибирского вестника», газета будет выполнять в будущем, когда она получил свободу: «Сибирский орган должен сделаться сердцем и мозгом своей страны... <…> Свободная печать – это сила, и не будет самомнением, если скажу, что она станет душою обновленного края»[1].

Таким образом, свобода печати являлась для представителей провинциальной прессы принципиальным и самым животрепещущим вопросом нарастающей русской революции. Другие новые проблемы русской жизни – рабочий вопрос, политическая дифференциация общества – ставились и решались в газетах по-разному.

«Сибирскую жизнь» в первую очередь интересовали вопросы культурно-просветительного характера и область городского самоуправления. Это было обусловлено интересами владельца газеты, П.И. Макушина, который основал первый в Сибири книжный магазин и имел значительный доход от продажи книгоиздательской продукции, имел собственную типографию, одновременно занимаясь благотворительностью и общественной работой. Его брат, А.И. Макушин, в 1905 году был городским головой (и вторым редактором «Сибирской жизни»), отсюда постоянное и глубокое освещение проблем городской жизни в рубрике «Томская хроника», отдельных статьях, а также в разделе «Маленький фельетон» (см., напр., о состоянии городской санитарии; произволе мелких чиновников; о причинах низкого качества воды в Томске[2]).

«Сибирская жизнь» с большим вниманием следила за основанием и деятельностью томского Юридического общества: этой теме посвящен целый цикл материалов. С позиций права газета оценивала изменения в русской жизни: регулярно публиковала статьи профессора И. Малиновского («Общество и правительство», «Беседы по вопросам государственной жизни», «О земском самоуправлении вообще и о зем-

---

[1] *Сибирский* вестник. 1905. № 130.
[2] *Сибирская* жизнь. 1905. № 124, 126, 130.

стве в Сибири в частности»); М. Соболева («К вопросу об осуществлении рескрипта 18 февраля») и т.д.[1]

В 1905 году П.И. Макушин выступил с идеей основания Народного университета («К проекту открытия в Томске народного университета»), сделал крупный вклад в его фонд («На фонд Народного университета»; «Народный университет в Сибири») и объявил о сборе недостающих средств[2]. Эта тема на протяжении всего года была одной из ведущих в газете, которая постоянно писала о том, кто и сколько пожертвовал на новую общественную инициативу (в рубрике «Томская хроника» первыми ставились новости под общим заголовком «В фонд народного университета в г. Томске»).

«Сибирский вестник» также с воодушевлением отнесся к макушинскому начинанию. В майском номере была опубликована статья «Петру Ивановичу Макушину», связанная с «крупным пожертвованием до 100 тысяч на Народный университет в Томске». Жертвователь характеризуется газетой как человек, «немало уже потрудившийся на пользу народного образования» и в качестве многолетнего председателя городской училищной исполнительной комиссии, и в качестве инициатора и деятеля нашего Общества попечения о начальном образовании». Новый крупный вклад в дело образования, по мнению газеты, «имеет громадное общественное значение и справедливо вызывает к жертвователю Макушину чувства живейшей признательности». Его поступок – «прекрасный», «своевременный», «великая услуга святому делу народного просвещения»[3]. Редакция заключила материал выражением сердечной благодарности Макушину, и практически в каждом номере стала публиковать отчеты о сборе средств на Народный университет: она возлагала на него огромные надежды, считая, что «он должен быть свободным глашатаем свободы, правды и добра!» (М. Г-берг «Задача народного университета»)[4].

Однако в большинстве материалов «Сибирского вестника» П.И. Макушин был представлен прежде всего как капиталист, заинтересованный в выгоде: так, в заметке «Благодаря конкуренции» газета сообщала читателям о том, что Макушин «доставляет книги для железнодорожных школ с уступкою 15 процентов», «для школ города и в инспекцию народных училищ» – с уступкой 8 и 10 процентов. И если

[1] *Сибирская* жизнь. 1905. № 43, 45, 53, 5, 59, 60, 68, 70, 74, 77–79, 81.
[2] *Там же*. 1905. № 104, 113, 114.
[3] *Сибирский* вестник. 1905. № 92.
[4] *Там же*. 1905. № 107.

бы не конкуренция, он бы не увеличил скидку и для железнодорожных школ. Еще более жестко газета высказалась по этому вопросу в маленьком сообщении «Все по-старому»: «На днях у П.И. Макушина 8 мальчиков (фальсовальщиков), получавшие месячное жалованье в размере от 2 руб. до 5 руб., заявили желание получать больше. Ответом им было увольнение семерых и прибавка одному, с тем, чтобы он набрал вместо уволенных *девочек* (курсив «Сибирского вестника»). Хозяин всегда остается хозяином» (№ 205). Подобного рода материалы корректируют современное представление о П.И. Макушине как о бескорыстном меценате: он был успешным предпринимателем, капиталистом, об этом хорошо знали современники и относились достаточно объективно к его благотворительным начинаниям. Естественно, что такие материалы не способствовали особой «дружбе» между изданиями, которые находились в состоянии постоянной полемики друг с другом вплоть до закрытия «Сибирского вестника».

Общей для обеих газет темой был «университетский вопрос» – проблема прекращения занятий в Императорском Томском университете и технологическом институте. Газеты публиковали объявления администраций вузов, рассказывали о положении студентов, которые вынуждены были разъехаться по домам, подчеркивали, что профессора продолжают научную работу и не отменяют свои научные командировки и т.д. В одном из номеров «Сибирский вестник» объяснял причину, по которой занятия не возобновляются: «это вызвало бы в институте сходки, а попытка вести занятия с меньшинством студентов привела бы к обструкции во всех ее видах и необходимости прибегнуть к полицейским мерам. Вести же занятия под охраной полиции совет считает несовместимым с достоинством высшего учебного заведения»[1].

С нарастанием напряжения в обществе студенты все чаще становились объектом агрессии как «смутьяны и бунтари»: это явление было характерно для всей России в целом и для Томска в частности. В газете с негодованием описывались эти случаи, назывались «проявлением дикого невежества, пошлой глупости и подлости» («Позорные дела и наша “безопасность”»). Газета подчеркивала, что нападения совершаются «башибузуками», представителями «черной сотни», при этом в большинстве случаев «стражи безопасности» бездействуют[2].

В сентябре в «Сибирском вестнике» и «Сибирской жизни» появились сообщения о студенческих сходках «для обсуждения вопроса о

---

[1] *Сибирский* вестник. 1905. № 45.
[2] *Там же*. 1905. № 86, 101.

возобновлении занятий», затем газеты напечатали «Резолюцию совета Томского университета», в которой сообщалось о «немедленном возобновлении занятий в университете». Однако нарастающее напряжение не способствовало выполнению резолюции: через два номера газета опубликовала новость под названием «Университет закрыт»: «совет университета постановил начало учебных занятий отложить на неопределенное время»; о закрытии университета сообщила также «Сибирская жизнь». Тем не менее студенческие сходки продолжались, и газета теперь уже имела возможность их освещать (см., например, «Местную хронику»)[1].

Если «Сибирская жизнь» особо не интересовалась политической жизнью города, то «Сибирский вестник» отличался повышенной чуткостью к этой сфере, отслеживая новые явления на общественно-политической «сцене» Томска. Так, авторы «Сибирского вестника» одними из первых узнали и сообщили своим читателям о том, что «в ближайшее время в Томске состоится открытие местного отделения пресловутого «Русского собрания» (рубрика «Местная хроника»). Эта новость была довольно критически воспринята газетой, которая писала: «Вот уж воистину – добро пожаловать! Надеемся, что в Томске оно придется, что называется, “ко двору”». «Сибирский вестник» перечислил учредителей будущего отделения (профессор технологического института А.И. Ефимов, управляющий местным отделением Сибирского банка В.Е. Пудовиков, купцы Д.Г. Малышев, И.М. Некрасов) и срок предстоящего открытия «Собрания» – «недели через две». Через несколько номеров газета вновь обращается к деятельности «некоторых из попечителей о духовно-нравственных качествах обывателей г. Томска», которые «популяризируют идеи… нарождающегося общества, перепечатывая на отдельных листках бумаги выдержки из статей г. Энгельгардта, помещенных в «Русском вестнике»». «Сибирский вестник» приводит текст этих перепечаток без комментариев, считая, что читатель способен сам оценить направление будущего «Собрания»: «Свобода слова – но не свобода же сквернословия», «Свобода русской национальной печати, но не свобода же жидовской и жидовствующей, клеветнической, грязной прессы, ко всему русскому враждебной», «Свобода науки – но не свобода же учащейся молодежи политиковать» и т.д.»[2].

---

[1] *Сибирский* вестник. 1905. № 198–200, 202, 204; *Сибирская* жизнь. 1905. № 200, 205, 210.

[2] *Сибирский* вестник. 1905. № 25, 29.

«Сибирский вестник», отмечая оживление «консервативной партии» в центре, в то же время фиксировал появление в Томске «кружка истинно русских людей», которые «вместе с Сувориным, Ярмонкиным и К°» «выдали себе патент на название “истинно русских интеллигентов”», «они не оторваны от почвы, как другие», они знают, чего хочет русский народ». Видя нарастающую опасность этого явления, газета в статьях М. Вознесенского «Жизнь не ждет» и «Мысли вслух» призывала «противопоставить деятельность прогрессивных кругов общества... фальсификаторам истины»: «все живые силы должны сплотиться». Деятельность томских «истинно русских людей», по мнению публициста, направлена к тому, чтобы «сеять национальную рознь, вражду к интеллигенции, “оторвавшейся от народа”, и т.д., и т.д.»; эту деятельность необходимо «парализовать». Автор утверждал, что «до сих пор Сибирь не знала национализма – этой язвы, разъедающей организмы народов и стран, не знала наша родина и вражды к докторам, учителям – ко всей интеллигенции»[1].

Рабочий вопрос, который в «Сибирской жизни» освещался главным образом по материалам столичной и провинциальной прессы, в «Сибирском вестнике» находился в зоне повышенного внимания. Свидетельства этому обнаруживаются буквально с первых номеров газеты. Так, в «маленьком фельетоне» «С Новым годом» среди новогодних пожеланий «коллегам по перу», «деятелям общественным», «учащейся молодежи», «сибирской женщине», «обществу взаимного кредита», «школьному обществу» и т.д. есть также обращение к «сибирскому крестьянину» и «сибирскому рабочему»: «моим пожеланием тебе будет то, что друзья зарубежных *собраний* (видимо, в тексте опечатка, так как по смыслу здесь подходит слово «собратий») твоих давно уже желают и им, и тебе – иметь бы тебе и досуг и разумно его проводить, и подольше учиться и знать; о себе говорить, чтобы голос разумный твой был и правдивым, и слышен далеко, – и много друзей и товарищей среди добрых и умных людей ты найдешь»[2].

В № 41 от 20 февраля 1905 г. газета сообщила, что владельцы типографий П.И. Макушин, Н.И. Орлова и С.П. Яковлев распорядились не только об увеличении жалованья, но и о сокращении 10-часового рабочего дня на один час. Впрочем, уже в следующем номере газета поместила заметку «В бочке меда ложка дегтя»: оказалось, что одновременно с сокращением рабочего дня владельцы типографий распо-

---

[1] *Сибирский* вестник. 1905. № 100, 119.
[2] *Там же*. 1905. № 2.

рядились об отмене «времени на утренний и вечерний чай» – это 20 минут в типографии Макушина, 30 – в типографии Яковлева; в итоге рабочие вновь оказались в проигрыше.

Постоянной темой «Сибирского вестника» был вопрос объединения трудящихся: газета писала о первой томской артели портных, о «проекте устава союза томских работниц», о необходимости создания союза рабочих («Кое-что о рабочем движении») и т.д.[1]

После утверждения 20 марта издателем газеты «Сибирский вестник» бывшего политического ссыльного, революционера-народника М.Н. Загибалова, рабочий вопрос еще чаще становился в центре внимания газеты. На ее страницах публиковались зарисовки об условиях труда телеграфистов («Добровольный каторжник»), присяжных счетчиков казначейства («Как живут маленькие люди»), книгопечатников («По поводу прискорбного явления в жизни книгопечатников»), материалы о забастовках аптекарей, перечислялись «требования мастериц шляпных магазинов»; наконец, в июне появились первые сообщения о местных забастовках («Рабочие шапочники и хозяева торговцы»; «Конец забастовки»)[2]. Подробностей о всеобщей стачке шапочников, которая длилась с 27 мая по 10 июня, в газете немного, но знаменателен сам факт появления подобной информации в подцензурной газете. По подсчетам историков, всего в 1905 году в Томске состоялось 342 стачки, в которых приняло участие 8700 человек, было проведено 56 демонстраций и митингов (31,5 тысячи участников); в газетах, как показывает анализ материала, была отражена мизерная часть этих выступлений.

С 4 по 17 июля 1905 г. в Томске прошла общегородская стачка, организованная Томским комитетом РСДРП. «Сибирская жизнь» никак не прореагировала на это событие: номера аккуратно выходили каждый день, в «Томской хронике» сообщалось об экспорте сибирского сливочного масла, праздничном отдыхе парикмахеров, об отсутствии стульев в библиотеке епархиального братства, новой семидневной ярмарке в Томской губернии и т.д.

В это время «Сибирский вестник» не выходил; в первом номере, вышедшем после окончания стачки, на первой полосе газеты появилось следующее объявление: «С 5 июля по воскресенье, 17 июля, газета «Сибирский вестник» и телеграммы Российского агентства не выходили вследствие прекращения работ в типографии Н.И. Орловой,

[1] *Сибирский* вестник. 1905. № 41, 231, 232.
[2] *Там же*. 1905. № 94, 105, 106, 120, 122, 199, 201.

где это издание печатается» (№ 146). В этом же номере в фельетоне «Мысли вслух» описывался «летаргический сон печатного слова в г. Томске», случившийся из-за остановки типографий. Однако «Сибирский вестник» не упрекает рабочих за эту остановку: автор фельетона полон сочувствия к ним, они характеризуются как «живые люди, которым не чужды лучшие человеческие стремления к светлой доле, к сносному существованию, к покою и отдыху, которого книгопечатнику дали так мало…». Фельетонист согласен с тем, что «так жить нельзя!», но из-за подцензурного положения газеты он не в состоянии дальше развить эту тему. Недаром сразу после этого материала было дано объявление, набранное крупным шрифтом и резко выделяющееся на полосе: «Продолжается подписка на ПОДЦЕНЗУРНУЮ газету “Сибирский вестник”». Слово «подцензурную» было выделено самыми большими буквами, благодаря чему совершенно обычное объявление приобретало другой смысл. С этого времени это объявление регулярно (раз-два в месяц) появлялось в газете – в разных местах, но с одним и тем же текстом и принципом выделения слова «подцензурную».

Газета «Сибирский вестник» акцентировала внимание на своей демократической направленности, привлекала внимание томичей к деятельности товарищества «Знание», сборники которого «были распроданы местными книгопродавцами в два дня», отмечала, что самым большим спросом в уличных киосках «пользуются газеты “Сын Отечества”, “Русские ведомости” и “Русь”»[1]. Наконец, в апреле газета опубликовала несколько материалов из продолжающегося цикла «Мысли вслух», посвященные объяснению своего «credo». Построенные в виде диалога «Альфы» и «Омеги», эти материалы позволили газете сформулировать направление издания в этот период следующим образом: «Я прогрессист и, если уже так хочешь: либерал. Присоединяюсь к большинству земцев, но отнюдь не к меньшинству». Автор утверждал, что является наследником Писарева и «незабвенного Михайловского», и «проповедует единение»: «на время – да». Отдавая должное «Вестнику Европы», «наиболее у нас типичному в европейском смысле буржуазно-либеральному органу», который «в тяжелые годы был стальным буфером против нагло торжествовавшей реакционной печати», автор признается, что «сердцу моему, однако, милы тенденции “Русского богатства”, достойного наследника “Отечественных записок”». На замечание оппонента «Твои мысли пахнут народничеством»

[1] *Сибирский* вестник. 1905. № 85.

автор отвечает: «Трудовой пот народа имеет свой запах. Если не хочешь, чтобы он дал о себе знать сам, не забудьте вы о нем, мудрецы шаблона»[1].

Таким образом, общественно-политическое «лицо» газеты обозначено как общедемократическое: авторы разделяли взгляды прогрессистов, в чем-то либералов (не поддерживая «этой милой капиталистической свободы эксплуатации труда»), следовали народническим традициям («Русское богатство») и революционно-демократическим («Отечественные записки»). Определенная «обтекаемость» формулировок была связана с необходимостью пройти контроль предварительной цензуры, и автору это сделать удалось.

Демократизм «Сибирского вестника» проявился также в его избирательности в отношении «литературных юбилеев»: так, в 1905 г. газета опубликовала небольшую статью к 35-летию со дня смерти А.И. Герцена (№ 17: по материалам газеты «Одесские новости»); 14 лет со дня смерти Г.З. Елисеева (№ 23), о снятии запрета с имени Н.Г. Чернышевского и об издании портретов 83 декабристов (№ 24), о деле Чернышевского (№ 38); в целом ряде материалов упоминается о Михайловском, а в июне в газете был помещен большой материал «Роберт Оуэн» (№ 116). Этот «набор имен», несомненно, свидетельствовал о следовании газетой традиции социал-демократической российской печати; если сравнить его с «набором» «Сибирской жизни», то здесь совсем другая картина: в том же 1905 г. газета посвятила несколько материалов смерти князя С.Н. Трубецкого (№ 206, 207, 209–212); отметила 50-летие со дня смерти Т.Н. Грановского (№ 213); опубликовала некролог И.М. Сеченова (№ 223) и т.д. Это дополнительно характеризует направление «Сибирской жизни» как просветительное и либеральное.

Несмотря на то что «Сибирская жизнь» в 1905 году была менее ярким и полемичным изданием, чем «Сибирский вестник», она имела больше подписчиков и пользовалась большим авторитетом в обществе. В марте 1905 года «Сибирская жизнь» на первой полосе опубликовала объявление «От конторы редакции», из которого можно узнать данные о тираже газеты на этот период: «Контора редакции извиняется пред некоторыми из городских подписчиков за позднюю доставку им номеров “Сибирской жизни”. К великому сожалению, устранить это нежелательное явление пока нет никакой возможности. Ввиду усиленного

[1] *Сибирский* вестник. 1905. № 89, 90.

выпуска номеров “Сибирской жизни” (до 13000 экземпляров) печатание ее, начинаясь с 8 часов вечера (на двух скоропечатных машинах при паровом двигателе), оканчивается только к 10 часам утра. Устранить такое запоздание возможно только при ротационной машине, печатающей по 12000 экземпляров в час. Такая машина уже заказана, но может быть доставлена в Томск не ранее июня» (№ 48). Таким образом, исследователи могут узнать максимальный тираж «Сибирский жизни» в 1905 году: 13 тысяч экземпляров. Больший тираж в Сибири был только у «Восточного обозрения», которое выходило в Иркутске в 1905 году тиражом 20 тысяч экземпляров[1]. В свою очередь, «Сибирский вестник» к концу 1905 года имел тираж 7,5 тысячи экземпляров, и количество его подписчиков росло, что заставляет предполагать в газете возможного серьезного конкурента «Сибирской жизни» – если бы «Сибирский вестник» не был бы закрыт в начале 1906 года, как и «Восточное обозрение».

Еврейский вопрос, который являлся «камнем преткновения» для российской прессы в 1905 году, в «Сибирском вестнике» и «Сибирской жизни» освещался постоянно. Так, например, рассказывая об утверждении М.Р. Бейлина в звании присяжного поверенного, «Сибирский вестник» добавил следующий комментарий: «Это уже второй случай принятия в число присяжных поверенных округа Омской судебной палаты лиц иудейского вероисповедания»[2]. В «Сибирском вестнике» были опубликованы записка, представленная депутацией сибирских евреев председателю комитета министров «О правовом положении евреев в Сибири», сообщения о том, как отмечают еврейские праздники (см., напр., отчет о проведении еврейского праздника Пурим), материалы о заседаниях местного еврейского общества и другие материалы. Сообщение о еврейском погроме в Житомире было помещено в «Сибирском вестнике» как отдельный материал, заголовок «Новые жертвы» выделен траурной рамкой. Осмыслению положения евреев в России был посвящен фельетон «Сибирского вестника» «Мысли вслух. О евреях»: автор «Альфа», рассказывая о богатых и бедных представителях этой национальности, приходит к выводу, что сходятся они в одном – считают, что это «великое несчастье родиться евреем»: «Еврей носит в себе всю жизнь отраву своего существования… Быть в вечном подозрении именно потому, что ты еврей, следить за каждым

---

[1] См.: *Восточное* обозрение // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. Стб. 513–514.

[2] *Сибирский* вестник. 1905. № 47.

шагом, потому что он будет истолкован недружелюбно, умерять свое дарование, потому что оно встретит хихиканье и злобу, бояться каждый день за свое существование, потому что ему угрожают сюрпризы юдофобии в бесконечных ее вариациях – не сплошной ли это ужас?» Защита газетой евреев была истолкована в обывательском сознании как свидетельство ее «юдофилии», и в одном из материалов автор процитировал «участковых ораторов», охарактеризовавших «Сибирский вестник» «жидовской» газетой»[1].

После черносотенного погрома в Томске 20 октября 1905 г. газета много писала о пострадавших евреях, после чего продолжила публикацию материалов, посвященных положению представителей этой нации в России и в Сибири: «Как живет еврейская беднота в России?» (№ 222).

От «Сибирской жизни» газета отличалась также своей «областнической тенденцией». «Сибирский вестник» в 1905 году опубликовал целый ряд статей Г.Н. Потанина: «Бурятские поминки» (№ 50), «Областничество и “Восточное обозрение”», «Быть или не быть сибирскому областничеству?» (№ 177, 178, 180), «Земская реформа в Сибири и инородцы» (№ 185), «Об автономии и многогранной личности» (№ 192) и некоторые другие материалы.

Положению Сибири в прошлом и настоящем были посвящены материалы «Сибирские итоги» М. Вознесенского и «Думы», подписанный псевдонимом «Друг». М. Вознесенский характеризовал этап первоначального освоения Сибири как отдачу ее «на произвол и разграбление воевод и наместников», отделение «китайской стеной запретов и пошлин от цивилизованного мира» страны, «предназначенной служить местом сбыта московских товаров», «вывоза мехов» и ссылки «негодных преступных людей…». И спустя столетия, подчеркивал автор «Сибирского вестника», «великая страна двух океанов лежала мертвой ледяной пустыней с редким населением, невежественным, полудиким, почти не отличающимся от своих азиатских соседей… <…> Над могучей страной нависли все более сгущавшиеся сумерки некультурного существования». Сибирь в этом материале традиционно сравнивалась с Америкой, где «горячо и сильно бился пульс новой нарождающейся жизни». В этой стране, которая «одновременно с заселением Сибири принялась за дело колонизации», «свободная жизнь и свободные формы общественности дали роскошные ростки

[1] *Сибирский* вестник. 1905. № 42, 68, 92, 107, 140.

новых государств»: «Штаты Америки достигли… колоссального роста благосостояния»[1].

В материале «Думы» автор задавался вопросами: «когда же взойдет солнце счастья и воли для бедной, забытой всеми родины?», «когда Сибирь будет страной образованных и счастливых людей?», «неужели у ней нет своих особенностей, отличных от частных интересов и требований?» и т.д. Подводя итоги своим размышлениям, публицист пришел к выводу, что он верит «в близость яркого дня для Сибири»: «великая страна двух океанов не может, не должна, не будет лежать безмолвной пустыней… Живые силы пробудятся, самодеятельность и сознанье общих интересов и идей станет ясным для всех… Время это близко. День уже встает, радостный и бодрый»[2].

Вопросам областничества посвящен один из фельетонов цикла «Мысли вслух»: его автор напоминал читателям о том, что «много лет понадобилось борьбы на то, чтобы доказать, что Сибирь есть Россия, и ничто российское в правах на культуру не должно быть ей чуждо. Вы, вероятно, знаете имена наших рыцарей Ядринцева и Потанина, которые кричали всю жизнь: подарите и нам земство, подарите и нам университет, гласный суд». Но вот прошлые чаяния сбылись: в Сибири есть свои «академии», гласный суд, обещают ввести земства. Однако, по мнению автора, этого недостаточно: у Сибири «свои потребности, свои запросы», это «яркий и индивидуальный край», со «многими народностями, климатическими полосами, верованиями». Фельетонист «Сибирского вестника» высказывал важную мысль о взаимоотношениях центра и провинции: «как бы глаз центра не был зорок, дальность расстояния мешает ему видеть то, что ясно нам, рыцарям своей страны». Он опровергал расхожую мысль о сущности областничества как «сепаратизма», говоря, что «не разъединения мы требуем, а союза»; необходимо только «освободить нас от подпорок»[3].

70-летний юбилей Г.Н. Потанина в сентябре 1905 года позволил «Сибирскому вестнику» высказать свое отношение к личности лидера областничества, понимание его значимости для сибирского общества. В редакционном выступлении «Гр. Ник. Потанину (21 сентября 1905 года)» он характеризовался как «олицетворенная простота и скромность», ему «не нужно ходячих фраз и громких гимнов», «мишура и фейерверк не для него». Масштаб личности подчеркивался такими

---

[1] *Сибирский* вестник. 1905. № 102.
[2] *Там же.*
[3] *Там же*. 1905. № 117.

выражениями, как «могикан сибирской печати», «выдающийся общественный деятель», однако редакция напоминала читателям, что «почтенный юбиляр лучше нас знает, при каких тяжелых условиях приходится не только говорить, но и думать, и он простит нам наши невольные недомолвки…»[1]. Об областнических идеях Потанина редакция говорила как о «кристально чистой, светлой и вечно юной мысли», а для обозначения дальнейших перспектив развития их использовала заголовок одного из произведений Короленко: «Впереди огни». В целом поздравление с 70-летием от редакции выглядело достаточно обтекаемо, однако для читателя, хорошо знакомого с биографией и деятельностью Потанина, оно было наполнено глубоким смыслом: газета подтвердила, что разделяет областническую идею и готова поддерживать ее осуществление.

Юбилею Потанина был посвящен целый ряд материалов в номерах с 194-го по 198-й, главным образом это приветствия и поздравления, стихотворения, а также статьи о его жизненном пути («Г.Н. Потанин») и о его областническом мировоззрении (С. Швецов «Областничество Г.Н. Потанина»). О самом юбилейном «торжестве» «Сибирский вестник» писал, что оно «имело скромный, чисто семейный характер»: «21 сентября, в квартире юбиляра собрались его почитатели – профессора университета, представители местной печати, обществ и проч.».

«Сибирская жизнь» также не могла пройти мимо юбилея такого крупного общественного деятеля, как Г.Н. Потанин. В № 195 от 21 сентября редакция поместила материал «Григорию Николаевичу Потанину», в котором, как и «Сибирский вестник», пожелала юбиляру, «чтобы ему пришлось увидеть осуществление того, о чем так мечтали и к чему так страстно стремились и стремятся лучшие люди нашей пробудившейся страны». Кроме того, в «Сибирской жизни» были опубликованы стенограммы заседания Томской городской думы, на котором рассматривался вопрос о приветствии Потанину в связи с его юбилеем («Из зала думских заседаний»), «Адрес томской городской думы Г.Н. Потанину», материал «К юбилею Г.Н. Потанина» с описанием чествования на квартире юбиляра[2].

«Сибирский вестник» публиковал на своих страницах большое количество стихотворных произведений и фельетонов. Это позволяло авторам в обход цензуры иносказательно обсуждать проблемы современной общественной жизни, оценивать их, вырабатывать общую по-

[1] *Сибирский* вестник. 1905. № 194.
[2] *Сибирская* жизнь. 1905. № 196, 197.

зицию по важным вопросам. Характерным примером здесь может служить цикл фельетонов «Мысли вслух». Один из них, с подзаголовком «Мысли вслух. О премудрых пискарях», об анекдотическом случае о том, как военного офицера перепутали с полицейским и стали отчитываться перед ним о прописке постояльцев, фельетонист «Сибирского вестника» предварил рассуждением о прозорливости «покойного Щедрина», который «увековечил психику забитого, запуганного обывателя в своем бессмертном “Премудром Пискаре”»: в состоянии «дрожания находится трусливый обыватель и по сие время, и дрожь со временем как будто усиливается»[1]. Эта трусость, по мнению «Сибирского вестника», осложняет жизнь и самого обывателя, и газетчика: этой теме посвящен материал в жанре «открытого письма читателям». Из всех «газетных амплуа», по мнению журналиста, «самое неблагодарное – это амплуа обозревателя местной жизни», его можно «уподобить немому, которого просят рассказать то, что он чувствует». Автор материала так описывает существующую ситуацию: «Томск имеет 70 тысяч жителей, считается крупнейшим культурным центром великой Сибири, в нем издаются две ежедневные газеты; но можно ли по местной хронике судить о местной жизни? Коварный вопрос… Главную, постоянную часть местной хроники составляют муниципальная жизнь, железная дорога, деятельность разных обществ, заметка о предполагающемся благотворительном спектакле и т.д., редко промелькнет что-либо действительно животрепещущее, действительно интересное». Публицист подчеркивает, что это происходит не из-за отсутствия событий: «перед глазами более или менее внимательного, вдумчивого хроникера проходят беспрерывно, точно в калейдоскопе, целый ряд картин и бытовых, и не бытовых, ярко и, пожалуй, достаточно полно иллюстрирующих местную жизнь». Но в печати эти «картины» практически никогда не появляются: этому препятствуют «не зависящие от редакции обстоятельства», то есть цензура и «обывательская трусость», примеры которой автор и приводит в своем материале. Люди боятся «обнажать» «язвочки и язвы» – и потому их нельзя «анализировать» и «исцелять»[2].

С № 224 от 6 ноября 1905 г. «Сибирский вестник» начал публиковать роман Дм. Арсеньева «Весенние грозы», посвященный «жизни города Томска последнего времени» (публикация не была закончена). В подзаголовке было указано, что это «роман в двух частях с прологом», пролог же носил названием «Под Мукденом», то есть газета считала

---

[1] *Сибирский* вестник. 1905. № 40.
[2] *Там же*. 1905. № 85.

поражение России в Русско-японской войне главной причиной всех последующих революционных событий. Не случаен и образ весенней грозы, вынесенный в заголовок: революция воспринималась авторами «Сибирского вестника» как разрушительное проявление стихии, но в то же время она способствовала обновлению, очищению российской общественной жизни от того, что мешало развиваться дальше.

В «Сибирской жизни» беллетристическая и литературно-критическая часть была представлена переводами, перепечатками из газет и журналов (как, напр., «Выезд благочинного», перепечатка из «Нашей жизни»), журнальными обозрениями (раз в месяц), краеведческими материалами (см., напр., «Из Семипалатинска в Барлык» К. Мировича)[1]. Возможность печатать иллюстрации использовалась «Сибирской жизнью» для публикации разнообразных материалов о Русско-японской войне («Во время боя под Мукденом. Перевязочный пункт в фанзе»; Н.М. Бухвостов, командир броненосца «Император Александр III»; «Карта театра военных действий»), о городах России, Японии, Китая (напр. «Харбин. Улица в Харбине во время дождей»). В большом количестве печатались портреты общественных деятелей, писателей, поэтов, как русских, так и зарубежных (Сервантеса, Элизе Реклю, С.Ю. Витте и др.)[2].

Несмотря на довольно спокойное отношение «Сибирской жизни» к идеям социал-демократии, именно в этой газете была опубликована библиографическая заметка об издании в книгоиздательстве «Молот» трех брошюр: «Философия истории» К. Маркса и Фр. Энгельса, «От утопии к научной теории» Фр. Энгельса и «Принципы труда в современном обществе» Ф. Лассаля. Эти работы характеризовались так: они «заключают в себе изложение того учения, которое известно под названием “марксизм”»; в свою очередь, «означенное учение обладает огромной важностью» и «оно не может быть игнорируемо никем, кто серьезно заинтересован решением социальных и политических вопросов». При этом рецензент добавляет: «...глубина и стройность учения Маркса признана всеми, кто в суждениях о социальных теориях оставался объективным и чуждым партийной нетерпимости». Этот подход шел вразрез с общим отношением к теории Маркса как основе партийной идеологии РСДРП, и он объясняет мотивы цензора, пропустившего библиографию в печать. Рецензент также предупреждал читателей, что «дешевизна брошюр» не означает их «легкость и обще-

[1] *Сибирская* жизнь. 1905. № 133, 140, 143.
[2] *Там же*. 1905. № 92, 97, 107, 111, 145, 151.

доступность»: «это – вполне научные вещи, и как ни ясен слог, каким они написаны, и как ни хорош перевод, читать их может далеко не всякий грамотный, а только тот, кто уже понавык в чтении серьезно-научных произведений»[1].

С 13 по 20 октября 1905 года в Томске проходила политическая стачка. В связи с этим с 16 по 25 октября «Сибирский вестник» не выходил; в первом же номере после этого перерыва (№ 213 от 25 октября) в разделе «Телеграммы» был опубликован «Высочайший Манифест» от 17 октября, «Доклад гр. Витте о введении конституции», «Манифест стачечного Комитета», «Циркулярное распоряжение главного управления по делам печати», «Отставка Булыгина», «Беседа гр. Витте с редакторами газет» и другие материалы. Почти вся газетная площадь была отдана под телеграммы, скопившиеся в редакции с 17 по 22 октября – в том числе телеграммы из Томска: от 16 октября: «Вследствие забастовки телеграфа на востоке прием телеграмм в этом направлении второй день прекращен; работа местной почты и телеграфа была прекращена на три часа вследствие химической обструкции. Общее состояние весьма тревожное. Все магазины и торговые помещения закрылись. Газеты сегодня не вышли. Отдельные группы пытаются прекратить занятия в различных учреждениях»; от 19 октября: «Манифест 17 октября читается жадно, но успокоения нет; все без исключения торговые заведения второй день закрыты»[2].

Событиям, произошедшим в Томске 18–20 октября 1905 года, – демонстрации учащихся, разогнанной казаками, черносотенному погрому, – в газете «Сибирский вестник» было посвящено несколько материалов. Первый из них, с заголовком, выделенным траурной рамкой «Вниманию городского общества», призывал горожан и городское самоуправление к «умиротворению города», организации «помощи жертвам погрома, семьям раненых и убитых», помощи «следствию судебной власти в деле раскрытия совершавшихся на глазах у всех преступлений». Газета считала, что «ни в одном городе России в настоящее время, вероятно, не происходили такие зверства, как у нас; по крайней мере, давно уже никто не видал зрелища живыми сжигаемых людей. Кровь леденеет, слово замирает на устах»[3]. «Местная хроника» номера также была составлена из сообщений, касающихся черносотенного погрома: о начале следствия, сборе денежных пожертвований

[1] *Сибирская* жизнь. 1905. № 210.
[2] *Сибирский* вестник. 1905. № 213.
[1] *Там же*. 1905. № 213.

редакцией «Сибирского вестника» для жертв погрома, о возобновлении движения по Сибирской железной дороге и т.д.

«Сибирская жизнь» не выходила с 17 по 26 октября 1905 г.; вышедший 26 октября № 214 также начинался с публикации «Манифеста», телеграмм и других материалов. В дополнение к томским телеграммам, опубликованным в «Сибирском вестнике», были напечатаны следующие сообщения: «Томск, 21 октября. Манифестанты с национальными флагами и портретом Государя устроили шествие по улицам города»; «Томск, 21 октября. Город украсился флагами; магазины закрыты. Паника неимоверная. Масса народа уезжает».

Осмысление произошедших событий в «Сибирской жизни» было дано в двух материалах, написанных «по горячим следам». В первом из них, «На пути к правовому порядку», выражается уверенность, что 17 октября – это «решительный поворотный пункт в жизни России», «великий день окончательного освобождения России от тяжелых пут деспотизма русской бюрократии», после которого «должна хлынуть – вместе с политической свободой – волна так долго сдерживаемого *народного* (курсив «Сибирской жизни») просвещения». Второй материал «К обществу» – призыв «к гуманным чувствам людей»: «оставьте вашу вражду, бросьте ваши распри, дружно работайте над успокоением народа. <…> Мы призываем стороны ко взаимной уступчивости и хладнокровию». Кроме того, в «Томской хронике» была дана подборка материалов о томском погроме, в котором, по слухам, хотели «избивать евреев, студентов и железнодорожников», а в итоге пострадали представители всех слоев томского населения.

В № 214 «Сибирской жизни» были опубликованы телеграммы от 23 октября, в том числе «Призыв к успокоению» (правительственное сообщение из Петербурга), подробности о погроме в материале «События в Томске» в «Местной хронике», в том числе сообщение о том, что «был разбит и разгромлен дом городского головы А.И. Макушина».

До конца 1905 года «Сибирский вестник» публиковал в каждом номере воспоминания участников этого страшного события, новые детали происшествия, а также некрологи погибших. В происшествии газета винила не только «чернь», но и губернскую администрацию, которая «оказала самое широкое, активное и пассивное, содействие ор-

ганизованному черному террору» (см. напр.: Кижнер Н. «К событиям 20, 21 и 22 октября в Томске»)[1].

«Сибирская жизнь» также печатала некрологи погибших, материалы о томском погроме, но для этой газеты погром имел и другие последствия: ситуация, когда А.И. Макушин и его семья чудом избежали страшной смерти, настолько ужаснула П.И. Макушина, что он отказался от дальнейшего ведения газеты. В номере 224 от 8 ноября на первой полосе было помещено объявление от Макушина: «Не имея возможности, по расстроенному здоровью, продолжать издание и редактирование “Сибирской жизни”, я передал право издания оной профессорам Томского университета И.А. Малиновскому, Н.Н. Розину, В.В. Сапожникову, М.Н. Соболеву и Технологического института Е.Л. Зубашеву, Вл. А. Обручеву и прис. поверенному М.Р. Бейлину».

Период после принятия Манифеста 17 октября 1905 года «Сибирский вестник» характеризовал как «тяжелое время»: «еврейские погромы, кровавые столкновения представителей различных групп, партий и классов – все это говорит за то, что родина наша вступила в период, когда все общественные силы, все грубые, скрытые до того инстинкты проявляются вовне» (М. В-ий. Предстоящая задача). Но редакция считала, что все «эксцессы и проявления зверства» «являются следствием, пережитком старого, разрушенного уже строя жизни». Газета была уверена: «все успокоится и войдет в обычные рамки, когда великие начала свободы и права войдут в жизнь, облекутся в соответствующие законные нормы, когда для всего населения откроются законные пути к проявлению своих требований и желаний, то есть, когда борьба мнений и партий найдет себе поприще в стенах нормальной действующей Государственной Думы»[2]. Но прежде всего, считала она, должны быть осуществлены свободы, «без которых немыслимо существование никакого правового государства», и главная из них – свобода печати, без которой «правильная политическая жизнь невозможна».

Несмотря на то что газета все еще была подцензурной, возможности печати заметно расширились: об этом можно судить по таким публикациям, как «Из песен рабочих» («Замучен тяжелой неволей»), «Что такое власть народа?» (подписано А.Б.В.), «Памяти павших за свободу», «К рабочему движению в Сибири»[3] и др.

---

[1] *Сибирский* вестник. 1905. № 230.
[2] *Там же*. 1905. № 215.
[1] *Там же*. 1905. № 217, 221, 231.

Объявление о подписке на 1906 год, составленное в начале ноября и до конца года публиковавшееся на первой полосе газеты, показывает программу, которую наметил себе «Сибирский вестник»: редакция обещала «и впредь стремиться, по мере своих сил и возможности, к проведению в сознание и жизнь народной массы начал гражданской свободы, справедливости и права на общее человеческое счастье, возможное только тогда, когда люди-братья забудут национальную и религиозную вражду, когда будут устранены экономические и классовые противоречия современного общества. Вместе с тем, стремясь представить интересы всей Сибири, редакция будет стоять за полное самоопределение нашей родины в ее общественных делах, убежденная в том, что только с учреждением Сибирской областной думы явится возможность удовлетворить во всей полноте ее нужды и интересы. Итак, час решительной борьбы за право настал. В сознании громадной задачи, стоящей пред сибирской печатью, мы призываем всех наших единомышленников к тяжелой ответственной работе развития самосознания народной массы»[1].

В «Сибирской жизни» объявление о подписке на 1906 год появилось одновременно с передачей газеты от Макушина томским профессорам. Новая редакция газеты обещала «отстаивать и защищать начала гражданской и политической свободы, народное представительство на началах всеобщего и равного избирательного права, широкое самоуправление земств и городов. В экономической области редакция будет защищать интересы трудящихся классов народа – крестьян и рабочих – и с этой точки зрения давать разрешение вопросам земельного устройства, рабочего законодательства, обложения налогами и проч. С особой тщательностью редакция будет знакомить читателей с нуждами и интересами Сибири, сообщая факты ее повседневной жизни и давая им посильное освещение»[2].

Сравнивая программы газет, можно увидеть общие точки пересечения: стремление к защите гражданской свободы, забота о народе, о трудящихся классах, внимание к экономическим вопросам, а также «представительство» интересов Сибири. Однако в «Сибирском вестнике» был усилен момент самоопределения Сибири в общественном отношении, газета акцентировала внимание на необходимости учреждения Сибирской областной думы, что свидетельствовало о ее следовании принципам «позднего областничества».

---

[2] *Сибирский* вестник. 1905. № 222.
[3] *Сибирская* жизнь. 1905. № 224.

В № 230 от 13 ноября газета «Сибирский вестник» сообщила читателям, что 8 ноября она послала в Петербург телеграммы – в Главное управление по делам печати, председателю Совета министров графу Витте, редакции «Сына Отечества» с передачей Союзу защиты слова – с целью получить разрешение на выход без предварительной цензуры. Ответом на это выступление было телеграфное сообщение от начальника Главного управления по делам печати: «Новый закон о печати будет обнародован на днях». Несмотря на то что прямого освобождения от цензуры в этом ответе не прозвучало, редакция «Сибирского вестника» сочла новость вполне положительной: «Не зная текста нового закона, трудно, конечно, судить о его достоинствах и недостатках, но можно сказать одно: прежнего произвола больше не будет. Итак, поздравляем читателей с торжеством свободного слова».

Политическая жизнь России, в том числе и Сибири, освещалась в каждом номере: газета призывала к защите конституционных прав, к активности населения во время выборов в Государственную думу, к поддержке сибирских областников, которые приняли решение участвовать в выборах «с целью добиться проведения в жизнь основных положений Сибирского областного союза» («Готовьтесь к выборам в Государственную думу!»). Для того чтобы читатели могли свободнее ориентироваться в новых партиях, газета перепечатала таблицу «Главнейшие политические партии и их программы» из газеты «Новости дня». В ней были перечислены 10 партий: «социалисты-революционеры», затем «социал-демократы», «радикалы свободомыслящие», «конституционно-демократическая» партия, «умеренно-прогрессисты», «Союз 17 октября», «правого порядка», «монархисты-конституционалисты» и «реакционеры»; были указан их ««minimum требований» и органы печати, разделяющие их взгляды[1].

Отдельный материал был посвящен разъяснению понятия «свобода собраний и союзов» – для чего они служат, чьи интересы защищают, что значит «явочным порядком» (А. Соколов «Свобода собраний и союзов»). Сама же газета все сильнее симпатизировала социал-демократии; кроме материалов о рабочих, о необходимости союзов трудящихся, в газете публиковались стихотворения «Гимн свободных рабочих» («Дружно, товарищи, в ногу»), «Песня свободной России» («Отречемся от старого мира»), а в № 240 от 27 ноября в газете было опубликовано объявление от РСДРП с примечанием от редакции: «Мы

[1] *Сибирский* вестник. 1905. № 234, 261.

глубоко сочувствуем идее пробуждения самосознания трудящихся масс и поднятия их общего умственного развития, но мы далеко не разделяем тех приемов и путей, которыми идет РСДРП в деле осуществления этой идеи». Тем не менее объявление было опубликовано на страницах «Сибирского вестника»[1].

Мечта о свободе от цензуры для «Сибирского вестника» воплотилась в жизнь 6 декабря 1905 г.: № 247 вышел без предварительного досмотра (первый бесцензурный номер «Сибирской жизни» – № 243 – вышел еще 2 декабря). На содержании газеты это практически не отразилось, поскольку «Сибирский вестник» «явочным порядком» уже завоевал собственную «свободу слова». Однако уже в конце декабря в «Местной хронике» газета сообщает о том, что «цензор Виноградов снова конфисковал наш рождественский номер; взято свыше 250 номеров, остальные номера (свыше 7000 экземпляров) разошлись до ареста» (№ 263). Из этого сообщения становился ясно, что полностью от цензурного гнета «Сибирскому вестнику» избавиться не удалось; кроме того, благодаря конфискации можно узнать тираж газеты: перед закрытием он составлял около 7, 5 тысячи экземпляров.

«Сибирский вестник» был закрыт 31 декабря 1905 года «по телеграфному распоряжению командующего войсками Сибирского военного округа Сухотина, в силу военного положения»: эта новость была опубликована в единственном номере новой газеты «Вестник Сибири» (1906. № 1). Как содержание, так и оформление «Вестника Сибири» – за исключением заголовка – было полностью идентично «Сибирскому вестнику»; вероятно, поэтому он уже после первого номера был приостановлен и закрыт навсегда.

«Сибирская жизнь» еще до передачи в руки университетских профессоров начала печатать материалы о политике, такие как «Об одном условии политической жизни России», «Проект русской конституции», «По поводу закона об амнистии» И.В. Михайловского. При новой редакции газета стала гораздо больше внимания обращать на политическую жизнь России, Сибири и Томска, отмечая создание политических партий в Сибири, выход первой социал-демократической газеты в России, разбирая особенности конституционного государства и т.д. В «Сибирской жизни появились новые темы: материалы о «лиге борьбы против смертной казни», о новых союзах – например, о всероссийском союзе почтово-телеграфных служащих, профессио-

[1] *Сибирский* вестник. 1905. № 235, 240.

нальных союзах рабочих– и, конечно же, о выборах в Государственную думу. Кроме того, практически в каждом номере стал появляться крупный «подвальный» материал «на злобу дня»: о томском студенчестве («Пора, пора тебе за ум хватиться» Е.В. Никитина), о психологии толпы в момент совершения массовых преступлений («Преступления толпы» И.В. Михайловского), о политических партиях («Из современной жизни», подписанная Н.Р.) и так далее. Материал из «Новостей дня» о политических партиях «Сибирская жизнь» также отметила, но поместила не в развернутом виде, а как небольшую табличку: направление – названия партий; кроме того, газета обратила внимание читателей на статью «известного русского публициста и энергичного борца за свободу» П. Струве «Скорее за дело», перепечатав ее из «Русских ведомостей». Политическое самоопределение «Сибирской жизни» было скорее кадетское, о чем свидетельствует, в частности, публикация материалов о деятельности конституционно-демократической партии и ее томского отдела. Можно констатировать в целом, что смена редакции явно пошла на пользу «Сибирской жизни»: она стала более яркой, разнообразной, многотемной и потому более интересной, чем прежде[1].

Таким образом, для провинциальной прессы 1905 год стал поворотным пунктом прежде всего в отношении предварительной цензуры, от которой она наконец избавилась. Отражение революционных событий 1905 года на страницах газет «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь» показало процесс постепенной «политизации» как сибирского общества, так и средств периодической печати, увеличение интереса к рабочему вопросу, к партийной жизни. Путь, который прошла провинциальная периодика в 1905 году, позволил преодолеть «отставание» ее от столичной периодики, «синхронизироваться» с общероссийской журналистикой. Поэтому в дальнейшем многие процессы в периодической печати Сибири шли одновременно со столичными (расцвет сатирической журналистики в 1906–1907 годах, появление партийных органов печати и др.).

Существование двух ежедневных газет в Томске – «Сибирского вестника» и «Сибирской жизни» – позволило дифференцировать информационное поле на принципах взаимодополнения. «Сибирская жизнь» отразила изменения в культурной и просветительной сферах России, Сибири, Томска в 1905 году; «Сибирский вестник» зафик-

---

[1] *Сибирская* жизнь. 1905. № 222–224, 226, 229–231, 234, 237, 238, 242, 243, 246, 247, 251.

сировал начало и развитие рабочего движения, проникновение идей социал-демократии в легальную провинциальную периодику, трансформацию сибирского областничества на новом этапе. Все это позволяет говорить о том, что сибирская периодика в силу своих возможностей принимала самое активное участие в освещении Первой русской революции, держала сибирского читателя в курсе происходящих событий и формировала у него чувство сопричастности к общероссийским политических процессам.

«Толстовские дни» в томской прессе 1910 года

Известие о том, что великий русский писатель Л.Н. Толстой, чей юбилей Россия отметила в 1908 году, через два года тайно покинул свой дом в Ясной Поляне, а затем после скоротечной болезни умер на станции Астапово, в конце 1910 года всколыхнуло всю Россию. Поклонники его таланта и его недруги размышляли о причинах поступка патриарха русской литературы, скорбели о его кончине, полемизировали в печати о значении Толстого для русского общества. Не только столичные, но и провинциальные журналисты откликнулись на это событие. Исследование публикаций в местной печати позволяет увидеть отношение томских журналистов к событию общероссийского масштаба, оценить вклад сибиряков в его освещение.

«Толстовские дни» в России и в Томске освещались в томской прессе на страницах нескольких изданий: официальных «Томских губернских ведомостях» и «Томских епархиальных ведомостях» (в неофициальных отделах), в частных «Сибирской жизни», «Сибирском слове», «Сибирской правде».

Необходимо отметить, что имя Толстого встречалось в томской прессе достаточно регулярно и до известия о его уходе из Ясной Поляны, болезни и смерти. В основном это были перепечатки из общероссийских газет («Русское слово», «Русские ведомости», «Новое время»), касающиеся Всероссийского писательского съезда, встреч Толстого с английским журналистом, с профессором пражского университета и членом австрийского парламента, с писателем Л. Андреевым, с французским журналистом. Отслеживались и сообщения о «иоаннитках», стремящихся «разоблачить еретика Л.Н. Толстого», об избрании Сербской академией наук Толстого «почетным академиком по отделу обще-

ственных науки и изящной словесности», о елке у Толстого, о его отказе от Нобелевской премии и др.[1]

Кроме того, достаточно часто газеты публиковали материалы, касающиеся переписки Толстого с общественными деятелями (депутатом М. Челышевым), с писателями (Л.Н. Андреевым), почитателями его таланта и необычными корреспондентами – например, «с одним молодым человеком, евреем, не принятым в университет», который просил совета Толстого по поводу перехода в православие[2]. В материале «Письма Л.Н. Толстого», опубликованном в «Сибирской жизни», приводилось содержание писем писателя к депутату Челышеву (по публикации в «Русских ведомостях») и к профессору Императорского Томского университета И.А. Малиновскому (по публикации в «Речи»). «Сибирская жизнь» предварила текст письма Толстого к Малиновскому замечанием о том, что профессор послал Толстому свою книгу «Кровавая месть и смертная казнь», после чего получил письмо следующего содержания:

«Ясная Поляна, 25 сентября 1910 г. И.А. Малиновскому.

Иоанникий Алексеевич, от души благодарю вас за присылку вашей книги. Я еще не успел внимательно прочесть ее всю, но, уже пробежав ее, я порадовался, так как увидал все ее большое значение для освобождения нашего общества и народа от того ужасного гипноза… Книга ваша, как я уверен, благодаря импонирующему массам авторитету науки, главное же – тому чувству негодования против зла, которым она проникнута, будет одним из главных деятелей этого освобождения. Такие книги, как я вчера шутя, сказал моему молодому другу, а вашему земляку и знакомому В. Булгакову, могут сделать то, что мне казалось невозможным – помирить меня даже с официальной наукой…»[3].

Необходимо отметить, что вопрос о смертной казни вызывал бурное обсуждение в обществе, и многие апеллировали к имени Толстого, который был непримиримым ее противником. Корреспондент Толстого, профессор Томского университета И.А. Малиновский, который был солидарен с писателем в его отношении к смертной казни, посвятил этой теме доклад «Смертная казнь в художественной литературе», который был прочитан 15 февраля 1910 года в Томском университете на заседании Юридического общества. Отчет об этом мероприятии, вызвавшем большой общественный резонанс и привлекшем много-

---

[1] *Сибирская* жизнь. 1910. № 37, 38, 41, 75, 79, 103, 106; *Сибирские* отголоски. 1910. № 9, 22, 42.

[2] *Сибирские* отголоски. 1910. № 6.

[3] *Сибирская* жизнь. 1910. № 237.

численных слушателей, появился в двух ежедневных газетах – в «Сибирской жизни» и «Сибирских отголосках», причем под одинаковыми называниями: «В юридическом обществе»[1].

Автор «Сибирской жизни», выступивший под псевдонимом «А. Б-ов», отметил, что в своей речи Малиновский подчеркнул: в русской литературе можно найти высказывания и за, и против смертной казни. Авторы последних – Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев и Толстой, который «столкнулся с вопросом о смертной казни еще в 1866, когда добровольно защищал солдата, которому угрожал смертный приговор. Затем высказал свои взгляды по поводу дела 1 марта 1881 года в “Воскресении” и в рассказе “Божеское и человеческое”. Но главные протесты его против казни принадлежат XX веку, когда появились его “Не убий никого”, “Не могу молчать” и “Христианство и смертная казнь”».

Е. Молодой, журналист «Сибирских отголосков», приводил аргументацию докладчика более подробно, пересказывая письмо Толстого к Александру III, в котором он находил, что «борьба с революционерами путем их истребления нецелесообразна, так как сила революционеров не в численности их; бороться с ними надо духовно, выставив такой идеал, какой был бы выше их идеала и включал бы в себя идеал любви, прощения и воздаяния добром за зло».

Материалы томских журналистов показывают, что мнение Толстого, «живого классика», приводилось в качестве одного из основных аргументов против смертной казни.

Нельзя не отметить, что имя Толстого в этой общественной дискуссии встречалось и «с другой стороны» – с ним спорили представители «правых сил», и в частности томская черносотенная «Сибирская правда». В первом номере за 1910 год здесь появилась перепечатка из газеты «Земщина» – «Обращение В. Шульгина к графу Л. Толстому», в котором «правый» депутат обвиняет «старого графа» в том, что тот «в холе, в тепле, в довольстве, в безопасности» из Ясной Поляны «поучает»: «Не противьтесь злу, христиане», в то время как «кругом ад», «проклятая революция вытравила в сердцах человеческих все, что в них было человеческого», и «зверь» готов расправиться со всеми, в том числе и с графом, и его семьей. «Мы, властители, мы, законодатели, мы, судьи, мы начнем и свершим борьбу со зверем, и когда кончим свое черное и кровавое дело, пойдем отдавать ответ Господу Богу»,

[1] *Сибирская* жизнь. 1910. № 39; *Сибирские* отголоски. 1910. № 29, 31.

пишет Шульгин, а «престарелый писатель» «пусть остается чистым, неокровавленным».

Особое значение для томского читателя имела информация, в которой прослеживался «томский след» в окружении Толстого. К таким относилось, например, опубликованное в «Сибирской жизни» (раздел «Томская жизнь») сообщение о том, что «кончивший томскую гимназию В.Ф. Булгаков, сотрудник нашей газеты… в настоящее время состоит личным секретарем великого писателя»: «г. Булгаков был приглашен в Ясную Поляну в январе этого года в качестве заместителя административно высланного Н.Н. Гусева. Со второй половины января г. Булгаков живет там постоянно, непосредственно помогая Льву Николаевичу в его работах, а также подготовляя для печати свою книгу о Толстом – популяризацию его учений и взглядов. Недавно г. Булгаков устраивал народный спектакль в имении В. Г. Черткова Телятники (в 3 верстах от Ясной Поляны). Лев Николаевич этим спектаклем очень интересовался»[1]. Сообщение о бывшем томском гимназисте – личном секретаре Л.Н. Толстого – создавало у сибирского читателя чувство сопричастности к жизни великого писателя, пробуждало гордость за своего земляка.

Известие о бывшем личном секретаре Л.Н. Толстого Н.Н. Гусеве появилось также в рубрике «Русская жизнь»: сообщалось, что он прислал письмо из Пермской губернии, «куда был выслан административным порядком». Гусев написал о новом обыске, очень взволновавшем его. Л.Н. Толстой также узнал «о новом со мной несчастии» и прислал «письмо – очень трогательное». В газете публикуется отрывок из письма Толстого, где он советует «в дурные минуты» думать «о том, что с вами случилось. Это тот материал, над которым вы призваны работать. Мне, по крайней мере, эта мысль и чувство, вызванное ею, всегда помогали очень. Прощайте, милый друг! Постараемся подняться на ту высоту, на которой безразлично видеться или не видеться до смерти и сейчас умереть или через неизвестное число лет. Подняться и держаться на этой высоте мне легче с моей старостью. Вам с вашей молодостью труднее. Но все-таки вы можете»[2]. Этот отрывок показывает, что в последние месяцы жизни Толстой много размышлял о смерти, и, по сути, заранее прощался со многими близкими ему людьми.

Толстой постоянно появлялся на страницах томских газет не только как общественный деятель, но и как писатель, мыслитель, фило-

---

[1] *Сибирская* жизнь. 1910. № 103.
[2] *Там же*. 1910. № 121.

соф. Так, в рубрике «Сибирской жизни» «В мире науки, литературы и искусства» произведения Толстого рекомендуются для детей; кроме того, в этом же номере редакция поместила сообщение о том, что «графиня С.А. Толстая передала редакции журнала “Русская старина” заметку Льва Николаевича о самоубийстве», и кратко передала содержание этой заметки, в которой доказывается, что дело не в том, «имеет ли право человек лишать себя жизни» («конечно, имеет»), а в том, что «самоубийство неразумно и безнравственно»[1]. К этому вопросу редакция возвратилась еще раз более подробно в материале «Л.Н. Толстой о самоубийстве», анализируя все тот же материал из «Русской старины», только более детально, что показывало, какое большое значение придавала редакция «Сибирской жизни» и поднятому вопросу, и мнению Толстого по этому поводу[2].

В обзоре событий в мире науки, литературы и искусства редакция «Сибирской жизни» также обращала внимание своих читателей на «интересный “Сборник литературного фонда”, изданный по случаю 50-летнего юбилея фонда», поскольку здесь «помещены произведения многих виднейших представителей современной русской литературы – художественной, публицистической и научной». И первым автором, о котором упоминала «Сибирская жизнь», был Л.Н. Толстой: в сборнике он «поместил “Единую заповедь” и рассказы “Песни в деревне” и “Разговор с прохожим”»[3].

Довольно часто имя Толстого встречалось на страницах «Сибирской жизни» в связи с деятельностью издательства «Посредник». В этом издательстве выходили статьи Толстого, которые рекомендовались «общественным организациям, преследующим просветительные цели». Например, в борьбе с пьянством: «1. Для чего люди одурманиваются. Л.Н. Толстого. 2. Его же. Богу или мамоне. 3. Вино – яд и 4. Грех и безумие пьянства»; среди «общедоступных изданий» также были «Изречения Магомета» Л.Н. Толстого и «Изречения китайского мудреца Лао-тзе». Один из материалов «Сибирской жизни» так и назывался – «Посредник»: он был посвящен 25-летию деятельности этого издательства, которое отмечалось 25 апреля. Автор пишет, что «русскому обществу хорошо известно имя “Посредник”», и прежде всего потому, что оно «связано с другим именем, дорогим нам и всему культурному миру, – именем великого писателя Л.Н. Толстого,

[1] *Сибирская* жизнь. 1910. № 64.
[2] *Там же*. 1910. № 70.
[3] *Там же*. 1910. № 73.

который является одним из вдохновителей этой фирмы». Заканчивая этот материал, автор «Сибирской жизни» приводит список «новых изданий “Посредника”, на днях присланных в редакцию»: список этот открывают произведения Толстого в разделе «общедоступные издания (ц. 1–4 к.)»: «1. Л.Н. Толстой. Зерно с куриное яйцо; 2. Его же. Свечка; 3. Его же. Для совести (изречения мыслителей); 4. Под его же редакцией. Конфуций, его жизнь и учение»[1].

В «Сибирских отголосках» информации о художественных произведениях Толстого было на порядок меньше, но и здесь можно найти такие материалы, как «Новое произведение Л.Н. Толстого» (о комедии «Долг платежом красен»)[2].

Наконец, отрывки из произведений Толстого использовались в качестве эпиграфов к литературным произведениям, опубликованным в «Сибирской жизни»: так, к рассказу «На земле» его автор, Г. Вяткин, предпослал следующие строки: «Счастье – это быть с природою, любить ее, говорить с нею. Л. Толстой».

Имя Л.Н. Толстого появлялось и на первых, рекламных, полосах томских газет: так, на страницах «Сибирской жизни» в январе – сентябре 1910 года публиковалась реклама граммофонных пластинок с голосом писателя «Живые слова Льва Николаевича Толстого», а «Сибирские отголоски» извещали своих читателей, что в Железнодорожном собрании «в пользу Общества учащихся идет “Власть тьмы”».

Резким диссонансом звучали в этом диалоге прессы и читателей о Толстом высказывания «Сибирской правды», которая не стеснялась в выражениях, когда дело доходило до религиозности Толстого. Ярким примером может служить небольшая статья Михаила Сырокомли-Сопоцько под названием «Как хоронить яснополянского шарлатана», в которой автор напоминал, что «лет восемь назад Св. Синод распорядился по Империи, чтобы никто из православных иереев не дерзал, в случае смерти основателя богохульной толстовщины, хоронить его труп по православному обряду и с пением “со святыми упокой!” – что, конечно, было бы таким поруганием нашей веры, какое послужило бы к отменному удовольствию всем кощунникам». Но, добавлял автор, «граф Толстой – живуч: смерть, должно быть, по нынешним временам уклонилась в толстовщину и стала в тупик перед “бессмертным”, “славным”, “великим”… разбойником пера».

---

[1] *Сибирская* жизнь. 1910. № 70, 83, 90.
[2] *Сибирские* отголоски. 1910. № 81.

Призывая всех священников к соблюдению установленного правила, он восклицал: «Не забывайте: граф Толстой предан анафеме, отлучен от церкви, обречен на вечную гибель, ибо вне Церкви, а особенно при хулении Ее, спасение невозможно. Довольно было ему ругаться над Невестой Христовой церковью при жизни: не дадим ему, подлому, поругаться над нею и после смерти!»[1]. Агрессивный тон, исступленная нетерпимость были характерны и для других высказываний авторов «Сибирской правды» (и не только по отношению к Толстому).

Необходимо отметить, что 1 мая 1910 г. в «Сибирской правде» появилась публикация «Нашим анонимам», которая дает основание считать, что один из читателей газеты выступил в защиту Толстого, подписавшись «Крестьянин». Газета же считала, что, «заступаясь за известного развратителя нравственности и кощунника графа Л. Толстого, наш аноним этим самым доказал, кто он таков в исполнении религиозных обрядностей».

«Сибирская правда» была вполне солидарна с «Земщиной» в том, что «Толстой является символом отрицания всего, чем живо Русское государство», и также недоумевала относительно того, «уместны ли вокруг его имени бесконечная шумиха и беспрестанные напоминания о нем», однако не без удовольствия ссылалась на его авторитет в случае, например, употребления слово «жид»: оно встречается в произведениях Толстого и, судя по переписке, писатель считал это слово «определением национальности, как, например, француз и т.д.»[2].

В «Томских епархиальных ведомостях» о писателе нет никаких сведений (что неудивительно), а вот в «Томских губернских ведомостях» имя Толстого можно было постоянно встретить на первой полосе газеты: в «Официальном отделе», в «Циркулярах Главного управления по делам печати» – в той части, где речь шла об аресте и уничтожении книг и брошюр[3].

И только один раз в 1910 году Толстой был упомянут в «Томских губернских ведомостях» в отделе неофициальном – в связи с антиал-

---

[1] *Сибирская* правда. 1910. № 15.

[2] *Там же*. 1910. № 35.

[3] В 1910 г. подлежали уничтожению следующие издания:

Толстой Л.Н. Конец века. О предстоящем Перевороте (Статья написана в декабре 1905 года). СПБ.: Обновление, 1906.

Толстой Л.Н. Где выход (О положении рабочего народа). СПБ.: Обновление, 1906.

Толстой Л.Н. Патриотизм и правительство. СПБ.: Обновление, 1906.

Толстой Л.Н. Единое на потребу. О государственной власти. СПБ.: Обновление, б.г.

Толстой Л.Н. Единое на потребу и другие произведения. М.: Т-во типолитография Вл. Чичерина, б.г.

Толстой Л.Н. Экзекуция. Стыдно. Ростов-на-Дону: Книгоиздательство «К свету», б.г.

когольным съездом, которому в газете была посвящена статья «Против зеленого змия». Автор указывал, что «думский депутат от Самары, Челышев, с благословения Л. Толстого, предлагал в целях борьбы с народным пьянством печатать на ярлыках водочной посуды «Водка – яд»[1]. Это средство газета называла «наивным», считая, что от водки «не ярлыками надо отпугивать», а уничтожать «этот самый яд», делать его недоступным для народа.

Таким образом, и до сенсационного известия об уходе Толстого имя его не сходило со страниц периодической печати не только общероссийской, но и местной, поскольку читатели живо интересовались жизнью и мнениями «живого классика». Что касается печати официальной, то она демонстрировала неустанную борьбу правительства с произведениями Толстого путем ареста и уничтожения изданий.

Информационная картина постепенно стала меняться после получения известий об исчезновении Толстого. Первое сообщение достигло Томска в момент подготовки новых газетных номеров от 31 октября – и в «Сибирской жизни», и в «Сибирских отголосках» это известие помещено только на четвертой полосе, после всех материалов. В «Сибирской жизни» это «Вечерняя телеграмма о Л.Н. Толстом (От С.-Петербургского телеграфного агентства)», в которой подробно описывается происшедшее: «Москва, 30 октября. В 4 ч. утра “Русские ведомости” получили из Тулы телеграмму, что Лев Николаевич Толстой 28 октября велел заложить лошадей и вместе с доктором Маковецким уехал в Щекино, откуда по железной дороге отправился на юг. В оставленной на имя жены записке Толстой пишет, что его тяготит обстановка жизни и что он чувствует потребность в уединении. Просит не делать попыток отыскивать его. Трогательно прощается со своим семейством и говорит, что, как истый христианин, он должен жить в мире и ни в каком случае не вернется. Место пребывания Толстого неизвестно»[2].

В «Сибирских отголосках» же появилась одна строчка в рубрике «Известия за день»: «Таинственный отъезд Л.Н. Толстого. В газете “Русские ведомости” сообщают из Тулы о таинственном исчезновении Л.Н. Толстого»[3].

«Сибирская жизнь» практически сразу же отреагировала на это известие попыткой осмыслить происходящее: уже в следующем номере

---

[1] *Томские* губернские ведомости. 1910. № 14.
[2] *Сибирская* жизнь. 1910. № 242.
[3] *Сибирские* отголоски. 1910. № 73.

появляется материал, подписанный «В.Н.Л.» «Драма великой души (к исчезновению Л.Н. Толстого)», в котором автор размышляет о противоречии между тем, к чему призывал писатель, и реальным положением дел, которое, возможно, и привело к тому, что «драма великой души достигла последнего акта». Однако затем на первое место выходит задача информирования читателей о ходе событий: каждый номер открывается традиционном разделом «Телеграммы», в котором первым делом теперь ставятся сообщения о Толстом, сначала под рубрикой «Вести о Л.Н. Толстом». Причем в № 244 первыми идут телеграммы о писателе из Калуги и только потом – телеграммы под рубрикой «Возвращение Государя из-за границы» (эта ситуация заставляет вспомнить хрестоматийный вопрос А.С. Суворина из его дневника: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее?»)[1].

С 5 ноября 1910 года рубрика поменялась на «Болезнь Л.Н. Толстого», а 7 ноября практически целая полоса вышла под «шапкой» «Лев Николаевич Толстой»: здесь опубликован целый блок материалов, посвященный теме отъезда Толстого, его путешествия, реакции на это событие со стороны близких, родных, знакомых. Первый материал – письмо А.К. Чертковой профессору Томского технологического института В.Н. Джонсу, которое было предоставлено в распоряжение редакции «Сибирской жизни»; это письмо одновременно дополняло известные сведения подробностями о том, что происходило после ухода Толстого, и показало читателям «прямую связь» Томска и Ясной Поляны.

Затем был помещен «Телеграфный бюллетень о здоровье Л.Н. Толстого», а после него – «Печать о Толстом», своеобразный «дайджест», который предварялся следующим высказыванием «Сибирской жизни»: «Отъезд великого старца из Ясной Поляны отразился в русском обществе величайшим движением, и полученная вчера столичная почта горячо, нервно и с воодушевлением обсуждает этот неожиданный шаг, больше лишь с фактической стороны. Мы не ошибемся, если скажем, что ни одно событие со времени 1905–1906 годов не потрясало, не ошеломляло так русское общество, как то, о котором теперь идет речь»[2]. Завершали подборку материалов «Письмо Л.Н. Толстого» и «Отъезд Л.Н. Толстого» (восстановленная хроника происходящих событий из «Русских ведомостей»).

---

[1] *Сибирская* жизнь. 1910. № 243–245.
[2] *Там же*. 1910. № 248.

Газета «Сибирские отголоски» со 2 ноября 1910 г. стала выходить под названием «Сибирское слово» и с новой нумерацией. И в первых номерах «Сибирского слова» информация о Л.Н. Толстом публиковалась только в разделе «Известия за день», это короткие телеграфные сообщения, иногда под рубрикой «К отъезду Л.Н. Толстого». Так же как в «Сибирской жизни», 7 ноября здесь помещена подборка материалов под общим заголовком «Лев Николаевич Толстой (из газет)». В нее вошли такие материалы, как «Отъезд Л.Н. Толстого», «Граф Л.Н. Толстой в Оптиной пустыни», «Одно из последних писем Л.Н. Толстого» (опубликованное в том же виде и в «Сибирской жизни»), «Болезнь Л.Н. Толстого» (с подзаголовками «Консилиум», «Телеграмма митрополита Антония», «Дополнительный бюллетень»). Из этих материалов особенно любопытным является напечатанный отрывок из беседы Л.Н. Толстого с писателем К.Н. Леонтьевым, состоявшейся во время посещения Толстым Оптиной пустыни. Леонтьев во время разговора «вспылил»:

– Как это возможно, чтобы здесь, в пустыни, быть, где такой старец, как о. Амвросий, и говорить о своем Евангелии? Это можно разве в какой-нибудь глуши, в Томске что ли!

Толстого эти слова обидели.

– Что же? – резко ответил он ему, – у тебя много знакомых, пиши в Петербург, может быть, сошлют меня в Томск»[1].

В этом диалоге обращают на себя внимание (кроме противостояния «официального» публициста, защитника реакции Леонтьева и «великого старца») также два момента. Во-первых, Томск, несмотря на работу в нем трех высших учебных заведений и «приближение» Сибири к Европейской России благодаря Транссибу, в сознании россиян по-прежнему оставался классической, хрестоматийной «глушью», куда можно разве что сослать. И второе – благодаря этому он ощущался территорией свободы, где можно основать новую веру, свое Евангелие.

Картину томской жизни осенью 1910 года дополняют сведения из архивного дела «О смерти Толстого Л.Н.», в котором представлены телеграммы, секретные донесения, рапорты, свидетельствующие о большой тревоге, с какой ожидали власти известия о смерти великого русского писателя, и что предпринимали для соблюдения порядка в Томске и Томской губернии после получения печального известия.

---

[1] *Сибирское* слово. 1910. № 6.

Отправленная томскому губернатору еще 5 ноября из Петербурга экстренная телеграмма гласила: «Если в случае смерти графа Льва Толстого поступят просьбы о служении панихид, не оказывайте противодействия и предоставьте всецело разрешение этого вопроса местной духовной власти. За устроителями и присутствующими на панихидах благоволите приказать учредить неослабное наблюдение и никоим образом не допускайте никаких выступлений противоправительственного характера»[1].

На следующий день, 6 ноября 1910 г., в Томск была доставлена телеграмма следующего содержания: «Случае смерти Льва Толстого, если учебным начальством высших учебных заведений будут разрешены сходки студентов по этому поводу, не оказывайте противодействия при соблюдении условий, в законе указанных. Необходимо: первое – чтобы на сходках не было резолюций с призывом каким-либо демонстрациям, второе – чтобы не было резолюций порицания Свят. Синоду или правительству»[2]. На основе этой телеграммы были составлены письма ректору Томского университета, директору Томского технологического института, попечителю Западно-Сибирского учебного округа, информирующие их об указаниях Министерства внутренних дел[3]. Это позволяет сделать вывод о том, что правительство ожидало общественного резонанса от известий о смерти писателя, и прежде всего в связи с отлучением его от церкви.

Наконец, 8 ноября 1910 года, когда стало известно о смерти Л.Н. Толстого, томский губернатор получил телеграмму, дополняющую уже сделанные указания: «Ввиду последовавших инструкций о том, чтобы члены администрации не чинили препятствий духовным лицам служении панихид по скончавшемуся графу Льву Толстому, благоволите принять меры к тому, чтобы публикации в газетах о служении панихид допускались на иначе как с разрешения полиции по получении письменного извещения подлежащего духовного лица в том, что панихида действительно будет служиться, дабы под предлогом служения панихиды не организовались бы в определенном месте собрание публики с целью противоправительственных демонстраций»[4].

Известие о смерти Л.Н. Толстого было получено в Томске 7 ноября. Местные газеты к этому времени уже вышли и не смогли опублико-

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1856. Л. 10.
[2] *Там же*. Л. 11.
[3] *Там же*. Л. 15.
[4] *Там же*. Л. 17.

вать сообщение о кончине великого писателя. Из-за производственного графика газета «Сибирская жизнь» не вышла и 8 ноября 1910 года, зато шанс оперативно откликнуться на печальное событие получило «Сибирское слово».

Первая полоса «Сибирского слова» в тот день выглядела необычно: она была поделена горизонтальной линией на две части. Вверху остались традиционные рекламные материалы, а нижняя часть была «отбита» словами «Лев Николаевич Толстой» в черной траурной рамке. В центре был помещен потрет Л.Н. Толстого, вокруг него расположились «Телеграммы»: «Кончина Льва Николаевича Толстого». Жирным шрифтом было набрано: «Толстой скончался в 6 час. 5 минут утра 7 ноября», после чего шли телеграммы о распоряжениях к похоронам, об экстренных выпусках газет и о других событиях, связанных с кончиной писателя. В центре полосы было помещено короткое авторское выступление под заголовком «Обнажите головы…» – эмоциональное обращение публициста к читателям:

«Перед печальной вестью обнажите головы…

Умер Лев Николаевич Толстой.

Плачь сердце!

Порвалась божественная нить, связывающая людскую пыль в единое существо человека…

Рыдай, безутешное!..

Умер великий печальник земли»[1].

Следующий материал «К смерти поборника правды» начинался воспоминанием о праздновании 28 августа 1908 года 80-летия Толстого, которое превратилось «в целое политическое событие, в целую литературную эпоху, осветившую в широком объеме большую жизнь большого человека». Но теперь «литературное торжество превратилось в мировую скорбь»; автор характеризует Толстого как «одного из тех величайших людей, имя которого связано с историей мысли всех культурных наров, независимо от их национального развитии, принципов жизни и миропонимания». Он сравнивает Толстого с Гюго, так как это «личности, бессмертие и слава которых связаны с величайшей популярностью среди самых глубоких народных низов, куда только может проникнуть свет печатного слова»[2].

---

[1] *Сибирское* слово. 1910. № 7.

[2] *Там же.*

Наконец, на первой же полосе был помещен материал «К биографии Л.Н. Толстого», который напоминал читателям вехи жизненного и творческого пути писателя.

Разговор о Толстом продолжается и на второй полосе газеты; здесь использованы материалы столичной прессы – телеграммы о том, как была воспринята весть о смерти Толстого в России и за границей, письмо в редакцию «Русских ведомостей» В. Черткова, мнение П. Кропоткина о Толстом (из «Утра России»), заявление А.Л. Толстого «Новому времени», а также стихотворение «На смерть Толстого» Д. Гроздова.

В рубрике «Томская жизнь» можно найти краткое описание того, как реагировали томичи на печальное известие. Сообщалось, например: «Соединенное заседание Императорского Русского технического общества и союза сибирских инженеров для заслушания доклада о перспективах хлебного экспорта из Сибири ввиду национального горя почтило память Л.Н. Толстого вставанием и постановило закрыть заседание в знак траура. Собрание отложено на вторник в 7 час. вечера в горной аудитории». Далее говорилось, что «Общественное собрание постановило не допускать в течение трех дней никаких увеселений и зрелищ в помещении собрания. Детский вечер, назначенный в воскресенье, по случаю кончины Л.Н. Толстого не состоялся. В технологическом институте происходила сходка по академическим вопросам. По получении известий о кончине Толстого академическую сходку постановили закрыть, память почтили вставанием и пропели вечную память. Семье Толстого решено послать телеграмму о соболезновании в знак траура и постановили в течение трех дней не производить никаких учебных занятий. Это постановление развешано по стенам коридора института».

Хроника событий включала сообщение «На улицах»: «После выхода телеграмм, известивших о смерти Л.Н. Толстого, на улицах замечался особый подъем и оживление. Телеграммы раскупались нарасхват. Особенно интересно отметить, как к киоскам и продавцам газет подходили группы мужичков и спрашивали «что-нибудь поподробнее о смерти Л.Н. Толстого». Вечером на улицах, особенно около «иллюзионов», наблюдались усиленные наряды полиции». Под общим заголовком «В учебных заведениях» помещалась информация по каждому из трех томских вузов:

«Технологический институт. В понедельник, 8 ноября, занятий в институте нет. Комиссией студентов, выбранной на сходке, послана 7 ноября следующая телеграмма: «Астапово. Владимиру Григорьевичу

Черткову. “Глубокой болью в сердцах томских студентов-технологов отозвалась страшная весть о кончине учителя правды, царя духа, великого писателя земли русской! Вечная память, вечная любовь Великому из Великих – Льву Толстому!”. Лекции профессорами не читаются. Возбужденные, студенты группами собираются в вестибюле института, собираясь направиться к университету, чтобы совместно почтить память Л.Н. Толстого.

В университете. С утра в понедельник происходила сходка студентов-универсантов по поводу смерти Л.Н. Толстого. Студенты-технологи и посторонняя публика в университет не допускаются. Занятий не производится. Около института и университета дефилируют конные стражники. Настроение повышенное.

Высшие женские курсы. На высших женских курсах абсолютная пустота. Курсистки отправились для почтения памяти Л.Н. Толстого совместно с другими высшими учебными заведениями. Занятий нет».

Сообщалось также, что были временно прекращены занятий в зубоврачебной школе и других учебных заведениях.

«Сибирское слово» рассказало также о шествии: «Вышедшие со сходки студенты университета были встречены огромным числом студентов-технологов, собравшихся к этому времени у здания университета. Перед портретом Л.Н. Толстого, украшенного живыми цветами, была пропета “Вечная память”. Потом шествие направилось по Почтамтской улице к зданию института, где еще присоединилось много студентов. После исполнения “Вечной памяти” студенты громадной толпой направились в город, но у входа в университетский двор были встречены полицмейстером с нарядом полиции, преградившим путь. После этого было решено разойтись»[1].

Обращает на себя внимание оперативность журналистов, которые дали материалы в номер буквально «с колес»; об этом говорит и местоположение этого материала – в заключении номера, когда набирались последние строки, и большое количество ошибок. Необходимо также отметить, что известие о смерти Толстого объединило студентов Томска – они стремились встретиться, чтобы вместе пережить горе, почтить память великого писателя.

Однако имеются свидетельства и о том, что происходило в Томске с «другой стороны». Начальник томского охранного отделения 8 ноября 1910 года представил губернатору донесение с пометками «Совер-

[1] *Сибирское* слово. 1910. № 7.

шенно секретно. Лично. Срочно», в котором писал: «По полученным мною агентурным сведениям, студенты томского Технологического института, собравшись в воскресенье, 7 сего ноября, в 2 часа дня, на разрешенную администрацией института сходку, решили почтить память умершего графа Толстого прекращением занятий в течение трех дней. Выйдя из здания института в значительном количестве (человек около 500), студенты с пением “Вечная память” прошли к Императорскому Томскому университету и затем разошлись. Несколько человек студентов-технологов и университантов делали попытки закрыть представление в местных электротеатрах, но попытки эти не увенчались успехом благодаря принятым мерам чинами общей полиции»[1].

Более подробно реакцию томского общества на известие о смерти Л.Н. Толстого описал томский полицмейстер: «7 сего ноября, около 4 часов вечера, по телефону мною были получены сведения, что около Технологического института толпа студентов в числе около 300 человек, собравшихся там по случаю бывших в горном корпусе и физической аудитории института собраний Общества сибирских инженеров и членов аэрокружка, узнав о смерти графа Л.Н. Толстого, запела “Вечную память”. Экстренно командированному наряду полиции удалось без всяких особенных происшествий прекратить пение, и студенты группами разошлись по улицам. Из общей толпы человек 50 студентов-технологов отдельными группами пошли по Почтамтской улице и стали обращаться к содержателям электротеатров с требованием закрыть таковые для представлений по случаю смерти Толстого. Получив отказ содержателей исполнить эти требования, а также ввиду равнодушного отношения к событию публики, бывшей в электротеатрах, и появления у электротеатров нарядов полиции, представления в таковых пошли в обычном порядке и до конца продолжались без нарушений <часть документа оборвана и утрачена безвозвратно> входных дверей Собрания в надписью «По случаю кончины Л.Н. Толстого сегодня собрание закрыто», но таковой был снят чинами полиции. Вечер не состоялся.

В Железнодорожном собрании литературно-музыкальный вечер в пользу недостаточных студентов Нижегородского землячества не состоялся за неприбытием на вечер исполнителей.

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1856. Л. 20.

В Ремесленном собрании народное чтение и спектакль состоялись, несмотря на то что человек пять студентов являлось туда с требованием не открывать игры.

В Бесплатной библиотеке спектакль состоялся и танцы продолжались после спектакля до двух часов ночи, без всякого нарушения.

В Коммерческом собрании литературно-музыкальный вечер прошел также в полном порядке.

Движение по улицам было нормальное и в общем, несмотря на значительное число гуляющих по случаю праздничного дня, порядок был образцовый и ничем не нарушался.

Об изложенном докладываю Вашему превосходительству и присовокупляю, что в общей массе публики известие о смерти графа Толстого не имело никакого заметного значения». К донесению приложен разлинованный листочек, на котором черными чернилами каллиграфически выведено: «По случаю кончины Л.Н. Толстого, сегодня Собрание закрыто» – видимо, сорванный томским полицмейстером[1].

Кроме этого рапорта, томский полицмейстер в тот же день составил дополнение, в котором указал, что «сего числа в Томскую мужскую гимназию к началу занятий ученики явились обычным порядком, но не учились. Инспектор училищ Поляков и учителя Василевский и Мирам, за которым директором училища было послано, но тем не менее означенные лица явиться для занятий не пожелали, ввиду чего 7-й класс гимназии был от занятий на сие число освобожден»[2].

Во втором рапорте томского полицмейстера от 9 ноября 1910 г. содержится описание событий, произошедших в Томске накануне: «8 сего ноября, около 1 ч. дня, выехав из полицейского управления, я узнал, что из здания Технологического института вышла в несколько сот человек толпа студентов-технологов с портретом умершего накануне писателя графа Л.Н. Толстого и что толпа эта намерена была пройти с пением “Вечной памяти” на Новособорную площадь. Выехав на означенную площадь, я заметил вдали двигающуюся по Садовой улице большую топу, почему тотчас же у магазина Братьев Форер сделал по телефону распоряжение помощнику своему Амшинскому немедленно послать на Садовую ул. приготовленный при Полицейском управлении наряд конных стражников 4-го полицейского участка, а также и собранных на случай надобности конных стражников из остальных полицейских участков, а сам, не ожидая прибытия вызванных нарядов, поехал на-

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1856. Л. 22–23.
[2] *Там же*. Л. 24.

встречу толпе, которую и встретил на Садовой улице возле университетских ворот. Остановив толпу, я приказал студентам разойтись и прекратить шествие, предупредив, что при неисполнении буду вынужден употребить силу. Толпа студентов без особых противоречий вместе с <слово утрачено> потом отправилась к зданию университета, а оставшаяся на улице толпа студентов в числе до 400 человек была рассеяна прибывшими нарядами конной стражи. Часть стражи мною была направлена для поддержания порядка в университетскую ограду, причем вскоре из университета возвратились некоторые студенты и заявили, что студенчество решило шествие прекратить и разойтись по домам, что ими и было исполнено.

Из общей толпы студентов я заметил лишь одного лично мне известного студента медицинского факультета Томского университета Григория Григорьевича Гуляева, несшего с другим студентом портрет графа Л.Н. Толстого»[1].

Если студенты, потрясенные известием о смерти Толстого, обращались к томскому обществу с требованием отменить увеселительные мероприятия в знак траура по великому писателю, а большинство публики, по свидетельству томского полицмейстера, восприняло эту новость достаточно равнодушно, то черносотенный Союз русского народа в эти дни затеял целый процесс по обвинению в нападении на киоск гимназистов, требовавших «прекращения торговли по случаю смерти графа Толстого»[2].

Наконец, 9 ноября 1910 года вышла и «Сибирская жизнь». Практически весь разворот газеты – 2-я и 3-я полосы – был посвящен памяти Л.Н. Толстого. По краю страниц шла черная траурная рамка, были воссозданы события 7 ноября (подборка телеграмм Санкт-Петербургского телеграфного агентства), опубликованы материалы томских профессоров: И.А Малиновского «Умер Толстой» и В.Н. Джонса «Памяти великого учителя».

Малиновский делился с читателями своими чувствами, признаваясь: «Нет слов, достаточно сильных для выражения всей тяжести утраты, всей остроты боли по поводу ее. Но нельзя молчать. Нельзя не поделиться мыслями и чувствами, волнующими каждого члена великой семьи современного культурного человечества». Он также подчеркивал всемирное значение творчества Толстого, его общечеловеческую значимость, называя «нашей совестью, совестью современного

[1] *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1856. Л. 25.
[2] *Там же*. Л. 29–42.

культурного человека». Со смертью писателя «навсегда замолк голос, будивший нашу совесть», «навсегда ушел туда, откуда нет возврата, тот, каждому слову которого внимал весь мир».

В свою очередь, профессор Джонс подчеркивал, что «каждый из нас испытал на себе то или иное влияние Льва Николаевича Толстого, одни как мыслителя, другие как моралиста, и все как величайшего художника. Одни благоговели перед ним, другие соглашались, третьи спорили, четвертые яростно нападали на него, но лишь немногие клеветали на Льва Николаевича, считая его лицемером». Свое выступление Джонс заканчивал словами: «пусть эти нескладные строки будут каплей благодарности того, кто так долго пользовался общением и духовной поддержкой отошедшего от нас гения, слова которого: “Берите как можно менее, давайте как можно больше, не забывая при этом любви” озаряли жизнь».

Следующим был поставлен биографический очерк «Жизнь и учение Л.Н. Толстого», подписанный «П. Юж-ин», затем аналитическая статья Ф. Борисенко «Величайший художник». Все это авторские материалы местных публицистов – в отличие от «Сибирских отголосков», где в основном использовались перепечатки из столичных изданий. Но и здесь есть материалы из других газет, в первую очередь это письма – «Письмо Л.Н. Толстого» (из «Русского слова») и «Письмо Черткова» («из «Русских ведомостей»), а также подборка известий из-за границы: «Впечатления в Европе». Завершают комплекс материалов разделы «В томском студенчестве» (обзор событий в Томске 7 и 8 ноября) и «Вечерние телеграммы».

Таким образом, «Сибирская жизнь» в освещении событий, связанных с кончиной Л.Н. Толстого, сделала упор на аналитику, на авторские материалы сотрудников газеты, пользующихся известностью и уважением в томском обществе (профессоров Малиновского и Джонса), которые к тому же были лично знакомы или состояли в переписке с Л.Н. Толстым.

Необходимо отметить, что тема, которую можно условно назвать «Толстовские дни в России и в Томске», оставалась в «Сибирской жизни» ведущей практически до конца 1910 года. Сначала в номерах газеты Толстому посвящались целые полосы, размещались броские «шапки» «Похороны Л.Н. Толстого», «О Л.Н. Толстом», «Толстовские дни в Томске», которые позволяли читателям быстро найти интересующие их материалы. Затем Толстому посвящались отдельные материалы, но появлялись они из номера в номер достаточно регулярно. Той же по-

литики придерживалось и «Сибирское слово»: материалы о Толстом здесь выделяются на полосах более крупными заголовками, нередко в рамочках.

Обе ежедневные томские газеты посвятили толстовской теме отдельные приложения: приложение к № 7 (9 ноября 1910) «Сибирского слова» и иллюстрированное приложение к № 251 (11 ноября 1910) «Сибирской жизни».

В приложении к «Сибирскому слову» были помещены материалы «Трагедия великой души» Вяч. Севастьянова, «Шамардинский монастырь» (перепечатка из столичной газеты), «Великий скиталец» (письмо из Петербурга, подписанное «Л. Чужой») и «Одно из последних писем Толстого». В них «красной нитью» проходит мысль о трагическом разладе убеждений Толстого и его образа жизни, о его стремлении к другой жизни, которое не разделяло его окружение.

Иллюстрированное приложение к «Сибирской жизни» включало в себя три материала: «Страшно жить…» (подписано «Ф. Б-о»), «Л.Н. Толстой по воспоминаниям одного из знавших его (Беседа с В.Н. Джонсом)» (автор – В. Крутовский) и «Толстой и японцы» (подписан «И.П.»).

Первый из них начинался с цитаты из журнала «Образование», который два года назад писал: «Есть великая и трогательная радость в сознании того, что здесь, в нашей безмерно огромной, но бедной, великой, но обиженной радостями стране – вместе с нами живет и мыслит этот великий дух, больше трех четвертей века бьется это чудесное сердце, откликающееся на всякое биение жизни… С Толстым радостно, без Толстого страшно жить…». И вот – «момент наступил.. Великий дух уже не мыслит вместе с нами», и автор подтверждает: действительно, «без него страшно жить», потому что «нет более среди нас крупнейшего авторитета в самых мучительных вопросах, волнующих человеческую душу, не изречет он более своего приговора, доставлявшего неизмеримо высшее удовлетворение, чем все человеческие суды, взятые вместе».

Если первый материал носит характер размышления над феноменом буквально всемирного горя по кончине Толстого, то второй – это воспоминание о хорошо знакомом и дорогом человеке, каким предстает перед читателем великий писатель через призму восприятия его профессором Томского технологического института В.Н. Джонсом. Здесь рассказывается о том, как В.Н. Джонс, тогда еще студент Петербургского технологического института, в 1888 году познакомился с

Толстым в Ясной Поляне. Автор материала – Вс. Крутовский – приводит детали первой встречи Джонса с Толстым, говорит о «потрясающем» впечатлении, которое произвел Толстой, о «простоте и чарующей искренности» писателя. С того времени Джонс встречался с Толстым ежегодно, причем знакомство продолжилось и после перевода уже профессора Джонса в Томск в 1900 году. Автор материала описывает разные ситуации, в которых Толстой предстает как глубокий мыслитель и тонко чувствующий человек, передает его мнение о событиях 1905 года, о народном образовании и т.д.

Наконец, материал «Толстой и японцы» посвящен восприятию Толстого на Востоке – японцами, которые «открыли» для себя писателя после Русско-японской войны, предпочтя его «модному» в то время молодому Горькому. Этот материал подчеркивает общечеловеческое значение таланта писателя, ведь в его произведениях речь идет «о царстве Божием, о братстве людей и народов».

Многие материалы «Сибирской жизни» показывают, что публицистов потрясли последние слова Толстого о «миллионах несчастных, рассеянных по свету»; в освещении сюжета «Толстой и японцы» это слова называются «пророчеством».

Обращает на себя внимание подбор иллюстраций в приложении: здесь, кроме портрета Л.Н. Толстого, дается фотокопия его рукописи (с много раз перечеркнутыми строчками, как бы показывающими, как писатель размышлял над каждым словом, искал то, которое бы точнее выразило его мысль), изображение дома, в котором родился Толстой, несколько копий с картин Репина – «Толстой за работой в Яснополянском кабинете», «Толстой косит», и фотография «Толстой в Ясной Поляне и дерево бедных». Изобразительный ряд подчеркивал основную мысль текстовых публикаций – его серьезность, увлеченность делом, близость к народу.

Из последующих номеров «Сибирской жизни» и «Сибирских отголосков» восстанавливается картина того, как Россия откликнулась на кончину великого писателя. «Сибирская жизнь» помещает информацию о почтении памяти Л.Н. Толстого Государственным Советом 10 ноября 1910 года, стиль информации – репортажный: «Ложа для публики переполнена. Правые скамьи пустуют». После того как председатель предлагает «почтить вставанием память великого писателя земли русской графа Льва Николаевича Толстого... все встают, за исключением двух-трех человек крайне правых. Некоторые крестятся». О реакции Государственной думы специально для «Сибирской жизни» писал член

Государственной думы П. Герасимов, подчеркивая, что представители всех партий – за исключением буквально нескольких людей – понимали историческое значение момента, ведь «этого требовали честь, достоинство России, значение высшего государственного учреждения, звание народных представителей…»[1].

В то же время «Сибирское слово» сочло необходимым опубликовать телеграмму о заседании Государственной думы 8 ноября 1910 года, на котором было принято решение «в знак нашей глубокой печали прервать наши занятия на сегодняшний день», и дать подробную стенограмму речи противника чествования памяти Толстого Замысловского. Это давало читателям возможность узнать аргументацию «правых» – почему они возражали против почтения памяти великого русского писателя? Замысловский, например, считал, что «смерть мыслителей, художников, артистов и ученых, независимо от их значения и талантливости, не должна прерывать занятий Думы», поскольку заседания ее «необходимы стране» и «страной оплачиваются». Кроме того, он был против чествования памяти Толстого из-за его «отрицания» «церкви, государства, семьи и собственности» и отлучения от церкви: «чествование его здесь было бы вызовом, бросаемым церкви»[2].

Обе газеты писали о том, как в университетах России проходили студенческие сходки, студенты пели «Вечную память» Толстому, выходили на улицы – и всюду вмешивалась полиция, которая разгоняла студентов и «восстанавливала порядок». Телеграммы передавали известия о том, как в городах России и за границей чтили память Толстого вставанием, отменяли спектакли и другие увеселительные мероприятия, принимали постановления об учреждении библиотек его имени, помещали портреты в школах, учреждали новые училища. Из сообщений из-за рубежа становилось понятно, что во многих странах весть о смерти Толстого широко обсуждалась, здесь предлагалось создать «комитет для всемирного чествования памяти Толстого», выкупить Ясную Поляну и создать там музей и т.д. О масштабе происходящего давала представление информация о том, что «через Тулу, Засеку, Щекино и Ясенки за 7–10 ноября прошло около 25 тысяч телеграмм, так или иначе стоящих в связи со смертью Л.Н. Толстого»[3].

Однако на страницах газет находилось место и известиям о том, что Синод запретил в средних духовных школах проведение собраний,

---

[1] *Сибирская* жизнь. 1910. № 252, 256, 259.
[2] *Сибирское* слово. 1910. № 8.
[3] *Сибирская* жизнь. 1910. № 259.

посвященных памяти Толстого; о том, что «по распоряжению администрации, в Ялте сняты с окон книжных магазинов портрет и томы сочинений Толстого», а Союз русского народа послал в Думу телеграмму, в которой обвиняет в «кощунстве и богохульстве» Гучкова, «сказавшего в Думе по поводу смерти Льва Толстого: “Господь Милосердный да откроет перед ним Царство Небесное”». Это расслоение общества было очень характерным явлением после революции 1905–1907 годов, и оно ярко проявилось в эти «толстовские дни» в ноябре-декабре 1910 года.

Особый интерес в обществе вызывала позиция Св. Синода по отношению к кончине Толстого. И в «Сибирской жизни», и в «Сибирском слове» в номерах от 12 ноября выходят публикации, основанные на материале «Русского слова»: «Толстой и Св. Синод» и «Синод и болезнь Л.Н. Толстого». Эти материалы практически не отличаются друг от друга; они повествуют о запросе П.А. Столыпина о том, «как полагает высшая церковная власть реагировать в случае роковой развязки, и какие имеются в духовном ведомстве сведения относительно посещения Толстым Оптиной Пустыни», и об экстренном заседании Св. Синода. Однако если в «Сибирской жизни» материал заканчивается тем, что в результате заседания была отослана телеграмма Толстому за подписью митрополита Антония, то «Сибирское слово» добавляет: «Как нам сообщают, в высших кругах вопросу о болезни Л.Н. Толстого придавали весьма важное значение. В случае печального исхода болезни Л.Н. Толстого в высших кругах опасались того неловкого положения, в котором может очутиться церковь ввиду отлучения Толстого и невозможности его похоронить по христианскому обряду». Таким образом публицисты, прямо этого не проговаривая, все-таки указывают на то, что церковь в итоге оказалась в этом неловком положении, очевидном для всего русского (а не только высшего) общества. К этому вопросу газеты возвращались неоднократно в материалах «Вопрос о графе Толстом в Св. Синоде», «По поводу кончины Л.Н. Толстого», «Св. Синод и Л.Н. Толстой» и др.[1]

В этом смысле большое значение представлял сюжет с панихидами, служение которых по Л.Н. Толстому было официально запрещено. «Сибирская жизнь» приводит сведения из столичных газет о том, что во время богослужений в столичных церквах подавалось множество записок о поминовении «раба Божия Льва», или «болярина Льва», или «Льва Николаевича», причем «записки в редакции “Льва

[1] *Сибирская* жизнь. 1910. № 253, 255; *Сибирское* слово. 1910. № 12.

Николаевича” не принимались во внимание». Однако некоторым почитателям Л.Н. Толстого удалось уговорить одного из священников, который 7 ноября 1910 г. отслужил панихиду по Льву Николаевичу Толстому. 8 ноября была отслужена торжественная панихида в армяно-григорианской церкви в Петербурге на Невском проспекте, на которой присутствовало «все армянское общество, много учащейся молодежи, некоторые литераторы и представители профессуры», а после нее «двухтысячная толпа устроила шествие по Невскому», пока не была разогнана полицией[1].

Таким образом, служение панихиды становилось не просто вопросом церковного обряда, но поступком гражданского и даже политического значения. Неудивительно, что служители церквей – особенно провинциальных – старались даже перестраховаться в этом отношении, о чем свидетельствует почти анекдотичный случай под названием «Подозрительный Лев», который был опубликован «Сибирским словом» в рубрике «По России»: «Небольшой, но чрезвычайно характерный эпизод произошел в Казани. В одну из местных церквей приходит скромный сапожник, крещеный татарин Х-в и подает в алтарь для поминовения записочку с именами усопших. Тут и Иван, и Марья, и Данило, и Маланья. Но тут же и… Лев. В алтаре переполох.

– Лев… Лев… А позови-ка этого сапожника сюда.

Церковный сторож бежит за Х-вым и приводит его в алтарь.

– Ты за какого это Льва поминовение подаешь? Сапожник в некотором недоумении. Да за знакомого одного покойника. Больно человек хороший был; дай ему Бог царство небесное. – Так… А звать-то его, небось, Николаевич? – Нет… Владимирович покойник был… Как отец его Владимир был, так он… – Нет, брат, не пройдет твое дело. Не будем поминать. Всех остальных помянем, а Льва этого самого… ты вот что: ступай-ка сначала в Крестовую церковь… если там помянут, тогда и мы помянем. А пока… иди с миром!»[2].

С другой стороны, по газетным сведениям, «народ ожидал от Синода снятия отлучения. Когда же стало известно, что отлучение не снято, народ тем не менее молится за Толстого и тайно служит по нем панихиду». Кроме того, оказалось, что «вначале крестьяне обвинили близких Толстого за то, что они не допустили его приблизиться к церкви; тогда последние разъяснили, что Толстой сам не выражал желания примириться, так как он с церковью никогда не ссорился».

[1] *Сибирская* жизнь. 1910. № 255.
[2] *Сибирское* слово. 1910. № 48.

Эта тягостная для православного населения ситуация в итоге привела к возникновению легенды о том, что «Лев Николаевич не умер, а только заснул сном великого праведника... распространению этой легенды много способствовало выражение лица покойного, спокойное, озаренное лучезарным сиянием, и характерная складка у рта» (эти сведения «Сибирская жизнь» позаимствовала у газеты «Биржевые ведомости», которая в этот период становится одним из основных источников информации наряду с «Русскими ведомостями», «Русским словом» и «Речью»)[1].

В газетах в этот период по публикациям в «Русском слове» и другим источникам воссоздавались последние дни Толстого, описывалось поведение семьи – жены, детей, сообщались сведения о «первом хождении Л. Толстого по монастырям» в начале 1880-х годов, приводились подробности его встречи с епископом Парфением. Из столичных газет перепечатывались отзывы о смерти Толстого известных писателей, общественных деятелей: так, из «Речи» было взято короткое выступление Короленко под названием «Умер», в материале «Отзывы о Л.Н. Толстом» приводились слова А.Ф. Кони, зарубежных общественных деятелей. Также были опубликованы объемные материалы, посвященные похоронам Толстого и ряд других[2].

Большое значение для томского читателя имели материалы «собственных корреспондентов», оказавшихся в то время в Европейской России. В «Сибирском слове» в номере от 17 ноября 1910 года был опубликован материал «Ясная Поляна, 9 ноября», с пометкой «от собственного корреспондента». Его автором был Михаил Котляров, житель Томска, которому удалось побывать на похоронах Толстого в Ясной Поляне. Журналист предупреждает своих читателей: «...когда появится эта статья, все, вероятно, по телеграммам агентств, а некоторые из текста московских газет узнают о подробностях похорон великого уважаемого старика... <…> Мне хочется изложить здесь те мысли маленького человека и те переживания, которые имели место в моей, повторяю, маленькой душе перед гробом большого Льва». Он описывает ожидание поезда с гробом на станции, подмечая такие детали, как «медленный осенний рассвет» и «широкие, желтеющие умирающей травой, долины и луга», «красные дубленые полушубки яснополянских крестьян и детей», «наконец – «простой коричневый гроб». Затем идет рассказ о дороге до дома в Ясной Поляне, и – кульминационный

[1] *Сибирская* жизнь. 1910. № 257.
[2] *Сибирская* жизнь. 1910. № 253–258; *Сибирское* слово. 1910. № 14.

момент корреспонденции – автор материала заходит в комнату с гробом писателя: «На фоне черной подушки так просто, трогательно и скорбно и вместе – величественно – покоится белое, с заострившимся носом лицо покойного, великого в простоте своей».

После описания процедуры похорон автор акцентирует внимание читателя на отдельном эпизоде: «А в сторонке от других, уже в темноте осенней одинокой ночи, стоит крестьянин старичок и, отвернувшись от людей, безутешно рыдает, стараясь заглушить невольные скорбные звуки своего плача о мертвом добром и простом старом графе». В этом последнем абзаце концентрируется основная мысль М. Котлярова о всеобщем национальном трауре в связи со смертью Толстого, который разделяют не только представители интеллигенции, образованной публики, но и простой народ.

Буквально следом до Томска дошел репортаж сотрудника «Сибирской жизни» Г. Вяткина, который был опубликован в «Сибирской жизни» под названием «Толстовские дни в Москве». Автор живо и подробно описывает поведение людей на московских улицах, собрание в университете, сцены на вокзале и свою неудачную попытку добраться до Ясной Поляны, особое экстренное заседание Общества любителей российской словесности и завершает свой материал следующими словами: «Я передал в этой статье лишь наиболее ценные и содержательные моменты толстовских дней в Москве. Я был тронут тем, что видел и слышал всю эту любовь и скорбь сердца России, и, переполненный впечатлениями, спешу поделиться ими с вами, читатель»[1]. Таким образом, читатель «Сибирской жизни» мог глазами Вяткина увидеть происходившее в Москве, убедиться в том, что чувства сибиряков, их горе и скорбь по Толстому разделяли и столичные жители, которые так же плакали и не находили слов, как и все остальные.

Еще одна особенность подачи материала в это время – «тематические подборки» телеграмм, корреспонденций под общими названиями «Толстовские дни в Петербурге», «Толстовские дни в Москве», «Толстовские дни в России и за границей», «Отклики на смерть Л.Н. Толстого», что позволяло создать общую информационную картину происходящих событий. В «Сибирском слове» эта информация группировалась под общей «шапкой» «Лев Николаевич Толстой» на протяжении пяти номеров, затем сведения о «толстовских днях» выделялась общим заголовком над двумя-тремя материалами (например, «Вести

[1] *Сибирская* жизнь. 1910. № 256.

о Толстом», «Л.Н. Толстой и Сибирь», «Л.Н. Толстой и его дети» и т.д.)[1].

«Сибирская жизнь», отличавшаяся своим просветительским характером и особым вниманием к книге и книжному делу вообще, нашла также место для перепечатки материала из газеты «Речь» под названием «Замечательное совпадение». Оно заключалось в том, что в «Круге чтения» – «любимейшей книге Л.Н. Толстого», в которой были помещены «им же самим избранные, собранные и расположенные на каждый день мысли многих писателей об истине, жизни и поведении» (при этом из телеграфных сообщений уже было известно, что «и на смертном одре, лишь только силы возвращались к умирающему, он тотчас просил присутствующих у постели его почитать ему «Круг чтения»), на 7 ноября, «именно на этот день собраны мысли писателей о смерти»[2].

Печальные события послужили косвенной рекламой произведениям Толстого, что также было замечено «Сибирской жизнью». 24 ноября (№ 262) газета публиковала: «В магазине Макушина за последнее время усиленно продаются произведения Л.Н. Толстого, его брошюры; особенно в ходу «Круг чтения – изречения на каждый день», собранные Львом Николаевичем». В этом же номере, в рубрике «Новости искусства и литературы», была приведена статистика, свидетельствующая о «колоссальном успехе сочинений Л.Н. Толстого»: по данным на 1900 год, было продано от 800 тысяч экз. «Новой азбуки», по 250 тысяч экз. повестей «Кавказский пленник», «Хозяин и работник», 140 тысяч экз. пьесы «Власть тьмы» и т.д.

«Сибирская жизнь» обращала внимание читателей и на новые книги, поступившие в редакцию, среди которых были толстовские произведения – «Верьте себе» (5 коп.), «Круг чтения, все выпуски в одном томе, в переплете» (3 руб. 85 коп.) и «Избранные Львом Толстым изречения Лао-тзе». Газета также отслеживала информацию о неизданных сочинениях Толстого, а затем о новом издании сочинений Толстого, инициированном Литературным фондом. Это внимание к толстовской книге стало отличительной особенностью газеты в общем информационном поле, которое формировалось в Томске в конце 1910 года.

Из авторских материалов томских газет в этот период следует отметить публикации «Л.Н. Толстой как религиозный мыслитель» И.К-а и «Мысли вслух» Г. Вяткина, в которых местные авторы размышляли

---

[1] *Сибирская* жизнь. 1910. № 258, 259, 261; *Сибирское* слово. 1910. № 6–10.
[2] *Сибирская* жизнь. 1910. № 256.

о позиции Толстого в отношении православия, о месте Толстого в русской литературе[1].

В «Сибирской жизни» и в «Сибирском слове» публиковались также поэтические выступления местных поэтов: «Мировой траур (Памяти Л.Н. Толстого)» П. Шебекова, «Толстому» Н. Феоктистова, «На смерть Толстого» Д. Гроздова, «На смерть Л.Н. Толстого» рабочего М. Портнова, «Памяти великого апостола любви и совести Льва Толстого (К 40 дню кончины)» Н.В. Фотиевой[2]. В этих произведениях акцентировалась тема печали по ушедшему, Толстой характеровался как «мудрец великий мира», «апостол равенства и братства, титан незыблемых идей», человек «с душою, полною великих откровений» и т.д. Стихотворения служили эмоциональными акцентами газетных полос, апеллировали к чувствам читателей, заставляя их сопереживать, эмоционально откликаться на печальное событие.

Совершенно новым явлением в «толстовские дни» стало увлечение кинематографическими картинами, посвященным событиям в Ясной Поляне и в Астапово. В «Сибирской жизни» на первой полосе с 18 ноября 1910 г. появилась реклама театра «Фурор», который приглашал зрителей на картину «Похороны Л.Н. Толстого», причем так описывал «отдельные моменты картины»: «1. Ясная Поляна накануне похорон Льва Николаевича. 2. Любимый конь Льва Николаевича. 3. Любимые места Льва Николаевича. 4. Группа крестьян и студентов отправляется рыть могилу. 5. Готовая могила. 6. Портрет Льва Николаевича. 7. Прибытие тела в Ясную Поляну. 8. Перенесение тела к дому Льва Николаевича. 9. Около дома Льва Николаевича. 10. Вынос тела из дома. Коленопреклоненная толпа. 11. Перенесение тела к могиле. 12. Предание тела земле». Вторым фильмом был «События в Астапове. Уход Льва Николаевича из Ясной Поляны».

«Сибирская жизнь» отмечала в «Томской хронике», что «синематографы, демонстрирующие картины «Похороны Льва Толстого» и «События в Астапово», переполнены настолько, что приходится ждать очереди несколько отделений». Информация из газеты «Речь» подтвердила, что это явление общероссийского масштаба: «Московские театры почти пустуют. Удрученная смертью Л.Н. Толстого публика в театры не ходит. Зато переполнены все кинематографы. Толпы людей ждут очереди. Приходят смотреть картины последних дней пребывания Л.Н. Толстого в Астапове и картину похорон. Публика благоговейно смотрит картины.

---

[1] *Сибирская* жизнь. 1910. № 280; *Сибирское* слово. 1910. № 7.
[2] *Сибирская* жизнь. 1910. № 253, 287; *Сибирское* слово. 1910. № 7, 12, 39.

Когда на экране появляются другие картины, не имеющие отношения к Толстому, публика протестует». В материале «Синематограф», анализируя репертуар местных кинотеатров, автор («И.П.») отмечает, что «в течение недели в «Фуроре» демонстрировались «Похороны Л.Н. Толстого», на которых «притихшая публика, с обнаженными головами, с особым вниманием старалась навсегда запечатлеть даже мельчайшие подробности этой трогательной картины».

В «Сибирском слове» также помещалась реклама фильмов о Толстом, но других кинотеатров – «Заря» и «Метеор». В «Заре» с 16 ноября дирекция обещала посетителям «сенсационную новинку» «Яснополянская трагедия»: «События в Астапове (отныне исторической местности)» и «Уход Льва Николаевича Толстого из Ясной Поляны». В свою очередь, «Метеор» сообщал, что 11, 12 и 13 декабря здесь будет демонстрироваться «следующая художественно выполненная программа»: «Власть тьмы, или Коготок увяз – всей птичке пропасть», драма Л.Н. Толстого, исполнена артистами Императорских театров. 80-летний юбилей Л.Н. Толстого (Толстой в кругу своей семьи). Астаповские события и похороны Л.Н. Толстого. Последняя картина, длиной 600 метров, приобретена у величайшей кинематографической фабрики Бр. Пате»[1].

Таким образом, в начале XX века новый канал информации уже пользовался огромной популярностью среди населения, причем спросом пользовались не только художественные, но и художественно-документальные ленты, о чем свидетельствуют публикации в томских изданиях.

В конце ноября 1910 года в газетах появляется ряд материалов, связанных с завещанием Толстого, с высказываниями его детей («Завещание Толстого»; «И.Л. Толстой по поводу письма брата» и др.), однако это только перепечатки публикаций из столичных газет, информирующие томичей о ситуации, но не дающие ей какую-либо оценку со стороны редакций газет[2].

Кроме материалов общероссийского уровня, в газетах в разделе «Томская жизнь» появляются информационные сообщения и отчеты о лекциях, посвященных Толстому, о музыкальном вечере, который был проведен 18 ноября, о народном спектакле «Власть тьмы» и народных чтениях (состоялись 21 ноября), о членском вечере, на котором обществом народных развлечений была поставлена также «Власть тьмы»

---

[1] *Сибирское* слово. 1910. № 34.
[2] *Сибирская* жизнь. 1910. № 262, 264.

(22 ноября), а 26 ноября в Общественном собрании «соединенными просветительскими, учеными и художественными обществами» был устроен публичный вечер, посвященный памяти Л.Н. Толстого. 28 ноября правлением общества приказчиков для членов этого общества было устроено бесплатное литературное утро памяти Л.Н. Толстого, высоко оцененное «Сибирской жизнью». Были проявлены и другие общественные инициативы: например, при городском Доме трудолюбия было решено учредить читальню имени Л.Н. Толстого, а в самом конце 1910 года в архиерейском доме выступил профессор богословия Томского университета И.Я. Галахов с лекцией «Религиозное мировоззрение Л.Н. Толстого». На страницах газет публиковались анонсы, своими впечатлениями об этих событиях делились участники разнообразных мероприятий.

Необходимо отметить также, что в «Сибирском слове» особое внимание обращалось на деятельность Томской городской думы: здесь был помещен подробный отчет об экстренном заседании, когда «память Толстого была почтена вставанием» и послана телеграмма на имя писателя, а также было принято постановление о переименовании «лучшей в городе улицы Почтамтской в улицу имени Льва Толстого». Неоднозначное отношение к переименованию стало основой гневного выступления одного из публицистов газеты в материале «Постыдный и печальный факт», так как одному из томских руководителей название «Толстовская улица» показалось менее благозвучным, чем «Почтамтская»[1].

Обе газеты достаточно много писали о лекциях В.А. Поссе, которые стали настоящим культурным событием для многих жителей Сибири (они были прочитаны в Омске, Новониколаевске, Томске). Кроме сообщений о предстоящих лекциях, и «Сибирская жизнь», и «Сибирское слово» одновременно дали подробный отчет о лекции «Любовь в учении, в художественных произведениях и в жизни Л.Н. Толстого» (состоялась в Томске 5 декабря 1910). Здесь можно отметить более развернутый и объемный материал «Сибирского слова» по сравнению с «Сибирской жизнью»; общим же стала констатация огромного общественного интереса к лекциям, на которых присутствовало большое количество публики[2].

И еще один уровень, освещаемый в газетах, – общесибирский: в рубрике «По Сибири» публикуются корреспонденции и перепечатки

[1] *Сибирское* слово. 1910. № 25, 27.
[2] *Сибирская* жизнь. 1910. № 273; *Сибирское* слово. 1910. № 31, 33–35.

из других сибирских газет, из которых читатель также мог узнать о том, как почтили память Л.Н. Толстого в соседних городах и поселках и чем были осложнены эти чествования. Так, красноярский корреспондент отмечал с сожалением: «...мы только удивляемся, читая газеты, как ярко и сильно Россия реагирует на смерть своего писателя и мыслителя. Здесь, в Красноярске, лига образования и общество попечения о начальном образовании послали телеграммы Черткову, и только. Кое-где на заседаниях почтили память вставанием». В Туринске же, несмотря на то, что «кончина Л.Н. Толстого произвела здесь ошеломляющее впечатление», но «реагировать на смерть великого мастера слова и великого протестанта против современных жизненных условий никто из обывателей не решился, каждый «про себя», келейно соболезновал», и только местные политические ссыльные послали телеграмму Черткову.

Зато в Омске редактор юмористического журнала «Сибирская строка» С.К. Воронков был арестован и подвергнут судебному преследованию за то, что поместил в своем журнале «рисунки к студенческим беспорядкам последних дней и рассказ Л.Н. Толстого «Два закона».

Довольны тем, как почтили память Толстого, оказались жители Бийска, где дума постановила учредить две стипендии его имени в мужской и женской гимназиях, а кроме того, переименовать Торговую улицу в улицу Л.Н. Толстого и назвать его именем одно из городских училищ». В Новониколаевске «глубокое впечатление» произвело на присутствующих чествование Льва Николаевича, прошедшее в зале городской управы и в общественном собрании. Корреспонденции из других сибирских городов подтверждали, что во всех, даже самых отдаленных уголках весть о смерти Льва Толстого разбудила общественную жизнь и заставила переживать – пусть даже «келейно» – читателей его произведений[1].

Необходимо сказать, что освещение событий, связанных с кончиной Толстого, стало довольно сложным испытанием для двух томских ежедневных газет: у них были практически одни и те же источники информации – телеграммы, газеты «Русское слово», «Речь», «Русские ведомости», «Биржевые ведомости», «Утро России»; часть сведений бралась из журналов (напр., «Вестник Европы»). В Томске своими личными впечатлениями о Толстом могли поделиться только профессор Джонс (в «Сибирской жизни») и писатель Г. Гребенщиков (он пе-

[1] *Сибирская* жизнь. 1910. № 266, 267, 280, 283.

редал для «Сибирского слова» объемный «этюд» «В Ясной Поляне»). В качестве «собственных корреспондентов» выступили случайно оказавшиеся в Европейской России Г. Вяткин и М. Котляров.

В этой ситуации газеты сегментировали информацию по следующему принципу: «Сибирская жизнь» сделала упор на широкий охват событий, создание многоуровневой панорамы «толстовских дней» за рубежом, в России, в Сибири и в Томске, а «Сибирское слово» пошло по пути представления разных аспектов этой проблематики и поиска необычных ракурсов. Так, в поле зрения «Сибирского слова» оказалась мусульманская печать и мусульманская община Томска: в материалах «Мусульманская печать о Л.Н. Толстом», «Приветствие, сказанное на татарском языке представителем мусульманских вечерних курсов в Томске на вечере памяти Толстого», в отдельных информационных сообщениях «Томской хроники» демонстрировалось уважение и любовь к великому русскому писателю со стороны и этой части томского общества[1].

Можно сказать, что по-своему «эксклюзивным» стал материал «Труды и дни Л.Н. Толстого»[2], в котором с разбивкой по годам была представлена вся жизненная и творческая биография писателя (это не авторский материал, а перепечатка из издания, обозначенного как «Р.У.»).

Отдельным сюжетом в «Сибирском слове», которое в поле зрения всегда держало рабочую проблематику, явился сюжет «Рабочие и Л.Н. Толстой». Кроме информационного сообщения о том, что рабочие Томска отослали телеграмму семье Л.Н.Толстого, в «Сибирском слове» было опубликовано упоминавшееся стихотворение «На смерть Л.Н. Толстого», подписанное «рабочий М. Портнов», а также очень любопытное «письмо... от группы крестьян и рабочих» под названием «Памяти Толстого». В этом письме представители «неученой части» общества спрашивают: «Чем он был для крестьянина: художником? философом? – Он был свой человек для выражения заветного трудового чувства и мысли». И здесь мы вновь видим «легендарную» народную линию, связанную с Толстым: «Ты не умер, мировой Дедушка! Мы не верим в это, а верить так больно, что сил не хватает! Твой величавый образ у нас глубоко в груди!.. Спи безмятежно, искренний и правдивый писатель свободной совести!»[3]. Наконец, в «Сибирском

[1] *Сибирское* слово. 1910. № 18, 24.
[2] *Там же*. 1910. № 14.
[3] *Там же*. 1910. № 10.

слове» (№ 15) была дана особая подборка материалов «Рабочие и Л.Н. Толстой» с пометкой «Из газет», в которой была представлена информация о том, как рабочие разных заводов в Киеве, Екатеринославе, Санкт-Петербурге и др. реагировали на известие о кончине писателя (прекращали работу, посылали телеграммы в Ясную Поляну, пели «Вечную память» и т.д.).

Из других аспектов, на которые обратило внимание «Сибирское слово», можно назвать: «Л.Н. Толстой и Сибирь»; «Толстой и Эдисон»; «Письмо Л.Н. Толстого императору Александру III»[1].

По сравнению с «Сибирской жизнью» позиция «Сибирского слова» была более критической, что заметно, в частности, по перепечаткам в рубрике «По России» и ряду других материалов. Так, 18 ноября в газете был опубликован материал «Две смерти» – перепечатка из «Русских ведомостей», автор которого сравнивает похороны Пушкина в 1837 г., когда напуганное начальство приказало «без особых встреч и оказания каких-либо почестей» предать земле тело «опального мертвеца», и похороны Толстого в 1910 году. И оказалось, что, несмотря на внешние громадные перемены – «пало крепостное право», «выросли города в необъятные многоэтажные громады», «распространилась грамотность даже по захудалым деревням» – в отношении «великих» российское начальство все так же стремится запретить чествование, «усеяв конными и пешими стражниками» все дороги и отдав распоряжение «об ограниченной отправке из Москвы дополнительных поездов». Характерно само сопоставление двух имен – Пушкина и Толстого, тем самым автор подчеркивает преемственность идей писателей, их равнозначность – в том числе и по тому страху, который они внушали российскому правительству. Несмотря на то что это не собственный авторский материал «Сибирского слова», имеет значение сам факт перепечатки именно этого материала, выбранного из общего массива информации: по-видимому, редакция вполне разделяла пафос

[1] *Сибирское* слово. 1910. № 15, 16, 22.

публициста «Русских ведомостей» в отношении реакции правительства на смерть Толстого[1].

Наконец, в середине декабря 1910 года «Сибирское слово» откликнулось на такое явление в российском обществе, как рекламная спекуляция на именах великих писателей, авторским фельетоном «Ради великого имени» (подписано псевдонимом «Пересмешник»). В эпиграф его были вынесены слова: «Выпущены в продажу папиросы, посвященные памяти Л.Н. Толстого. Из газетных объявлений». Эта ситуация обыгрывается в тексте как ряд диалогов автора с его приятелями, которые требуют «почтить память великого писателя земли русской» покупкой папирос имени Л.Н. Толстого, затем – коньяком, «недавно выпущенным в продажу в память нашего бесценного и дорогого писателя», пойти в цирк на бои, посвященные Толстому, купить револьвер и кинжал памяти писателя и т.д. В конце концов логика происходящего абсурда приводит фельетониста к мысли ограбить прохожего «ради великого имени». Необходимо заметить, что современному читателю трудно понять, действительно ли существовали в 1910 году кинжалы и револьверы имени Толстого, или это комический прием, так как в тексте встречаются и реальные приметы бытового абсурда предреволюционной России – например, выпуск «похождения сыщиков» «небезызвестным издательством «Ясная Поляна»[2].

В «толстовские дни» 1910 года, по замечанию «Сибирской жизни», только «Русское знамя» оставалось «непреклонным»: газета писала о том, что «своим же поруганием Христова учения и царской власти Толстой уронил себя и как сын православной церкви, и как сын России, и как писатель. Жиды, безбожники, иноверцы и иноземцы за это именно и чествуют его. Но непристойно подражать им всему государству» («Дубровинские понятия о непристойности…» – так прокомментировала это высказывание «Сибирская жизнь»). С «Русским знаменем» были солидарны «Земщина» и – томская «Сибирская правда». В этой

[1] В рубрике «Русская жизнь» были опубликованы также такие материалы, как «Рекорд распорядительности» – сообщение из «Голоса Москвы» о запрете воронежского полицмейстера исполнить на концерте «Крейцерову сонату» Бетховена как «безнравственное произведение»; «Газетный голод» – по сообщениям ряда российских газет, во время печальных событий, связанных со смертью Л. Толстого, наблюдался настоящий «газетный голод», газет не хватало даже «под носом у Москвы», в Туле, и в России «газетная бедность – прямо ужасающая»; «Оригинальная агитация» – о том, как во время собрания городских уполномоченных подмосковного города Богородска присутствующий о. Голубев сорвал чествование памяти Толстого под предлогом того, что писатель «шел против фабрикантов и вообще людей богатых» и ряд др. материалов.

[2] *Сибирское* слово. 1910. № 38.

газете в ноябре-декабре 1910 года было помещено несколько материалов, связанных со смертью Л.Н. Толстого. Поскольку «Сибирская правда» была изданием еженедельным, в нем в основном помещались не оперативные отклики на события, а их оценка.

Первый блок материалов был опубликован в номере от 20 ноября 1910 года. Позиция газеты здесь четко обозначилась в «письме в редакцию газеты «Сибирская правда» под названием «По поводу смерти Л.Н. Толстого» (подписано «Христианин»). Во-первых, это обвинение «левой печати» в том, что она «раздула до невероятных пределов смерть графа Л.Н. Толстого, то есть возвела его естественную смерть до национального горя (?!)». Во-вторых, стремление умалить значение писателя под видом «объективного взгляда». Так, «Христианин» писал: «Что он, Толстой, был незаурядный талант, – это бесспорно, но все же ничего нового не создал, ни в области философии, ни в религии, в которой заявил себя не только со стороны пошлого циника, но и невежественного профана». В-третьих, основной претензией к Толстому было, конечно, его отношение к церкви. Он прославился, по мнению автора «Сибирской правды», «своим атеизмом, как модным в современной жидовско-освободительной печати», «всю свою жизнь и энергию направил к унижению не только православной церкви, но всех других христианских церквей».

Наконец, практически во всех материалах «Сибирской правды» шла полемика с местными томскими изданиями. Так, газета откликнулась на заметку «Обнажите головы…», помещенную в «Сибирском слове». По этому поводу автор разразился целым пассажем: «Конечно, хулиганье, а не порядочные люди, иначе позволительно спросить кликуш этой печати: обнажили ли ваши головы, когда умер молитвенник земли русской глубоко почитаемый протоиерей о. Иоанн Кронштадский?» («когда на полях Маньчжурии истерзанный русский двухглавый орел истекал кровью», «когда гибли в Цусимском проливе русские броненосцы» и т.д.). В заключение этого материала автор прямо перешел к оскорблениям: «ваш плач о смерти Толстого понятен: вы лишились в нем популярного безбожника, всю жизнь почти боровшегося с церковью Христовой. На земле он получил возмездие, зарытый вопреки вековых народных ритуалов всех стран, не чуждых даже его ценителям-жидам, как четвероногая тварь, и на небе, конечно, воздастся ему по заслугам»[1].

---

[1] *Сибирская* правда. 1910. № 47.

Тон, заданный этим материалом, практически не менялся, но поскольку смерть Толстого стала значимым событием общественной жизни, газета не могла его «замолчать». В номере от 20 ноября 1910 г. были помещены два материала: «сценка с натуры» «Толстой умер» Вс. Дементьева и анонимное выступление «Два момента в жизни Льва Николаевича Толстого».

Первый представляет собой описание того дня, когда в Томске было получено известие о смерти Толстого. Написанный человеком, который не разделял чувства скорби по писателю, этот материал отражает внешнюю сторону событий и находит в происходящем даже какие-то комические моменты: «В воскресенье (7 ноября) вечером томичи узнали о смерти Л.Н. Толстого. Весть эта, как громом, ошеломила местных жидовствующих студентов, которые тотчас же избрали из себя особую «делегацию» и двинулись по улицам Томска закрывать кинематографы и другие увеселительные зрелища. Не знаю, чем бы вся эта комедия окончилась, если бы не подоспели чины полиции, при виде которых «товарищи» стремительно принуждены были перебегать от одного кинематографа к другому».

Основную часть материала занимает рассказ о том, как студенты пытались отменить спектакль в обществе народных развлечений, но им это не удалось. Вс. Дементьев, как и многие «правые», также предпочитает не упоминать о литературных заслугах Толстого, считая, что «умер не какой-либо государственный деятель или сановник, а умер выживший из ума 82-летний богоотступник», и не одобряя действий студентов.

Довольно странное впечатление производит материал «Два момента в жизни Льва Николаевича Толстого», поскольку здесь автор доказывает, что в жизни Толстого огромную роль сыграло посланное дважды (в 1903 году и 25 сентября 1910 года) его письмо, где он наставлял писателя на путь истинный. Автор утверждает: «Спустя несколько дней после его получения Лев Николаевич удаляется от семьи, чтобы остаток дней провести в одиночестве вдали от окружающих его комедиантов... <...> ...он несомненно искал человека, который, как автор письма, сказал бы ему слово правды и утешения». В тексте выделена главная мысль: «Два эти момента двукратной посылки письма к Льву Николаевичу и связанные с этими моментами просветления в душе Льва Николаевича, насколько известно, единственные за этот период времени с 1903 года, показывают, что Лев Николаевич был христиани-

ном…», только «окружающая его среда», по мнению автора, повинна в том, что не произошло воссоединения с Церковью.

Писатель характеризуется как «великий художник и доброй души человек» – «таким его понимал, таким его и рисовал себе всякий русский не идолопоклонник», который «болел сердцем за Льва Николаевича и надеялся, что в последние минуты жизни Лев Николаевич стряхнет с себя напускное неверие и примирится с собой, людьми и Богом». То есть в тексте довольно легко прочитывается сожаление о том, что Толстой не такой «сусальный», каким он представляется автору.

В «Сибирской правде» было опубликовано также стихотворное произведение: «К памяти Л.Н. Толстого» с подзаголовком «Открытое письмо автору романа «Воскресение» Н. Костенского. В конце стихотворения стоит дата и место его написания – «октябрь 1899, г. Стародуб». Содержание его – полемика с Толстым по поводу описания суда над Катюшей Масловой в «Воскресении», автор доказывает, что в суде все происходит по-другому, и в целом «подделка здесь видна – видна натяжка, граф»[1].

Через неделю, 27 ноября 1910 г., «Сибирская правда» поместила материал «По поводу толстовских дней в Томске» (подписан «Мирянин»), в котором автор подчеркивает: «По случаю смерти Л.Н. Толстого Томск пережил знаменательные дни. В самом деле: шествие студентов с портретом писателя, трехдневное неученье, заседание городской думы, университетского совета, телеграммы вдове от различных томских общества, учреждений и т.д., вот чем Томск проявил свое отношение к событию». Однако автор был несогласен с определением «Толстой – совесть мира», которое дают писателю томские газеты, и аргументирует свою точку зрения так: «Что такое это “совесть мира”? Как мог быть Толстой совестью мира, когда не только жители Патагонии, но и яснополянские крестьяне едва ли знали, чего требует эта “Совесть”? Ведь учение о непротивлении, о Боге, Христе, критика догматики и пр. – это такие вещи, которые доступны лишь горсти образованных людей, да и у них вызывают глубокие разногласия».

И вновь здесь повторяется мысль о том, что «скончавшийся писатель при всей гениальности своей не дал ни цельного миросозерцания, ни цельного идеала жизни, и тем более он не осуществил его». При этом обращает на себя внимание относительно спокойный тон этого

[1] *Сибирская* правда. 1910. № 47, 50.

выступления, резко отличающийся от многих материалов «Сибирской правды».

Теме разделения России на два лагеря, которые четко обозначились в «толстовские дни», был посвящен материал «Красносотенное беснование». Оценка прошедших событий здесь давалась в определенной стилистике: «с одной стороны гвалт, и свист, и критики, и оглушительные вопли – это в лагере красных предателей родины нашей, оглушавшей воем своим русскую землю по случаю смерти врага Церкви, Государства и общества – Льва Толстого». Либеральная печать была охарактеризована как «краснопогромные листки жидов и шаббесгоев», где «враги Христа и Церкви требовали, чтобы Церковь молилась за того, кто хулил и порицал ее, эту Церковь жиды и русские выродки осмеливались ругать за то, что она отлучила от себя того, кто вздумал хулить ее грязью клеветы, поношений и кощунства», и т.д.

Этой «вакханалии» противопоставлялась «национальная, коренная, подлинная, русская Россия», настоящая «черная сотня», которая «с презрением и отвращением» наблюдала происходящее. Ее-то автор и призывал готовить «наши грозные боевые силы», «не выдавать Россию, Царя и Церковь». Таким образом, «толстовские дни», по мнению автора, являются «лакмусовой бумажкой», которая позволяет отличить «красную сотню» от «черной сотни», а Толстой однозначно оценивался только в негативном свете.

Однако в этом же номере, в материале «По поводу трагедии в Остаповском домике» (подписан «Ив. Крестич») представлена точка зрения на «две жизни Толстого»: первая – «жизнь даровитейшего писателя и мыслителя вознесла его на пьедестал величия, почета и всемирной известности, он стал популярным не только в своем отечестве, но и во всем мире; его имя произносят не только ученые и литераторы, но и простые, в серых зипунах, граждане». Вторая же жизнь Толстого характеризуется Ив. Крестичем как «жизнь запродавшего душу еретика, безбожного хулителя Церкви и ее представителей», которая его «низвергла в глазах всего истинно верующего человечества в самую зловонную грязь, в тину позора, унижения и бесславия».

После этого, «анализируя всю так хорошо начавшуюся и так позорно кончившуюся жизнь Л.Н. Толстого», автор признается, что ему «вчуже становится до боли обидно за покойного маститого старца». И он задается вопросом: «кто довел до всего этого гиганта-мыслителя? Кто был помехою ему покаяться перед смертью и вернуться в лоно

церкви?» Ответ для автора «Сибирской правды» очевиден: это «иудейские клевреты, жадно охранявшие свою добычу», и главным образом – «гг. Чертковы и К°». Толстой здесь также предстает как человек, который поддался чужому влиянию, в глубине души же он вернулся к церкви, в его сердце «пробудился» «духовный голос»[1]. Основная мысль автора – это сожаление о том, что Толстой не примирился с церковью.

Эту же позицию заняла в конце 1910 года газета «Томские епархиальные ведомости», которая откликнулась на смерть Л.Н. Толстого единственной публикацией «Мысли православного по поводу смерти Л.Н. Толстого» (подписано: «Православный»). Автор характеризует произошедшее как «ужасную трагедию», которая заключается, по его мнению, прежде всего в том, что граф Толстой «умер… но не почил, как почивают праведнии о Господе». «Православный» описывает картину борьбы души и духа Толстого, как она представляется ему: «Предчувствие смерти пробудило в душе графа ужасное борение духа. Душа по природе христианка, душа, некогда крестившаяся во Христа и облекшаяся в Него, рвалась к Христу, как дитя к любящей матери, а мятежный дух, охваченный гордостью и самомнением, оковал ее, как цепями». И «бегство» Толстого, по мнению автора, было именно из-за того, что он был «не в силах вынести этого борения духа». В итоге же он умер, «не имея мира в самом себе, – умер, порвав общение с св. Церковью, порвав духовное и даже плотское общение с своими предками – чадами церкви Христовой».

И автор приходит к выводу, что смерть Толстого потому вызвала не чувство печали, как обычно бывает у близких умершему людей, а чувство жалости и сострадания», которое «испытывают не одни его поклонники, но и многие из тех, которые были глубоко оскорблены его богохульными писаниями в самых святейших их чувствах». В целом же смерть Толстого, по мнению «Православного», это «назидательный урок для тех, которые не дорожат верою – этим драгоценнейшим даром Божиим»[2]. Обращает на себя внимание, что эта публикация предстает в газете как частное мнение, но не официальная позиция церкви.

Официальная же газета «Томские губернские ведомости» в этом вопросе проявила максимум изобретательности. Она не могла обойти молчанием факт смерти великого писателя, но любые выступления могли быть по-разному интерпретированы ее читателями, в то время

---

[1] *Сибирская* правда. 1910. № 49.

[2] *Томские* епархиальные ведомости. 1910. № 22.

как даже в официальных кругах о кончине Толстого не было единого мнения. И газета вышла из положения следующим образом: она начала публиковать материал «Граф Лев Николаевич Толстой», перепечатанный из официальной газеты «Правительственный вестник»[1]. В этом материале, после краткого информационного сообщения о смерти Л.Н. Толстого, давалась биография писателя, с преимущественным вниманием к его литературному творчеству. Автор материала дошел до написания «Войны и мира» и «Анны Карениной», и по поводу последнего произведения высказал такую точку зрения: «этим произведением, занимающим также одно из первых мест не только в нашей родной литературе, но и в литературе мировой… вообще заканчивается период художественного творчества Л.Н. Толстого, вступившего затем на иной путь, убивший в нем великого художника и в результате приведший его к скорбной трагедии на станции Астапово». Автор добавлял, что сам Толстой считал этот период как раз временем «духовного рождения». На этом статья обрывается и, несмотря на фразу «окончание следует», больше не возобновляется.

В итоге «Томские губернские ведомости», с одной стороны, признали литературные заслуги Толстого, с другой же – сумели обойти «скользкие места» биографии писателя, при этом выразив только официальную точку зрения и ни слова не добавив от себя.

В целом «толстовская тема» позволяет оценить вклад томской прессы в освещение события общероссийского масштаба. Две ежедневных газеты – «Сибирская и жизнь» и «Сибирское слово» – были главными «поставщиками» интересующей информации. Для сибирского читателя публикация материалов о Толстом имела огромное значение. С одной стороны, благодаря томской периодике осуществлялась своеобразная «пропаганда» творчества писателя – о ее эффективности можно судить, например, по ситуации с заметно возросшей популярностью книги «Круг чтения», которую Толстой читал перед смертью. С другой – Толстой становился фактором общественной жизни, объединяющим началом в жизни томского образованного общества, и прежде всего студенчества – не зря они так стремились встретиться после известия о смерти Толстого, чтобы пережить вместе этот самый тяжелый момент.

Нельзя не отметить и воспитательное значение материалов о Толстом: его размышления о жизни и о смерти, о народе, о семье, о любви

[1] *Томские* губернские ведомости. 1910. № 85, 86.

будили мысль читателя, заставляли сопоставлять собственные представления с мыслями великого писателя.

В целом томская периодическая печать в 1910 году представила разные точки зрения русского общества в связи со смертью Л.Н. Толстого, но в большей части способствовала формированию представления о нем как о великом русском писателе, мыслителе, философе, общественном деятеле.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Журналистика дореволюционного Томска прошла сложный путь своего становления как многоуровневой системы средств массовой информации, подчиняясь определенным закономерностям развития. Она может быть рассмотрена как модель формирования журналистики «провинциального мегаполиса» – губернского центра России до Революции 1917 года, когда поступательное развитие было насильственно прервано революционными событиями. В структуре системы периодики Томска были представлены все типы изданий – официальные газеты и журналы, журналы различных обществ, частные общественно-политические, торгово-промышленные, развлекательные и специализированные газеты, специализированные журналы – литературные, студенческие, театральные; литературные альманахи и так далее.

Томская журналистика была богата именами видных российских публицистов и писателей, которые принимали участие в местных газетах и журналах. Благодаря им уровень местной публицистики был достаточно высоким. Газеты и журналы способствовали не только информированию своего читателя, но и его эстетическому развитию, и формированию регионального самосознания сибиряков. Недаром многие ведущие газеты и журналы Томска носили ярко выраженный «областнический характер», а сам Томск можно считать центром становления и развития областнической идеи.

Исследование газет и журналов Томска дает основание сделать вывод о том, что на каждом уровне системы периодики дореволюционного губернского центра находилось одно «системообразующее издание», вокруг которого располагались издания меньшего масштаба. Появление второго, сопоставимого по влиянию органа печати приводило к динамическому напряжению, в результате которого издание либо меняло свое направление, либо закрывалось по тем или иным причинам.

На уровне официальной периодики Томска таким «системообразующим изданием», безусловно, являлись «Томские губернские ведомости», с которыми не могло конкурировать ни одно ведомственное издание газетного или журнального типа. «Томские епархиальные ведомо-

сти», несмотря на то что были также достаточно сильным «игроком» на томском поле периодики, были рассчитаны на более узкую аудиторию и потому не могли состязаться с «Губернскими ведомостями».

Частная журналистика Томска, начавшись с макушинской «Сибирской газеты», довольно скоро вошла в уже упоминавшееся состояние «динамического напряжения» в связи с появлением второй частной газеты – «Сибирского вестника». Непрекращающаяся полемика между этими газетами свидетельствовала о высоком уровне конкуренции, борьбе за читателя на идеологическом уровне. Эта конкуренция заставляла газеты постоянно находиться «в тонусе», внимательно вчитываться в материалы издания-соперника, объединяться против него с дружественными газетами и журналами, оттачивать собственные полемические приемы и вовлекать читателя в своеобразную «игру» по «дешифровке» материалов с той и с другой стороны.

Этот эпизод истории томской журналистики заставляет вспомнить ожесточенное противостояние «толстых» энциклопедических журналов с изданиями «торгового направления» в 1830-х годах, в ходе которого русские журналисты были вынуждены конкретизировать свои теоретические представления о гражданском долге журналиста, о его взаимоотношениях с публикой, о сущности журналистской профессии. Полемика «Сибирского вестника» и его оппонентов также значительно подняла уровень представлений об эволюции сибирского областничества в 1880-х годах, о новых целях и задачах, стоящих перед сибирскими журналистами в конце XIX века.

После прекращения «Сибирской газеты» «Сибирский вестник» вынужденно остался единственным представителем частной томской журналистики и только в связи с появлением «Сибирской жизни» вновь обрел «второе дыхание» в качестве ее постоянного оппонента.

Ведущая роль «Сибирской жизни» как крупнейшей газеты Сибири проявилась после революции 1905–1907 годов, когда был закрыт ее конкурент, а на газетном рынке появились другие газетные проекты – частью недолговечные, частью рассчитанные на узкую читательскую аудиторию. На этом фоне «Сибирская жизнь» не только выглядела флагманом сибирской журналистики, она, действительно, стала оплотом молодой сибирской интеллигенции, объединив все более-менее выдающиеся литературные и публицистические силы Томска и всей Сибири. Вполне осознавая эту роль и гордясь ею, «Сибирская жизнь» старалась поддерживать возникающие органы печати «прогрессивного» направления, вела «летопись» газетно-журнальной жизни Томска,

отсюда такое обилие материалов о других органах периодики на ее страницах.

На уровне частных томских журналов эти процессы были менее очевидными, поскольку этот сегмент журналистики Томска не успел сформироваться окончательно. На роль «системообразующих изданий» в разное время могли бы претендовать журналы Долгорукова, литературно-художественные журналы Томска «Молодая Сибирь», «Сибирский студент», однако они не подходили по уровню, не были ведущими журналами.

Одной из особенностей большинства томских дореволюционных изданий являлся их не городской, не местный, а региональный масштаб. Не случайно в названиях, как правило, фигурировали слова «сибирский», «Сибирь»: «Сибирская газета», «Сибирский вестник», «Сибирский студент», «Сибирский наблюдатель», «Сибирская правда», «Утро Сибири», «Молодая Сибирь» и т.д. Этим газеты и журналы подчеркивали свое стремление отражать жизнь региона, а не отдельно взятого города, работать для широкого круга читателей, живущих во всей Сибири, а не только в Томске или Томской губернии.

Однако в журналистике Томска ярко проявилась такая характерная черта провинциальной периодики, как «расхождение» заявленной программы и реального наполнения содержательной части газет и журналов. Это было заметно как на официальном уровне, так и на неофициальном – многие из приведенных в книге программ едва ли выполнялись на 10 процентов, как, к примеру, в случае с заявленным реформированием неофициального отдела «Томских губернских ведомостей» в 1905 году или газеты «Сибирский свет». В ряде случаев широко заявленная программа в итоге реализовывалась, оказываясь спланированной как бы «на вырост», как это было с «Томскими епархиальными ведомостями». И только «Сибирская жизнь», начавшаяся как справочный листок, постоянно расширяла свою программу, чтобы освещать все разнообразие общественной жизни.

Почти каждое новое издание Томска заявляло при начале своей работы о решимости уделять особое внимание сибирским проблемам, освещать сибирские вопросы, посвящать страницы сибирским делам. Но практика показывала, что большую часть газетной и журнальной площади в итоге занимали перепечатки из общероссийских изданий, телеграммы и новости всей России и зарубежья, Сибирь же была представлена, как правило, корреспонденциями, обзором сибирской прессы и «местной хроникой». Это опровергает представление о том, что

сибирское издание должно было писать и писало только о Сибири. Для того чтобы в действительности выполнить поставленную задачу «освещать сибирские вопросы», необходимо было определиться с концепцией Сибири, выяснить, о каких именно сибирских вопросах, проблемах, делах необходимо писать так, чтобы не превратить издание в сборник бессистемных сведений и фактов о Сибири. В этом отношении немногие издания Сибири были действительно «сибирскими».

Сугубо положительную роль для сибиряков в целом и для сибирской прессы в частности сыграла «областническая идея», которая стала мощным фактором формирования регионального самосознания, выделила Сибирь как самостоятельную, оригинальную, «самобытную» часть России. Издания Томска, разделяющие идеи «местного патриотизма» или же выступающие против него, в обоих случаях приобретали идеологическую платформу для формирования концепции всей газеты или журнала, и в этом смысле областничество, действительно, являлось стержнем всей прессы Томска. В определенном смысле процессы, связанные с формированием и развитием областнической идеи и ее функционированием в периодике Сибири, сопоставимы не только со славянофильством (о сходстве этих двух направлений русской общественной мысли говорили и многие современники, и исследователи), но и с декабристским поиском российских национальных корней. Отсюда общие черты журналистики эпохи декабризма и сибирского областничества: внимание к истории, к фольклору, поиск героя (Ермак для Сибири), стремление создать оригинальную национальную (и сибирскую) литературу, идеи о необходимости гражданского служения на благо родины, и так далее.

Это сопоставление подтверждает некоторое «запаздывание» журналистики Сибири по сравнению с европейской частью России, ее более позднее созревание. Поворотным пунктом, сократившим этот своеобразный хронологический «разрыв», стала революция 1905–1907 годов, после которой процессы в общественной жизни Сибири и России, а также в журналистике, шли параллельно.

Концепция Сибири, сформированная в середине – второй половине XIX века первыми областниками – Н.М. Ядринцевым и Г.Н. Потаниным, оказалась достаточной гибкой, чтобы приспособиться к изменившимся условиям начала XX века и даже «встроиться» в «большую» политику. Неизменным оставалось «ядро» областничества, которое основывалось на противопоставлении метрополии и колонии – иначе говоря, центра и провинции, – на противопоставлении, обусловленном

не только реалиями российской общественной и политической жизни, но и географическим положением Сибири, и потому остающимся актуальным до настоящего времени, до начала XXI века. Областники в периодической печати настаивали на том, что Сибирь не только должна получить все права, которыми обладают провинции Европейской России, но и особенные льготы, поскольку сибиряки находятся изначально в худших условиях по сравнению со всеми остальными россиянами – отдалены географически, живут в почти экстремальных климатических условиях, малочисленны и так далее. С другой стороны, областники считали, что Сибирь заслуживает определенных преференций, поскольку является поставщиком природных богатств для всей Центральной России.

В итоге «сибирская тема» в изданиях Томска развивалась в нескольких направлениях: это прежде всего демонстрация условий, в которых живет сибиряк, предъявление фактов начальственного произвола, борьбы со стихией, положения сибирских инородцев; описание природных богатств и своеобразия сибирских народностей; эстетическое воспитание сибиряков на базе их приобщения к общемировым и общерусским культурным ценностям; требование применений к Сибири законов, действовавших в Европейской России – введения земства, суда присяжных, реформы налоговой системы и т.д.

«Сибирский колорит» проявлялся в изданиях Томска по-разному, но был заметен даже в «Томских епархиальных ведомостях»; он являлся определяющим фактором для прогрессивной частной журналистики. Поэтому вполне правомерно считать областничество ключевой идеей Сибирского региона и сибирской журналистики, выделившей ее на фоне остальных провинциальных изданий России.

Томская периодическая печать исследуется давно, изучение ее продолжается и поныне, однако здесь до сих пор есть огромный простор для научной рефлексии. На «повестке дня» – изучение жанровой системы газет и журналов, своеобразия литературной критики и беллетристики в контексте периодического издания, соотношения авторского материала и перепечатанного из общероссийских источников, а также сбор материала по отдельным томским публицистам и т.д. Эти и другие задачи стоят перед будущими исследователями томской журналистики.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамов Н.А. 25, 53
Абрамов Т.С. 310
Авроров П.П. 288
Адакеевский Г. 232, 238
Адамович Л.Н. 125
Адрианов А.В. 5, 6, 24, 78, 79, 128, 129, 131, 134, 135, 137–140, 146, 151, 162, 175, 177, 200, 238, 264, 268 –270, 272, 273, 278, 345
Азадовский М.К. 6
Азанчевский-Азанчеев В.Н. 247
Айгустов Н.Н. 221, 222
Айзикова И.А. 155
Аксаков И.С. 173
Александр I 37
Александр II 115, 130, 159, 243
Александр III 265, 378, 388, 417
Александров 130
Александрова-Левенсон А.Я. 335
Александрович 188
Алексеев Н.Н. 345, 346
Амельянчик Н.А. 7, 137, 273
Амшинский 401
Ананьин Н.И. 50, 53
Ананьич Б.В. 23
Ангаров К. 336
Андреев Л. 332, 386, 387
Андреев Я.С. 41, 50, 53, 54
Андруцкий П.С. 27, 28
Анненский 53
Анисимов К.В. 14, 15
Анучин Д.Н. 76, 128
Аренский А.С. 335
Арефьев В.С. 238
Арефьев Н.В. 188
Аржанников 361
Арканов 39
Арсеньев Д. 377
Арсеньев К.К. 362
Арцишевич 228
Ауэрбах А.А.
Баев И.П. 192
Базанов И.А. 224, 288, 293, 311, 332
Баитов Гр. Б. 238, 252, 253, 254, 257, 270, 272, 273
Бальмонт К.Д. 327
Банзаров Д. 17
Батеньков Г.С. 173
Бауэр 14
Бахарев Е.А. 294, 323, 325, 326, 327, 335, 336
Бахтин И.И. 13
Безруких Ф. 135
Бейлин М.Р. 238, 250, 251, 255, 361, 362, 373, 381
Бейтон П.К. 17
Беликов Д.Н. 118, 288
Белинский В.Г. 233, 234, 243, 305, 318
Белоголовый А.А. 26
Белоголовый Н.А. 26
Беломез Г. 141
Беляев 188
Бельшев 14
Беляев Л.Н. 6

Бергман Э.Э. 254
Березовский Ф. 336
Беринг 72
Бестужев М.А. 27, 28
Билибин И. 327
Бирюков С.И. 91
Блиновский П. 323, 327
Бицюк И. 94
Боголепов М.И. 190, 272, 277
Богословский А.Н. 343
Болотов П.В. 188
Болье 202
Борисенко Ф. 403
Борисов 99
Боцяновский В.Ф. 332
Бояршинова З.Я. 15
Бражников П. 346
Бржовский С. 246
Броннер В. 227
Букебаум 72
Буланов Я.Г. 308
Булгаков В. 260, 387, 389
Булгакова Т.Н. 335
Булыгин В.П. 327, 336, 379
Булюбаш А.П. 323
Бунин И.А. 327
Буренин В.П. 332
Буташевич-Петрашевский М.В. 25, 26
Буткеев П.А. 84, 141
Бухвостов Н.М. 378
Бычков А.И. 238
Ваганов Ш. 344
Вагин В.И. 25, 29, 30, 45, 53, 128, 142
Валиханов Ч.Ч. 29
Ванслова А.В. 149
Ванюков В. 342
Варадинов Н. 52
Василевский 401
Васильев Н. 84
Вассиан 16
Вейсман Р.Л. 190, 343
Вербицкий В. 45, 50, 53, 54, 56, 65, 77, 80, 86, 104, 111
Вергежский И. 258
Вильчинский В.П. 146
Виноградов Н. 145
Виноградов П.Т. 86, 91–94, 254, 255, 256, 270, 271, 294, 302, 308, 384
Виноградов Ф.Г. 6
Виноградский Н.И. 42, 47, 48, 53
Виташевский Н.А. 141, 188
Витте С.Ю. 260, 332, 362, 378, 379, 383
Владимиров Н. 101
Владиславлев 188
Войцеховский А.М. 129, 134
Вознесенский М.Н. 223, 224, 238, 244, 369, 374
Вологодский П.В. 190, 238
Воложанин В.Е. 303, 306
Волховский Ф.В. 5, 6, 140, 141, 142, 146, 147, 148, 154, 155, 158, 305
Воробьев В.В. 7, 256, 257, 271, 272, 273
Воронков С.К. 415
Воронов К.С. 76
Воскресенский В. 17
Воскресенский Т.13, 14
Вучичевич В.Д. 335
Вяткин Г.А. 173, 190, 260, 261, 323, 325, 326, 335, 336, 345, 346, 354, 391, 410, 411, 415
Гагарин М. 69
Гадалов И.Г. 185

Гадалов Н.Г. 185
Галахов И.Я. 414
Ганьшин С. 305
Гапон 332, 359
Гарижский И.А. 20
Гаршин В.М. 260
Гациский А.С. 195, 200, 201
Геккер Н.Л. 141
Герасимов П. 258, 405
Герсеванов 73
Герцен А.И. 260, 372
Гете 331
Гиляров М.А. 132, 133, 141, 151
Гинзбург В. 53
Гиппиус 188
Гиппиус З. 261
Гислин 72
Гоголь Н.В. 51, 73, 84, 107, 260, 334, 346, 388
Голицын Г.С. 232, 234
Голицын М.Е. 181
Головачев П.М. 5, 14, 19, 141, 238, 246
Головин 197
Голубев А.Н. 101, 106, 107, 109
Голубев П.А. 141, 147, 238
Гольдфарб С.И. 7, 8
Горбатовский Ю.О. 238
Горемыкин 332
Городков Н. 114
Городчанин Г. 17, 18, 19
Горстовский И. 115
Горький М. 97, 246, 327, 332, 335, 405
Грабовский И.М. 327
Гран П.К. 253, 257, 271, 311
Грановский Т.Н. 372
Грибоедов А.С. 84
Григоровский Н.П. 80
Грингмут В.А. 97
Грицанова М.В. 146, 150
Гребенщиков Г. 260, 306, 345, 347, 348, 353, 354, 415
Гречищев К.М. 125
Гроздов Д. 398, 411
Громова Л.П. 40
Гуд Т. 66
Гуляев Г.Г. 402
Гуркин Г.И. 305
Гурьев В. 62
Гурьев Н.А. 188, 288
Гусев А. 155
Гусев Н.Н. 389
Гучков А.И. 260, 406
Гюго 397
Дагаев И. 277
Дворецкий А.И. 325
Дворницкий А. 299, 300, 301, 302
Делиль 72
Дембовецкий В.Э. 327
Дементьев А.Г. 23
Дементьев В. 419, 420
Демидов П.Г. 59
Деспот-Зенович А.И. 27
Джабадари И.С. 141
Дженнер Э. 236
Джонс В.Н. 394, 402, 403, 404, 415
Дмитриев-Мамонов А.И. 131
Дмитриевский С. 101
Дмитриенко Н.М. 7, 35–37, 42, 79, 187, 192, 249, 314, 321, 357
Добролюбов Н.А. 67, 72
Догаев В. 104
Долгополов Н.И. 141
Долгоруков В.А. 163, 221, 222, 228, 293, 294, 295, 303, 316, 320, 321, 322, 323, 325, 327, 330, 335

Доманский В.А. 142
Донец И.М. 342
Дорошевич В.М. 246
Достоевский Ф.М. 240
Дубасов Ф.В. 328, 329
Дубровский К.В. 326, 336
Дудинский 275
Дурново П.Н. 332
Дуров А. 94, 96, 97
Дуров А.В. 288
Дюгамель 56
Дюминкина 307
Егоров С.Г. 288
Екатерина II 13, 16, 333
Елисеев Г.З. 372
Емельянов Д.И. 107
Емельянов Е.Е. 177
Емельянов Н.Н. 188
Ермак 15, 16, 114, 135
Ермаков М.И. 343
Ермолаев А.П. 53, 77
Ермолинский Л.Л. 7, 31, 32, 141, 142, 157
Ершов П.П. 197
Есин Б.И. 10, 11
Есипов С. 15, 72
Ефимов А.И. 128, 129, 131, 138, 293, 368
Ефимов Р.И. 340
Жебунев С.А. 141
Желябов А.И. 132
Жеравина А.Н. 8
Жилякова Э.М. 7,8
Жемчужников 228
Жерновков Г. 258, 259
Жулавский Ю. 246
Завалишин Д.И. 51, 72, 76
Завалишин И.И. 50, 51, 52, 72
Завитков А. 190, 296, 297
Загибалов М.Н. 141, 191, 30
Загоскин М.В. 25, 26, 29, 30, 142, 303
Загражский А.Г. 311
Залесский В.А. 298, 301
Замысловский 406
Зандрок Е.Н. 225
Зандрок Н.Ф. 226
Западов А.В. 23
Засулич В.И. 77
Зацкевич 53
Збукирев А.И. 228, 303
Зданович Г.Ф. 141
Зеленевский К.Я. 327
Зензинов М. 28,29
Зиновьев В.П. 357, 358
Зубашев Е.Л. 224, 272, 381
Игнатьев М.П. 132
Изгоев А.С. 258
Иванов И. 348
Иванов И.И. 280
Иванов К.Ю. 110
Ивановский А. 53
Ивановский С. 113
Иванчин-Писарев А.И. 141, 147, 156, 157
Игнатьев М.П. 333
Казанский Б. 150
Казанский П.А. 325, 326, 327, 330, 345, 346
Казарина Г.А. 7
Калугин П.Я. 342
Кальмеер С.С. 181
Канунова Ф.З. 6, 7
Каплин Т.В. 254, 275
Капустин Ф.Я. 288
Капустина А.С. 335
Карбоньер А.Л. 46, 53
Каронин-Петропавловский Н.Е. 141

Картамышев В.П. 151, 161, 163, 168, 170 –173, 177, 181, 182, 186, 187, 204, 217, 221, 222, 240
Картамышева М.Ф. 163, 169, 177, 182, 186, 187, 188, 190
Карташов В. 270
Карукес Н. 305
Карцев А.А. 149, 152
Катков М.Н. 132, 155
Кауфман А.А. 190
Качоровская А. 347, 348
Каширин М.И. 335
Кащенко Н.Ф. 288, 340
Кеннан Д. 146
Кибальчич Н.И. 132
Кижнер Н. 381
Кириллов А.В. 158
Кларин М.С. 329
Клеменц Д.А. 7, 141, 146, 147, 155, 159, 175, 190, 274
Клиндер П.И. 30, 128
Клюге 188
Ключарев В.К. 340
Кобеко Д.Ф. 362, 364
Козлов А.Г. 7
Козлов Г.И. 275
Козловский А.Н. 333
Колесников В. 51
Колосов Е.Я. 274
Кольцов А.В. 173
Комиссаржевская В.Ф. 266
Кон Ф.Я. 238
Кони А.Ф. 362, 409
Кононов И. 360, 361
Кононов М.Н. 91, 279, 285, 291
Корнильев В. 13
Королев Е.И. 174
Королек В.Ф. 288
Короленко В.Г. 141, 143 –145, 158, 159, 174, 190, 236, 376, 409
Корсак 59
Корф 46
Корш Е.В. 77–86, 129, 130, 132 –134, 136, 138, 139, 151, 162, 164, 170, 173, 182, 214
Корш В.Ф. 77
Корш Ф.В. 78
Косолапов 185
Костенский Н. 420
Костомаров Н.И. 202–204
Костров Н.А. 77, 110, 135
Косых Е.Н. 7, 187, 192, 314
Котляров М. 409, 410, 415
Котрелл 69
Кочергин С.М. 340
Кошаров П. 240
Краевский А.А. 22
Краснов 246
Красовский И.И. 32, 85, 117, 150, 161, 162, 168
Крекнин Г.Я. 304, 305, 336, 347, 348, 349
Крестич И. 422
Кривенко С.Н. 141
Кройчик Л.Е. 8
Кропоткин А.А. 141
Кропоткин П.А. 29, 141, 397
Круглов А. 93
Круссер Р.Г. 6, 142, 146
Крутовский Вл.М. 141
Крутовский Вс.М. 5, 56, 74, 75, 129, 130, 141, 143, 145, 187, 191, 192, 254, 272, 294, 296, 312, 324, 325, 326, 336, 347, 404
Крылов И.А. 260, 329, 330, 331
Крылов П.Н. 276, 340
Крюков В.М. 278

Крячков 332
Кудрявцев Е.Ф. 293
Кудрявцев Ф.А. 6
Кузнецов Д.А. 141
Кузнецов Д.Л. 53–56, 60–62, 65, 77
Кузнецов И.П. 221
Кузнецов С.К. 181, 188
Куклина Е.А. 6, 16, 17, 33, 142
Кулябко А.А. 230, 288
Куприн А.И. 327
Курицын В. 325–327, 330, 345
Курлов 332
Курочкин В.С. 147, 330
Курский И.А. 141
Курский М. 265
Кухтерин 332
Кучум 135
Лаврентьев Л.И. 249, 250, 251
Лаврентьев С.Л. 288
Лавров А. 104, 112
Лакс А.И. 151
Лалетин А.И. 53, 298
Ландышев Н.И. 333
Ландышев С.В. 107
Лансере Е. 327
Лаптев А. 350, 351
Лассаль Ф. 378
Латкин М.М. 182
Лафинов И. 13
Лащенков П.Н. 288
Лебедев Е. 17
Лебедев М. 101
Легра 240
Ленгник Ф.В. 238
Ленин В.И. 10
Леонов А.М. 308
Леонтьев К.Н. 395
Лепешинский П.Н. 238–240
Лермонтов М.Ю. 51, 330, 388
Леруа 202
Лидин В. 237
Лисовский Н.М. 5
Литвин П. 135
Ломовицкий П.Ф. 121
Ломоносов М.В. 16
Лосев А.И. 17, 18
Лотман Ю. 51
Луначарский А.В. 263
Львов Ф.Н. 25, 26
Львов Н.М. 67
Любимов Л.С. 7, 9, 13, 14, 17, 21, 22, 25–27, 29, 30
Лянге В.И. 284, 285, 286
Макаров Ф.В. 16
Макушин А.И. 141, 238, 272, 365, 380, 381
Макушин П.И. 35, 36, 79, 101, 118, 123, 128–131, 137–139, 145, 155, 163, 168, 169, 181, 189, 218, 225, 226, 231, 233, 234, 235, 237–244, 246–248, 250, 263, 277, 311, 327, 364, 365, 366, 367, 369, 370, 381, 382, 411
Малеев В.Л. 251
Малиновский И.А. 125, 224, 238, 247, 248, 251–253, 262, 263, 272, 294, 323, 365, 381, 387, 388, 402, 403
Малышев Д.Г. 288, 300, 368
Мамин-Сибиряк Д.Н. 141, 156
Манассеин В.С. 19
Мандрика Ю.Л. 7, 8, 31, 158
Маракулин В.Д. 303
Маркс К. 378
Мартьянов Н.М. 141
Марфин Н.Н. 339, 340
Маслов Г. 17, 18

Матханова Н.П. 7, 24
Махонина С.Я. 355, 357
Мачтет Г.А. 140, 141, 159
Медведев 100, 101
Мейер В. 96, 97
Межов В.И. 5
Менделеев Д.И. 59, 246
Мензиховский Я. 17
Меньшиков М.О. 260
Мерцалов В.И. 27, 28, 77, 78, 79, 131, 132, 139
Мессершмидт Д.Г. 72
Мещеринов 53
Мещерский В.П. 97, 116, 179, 185, 316
Миллер И.Е. 18
Мильков В.И. 146
Милютин Б.А. 29
Миницкий Н.В. 288, 293
Минский Н. 84
Мирам 401
Мирович К. 378
Миролюбов В.П. 288
Мисюрев А. 112, 113, 114
Митропольский Н. 103
Михайленко Я.И. 343
Михайлов В.В. 35, 36, 101, 123, 145, 155, 163, 168, 169, 218
Михайлов 174
Михайлович А. 188
Михайловский И.В. 384, 385
Михайловский Н.К. 274, 371, 372
Могуч Г. 314
Мокшанцев А.А. 327
Молотковский В.Т. 295, 303, 306
Монастырский В.А. 77
Мордвинов 197
Мордовцев Д.Л. 193–198, 200
Морозова Н.Н. 7
Мосина И.Г. 7
Мукосеев 227
Мультановский П.М. 125
Муравьев Н.Н. 25, 26
Муретов 100
Муромов И.Г. 129, 131
Наврузов В.Ш. 344
Наумов Н.И. 137, 141, 156, 157, 159, 197
Невский Н. 305
Некрасов Н.А. 66, 173, 174, 243
Некрасов Н.В. 312
Некрасов И.М. 121, 310, 311, 332, 368
Некрасова 188
Некрасова Е.С. 146
Немирович-Данченко В.И. 246
Нестеровский В. 62
Нетужилов К.Е. 100
Никитин И.С. 173
Никитин Е.В. 228, 385
Никитин П.В. 362
Николаев 134
Николаев А. 77
Николаев П.Ф. 141, 260, 262, 346
Николаи 135
Николай I 26
Николай II 118, 125, 394
Нинов А.А. 330, 332
Новиков И.П. 101, 109, 110
Новиков Н.И. 263, 330
Новикова Е.Г. 156
Новомбергский Н.Я. 345
Нолькен К.С. 249, 250, 296
Ноторин К.З. 125
Оболенский 53
Обручев В.А. 224, 250, 381
Овсянников 177
Огарев Н.П. 10

Одиноков В.Г. 6
Озерский 53
Оленин Н.В. 295
Олигер Н.Ф. 238
Омулевский И.В. 189
Ордынский А. 294
Ордынцев А.К. 327
Орлов К.А. 303
Орлова Н.И. 123, 190, 369, 370
Осинин Н. 77
Осипов В. 53
Островский А.Н. 67, 173, 174
Оттыгашев Г. 111
Оуэн Роберт 372
Павловский 126
Павлоградский В. 323
Пакулеев В. 53
Парамонов Е.И. 62, 77
Пахоруков И. 62
Перельман В.М. 326
Пересвет-Салтан И.И. 340
Перов В. 327
Пестель И.Б. 69
Петр I 13, 72
Петреченко Н. 77
Петров Г. 263
Петров И.Я. 326, 327
Петухов Н.Н. 133, 151, 162, 169
Пешехонов А.В. 263
Пиксанов Н.К. 12
Пиленков Н.И. 26
Писарев Д.И. 243, 329, 371
Писарев М.Я. 138, 139
Писарев И. 227
Плеве В.К. 332
Пликова А.Н. 21
Плотников В. 104
Полевой Н.А. 22
Полонский Я.П. 260
Поляков 401
Полянский П.М. 150, 162, 182, 240
Попов А.В. 17
Попов И.И. 141
Попов М.Л. 53
Попов М.С. 287, 288, 325, 326
Попов С.С. 26
Портнов М. 411, 416
Поссе В.А. 414
Потанин Г.Н. 5, 7, 30, 31, 37, 53, 56, 57, 66, 74–78, 131, 134, 135, 137, 138, 139, 141, 146, 147, 175–177, 190, 193, 195–198, 201, 224, 238, 246, 254, 266–269, 272, 274, 278, 345, 354, 358, 374–376, 428
Потапенко 335
Потехин Н.А. 84
Прейсман Г.В. 187–190, 192, 240
Прейсман Е.А. 188
Преловский М.И. 226, 227, 228, 231, 295, 303
Прокошев П.А. 288
Проценко 122
Прутковский В. 14
Пугачев А. 150, 153
Пудовиков В.Е. 368
Пуришкевич В.М. 260
Путинцев М. 104, 112, 113
Путнин П.В. 343
Путодеев С.А. 292
Пушкин А.С. 51, 174, 330, 388, 417
Пушников Ф.Х. 188
Пыпин А.Н. 202, 204
Радищев А.Н. 263
Раевский В.Ф. 25
Разин С.Т. 16
Разумова Н.Е. 7

Рашет В.К. 53
Рейснер М.А. 238
Реклю Э. 378
Ремезов С.У. 13
Реус 190
Ровинский 197
Розин Н.Н. 250, 251, 345, 381
Романов 197, 334
Романов С.А. 256
Рошер 202
Рощевская Л.П. 6, 131
Рудаков Ф.В. 53
Румянцев П.П. 8
Русанов И. 53
Сабинин Л.Х. 188
Савинов В.И. 333
Саввинов В.Г. 333
Сагалаев А.М. 278
Салтыков-Щедрин М.Е. 174, 186, 331, 346, 377
Сапожников В.В. 235, 238, 340, 381
Сахаров А. 216, 217, 218, 219, 220
Сваровская А.С. 336
Сведенцев И.И. 141
Севастьянов В. 403
Северный Ив. 188
Седой Вл. 358
Семевский В.И. 190
Сервантес 378
Серебренников А. 216–220
Серебренников А.М. 336
Серж В. 150
Сеченов И.М. 372
Сивков 310
Сидонский А. 103
Силин А.А. 224
Симанин И.Л. 325
Симанина Л.Н. 92, 326
Синд 72
Синегуб С.С. 140, 141, 238
Синьковский Ф. 103, 111
Сиязов М. 336
Скалозубов Н. 258, 340
Скоряков Н.В. 141
Словцов П.А. 14, 15, 17–19, 197
Случевский В.К. 362
Смирнов А.Е. 288
Смоленский М. 25
Смолин В.Ф. 326, 327
Соболев Н.Н. 360
Соболев М.Н. 224, 238, 247, 248, 251, 252, 253, 272, 332, 366, 381
Соин Н.Н. 92, 190, 223
Соколов А. 383
Соколов К. 111
Соколов Н.В. 125, 224
Соколов П. 93
Соловьев М. 101
Солодовников В. 336
Спасский Г.И. 20, 22
Сперанский М.М. 45, 46, 73, 132, 246
Спешнев Н.А. 25
Станиславский А.О. 163, 188, 221
Станюкович К.М. 141, 146–150, 152, 153, 155, 159, 174, 188, 240
Стасюлевич М.М. 362
Стафилевский М. 101
Стахеев Д.И. 28
Столыпин П.А. 256, 272, 332, 407
Стрижев К.М. 229, 230
Струве П.Б. 385
Суворин А.С. 260, 280, 281, 311, 369, 394
Сулоцкий А.И. 107, 197
Сумароков А.П. 13

Сумароков П.П. 13
Сухотин 384
Сучкова С. 307
Сырокомля-Сопоцько М. 391
Сырцев И. 119
Таловский П.А. 254
Тачалов И. 345, 346, 348
Тепикин Н. 354
Терновский Н. 260
Тетмайер К. 246
Тимофеев А.М. 238
Тихманов 197
Тихонов Т.И. 342
Тобизен Г.А. 216, 238
Толкачев Н.А. 149, 155, 218, 219
Толстая С.А. 389
Толстой Д.А. 232
Толстой Л.Н. 174, 240, 260, 332, 386–424
Томашинский Г.С. 120
Трепов 332
Троицкий К.И. 225, 325, 336, 364
Трубецкой С.Н. 372
Трубин К.Г. 341
Трунин И. 13, 19
Трусов И.П. 300
Тургенев И.С. 388
Тынянов Ю. 150
Тюкалинский А.И. 240
Удонова Л.Е. 327
Успенский Г.И. 141, 155, 156, 157, 159, 174, 179, 180
Ушаков 218
Федор Кузьмич 37, 112
Федоров В.И. 224, 225, 238, 324, 325, 329
Федоров И. 53
Федоров-Омулевский И.В. 145, 158, 268
Феоктистов И. 53
Феоктистов Н. 232, 411
Филимонов Ф.Ф. 141, 188, 327
Флобер 150
Флоринский В.М. 118, 120, 179, 182, 232
Фокин И. 119
Форер 401
Фотиева Н.В. 412
Фрейман 364
Франс А. 150
Фролов П.К. 21
Фуксман 332
Фусата-Сузуки 245
Хамитов 161
Харузин 256
Харусь О.А. 8
Хейсин 348
Хирьяков (Дужан) 188
Цейнер М. 181, 336
Чадов С.Д. 238
Чайковский П.И. 335
Чеканинский А.И. 188
Челышев М. 387, 392
Чельцов М. 101
Черемных В.Ц. 325
Черепанов К.Л. 13
Черепанов С.Ф. 238
Черепахов М.С. 23
Черневич П.Л. 188
Чернышевский Н.Г. 68, 260, 372
Черняк Э.И. 7
Чертков В.Г. 389, 397, 398, 403, 414, 415
Чехов А.П. 181, 260, 274, 361
Чириков Е. 335
Чистяков П.И. 125
Чичерин В. 392
Чмыхало Б.А. 6

Чугунов 59
Чудновский С.Л. 133, 134, 140, 141, 143, 146, 175, 176
Чумаченко А. 354
Шатилов М.Б. 254, 352, 354
Шашков С.С. 25, 29, 158
Швецов С.П. 141, 159, 190, 238, 325, 376
Шебеков П. 305, 411
Шебуев Н.Г. 328
Шевцов В.В. 8
Шелгунов Н.В. 57, 69, 72, 73, 174
Шерстобитов 243
Шестакович Б.П. 141
Шестунов М.П. 26
Шиловский М.В. 7, 33
Шипицын А.Н. 190, 238, 440, 254
Шипков К.В. 287, 307
Шишко Л.Э. 141
Шишков В.Я. 260, 353, 354
Шкулев С. 141
Штевен И.В. 272
Штильке В.К. 141, 238
Штрайх С. 51
Шульгин В. 388
Шумяцкий Б.В. 6
Щапов А.П. 59, 74, 156, 336
Щеглов М. 104
Щепоткин Е.О. 65, 77
Щукин Н.С. 17, 25, 28, 29
Щукин 167, 169, 170, 177, 206, 207
Эверсман Э.А. 17
Эдисон 417
Эман К.Р. 288
Энгельс Ф. 378
Юрченко А. 41, 53
Юферев В.Ф. 341
Юшин 177
Ядринцев Н.М. 5, 7, 29–32, 56–60, 62–64, 66, 68–77, 80, 81, 86, 134–139, 141, 142, 148, 161, 180, 186, 193, 201, 206, 303, 375, 428
Якимова Л.П. 6
Яковлев С.П. 369, 370
Якушев 227
Янушкевич А.С. 6, 20, 21, 143, 144
Ярмонкин 369
Яроцкий Я. 17

ПРИЛОЖЕНИЕ

Периодические издания Томска (1857-1916 гг.)

Газеты

1. Томские губернские ведомости (1857–1917)
2. Томские епархиальные ведомости (1880–1917)
3. Известия томского городского общественного управления (1887–1889, 1903–1917)
4. Сибирская газета (1881–1888)
5. Сибирский вестник (1885–1905)
6. Вестник Сибири (1906)
7. Томский справочный листок (1894–1895)
8. Томский листок (1896–1897)
9. Сибирская жизнь (1897–1919)
10. Народные нужды (1906)
11. Сибирская мысль (1906–1907)
12. Вестник Сибирской железной дороги (1903–1905)
13. Томская торгово-промышленная газета (1905–1906)
14. Сибирский социал-демократический листок (1905)
15. Сибирские известия (1905)
16. Время (1906–1907)
17. Томский вечерний листок (1906)
18. Сибирские отголоски (1899–1910)
19. Сибирское слово (1910–1911)
20. Утро Сибири (1911–1917)
21. Голос Томска (1907)
22. Бенефисная газета (1908)
23. Голос социал-демократа (1907)
24. Сибирская правда (1908–1915)
25. Справочно-торгово-промышленный листок объявлений (1909)
26. Сибирская брачная газета (1910)
27. Брак и семья (1911)
28. Сибирия (1912)

29. Томский вестник (1912–1915)
30. Листок объявлений (1912)
31. Здоровье для всех (1913–1917)
32. Сибирский врач (1913–1917)
33. События дня (1913)
34. Белый цветок (1914)
35. Студенческий день (1915)
36. Отклики печати (1915)
37. Сибирский свет (1916–1917)

Журналы

1. Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу (1886–1912)
2. Известия Императорского Томского университета (1889–1916)
3. Труды Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете (1889–1894, 1913–1915)
4. Художественно-этнографические рисунки Сибири (1889–1891)
5. Вестник золотопромышленности и горного дела вообще (1892–1906)
6. Протоколы Томского общества естествоиспытателей и врачей (1893–1928)
7. Труды Томского отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства (1896–1917)
8. Дорожник по Сибири и Азиатской России (1899–1901)
9. Сибирский наблюдатель (1901–1905)
10.Известия Томского технологического института императора Николая II (1903–1925)
11. Горные и золотопромышленные известия (1904–1915)
12. Труды общества практических врачей Томской губернии (1904–1913)
13. Материалы по исследованию сельского и лесного хозяйства Томской губернии (1905–1909)
14. Бич (1906)
15. Бубенцы (1906–1909)
16. Ерш (1906–1907)
17. Осы (1906–1907)
18. Рабочий юморист (1906)
19. Красный смех (1906)
20. Сибирские отголоски (1906–1907)

21. Томский театрал (1906)
22. Тюрьма (1906)
23. Бухгалтер-практик (1907)
24. Врачебно-санитарная хроника г. Томска (1907–1917)
25. Негативы (1907)
26. Сибирский земледелец и садовод (1907–1911)
27. Журнал Общества сибирских инженеров (1909–1915)
28. Молодая Сибирь (1909)
29. Силуэты жизни родного города (1909)
30. Сибирская новь (1910)
31. Силуэты Сибири (1910)
32. Ежегодник Томского общества пчеловодов (1911–1915)
33. Товарищ (1911–1912)
34. Сибирское кабаре (1911–1912)
35. Труды Томского общество изучения Сибири (1911–1912, 1915)
36. Труды Томского отдела Императорского Русского технического общества (1911)
37. Известия округа путей сообщения 1912–1917
38. Материнская школа (1912, 1914)
39. Сибирское сельское хозяйство (1912–1917)
40. Временник Сибирского фотографического общества (1914)
41. Сибирский кооператор (1914)
42. Сибирский студент (1914–1916)
43. Статистико-экономические бюллетени (1915–1919)
44. Право и финансово-промышленная жизнь Сибири (1915–1919)
45. Вестник Общества сибирских инженеров (1916–1919)
46. Мысли учащихся средней школы (1916–1917)
47. Пчела и воск (1916–1917)

Научное издание

ЖИЛЯКОВА Наталья Вениаминовна

ЖУРНАЛИСТИКА ГОРОДА ТОМСКА
(XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА):
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Редактор *Н.А. Сидорова*
Компьютерная верстка *А.С. Маркушенко*

Подписано в печать 01.12.2011
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman.
Печ. л. 27,75; усл. печ. л. 25,8; уч.-изд. л. 26,4.
Тираж 500. Заказ .

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Типография ООО "Интегральный переплет",
634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1